НАПОЛЕОН

МЕМУАРЫ ЛУИ-ЖОЗЕФА МАРШАНА

Годы изгнания

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Луи-Жозеф Маршан приступил к работе у Наполеона в 1811 году в возрасте 20 лет и сразу обратил на себя внимание способностями и преданностью. Но его истинный характер проявился в Фонтенбло, во время отречения императора от престола. Маршан не только не покинул своего кумира, как сделали многие приближенные, но безоговорочно последовал за ним на Эльбу. Со временем он стал главным камердинером Наполеона, поехал с ним на Святую Елену и вел подробные и откровенные записи о своей службе вплоть до смерти императора 5 мая 1821 года. В завещании Наполеон пожаловал ему титул графа.

- Луи-Жозеф Маршан
  - Вступление
  - Луи-Жозеф Маршан
  - Книга первая
    - Часть I
      - Глава первая
      - Глава вторая
      - Глава третья
      - Глава четвертая
      - Глава пятая
      - Глава шестая
      - Глава седьмая
      - Глава восьмая
    - Часть II
      - Глава девятая
  - Книга вторая
    - Предисловие ко второй книге
    - Часть III
      - Глава десятая
      - Глава одиннадцатая
      - Глава двенадцатая
      - Глава тринадцатая
    - Часть IV
      - Глава четырнадцатая
      - Глава пятнадцатая
      - Глава шестнадцатая
    - Часть V
      - Глава семнадцатая
      - Глава восемнадцатая

        - Глава девятнадцатая
    - Часть VI
        - Глава двадцатая
        - Глава двадцать первая
        - Глава двадцать вторая
    - Часть VII
        - Глава двадцать третья
        - Глава двадцать четвертая
        - Глава двадцать пятая
    - Часть VIII
        - Глава двадцать шестая
        - Глава двадцать седьмая
        - Глава двадцать восьмая
    - Приложения
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29

- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73

- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117

- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161

- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205

- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249

- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293

- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337

- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369

Луи-Жозеф Маршан
Наполеон. Годы изгнания
Мемуары Луи-Жозефа Маршана

Вступление

После того как я потратил три года на составление книги «Наполеон: Откровенное повествование о годах верховной власти 1800–1814»[1], я принялся изучать мемуары, относящиеся к тому, что произошло после 1814 года.

Я обнаружил несколько поистине захватывающих документальных материалов, и среди них — мемуары молодого человека по имени Луи-Жозеф Маршан, который приступил к работе в окружении императора в 1811 году. Со временем Маршан стал первым (главным) камердинером императора. Он вел подробные записи о своей службе при Наполеоне вплоть до дня смерти императора. Мемуары Маршана, много лет хранившиеся в личной собственности, наконец, в 1952 году, увидели свет. Мне удалось приобрести права на первое издание этой работы на английском языке.

Маршан не пытается писать саму историю. Он пишет захватывающие воспоминания о своей деятельности на службе у императора. У этого человека с незаурядными способностями отсутствуют личные или материальные амбиции. Хотя Наполеон и уважал Маршана, он, конечно, не знал о том, какие замечательные мемуары создаст тот, описывая события после 1811 года — русскую военную кампанию, военные кампании в Германии и во Франции, Эльбу, «Сто Дней» и, наконец, — Ватерлоо и остров Св. Елены.

И все это изложено ясным и строгим стилем, практически день за днем. Хотя эти мемуары носят характер дневникового повествования, их чтение остается увлекательным. Они также сохраняют для потомков рассказы о прошедших событиях в изложении самого Наполеона.

Редко когда такой великий человек следует в своей жизни до самой могилы в сопровождении подобного друга. И как же повезло истории, что Маршан сохранил эти мемуары, написанные простым, ясным и плавным языком, наполненные многими подробностями и исправляющие ошибки авторов других мемуаров. Работа Маршана представляет собой правдивый рассказ о величии человека, свидетельство очевидца о фактах истории и их последствиях. Мемуары Маршана являются одним из важнейших исторических документов, относящихся к жизни Наполеона.

Проктор Джонс

Луи-Жозеф Маршан

Преданность Маршана императору остается вне всякого сравнения. Как говорил сам великий ссыльный, служба Маршана была «службой друга».

Луи-Жозеф-Нарцисс Маршан родился в Париже 28 марта 1791 года. Его мать, в девичестве Мари-Маргерит Броке, стала первой из трех нянек Римского короля. Она пользовалась полным доверием «гувернантки Детей Франции» госпожи де Монтескью. Ей было поручено пеленать императорского ребенка, кормить его и наблюдать за ним ночью, расположившись на стуле около его кроватки. Она одевалась, как и все камеристки императрицы, которых сам Наполеон называл «черными дамами», так как они всегда носили черные шелковые передники, в отличие от придворных дам, ведавших гардеробом императрицы, которых он называл «белыми дамами», поскольку те носили белые передники. Среди этих «белых дам» была Генриетта Маршан, дочь первой няньки и сестра верного Маршана.

Благодаря содействию своей матери и, особенно, госпожи де Монтескью, Луи Маршан поступает на службу в императорский двор в 1811 году в качестве слуги. Мы даже знаем, что по просьбе «гувернантки детей Франции» он получил от императора в 1812 году сумму в размере 4300 франков, чтобы откупиться от военной службы.

Семья Маршана происходит из хорошего и солидного французского рода. Ее родиной, так же как и различных ветвей семьи Маршана, является Бос, бывшая галльская земля карнутов[2], лежащая среди скудных и неприветливых долин. Кантон Ментенон, входящий в департамент Ёр-е-Луара, объединяет сельские общины, в которых можно обнаружить следы предков компаньона императора в его изгнании: сначала в Анше, в цветущей долине реки Друетт, и далее к востоку, недалеко от Галлардона, в общинах Имерей и Монлуе, в очаровательной долине реки Вуаз.

Интересные детали: Евфрасия, внучка Анны-Брижитт Маршан, которая была теткой будущего графа Маршана, вышла замуж за Жана-Батиста Пенлеве, деда Поля Пенлеве, знаменитого ученого и государственного деятеля, чей прах покоится в Пантеоне. Кроме того, г-жа Поль Пенлеве, урожденная Пти де Вильнёв, имела тетку, которая, через Брокетов, приходилась внучатой племянницей матери Луи Маршана.

Сразу же после поступления на службу к Наполеону Луи Маршан принял участие в поездке императора и императрицы по

Голландии. Тогда ему только исполнилось 20 лет. Он сразу же обратил на себя внимание своими способностями и преданностью императору. Но его истинный характер ярко проявился главным образом в Фонтенбло, в 1814 году, во время отречения Наполеона от престола. Констан, первый камердинер, и мамелюк Рустам сбежали, как трусы, бросив в беде своего хозяина. Тогда вместо Констана гофмаршал выбрал Маршана. В то время как его мать сопровождала Римского короля с гувернанткой в Вену, Маршан последовал за императором на Эльбу. Полный рвения, умный, чуткий и скромный, он вскоре завоевал доверие императора, у которого никогда не возникало повода, чтобы пожалеть об этом.

Вернувшись во Францию в период «Ста Дней», он не дал внезапному повороту судьбы вскружить ему голову. В Париже, как и в Портоферрайо, он остался верен себе. После Ватерлоо, на борту «Беллерофонта» и «Нортумберлэнда», а также во время всего тягостного и трудного времени ссылки он проявил себя таким же вежливым, полным усердия, деятельным и внимательным, каким был в Тюильри и в Елисейском дворце. В то время, когда невзгоды и ренегатство привели к массовому дезертирству придворных, Маршан старался, как только мог, помогать Наполеону переносить неприятности и облегчать его тяжёлые переживания. Он был человеком большой души в полном значении этого слова. Оставаясь постоянным свидетелем мучений и страданий великого человека, он в первую очередь стремился если не излечить неизлечимую рану, то, по крайней мере, облегчить, — прибегая к попыткам как-то отвлечь внимание, чем-нибудь занять и развеять, — тяжелое состояние сверхчеловеческого интеллекта, неожиданно поставленного в условия праздного времяпровождения и приговоренного к медленному самоуничтожению. Беседы, чтение, диктовка — все это, по собственным словам Наполеона, было подобно цветам, разбросанным на пути к могиле. Провоцирование этих занятий, их стимулирование, даже подстрекательство к ним — все это были те многочисленные способы, с помощью которых Маршан стремился вывести Наполеона из состояния меланхолии и мрачных размышлений, сократить долгие и невыносимые часы его заточения.

Маршан принимал участие в занятиях Наполеона историей и литературой: «Краткое изложение войн Юлия Цезаря» было целиком написано рукой Маршана под диктовку Наполеона, так же как и другие работы, опубликованные в 1836 году.

На своем смертном одре император пожаловал Маршану титул графа и назначил его своим душеприказчиком: тем самым он представил доказательство высочайшего уважения к верному

компаньону всех его лет невзгод и несчастий.

Наполеон посоветовал Маршану и даже приказал ему жениться, по возвращении во Францию, на дочери генерала, который отличился во время войн императора. Маршан исполнил это пожелание. 15 ноября 1823 года он повенчался с мадемуазель Матильдой Браейр, дочерью генерала Брайера, того самого человека, который возглавлял поход Наполеона на Париж в марте 1815 года и затем блестяще командовал гвардейской дивизией.

Передо мной лежат несколько писем с поздравлениями по этому поводу, направленных ему членами императорской семьи; все эти письма остаются неопубликованными.

Вот письмо от принца Евгения, отправленное из Мюнхена 11 декабря 1823 года: «Я целиком поддерживаю этот брачный союз, — писал он, — и желаю, чтобы он способствовал Вашему счастью. Принцесса также просила меня заверить Вас в том, что она искренне разделяет мои чувства в этом отношении».

Супруга короля Жозефа, королева Юлия, позднее графиня де Сюрвильер, написала из Брюсселя 29 ноября 1823 года: «Я с большим удовлетворением узнала о Вашем браке и о том, что Вы выполнили пожелание императора сочетаться браком с дочерью одного из его храбрых генералов. Я поздравляю Вас с этим и в глубине души надеюсь, что в этом союзе, который делает честь Вашим чувствам, Вы обретете счастье. Прошу поверить, что я всегда буду относиться с особым интересом к тому, кто проявил такую трогательную преданность человеку, по которому мы будем всегда скорбить. Прошу Вас никогда не сомневаться в моем особом к Вам уважении». Сам король Жозеф через несколько месяцев присоединился к пожеланиям своей супруги; он писал 31 мая 1824 года из Соединенных Штатов: «Я достаточно хорошо знаю генерал-лейтенанта Брайера, и мне очень приятно, что его дочь стала Вашей невестой; у меня нет сомнений в том, что она найдет счастье с Вами, чья преданность и благородные чувства впредь послужат примером для великодушных сердец. Прошу не сомневаться в том, что я всегда буду испытывать искреннее удовлетворение, получая от Вас известия. Выражаю Вам свою привязанность и свое уважение».

Принцесса Полина Боргезе выразила те же самые чувства в письме из Рима от 22 декабря 1823 года. «Мне будет всегда доставлять большое удовольствие, — писала она, — все, что сможет оказаться для Вас благоприятным и что сможет принести Вам счастье. Я очень надеюсь, что обстоятельства позволят Вам приехать в Италию, с тем чтобы я смогла лично выразить уважение, которое я испытываю по отношению к Вам, а также встретить вашу супругу». А вот письмо от принца Канино,

Люсьена Бонапарта, адресованное графу Маршану 23 декабря 1823 года: «Дорогой граф Маршан, я получил Ваше письмо от 18 ноября, из которого я с большим интересом, всегда проявляемым по отношению к Вам, узнал о Вашем браке. Прошу передать графине Маршан мои пожелания счастья. Если на этой земле кто-то и должен быть счастлив, то это именно Вы. Прошу верить в искренность чувств, которые Вы заслужили всей Вашей жизнью».

Наконец, небольшое письмо от кардинала Феша из Рима от 10 января 1824 года: «Я получил, — писал он, — известие о Вашем браке с дочерью генерал-лейтенанта Брайера и о том, что Вы выполнили последнее желание императора. Это двойное благое дело доставило мне громадное удовлетворение. Прошу поверить мне, что я никогда не перестану молить Бога, чтобы он, благословляя ваш брак, сделал его воистину счастливым.

Большая часть моей семьи, находящаяся в Риме, с радостью восприняла доброе известие, и мы все уверены, что Вы создадите счастливую супружескую пару. Мы также надеемся, что более благоприятные времена позволят вам приехать и повидаться с нами».

Феликс Баккьочи, супруг принцессы Элизы, выражает свои чувства такими же словами в письме от 28 декабря 1823 года: «Граф Маршан, я могу только аплодировать Вашему выбору, который выполняет волю императора и также обещает Вам счастье, которое Вы заслуживаете по многим причинам».

Я воспроизвел предыдущие выдержки, взятые из неопубликованных писем, честно хранившихся Маршаном, чтобы — используя даты и пункты отправления, — напомнить о рассредоточении семейства Бонапартов после падения империи. Чувства, выраженные в них, единодушны и не являются следствием ранней договоренности. К нему без колебаний обращаются как к графу, хотя этот титул Наполеон пожаловал ему лишь гипотетически, исходя из нравственных принципов, и лишь позднее Наполеон III подтвердил его официальными документами. В этом отношении не должно оставаться каких-либо сомнений, и мы можем только процитировать следующую выдержку из неопубликованного письма Луи Бонапарта, бывшего короля Голландии, а затем герцога Сен-Ле, который писал Маршану из Рима 2 августа 1823 года: «Я пользуюсь этой возможностью, чтобы выразить чувства уважения и благодарности каждого члена моей семьи за верную службу у главы нашей семьи и монарха, на которой Вы находились с одинаковым мужеством и постоянством. Вы более не чужой для всех нас. Мы считаем Вас достойным и старым другом. Великодушная награда, пожалованная Вам императором, достойна и его и Ваших чувств и

может только быть одобрена теми, кто обладает чувствительным французским сердцем».

В результате брака Луи Маршана и Матильды Брайер родилась дочь Мальвина, которая вышла замуж за г-на Демазиера, аудитора Государственного совета. Их сын, г-н Демазиер, был последним наследником Маршана, он скончался, не оставив потомства.

Перед тем как покинуть остров Святой Елены 27 мая 1821 года — через восемнадцать дней после похорон императора, — Маршан пришел один в незатейливую долину, усыпанную кустарниками мирта и диких роз, впоследствии названную «Долиной Гераней», которая под безымянной плитой дала пристанище могиле великого ссыльного. Переполненный чувством скорби, Маршан встал на колени. В последний раз он поцеловал каменную плиту, скрывавшую человека, которого он так любил и которому так верно служил. Он сорвал маленький цветок и вложил его в свою записную книжку. Затем, бросив последний взгляд — взгляд, полный эмоций и силы, которым он хотел проникнуть через каменную плиту к императору, — вновь оседлал коня и вернулся в город. В тот же самый вечер он, вместе с другими ссыльными, отплыл на корабле «Кэмел» в Европу.

Было вполне естественно, что человек, столь преданный императору, должен был сопровождать в 1840 году гроб с останками Наполеона во Францию, к месту их окончательного захоронения в Доме инвалидов. Вместе с Бертраном Маршан был поставлен в первый ряд экспедиции, которая под командованием принца Жуанвильского привезла императорские останки во Францию. Но Маршан не плыл на корабле «Белль-Пуль»; его посадили на борт корабля «Фаворит», входившего в ту же морскую эскадру.

После возвращения останков императора, так же как и в годы, предшествовавшие этому, Маршан вел скромную и спокойную жизнь в Париже, где его радостно встречали все те, кто преклонялся перед императором.

Среди тех, кто был близок супружеской чете Маршанов, мы должны упомянуть Валери Масюйер, чьи замечательные «Мемуары» были мною опубликованы.

Крестница императрицы Жозефины, она, став последней фрейлиной королевы Гортензии, разделяла с ней годы ее ссылки, проявив по отношению к ней чувства удивительной верности и привязанности. Она была очаровательной женщиной, и сердцем и душой. Достаточно упомянуть лишь один случай, чтобы описать ее. Когда она была уже готова покинуть замок Арененберг после кончины королевы, принц Луи, будущий Наполеон III, спросил ее,

чем она намерена заниматься. С заметным волнением в голосе она ответила: «Помнить!» Она уединилась в Париже и жила там вместе со своей подругой Жозефиной де Форже[3], внучатой племянницей императрицы Жозефины. 15 декабря 1840 года она из окна дома на улице Елисейских Полей наблюдала за проезжавшим похоронным кортежем Наполеона. На следующий день, 16 декабря, она написала своей тетке, графине д'Эсдуар, письмо, которое заканчивает такими словами: «Этот прекрасный день завершился прекрасным вечером: к обеду пришел г-н Маршан в сопровождении отца Кокро, который доставил мне удовольствие тем, что заявил, что он больше гордится честью привезти обратно останки императора, чем возможностью получить сан кардинала! Мы оставались вместе вчетвером на улице дю Колизе, словно отгородились от всего в уединении». И затем она незабываемым образом отдает должное Маршану: «Мы вспомнили, — пишет она, — последние слова моего дяди: "Дети мои, продолжайте верно и спокойно служить Бонапартам, ради единственного удовлетворения от того, что вы делаете это"».

Разве не является г-н Маршан живым примером этого? Этот исключительный человек захотел подарить мне новые и драгоценные сувениры на память об императоре, среди них несколько его волос, которые Маршан срезал с его головы после его кончины. Я попрошу Жозефину де Форже, чтобы она во время своего следующего посещения Ама[4] рассказала принцу от моего имени о всем том хорошем, чего заслуживает этот замечательный человек, чья чрезмерная скромность такова, что просто выводит меня из себя».

Представляется, что Маршан, в соответствии с этим письмом, не был, следовательно, полностью понят Луи-Наполеоном и его окружением. И действительно, Валери Масюйер сама возвращается к этой теме в другом письме, отправленном ею принцу Луи 8 января 1841 года. Вот отрывок из этого письма: «Посвятить себя делу тех, кого император оставил нам, и является той единственной наградой, которой я добиваюсь», — вот что сказал мне г-н Маршан несколько дней назад, вернувшись с острова Святой Елены. И мое сердце повторяет эти слова Вам одновременно с его словами. Разрешите мне сказать Вам несколько слов об этом замечательном человеке. Правда ли то, что некоторые люди пытались унизить его в Ваших глазах? Я не знаю этого, да и не хочу знать, но я чувствую, что это мой долг по отношению к Вам — так же как и в отношении этого друга, который так дорог для нас, для моей семьи и для меня, — напомнить Вам следующие слова Вашей любимой матушки: «Семья Маршанов и семья Броке должны быть занесены в золотую

книгу памяти императора». От себя я еще добавлю имя семьи Брайеров[5], будучи свидетельницей, как и мой отец, их чувств бескорыстной преданности. Отсюда я могу слышать, мой дорогой принц, как вы возражаете, заявляя, что, мол, Валери, как всегда, спешит трубить в трубу. Это меня не трогает. Как бы мне хотелось, чтобы мне была оказана честь услышать это от Вашего дяди так же, как от Вас! С этим великим воскрешением в памяти я оставлю Вас, мой дорогой принц; после того, как я вновь заверяю Вас в вечной преданности семьи Масюйеров и семьи Эсдуаров, я прошу разрешения поцеловать Вас, как всегда, в память о моей королеве».

Вмешательство Валери Масюйер не было бесплодным. Предубеждение в отношении Маршана исчезло. Душеприказчик Наполеона I регулярно принимался в Тюильри во время Второй империи. Наполеон III настоял на подтверждении графского титула Маршана. Он также наградил его орденом Почетного Легиона. Я специально представил на обозрение в Мальмезоне, в маленькой комнате на втором этаже, отведенной для выставки экспонатов, посвященных Маршану, документы, официально подтверждающие эти решения.

Дополнительно ко всему сказанному уместно вспомнить, что именно Маршан представил на рассмотрение Наполеону III статью, продиктованную Наполеоном I. Эта статья гласит: «Если перемена судьбы восстановит моего сына на троне, то моим душеприказчикам вменяется в обязанность обратить внимание на то, что я задолжал моим старым офицерам и солдатам, а также моим верным слугам». В действительности бенефициарии завещания Наполеона I не получили в полном объеме свои завещательные отказы. Бенефициарии дополнительных распоряжений к завещанию вообще ничего не получили. Наполеон III с пониманием воспринял представленную ему Маршаном документацию, и 5 мая 1855 года императорский декрет потребовал исполнения последних пожеланий Наполеона I.

Во время крушения Второй империи Маршан оставался верным Наполеону III в той же мере, в какой он был верен его дяде. Я нахожу доказательство этому в неопубликованном письме Наполеона III, направленном им Маршалу из Кэмпдена Плейс, Чизльхерст, 10 сентября 1872 года: «Мой дорогой граф Маршан, я глубоко тронут теми теплыми и любящими словами, которые Вы написали мне по случаю 15 августа. Всякий раз, когда я получаю доказательство Вашей неизменной любви, я чувствую себя ближе к тому славному времени, свидетелем которого Вы были и живым напоминанием которого Вы являетесь. Прошу верить, мой

дорогой граф Маршан, моим чувствам дружбы».

Маршан, ставший свидетелем двух великих катастроф Империи, Ватерлоо и Седан, скончался в Трувиле 19 июня 1876 года в окружении тех, кто был дорог ему, в своем доме на улице де ла Каве. Ему было 85 лет. Его похороны состоялись в Париже, где он постоянно жил.

Жизнь Маршана, помимо того, о чем он свидетельствует в «Мемуарах», не вызывает необходимости подробного ее обсуждения. Но его обаятельная личность сохранится как замечательный пример величия в царстве верности, справедливости и ревностного служения.

Жан Бургиньон

Книга первая

Часть I
Первые годы Маршана на императорской службе

Глава первая

Поступление на императорскую службу — Поездки в Дрезден и в Голландию — Русская кампания и заговор Мале — Кампания 1813 года в Саксонии

В 1811 году из семей, обслуживавших лично императора, были отобраны двенадцать молодых людей для работы в качестве швейцаров и привратников в апартаментах императора. Моя мать, входившая в состав обслуживающего персонала Римского короля в качестве его главной няньки, обратилась к обер-камергеру императорского двора графу де Монтескью[6] с просьбой оказать мне честь, включив меня в число этих двенадцати молодых людей. Ее просьба была удовлетворена.

В то время император, достигший пика своей славы, чувствовал себя счастливым. У него только что родился сын[7], и это знаменовало для Наполеона осуществление всех его честолюбивых замыслов. Он лелеял мечту оградить трон сына от опасностей, которые ежедневно угрожали его собственной власти.

Императорский двор со всеми следовавшими друг за другом празднествами — балами, театральными представлениями, охотой — поистине оставлял блестящее впечатление. Прежняя дворянская знать стремилась добиться чести стать приближенной к императорскому двору, быть принятой на работу в составе императорского обслуживающего персонала, служить в государственной администрации или в армии. Это ее стремление находило благожелательный отклик. Император использовал свою власть, чтобы оказывать честь представителям старой аристократии, награждая их титулами и назначая на высокие должности. Новая дворянская знать не без ревности наблюдала за всем этим, но она знала императора по военным кампаниям и, следовательно, понимала, что в армии вознаграждают только за истинные заслуги. Император считал, что именно в боевых условиях, под воинскими знаменами, сознание долга перед страной и собственной чести, проявление героизма и величия должны привести к слиянию в одно целое старой и новой аристократии, к объединению всех противостоящих сторон. Император своевременно появился на политической арене

страны, но также во многом опередил свою эпоху: он безотлагательно навел в стране порядок вместо существовавшей анархии, справившись со всеми бедствиями, которые принесла с собой революция.

Король Луи только что отрекся от престола короля Голландии[8], действуя вопреки желаниям императора, но в интересах своего народа, о страданиях которого он знал не понаслышке. Император решил совершить поездку в Голландию. Через некоторое время после этого императорский двор отправился в Компьень. И уже из этой резиденции Их Величества выехали в королевство, которое император только что присоединил к Франции.

Так как император разъезжал по стране, то он договорился встретиться с императрицей в Антверпене. Императрица вместе со своей свитой направилась в замок Лаекен[9], оставив Римского короля на попечении графини де Монтескью. Когда императрица прибыла в Лаекен, она совершила несколько экскурсий в окрестностях Брюсселя, посетив театр в Брюсселе и местные фабрики. По предложению императора она закупила значительное количество кружев для того, чтобы дать новый импульс работе переживавших тяжелые времена фабрик по производству кружев. Где бы она ни появлялась, ей оказывали самый сердечный прием[10].

Тем временем император объезжал все северное побережье от Булони до Флиссингена, где отдал распоряжение о начале некоторых строительных работ. Он был вынужден задержаться на борту корабля из-за ураганного ветра, а несколько человек из его свиты, находившиеся на борту небольших кораблей, подверглись немалой опасности[11].

Императрица, покинув замок Лаекен, присоединилась к императору в Антверпене; Их Величества оставались в этом городе несколько дней, посещая общественные учреждения и присутствуя на празднествах, которые устраивались в их честь. Они покинули Антверпен после того, как были свидетелями спуска на воду реки Шельда[12] судна, построенного на местной верфи.

Император покинул город, дав императрице возможность проследовать без него в Горкюм, где он позднее присоединился к ней[13]. В этом городе император, несмотря на сильный дождь, провел смотр различным подразделениям вооруженных сил, находившимся в боевой готовности под командованием маршала Удино. Когда император вернулся в свою резиденцию после смотра, он, хотя и сильно промок под дождем, сразу же дал аудиенцию городским официальным лицам. Губернатор

королевства Голландия, архиказначей Лебрен[14], герцог Плезанса, прибыл в город, чтобы приветствовать Их Величества.

Из Горкюма император и императрица через Воркюм[15] проследовали в Амстердам.

Их въезд в Амстердам был отмечен особой торжественностью[16]. Императрица ехала в окружении конного почетного караула в карете с большими застекленными окнами. Император ехал верхом на коне в сопровождении офицеров генерального штаба в блестящих парадных мундирах. Его горячо приветствовали чуть ли не все жители города. Городская знать, торговцы и многие другие собравшиеся на улицах люди были приятно удивлены тем, как император попросту обращался к каждому человеку, проявляя полную осведомленность об интересах жителей города, озабоченность их нуждами и демонстрируя такое знание деталей их жизни, которое производило на них особенно благоприятное впечатление.

Все время, пока император и императрица оставались в Амстердаме, они посвятили только приемам и экскурсиям. В отсутствие императора, который поехал на остров Тексел[17], императрица посетила деревню Броек[18]. По тем деревенским улицам, покрытие которых напоминало мозаику, каретам не разрешалось проезжать. Исключение было сделано для Ее Величества, которую подвезли к дому мэра; в доме ей показали дверь, которую открывали только по случаю крестин, свадеб или смерти обитателей дома. Император также ездил в Саардам[19], где жил Петр Великий, когда изучал кораблестроение.

Во время этой поездки император и императрица провели один день на яхте. Император подошел к рулевому яхты и, расспрашивая его, между прочим задал вопрос, принадлежит ли ему эта яхта. «Совсем нет, — ответил рулевой, — если бы она была моей, то я бы считал себя очень счастливым человеком».

«Ну что ж, я дарю ее тебе», — заявил император рулевому. Тот отреагировал на заявление императора скептической улыбкой, не понимая, каким это образом император может дать ему что-то, не принадлежащее ему, и поэтому не поблагодарил императора за подарок. Но когда в тот же вечер маршал Дюрок вызвал к себе рулевого яхты и вручил ему документ, удостоверяющий его право на владение, и расписку бывшего владельца яхты в получении за нее денежной компенсации, «радость этого человека, — сообщил мне Дюрок, — была такой, что, казалось, он находится вне себя. Его радость была тем более безграничной, поскольку поначалу он считал, что я просто подшучивал над ним». Император сказал, что яхта обошлась ему в 6000 франков. Таким образом, счастливая судьба рулевого была

устроена за не очень дорогую цену.

Император много раз поступал подобным образом. Как он имел обыкновение говорить, нельзя, чтобы монарх ограничивал себя в совершении таких поступков. Люди, для которых он делает подобные вещи, становятся более преданными ему; они особенно ценят это в тот момент, когда на них обрушивается несчастье. Им также следует оказывать помощь именно тогда, когда они будут считать, что их спасение ниспослано провидением.

Вся поездка проходила блестяще. Из Парижа в Амстердам специально приезжали французские актеры, чтобы давать представления. Жители этого города скучали по королю Луи, но это не мешало им проявлять энтузиазм, где бы ни появлялся император. Из Амстердама Их Величества проследовали через Харлем в Гаагу, где они посетили порт и общественные центры, занимавшиеся социальной и образовательной деятельностью. Когда император отправился в новую поездку по стране[20], императрица поехала в замок Лоо[21], где позднее император присоединился к ней. Затем Их Величества отбыли в Неймеген и Дюссельдорф и, переправившись через Рейн, прибыли в Кельн, где в их честь были устроены празднества. Представители всех городских гильдий, несшие флаги со знаками отличия их профессий, прошествовали под окнами императрицы, провозглашая здравицы в честь императора и императрицы Марии Луизы. Все улицы были разукрашены гирляндами, с балконов и с окон домов свисали гобелены, зеленые ветки для украшения и связки букетов цветов. Покинув Кельн[22], Их Величества проследовали в Динан. Ночью поднялся настолько сильный ветер, что был снесен понтонный мост на реке Маас. Император хотел переправиться через реку, но местные лодочники сказали, что река слишком разошлась и переправиться через нее в ближайшие два или три дня будет невозможно. Император знал, что в местном гарнизоне содержатся пленные английские моряки. Он приказал, чтобы к нему привели наиболее смекалистых и сильных. Уровень воды в реке постоянно поднимался, а течение было быстрым и опасным. Император спросил моряков, смогут ли они соединить лодки настолько плотно, чтобы позволить всему его сопровождению переправиться через реку Маас. Моряки ответили, что это возможно, но рискованно. Его Величество сказал им, чтобы они немедленно принялись за работу. Погода стояла холодная, и по приказу императора было в избытке приготовлено горячее вино. Через несколько часов моряки соорудили из лодок паром, на котором сначала император, императрица и их свита переправились через реку. Прежде чем солнце взошло, переправилось все

сопровождение императора. Каждому моряку император приказал выдать полный набор одежды, денежное вознаграждение, а также распорядился освободить их из плена, обеспечив возвращение в Англию. Всего было сорок английских моряков. 11 ноября их величества прибыли в Сен-Клу, воссоединившись с Римским королем.

Отношения между Францией и Россией серьезно осложнились из-за военной оккупации герцогства Ольденбургского по приказу императора князем Экмюльским (Даву)[23].

Независимо от того, в какой степени была оправданна оккупация, вызванная тем, что герцогство это служило каналом для переправки громадного количества английских товаров в Европу, независимо от того, насколько сильно страдала от этого континентальная блокада, введенная императором и признанная Россией, император, тем не менее, считал, что вторжение его войск в герцогство означает акт пренебрежения к персоне герцогини Ольденбургской, происходившей из русской императорской семьи. Он собирался осудить акцию, предпринятую его маршалом, и вывести французские войска из герцогства, когда из Санкт-Петербургского кабинета была получена угрожающая нота: в ней содержалось требование о немедленной эвакуации французских войск и об объявлении Данцига вольным городом в качестве компенсации за оккупацию побережья герцогства Ольденбургского. Эта нота бросила вызов чести Франции, разрушила состояние гармонии, существовавшее между двумя державами, и вынудила императора поддержать позицию князя Экмюльского (Даву), занятую им в отношении герцогства Ольденбургского.

Император, озабоченный сгущавшимися тучами на политическом горизонте, хотел отвлечь внимание императрицы от возникших в связи с этим неприятностей, развлекая ее и молодых придворных дам более частым проведением приемов и балов. Самый блестящий костюмированный бал был дан в помещении театра дворца Тюильри: главным танцем была кадриль, и ее репетиции проводились за несколько дней до бала в сооруженном для этой цели небольшом театре в апартаментах императрицы. В этой затее приняли участие две сестры императора, обе необыкновенно очаровательные. Принцесса Полина появилась в костюме, символизировавшем Францию. Принцесса являла собой идеал красоты, которую выгодно подчеркивал восхитительный костюм. Облачившись в белую тунику, она прикрыла грудь легким нагрудником, усыпанным золотыми чешуйками; ее голову увенчивал легкий шлем из

полированного золота, а на шлеме развевалось несколько белых перьев; со шнурованными туфельками на ногах и с полукопьем в руке она представляла собой на редкость очаровательное зрелище.

Наряд Неаполитанской королевы символизировал Италию: на королеве сверкало красное платье, отделанное золотой вышивкой. Так как она не была столь высокого роста, как принцесса Полина, то ее превосходный богатый костюм казался несколько тяжеловатым, но также производил сильнейшее впечатление. В кадрили обратили на себя внимание самые очаровательные дамы императорского двора. Графиня Ле Гран, баронесса де Мегриньи и другие такие же красивые дамы появились в костюмах, символизировавших часы. Они следовали за генералом Шарлем де Лагранжей[24], облаченным в маскарадный костюм, символизировавший солнце.

Император всегда считал, что для возрождения Европы необходим повсеместный мир. Когда он был Первым консулом, его главной целью было достижение мира. Он часто говорил, что его нельзя обвинять в нарушении Амьенского мирного договора. Став императором, он продолжал неустанно добиваться мира, о чем всем было хорошо известно. После битв при Аустерлице, Фридланде, Ваграме и даже до переправы французских войск через Неман он не упускал случая, чтобы вновь и вновь предлагать мир Англии. Его амбиции не заходили столь далеко, чтобы отобрать скипетр владычицы морей из рук Англии, но он хотел, чтобы французские корабли пользовались уважением на морских просторах и французский флаг на их мачтах служил им защитой. Поэтому император принимал участие только в тех войнах, которые развязывались против Франции.

Прежде чем покинуть Париж, чтобы совершить великие военные походы, император провел несколько совещаний по проблеме продовольствия с целью обеспечения Парижа продуктами питания. В течение последних двух лет урожай в стране был плохим. Прогнозы на урожай в предстоящем году также не предвещали ничего хорошего[25]. До отъезда он отдал исчерпывающие и строгие распоряжения о том, чтобы склады, хранившие запасы продовольствия, были заполнены, чтобы в Париже были установлены умеренные цены для рабочих, о которых он особенно заботился. Он знал, что богатые всегда сумеют ухитриться закупить для себя необходимые продукты, независимо от того, как высоко взлетят цены. Император знал, к чему может привести нехватка продовольствия в Париже: народ, когда он голоден, можно подтолкнуть к любым общественным беспорядкам, а именно этого император хотел избежать во время

своего отсутствия во Франции.

Сконструировав механизм управления страной, с помощью которого должен был действовать его государственный административный аппарат, император с императрицей весной 1812 года выехали из Сен-Клу в Дрезден, вновь оставив своего сына на попечении графини де Монтескью, которой они безгранично доверяли, и вполне заслуженно. Хорошо известно, что император, когда вручал ей своего сына, заметил: «Мадам, я доверяю вам судьбу Франции; позаботьтесь о том, чтобы он стал хорошим гражданином и хорошим христианином». Эти слова были сказаны женщине, чьи добросовестность и благочестие были хорошо известны.

Каждое утро графиня де Монтескью, в соответствии с заведенным обычаем, приносила Римского короля к императору во время завтрака. Тот брал сына на руки и усаживал его на колени. Император получал удовольствие, играя с сыном и даже поддразнивая его. Однажды утром он, играя с ребенком, держал его маленькую ручку в своей руке; взглянув на госпожу де Монтескью, он спросил: «Мадам, когда с вашей помощью эта рука станет способной держать стоящую саблю?»

«Сир, прежде чем научить его творить зло, мы должны научить его делать добро».

«Это ответ умной женщины», — согласился император. Через два дня после отъезда, из Сен-Клу[26] император и императрица прибыли в Майнц, где они остановились, приняв в качестве гостей великого герцога Гессенского и великую герцогиню Дармштадтскую[27].

Из Майнца они отправились во Франкфурт, чтобы встретиться с князем-примасом[28], а затем в Дрезден. Их с почетом встречали германские князья, по территориям княжеств которых они проезжали, следуя в Дрезден.

В Дрездене некоторые монархи оставались в течение целого месяца: туда прибыл император Австрии вместе с императрицей. Как говорили, она держалась на расстоянии от императрицы Марии Луизы, своей падчерицы, и относилась с предубеждением к императору Наполеону, который в связи с этим вел себя по отношению к ней с постоянной подчеркнутой галантностью. В Дрезден прибыли эрцгерцоги Австрии, а также король Пруссии с королевским принцем, своим сыном. Последний попросил разрешения императора сопровождать его в качестве адъютанта. Во время этой поездки в Дрезден императрица Мария Луиза на всех приемах и балах продемонстрировала исключительную роскошь своих нарядов. Благодаря элегантности и блеску бриллиантов она затмила свою мачеху, имевшую весьма

привлекательную внешность, но униженную из-за светского успеха собственной падчерицы.

Гостями доброго и честного короля Саксонии стали прибывшие в Дрезден королева Вестфалии и многие князья Рейнской Конфедерации. Император был подобно Агамемнону, мифическому царю Аргоса, среди всех этих монархов и властителей, которые не прекращали демонстрировать свою дружбу с ним. Это был пик его императорской славы. Оставалось совсем немного времени до того часа, когда случится неслыханная перемена в его положении. Все монархи покинули Дрезден, внешне демонстрируя полное согласие друг с другом.

Хотя император мало рассчитывал на Пруссию, которую он покидал, тем не менее он не сомневался в честности императора Австрии, своего тестя, и отправился в Россию, окрыленный оказанным ему доверием и данными ему обещаниями, которые будут забыты после первого же проигранного сражения.

Попрощавшись с королем Саксонии[29] и с принцами его семьи, император покинул Дрезден 29 мая; через несколько дней императрица также выехала из Дрездена. Она отправилась в Прагу, чтобы побыть там вместе со своей семьей, с которой и провела целый месяц, с удовольствием погрузившись в атмосферу развлечений, приемов и балов. Граф фон Нейперг[30] был прикомандирован к обслуживающему персоналу императрицы в качестве ее почетного эскорта. В служебном помещении он несколько раз говорил мне о своем обожании императрицы и рассказывал об участии в итальянских кампаниях, во время которых он потерял глаз. Тогда я и представить себе не мог — учитывая его почтительное отношение к императрице, пожилой возраст, да еще черную повязку на глазу, обезобразившую его лицо, — то пагубное влияние, которое он через несколько лет окажет на судьбу молодой императрицы, этой, несомненно, на редкость высоконравственной женщины. Граф фон Нейперг был весьма остроумным человеком, обладал прекрасной фигурой, отмеченной несравненным изяществом, и рыцарским характером.

На пути следования в Прагу императрицу приветствовали и гражданские, и военные власти; повсюду на ее пути воздвигались триумфальные арки, и местное население выражало огромную радость, увидев вновь юную эрцгерцогиню, ставшую, по их мнению, жертвой политики. Многочисленный кавалерийский эскорт сопровождал ее въезд в Прагу под звуки пушечной канонады и трезвон колоколов; когда она проезжала по городу, собравшиеся на улицах представители религиозных конфессий и купеческих гильдий шумно приветствовали императрицу, выкрикивая: «Да здравствует императрица Мария Луиза!»[31].

На всех празднествах ее величеству отводилось самое почетное место. Во время больших гала-представлений ее камергерша, госпожа де Монтескью, прислуживала ей за столом. В этом ей помогали два пажа, в распоряжении которых были еще двое слуг, подносивших блюда для императрицы. Подобная процедура обслуживания предусматривалась и для императора Австрии.

1 июля императрица попрощалась с членами своей семьи и в сопровождении императора Австрии отправилась в Карлсбад. После нескольких дней, проведенных в этом небольшом городе, она, попрощавшись с отцом, выехала во Францию, остановившись по пути туда недалеко от Меца в доме графа де Панжа[32], ее камергера, где она провела ночь.

И доме графа ей был оказан чрезвычайно радушный, прекрасно организованный прием. В память о своем пребывании в этом доме она оставила для гостеприимных хозяев в гостевой книге, хранящейся в библиотеке дома, благодарственную запись, полную добрых слов. Проведя ночь в Шалоне, она 18 июля прибыла в Сен-Клу, где воссоединилась с сыном.

Прибыв в Польшу, император все еще надеялся, что мир будет сохранен. Он с нетерпением ожидал успешного результата миссии графа де Нарбона[33] в Вильну, но она оказалась неудачной. 24 июня французская армия переправилась через Неман.

В то время когда император во главе своей армии входил в Москву, генерал Мале[34] пытался вновь разжечь потухшие костры старых заговоров, полагаясь больше на собственную наглость, чем на имевшиеся в его распоряжении средства или на уверенность в конечном успехе. Содержавшийся под наблюдением в медицинском заведении, он сумел привлечь на свою сторону нескольких офицеров из числа резервистов и столичной гвардии. В три часа утра 19 октября[35] эти офицеры вывели свои отряды на улицу и принудили их овладеть заставами Парижа. Действуя с потрясающей наглостью, генерал Мале освободил из тюрьмы нескольких малоизвестных заговорщиков, не имевших никаких связей, и взял под стражу министра и префекта полиции[36], одновременно объявив о смерти императора и о формировании нового правительства. Этот преступный заговор с целью свержения правительства был в корне пресечен благодаря присутствию духа и хладнокровию генерала Лаборда. Практическая реализация заговора продолжалась всего лишь несколько часов и совершенно не повлияла на обстановку в Париже. Но если бы заговор, получив развитие, продлился еще 12 часов, то он бы скомпрометировал намного большее количество

людей.

Префект Сены граф Фрошо[37] стал жертвой собственного легковерия во всей этой любительской затее. Вернувшись в Париж, император уволил его, упрекнув в том, что тот забыл, что во Франции король никогда не умирает. Король умер, да здравствует король! Несколько друзей этого функционера безуспешно пытались смирить гнев императора. «Как вы смеете, — заявил им император, — обращаться ко мне с просьбой о защите человека, который при первом же слухе о моей смерти, следуя приказам неизвестной личности, готовит зал заседаний городской мэрии, чтобы официально ввести в должность новое правительство, вместо того чтобы поспешить встретиться с моей женой и моим сыном? Это ли должное поведение префекта Парижа? Его имя при мне не упоминайте!»

Когда военный трибунал судил командиров молодых солдат, генерал Мале защищал их. Он проявил большое мужество и во время суда, и во время исполнения смертного приговора, вынесенного ему военным трибуналом. Императрица находилась в Сен-Клу, когда к ней приехал архиканцлер Камбасерес, чтобы сообщить о совершенной только что преступной попытке государственного переворота; она немедленно послала одного из своих пажей к генералу Гулэну, получившему серьезное ранение, чтобы выяснить состояние здоровья генерала[38]. Воинские гарнизоны, охранявшие Париж, и их различные полки объединились для защиты императрицы, которая проявила удивительное хладнокровие, почти одновременно узнав о преступном заговоре и об аресте заговорщиков. В одиннадцать часов герцог Ровиго (Савари) и префект полиции вернулись домой.

29-й бюллетень великой армии[39] объявил о колоссальных потерях. Император проявил мужество, решив вернуться в Париж всего лишь через несколько дней после публикации этого бюллетеня; его неожиданное прибытие в столицу Франции было необходимо, и оно воодушевило общественное мнение. Были приведены в действие все механизмы управления страной. Удивительная активность правительства, сравнимая с той, что была проявлена в течение «Ста Дней», с успехом способствовала тому, что за три месяца были сформированы армии, полностью укомплектованные и хорошо обеспеченные в материально-техническом отношении[40].

После того как Наполеон покинул армию, отступление французов из России являло собой плачевное зрелище. По заметкам о русском 4-м корпусе, сделанным императором на страницах книги, написанной г-ном Лабомом, адъютантом

принца Евгения, можно судить о том, что Наполеона в Париж призвали срочные обстоятельства[41]; только из Парижа он смог бы влиять на Пруссию и Австрию. Если бы он задержался с отъездом, то тогда на пути в Париж у него могли возникнуть осложнения. Он покинул армию, оставив ее Неаполитанскому королю и принцу Невшательскому (Бертье)[42]. К несчастью, императору во время многих серьезных кризисов необходимо было находиться одновременно и в армии, и в Париже. В ходе бесед на острове Святой Елены император подчеркивал, что правительство совершало ошибки в то время, когда его присутствие в армии диктовалось необходимостью. В дни сражения при Аустерлице в стране разразился финансовый и банковский кризис; когда шло сражение при Эслинге, Фуше затеял интриги; во время русской кампании возникло дело Мале, которое предоставило новое доказательство нерадивости всех подразделений правительственной администрации в то время, когда императора не было в Париже, чтобы направлять все ее действия. Поэтому все надежды возлагались на императора, на его персону; он должен был находиться везде.

Когда император обеспечил армию всеми необходимыми средствами для начала новой кампании, он попросил принца Невшательского (Бертье) организовать охоту в Гросбуа[43], не раскрывая при этом ни перед кем своих планов. В Гросбуа он позавтракал, а затем в самый разгар охоты отбыл в Фонтенбло, чтобы уже там провести несколько дней. Для всех участников охоты это решение оказалось большой неожиданностью, и они вместе с императором прибыли в Фонтенбло в одежде, предназначенной для охоты, но никак не для продолжительного визита в загородный дворец. Поэтому всю ночь из Парижа доставлялось то, в чем сопровождавшие императора лица могли нуждаться на следующий день[44]. Сразу же после прибытия в Фонтенбло Его Величество отправился с визитом к Его Святейшеству, который проживал во дворце, и вскоре после этого вернулся в собственные апартаменты. Папа Римский немедленно нанес императору ответный визит. Император был заранее извещен об этом и выразил свое уважение к Его Святейшеству до такой степени, что вышел встретить его в галерее Дианы и затем провел в свой кабинет, где они оставались наедине почти час. Когда Его Святейшество вышел из кабинета, император сопровождал его до того места, где он его встретил. При этом они оживленно беседовали и, когда расставались, называли друг друга «Святой Отец» и «Сын мой». Тем не менее некоторые люди посмели предположить — и подобной молве поверили, — что император за волосы тащил Его Святейшество в свои

апартаменты. Несомненно, подобные слухи не стоят того, чтобы их отрицать; но поскольку я был свидетелем этой сцены, то мне доставляет удовольствие указать на то, до каких крайностей могут дойти люди с предубеждением, когда они хотят оклеветать великого человека. Как, в самом деле, можно предположить, что император, который первым делом, когда пришел к власти, позаботился о том, чтобы восстановить алтари, разрушенные революцией 1793 года, и который, в дополнение к своей религиозной вере, считал, что религия необходима как средство правления, мог совершить поступок, столь малосвойственный его характеру и воспитанию? Случайные обстоятельства[45] привели Его Святейшество в Фонтенбло. Это все было делом рук генерала Миоллиса. Как сказал сам император, он не хотел этого, но с тем, что сделано, следует смириться. Не случись перемены в судьбе императора, он бы следовал своему намерению обеспечить Папу Римского огромной духовной властью в самом центре столицы Франции, которая в дальнейшем стала бы резиденцией Его Святейшества. Таким образом, Париж стал бы центром религиозного и политического мира, а император стал бы работать над тем, чтобы добиться объединения Италии[46].

До отъезда из Парижа в расположение армии император хотел положить конец разногласиям, которые имел с Папой Римским. Нантский епископ[47] информировал его о том, что горечь, испытываемая кардиналами, уже не столь сильна и личное вмешательство приведет к полному примирению между ним и Его Святейшеством, которое весьма целесообразно, учитывая политические интересы и религиозные чувства Папы Римского. В интересах религии император добился того, что Ватикан примет на себя обязательство обеспечить, в рамках определенных сроков, рассылку папских булл. И даже при этом, в соответствии с Конкордатом 1801 года, монарх в течение ограниченного времени будет назначать епископов, в случае появления вакансий, на освободившиеся места. Как только эти положения были согласованы и приняты, император продиктовал текст нового Конкордата. Папа Римский, присутствовавший при этом, дал устное согласие на все выдвинутые условия. 25 января 1813 года этот Конкордат был подписан в присутствии всего императорского двора, а также Его Святейшества и Марии Луизы[48].

Чтобы примирение стало полным, кардиналы, которые еще оставались пленниками, были освобождены, а те, кто был выслан из страны, получили разрешение вернуться. Как только Конкордат был подписан, император со всем своим двором вернулся в Париж.

По приказу императора Неаполитанский король покинул армию. Принц Евгений, принявший командование армией, передислоцировал ее вдоль реки Зале к западу от Лейпцига. После такой колоссальной катастрофы император обнаружил, что против него сплотились все европейские державы. Его гений, а также новые фаланги молодых солдат доказали в сражениях при Лютцене, Баутцене и Вюрхене[49], на что способна французская нация в руках Наполеона.

Военное перемирие, достигнутое в Плейшвице[50], положило конец нашим успехам и изменило судьбу наших армий. Австрия, посоветовав заключить перемирие, не была готова присоединиться к антифранцузской коалиции, хотя твердо решила сделать это. Поэтому переговоры в Праге[51] проходили в атмосфере взаимного недоверия, и военные действия возобновились. Потеря Вандамского корпуса перечеркнула все результаты победы при Дрездене[52] и вступления наших войск в Богемию.

Гибельное отступление от Лейпцига привело наши армии назад к берегам Рейна, а победа при Ханау только послужила гарантией их окончательного отхода во Францию. Во время этой кампании ренегат Моро был смертельно ранен[53].

Глава вторая

Французская кампания в 1814 году — Отречение и договор в Фонтенбло — Отъезд императора на остров Эльбу — Моя поездка в Париж, Рамбуйе, Портоферрайо

Это были времена невзгод. Был организован комитет роялистов из числа наиболее активных представителей, деятельность которого вселила надежды в Людовика XVIII[54]. В конце 1813 года наши границы оказались открытыми из-за того, что швейцарцы предоставили проход через них армиям коалиции. Наши союзники покидали нас. Прежде чем оставить Париж, император принял меры для возвращения Фердинанда VII в Испанию, а Его Святейшества, Папы Римского, в Рим[55]. Он поручил Парижской национальной гвардии защиту императрицы и Римского короля. Энтузиазм, вызванный действиями императора, когда он передал из своих рук юного короля офицерам национальной гвардии, собравшимся в зале маршалов, навсегда останется в памяти свидетелей этой сцены. Неистовые и продолжительные возгласы «Да здравствует император!» перенеслись из зала маршалов на площадь Карусель, где собрались солдаты национальной гвардии. Когда император

проходил по площади перед строем солдат, дававших ему клятву верности, воздух наполнился раскатами громогласных возгласов «Да здравствует император!», «Да здравствует императрица!», «Да здравствует Римский король!» Эта демонстрация искренней любви к его сыну тронула сердце императора: он с такой теплотой поцеловал юного принца, что это не прошло мимо внимания собравшейся публики, и при этом не один глаз увлажнился от нахлынувших чувств.

Ежедневно император по своей карте следил за наступлением армий врагов Франции. В среде богатых и состоятельных людей царило большое беспокойство по поводу сложившейся обстановки, но для простого народа было достаточно, что император оставался с ними здесь, во Франции. Его вера в гений Наполеона была безграничной[56]. Простой народ не сомневался, что благодаря искусному плану вновь сможет ярко засверкать звезда императора, померкнувшая после двух военных кампаний, которые хотя и были неудачными, но не лишили наши армии славы и доблести. Переговоры на мирном конгрессе в Шатильоне-на-Сене[57] оказались напрасными. Император, находясь в ссылке на острове Св. Елены, признал, что в Шатильоне у участников переговоров не было возможности прийти к мирному соглашению. Поэтому война продолжалась, и военная кампания 1814 года была одной из самых славных для наших войск и для императора, но не самой успешной. Император воевал, имея под ружьем 40 000 человек против 240 000[58], и тем не менее одерживал победы над противником. Он говорил, что отбросил бы вражеские войска от Парижа, если бы не предательство Мармона, Ожеро и Талейрана[59]. Поэтому он воевал вплоть до той самой минуты, когда новые иуды предали своего хозяина. Из-за предательства Франция потеряла Париж и часть армии.

Император расположился в Труа, в доме барона де Мегриньи[60], одного из своих конюших, когда ночью он узнал, прочитав зашифрованную записку[61], что вражеская армия приближается к Парижу. На следующий день, сопровождаемый эскадронами конной охраны, он доехал до Вильнев-л'Аршевек[62], а затем в страшной спешке добрался в ночь на 30 марта до Курде-Франс[63], чтобы узнать о том, что Париж капитулировал, враг вступил в столицу Франции, а правительство и императрица удалились в Блуа.

Наполеон вернулся в Фонтенбло, где вскоре к нему присоединилась его гвардия. Солдаты просили его двинуться на Париж[64] и наказать предателей, чьи имена были им известны. Император же был намерен, возглавив их, направиться в сторону Питивьера и Орлеана; воссоединившись с правительством и

императрицей, он смог бы вести переговоры. В результате всего император остался в Фонтенбло и таким образом, лишившись власти и мощного армейского прикрытия, потерял супругу, сына, свою казну.

2 апреля Сенат объявил об акте, в соответствии с которым Наполеон лишался трона[65]. Император узнал об этом в Фонтенбло, где он был вместе со своими гвардейцами, своими маршалами и высокопоставленными офицерами императорского двора. Его великое сердце должно было бы исторгнуть призыв к возмездию. Даже ходили зловещие слухи о том, что жизни Его Величества угрожали люди, которые, как говорили, были обязаны ему своим высоким положением. В тот момент император, должно быть, чувствовал величайшее презрение к роду человеческому, и особенно к тем его представителям, которые могли быть уничтожены по первому сигналу его гвардейцами, полностью ему преданными. Кризис достиг своего пика и более не мог продолжаться. Маршалы просили императора отречься от престола в пользу сына. Вследствие этого император направил некоторых из них, включая герцога Виченцского (Коленкура)[66], провести от имени французской армии переговоры с императором России, чтобы добиться выгодных условий для Римского короля. Он попросил их взять с собой маршала Мармона, к которому испытывал большое доверие. Эти господа выехали из Фонтенбло; прибыв в Эссонн, они сообщили герцогу Рагузскому (Мармону) о пожелании императора. Маршал выглядел растерянным и неуверенным в том, что ему следует делать, затем, наконец, решил сесть в карету вместе с ними. Прибыв в Париж, они отправились в резиденцию императора Александра и были чрезвычайно удивлены, когда выяснилось, что Мармон покинул их. Они не знали, что Мармон заключил с князем Шварценбергом[67] соглашение, которое запрещало Мармону защищать интересы императора. Тем не менее маршалы уже практически добились регентства; император России, судя по всему, благосклонно отнесся к идее занятия французского престола императором Наполеоном II, но в этот момент дежурный офицер вручил ему депешу[68], в которой сообщалось, что корпус герцога Рагузского (Мармона) отступил в Версаль, оставив без защиты штаб-квартиру Наполеона в Фонтенбло. Принимая во внимание то, что полномочные представители пришли к нему, чтобы вести переговоры от имени армии, он был удивлен, прочитав в депеше, что офицеры корпуса Мармона поддержали провозглашенный Сенатом акт о лишении Наполеона трона. Представители Наполеона на переговорах — сами застигнутые врасплох подобной непостижимой новостью —

попытались смягчить неблагоприятное впечатление, которое только что произвела полученная депеша, но теперь уже ничто не могло изменить принятое им решение.

Маршалы вернулись в Фонтенбло[69] и рассказали императору о том, как благожелательные намерения императора Александра внезапно изменились, когда он узнал об отступничестве корпуса Мармона, а также о своих безуспешных попытках убедить русского императора в том, что измена командира корпуса и нескольких генералов не означает изменение преданных чувств всего остального корпуса по отношению к императору.

Мысль о том, что его покинул человек, полностью обязанный ему нажитым состоянием, с которым он делил свой хлеб, на которого, как он считал, он мог положиться, была для него очень болезненной. Императора терзали угрызения совести, так как он винил себя в том, что верил этому человеку, поскольку его измена стала препятствием тому, чтобы армия диктовала свои условия, и способствовала возвращению на трон дома Бурбонов.

Идея направить этого маршала в Париж обернулась несчастьем; генерал Суам[70], который после отъезда Мармона в Париж остался вместо него командующим корпусом, опасался, что известие и о его измене дойдет до ушей императора и ему придется за нее платить собственной головой — так же как головами тех, кто, подобно ему, приняли участие в заговоре. Эти предатели поторопились совершить маневр, который мог быть осуществлен только в соответствии с приказами герцога Рагузского (Мармона): они заставили солдат поверить, что те вышли в поход против врага. Они отправились в поход с возгласами «Да здравствует император!» и только в Версале обнаружили, что их командиры стали предателями. Солдаты искали их, чтобы расправиться, но они, пользуясь моментом общей неразберихи, сумели скрыться. Этот марш на Версаль, результат которого оказался столь роковым, мог бы и не произойти, если бы маршал оставался со своим корпусом.

Император отрекся от престола следующими прекрасными словами:

«Так как союзные державы провозгласили, что император Наполеон является единственным препятствием к установлению мира в Европе, то император, верный своей присяге, объявляет, что он отказывается за себя и за своих наследников от трона Франции и от трона Италии, потому что нет той личной жертвы, даже жертвы жизнью, которую он не был бы готов принести в интересах Франции[71].

Подписано во дворце Фонтенбло, 11 апреля 1814 года».

В ночь с одиннадцатого на двенадцатое апреля император пытался покончить с собой, отравившись ядом[72]. После отступления из Москвы он хранил в своем дорожном саквояже конверт с веществом, вызывающим мгновенную смерть. Он принял это вещество, но — или потому, что оно частично потеряло свою действенность, или потому, что его желудок под влиянием спазмы отреагировал слишком быстро, — последовавший сильнейший приступ рвоты полностью опустошил его желудок, и ожидаемый смертный конец не пришел. В одиннадцать часов вечера он вызвал к себе герцога Бассано (Маре), герцога Виченцского (Коленкура), графа де Тюренна и графа Бертрана. Он рассказал им о своей попытке самоубийства, заявив: «Бог воспротивился этому!»

Наступило время дезертирств: маршал Бертье покинул Наполеона, заверив его, что вернется. Этот старый друг Наполеона так никогда и не вернулся. Днем император вызвал своего первого камердинера Констана[73]: тот ушел, также никогда не вернувшись к своему хозяину.

Мамелюк Наполеона Рустам[74] уехал в Париж, и более его не видели. Хирург императора г-н Юван[75] также покинул его. Те, кого он, находясь на пике власти и могущества, осыпал милостями и на кого имел полное право рассчитывать сейчас, когда он предстал перед лицом несчастий, бежали от него. Его первый камердинер Констан, которому он оказал честь, удостоив его своим расположением, его раб Рустам, которого ему подарили в Египте, оба, обласканные его добротой, поддавшись чувству черной неблагодарности, бросили своего хозяина в самые тяжелые часы его жизни; оба были занесены в список вознаграждений, составленный императором перед своим отъездом из Франции, в соответствии с которым и тому и другому полагалось выдать по 50 000 франков из 2 миллионов, ассигнованных императору по договору в Фонтенбло.

После рассказа об этих трусливых беглецах мне доставляет удовольствие поведать о примерах искренней преданности императору.

Графиня Бертран[76], беременная на шестом месяце, покинула императрицу Марию Луизу, которую она сопровождала в Блуа и Орлеан, чтобы прибыть в Фонтенбло. Там она готовилась к тому, чтобы вместе со своими детьми отправиться на Эльбу, когда Его Величество обустроится на острове. Когда военный министр до последней минуты придерживал приказ о передаче острова Эльбы в распоряжение императора, преданный Наполеону герцог Винченцский (Коленкур) вынужден был ходатайствовать перед русским императором, чтобы ускорить исполнение приказа.

На момент отречения от престола император сохранил доходы для себя и своей семьи, и для нее он удерживал свою личную собственность. Ему было обещано княжество Эльба. Император не требовал для себя Корсику[77], находящуюся на равном расстоянии от берегов Франции и Италии. Корсика должна была входить в состав Франции или Италии, но только став частью Франции, она гармонично вошла бы в общую флотскую и коммерческую систему Средиземного моря. На Корсику распространялась верховная власть Наполеона, но она стала зависимой от британских военно-морских сил, что вызывало у корсиканцев чувство протеста. Император более всего дорожил тем, что являлся французом, и продолжал гордиться этим и тогда, когда фортуна отвернулась от него. Разве мог он также пожертвовать и званием француза? Разве мог он навязать подобную жертву корсиканцам? И как после этого они будут относиться к нему? Разве совсем недавно их правительство не становилось мишенью британских, французских и сардинских интриг? Император поступил гораздо более мудро, продемонстрировав дар предвидения, отказавшись от Корсики, чей народ он любил и высоко чтил. Жертвуя всем ради Франции, император лично для себя ничего не хотел; договор в Фонтенбло был заключен не для него, а для его народа. Его самопожертвование было полнейшим, договор в Фонтенбло никогда не сможет принизить величие французского народа, а слава этого народа всегда останется его славой. Предусмотрительность его друзей, хотя и расстроенных ходом событий, всегда будет вызывать чувство уважения к ним. Нарушение условий соглашения, о которых они вели переговоры, только доказывает аморальность и отсутствие политического здравомыслия у лиц, повинных в этом нарушении. В соответствии с условиями договора из личных авуаров императора, которые он уступил Франции, предполагалось отдельно взять два миллиона франков. Эти деньги должны были быть распределены между генералами его гвардейской охраны, ее офицерами и членами обслуживавшего его персонала. Наполеон определил суммы, предназначенные для выдачи каждому из них, но они не были выплачены. И другие финансовые условия, его отречения от престола были также нарушены. Г-да де Ла Бульери[78] и Дюдон[79] доставили в Орлеан личную казну императора и его портфель с ценными бумагами. 38 миллионов золотом были разделены между двумя вражескими генералами, командовавшими армиями, и четырьмя полномочными представителями союзнических монарших дворов. Г-н Пейрюс[80], армейский казначей, был направлен в Орлеан, чтобы вернуть

императорский портфель, содержавший 40 миллионов франков в различных ценных бумагах. Он вернулся обратно только с 2,5 миллионами франков[81].

Император спустился из своих апартаментов по главной лестнице дворца, окруженный друзьями, оставшимися верными ему, генералами и старшими офицерами императорской гвардии. После трогательного прощания со своими гвардейцами в лице генерала Пети, которого он обнял, император, поцеловав гвардейский герб, в 11 часов утра[82] 20 апреля отправился на Эльбу в сопровождении генералов Бертрана и Друо, а также полномочных представителей союзнических держав[83].

Так как мне вместе с куратором императорского гардероба Жервэ[84] было поручено вернуться в Париж, чтобы забрать личные вещи императора, то мы, опечаленные всем виденным, выехали в столицу и прибыли в нее в шесть часов вечера.

Получив известие о том, что императрица все еще находится в Рамбуйе[85], я на следующее утро туда и отправился; я хотел повидаться со своей матерью, которой предстояло сопровождать юного принца в Вену. Император Александр только что покинул императрицу. Ей было известно, что я уезжаю с императором, и в связи с этим она выразила свое удовлетворение моей матери. Графиня Монтескью, вручая мне свое письмо императору, просила меня передать ему, что она будет всегда заботиться о его сыне. Я покидал свою мать, когда же я увижу ее снова? После таких больших невзгод какие несчастья ожидают нас с матерью? Момент прощания был душераздирающим. Я крепко прижимал ее к своей груди, потом с трудом вырвался из ее объятий и вышел из комнаты.

Я возвратился в Париж ночью, а 22 апреля Жервэ и я уже были на дороге в Лион, подгоняя лошадей, чтобы застать императора во Фрежюсе. Из Лиона мы продолжали наше путешествие на судне, проплыв вниз по течению Роны до Авиньона и думая, что тем самым мы ускорим нашу поездку, но прибыли во Фрежюс только 29 апреля. Император в сопровождении полномочных представителей союзников отплыл накануне из Сен-Рафаэля на фрегате «Отважный»[86]. Когда мы проезжали Оргон[87], то узнали, что там было организовано восстание, чтобы вероломно убить императора. Порядочные люди были расстроены и возмущены этим. В Авиньоне и в Эксе народ все еще пребывал в волнении; в Провансе все силы были потрачены на то, чтобы настроить местное население против Наполеона и запугать честных граждан, которые бы бросились защищать императора.

Некоторые люди посчитали странным, что император решил

воспользоваться британским кораблем, а не французским, ожидавшим его приказаний. Его Величество хотел избавить офицеров французского фрегата «Дриада» и брига «Непостоянный», а также г-на де Монкабрие, который командовал ими, от затруднительного положения, в котором они могли оказаться, если бы доставили императора на Эльбу и разделили с ним боль и унижение депортации. В состоянии ли был французский флот разделить с ним его незавидную долю? А если нет, то разве Наполеон не мог оказать любезность британскому флоту и капитану Ашеру и тем самым избавить французский фрегат от необходимости войти в гавань Портоферрайо под флагом перемирия и с британским эскортом? Ведь мир еще не был подписан, и даже фрегат «Отважный» плавал под флагом перемирия[88].

Во Фрежюсе все было тихо. Мы были заняты поиском корабля, который мог бы доставить нас на Эльбу, когда принцесса Полина, находившаяся в Де-Мюи, сообщила нам, что с минуты на минуту ждет прибытия неаполитанского или британского фрегата, который перевезет ее в Неаполь, и что этот фрегат сделает остановку в Портоферрайо и, следовательно, сможет высадить нас там. Мы прождали фрегата несколько дней, которые показались нам страшно долгими, несмотря на замечательный прием, оказанный нам семьей Колле. Глава семьи только что был смещен с поста мэра из-за его бонапартистских идей, которые стоили ему ссылки после «Ста Дней», а также 18 месяцев тюрьмы его старшему сыну, подорвавшему в заключении здоровье. Во Фрежюс приехал г-н Савурнин, сын владельца замка, в котором остановилась принцесса Полина; как и мы, он направлялся на Эльбу, чтобы стать там секретарем императора (не дождавшись его прибытия, император взял на эту должность г-на Ратери, секретаря гофмаршала, а г-н Савурнин остался работать с графом Бертраном). Г-н Савурнин сообщил нам, что принцесса Полина сядет на неаполитанский фрегат «Петиция» в Вильфранше и что у нас нет иного выбора, как отправиться в Ниццу, ждать там принцессу и вместе с ней сесть на «Петицию» или на британский фрегат[89], которому предстоит сопровождать ее в пути на Эльбу.

Мы все трое отправились в Антиб и Вильфранш, в наших паспортах имелась виза на выезд на Эльбу. Не успели мы прибыть в Вильфранш, как 12 или 15 женщин, настоящие гарпии, вышли из соседней комнаты и принялись танцевать джигу, требуя, чтобы мы присоединились к ним. Когда они ушли, капитан гавани, корсиканец, который никогда не выходил из дома без двух пистолетов, пристегнутых к ремню, подошел к нам, чтобы предупредить о том, что нам не следует проводить ночь в этом

городе и лучше будет, если мы отправимся в Ниццу, где спокойно сможем ждать приезда принцессы Полины. Мы последовали его совету. Британский фрегат и «Петиция» прибыли. Мы поднялись на борт британского фрегата, и оба корабля поплыли строем к острову Эльба. Принцесса Полина также была на борту британского фрегата, где ее ожидал прием в ее честь. После двух дней плавания 1 июня мы прибыли в Портоферрайо. Я немедленно проследовал во дворец, где в это время завтракал император. Когда ему сообщили о моем прибытии, он пригласил меня тут же посетить его. Я вручил ему письма, полученные мною от императрицы и от графини Монтескью. Прочитав письма, император поинтересовался, что заставило меня задержаться, и я объяснил ему причину моей задержки. Когда он спросил меня о Рамбуйе, я рассказал ему о том, что услыхал от моей матери, а именно: как только в Блуа стало известно о возвращении Бурбонов, все старшие гражданские слуги, которые ранее последовали за императрицей, сразу же покинули ее и вернулись в Париж. На это дезертирство было больно смотреть. Генерал Шувалов отвез императрицу и Римского короля обратно в Орлеан, где она оказалась жертвой постыднейших мелких краж и в результате прибыла в Рамбуйе без всех своих вещей.

Возвратившись со мной в свои личные апартаменты, император задал мне несколько вопросов относительно императрицы и его сына. На эти вопросы я ответил, повторив то, о чем мне рассказали люди из обслуживающего персонала Ее Величества: что императрица хотела приехать к Его Величеству в Фонтенбло, но что, как только стало известно о ее намерении, сразу же было послано сообщение об этом графу Шварценбергу, находившемуся в районе Рамбуйе, и он немедленно отрядил войска, чтобы воспрепятствовать встрече императрицы с императором. Меня заверили в том, что ее доктор г-н Корвисар[90] заявил ей, что воздух на острове Эльба противопоказан ее здоровью; а некоторые говорили, что в интересах самого Римского короля было бы лучше, если бы императрица уехала к своему отцу в Вену. Императрица, уставшая или почувствовавшая себя плохо от всех этих противоречивых советов, обсудила эту проблему с графиней Монтескью, женщиной, всегда дававшей мудрые советы. Последняя сказала императрице, что та должна избрать путь, исполненный сознания долга и ведущий к императору. И поскольку г-же Монтескью было позволено высказать свою точку зрения, то императрица должна принять во внимание ее совет. На это императрица ответила: «Это на самом деле и есть мое намерение». Но как только она оказалась вновь с людьми из

своего окружения, то опять стала прислушиваться к речам своих советчиков. В конце концов было решено, что она отправится в Рамбуйе, куда она прибыла больной, не испытывая желания видеть вокруг себя людей, на чью дружбу она имела право рассчитывать. Но именно эти люди настаивали на завершении драмы, что, соответственно, позволило бы им вернуться к собственным делам. Я рассказал Его Величеству, что, когда австрийский император прибыл в Рамбуйе, императрица в слезах бросилась в объятия отца. Затем она представила ему своего сына и попросила присматривать за ним. Австрийский император выглядел очень растерянным и взял Римского короля на руки, чтобы поцеловать его. Принц, вернувшись домой, заявил своей гувернантке «маме Кью»: «Дедушка очень некрасивый». Император от души расхохотался.

Я доложил императору обо всем виденном мною по пути во Фрежюс; сказал ему, что люди в Органе, Авиньоне и Эксе по-прежнему находятся в состоянии сильного возбуждения.

В последующие дни я узнал от Новерраза[91] о завалах, воздвигнутых на дорогах, по которым должен был следовать император, чтобы попытаться остановить его карету и затем вероломно убить его.

Император покинул Фонтенбло в среду, 20 апреля, в 11 часов утра. За ним следовали 14 карет. Весь кортеж эскортировался конной императорской охраной, растянувшейся вдоль дороги. В карете императора вместе с ним ехали генералы Бертран и Друо, иногда оба, а иногда по очереди. Императора сопровождали четыре полномочных представителя союзнических монарших дворов: русский граф Шувалов, австрийский генерал Коллер, британский полковник Кэмпбелл и прусский граф Вальдбург-Трухсесс, которому мы обязаны описанием этого путешествия. На всем пути прусский граф демонстрировал полное отсутствие уважения к поверженному противнику. Император спал во время остановок в следующих местах: Бриар, 20 апреля; Невер, 21 апреля; Роан, 22 апреля. В этом городе решение возникших технических проблем у конного эскорта задержало императора на 12 часов. Он проехал Лион 23 апреля и ночевал в Пеаж дю Руссильоне[92], в местечке, расположенном между Сен-Вальером и Балансом. 24 апреля он случайно встретил маршала Ожеро. Они оба вышли из своих карет и подошли друг к другу. Император дотронулся пальцами до своей шляпы, а маршал — до своей фуражки, которую не снял перед императором. Ожеро выглядел очень растерянным. Они отошли от карет, чтобы побеседовать, а затем попрощались, и каждый поехал своей дорогой. Тогда император еще не знал о неблаговидном воззвании, с которым

этот маршал обратился к своей армии[93]. В Балансе в качестве эскорта императорского кортежа выступили 150 австрийских стрелков.

Слуги, входившие в передовую группу императора, опередив его, первыми прибыли в Баланс и только было приготовились сесть за трапезу, как появились два жандарма и от имени маршала Ожеро предложили людям немедленно покинуть город. Те объяснили, что остановились только ради обеда, после которого немедленно покинут город, но один из адъютантов маршала, угрожая применить силу, заставил их вернуться в кареты, хотя еда уже была на столе. Они были вынуждены подчиниться, поскольку устные угрозы сменились применением силы.

Император узнал об этих подробностях конфликта только в Балансе, когда получил копию воззвания маршала к войскам; прочитав воззвание, император воскликнул: «Этот человек не изменился, ну и подлец!» Австрийский полномочный представитель (комиссар) не мог удержаться, чтобы не сказать императору: «Ваше Величество относились с большой добротой к этому человеку, который едва ли заслуживает этого». Во время «Ста Дней» Ожеро написал императору многословное письмо, заверяя его в своей преданности и отрицая свое предательство. Одновременно он опубликовал в Каене прокламацию о Людовике XVIII, столь же неблаговидную, как и та, которую он опубликовал в Балансе об императоре.

Хорошо информированные люди уверяли меня, что однажды в Лионе Ожеро посетил театр в сопровождении австрийских офицеров. Когда он появился в зале, голос с верхнего балкона прокричал: «Остался ли еще один город, чтобы предать его?» Партер театра зааплодировал. Австрийские офицеры в недоумении посмотрели друг на друга, а маршал Ожеро покинул театр.

Пребывая на острове Эльба, император время от времени говорил об этом маршале: он описывал поведение Ожеро во время сражений, когда тот, уже почти одержав победу, начинал думать, что находится на грани поражения, и взывал о помощи, умоляя подослать дополнительные войска, говоря, что в противном случае он не сможет удержать позиции. «Я обычно приезжал к нему с несколькими штабными офицерами, раскладывал перед ним карту и показывал, что его позиции — отличные. Тогда его моральный дух восстанавливался, и он снова становился нахальным. Он был хорошим генералом, который во времена итальянских кампаний взял в плен много дивизий неприятеля, но оставался низким человеком, плохо воспитанным

и с массой недостатков и пороков. Их не могли исправить ни время, ни его высокое положение».

Император провел ночь 25 апреля в Монтелимаре[94]; на всем пути местное население относилось к нему только с любовью. Но в Авиньоне горожане были настроены резко враждебно против него; в Органе вновь дали о себе знать заговоры с целью вероломного убийства императора. Один человек ринулся, словно безумный, к карете императора, чтобы открыть ее дверь. Курьер императора Новерраз, сидевший на козлах, одной рукой выхватил из ножен саблю, а другой схватил пистолет и, не обращая внимания на толпу, пригрозил этому человеку, посмевшему приблизиться к карете, убить его. Гофмаршал опустил окошко кареты, прикрикнул на нападавшего, предложив ему утихомириться. Энергичные действия Новерраза и мудрые рекомендации гофмаршала успокоили возникшее волнение толпы и позволили честным людям вовремя подоспеть к месту происшествия, чтобы отогнать враждебно настроенную толпу от кареты императора.

Австрийский комиссар сильно разгневался в связи с этим событием и пригрозил мэру Органа: «Если вы немедленно не положите конец этим отвратительным сценам, то через два часа ко мне подойдут 20 000 солдат, которые разрушат до основания ваш город». Волнение толпы прекратилось. Орган был такой глушью, что в нем трудно было организовать вероломное убийство. Однако там все же произошли некоторые отвратительные сцены: чучело, изображавшее императора, предали символической казни недалеко от почтовой станции.

Комиссары (полномочные представители союзников) отогнали толпу и заставили ее замолчать. Император продолжал свой путь в достаточно тревожной обстановке, пока не приехал к принцессе Полине в Люк, а затем в Сен-Рафаэле поднялся на борт британского фрегата.

3 мая британский фрегат «Отважный» с императором на борту бросил якорь на рейде Портоферрайо. Император послал генерала Друо на берег, чтобы проинформировать генерала Далесма[95] и местных официальных лиц, а также горожан Портоферрайо о своем прибытии. Генерал Друо сообщил официальным лицам о ближайших планах нового суверена острова Эльба. В администрации острова никаких кадровых изменений не произойдет, все ее сотрудники останутся на своих местах.

Император пригласил субпрефекта острова Бальбиани[96] на борт фрегата. Он назначил его управляющим острова и попросил провести исследование о цвете и эмблеме первого

государственного флага Эльбы. Было выяснено, что первым монаршим домом, правившим островом в качестве суверена, был дом Аппиани из Пизы; его государственный флаг был белого цвета с эмблемой в виде пчел, поскольку слово «аппи» на итальянском языке означает «пчелы»[97]. Покинув императора, субпрефект сообщил официальным лицам города, что Его Величество сойдет на берег на следующий день и с удовольствием примет их.

Остров Эльба[98], расположенный в Средиземном море вдоль берега Большой Тосканы напротив порта Пьомбино, занимает площадь в шесть лье в длину и два лье в ширину. Тогда остров насчитывал 13 000 жителей. После того как остров привлек внимание римлян благодаря его железорудным шахтам, он стал собственностью королевства Двух Сицилий, затем княжества Пьомбино и, наконец, Франции, которой принадлежал до тех пор, пока, в соответствии с Парижским договором от 11 апреля 1814 года, не был передан в полное владение императору Наполеону, который, как и все члены императорской семьи, сохранил свои титулы и полномочия.

В пять часов дня генералы Бертран и Друо сошли на берег вместе с комиссарами союзнических держав. Все они проследовали в форт Этуаль, где находилась штаб-квартира генерала Далесма, командующего войсками на острове. Сразу же от имени Его Величества императора Наполеона генералом Друо было сделано официальное заявление о передаче острова Эльба, его фортов, батарей, зданий, военных складов и всей собственности во владение императорской короны. Император тайно послал на берег Сантини[99], чтобы разузнать о настроении местных жителей; вернувшись на борт фрегата, Сантини доложил, что они полны энтузиазма в связи с тем, что такой великий человек становится их сувереном.

В начале апреля в Марчиане вспыхнуло восстание, и на берег острова высадились британские войска. 21 апреля солдаты итальянского гарнизона в Портолонгоне подняли мятеж и убили, а также ранили нескольких офицеров; мятежники были вытеснены из форта. Они начали скитаться по сельской местности, пытаясь склонить крестьян к тому, чтобы те присоединились к англичанам. 27 апреля генерал Далесм получил от британского фрегата странное требование о сдаче острова и его форта англичанам. Наконец, 28 апреля тот же фрегат появился вновь, но уже под флагом перемирия. С фрегата на берег сошел адъютант военного министра, имея при себе депеши Его Величества к генералу Далесму. В депешах сообщалось об отречении императора от престола Франции, о его

предстоящем прибытии на остров, а также о том, что остров, форты и артиллерия должны быть переданы во владение Наполеона.

На берег был приглашен капитан фрегата, которому генерал Далесм показал только что полученные депеши. Капитан заявил, что ему было известно содержание депеш уже в течение последних двух дней, но он был обязан подчиниться приказам командующего соединением британских кораблей Монтрезора, который, находясь на военно-морской базе в Ливорно, еще не знал о содержании депеш. Капитан затем попросил для своего фрегата и для других кораблей британской эскадры, находившихся у берегов Тосканы, разрешения войти в гавань Портоферрайо и произвести салют из двадцати одного орудия в честь белого королевского штандарта, только что поднятого на мачте фрегата. Генерал Далесм поблагодарил капитана за эту необычную любезность, но отказался дать разрешение британским кораблям войти в гавань Портоферрайо под тем предлогом, что появление британских военно-морских сил в гавани Портоферрайо вызовет нежелательное волнение местного населения. Адъютант военного министра вернулся на борт фрегата, и к полудню корабль под флагом перемирия исчез за горизонтом.

4 мая гарнизон Эльбы и национальная гвардия были выведены на улицы Портоферрайо в полной парадной одежде; официальные лица города, генерал Далесм и субпрефект в сопровождении охваченных энтузиазмом горожан прошествовали в гавань. Эльбанцы ясно представляли себе все те преимущества, которые сулил им и их острову выбор императора. Пушки города и форта оповестили о высадке императора с корабля на берег; как только он был замечен в шлюпке, его сразу же опознали благодаря его шляпе и зеленому гвардейскому мундиру. Военные взяли на караул в его честь. Возгласы «Да здравствует император!», многократно повторяемые, сотрясали воздух. Было трудно представить себе более сильное проявление безудержного счастья. Подобный прием, должно быть, вознаградил императора за отвратительные происшествия в Авиньоне и Органе.

Император вышел на берег и стал приветствовать собравшихся и официальных лиц. Мэр вручил императору ключи от города[100]. Они обменялись соответствующими речами. Наиболее знатные граждане города, включая г-на Венсана Форези[101], поспешили обеспечить императора всем необходимым для его обустройства на острове. Г-н Форези с необыкновенным рвением предусмотрел буквально все, что было нужно, чем заслужил всеобщее уважение и благодарность.

С 28 апреля над императорским дворцом реял белый штандарт. Император приказал спустить его и заменить собственным флагом с полосой малинового цвета, на которую было нанесено изображение трех золотых пчел. Как говорили в народе, этот флаг пользовался уважением у варварских полчищ, которые не посмели бы пойти войной на Бога.

Официальный отчет о передаче острова во владение императора был незамедлительно составлен в следующих словах:

> *4 мая 1814 года Его Величество, император Наполеон, получил в свое владение остров Эльба. Генерал Друо, губернатор, от имени императора дал указание поднять флаг острова на всех фортах: белое поле флага пересекала по диагонали малиновая полоса и украшали три золотые пчелы. Подъем флага сопровождался салютом батарей береговых фортов, британского фрегата «Отважный» и французских военных кораблей. Свидетельствуя об этом, мы, комиссары союзнических держав, подписали этот документ совместно с генералом Друо, губернатором острова, и генералом Далесмом, верховным командующим войсками острова.*
>
> *Исполнено в Портоферрайо 4 мая 1814 года.*
>
> *Подписали: Коллер, Кэмпбелл, Друо, Далесм.*

Одновременно генерал Далесм дал указание, чтобы в общественных местах всех городов острова было расклеено следующее его воззвание к местному населению[102]:

> *Жители Эльбы!*
>
> *Человеческие превратности привели к вам императора Наполеона, и он выбрал ваш остров, чтобы стать вашим сувереном. Прежде чем прибыть сюда, ваш новый монарх обратился ко мне со следующими словами, которые я передаю вам как доказательство вашего будущего счастья:*
>
> *«Генерал, я пожертвовал своими правами в интересах нации и сохранил для себя верховную власть и владение островом Эльба. С этим согласились все державы. Сообщите об этом жителям острова, а также то, что я сделал выбор в пользу их острова, учитывая их обычаи и климат. Передайте им, что я испытываю к ним огромный интерес».*
>
> *Народ Эльбы, эти слова не требуют разъяснений: они определяют вашу судьбу. Император сделал правильный вывод, я обязан вам за это.*

Народ Эльбы, скоро я покину вас и сделаю это с большим сожалением, поскольку я искренне люблю вас, но думы о вашем благополучии смягчат горечь моего отъезда; и где бы я ни был, я буду всегда помнить этот остров и добродетели его жителей. Я желаю им всего самого лучшего.

Портоферрайо, 4 мая 1814 года

Подписано: Бригадный генерал Далесм.

Из гавани император под балдахином проследовал в приходскую церковь, чтобы выслушать благодарственную молитву. Службу вел отец Арричи, генеральный викарий епископа Аяччо и Бастии. Когда служба в церкви закончилась, Его Величество отправился в мэрию, окруженный людьми, жаждавшими увидеть его; на улицах окна домов были украшены флагами. Женщины радостно махали платками. Восторженная фантазия, свойственная итальянцам, по контрасту с простодушием и искренностью эльбанцев возымела магический эффект; настроение всех горожан Портоферрайо достигло высочайшего уровня возбуждения. Прибыв в мэрию, император учтиво принимал всех, кто бы ни явился туда. Этот день фактически превратился в семейное празднество. Император призывал светских и религиозных официальных лиц к примирению и согласию. В этом не было необходимости: уже с 28 апреля порядок на острове был восстановлен. Губернатором острова был назначен генерал Друо. Император прикрепил к своей шляпе кокарду с официальными цветами государственного флага острова Эльба, который он только что утвердил. Официальные лица и солдаты национальной гвардии во главе со своими офицерами последовали его примеру.

Было опубликовано и распространено во всех общинах острова следующее пастырское послание[103]:

Жозеф-Филипп Арричи, почетный каноник собора в Пизе, митрополичьей церкви во Флоренции и т. д., генеральный викарий епископа Аяччо на острове Эльба и в княжестве Пьомбино.

Всем нашим возлюбленным Всевышнего, нашим духовным братьям и всем верующим острова — примите приветствия и благословения.

Божественное провидение, которое своей доброй волей неумолимо вершит все события и определяет судьбы наций, решило в самый разгар политических изменений в Европе, что в дальнейшем мы будем подданными великого Наполеона.

Остров Эльба, уже знаменитый своими природными богатствами, теперь близок к тому, чтобы стать известным в истории наций благодаря уважению, которое он оказывает своему новому монарху, покрывшему свое имя неувядаемой славой. Остров Эльба действительно становится в один ряд с другими нациями, и его маленькая территория теперь прославлена благодаря имени ее суверена. Возвышенная до столь высокой чести, она принимает в свою среду помазанника Божьего, а также других выдающихся личностей, которые сопровождают его.

Когда Его императорское и королевское Величество выбрало этот остров для своего уединения, оно объявило о своем выборе всему миру. Какое счастье суждено выпасть на долю нашей страны! Какое множество людей хлынет со всех сторон, чтобы лицезреть героя!

В первый же день, когда он вступил на наш берег, он определил нашу участь и почтил наше доброе имя: «Я буду вам хорошим отцом, — заявил он, — так будьте же моими возлюбленными чадами».

Дорогие католики, какие слова, преисполненные добротой! Какое замечательное выражение доброй воли! Какой символ нашего будущего счастья! Так пусть же эти слова вдохновят ваши думы, глубоко запечатлеются в ваших сердцах и станут вечным источником утешения.

Пусть же отцы будут повторять их своим детям! Пусть память об этих словах, обеспечивающих славу и процветание острова Эльба, будет увековечена от поколения к поколению.

Счастливые жители Портоферрайо, ведь это внутри стен вашего города будет жить священная особа Его императорского и королевского Величества. На протяжении веков о вас разошлась молва как о людях, которым присущи доброта души и любовь к вашим суверенам. Теперь же среди вас живет великий Наполеон; так постарайтесь никогда не забывать о том благоприятном впечатлении, которое произвели на него его верные подданные.

И все вы, преданные Иисусу Христу, не забывайте о вашей судьбе.

Так пусть же воцарится согласие между вами, живите в мире, и пусть мир и любовь к Всевышнему будут всегда с вами!

Пусть же преданность, благодарность и покорность навечно останутся в ваших сердцах. Объединитесь все в едином уважительном чувстве любви к вашему властелину, который скорее подобен вашему доброму отцу, чем вашему суверену. Так отпразднуйте с радостью и от всей души доброту Всевышнего, который из всей вечности приберег для вас это счастливое событие.

Соответственно, мы рассылаем распоряжение, чтобы в следующее воскресенье во всех церквах был проведен благодарственный молебен во имя Всемогущего за его благоволение, которое он даровал нам своим безмерным милосердием.

Представлено в епископальном дворце острова Эльба 6 мая 1814 года.

Арричи, генеральный викарий,
Франческе-Анджиолетти, секретарь.

Свои первые дни император провел, инспектируя общественные здания и совершая поездки в различные места острова. Он осмотрел железорудные шахты в Рио, остановившись в доме г-на Пона[104], директора шахт, с которым отобедал.

В это же время на берег острова с корабля были выгружены вещи императора; как вскоре выяснилось, из императорского казначейства исчезли 20 000 франков. Пейрюс распорядился, чтобы денежные запасы, которые он привез с собой из Фонтенбло, были переправлены в подготовленное для этого помещение; деньги были в мешках, в каждом по 1000 золотых наполеонов[105]. Сами мешки были запакованы в корзины с соломой; распаковка корзин производилась поспешно, в присутствии часового, стоявшего у дверей. Часовой был солдатом островного десантного батальона. По профессии он был сапожником, содержавшим большую и бедную семью. Он раздумывал о том, что ему и его семье очень бы пригодилась маленькая часть всего этого золота. Наконец золото было переправлено в помещение казначея, упаковочные корзины перевернуты вверх дном и оставлены в разбросанной соломе. Часовой остался один, подумывая о том, что хорошо бы найти несколько золотых монет в соломе, которую он расшвыривал ногой. Его удивление было огромным, когда нога наткнулась на что-то твердое и он обнаружил, что это мешок, подобный тем, которые уносились под его присмотром. Он задрожал всем телом: он не знал, что делать, и довольно долго колебался. Наконец, убедившись, что никто его не видит, он положил мешок в свою высокую солдатскую шляпу, которую вместе с мешком водрузил

на голову, и так продолжал выполнять обязанности часового. Как только его сняли с поста, он отнес свое сокровище домой. В тот же день он отправился к приходскому священнику с просьбой совершить святое причастие на три дня, чтобы отблагодарить Бога за ту помощь, которую Всевышний оказал ему и его семье.

Этот человек, известный всем как очень бедный, неожиданно начал тратить деньги не по своим средствам; знающие его люди посчитали, что это могло случиться только за чей-то счет. Заметив пропажу, г-н Пейрюс уведомил императорский двор о ее размере и попросил держать дело в тайне, чтобы император не узнал о нем.

Полиция провела расследование, и человек, который неожиданно стал тратить деньги и этим вызвал подозрение, был арестован. Поначалу он все отрицал, затем сказал, что деньги нашел в канаве. Опасаясь наказания, он продолжал все отрицать; но когда его заверили, что не будут наказывать, а г-н Пейрюс даже пообещал ему 2000 франков, если он скажет правду, он признался во всем. Вся сумма не была возвращена: 4000 франков или остались в руках часового-сапожника, или были потеряны. Я узнал обо всех этих подробностях от г-на Поджи де Талаво, который в то время был мировым судьей, расследовавшим это дело[106].

Пробыв несколько дней в помещении мэрии, император затем переехал в дом[107], в котором до него размещались несколько офицеров инженерного корпуса. Именно в этом доме я и застал Его Величество; воспользовавшись моментом, когда император отсутствовал в этом скромном дворце, я постарался сам получше осмотреть его. В доме было десять комнат с низкими потолками, занимавших цокольный этаж. Четыре комнаты были с видом на город: вестибюль, небольшая гостиная, столовая и маленькая галерея; окна других шести комнат: кабинета, библиотеки, ванной комнаты, спальной комнаты и двух подсобных помещений для слуг — выходили в сад и к морю. Этот дом, расположенный на верхнем конце одной из самых крутых улиц города, стоял на полпути к вершине холма, занятой сооружениями форта Этуаль, в котором квартировался генерал Камбронн, а за этим фортом, еще дальше, находился форт Фалькон. Эти два форта, соединенные между собой тропой под навесом, составляли систему городской обороны с видом на море.

Расположенная подобно амфитеатру, эта резиденция господствовала над городом, гаванью и над прелестными сельскими домами в плодородной долине на другой стороне гавани. Это был наиболее приемлемый, наиболее практичный и самый безопасный дом для Его Величества.

Гофмаршал продолжал занимать общинный дом; генерал Друо проживал недалеко от дворца императора в жилом комплексе, который ранее использовался офицерами гарнизона. Здания этого жилого комплекса были предназначены одновременно и для офицеров, и для кухонь и прислуги императорского дворца.

В городе, как и во дворце, резервуары заменяли питьевые фонтаны; они были вместительными и удобными для всех нужд.

До прибытия императорской гвардии на службе у Его Величества находилась Эльбанская национальная гвардия. Кроме похвал, у императора не было иных слов в отношении ее выправки и преданности. Британский капитан Ашер предоставил в распоряжение императора несколько вооруженных моряков под командованием сержанта с фрегата «Отважный». Они несли дежурство во дворце вместе с солдатами национальной гвардии. Солдат гарнизона едва хватало для охраны фортификаций и городских внешних ворот; национальные гвардейцы разделяли с ними выполнение этой обязанности.

Капитан Ашер, информированный во время высадки императора на берег о том, что его рациону не хватает многих продуктов, самым любезным образом и без промедления выслал императору часть своих личных продовольственных запасов, имевшихся на борту фрегата, не приняв за это никакого вознаграждения.

Во время плавания из Сен-Рафаэля в Портоферрайо и после высадки моряков для охраны дворца британцы были поражены простотой обращения императора с солдатами. Эта простота являла собой удивительный контраст с аристократической надменностью, к которой они привыкли. Когда Его Величество покидал фрегат, он вручил каждому матросу по наполеону, а капитану Ашеру подарил небольшую коробку, украшенную его портретом в окаймлении бриллиантов.

23 мая на рейд Портоферрайо прибыл фрегат «Дриада» под командованием г-на де Монкабрие. Фрегат привел с собой также бриг «Непостоянный»; и на рассвете следующего дня о своем прибытии доложили пять или шесть британских транспортных судов, доставивших солдат императорской гвардии. Г-н де Монкабрие сошел на берег, встретился с императором, губернатором и генералом Далесмом и подготовил все для выгрузки гарнизона.

Солдаты императорской гвардии добирались до Эльбы 25 дней. Эта задержка тревожила императора, который опасался, что им могли помешать погрузиться на борт транспортных судов. Вместе с гофмаршалом он спустился в гавань, где его

приветствовали возгласами «Да здравствует император!» На следующий день эти солдаты сменили на всех постах солдат местного гарнизона. С этого времени они в свободное от службы время начали совершать пешие прогулки по тем же дорогам, по которым ходил император, чтобы заранее разведать обстановку на местности. Встречая их повсюду, император поинтересовался причиной их поведения; ему сказали, что об этом договорились сами солдаты. Император не смог сдержать своих чувств, вызванных подобной преданностью: «Скажите им, что здесь я обрел своих детей, поэтому солдаты могут не беспокоиться обо мне». Эти старые солдаты были хорошими людьми, и островитяне любили их; дети постоянно были рядом с ними, маршируя с палками вместо ружей в руках и надев на головы бумажные шляпы. Литография запечатлела подобную сцену, достоверно передавая ее дух.

4 июня «Дриада» и транспортные суда отплыли из Портоферрайо. До отплытия «Дриады» Наполеон провел несколько дней на борту фрегата.

Неаполитанский фрегат «Петиция», который доставил принцессу Полину 1 июня в Портоферрайо, отплыл 2 июня. Его капитан обещал императору вернуться через несколько месяцев. Его Величество проводил принцессу до гавани; фрегат отплыл и вскоре скрылся за горизонтом.

Глава третья

Организация работы обслуживающего персонала императора — Подробности его общественной деятельности — Его личная жизнь — Его обслуживание — Его здоровье

Как только прибыла императорская гвардия, распорядок дня императора на острове вошел в обычное русло. Сейчас наступило самое время для того, чтобы описать, как приводились в порядок жилищные условия нового суверена острова, как проходили становление императорского двора и организация работы его обслуживающего персонала, а также рассказать немного о характере самого императора.

В кадровом вопросе не произошло никаких изменений среди официальных лиц церкви и судебных учреждений, сотрудников гражданских и правительственных органов общин острова, а также других гражданских служащих.

Генерал Друо был губернатором Портоферрайо и всего острова; генерал Камбронн командовал гвардией. Генерал Друо каждый день разделял трапезу с императором. Генерал Камбронн имел регулярные контакты с Его Величеством, так же как и капитан порта Филидор[108], капитан жандармерии Паоли[109], лейтенанты Бернотти и Тайяд, капитан брига «Непостоянный».

Гофмаршал продолжал руководить деятельностью императорского двора и обслуживающего персонала императора. Императорский двор включал в себя: четырех камергеров — господ Вантини, Лапи, Традити и Гваланди[110]; шесть адъютантов императора — господ Вантини-мл., Бинетти, Бернотти, Пона и Переса; шестой адъютант не был назначен[111] (перед своей кончиной император вспоминал их, так же как и генерального викария Арричи; он всегда с признательностью говорил о них и об их службе); наконец, двух квартирмейстеров дворца: г-д Дешама и Байльона[112], казначея г-на Пейрюса, секретаря г-на Ратери, врача д-ра Фуро[113], ученика Корвисара, и фармацевта г-на Гатта[114].

Обслуживающий персонал для спальной комнаты, столовой и конюшен также был подобран. Проезжая через Фонтенбло, Жервэ и я узнали, что Констан, главный камердинер императора, не последовал за ним на остров Эльбу, а Рустам, уехав из Фонтенбло, не вернулся из Парижа. Жервэ, который приходился Констану дядей, было стыдно за дурное поведение племянника; он поспешил в находившийся поблизости загородный дом Констана и там обнаружил его в полной прострации от

совершенного им неблагодарного поступка. Жервэ пытался уговорить Констана поехать с нами, полагаясь на исключительную доброту, которую император проявлял к бывшему главному камердинеру. Но Констан знал императора лучше, чем его дядя; он-то знал, что сбежал из-за собственной трусости и за это император никогда не простит его. Он так и остался дома, раздираемый чувствами стыда и сожаления. Если эти два слуги, Констан и Рустам, нарушили свой долг и оказались неблагодарными людьми, то совсем другим было поведение г-на Юбера и г-на Пелара[115], которые сопровождали императора на Эльбу и вернулись во Францию только после моего приезда в Портоферрайо. Первый из них возвращался к постели своей умиравшей супруги. Такие люди заслуживают уважения за их преданность.

Со мной оставались слуги Жилли[116] и Новерраз, а также Сен-Дени, мальчик при гардеробной. Сен-Дени[117], задержанный в Майнце, приехал только после капитуляции этого города; он привез с собой несколько коробочек с нюхательным табаком, которые купил на распродаже личных вещей Его Величества.

В Фонтенбло император, зная, что Констан и Рустам к нему не вернутся, спросил, где находится Али — это было имя, которым называли Сен-Дени, когда он надевал костюм мамелюка. Когда императору сообщили, что Али находится под арестом в Майнце, он сказал: «Я сожалею, что кому-то пришлось последовать моему примеру».

Крайние комнаты занимали г-да: Дорвиль, швейцар; Жервэ, ведавший бельевой комнатой и мебельным складом; Сантини, хранитель императорского портфеля; два привратника императорского дворца, уроженцы Эльбы Матиас и Аршамбо[118], возглавлявшие ливрейных лакеев (последний стал главным грумом на острове Св. Елены); и, наконец, полировщики Годрон и Леон. В продовольственный отдел входили г-да: Колен, продовольственный контролер, который вскоре вернулся во Францию; его помощник Кеваль, заменивший Колена; Тотен и Киприани, дворецкие (последний последовал за императором на остров Св. Елены); Пьеррон[119], возглавлявший кладовую (он стал дворецким на острове Св. Елены после смерти Киприани); Фердинанд, шеф-повар и два его помощника: Шанделье и Лафосс. В конюшнях стояло около 50 лошадей. Конюшнями заведовал Шовен; главным грумом был Амодрю. Конюшни обслуживали младшие конюхи, их было 18 или 20 французских и эльбанских юношей[120]; Венсан заведовал технической кладовкой.

Я был призван исполнять во дворце обязанности, с которыми мне не приходилось ранее сталкиваться, поскольку я служил до

этого комнатным швейцаром. После отъезда г-на Юбера Его Величество вызвал меня и задал мне несколько вопросов, на которые я постарался ответить как можно лучше. Его любезный тон в разговоре со мной заставил меня сказать, что в 1812 году он освободил меня от воинского призыва; на это он заявил: «Ты ошибаешься, я не имел права так поступить». Я напомнил ему, что именно таким и был его ответ на просьбу графини Монтескью, которая ходатайствовала за меня, но он потом из собственного кармана заплатил за мою воинскую замену. «Думаю, я помню это, и я рад, что это был ты».

Я сказал ему, что в Рамбуйе моя мать рассказывала мне о том, как императрица противилась совету своего окружения покинуть Париж и хотела показаться на народе вместе с сыном. Императрица заявила, что она не сомневается в том, что к дочери монарха, члена коалиции, войска союзников будут относиться с уважением. Императрица не верила, что австрийский император, ее отец, может сместить ее супруга с престола и лишить ее сына короны, которая должна была принадлежать ему. Я рассказал императору, как Римский король судорожно хватался за каждый предмет мебели, попадавшийся ему под руку, лишь бы только не ехать в Рамбуйе, который он считал слишком безобразным. Раздраженный тем, что к нему применили силу — а силу необходимо было применить, чтобы усадить его в карету, — он в гневе заявил: «Я не хочу покидать Париж. Папы там нет. А здесь я хозяин».

Император спросил меня, какая сумма мне была положена из тех двух миллионов, которые он распределил в Фонтенбло. Я ответил, что я единственный человек, поехавший с ним на Эльбу, который не был включен в список вознаграждений. «Ты не будешь обижен. Я позабочусь о тебе. Я женю тебя. Я назначаю тебя моим первым камердинером. Я вверяю тебе мой личный кошелек; он содержит 800 000 франков золотом. Пейрюс будет выдавать тебе 3000 франков в месяц на мою одежду и карманные расходы. Ты будешь представлять мне ежемесячно отчет о произведенных затратах, а я буду принимать по ним свое решение».

В императорском дворце на Эльбе соблюдался такой же придворный этикет, как и в Тюильри, но только не в таком масштабе. Допуск к императорскому двору можно было получить по представлению гофмаршала или одного из камергеров. Во дворце принимали только избранных людей. Каждое воскресенье в одной из комнат апартаментов императора проводилась месса, которую служил генеральный викарий Арричи. На мессе всегда присутствовал Наполеон. На нее приглашались гражданские и военные официальные лица; император обычно после мессы

встречался с ними. Во дворце часто был слышен перезвон колоколов городских церквей; император в таких случаях, бывало, говорил, что их звук напоминает ему его юность, когда мадам Мер (мать Наполеона) брала его с собой на воскресную мессу, а также о времени, проведенном в Бриенне. Я заметил у императора одну привычку, которая заключалась в том, что всякий раз, когда он хотел опровергнуть выдвинутое против него какое-либо обвинение, он обычно крестил свой лоб большим пальцем и говорил при этом: «Я об этом ничего не знаю».

Когда мадам Мер и принцесса Полина приехали в Портоферрайо, у каждой из них был свой капеллан и они слушали мессу у себя дома. Каждое воскресенье в императорском дворце давался семейный обед, на который приглашались и некоторые люди из города. Каждый вечер в салоне дворца давался прием, проводившийся мадам Мер или принцессой Полиной. На приемах могли присутствовать все особы, имевшие доступ в императорский дворец. Когда часы били десять, император обычно удалялся в свои апартаменты. Прием, как правило, заканчивался в полночь. После прибытия принцессы Полины на Эльбу в Портоферрайо стал работать театр.

Может показаться, что все эти подробности не представляют большого интереса; однако именно в повседневной жизни следовало видеть императора. Именно так я близко познакомился с присущими его характеру добротой и добродушно-веселой манерой общения со всеми его слугами; что касается меня, то я был свидетелем проявления его величия и его славы буквально повсюду.

Я уже говорил, что император поручил мне контроль над его личным кошельком, и обычно каждый месяц он проверял отчет о произведенных расходах. В Париже император редко имел при себе деньги; на Эльбе он всегда носил в кармане небольшой кошелек, в котором было 300 или 400 франков золотом. Он множество разделал пожертвования, и все его прогулки отмечены добрыми поступками. Однажды на прогулке, когда он ехал верхом на коне, к нему обратилась старая женщина из Марчианы. Она поздоровалась с императором и сообщила ему с привычной для эльбанцев уважительной искренностью, что бедна и потеряла своего сына, но не скорбит по этому поводу так сильно, поскольку ее сын умер, находясь на службе Его Величества. Тем не менее она очень нуждается и поэтому просит его помощи. Император заявил: «Я позабочусь о тебе, не оставляй надежду».

«В моем возрасте, сир, у нас больше нет надежд».

«Ладно, тогда сохраняй веру в меня».

«Чего-чего, а веры в вас у меня будет хватать: она пришла ко

мне, когда я увидела вас».

Император вытащил из кармана кошелек и дал ей пять наполеонов. Бедная женщина, увидев блеск такого количества золота, принялась многословно благодарить императора и, только когда он уже был далеко, точно подсчитала сумму подаяния. Опасаясь, что император совершил ошибку, она в тот же вечер отправилась к гофмаршалу и спросила его, понимает ли император, что дал ей целых пять наполеонов. Когда император узнал об этом тактичном поступке бедной женщины, то был этим очень тронут и в тот же вечер распорядился, чтобы я внес ее имя в список пенсионеров. Гофмаршал заверил ее, что император не совершил ошибки и что он в самом деле хотел дать ей столько денег. Среди получателей пособий был и генеральный викарий Арричи, священник, известный своими добродетелями, проницательным умом и почтенным возрастом. Он был небогат, и его дохода не хватало, чтобы облегчить бремя нищеты, которую он видел вокруг себя в самых разнообразных формах. Император отдал мне распоряжение выделить ему 3000 франков из личного кошелька Его Величества. Каждый месяц я обычно приносил 150 франков этому достойному прелату. Он с доброй улыбкой встречал меня и оказывал мне различные знаки внимания, что очень трогало. Обычно он просил меня присесть, после чего принимался рассказывать о разных случаях из жизни императора в юности. Прелат сообщил мне, что император был выходцем из знаменитой флорентийской семьи, которую революции вынудили эмигрировать и которая обосновалась на Корсике; он добавил, что Бонавентуре Бонапарт причислен к лику блаженных, поскольку он был праведным человеком[121]. Прелат также рассказал мне, что после смерти отца императора архидиакон Люсьен[122] принял на себя управление собственностью Бонапартов, поскольку мадам Мер тогда Пыла очень молодой вдовой. Архидиакон Люсьен был весьма почитаемым человеком, и он предвидел великое будущее молодого Наполеона, так же как и Паоли. Я слыхал, как император рассказывал, что архидиакон Люсьен прятал свое золото в собственной постели и перед смертью заявил Жозефу Бонапарту: «Ты старший сын в семье, но есть другой глава семьи», — и указал при этом на Наполеона. Паоли говорил об архидиаконе Люсьене, что его убеждения тождественны учениям сподвижников Плутарха и он оставит большой след в истории своей страны. Его Величество рассказывал, что он когда-то испытывал большую любовь к Паоли, но она исчезла, когда тот перешел на сторону британцев и тем самым вынудил семью Бонапартов покинуть Корсику.

Император говорил, что в юности был неугомонным, с

быстрой реакцией и выделялся среди всех, кто окружал его; когда у него появился вкус к занятиям, что произошло рано, чтение стало у него никогда не проходившей страстью. У него остались теплые воспоминания об отце Патроле[123], преподавателе математики, о котором он обычно говорил: «Этот человек понимал меня».

Я помню много историй, которые делают честь как щедрости и чувствительности императора, так и характеру добрых эльбанцев.

Здесь я должен отмести все абсурдные сплетни о вспыльчивом характере Наполеона, его грубости, эпилептических припадках, которым он якобы был подвержен и которые делали его неуправляемым. Я также заявляю о ложности широко распространенных слухов о том, что под мундиром он носил бронированный жилет. Я могу засвидетельствовать, что никогда ничего не видел у него под мундиром, кроме фланелевой рубашки.

Обслуживание императора было благодарным делом; он был добрым человеком, мягким и добродушно веселым с теми, кто окружал его. Для его гнева всегда имелись веские причины, но свое раздражение он выражал очень дипломатичным путем. Всякий раз, когда говорилось о его сильной раздражительности, те, у кого были причины чувствовать себя виновным в этом и кого он предусмотрительно только мягко журил, обычно признавали его сдержанность и свои ошибки, обещая не совершать их вновь; император был справедлив и всегда готов простить виновных.

В первый день моей службы лично у императора он попросил меня принести ему чашку чая. Я отправил мальчика из гардеробной в буфетную, и тот вскоре принес мне поднос, на котором находилось все необходимое для чая. Я забрал поднос у мальчика и вышел к императору, который прохаживался по садовой террасе, близкой к морю. Он сам налил чай в чашку, положил в нее сахар и уже приготовился было пить, когда неожиданно спросил меня: «Откуда взялась эта чашка?»

«Из буфетной, сир», — ответил я. Он с силой швырнул чашку с содержимым прямо об стену, при этом чашка разбилась вдребезги. «Впредь используй только те вещи, которые находятся в моем саквояже, и никаких других». Я извинился, что ничего не знал о существовании саквояжа, так как никто мне о нем ничего не говорил. Первый урок оказался суровым; я был ошеломлен. У меня не было иммунитета от страха, вызываемого императором, но я был уверен в своей преданности ему, которая и заставила меня предложить свои услуги. Поэтому я сохранял хладнокровие после этой вспышки сильной раздражительности. Я покинул

террасу, чтобы забрать из саквояжа позолоченный поднос и все остальное, имевшее отношение к чаю, и затем опять вернулся к императору, предложив ему чашку чая; выражение его лица заметно изменилось, и он сказал: «Ну вот и прекрасно, это совсем другое дело». Это был единственный случай, когда, обслуживая императора, мне пришлось пережить вспышку его сильной раздражительности. Подобные вспышки обычно продолжались не больше минуты; когда они проходили, казалось, что он помнит их только для того, чтобы намекнуть вам о своем удовлетворении вашей службой или лично вами. Такое поведение было им рассчитано и являлось средством испытания человека и определения его характера. Когда он вернулся во дворец в тот вечер, он так тепло поздоровался со мной, что полностью развеял все мои страхи относительно того, что я ему не понравился. Эти страхи не оставляли меня в покое всю ту часть дня, пока я его не видел. Он стал расспрашивать меня о моих занятиях, семье, моих наклонностях. Достаточно было совсем немного времени, чтобы я убедился в ложности дворцовых слухов о его трудном характере. Я никогда не мог понять, ради чего люди в его окружении верили подобным слухам. Император никогда не совершал актов насилия в отношении кого-либо из своих слуг; он был очень далек от применения подобных методов обращения со слугами и критиковал тех, кто прибегал к ним. У него не было привычки говорить, что он чем-то доволен, он даже, казалось, не обращал внимания на попытки угодить ему или воспринимал эти попытки совершенно бесстрастно; но с его стороны это было всего лишь притворством. Часто случалось, в соответствии с его же системой воспитания слуг, что если он вознаграждал вас за что-то, то в течение остального дня обычно демонстрировал некоторые признаки своего раздражения, словно хотел дать понять, чтобы вы не придавали большого значения той милости, которую он вам оказал. Или после того, как он основательно журил кого-нибудь, а затем замечал, что тот человек казался сильно обиженным, он подходил к этому человеку, которою огорчил, и или сильно щипал его за ухо, или изо всех сил дергал его; это означало, что все забыто. Эти резкие перемены настроения случались редко, и дома мы всегда видели императора в хорошем и приподнятом настроении. Когда он привязывался к человеку и был уверен в его расположении и преданности, этот человек становился неуязвимым; он оказывался под полной защитой императора. Только серьезные провинности могли угрожать дружбе, ради которой император покровительствовал этому человеку. По своему характеру он был склонен к снисходительности и терпимости; ему было свойственно добродушие, и он делал

большие скидки на человеческие слабости. Вспоминая то время в Фонтенбло, когда его стали покидать приближенные, император говорил, что среди этих людей были и хорошие и плохие, и что не следует делать общих выводов и судить обо всех одинаково, и добавлял, что он встречал некоторых людей, достойных того, чтобы их ценили гораздо выше, чем поступки, только что ими совершенные. Поэтому мы стремились не столько предвосхищать желания императора, сколько делать то, что могло ему понравиться. На острове Св. Елены, где его состояние было плачевным, не было недостатка в проявлении нашего внимания к нему и нашей заботы о нем. Каждый из нас может с чистой совестью сказать, что пытался делать все, чтобы смягчить горечь оставшихся у него последних дней жизни во время этой жестокой неволи, и может обращаться к памяти о нашей преданности императору, чтобы унять боль от потери.

Император был последователен в одежде, которую он однажды выбрал: треугольная шляпа, мундир стрелков конной гвардии (тот, что гренадеры надевали в Париже по воскресеньям), сапоги или шелковые чулки с туфлями, застегнутыми пряжкой. Во время первых месяцев своего пребывания на Эльбе он хотел носить белые бриджи с пуговицами внизу и сапоги с застежками; обнаружив, что в подобной экипировке испытывает неудобство, он обратился вновь к белым брюкам и туфлям с пряжкой. Когда он возвращался во дворец после конной прогулки и с него снимали сапоги, он сразу же, не меняя носков, надевал туфли. И он мог себе это позволить, поскольку его сапоги внутри всегда были чистыми и он имел привычку ежедневно надевать свежее белье. Такая привычка появилась у него еще в Париже, где часто, вернувшись с конной прогулки или с охоты, он должен был присутствовать на заседании Государственного совета или на заседании совета министров и не тратить время на смену белья. Он всегда следил за чистотой тела. У него были элегантные руки, за которыми он ухаживал, и прекрасные зубы, которые остались такими до самой его смерти.

Император спал мало. Он вставал с постели несколько раз за ночь. Он настолько хорошо контролировал себя, что мог заснуть когда угодно по собственной воле. Шесть часов сна в сутки, причем подряд или с перерывами, были для него достаточными. Он всегда чувствовал себя счастливым, когда просыпался. «Открой окна, чтобы я мог дышать добрым Божьим воздухом!» — такими часто были его первые слова. Иногда ночью он в халате выходил в сад. Ночи были ясными, и он наслаждался их свежестью. Ночная тишина нарушалась только шумом морских волн, накатывавших на берег в 200 футах внизу под террасой, по

которой прогуливался император, окриком часового «Кто идет?», да еще самим императором, если он начинал петь, что иногда случалось, когда он что-то обдумывал. Император редко следовал мелодии и обычно повторял одни и те же слова в течение нескольких минут. Обычно он напевал: «Если бы король отдал мне Париж, свой большой город…» Как правило, он менял финальные слова песни и вместо «Я предпочел бы мой любимый…» напевал «Отдай мне обратно Париж». Он также пел песню: «Да, решено, я женюсь». Или даже: «Уже светает, а Колетт все нет и нет». Или в заключение: «Марат, народный мститель». Как я уже говорил, его мысли были заняты совсем другим, а не словами песни, которую он напевал. У него был громкий голос, и его смех был слышен на большом расстоянии. Когда он принимался напевать, ему было безразлично, слышит ли кто-нибудь его пение. Казалось, что он стремился подогнать ночь, чтобы она скорее закончилась, и ждал с нетерпением рассвета. Как только наступал рассвет, он одевался, вскакивал на коня и в сопровождении Новерраза или Сен-Дени мчался в гавань, по пути забирая генерала Друо, а затем ехал к гофмаршалу Понтиалю или к своей гвардии, чтобы понаблюдать за ее строевой подготовкой.

Когда утро становилось теплее, он обычно возвращался домой и завтракал, один или вместе с генералами Друо и Бертраном. Он предпочитал простую пишу: чечевицу, белую фасоль, стручковые зеленые бобы, которые он любил, но опасался есть из-за волокон в стручке, застревавших, как он говорил, в горле, словно волосы. Одна мысль о них вызывала у него рвотную спазму. Он обожал картофель в любом виде, даже отварной или печеный в горячей золе. Обыкновенно он пил вино «Шамбертен», которое сильно разбавлял водой. Он почти никогда — или в редких случаях — не пил дорогие вина или ликеры; чашка черного кофе после завтрака гарантировала ему полную трезвость. Вернувшись после завтрака в свои апартаменты, император обычно набрасывал халат, шел в кабинет и ждал, когда для него приготовят ванну. На Эльбе ему готовилась ванна с морской водой, которая устраивала его больше, чем простая вода. В ванне он читал или диктовал, но редко. В резиденции императора на Эльбе я видел переплетенную кожей красного цвета книгу «Переписка монархов с императором».

Однажды, когда я остался наедине с императором, пока он был в ванне, он спросил меня, знаю ли я, как определить количество воды, вытесненное из ванны его телом. Я вынужден был признать свое невежество. «Дай мне листок бумаги и карандаш, и я скажу тебе». Он сделал расчет, но я забыл конечный результат. «Студенты политехнической школы всегда

были рады решать задачи, которые я им предлагал, когда навещал их». Император говорил, что он всегда интересовался делами политехнической школы. Она была основана Монжем, к которому он питал теплые чувства. Школой руководили друзья императора Лаплас, Лагранж и Прони. В школе обучали математическим наукам, которые он любил. «Причина слухов, что я, мол, не любил эту школу, заключается в том, что молодые студенты, в основном в возрасте 15 или 16 лет, отдавали дань увлечениям молодости, погрузившись в разложение столичной жизни. Поэтому я отправлял их в казармы, что им совсем не нравилось».

Император имел привычку оставаться в ванне часа полтора, а иногда и два. Обычно он вставал из ванны, завернувшись в горячие простыни, ложился на час в постель, брился, одевался и около четырех или пяти часов дня садился в карету и отправлялся с визитом к графине Бертран, которую иногда забирал с собой, чтобы продолжить прогулку. Император обычно направлялся к какому-нибудь месту на берегу моря, где его поджидала шлюпка с гребцами из числа матросов охраны и с рулевым Жантилини, моряком с острова Эльба. На этой шлюпке император возвращался домой. На шлюпке обычно хранился запас апельсинов и свечей для использования их ночью.

Когда император, уже одевшись, выходил из своих апартаментов, первый камердинер подавал ему шляпу; он обычно брал шляпу в одну руку, а другой рукой брал носовой платок, обрызганный одеколоном, и прикладывал его к губам, ко лбу и к вискам. Затем ему вручались табакерка с нюхательным табаком, подзорная труба и коробка с лакрицей. Император никогда не покидал дворец, не положив в карманы мундира коробки с нюхательным табаком и лакрицей. Если в течение дня он посещал заседание Государственного совета, то дежурный камергер обычно носил с собой эти предметы, чтобы вручить их императору, если тот забывал их в кабинете или в гостиной.

Император любил роскошь и великолепие, но в то же время хотел, чтобы в управлении хозяйством его императорского двора соблюдалась экономия средств. Он обычно говорил о тех, кто злоупотреблял его доверием: «Я готов пожертвовать 100 000 франков, но я не допущу, чтобы у меня украли хотя бы один су».

Однажды он поинтересовался стоимостью шелковых чулок, которые носил. Я ответил: «Для Вашего Величества они стоят 18 франков».

«И почему для меня дороже, чем для других? Я бы не хотел этого. Разве меня должны грабить?»

«Нет, сир. Я склонен думать, что качество чулок, с учетом

того, что они предназначены для Вашего Величества, как раз и является причиной их высокой цены».

«Вот этого я и не хочу, если только разницу в их цене ты будешь выплачивать из собственного кармана», — заявил он мне, больно ущипнув за ухо.

Это напоминает мне один случай, когда император завтракал с гостями, приглашенными на охоту в Багателе, и спросил у своей сестры, Неаполитанской королевы, на прелестной головке которой красовалась очаровательная розовая шляпа с белыми перьями, во сколько обошлось ей это украшение. Она ответила: «Триста франков».

«Мадам, вас ограбили; с такой суммой я мог бы экипировать десять драгунов императрицы, причем более основательно, чем вы сейчас экипировали себя».

Когда император находился на острове Эльба, ему было 44 года. В юности он был весьма изящен, с бледно-желтоватым продолговатым лицом и глубоко посаженными глазами. Красивая голова, которую мы знали, когда он был консулом, венчала его великолепную стать. Полнота, которую он приобрел с тех пор, придала его красивой голове императорское величие, округлила щеки, сделала цвет кожи более белым и отметила выражение лица знаками экспрессии и гениальности, присущими дошедшим до нас скульптурным шедеврам античного мира.

Я припоминаю, как парикмахер принцессы Полины, пришедший однажды сделать ей прическу, закончив свою работу, отступил от императора на три шага назад, словно художник перед своим шедевром, и, преклонив колена, сказал по-итальянски: «У Вашего Величества замечательная голова римлянина». Это было правдой, но император от души расхохотался, услыхав это восклицание и увидев принятую Родамонте — таково было имя парикмахера — позу.

И действительно, ни на одном из портретов императора, которые я видел, за исключением портрета Давида, изображение его головы не может сравниться с той красивой головой, виденной мной наяву собственными глазами; а ее изображение на гравюрах придает ей тяжеловесность, которая была присуща голове императора. Скульптурный бюст Шоде, по моему мнению, должен служить в качестве модели. Император был среднего роста, имел широкую грудь и прекрасную фигуру; его руки были изящными, а ноги — стройными. Кожа его тела была розового цвета, у него была крупная голова, покрытая очень красивыми волосами каштанового цвета, слегка поредевшими надо лбом, но достаточными, чтобы образовать характерный для него завиток на лбу; он брился таким образом, чтобы не было бакенбард.

Некоторые люди по-прежнему верят, что император чрезмерно увлекался табаком и что, подобно Фридриху Великому, он обычно набивал им карман жилетки, вместо того чтобы класть его в табакерку. Чтобы опровергнуть подобное утверждение, достаточно сказать, что карманы его жилетки были ложными. Табак, которым он пользовался, был крупным и редко оставлял пятна на носовых платках императора; но случалось, что табакерка иногда открывалась в его кармане, и этот редкий случай подавался как привычка.

Каждое утро в семь часов, когда император вставал с постели, к нему приходил г-н Фуро де Борегар, врач Его Величества. Император обычно беседовал с ним о своем здоровье, которое, как правило, было очень хорошим, вел с ним непринужденный разговор о медицине, а также интересовался, чем занимался г-н Фуро накануне вечером. Его Величество высоко ценил своего врача и испытывал к нему самые теплые чувства.

Во время пребывания на Эльбе император дважды страдал от приступов рвоты. Точно такой же приступ случился у него вскоре после нашего прибытия на остров Св. Елены, что вызвало у нас сильное беспокойство. Были ли эти приступы первыми симптомами болезни, которая унесла его от нас? Я не знаю. После первого приступа рвоты в Портоферрайо к императору был немедленно вызван д-р Фуро. Его Величество подробно переговорил с ним о причинах подобного приступа и о средствах, которые могли бы предотвратить его. Император сказал врачу: «Доктор, мой отец умер из-за проблем с желудком. Вы должны сделать все возможное, чтобы спасти моего сына от этого заболевания». Эти приступы не утомляли императора; он обычно после них прополаскивал рот и возвращался в гостиную, не подавая вида, что у него были какие-то неприятности со здоровьем. К сожалению, д-р Фуро не смог продолжать заботиться об императоре и последовать за нами на ужасный скалистый остров; возможно, он смог бы спасти Его Величество для нас. Так как он был членом палаты депутатов в период «Ста Дней», то император предложил ему выполнять возложенные на него обязанности, чтобы оправдать мандат, выданный ему его избирателями, а также просил его не забывать заботиться о Римском короле.

На бедрах императора были полосатые шрамы. У него была привычка скрести ногтями эти шрамы, и его не смущало, если они начинали немного кровоточить: он считал, что это хорошо для здоровья как легкая форма кровопускания. Однажды император расцарапал шрамы до такой степени, что кровь потекла струйкой; он показал присутствующему при этом д-ру

Фуро кровоточивые шрамы и рассказал ему о причине возникновения зуда, а также шрама от штыковой раны над коленом: «Это случилось в Тулоне, когда я командовал знаменитой батареей бесстрашных солдат. Рядом со мной пал убитый артиллерист; я схватил его банник, чтобы стрельба из моего орудия не приостанавливалась, но заодно заразился от артиллериста чесоткой. Меня плохо лечили, вирус болезни проник в организм, и я сильно похудел во время итальянской кампании. Чесотка распространилась даже на мою грудь. Я был вынужден обратиться к врачу. Я встретился с Корвисаром, и его подход к больному показался мне приемлемым; он сказал мне: «У вас нет ничего страшного, это избыток телесной жидкости, которую необходимо удалить из организма». Он наложил два нарывных средства на мою грудь, после чего она стала меньше меня беспокоить. Мой кашель исчез. Все это и сделало Корвисара, вашего учителя, богатым. Именно с той минуты я стал полнеть. Эти маленькие шрамы время от времени кровоточат и тем самым помогают кровопусканию; я заранее чувствую приближение этого момента». Хотя император был невысокого мнения о медицине, он любил говорить на медицинские темы со своим врачом. Однажды д-р Фуро принес с собой анатомические плакаты со схемами и стал объяснять их Его Величеству. Император слушал его внимательно и рассказал ему, что он тоже хотел изучать эту науку, но вынужден был отказаться из-за отвращения к трупному запаху, которого он не мог выносить. Вернувшись в разговоре к теме собственного здоровья, император сказал врачу: «Для меня совершение чего-то сверх меры, что противоречит моим нормальным привычкам, означает необходимость восстановления надлежащего баланса в деятельности моего организма; после продолжительного отдыха день охоты или несколько часов конной прогулки идут мне на пользу. Я редко прибегаю к вашей помощи потому, что я знаю свои возможности, и если я превышаю их, то мой желудок немедленно дает мне об этом знать».

На острове Св. Елены у императора было несколько рвотных приступов, но они прекратились в последние годы его жизни; зуд не приводил к каким-либо последствиям. Он расчесывал шрамы, но никакого кровотечения не было. Его потливость, ранее обильная, исчезла.

Глава четвертая

Строительные программы императора в Портоферрайо — Дворец в Марчиане — Покупка в Сан-Мартино — Кончина императрицы Жозефины — Приезд мадам Мер — Приезд госпожи

Валевской, ее сестры, брата и сына — Приезд принцессы — Императорский двор на Эльбе — Рыбная ловля тунца

На Эльбе предстояло провести большие строительные работы. Сначала император позаботился о своих домах в городе и в сельской местности, а также о жилище для мадам Мер и принцессы Полины, которые должны были приехать, чтобы никогда больше не покидать его: об этом свидетельствовала любовь мадам Мер к Его Величеству. Остров посещало большое количество иностранцев[124]; островитяне должны были обеспечить их жилищем. Посещавшие остров знатные англичане, которым была оказана честь быть представленными императору, поражались ясностью его мышления.

Как только на остров прибыла императорская гвардия, гренадеры и стрелки в свободное время занимались тем, что сносили печи, которые когда-то предназначались для плавки пушечных снарядов, а также большое количество лачуг, в беспорядке разбросанных в округе. Они вынуждены были использовать взрывные средства: те здания когда-то строились с таким расчетом, чтобы их стены не пробивались и снарядами. С солдатами была достигнута договоренность об оплате их труда, но работа оказалась очень тяжелой, и они попросили императора выдать им премиальные, сказав, что им хватает времени только на то, чтобы пить воду. Премиальные были выданы. За короткий срок на месте тех лачуг возникли прекрасные терраса и сад. Совершенно изолированный, дворец возвышался над всей округой[125]. Люди самых разнообразных профессий, знатные иностранцы, большое количество англичан и французских купцов, путешествовавших по Италии, посещали остров, и арендная цена на жилье стала там очень высокой. На всем острове отмечался бурный подъем торговой и деловой жизни. До императорского дворца можно было добраться, только поднявшись по крутым ступеням лестницы. Через город, в соответствии с указанием Его Величества, к дворцу была проложена красивая извилистая улица. На острове прокладывались дороги: строительство одной, ведущей из Портоферрайо в Марчиану, подходило к концу; а та, что вела к Порто-Лонгоне, была уже готова. Строительство еще одной, ведущей в Сан-Мартино, практически закончилось[126].

В Сан-Мартино император купил очень обширный участок земли, весь покрытый виноградниками. Там он построил очаровательный загородный дом[127]. Когда дом строился, Сан-Мартино стал местом прогулок императора, куда он отправлялся верхом на лошади в сопровождении адъютанта или в карете,

эскортируемой пикетом польских уланов. Тридцать этих замечательных солдат под командованием майора Балинского[128] прибыли из Пармы со своими лошадьми, чтобы присоединиться к товарищам из императорской гвардии.

Активная созидательная деятельность императора была прервана печальным известием о смерти императрицы Жозефины 29 мая 1814 года[129].

Император выглядел глубоко опечаленным; он заперся в своем кабинете и в течение дня принял только гофмаршала на несколько минут.

Вспоминая императрицу, император говорил, что она обладала элегантностью креолки, сочетаемой с беспредельной грацией и обаянием, с общительностью и уравновешенностью характера, которые всегда оставались неизменными. Все, что она носила, было элегантным. Она была законодательницей моды. Ее ночной наряд был таким же элегантным, как и дневной. Признавая за императрицей пристрастие к трате денег и добавляя при этом, что ему несколько раз приходилось улаживать ее долги, император в то же время отдавал ей должное, когда заявлял, что среди долгов, которые она делала, были и такие, которые помогали ей обретать друзей при помощи безделушек, отдаваемых ею в подарок в нужный момент и с ее обычным изяществом. Он говорил: «Жозефина превосходила всех других изяществом своих манер, когда вручала подарки. Она любила различные виды искусства и покровительствовала им. Она устраивала баталии с Денононом, чтобы заполучить несколько картин для украшения своей галереи. Мои рекомендации Денону обычно ставили все на свои места». Когда император впервые встретился с ней, он был больше очарован ее умом и умением держаться грациозно, чем ее красотой; она была само обаяние. Это первое впечатление, произведенное Жозефиной на Наполеона, вскоре привело к браку, и оно только усиливалось с каждым днем, а после развода уступило место любви, полной уважения. Визит, нанесенный ей императором Александром и королем Пруссии, оказался причиной ее кончины: уже несколько дней она была больна, но встала с постели и нарядилась, чтобы принять двух монархов. Вылеченная было лихорадка, давшая осложнение в виде ангины, привела ее к могиле.

Обладая добрым характером, мягким сердцем и искренней чувствительностью, она обычно проникалась жалостью к людским невзгодам и плакала вместе с теми, кто приходил к ней поведать о своих злоключениях. Такое отношение к людям, говорил император, часто делало ее жертвой манипуляторов. Император хотел положить конец этой установившейся тенденции

разбазаривания средств. Он пригрозил отправить в тюрьму некую персону, которую он подозревал в том, что она подбивает императрицу к транжирству: это была мадемуазель Депо[130], портниха или шляпница. Однажды, заметив ее во дворце, император приказал, чтобы ее выдворили и отправили под конвоем четырех жандармов в Венсеннскую тюрьму. Приказ, отданный герцогу Ровиго (Савари), был приведен в исполнение самым буквальным образом. Эта женщина уже шагала в конце улицы Сен-Клу, весьма обеспокоенная тем, что могло послужить причиной подобного обращения с ней, когда маршал Дюрок, услыхав, что шутка императора была воспринята серьезно, распорядился, чтобы мадемуазель Депо было позволено сесть в его карету. Она приехала в Париж, чувствуя себя совершенно больной от выходки императора. Во дворце, где эта история обсуждалась на все лады, женское окружение императрицы посчитало поступок императора довольно варварским.

Воспоминания об императрице были связаны с самыми прекрасными моментами политической карьеры императора, итальянскими кампаниями, переговорами в Монтебелло, Кампо-Формио, Консулатом, первыми годами Империи. С Жозефиной звезда императора восходила; во время второго брака она необычайно ярко блистала. Тогда она была Венерой, вечерней звездой.

Личный кошелек Марии Луизы доходил до 50 000 франков в месяц; 20 000 франков предназначались для бедных, а ее резервный фонд составлял 20 000 франков. С меньшей суммой денег, чем у Жозефины, она добилась большего, поскольку была лучше организованной; она делала множество пожертвований, но не знала, как и кому следует делать подарки, как это всегда знала Жозефина[131].

Остров Эльба, на котором обосновался император, был местом покоя и философских размышлений; но на какое время? Разве не появились у него уже там какие-то смутные надежды? Он не смел признать это и искал возможность отвлечься; работа, которой он занялся, возвращала его к чему-то основательному и надежному, чего он хотел придерживаться, но что каждый день уходило от него.

После нескольких дней скорби он вновь посвятил свое время рабочим, каменщиками и плотникам. Его можно было найти среди них с самого раннего утра выслушивавшим рабочих и смеявшимся над их высказываниями.

Для того чтобы принять принцессу Полину[132], император распорядился о строительстве прекрасных апартаментов над первым этажом, который занимал он сам, и очень большого

здания[133], примыкавшего к дворцу. В этом здании должны были находиться зал для проведения балов и маленький театр; лучшие художники Италии прибыли в Портоферрайо, чтобы украсить эти помещения, а также театр в городе. Император должен был покинуть дворец на короткое время; он поехал жить в уединенном месте рядом с часовней «Мадонна де Марчиана»[134]. С собой он взял только несколько человек: его сопровождали Паоли, капитан жандармерии, и адъютант Бернотти. Несколько гренадеров и три мамелюка расположились лагерем поблизости.

Марчиана-Марина лежит у подножия самой высокой горы острова, Маунт-Кампана. Эту деревню населяют рыбаки; продолговатый и крутой холм ведет к Марчиане. Само поселение маленькое; длинный подъем ведет к часовне «Мадонна». Там, в конце подъема, в каштановой роще стоит аккуратно построенная часовня, удачно украшенная внутри; рядом с часовней находится одноэтажное сооружение, состоящее из четырех сообщающихся между собой комнат. После того как в них были покрашены стены и вымыты кафельные полы, дом стал приемлемым для проживания в нем императора. Одно время в доме уединились двое отшельников. Они жили за счет подаяний, которые собирали каждый день в городе и в близлежащих деревнях. Они перебрались в домовой погреб, высеченный в скале недалеко от дома, поскольку сам дом приютился на отлогом горном скате. Отшельники были истово верующими и полезными обществу, они помогали, чем могли, соседям и давали всем пример своими добродетелями. Они обслуживали часовню, которая раз в году привлекала из соседних общин паломников, никогда не забывавших опустить милостыню в кружку для пожертвований.

Человек, чье имя передавалось из уст в уста во всей вселенной и чьи доброта и добродетели были иного рода, чем у отшельников, приехал в этот уединенный уголок, чтобы занять их скромное обиталище. Изменчивость судьбы и политической дружбы, человеческие страсти и энтузиазм общественного мнения были для него предметами размышления, такого же глубокого и исчерпывающего, как и у двух добрых отшельников. Поблизости от часовни, напротив ее главного входа, было воздвигнуто здание в дорическом стиле, имевшее полукруглую форму. Его антаблемент поддерживался в равных интервалах пилястрами. Рядом со зданием протекал довольно бурный поток ясной и чистой воды, рожденной в источнике на горном склоне. Этот журчащий водяной поток продолжал свой путь, чтобы скрыться в каштановой роще, поддерживая в ней прохладу. Ландыши, гелиотропы и фиалки наполняли прохладу и сырость леса своим ароматом. Это было райское место. Тишина ночей и мягкое

лунное сияние настраивали на меланхолические мечты, очарование которых так ценил император. Недалеко от источника, если взобраться еще выше к остроконечной вершине Маунт-Кампана, можно выйти на абсолютно голую скалу[135] и с нее обозревать Тосканский архипелаг, Корсиканское море, острова Пьяноса[136] и Монтекристо[137]. Оба эти острова лежат возле Эльбы. С этой скалы император мог представить себе отеческую крышу в Аяччо, а еще дальше ту прекрасную Францию, от чьей судьбы он отрекся. Императору нравилась эта уединенная скала; он приходил к ней и однажды почувствовал там необходимость немного вздремнуть. Капитан Меллини[138], который был с императором, сделал очаровательный набросок этой сцены; вскоре, отложив в сторону карандаш, он схватил молоток с долотом и высек на скале час, дату и год, когда на этом месте спал император. Мы обязаны этому офицеру инженерных войск несколькими рисунками Эльбы, и среди них рисунки маленькой флотилии Портоферрайо, когда она отплыла к берегу Франции.

Император проводил время в поездках по окрестным деревням, и повсюду он облегчал горькую участь местных жителей. Часто я, раздавая пособия, был исполнителем его благотворительной деятельности. Император оставался в своем уединенном уголке несколько недель, когда 2 августа ему сообщили о прибытии мадам Мер в Портоферрайо. Он немедленно вскочил из-за стола и, чтобы поскорее встретиться со своей дорогой матерью, отправился к морскому причалу в Марчиане, где взошел на борт своего бота. Я поплыл вместе с ним, а все остальные слуги поспешили в Портоферрайо обычной дорогой. Море было неспокойным, но император прибыл в Портоферрайо как раз в тот момент, когда мадам Мер сходила на берег. Он так бурно целовал ее, что высушил все слезы, стекавшие из глаз. Так много всего произошло со времени их разлуки!

Император отвез мадам Мер в ее резиденцию[139]. Для нее был подготовлен вместительный дом вблизи императорского дворца. Мадам Мер была в хорошем состоянии здоровья и по-прежнему очень красива. Тогда ей было шестьдесят лет; она следила за своей фигурой и выглядела на десять лет моложе своего возраста. Женщина сильного характера, она мужественно и со смирением перенесла потерю супруга, которого обожала и чей портрет всегда возила с собой. С того момента она целиком и полностью посвятила себя своим детям. Император обычно говорил: «Мадам Мер полна величия и гордости. Она достойна всяческого почитания. Забота, которую она проявляла по отношению к нам и к нашему образованию, представляет собой

редкий пример семьи, которая дала столько умных и способных детей».

Мадам Мер разделяла злоключения своего мужа, когда была беременна императором. Она родила тринадцать детей; овдовев в 30 лет, она осталась с пятью сыновьями и тремя дочерьми: Жозефом, старшим сыном, ставшим Неаполитанским королем и королем Испании; Луи, королем Голландии; Жеромом, королем Вестфалии; Полиной, принцессой Боргезе; Каролиной, Неаполитанской королевой; Элизой, великой герцогиней Тосканы; и принцем Люсьеном, чьи воззрения отдалили его от императора, но который в период «Ста Дней» вновь вернулся к нему. Император часто рассказывал, как его мать, беременная им, хотела пойти на мессу 15 августа, в день Успения. В страшной спешке она вернулась домой и, не успев дойти до своей комнаты, прямо на ковре родила легендарного человека. У меня была возможность увидеть в доме мадам Мер портрет во весь рост отца императора Карло Бонапарте. Он был очень красивым человеком. Император говорил о нем как о выдающемся человеке. Он скончался от рака желудка в Монпелье.

Мадам Мер привезла с собой камергера г-на Колонна, двух компаньонок[140] и свой обслуживающий персонал. Среди ее слуг была очень старая, с согнутой спиной женщина, которая вырастила всех детей мадам Мер. Ее звали Саверией. Мадам Мер доверяла ей, и та заведовала всем ее хозяйством. Она отличалась невероятной скупостью, которую тогда приписывали мадам Мер. Последняя была хорошо организованной женщиной, но не скрягой, как нравилось говорить многим людям.

Однажды г-жа Саверия пришла во дворец и попросила разрешения повидаться с императором, который в это время находился еще в спальной комнате. Я сообщил императору о визите старой женщины, и он сразу же распорядился: «Пусть Саверия войдет». Император, смеясь, спросил ее на итальянском языке: «Ну что, Саверия, ты по-прежнему такая же скупая, какой мне приходилось знать тебя?» Она ответила на том же языке: «Сир, это не скупость, это бережливость». Она осталась очень довольна теплым приемом, оказанным императором, и обещанием устроить на работу одного из ее внуков, который только по приехал на Эльбу. Уважаемый отец Бонавита стал священником мадам Мер.

После нескольких часов, проведенных вместе с матерью, император вернулся домой, чувствуя себя очень счастливым; он лег спать, но ночью ему стало плохо. В Марчиане он попросил одного из мамелюков из императорской охраны приготовить ему плов по-турецки; чеснок, входивший в состав предложенного

императору блюда, возбудил его аппетит, но ночью у него возникли неприятности с усвоением пищи; несколько чашек чая привели его в норму. На следующий день, рассказывая со смехом об обеде, приготовленном его мамелюком, император признался, что никогда так много не ел и притом с таким аппетитом.

15 августа на острове праздновался день рождения императора; гражданские, военные и религиозные официальные лица нанесли визит Его Величеству, чтобы выразить ему свое уважение. По случаю дня рождения императора был дан большой обед, на котором присутствовали: мадам Мер; графиня Бертран и ее супруг; генерал Друо; генерал Камбронн; полковник Мале[141]; генеральный викарий Арричи и г-н Сенно, мэр города; президент суда острова Эльба и г-н Пон де л'Ерол. После обеда император распорядился, чтобы я принес ему небольшую коробку с ювелирными вещицами, которые по его заказу прислали ему из Генуи. Ни один из гостей не был обделен его щедростью; генерал Друо получил значок в виде герба. Императорская гвардия не захотела, чтобы ее превзошел город, и тоже устроила празднество. Когда наступил вечер, артиллеристы запустили очень красивый фейерверк, который они подготовили сами. В тот же вечер был дан общественный бал. Посмотрев его начало, Его Величество вернулся домой и переоделся, сменив мундир на гражданский костюм и надев круглую шляпу. Затем он вместе с графом Бертраном вышел на улицы города, где смешался с толпой людей. Он получил достаточное доказательство любви от простых эльбанцев, чье жизнерадостное и шумное веселье продолжалось далеко за полночь. В тот же день император присутствовал на обеде своей гвардии, солдаты которой были счастливы, когда с ними оказывался император. Когда он появлялся, можно было услышать идущие из глубины сердца возгласы: «Да здравствует император!» Депутация из числа сержантского состава подошла к нему, чтобы предложить бокал вина. Он взял бокал и произнес тост, пожелав им здоровья; для всех этих старых вояк то была минута энтузиазма, близкого к экстазу. Император вернулся домой только в полночь, очень довольный проведенным днем.

После приезда императора Портоферрайо было не узнать. Его жители были благодарны за проводимые по всему городу работы. Улицы, ранее недоступные для проезда, открылись для движения карет — теперь можно было проехать к дворцу. Закончилось строительство театра, названного «Фортунати», его внешняя отделка завершилась. Осталось только ждать приезда итальянских артистов, которые должны были составить труппу театра за незначительное жалованье. Даже распространились

слухи, что на открытие театра следует ожидать приезда г-жи Грассини[142] и г-на Кресчентини[143], а также знаменитого композитора Паера[144]. Император всегда с добротой относился к артистам, которым он покровительствовал. Те, которые только что были упомянуты, стали объектами его необыкновенной щедрости. Г-жа Грассини не могла забыть, как во время коронации в Милане она привлекла внимание императора. Тогда же его величество пригласил ее к себе, и после первых минут их встречи она напомнила ему, что дебютировала на оперной сцене во время его первых подвигов в Италии: «Тогда я была, — сказала она, — на вершине своей красоты и таланта; я привлекала всеобщее внимание; я разжигала огонь во всех сердцах. Вы один оставались равнодушным ко мне и, тем не менее, только вы один вызывали у меня интерес. Когда вся Италия была у моих ног, я с презрением отвергала все ради одного только вашего взгляда, и все напрасно; и теперь, когда я более недостойна вас, вы, наконец, взглянули на меня». Императору нравилось вспоминать этот эпизод из его жизни и женщину, речь которой очаровала его, так же как и ее личность.

Между 1789 и 1799 годами написал не менее 25 опер для всех итальянских театров. Уже став знаменитым, он был приглашен в Дрезден в 1801 году в качестве руководителя певческой капеллы курфюрста Саксонии. Когда во время военной кампании 1806 года Дрезден был занят французскими войсками, Паер только что поставил оперу «Ахилл». Наполеон слушал эту оперу, и она так понравилась ему, что он захотел, чтобы этот музыкант, репутация которого была одной из самых блестящих в то время, поступил на императорскую службу. По приказу Наполеона Паеру был вручен контракт, датированный январем 1807 года в Варшаве и подписанный Талейраном. По контракту Паер становился пожизненным композитором императорского двора и музыкальным директором концертов императорского двора и театров. Наполеон привез композитора в Париж вместе с его женой, талантливой певицей, и тенором Брицпи; композитор входил в состав личной певческой группы императора с ними, а также с Кресчентини, г-жой Грассини и другими оперными виртуозами.

Слишком занятый представлениями и концертами, Паер в течение нескольких лет почти ничего не писал. В 1811 году его гений, казалось, пробудился вновь, и он написал партитуру для оперы «Агнесса». Вскоре после этого, в 1812 году, Наполеон назначил его директором итальянского театра, заменив им на этом посту прежнего директора Спонтини.

При Луи Филиппе Паер возглавлял музыкальную капеллу

короля вплоть до своей кончины.

В дополнение к подаркам Кресчентини получил орден Железной Короны. Орден был иностранным, таким же, как и певец. Люди с большим неодобрением отнеслись к подобному поступку, но все их возмущение немедленно прекратилось после замечания, прозвучавшего особенно веско из уст такой красивой женщины, как г-жа Грассини. В ее присутствии люди в салоне, где она была, шумно возмущались по поводу присуждения Кресчентини ордена, когда она величественно встала с кресла и громко произнесла: «А разве его рана, господа, ничего не значит?» Ее заявление произвело такое сенсационное впечатление, что она сама была смущена собственным успехом. Но с критикой поступка императора было покончено.

Г-н Паер, музыкальный директор при императрице Марии Луизе, также был осыпан щедротами императора. Все эти три артиста чувствовали себя в неоплатном долгу перед императором и в период «Ста Дней» говорили мне, что, если бы император оставался на Эльбе, они бы обязательно поехали туда, чтобы развлечь его своими концертами[145]. Тальма и мадемуазель Жорж[146] также предполагали сделать это.

В ту же осень несколько офицеров гарнизона, генерал Лебедь[147], который только что приехал на Эльбу со своей очаровательной дочерью, удостоенной внимания со стороны Наполеона, а также несколько местных дам осуществили постановку «Калифа Багдада»[148]. Спектакль был хорошо поставлен и пользовался большим успехом. Его давали в маленьком театре, воздвигнутом во вместительном зале, построенном по указанию императора около дворца для того, чтобы там зимой проводились балы. Император выразил удовлетворение по поводу спектакля и пожелал вновь увидеть его.

Музыканты, нанятые в Генуе капитаном Лубером[149], были среднего уровня; император послушал их, когда они прибыли в Лонгоне, и остался ими недоволен. Отличный музыкант из Милана, Гаводиано, который добровольно предложил императору свои услуги, был назначен дирижером оркестра. Так как основные музыканты были хорошими, то Гаводиано сумел создать прекрасный оркестр, который сопровождал Эльбанский батальон в Париж. Гаводиано был потом назначен главой военного оркестра императорской гвардии. Он также стал работать в императорской капелле: это было справедливой наградой за его бескорыстие и любовь к императору.

Миссия капитана Лубера в Геную также имела цель представить там в выгодном свете императорский бриг и

государственный флаг Эльбы. Бриг был укомплектован пятьюдесятью гренадерами в красивых мундирах. Когда эти гренадеры сошли на берег, они произвели сильное впечатление на местных жителей; всем хотелось посмотреть на гренадеров и пригласить их к себе в гости. На их загорелых лицах читалась доблесть, и они были предметом всеобщего обожания. От приглашений в гости они мужественно отказывались, с энтузиазмом говорили об императоре и, возвращаясь на борт брига, вели себя с подкупающей мудростью.

С ними в Геную также отправился Киприани, один из дворецких императора. Он был тайно послан с тем, чтобы поблагодарить нескольких своих знакомых торговцев, которые ранее предлагали императору свои услуги и любые деньги, в которых он мог нуждаться. Для того чтобы скрыть истинную причину этой миссии, было закуплено некоторое количество мебели.

Когда бриг вернулся на Эльбу, император поднялся на его борт и побеседовал со своими старыми солдатами, которые были счастливы вновь видеть его и радовались увольнению на берег в Генуе. Император поинтересовался, хорошо ли с ними обращались во время этого плавания. Один из гренадеров, любитель выпить по прозвищу Комета, ответил: «Сир, ну и поездка же была!»

«Есть ли жалобы? Судя по цвету твоего лица, у тебя не было недостатка в вине».

«Сир, это только солнечный загар; но самая прекрасная вещь на мне — вот эта (указывая пальцем на кокарду на кепи); она никогда не смотрит назад».

Император покинул корабль и, когда вечером вернулся домой, все продолжал смеяться, вспоминая хитроумную увертку своего старого ворчуна, который несколько месяцев спустя погибнет в сражении при Ватерлоо, повторяя слова своего вождя: «Гвардия умирает, но не сдается!»

В июле в Портоферрайо приехала графиня Бертран со своими детьми и в сопровождении брата генерала. Дама была беременна и в августе родила мальчика, который умер в октябре из-за прискорбной ошибки фармацевта. Сочувствуя такой оправданной скорби, император часто навещал ее, успокаивая дружескими словами, чтобы уменьшить ее душевную боль. Именно он и императрица Жозефина способствовали браку этой женщины с генералом Бертраном, к которому император испытывал глубокие чувства уважения и привязанности. Каждому из них он вручил приданое с той щедростью, с которой делал всем подарки: 200 000 франков — графине, 50 000 франков в бриллиантах,

30 000 франков на ее личное приданое, 200 000 франков графу Бертрану и ему же виллу «Ла Жоншер». Таково было приданое этой пары. Эти подробности мне сообщила сама графиня, которая любила рассказывать о доброте императора по отношению к ней[150].

Графиня Бертран привезла с собой текст договора в Фонтенбло[151], который был сожжен вместе с другими бумагами, когда император покинул Эльбу.

Эта дама умела вести приятную беседу, у нее была элегантная фигура и очаровательные ножки; ее внешность не была красивой, но зато обаятельной. От всей ее личности исходила величавость, которую унаследовали ее дети.

Приезд мадам Мер заставил императора вернуться в Портоферрайо. Прожив там несколько недель, он вернулся 20 августа в Ла Мадонну, а мадам Мер приехала в Марчиану[152], остановившись в маленьком доме. Император ежедневно обедал в ее доме и принимал там же небольшое количество посетителей из города, возвращаясь вечером в свой уединенный уголок. Его Величество находился в этой своей резиденции уже несколько дней, когда г-жа Валевская[153], следовавшая в Неаполь, попросила разрешения императора сделать остановку на Эльбе и повидаться с ним. Получив соответствующее разрешение, она приехала на остров вместе с сыном, сестрой и братом[154]. Она гостила у императора в Ла Мадонне 24 часа и не ездила в Марчиану, где была мадам Мер. На острове все решили, что приехали императрица и Римский король, и поэтому народ был охвачен сильнейшим волнением. Император поехал встречать ее вместе с Пасли, капитаном жандармерии, Бернотти, одним из его адъютантов, и двумя мамелюками. Бернотти спешился с лошади, когда они встретили двух женщин, взял на руки мальчика и понес его в Ла Мадонну, не позволив никому удостоиться чести нести предполагаемого Римского короля. Конечно, он был старше действительного Римского короля на два года, но красота его черт и вьющиеся светлые волосы, спадавшие на плечи, делали его очень похожим на Римского короля, изображенного на портрете Изабо.

Слух о прибытии гостей императора распространился по всему Портоферрайо, и д-р Фуро, которого император не взял с собой, отправился к генералу Друо, чтобы спросить его, не следует ли ему предложить императрице свои услуги; на следующий день на рассвете д-р Фуро уже был в Ла Мадонне. Император предоставил в распоряжение двух лам три маленькие комнаты, которые он занимал; в них были приготовлены постели, а сам император на ночь уединился в палатке, воздвигнутой на

некотором расстоянии от лома пол каштановыми деревьями. Сен-Дени и я спали снаружи, приткнувшись к стенкам палатки. Именно там д-р Фуро и нашел меня. Удивившись его появлению, я спросил, что заставило его приехать сюда; когда он первым долгом поздравил меня по поводу того удовольствия, которое я должен испытывать, повидавшись с собственной матерью, мне тут же стало понятно его заблуждение, и, поскольку в этот момент меня из палатки позвал император, я не успел исправить ошибку д-ра Фуро. Я рассказал о случившемся императору, который от души расхохотался. Когда я помог императору одеться, он вышел из палатки, в которой провел довольно беспокойную ночь: проливной дождь с сильным ветром не давали ему спать, но яркое солнце обещало прекрасный день и уже высушило своими лучами окружающую местность. Император увидел игравшего сына г-жи Валевской, подозвал его к себе, сел на стул, который он попросил меня принести, и усадил мальчика к себе на колени. Затем он вызвал к себе доктора, который прогуливался поблизости. Когда доктор появился, император спросил: «Ну, Фуро, и как же ты его находишь?»

«Видите ли, сир, я думаю, что король сильно вырос!»

Этот ребенок был на два года старше юного Наполеона, но у него был такой же тип лица. Императора сильно рассмешила допущенная доктором ошибка, он немного подразнил его, а затем поблагодарил за стремление приехать и предложить свои услуги.

У императора в Ла Мадонне не было слуг, которые могли бы обслуживать его гостей; поэтому полностью приготовленный завтрак, так же как и обед, доставлялся из Марчианы. Если столу недоставало роскоши, то зато веселья было в изобилии. Император хотел, чтобы ребенок, не завтракавший с ним, сидел у него за обеденным столом. Г-жа Валевская заявила, что ее сын слишком непослушный, но Его Величество не удивился озорству ребенка. Император утверждал, что он сам был упрямым и непослушным, сказав: «Я обычно колотил Жозефа и затем заставлял его делать за меня домашнюю работу. Если меня наказывали и сажали на один хлеб, то я уходил и менял его у пастухов на каштановые лепешки или, обычно, отыскивал свою няньку, которая в этом случае кормила меня маленькими рыбками, наживками для рыбной ловли, которые я очень любил!»

«Сир, — заметила г-жа Валевская, — думаю, что если бы их сейчас предложили Вашему Величеству, то они бы вам не понравились».

«Ничего подобного, я бы съел их с удовольствием».

День был посвящен прогулкам по окрестностям только до обеденного времени, поскольку дамы должны были отплыть в

Неаполь в тот же вечер. За обедом император посадил сына г-жи Валевской рядом с собой; поначалу ребенок вел себя хорошо, но это продолжалось недолго, и так как мать начала бранить его, император сказал: «Разве ты не боишься розог? Ну что ж, я тебе настоятельно советую, чтобы ты их боялся: мне пришлось испытать порку только один раз, но я навсегда запомнил ее». Император стал рассказывать, как это произошло: «Моя бабушка была очень старой и сутулой. Мне и Полине она казалась старой феей из сказки. Она ходила с клюкой и выражала свою любовь к нам тем, что всегда приносила нам сладости; однако это не мешало нам ходить позади нее и передразнивать ее походку. К несчастью, она заметила это и пожаловалась мадам Мер, сказав ей, что та воспитывает нас без должного уважения к бабушке и дедушке. Хотя мадам Мер очень любила нас, она не на шутку рассердилась, и я понял, что здорово «влип». Полина была наказана первой, поскольку было легче задрать ей юбку, чем расстегивать мои штаны и затем стаскивать их. В тот вечер она пыталась поймать меня, но безуспешно; я уже подумал было, что мне удастся остаться безнаказанным. На следующее утро она оттолкнула меня от себя, когда я попытался поцеловать ее, но я обо всем забыл, когда днем мадам Мер сказала мне: «Наполеон, ты приглашен на обед в дом губернатора, иди к себе и переоденься!» Я пошел к себе наверх, счастливый от мысли, что буду сидеть за столом вместе с офицерами, и стал быстро раздеваться. Но мадам Мер вела себя словно кошка, поджидавшая мышь: она неожиданно вошла в мою комнату и закрыла за собой дверь. Я понял, что это была ловушка, но было слишком поздно. Я вынужден был покориться порке». И поскольку ребенок с большим вниманием слушал рассказ императора, то Его Величество спросил: «Итак, что ты думаешь по этому поводу?»

«Но я же не передразниваю маму», — ответил мальчик, изобразив на лице выражение полного раскаяния. Это очень понравилось императору, который поцеловал его и сказал: «Вот это хороший ответ!»

Днем капитан жандармерии доложил императору, что он только что получил сообщение, что два солдата Корсиканского полка обменялись ударами сабли. Император спросил: «Что за причина? Несомненно, из-за проститутки?»

«Да, сир».

«Кто из них был ранен?»

«Тот, кто, судя по всему, был зачинщиком ссоры, оскорбив женщину, которую другой солдат держал за руку».

«Тогда это справедливо; даже самое смиренное животное укусит любого, кто посягнет на его пищу».

Г-жа Валевская в то время, когда император знавал ее в Польше, была красавицей, которая могла свести с ума кого угодно. Она (позднее графиня д'Орнано[155]) родила императору сына, всегда была очень преданна ему и в трудные времена не подводила его, будь то в Фонтенбло в 1814 году[156] или в Мальмезоне в 1815 году. В то время, когда она приехала на Эльбу, она выглядела немного пополневшей, хотя это не повлияло на ее талию. Открытое и спокойное выражение ее лица свидетельствовало о мягкости ее характера. Ее сестре, которая приехала с ней, было на вид лет 18; она была стройной, с головкой ангела. Через два дня после приезда эти дамы отправились на борт корабля, который доставил их на Эльбу, и отплыли в Неаполь. Император сопровождал их до причалов Марчианы и был с ними очень обходителен. Он говорил, что в его дни мужчины были более вежливыми, чем они стали сегодня. Лагерная жизнь не сделала его циничным; во всех случаях, касавшихся прекрасного пола, он прибегал к выражениям и словам, овеянным поэзией.

Сентябрьские дожди вынудили императора покинуть резиденцию в Ла Мадонне и выехать в Лонгоне[157]. Мадам Мер из Марчианы уехала в Портоферрайо. В Лонгоне император жил в верхней части города, представлявшей из себя форт, построенный на вершине скалы; вид из апартаментов был восхитительным. Полковник Жермановский[158] был губернатором города и замка. Являясь таковым, он прибыл, чтобы приветствовать императора и проводить в его апартаменты, которые были просторными и обширными, но полностью лишены мебели. Сразу же была установлена походная кровать, которая всегда была с императором во время его поездок; несколько стульев и стол дополнили мебель спальной комнаты. Полковника Жермановского, столь же доброго, сколь и галантного и храброго, обожали жители города, для которых он устраивал небольшие приемы и званые обеды. В течение нескольких недель, которые император провел в этой резиденции, он всегда приглашал к своему столу губернатора и некоторых официальных лиц города. Вечерние застолья продолжались до десяти часов, когда император обычно отправлялся в свою спальную комнату. За два дня до отъезда из Лонгоне секретарь принцессы г-н Мари[159] привез императору письмо, извещавшее его о скором ее приезде. Вопросы императора посыпались с такой скоростью, что посыльный был буквально ошеломлен и попросил императора извинить его за путаницу мыслей, вызванную волнением, что он находится в присутствии императора. Позволив ему успокоиться, император выслушал его и направил в Портоферрайо поджидать

Ее Величество, которая будет там через несколько дней.

Во время пребывания императора в Марчиане распространился слух о том, что генерал Брюслар[160], губернатор Корсики, представлявший там Людовика XVIII, направил эмиссара в Алжир, чтобы подговорить местных пиратов похитить императора во время одной из его прогулок по острову, когда он выезжает из Портоферрайо и возвращается обратно морем. Заметив однажды утром из окна своей спальни несколько маленьких кораблей, он решил, что это чужестранные суденышки. Он попросил меня принести его подзорную трубу и, опираясь на мое плечо, вскоре понял, что не ошибся. Их присутствие в такой близости от его резиденции и в такое время, когда циркулировали подобные слухи, заставило его отдать распоряжение о том, чтобы бриг «Непостоянный» покинул Портоферрайо, где он стоял в гавани, и прибыл в Лонгоне, бросив якорь в местной бухте.

Как только бриг прибыл, капитан Тайяд, его шкипер, сошел на берег и обратился к императору для получения указаний. В записке, адресованной полковнику Жермановскому, было сказано: «Полковник, направьте на борт корабля одного офицера, одного сержанта, четырех капралов и двадцать четыре солдата из стрелкового батальона. Внимательно отбирайте тех, кто не подвержен морской болезни. Также направьте на борт корабля одного сержанта, одного капрала и десять солдат из десантного батальона с тем же самым условием. За погрузкой наблюдайте лично».

Как только погрузка была завершена, бриг немедленно на всех парусах покинул бухту. Император долгое время держал его под наблюдением, но неизвестные корабли при виде брига поспешили скрыться за горизонтом, а бриг вернулся в порт в тот же вечер.

В эту же резиденцию прибыла г-жа Дарги[161]. Она приехала из Пранжина[162], имения в четырех лье от Женевы на побережье озера, в котором жил король Жозеф со своей семьей. Она привезла с собой письма от короля и попросила разрешения остаться на острове. Император не знал, как поступить с ней, ибо она была без средств. В это время строился Сан-Мартино, и должность консьержа там была вакантной; она попросила меня походатайствовать за нее, чтобы ей дали это место. Император удовлетворил ее просьбу. Эта женщина была родом из Нанси, и в ней было много донкихотского. Она считала себя обязанной написать мне поэму, чтобы отблагодарить меня за место, которое я получил для нее. Я прочитал императору ее поэму, которая заставила его расхохотаться. После этого, когда бы он ни

упоминал г-жу Дарги, он обычно называл ее «моя сумасшедшая», хотя она не была таковой, но у нее была мания сочинительства и склонность выражать свои мысли стихами.

Наконец было завершено строительство помещений для апартаментов принцессы, бального зала и театра. Был заложен красивый сад, покрытый дерном, и всюду росли цветы. Когда император вернулся в Портоферрайо, то распорядился выдать прекрасные служебные характеристики нескольким гренадерам, которые просили разрешения вернуться во Францию. Император смог провести подсчет своих доходов и расходов со времени прибытия на остров и пришел к выводу о необходимости осуществить некоторые изменения в системе ведения хозяйства в императорском дворе. Они касались вопроса обеспечения продуктами императорского стола, а также некоторых жалований, которые были слишком высоки. Было упразднено бесплатное питание обслуживающего персонала во дворце, вместо которого стали выдаваться столовые деньги; бесплатным осталось питание только самого императорского стола. Я продолжал питаться сам. Все эти реформы привели к значительной экономии денежных средств в обслуживании императорского двора. Со стороны императора было довольно любезно самому сообщить мне, что теперь он может давать мне только 2500 франков из тех 5000 франков, которые обычно он вручал мне за мою работу. Я заявил ему, что даже эта сумма намного превышает ту, что необходима мне, и поэтому 1000 франков будут более чем достаточны для моих нужд. В тот же вечер, готовясь ко сну, он сказал мне: «Ты будешь получать 5000 франков из моего личного кошелька». Я пытался протестовать, но он заявил: «Это мое желание».

Как раз в тот момент, когда было объявлено о прибытии фрегата, на борту которого находилась принцесса Полина, в ее апартаменты вносились последние предметы мебели. Император спустился в гавань, чтобы ждать принцессу. Он обратил внимание на жандармского сержанта, который показался ему знакомым. Этого сержанта направили в гавань, чтобы он сдерживал толпу, стремившуюся увидеть императора. Император подошел к сержанту и спросил его, не корсиканец ли он.

«Так точно, сир».

«Из каких мест?»

«Из Боконьяно, сир».

«Как тебя зовут?»

«Маркаджи».

Это имя было знакомо императору, который во время корсиканских гражданских войн был арестован в окрестностях Боконьяно местными бандитами и заперт в комнате. Молодой

человек по имени Маркаджи[163] предложил свои услуги, чтобы вызволить императора из заключения, и потом сопровождал его до тех пор, пока он не оказался вне опасности. Император не забыл эту услугу и даже упомянул Маркаджи на острове Святой Елены в одном из своих «завещательных даров для успокоения совести[164]. Он продолжал дружески беседовать с сержантом, который представил ему своих двух очень юных детей. Император дал каждому из них по два наполеона, чтобы те купили себе сладостей. Вернувшись во Францию, император произвел Маркаджи в лейтенанты. Этот солдат, забытый на острове, где он находился так долго, имел прекрасный послужной список: император наградил его крестом Почетного Легиона и обещал позаботиться о его детях, когда они достигнут школьного возраста.

Когда фрегат бросил якорь[165], император на шлюпке отправился встречать принцессу, забрал ее с корабля и, причалив к берегу, вместе с ней в карете поехал к мадам Мер. После свидания с матерью принцесса вступила во владение своими апартаментами, которые для нее подготовил император. Ознакомившись с ними, она выглядела счастливой и от души благодарила императора. В тот же самый день император, проверяя установку мебели в апартаментах принцессы, сильно обжег свои пальцы, когда схватил небольшую тарелку, в которой горела ветка алоэ. Не обратив внимания на то, что тарелка от горения алоэ накалилась, он взял ее, чтобы отодвинуть от мраморного бюста. Так как под рукой оказалась чернильница с чернилами, он погрузил в нее обожженные пальцы, не жалуясь, что чувствовал боль; он так ничего и не сказал, пока заживали его пальцы. Я был тем более опечален этим неприятным случаем, ибо именно я поставил эту горелку с алоэ на то злополучное место. Император взялся передвигать горелку только потому, что в этот момент, разговаривая о бюсте с гофмаршалом, отвечал на его вопрос. Император, машинально взяв горелку, рассматривал собственный бюст в исполнении итальянского скульптора Кановы. Он осудил скульптора за то, что тот придал его изображению черты атлета, словно он одерживал победы в сражениях благодаря мощным рукам, а не голове.

Приезд принцессы Полины ознаменовал начало нового образа жизни в Портоферрайо. В ее доме давались приемы, балы и концерты; вечерние приемы проводились в императорском дворце и в доме мадам Мер, заменив все другие мероприятия, которые были до этого. Небольшой монарший двор на Эльбе принял менее военный вид. Принцесса, чье очарование достигло высшей точки, придавала всему своему окружению атмосферу

галантности и радости. Император был совершенно прав, когда называл своих двух сестер, Неаполитанскую королеву и особенно принцессу Полину, чья красота была более строгой, двумя самыми прелестными женщинами своего императорского двора во Франции. Ничто не было таким идеально прекрасным, как эта принцесса. Можно было бы сказать, что, создавая ее, мать-природа позаимствовала у Праксителя те отличительные черты, с помощью которых он предопределил идеальный образ своей Венеры, настолько впечатляющей была красота принцессы. Она привезла с собой свиту, добавив к ней, в качестве своих компаньонок, г-жу Коломбани и г-жу Беллини[166], супруг старших офицеров, а также мадемуазель Лебедь, дочь генерал-адъютанта Лебедя. Все эти три женщины отличались необыкновенно привлекательной внешностью и безупречными манерами. Каждый день принцесса обедала вместе с императором и генералом Друо; ее привозили из ее апартаментов во дворец императора. На прогулки она отправлялась в портшезе, предпочитая его карете; ее всегда сопровождали офицеры гвардии, которые соперничали между собой, стараясь добиться этой чести. Во время одного из воскресных обедов случилось так, что графиня Бертран, которая не всегда приходила вовремя, вошла в столовый зал, когда император уже сидел за обеденным столом. Она своим опозданием заставила ждать гостей и, появившись, хотела извиниться, но император, зная ее слабость, сказал ей: «Мадам, это не только неуместно, но и невежливо — заставлять людей ждать вас». Сен-Дени, который обслуживал императора, рассказал мне, что эти слова были сказаны в довольно резкой форме; графиня была просто ошеломлена этим и поспешила приложить носовой платок к глазам, давая волю слезам. Принцесса Полина поторопилась смягчить резкость императора и принялась расспрашивать ее о ее очаровательных детях. Во время этого же обеда император сообщил, что он дважды обязан сохранением своей жизни тому обстоятельству, что его рост равен только 5 футам и 2 дюймам[167].

Около сорока польских кавалеристов под командованием майора Балинского[168], посланные императором в Парму на службу императрице, высадились в Портоферрайо: австрийское правительство не хотело, чтобы они оставались с императрицей. Император принял их на дворцовой террасе. Затем они были размещены в форте Этуаль.

Через несколько дней после того, как принцесса устроилась в своей квартире, она была столь любезна, что послала за мной и вручила мне письмо от моей матери[169]. Император присутствовал при этой моей встрече с принцессой. В тот же

вечер, когда он ложился спать, он спросил меня, о чем мне написала мать. Я рассказал ему, что в письме моя мать сообщала новости об императрице и о Римском короле, которого обожал австрийский император; о том, как несколько дней тому назад, когда Римский король рассердился на мою мать, он сказал ей, что отправит ее заботиться о Людовике XVIII. Она также сообщила в письме о том, что, хотя молодой принц очень занят, однажды он наблюдал за парадом войск, проходившим под его окном. Императрица подошла к нему и спросила: как он считает, те солдаты такие же хорошие, как и французские? На это Римский король ответил: «Нет, если бы они были французами, то отдали бы мне честь». Моя мать также сообщила мне, что императрица собирается поехать в Экс на минеральные воды, чтобы восстановить свое здоровье, которое сильно пошатнулось в результате недавних событий. Мать сообщила мне о своем желании, чтобы императрица поехала в Парму, и тогда я смог бы приехать туда и повидаться с ней.

Во время этой поездки Римский король оставался на попечении графини Монтескью[170] и моей матери, которая писала мне утром и вечером; она следила за тем, чтобы имя императора упоминалось в молитвах Римского короля. Некоторые из всех этих подробностей не только понравились императору, но и заставили его смеяться. Вечером в салоне они обсуждались вновь. При этом принцесса Полипа сообщила, что, как ей рассказывали, однажды в Вене, когда Римскому королю представили князя де Линя[171], он спросил свою гувернантку, не был ли тот одним из тех маршалов, которые предали его отца; получив отрицательный ответ, он протянул князю руку.

Говоря о графине Монтескью, император прибегал к самым лестным словам. Укладываясь спать, император обратился ко мне: «А не упоминала ли она Меневаля?»[172] Он ожидал узнать от этого верного помощника содержание секретных решений, принятых на Венском конгрессе. Императору не пришлось ждать долго. Благодаря переписке с Меневалем он смог узнать о поездке императрицы в Швейцарию, а также о том, что она ездила в Пранжин повидаться с королем Жозефом[173].

Вернувшись в Экс после встречи с королем Жозефом, она обнаружила там графа Нейперга[174]. Он приехал туда по приказу австрийского императора, чтобы стать членом ее обслуживающего персонала в качестве камергера, — но на самом деле для того, чтобы шпионить за каждым шагом императрицы и воспрепятствовать любой попытке, которая могла бы внушить ей мысль о поездке на Эльбу. Если бы она приехала в резиденцию императора на Эльбе, то увидела бы там собственный портрет и

портрет Римского короля, вывешенные в спальной комнате императора.

На Эльбе два раза в год устраивается рыбная ловля тунца; она принимает характер празднества на острове, которое начинается чем-то вроде особого ритуала. Мужчины, занимающиеся ловлей тунца, приносящего немалый доход в казну монаршего государства, обязаны, в соответствии с договоренностью, продавать островитянам одну четверть своего улова по очень низкой цене. Осенний сезон ловли тунца ознаменовался хорошим началом; к рыбалке приступили с самого рассвета. Громадное количество лодок бороздило во всех направлениях морское пространство у входа в порт, предназначенное для ловли рыбы; центром всеобщего внимания была огромная сеть. Рыбаки гарпунами добивали крупную рыбу, которая, спасаясь от сети, всплывала на морскую поверхность; вскоре вода в этом месте окрасилась в красный цвет от рыбьей крови. Обессиленных тунцов подбирали в лодки и перевозили на берег. Император тоже сел в лодку, чтобы самому добить гарпуном нескольких тунцов. Он вернулся на берег весь забрызганный морской соленой водой и каплями рыбьей крови. В этом году был на редкость обильный улов.

Несмотря на явные доходы, которые принесли острову проводившиеся по инициативе императора строительные работы, жители Каполивери[175] отказывались платить налоги, когда сборщики налогов стали посещать их дома. Император не поскупился на жесткую критику жандармского лейтенанта, ответственного за сбор налогов, когда тот доложил об этом явном неповиновении властям. Император сказал лейтенанту: «Иди и скажи им, что если они в течение 24 часов не выплатят налоги, то я пошлю батальон солдат на постой в их дома». Такой отказ выполнить свой долг со стороны богатых прихожан подавал плохой пример, и этот первый, пусть и небольшой, бунт следовало решительно подавить. Налоги были выплачены.

Глава пятая

Общее разочарование во Франции — Принимаемые меры для обороны острова — Козопас — Выброс штормом брига «Непостоянный» на берег — Угрозы ссылки императора на остров Святой Елены или на остров Сент-Люсия — Новости измены от Киприани — День Нового, 1815 года — Интриги в Вене — Подробности развода с императрицей Жозефиной

Офицеры, путешественники и торговцы, приезжавшие из

Франции, Италии и Корсики, снабжали Его Величество информацией, дававшей ему ясное представление о положении дел во Франции и свидетельствующей о разочаровании, вызванном деятельностью нового правительства. Народ пугали личностью императора. Новости, получаемые из Вены через Ливорно и Неаполь, не успокаивали. Торговцы из Генуи и Лиона, знавшие, что не выплачиваются пенсии, предназначавшиеся для императора и его семьи, предлагали ему деньги. Шел разговор о ссылке императора на остров Святой Елены.

В результате всего этого император решил отправить обратно на континент, в Геную, гвардейского капитана Лубера, который ездил туда раньше вместе с Киприани, одним из его дворецких. Киприани, верный помощник Саличетти[176], министра полиции в Неаполитанском королевстве, знал многих людей в Генуе и Вене, которых он ранее видел в Неаполе и с которыми установил тесный контакт во время своей первой поездки с Эльбы. Капитану Луберу была поручена секретная миссия, которую он выполнил тактично и успешно. Бриг прибыл в гавань Генуи под предлогом — как и в прошлый раз — закупить вещи для батальона, а также мебель и хрусталь для дворца. Император послал императрице письма, которые она получила, ее ответы доставили на Эльбу, в Генуе установились тайные контакты. Капитану Луберу предлагали деньги для императора, его заверяли в преданности Наполеону.

В задачу миссии Киприани входило выяснение через лиц, чьи имена ему были даны, обстановки в дипломатических кругах в Вене и на самом Венском конгрессе, наблюдение за отъездом монархов, собравшихся в Вене, и немедленное информирование императора обо всем этом, а также создание в Генуе вместе с его друзьями тайной информационной сети, через которую каждую неделю императору направлялся бы бюллетень о происходившем в Вене. Киприани вскоре сообщил, что на Венском конгрессе говорят об опасности пребывания Наполеона столь близко от берегов Италии и Франции и о необходимости отправить его подальше, при этом упоминался остров Святой Елены. Император не мог поверить этому, но другой источник подтвердил эту информацию, и Наполеону была направлена копия секретной резолюции по этому вопросу; да и газеты открыто обсуждали этот план. Эта информация, доставленная бригом из Генуи, вынудила императора принять определенные меры предосторожности. Командующему военно-морским флотом Эльбы Шотару было приказано установить внимательное наблюдение за передвижением кораблей, курсировавших вблизи берегов Эльбы. Английские газеты, направляемые из Ливорно[177], на своих

страницах в определенной степени подтверждали новости, доставленные бригом. Император, получив в первый раз эти новости, заявил: «Я не верю, что Европа желает взяться за оружие против меня; однако я бы не советовал им атаковать меня здесь: они дорого заплатят за подобную попытку. В моем распоряжении имеются шестимесячные запасы провианта, хорошая артиллерия и храбрые солдаты, готовые защищать меня. Мне гарантирована независимость Эльбы; я здесь у себя дома и никому не советую являться сюда и беспокоить меня». У внешних ворот острова были приняты дополнительные меры обороны. Император приказал вооружить британский форт, так как он не был соединен с крепостной фортификационной системой острова. Однажды, когда он руководил сооружением рва у подножия форта, к нему подошел мальчик примерно лет двенадцати и стал внимательно смотреть на него, при этом вид у него был очень счастливый. Император спросил его на итальянском языке, почему тот оказался здесь.

— Я пришел, чтобы увидеть вас. Говорят, что вы император Наполеон, это правда?

— Но что ты здесь делаешь?

— Я пасу моих коз.

— Они что, твои?

— Нет, они принадлежат хозяину.

— Ты им доволен?

— Не очень, он богатый, но мне платит мало.

— Ты будешь рад, если получишь другую работу?

— Да, если у меня будет хороший хозяин.

— Ну что ж! Приходи завтра в город и спроси гофмаршала, он найдет для тебя работу. Бертран, направьте его к Шовену, он определит мальчика в конюшни.

В тот же вечер маленький козопас вернул коз хозяину и попросил его благословения. Его бывший хозяин с готовностью удовлетворил его просьбу, но с гораздо меньшей охотой вернул мальчику небольшой долг.

Когда император покинул Эльбу, этот мальчуган последовал за императорской свитой. Произошли «Сто Дней», мальчуган получил небольшую сумму денег, чтобы выучиться на торговца, и затем уже маленький эльбанский козопас женился и стал неплохо жить в Париже.

Император также посетил примыкавший к Эльбе небольшой остров Пьяноса, на котором он распорядился построить форт под руководством офицера инженерных войск капитана Ларабы[178] (позднее ставшего депутатом Национального собрания Франции). Император провел на острове несколько дней, расположившись в

палатках капитана Лараби, а затем вернулся в Портоферрайо после того, как уладил довольно бурную ссору[179] между молодым капитаном и майором Рулем[180], адъютантом императора.

Примерно в это же время, согласно полученной из Лондона информации, император узнал, что Идея депортировать его с Эльбы не принадлежит британскому премьер-министру; об этом лорд Ливерпульский (премьер-министр Великобритании) сам писал Веллингтону. Принцесса Уэльская только что обратилась с просьбой к Его Величеству разрешить ей посетить Эльбу[181]. Император, чрезвычайно занятый строительными делами на острове и каждодневным общением с рабочими, не мог оказать ей подобающего внимания и попросил ее отложить этот краткий визит. Во время путешествия по Швейцарии принцесса Уэльская встречалась в Берне с императрицей Марией Луизой; как стало известно императору, принцесса в Швейцарии обратила на себя внимание экстравагантным поведением и странностью нарядов.

В начале декабря император направил в Неаполь бриг с г-ном Рамолино на борту. Г-ну Рамолино предстояло стать официальным представителем императора при Неаполитанском короле[182]. Именно благодаря Неаполитанской королеве и ее послу, герцогу Кампо Чиаро[183], император установил контакт с Веной. Оба они стремились оставить неаполитанских министров в неведении относительно своих планов, поскольку на Венском конгрессе им предстояло защищать интересы королевского двора Неаполя. Пребывание в заключении короля Саксонии и оккупация Дрездена и Лейпцига войсками князя Репнина[184], ставшего генерал-губернатором этих городов, привели к тому, что политические интересы монарших дворов Австрии и Франции, с одной стороны, и России и Пруссии, с другой, разделились. Было очевидно, что политические карты были вновь перетасованы, и именно тогда в Вене настало время озабоченности и тревоги. Для Эльбы это был не тот момент, когда следовало жаловаться на невыполнение статей договора в Фонтенбло.

Позднее император узнал, что Венский конгресс был готов к тому, чтобы распуститься. Франция, Австрия и Англия образовали союз против России и Пруссии, а дом Бурбонов просил Австрию о полном восстановлении прав на свои владения в Неаполе и Парме. Император Франц уже соглашался на нарушение тех статей договора в Фонтенбло, которые закрепляли за Марией Луизой и ее сыном герцогства Пармы и Плезанса.

Возвращавшийся из Неаполя бриг по прибытии в Портоферрайо чуть было не затонул. Было уже слишком поздно заходить в гавань, и капитан Тайад подождал до наступления

следующего дня. Но ночью поднялся сильнейший шторм; очень рано на следующее утро послышался приглушенный звук: это были пушечные выстрелы, возвещавшие сигнал бедствия. Погода была настолько скверной, что невозможно было что-либо увидеть или предпринять. Император лежал в постели; я вошел в его комнату и сообщил ему о сложившейся ситуации на море и о том, что бриг запросил помощи. Он немедленно накинул на себя халат, чтобы выйти на садовую террасу дворца. Но когда он вышел из дома, то чуть было не был сбит с ног порывом ветра, с большим трудом, придерживаясь за поручни, чтобы нас не сдуло ураганом, мы добрались до стены террасы. Его Величество мог только слышать приглушенный звук пушечных выстрелов, которые, как он полагал, исходили из форта Этуаль, но разглядеть что-либо он не мог: бурные волны яростно разбивались о скалы под террасой, обрызгивая ее и образуя водяную завесу, мешавшую что-либо увидеть. Сила ветра была такой, что им были сбиты наземь будки часовых около дворца. Едва император с трудом вернулся в помещение дворца, как там появился генерал Друо, сообщивший, что это бриг «Непостоянный» просит о помощи, еле-еле оставаясь на плаву и используя только один якорь. Возникли опасения, что якорь сорвется, а корабль будет выброшен на прибрежные скалы, где он развалится на куски под ударами волн. Так бы оно и случилось, если бы не хладнокровие, проявленное лейтенантом Жарри. В тот момент, когда нос корабля, подброшенного вверх штормовой волной, оказался направленным в сторону маленькой близлежащей песчаной бухты, этот бесстрашный моряк одним ударом топора разрубил якорный канат и тем самым позволил кораблю благополучно приземлиться на песчаный берег. Император, обеспокоенный нависшей над моряками опасностью, распорядился, чтобы, пока он одевается, ему подали лошадей. Он галопом поспешил к бухте, где только что на берег был выброшен бриг, получивший всего лишь небольшие повреждения. Моряки после борьбы со штормом пребывали в состоянии полного изнеможения. Г-н Рамолино был переправлен на берег, где он рухнул на песок, благодаря провидение за избавление от столь грозной опасности. Его Величество приказал разжечь на берегу громадный костер и обеспечить моряков всей провизией, которую можно было найти в близлежащей округе. Император вернулся во дворец, чувствуя себя счастливым оттого, что и команда брига, и сам бриг спасены.

В день празднования Нового года император получил поздравления с новогодними пожеланиями от официальных лиц города и от собравшихся во дворце представителей офицерского

корпуса. От императрицы он получил письмо с новостями о сыне. Она сообщала, что их сын — прелестный ребенок, который вскоре сможет сам писать письма отцу. Его Величество также получил поздравительные письма от принца Евгения, королевы Гортензии и от других членов своей семьи. Неаполитанский король заверил императора в полнейшей преданности и в том, что испытывает к императору самые искренние чувства благодарности. Графиня Бертран, долгое время не покидавшая дома из-за болезни, приехала во дворец по случаю новогоднего праздника. Милостивому вниманию, оказанному графине, не было конца. Все эти посетители, принятые императором, затем отправлялись наносить визиты мадам Мер и принцессе Полине. В тот же вечер был дан праздничный семейный обед, на который также были приглашены гофмаршал и его супруга, графиня Бертран, генерал Друо, генерал Камбронн, полковник Мале, командовавший национальной гвардией, мэр города, полковник Жермановский, председатель суда, великий викарий Арричи, камергеры Вантини и Сенно, г-жа Вантини с дочерью, г-н и г-жа Пон де л'Ерол. Вечером был устроен прием, продолжавшийся до полуночи, на котором присутствовали многие жители города и офицеры из различных подразделений. В 10 часов вечера император удалился в свои апартаменты.

На следующее утро, когда император проснулся, я поздравил его с праздником. Он спросил меня, какой новогодний подарок я собираюсь преподнести ему. Я ответил, что не знаю такого подарка, который был бы достоин его, и поэтому могу только пожелать, чтобы он воссоединился с императрицей и Римским королем. «Бедное дитя», — произнес император, вставая с постели. Затем он умылся и оделся. Императора посетили принцесса и мадам Мер; в тот момент, когда они оставались наедине с императором, они позвали меня, милостиво приняли мои поздравления и каждая из них преподнесла мне по опалу равнозначной ценности.

Используя свой канал тайной переписки, император узнал о возникшем в окружении императрицы соперничестве между г-жой Монтескью, о которой говорили, что она слишком гордая женщина, чтобы обращать внимание на интриги новой фрейлины, и г-жой де Бриньоль[185]. Согласно полученной императором информации, в душе императрицы методично вызывались сомнения относительно легитимности ее брака с императором для того, чтобы подтолкнуть ее к разводу с ним, чему она энергично противилась. Новая фрейлина имела немалый опыт в подобных интригах. Постоянные слухи о высылке императора с Эльбы и о его заключении на острове Св. Елены заслуживали

того, чтобы к ним прислушаться. Что же касается сообщений о возможности развода, то они вызывали у императора всего лишь смех, поскольку он слишком хорошо знал, насколько Мария Луиза предана ему и их сыну. Император никогда не сомневался в искренности ее мужественных заявлений о том, что она желает сохранить положение его супруги. Да и император Австрии был достаточно религиозным человеком.

«Все обстоятельства моего развода с императрицей Жозефиной были известны в Вене до того, как Мария Луиза вышла за меня замуж. Развод был легитимным и бесспорным. Поэтому все эти слухи не имеют каких-либо оснований, все эти интриги и заговоры закончатся провалом; они меня абсолютно не беспокоят. Я был благодарен графине де Бриньоль за то, что она сопровождала императрицу в Вену. И если я получу подтверждение, что подобные советы исходили именно от нее, тогда она потеряет мое уважение к ней», — сказал император.

В 1809 году, когда императору предстояло жениться на великой герцогине Марии Луизе, венский императорский двор захотел узнать все обстоятельства развода императора с Жозефиной. Гражданский брак был общественным актом, торжественно объявленным в соответствии с нашими законами и с сенатским указом, запротоколированным в записях императорской семьи. Вене предоставили официальное решение суда, констатировавшее, что Его Величество и Жозефина в браке не состояли. Официальный суд принял подобное решение, основываясь на том факте, что Совет в Тренте, наши собственные традиции и особенно наши королевские декреты требовали присутствия при бракосочетании приходских священников от каждой договаривающейся стороны. В противном случае брак подлежал аннулированию. Во время бракосочетания Его Величества и Жозефины их приходские священники не присутствовали. Но император был далек от того, чтобы воспользоваться подобными обстоятельствами для расторжения брака, так как это наносило ущерб его достоинству.

В 1804 году императорский двор был собран в Фонтенбло. Туда же прибыл и Папа Римский, чтобы совершить императорское помазание; так как брак императора с Жозефиной не получил благословения со стороны церкви, императрица настаивала на том, чтобы это благословение было получено императором: поскольку в противном случае это вызвало бы скандал в обществе. Кардинал Флеш, так же, как и некоторые другие кардиналы, предложил осуществить церемонию бракосочетания частным образом во дворцовой часовне, где он сам выступил бы в роли действующего Приходского священника (занимая должность

главного капеллана дворца, он считал себя приходским священником императорского двора). Он, действительно, благословил брак императора с Жозефиной в дворцовой часовне, в присутствии гофмаршала Дюрока и еще двух или трех свидетелей. Все, что совершил кардинал Флеш, было полностью незаконным и подлежало аннулированию. Официальный суд, опросив свидетелей, подтвердил незаконность брака и оштрафовал императора на 20 000 франков, учитывая занимаемую им должность императора — главы государства. Оплата штрафа была перепоручена кардиналу Флешу. Конечно, кардинал Флеш, как он сам говорил, не был настолько глуп, чтобы оплатить этот штраф.

Глава шестая

Новости из Франции — Решение императора — Подготовка к экспедиции во Францию — Поездка г-на Колонна к Неаполитанскому королю — Посадка на борт корабля и отплытие

Новости из Франции день ото дня становились все хуже и хуже. Недовольство в стране росло. В Вене вынашивались планы о насильственном вывозе императора с Эльбы и об ограничении его свободы.

Те, кто получил во владение национальную собственность, стали подвергаться преследованиям. Проблемы армии игнорировались, а ее представители стали объектом оскорбления. И в это же время маршал этой армии предложил возвести мемориальную колонну в честь Киберонской экспедиции 1795 года (когда десант французских эмигрантов-роялистов высадился на Киберонском полуострове в Бретани, чтобы поднять восстание против Французской республики). Новые правительственные акты сводили на нет все то хорошее, чего добилась революция. Сердце императора буквально разрывалось при мысли о той прекрасной Франции, которую он двадцать лет назад превратил в великую страну. В его голове стала зарождаться мысль о возвращении. Последние восемь месяцев дни императора были заполнены заботами о строительных работах на Эльбе и о собственной семье. Так как строительство дворца в Сан-Марино было завершено, а сам дворец обставлен мебелью, то император смог провести в нем несколько дней. В новом дворце император дал обед, на который были приглашены мадам Мер и принцесса Полина. Принцесса, чья квартира была уже готова, окончательно обосновалась в ней вместе с г-жой Беллини, своей компаньонкой. Через несколько дней император вернулся в Портоферрайо, поскольку в том году зима грозила нагрянуть довольно рано. Званые вечера давались в апартаментах принцессы. В городе было дано несколько балов. Офицеры устраивали собственные балы. Все эти празднества пользовались большим успехом и собирали множество участников. Принцесса дала бал, который превзошел все остальные. Сама принцесса и многочисленные гости получили от него большое удовольствие, император почтил своим присутствием бал, проведенный в просторном зале, пристроенном непосредственно к дворцу. В полночь он удалился в свой дворец, но бал продолжался до рассвета. Эти празднества проводились в основном за счет приглашенных на них жителей города.

День 8 января в Портоферрайо был отмечен сильнейшим снегопадом. Никто из местных жителей не мог припомнить, чтобы такое случалось ранее. Подобно тому, как пребыванию генерала Бонапарта в Каире приписывался проливной дождь в этом городе, так и сейчас некоторые люди хотели видеть нечто мистическое в снегопаде в Портоферрайо, считая, что он вызван самим фактом пребывания императора на острове.

Отдавая должное всем этим заботам и радостям жизни, император в то же время все более убеждался в том, что Людовик XVIII не хочет следовать условиям договора в Фонтенбло и рассматривает республику и императорскую династию как узурпаторов. С тайной радостью он отмечал то обстоятельство, что нынешние калифы на час — сами подвергавшиеся оскорблениям в многочисленных клеветнических памфлетах, наводнивших в то время всю Европу и представлявших императора трусом или в виде некоего французского подобия Нерона или Калигулы, — считали его, Наполеона, человеком, нуждающимся в защите, а не источником опасности. Подобные ошибочные умозаключения приводили вражеские державы к выводу о том, что нет необходимости содержать хотя бы одного своего агента в Портоферрайо. Только одна Англия приказала полковнику Кэмпбеллу делить свое служебное время между Флоренцией, Ливорно и Пьомбино.

Император знал и утверждал, что, не считая нескольких тысяч интриганов, вся остальная французская нация остается преданной ему по духу, мысли и велению сердца точно так же, как она была предана принципам национального суверенитета и французской чести, что она всего лишь покорилась необходимости, навязанной ей ее врагами и новыми иудами, но что из 30 миллионов жителей страны 29,5 миллионов сохранили в своих сердцах надежду свергнуть господствовавших принцев, которые всего лишь враги нации и доверенные лица иностранных держав. Император знал, что если при вступлении гвардии в Париж женщины будут приветствовать ее шелковыми носовыми платочками с вышивкой и возгласами: «Да здравствует король!» — то население города выйдет на улицы, чтобы увидеть гвардию и воскликнуть: «Да здравствует старая гвардия!» Постоянная мысль о возвращении во Францию и наступление плохой погоды вынудили императора прекратить всякое строительство на острове, за исключением строительства дорог, которое продолжало обеспечивать безработных работой. В противном случае этим беднягам пришлось бы помогать другим способом. Деятельность императора свелась в основном к решению внутренних проблем острова. Замкнувшись в себе, он ждал

наступления момента, когда общественное настроение во Франции будет готово к тому, чтобы с восторгом приветствовать его возвращение.

Таков был образ мыслей императора, когда на Эльбу приехал г-н Флери де Шабулон[186], бывший ревизор Государственного совета. Он был направлен на остров несколькими друзьями императора, чтобы информировать Наполеона о действительном состоянии французского общественного мнения.

Г-н де Шабулон провел две продолжительные беседы с императором, после которых отплыл в Неаполь. Друзья Наполеона во Франции хотели, чтобы он знал о недовольстве, охватившем французский народ, а также о том, что движение, имевшее целью свержение действовавшего правительства, набирает силу. В пользу кого? Назывался герцог Орлеанский.

Как заявил император, это печальный пример того, как король свергается с престола собственным двоюродным братом. Вся эта информация укрепляла решимость императора пересечь море с небольшим отрядом войск, имевшимся в его распоряжении, вступить на берег Франции, как в свое время это сделал Цезарь, а уже там собрать вокруг себя вооруженные легионы.

Все, о чем говорил император в моем присутствии, давало мне повод думать, что он, с учетом того, что Венский конгресс был распущен, покидал Эльбу в уверенности, что привлечет на свою сторону императора Австрии. Тем не менее отъезд с Эльбы во многом зависел от счастливого стечения обстоятельств. Судя по всему, час для осуществления подобной экспедиции пришел; за прошедшие восемь месяцев денежные запасы, привезенные из Фонтенбло г-ном Пейрюсом, были израсходованы, так же, как и деньги, имевшиеся у мадам Мер и у принцессы. Я сохранил в неприкосновенности 800 000 франков золотом, составлявших личные запасы императора. Франция отказывалась выполнять условия договора от 11 апреля: настал момент, когда следовало не жаловаться, а действовать.

В течение нескольких дней император практически не покидал дворца, сохраняя молчание, полностью погруженный в думы. Чаще обычного он вызывал к себе генералов Бертрана и Друо, а также генерала Камбронна. В его кабинете на столе была постоянно разложена карта Франции с местами, отмеченными приколотыми к ней булавками. Воспользовавшись наступлением хорошей погоды, император решил возобновить несколько строительных проектов и начать новые. Оставив тревожные думы в своем кабинете, император вне дворца пребывал в радушном настроении: он шутил с принцессой, посещал мадам Мер, обедал

с ней, инспектировал свою гвардию, дал ей указание разбить сад вокруг помещений казарм, решал с инженерами «опросы об улучшении военных сооружений вокруг города. Он делал все, чтобы люди не заподозрили его в существовании планов, которые он вынашивал.

Через несколько дней г-н Колонна д'Истрия, камергер мадам Мер, был направлен в Неаполь, чтобы предупредить короля Мюрата о решении императора вернуться во Францию, где Бурбоны установили режим, не отвечающий интересам нации. Император передал Мюрату, что родина призывает его к себе и что любовь к ней обязывает его откликнуться на призыв. Император потребовал от Мюрата, чтобы тот вел себя спокойно, оставаясь в своем королевстве, но при этом привел свою армию в состояние боевой готовности, выжидая развития событий. Император информировал Мюрата, что его заверили в том, что австрийцы не будут предпринимать каких-либо шагов, что Италия должна оставаться нейтральной, а он сам в течение ближайших дней покинет Эльбу. К сожалению, Неаполитанский король не собирался следовать данному ему мудрому совету. Он помнил, что своим поведением в 1814 году обидел императора. Он не стал скрывать от г-на Колонны, что размышляет над идеей осуществить активную отвлекающую военную операцию в Италии во время возвращения императора во Францию. Г-на Колонна просил его не делать этого, пояснив, что таково желание императора. Мюрат обещал последовать совету императора, но его обещание не было достаточно убедительным, что вынудило г-на Колонну, вернувшегося в Портоферрайо, поделиться с императором своими опасениями по этому поводу. Г-н Колонна привез с собой письмо императору от Неаполитанского короля, в котором горячо подтверждалась преданность последнего Наполеону. В письме также сообщалось о только что полученных от неаполитанского посла в Вене новостях о закрытии Венского конгресса и об отъезде русского императора в Россию. Эти новости, с нетерпением ожидаемые императором, заставили его принять окончательное решение о почти незамедлительном отъезде с Эльбы. Однако императора беспокоила идея Неаполитанского короля вторгнуться в Италию; он понимал, что этой демонстрацией военной силы Мюрат может нанести непоправимый ущерб его политическим планам, подобно тому, как он это уже сделал в 1814 году. Поэтому император, прежде чем покинуть Эльбу, вновь высказал пожелание о том, чтобы без его прямого указания Мюрат не приступал к каким-либо активным действиям.

Король Мюрат, после того как он с блеском принимал

участие в русской кампании, покинул французскую армию в Вильне, выразив тем самым свое недовольство распоряжением императора, распространенным в армейском бюллетене и предписавшим реорганизацию армии под руководством вице-короля Италии. Воспользовавшись недовольством Мюрата, руководство союзнических сил предприняло попытки примирения с ним. Мюрат выслушал предложения союзников, но, тем не менее, продолжал служить во французской армии в течение военной кампании 1813 года и вернулся в свое Неаполитанское королевство только после битвы при Лейпциге. Англия возобновила дипломатическое давление на Мюрата и его супругу, Неаполитанскую королеву, подчеркивая, что именно в их интересах и в интересах их народа пойти навстречу предложениям союзников, если они не хотят потерять все в результате низложения императора. Сердца Мюрата и его супруги буквально разрывались при мысли об измене Франции и императору, но в конце концов они все же решились на это 11 января 1814 года. Мюрат присоединился к антифранцузской коалиции, вступив в ряды наших врагов. Печальная страница, которую мы хотели бы вырвать из книги, в целом повествовавшей о прекрасной жизни, проведенной на полях сражений.

Император не считал, что ему следует ждать подтверждения новостей, переданных ему королем Мюратом. Он принял решение покинуть Эльбу и стал готовиться к отъезду во Францию. В один из вечеров, предшествовавших его отъезду, император вызвал к себе г-на Поджи де Талаво, которого он уважал, и сообщил ему о своем плане вернуться во Францию, а также о своем желании, чтобы тот сопровождал его. Он настойчиво рекомендовал собеседнику держать в тайне все, о чем он только что доверительно сообщил ему, особенно не раскрывать его планов перед мадам Мер и перед принцессой, добавив: «Если Галеаццини[187] все еще находится здесь, то под любым предлогом займи его какими-нибудь делами. Я потом дам ему префектуру. Пону я сообщил о своем намерении: он — человек решительный и предан мне, он отправится во Францию вместе со мной». Когда г-н Поджи вернулся в гостиную, мадам Мер и принцесса пытались выведать у него, что именно говорил император, но г-н Поджи уклонился от ответов на их вопросы и остался непреклонным, несмотря на всю их настойчивость.

Бриг, уже отремонтированный, был перекрашен в другой цвет и гружен продовольствием и снаряжением, рассчитанными на несколько месяцев. За две ночи до отъезда император в своей комнате обедал вместе с генералом Друо, беседуя с ним о военном снаряжении, которое следует погрузить на борт брига, о

личном составе брига, а также о тех людях, которые поплывут на других судах. Кроме того, император распорядился погрузить на шебеку (трехмачтовое парусное судно) карету мадам Мер, чтобы жители Портоферрайо решили, что мадам Мер собирается отплыть в Неаполь. Закончив разговор на эту тему, император стал вспоминать кампанию в Египте, «стране, о которой осталась масса воспоминаний и по которой мы путешествовали с Библией в руке». Император сравнивал мусульманскую религию и нашу: «Первая вся пропитана чувственностью, обещаниями голубоглазых гурий, зеленеющих кущ, молочных рек с кисельными берегами. Мусульманская религия — это сплошная чувственность. Наша религия, напротив, — это сплошная духовность, разум и власть милосердия. Одна религия представляет собой религию любви, другая — основана на земных радостях и чувственности. Я вполне приспособился к условиям этой страны, оставаясь приверженным в определенной мере к религии моей армии». Император рассказал, что в Италии монахи показывали ему рукопись историка Иосифа, в которой вся жизнь Иисуса Христа была поведана на одной странице в двух или трех строках. Император добавил, что со стороны монахов было ошибкой оставить в неприкосновенности эту страницу.

В тот вечер император был очень разговорчив; он рассказал о некоторых своих юношеских проделках в Бриенне и в военной академии: «Я редко попадал в ловушки, которые мне ставили. Среди нас было несколько сыновей из знатных семей; родители постоянно заставляли своих детей заводить дружеские отношения с подобными учениками для того, чтобы последние потом способствовали карьере их детей. К тем, кто пытался завести дружбу с сыночками из знатных семей, мы были безжалостны, награждая их самыми неприглядными именами и кличками, что приводило к дракам, во время которых доставалось и тем, и другим». Император вспоминал о днях, когда он, будучи артиллерийским офицером, выражал удивление по поводу качества питания и его дешевизны. Он рассказал о бережном отношении к своим расходам и о лишениях, которым он подвергался, прибегая к тщательной экономии, чтобы делать то, что делали его более богатые друзья. Он говорил о том, что успех в Тулоне не удивил его; именно после первой итальянской кампании у него появилась амбициозность. Изложение императором всех этих деталей представляло для меня большой интерес и вызвало еще большее уважение к человеку, который благодаря своему гению стал из простого артиллерийского офицера одним из самых ведущих политических деятелей мира.

В эти последние дни на ковре, покрывавшем пол гостиной,

была расстелена большая географическая карта Франции, и император, опустившись на колени, отрабатывал примерный маршрут, которым он предполагал продвигаться по стране; единственными, кто знал об этом, были гофмаршал и генерал Друо, и только им разрешалось знать будущий маршрут. Сен-Дени, Новерраз и Сантини были посланы в различные приморские города острова, чтобы выяснить у капитанов местных гаваней количество имевшихся там кораблей; некоторые из этих кораблей были зафрахтованы, и им предстояло в назначенный день проследовать из разных мест вдоль берега в гавань Портоферрайо. Г-ну де л'Еролу, директору железнорудных шахт в Рио, было дано особое поручение осуществить руководство этой миссией, а также задание наложить эмбарго на деятельность всех портов острова, как только будет определена точная дата отъезда императора с Эльбы. Таким образом, в распоряжении императора находился список всех кораблей в каждом порту и полные данные о том, что они могли перевозить. Поэтому император мог отобрать самые лучшие корабли.

В ночь с 25-го на 26-е все зафрахтованные корабли проследовали в Портоферрайо, а на остальные было наложено эмбарго. Был воскресный день; как обычно, служили мессу, на которой присутствовали многочисленные прихожане. В соответствии с установленной им практикой император после мессы принимал в своей гостиной посетителей. Тем из них, кто посетил его на этот раз, император сообщил о принятом им решении вернуться во Францию, куда его призывали и где его ждали. Немедленно, без каких-либо объяснений, повсюду в городе развернулась бурная, активная деятельность. Когда в час дня национальной гвардии было приказано садиться на корабль, все гвардейцы, словно подхваченные настоящим шквалом, бросились собирать свою разбросанную в казармах одежду. Хотя у меня и было предчувствие того, что вот-вот начнется осуществление великого плана, но император упомянул мне о нем только накануне, перед тем как лечь спать. Он заявил мне, что собирается отправиться во Францию, и распорядился, чтобы я подготовил все необходимое для этой поездки, взяв только минимум. Он сказал мне: «Один охотничий мундир и один гренадерский мундир, несколько рубашек и ничего более». Не совсем следуя тому, что он сказал мне, я провел часть ночи за сбором необходимых вещей, составив при этом список того, что осталось и что следовало передать мадам Мер. Я также позаботился о том, чтобы у меня обязательно была трехцветная кокарда, которую я должен был вручить ему, когда он попросит.

Поскольку император потребовал от меня, чтобы я ничего не

говорил о предстоящем отъезде с Эльбы вплоть до наступления полудня, а подготовка к отъезду проводилась в его дворце, то на все расспросы я отвечал, что император собирается провести несколько дней в Сан-Мартино. Даже ближайшее окружение императора из его обслуживающего персонала настолько не верило в возможность подобной экспедиции во Францию, что никто не подвергал малейшему сомнению мои объяснения. Открыв дверь своей спальни и войдя в мою комнату, император застал меня в самый момент напряженной работы по сбору вещей. Обнаружив оказавшиеся поблизости от него часы работы Лепина, подобные тем, которые он носил сам, император сказал мне: «Возьми эти часы себе, это мой подарок тебе. Они у меня еще со времен Консулата». К часам была прикреплена золотая цепочка с ключом. Я поблагодарил императора за подарок, тем более что эти часы были связаны с блестящим периодом его жизни. Эти часы я передал на хранение в музей монархов.

В день отъезда император встал с постели в тот же час, что и в любой другой день. Когда Его Величество приготовился бриться, пришел, как обычно, д-р Фуро. «Ну как, Фуро, твой чемодан уже упакован? Мы собираемся выехать во Францию». Доктор улыбнулся и ответил: «Ничего лучшего я не могу пожелать себе, но я не вижу ничего такого, что могло бы заставить меня поверить в это!»

«Что?! Поскольку я говорю тебе об этом, то это действительно так и есть! Будь готов к отъезду сегодня вечером!» Сен-Дени, державший зеркало, которое император обычно использовал для бритья, улыбнулся мне, считая, что император просто подшучивает над доктором. Когда император оделся и вышел в сад, они были несказанно удивлены, услыхав от меня, что император сказал им сущую правду и они должны быть готовы к отъезду, чтобы не оказаться застигнутыми врасплох. После воскресной мессы император сообщил об отъезде присутствовавшим на мессе, и национальная гвардия получила приказ об отплытии. Подготовка была уже завершена, когда неожиданно в море заметили британский корвет. Поначалу возникло опасение, что британцы узнали о намеченном плане. Гофмаршал, который был с Его Величеством, отправился на свою квартиру. Большинству гренадеров было приказано продолжать начатую работу. Поскольку секретарь, которому император только что диктовал, вышел на минуту, дверь кабинета оставалась открытой. Император позвал меня и сказал, чтобы я сел, указав на небольшой стол в углу кабинета около окна: именно за этим столом и работал г-н Ратери, секретарь императора. Впервые я стал писать под диктовку императора. Его

диктовка отличалась таким многословием и такой скоростью, что я с трудом успевал записывать. Затем он вышел в гостиную, где ему сообщили, что его ожидает генерал Друо; я едва успел записать первые несколько слов, как он исчез из кабинета, успев сказать мне, чтобы я немедленно направил продиктованное им донесение гофмаршалу. В донесении содержался приказ. Несмотря на то, что я плохо соображал тогда, моя память сохранила суть приказа гофмаршалу. Я отправился к графу Бертрану, чтобы сообщить ему о случившемся, и пересказал ему в устной форме то, что не смог записать. В донесении гофмаршалу предписывалось дать указание капитану брига поднять паруса и покинуть гавань; и если бы британский капитан спросил капитана брига, куда он направляется, то последнему следовало ответить, что он только что закончил конопатить корпус брига и хочет выяснить, нет ли течи в корабле. В донесении также была высказана идея вооруженного захвата корвета в том случае, если британцы знают о плане отъезда с Эльбы. Британский капитан, проплывая мимо брига, в самом деле спросил, куда он направляется. Ему ответили именно так, как было предписано императором.

Капитан британского корвета прибыл, чтобы встретиться с графом Бертраном, который сделал вид, что очень торопится, поскольку его вызывает император. Гофмаршал, как обычно, пригласил британского капитана отобедать с ним; тот отказался, заявив, что в тот же вечер должен быть в Ливорно. Через полчаса корвет был уже в открытом море, покинув гавань Портоферрайо, в которой он ничего странного не обнаружил: все было как обычно.

Мадам Мер, принцессе Полине, графине Бертран и женам некоторых служащих предстояло оставаться на острове и ждать развития событий. Мадам Мер и принцесса Полина обедали вместе с императором, который сохранял совершенное хладнокровие. Ничто на его лице не говорило о том, что он затевает. После обеда император удалился в гостиную, где сообщил своему дворецкому, что через час без излишней суеты тот должен быть на борту брига. Люди, которым предстояло сопровождать его во Францию, уже собрались на борту брига. В гавань пришла делегация от города, чтобы проводить его; один из членов делегации, камергер г-н Вантини, сказал, что жители Эльбы разделяют и радость и печаль по поводу того, что их покидает Его Величество: печаль потому, что он более не будет с ними, и радость оттого, что его великое предназначение призывает его на континент. Они пожелали ему успеха в его усилиях и выразили надежду, что Его Величество не забудет

доброго народа острова Эльба.

Император ответил им, что эльбанцы могут рассчитывать на его благодарность и что память о них будет ему всегда дорога. Великий викарий Арричи вместе с представителями духовенства острова сказал, что он будет молиться, чтобы небеса способствовали успеху в таком грандиозном начинании. Император остался затем наедине с мадам Мер и принцессой.

В этот день все его бумаги были сожжены, даже имеющие отношение к его мемуарам, которые он уже продиктовал. В предыдущие дни император занимался делами, связанными с обеспечением защиты и безопасности острова. Он назначил г-на Лапи, полковника национальной гвардии, губернатором острова и присвоил ему звание бригадного генерала. Вместе с г-ном Поджи он учредил совещательное собрание для Корсики и назначил восемь человек членами его исполнительного комитета. Он вручил им декрет, назначавший двенадцать членов этого совещательного собрания. Последним поручалось объявить об отъезде императора с Эльбы и поднять над Корсикой трехцветный флаг. Им рекомендовалось проделать это в спокойной обстановке, избегая каких-либо беспорядков. Они должны были отплыть на Корсику через три дня после отъезда Его Величества с Эльбы.

После урегулирования всех этих дел императору предстояло проститься со своей семьей. Душевные муки терзали принцессу Полину и мадам Мер; охваченные страхом и надеждой, они никак не могли выпустить императора из своих объятий. Всем тем, кто отъезжал с Его Величеством, было разрешено поцеловать руки этих дам. Я находился в комнате императора, ожидая его заключительных указаний, когда туда вошла принцесса Полина; ее прекрасное лицо было покрыто слезами, она подошла ко мне, держа в руке бриллиантовое ожерелье стоимостью в 500 000 франков. Она пыталась заговорить, но рыдания лишили ее голоса. Я сам был в том же душевном состоянии, что и она. Наконец она сказала: «Видишь ли, император послал меня передать тебе это ожерелье, так как оно, возможно, понадобится ему, если он окажется в беде. О! Если это случится, Маршан, никогда не покидай его, заботься о нем. Прощай!» Сказав это, она протянула мне руку для поцелуя.

«Ваше Высочество, я надеюсь, что это только «до свидания».

«Думаю, что нет». Какое-то скрытое предчувствие, казалось, подсказывало ей, что она никогда больше не увидит императора. В этот момент в комнату вошел Его Величество и, утешая принцессу, вывел ее в сад. В гостиной я обнаружил всю в слезах мадам Мер.

«Маршан, я вручаю своего сына в твои руки. Вот, возьми, —

сказала она, передавая мне коробку для конфет, на которой был изображен ее портрет, — пусть эта коробка заменит ту, которой он пользуется сейчас; если судьба отвернется от него, не покидай его!» Она прикрыла руками глаза, и, кроме рыданий, я уже более ничего не слышал.

Улица, ведущая от дворца к гавани, была вся заполнена народом, желавшим попрощаться с императором. Людям казалось, что слава императора проявилась в новом виде и засверкала более щедрыми и яркими красками.

Вся национальная гвардия уже была на борту корабля; несколько запоздавших польских солдат остались на острове. Один мамелюк содержался в заключении на острове Пьяноса после того, как отсек во время дуэли руку одному артиллеристу; о мамелюке забыли, и он остался в заключении. Я прибыл на борт брига; корабль был переполнен людьми, передвигаться на нем можно было лишь с большим трудом. Солдаты национальной гвардии разместились на бриге, на шлюпках «Звезда» и «Каролина» и на четырех транспортных кораблях: всего же было около 1000 человек, 600 гвардейцев, 300 солдат корсиканского батальона, 60 или 80 пассажиров и несколько поляков. Всей флотилией командовал капитан Шотар, его заместителем был лейтенант Жарри.

Возгласы: «Да здравствует император!» — которые вначале послышались в верхней части города, свидетельствовали о том, что император покидает дворец. С 7.30 эти возгласы сопровождали его до самой гавани, усиливаясь по мере того, как улицы города заполнялись людьми, и смолкли только тогда, когда император взошел на борт брига. Те, кто находился на бриге, в последний раз попрощались с островом. В ясном небе сияла полная луна, ее яркое сияние освещало картину плавания, придавая величие продвижению нашей маленькой флотилии; море было спокойным, и береговой бриз быстро гнал нас к берегу Франции.

Мадам Мер, принцессе Полине и графине Бертран предстояло проследовать в Рим и оттуда в Париж, если осуществится задуманное рискованное предприятие. Графиня Бертран, не сомневавшаяся ни на минуту в успехе экспедиции императора и с нетерпением ожидавшая момента, когда она вернется во Францию, отплыла туда через несколько дней после нашего отъезда, несмотря на совет мадам Мер не делать этого, и высадилась в гавани Антиба. Там ее арестовали вместе с детьми, слугами и с несколькими женами членов обслуживающего ее персонала, затем перевезли в Марсель, где держали под арестом в условиях, соответствующих ее рангу и положению. Ее освободили

из-под ареста только тогда, когда император достиг Парижа и приказ об ее освобождении был направлен маршалу Массена. Мадам Мер, более осторожная, чем графиня, прибыла в Рим вместе с принцессой Полиной в то же самое время, когда графиня Бертран высаживалась в Антибе. Принцесса Полина, чувствуя себя слишком нездоровой для столь длительного плавания с Эльбы во Францию, вернулась вместе с мадам Мер в Италию.

Глава седьмая

Переезд — Высадка в бухте Жуан — Марш на Гренобль — Столкновение с королевскими войсками — Взятие Гренобля

Жребий брошен. Великое решение, в основе которого были самые благородные и убедительные мотивы — благополучие Франции, — только что принято. Наполеон перешел Рубикон. Он не ставил перед собой цель просто кого-то победить или умереть: он хотел одержать победу ради родины, которую иначе терзала бы анархия.

Как только император поднялся на борт брига, флотилия тронулась в путь, и вскоре Портоферрайо исчез из поля нашего зрения.

Император оставался на палубе до 11 часов вечера. Потом он спустился в свою каюту и улегся спать на одной из тех небольших походных кроватей, которые были заранее для него подготовлены. Граф Бертран спал на матрасе, расстеленном прямо на полу в императорской каюте, а я провел ночь не раздеваясь, на матрасе, разложенном вдоль двери каюты.

Рано утром следующего дня, 27-го числа, император поднялся на палубу и распорядился, чтобы все сопровождавшие его лица выстроились перед ним в два ряда, и дал указание записать их имена.

Около 10 часов утра был замечен британский корвет, плывший нам навстречу. Его Величество приказал расставить моряков у пушек и провел с ними тренировочные занятия. Гренадеры были полны желания сразиться и захватить вражеский корабль, но корвет проплыл мимо, направляясь в гавань Портоферрайо. «Кэмпбелл будет расстроен, — заметил император, — когда командир корвета сообщит ему, что я покинул остров Эльбу».

Новость об отплытии Наполеона во Францию стала известна в Ливорно днем 27-го числа и в тот же вечер — во Флоренции, в резиденции лорда Бергхерша[188], а в Вене — лишь в субботу 4 марта. Только 13 марта Талейрану удалось добиться, чтобы все

нации объявили Наполеона вне закона.

Впоследствии стало известно, что заявление держав об этом было готово уже 9 марта, но некоторые полномочные представители и сам император Александр считали, что действуют слишком поспешно. Но письма, полученные из Турина 8-го числа, сообщили о высадке в Канне; в других письмах сообщалось, что для того, чтобы положить конец беспорядкам, вызванным высадкой Наполеона, необходимо было армию, направленную в Неаполь (ее состав Талейран определил в 80 000 человек), разделить между Греноблем и Долем, а другие войска собрать в Лионе. Не было сомнений: Наполеона обнаружат, пути для его отступления будут отрезаны, а сам он будет захвачен в плен; в результате согласие России на опубликование декларации об объявлении Наполеона вне закона было получено 13 марта[189].

После того как появился британский корвет, император приказал флотилии взять курс на остров Капрая[190], находившийся в поле видимости. Около 11 часов утра 27 февраля мы заметили бриг, вышедший из Сен-Флорента, южнее мыса Корее, направляющийся в сторону Ливорно и приближающийся к нам. Император приказал внимательно следить за ним. Сначала императору доложили, что это торговый бриг, но, по мере того как он приближался, мы поняли, что ошиблись и что на самом деле это военный бриг. Император распорядился, чтобы все свободные от вахты ушли с палубы, а сам остался на капитанском мостике и отдал распоряжение всем занять исходные позиции для отражения атаки. Но тут бриг изменил курс и исчез.

Днем мы заметили два фрегата, приписанных к Корсике, которые следовали нашим курсом, но при этом не обращали на нас никакого внимания.

Незадолго до захода солнца флотилия неожиданно встретила корвет капитана Андре; на бриге был поднят флаг Эльбы. Когда корвет уже совсем приблизился к нам, император приказал капитану Тайяду, бывшему командиру брига, который был знаком с капитаном Андре, вступить с ним в переговоры. На запрос по мегафону капитан Андре ответил, что он, в соответствии с заданием, следует в Ливорно, где должен быть в тот же вечер. Он всего лишь спросил Тайяда: «Как он там?»

«Прекрасно», — последовал ответ.

«Благополучного вам плавания», — пожелал капитан Андре.

Император обедал на палубе в окружении гражданских и военных лиц, разделивших его трапезу. После обеда, усевшись на скамье капитанского мостика вместе с графом Бертраном (генерал Друо лежал внизу в каюте, мучаясь от морской болезни),

император рассказывал окружившим его офицерам о некоторых трудных событиях своей жизни, о кампаниях французской армии, ее победах, высоком моральном духе, свойственном солдатам, о стремлении к славе и о родине. Он сказал им: «Нет ничего такого, чего бы вы не смогли добиться; французы все сделают благодаря своей склонности к опасности: это говорит в них галльское наследие. Любовь к славе и бесстрашие присущи французам. Эти качества, подобно инстинкту, являются их каким-то шестым чувством. Много раз в самый разгар сражения мне приходилось видеть наших молодых новобранцев, бросавшихся в самое пекло: они были словно переполнены чувством чести и храбрости».

Император затем перечислил те качества, которые необходимы для того, чтобы стать хорошим офицером, и заметил, что это трудное воспитание. Сначала сама природа должна набросать вчерне характер такого офицера, одарив его хладнокровием под огнем противника, наблюдательностью, решительностью и умением владеть собой и принимать собственные решения.

Он рассказал собравшимся вокруг него офицерам о том, что называют фатализмом: «Мало кому удавалось обладать большим влиянием на массы, чем мне, но с моей стороны было бы глупо утверждать, что все расписано на небесах и что если бы на моем жизненном пути меня ожидала пропасть, то я не стал бы менять направление своего пути. По моему мнению, как и по мнению любого разумного человека, в войне, где опасность можно ожидать почти с любой стороны, нам не надо уходить с опасного места только потому, что оно опасное; мы должны оставаться там, где нас может настигнуть смерть, и мы должны примириться с нашей судьбой. Как только эта мысль прочно овладеет вашим умом, у вас появится бесстрашие и хладнокровие, которые передадутся вашим подчиненным; самые трусливые из них тогда будут гордиться своей храбростью».

Император заявил, что воинская повинность — национальная черта французов, и она стала частью наших обычаев. «Придет время, когда девушки будут отвергать мужчину, который не выполнил долг по отношению к своей родине. Воинская повинность достигнет своего пика, когда она не будет считаться обязанностью, а станет делом чести, когда призывнику будут завидовать все без исключения; именно тогда нация станет великой, достойной славы и сильной».

В то время как гренадеры, столпившиеся вокруг него, восхищенно слушали речь, лившуюся из уст императора, он произнес слова, способные воспламенить отвагу: что его армии может противостоять такая же, но, безусловно, никогда не сможет

ее превзойти, и что со своей гвардией, вошедшей в состав корпуса в 40 000 человек, он, несомненно, победоносно пройдет через всю Европу.

Затем император перешел к описанию некоторых своих маршалов. Потом рассказал о том, как был возведен на трон в соответствии с единодушным желанием нации, но его свергли в результате измены, и как Мармон, на которого он имел полное право рассчитывать и которого послал в Париж вести переговоры от его имени, отправился туда только для того, чтобы погубить дело его жизни. Император заявил, что большинство французского народа и общественных организаций страны оказались более преданными, чем считалось, чувствам чести, славы и независимости и что нация никогда не могла получить достаточных гарантий против Бурбонов и феодальных магнатов. «Конституция 1793 года, которая оставила исполнительную власть в руках Бурбонов, не предоставила народу достаточных гарантий. Предположим, что эти люди из Лиги признали бы Генриха IV протестантом: только подумайте о тех льготах, указах, поручительствах, которых бы они потребовали, чтобы успокоить свою совесть и гарантировать свою лояльность! Они бы никогда не посчитали, что получили сполна. Так и сейчас все то же самое. Неважно, что они говорят или что они делают, волки никогда не смогут заслужить доверия у овец и добиться их лояльности».

Затем император говорил об обязанностях хорошего генерала, которой всегда должен во всем проявлять предусмотрительность и быть уверен, что его войска расположены так, чтобы иметь возможность отразить угрозу с любой стороны. «Среди моих генералов нет ни одного, возможности которого я не знал бы досконально; у некоторых из них потенциал доходит до пояса (император при этом указал на свой пояс), у других доходит до плеч, но тех, у кого он ниже, крайне мало».

В этой сцене, залитой лунным сиянием, было нечто, напоминавшее выдающихся греков и римлян в описании Плутарха. Какая прекрасная школа для познания войны, говорили между собой офицеры. Они были готовы слушать Императора всю ночь напролет.

В 11 часов вечера император удалился в свою каюту. Наполеон еще 25 февраля продиктовал обращения к французскому народу и к армии. Возможно, из-за того, что Император посчитал уместным внести в тексты обращений некоторые изменения, он утром 27 февраля, когда бухта Жуан уже находилась в поле зрения, продиктовал в своей каюте тексты обоих обращений в том виде, в котором они приводятся ниже. Он

диктовал в манере, которую кроме как пламенной не назовешь; его душа отражалась на его лице. Когда он говорил о родине, о несчастьях Франции, он словно был весь наэлектризован до предела; сам гений был в работе. Я видел императора в самых различных ситуациях; но я никогда не видел его столь величественным.

ОБРАЩЕНИЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА К ФРАНЦУЗСКОМУ НАРОДУ

Бухта Жуан, 1 марта 1815 года

Наполеон, император французов Божьей милостью и милостью Государственной конституции.

Французы!

Дезертирство герцога Кастильоне (Ожеро) уступило беззащитный Лион нашим врагам. Армия, которую я вверил ему, была в состоянии, благодаря числу батальонов, мужеству и патриотизму ее войск, разгромить австрийские корпуса, противостоящие ей, и обрушиться на тыл вражеской армии, угрожавшей Парижу.

Победы при Шампобере, Монмирайле, Шато-Тьерри, Вошане, Мормане, Монтере, Красине, Реймсе, Арсисюр-Обе и Сен-Дизье; восстание отважных крестьян в Лоррене, Шампани, Эльзасе, Франш-Конте и Бургундии, позиция, которую я занял в тылу вражеской армии — отрезав ее от ее складов и резервов, ее сопровождений и от всего транспорта, — поставили ее в отчаянное положение. Никогда французы не были так близки к тому, чтобы стать столь могущественными, а элита вражеской армии — беспомощной, оставшись без ресурсов; она нашла бы свою гибель на этих бескрайних полях, которые она безжалостно разорила, если бы не измена герцога Рагузского (Мармона), сдавшего столицу и дезорганизовавшего армию. Неожиданное поведение этих двух генералов, которые сразу предали свою родину, своего императора и своего благодетеля, изменило исход войны. Катастрофическое положение врага было таковым, что в конце схватки, которая произошла под Парижем, он

остался без боеприпасов, отрезанный от собственных складов.

С учетом всех этих новых и печальных обстоятельств мое сердце разрывалось на части, но моя душа оставалась непоколебимой. Для меня имели значение только интересы нации; я отправился в ссылку на скалу посреди моря. Моя жизнь была и вновь будет полезной вам. Я не разрешил большому числу граждан, пожелавших сопровождать меня, разделить мою судьбу; я верил, что их присутствие на родине будет полезным для Франции, и я взял с собой только горстку храбрых людей, необходимых для моей собственной защиты.

Благодаря вашему выбору я был возведен на трон, и все то, что делалось без вашего участия, является незаконным. В течение 25 лет у Франции появились новые интересы, новые институты, новая слава. И все это может гарантировать только национальное правительство и династия, рожденные в результате этих новых обстоятельств. Монарх, который будет править вами, уселся на мой трон благодаря тем же армиям, которые разорили нашу землю. Он безуспешно будет стремиться укрепить свое положение с помощью прав феодалов; он смог обеспечить честь и права только небольшому числу лиц, врагов народа, которые на протяжении последних 25 лет порицали его на всех наших национальных собраниях. Ваше спокойствие дома и ваше уважение за границей будут потеряны навечно.

Французы! В изгнании услышал я ваши жалобы и ваши желания; вы требовали правительства по собственному выбору, только такое и является законным. Вы упрекали меня за долгую спячку, вы осуждали меня за то, что я пожертвовал великими интересами родины ради собственного отдыха.

Я переплыл моря, подвергаясь всякого рода опасностям; я явился к вам, чтобы снова овладеть своими правами, являющимися вместе с тем и вашими правами. Я не стану обращать внимания на все то, что делали отдельные личности, что они писали или говорили со времени падения Парижа; все это никоим образом не повлияет на память, которую я сохраняю, о тех важных услугах, оказанных мне ими, ибо сейчас происходят события такого рода, которые позволяют им стоять выше чисто человеческих отношений.

Французы! Не существует нации, как бы ни была она

мала, которая не имеет права избежать позора подчинения монарху, навязанному ей временно победившим врагом. Когда Карл VII вернулся в Париж и ниспроверг недолговечный трон Генриха VI, он вступил на свой трон благодаря доблести солдат, а не по воле короля-регента Англии.

Таким же образом, благодаря вам одним и храбрым солдатам армии, я воздаю должное своему моральному обязательству и впредь буду всегда поступать именно так.

Наполеон.

Следующее обращение к армии также с достоинством и силой раскрывает замысел смелого предприятия, ради осуществления которого Наполеон прибыл во Францию; когда он писал его, он был уверен в успехе этой великой попытки и не включил в текст обращения многие нарушения договора в Фонтенбло; подобные мотивы касались лично его. Представление заявлений о нарушениях державам Европы будет позднее зависеть от Государственного совета.

ОБРАЩЕНИЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА К АРМИИ

Бухта Жуан, 1 марта 1816 года

Солдаты!

Мы остались непобежденными. Двое людей из наших рядов предали нашу славу, свою страну, своего монарха и своего благодетеля.

Будут ли те, кого мы видели, когда они в течение 25 лет исходили всю Европу, чтобы провоцировать врагов против нас, те, кто тратил свою жизнь, сражаясь против нас в рядах иностранных армий и проклиная при этом нашу прекрасную Францию, теперь претендовать на то, чтобы командовать и заковывать в цепи наших орлов с трехцветными кокардами, те самые, кто никогда не мог выдержать нашего взгляда в упор? Допустим ли мы наши страдания от того, что они наследуют плоды наших славных трудов? Что они похитят нашу честь и наши земли, что они оклевещут нашу славу? Если их власть

продолжится, тогда все будет потеряно, даже память о тех бессмертных днях! Вы только посмотрите, с каким упорством они умаляют достоинство тех дней! И если еще осталось несколько защитников нашей славы, так их можно найти среди тех самых врагов, против которых мы бились на полях сражений!

Солдаты! В изгнании я слышал вас! Я прибыл, несмотря на все препятствия и опасности! Ваш генерал, призванный на трон народным выбором и поднятый на ваши щиты, возвращен вам: идите и присоединяйтесь к нему!..

Берите в руки эти знамена с цветами, которые в течение 25 лет служили тем самым объединяющим принципом для всех врагов Франции! Надевайте на себя трехцветную кокарду! Вы носили ее в дни нашей славы.

Мы должны забыть, что были властителями наций; но мы не должны терпеть какое-либо вмешательство в наши дела!

Кто может претендовать на роль хозяина на нашей собственной земле? Кто мог бы обладать подобной мощью? Возьмите вновь в руки знамена, которые вы пронесли в Ульме, Аустерлице, Йене, Эйлау, Фридланде, Туделле, Экмюле, Эсслинге, Ваграме, Смоленске, Москве, Лютцене, Баутцене, Монмирайле. Разве вы считаете, что кучка французов, столь самонадеянных сегодня, сможет выдержать наш взгляд? Они уберутся туда, откуда пришли, и если они этого хотят, то пусть правят там, где они правили в течение последних 19 лет.

Ваши земли, ваше положение, ваша слава и слава ваших детей не имеют больших врагов, чем эти коронованные особы, навязанные нам иностранными державами; они враги нашей славы, потому что подробное перечисление многих героических дел, прославивших народ Франции, сражающийся против них, чтобы освободиться от их угнетения, уже само собой является их осуждением.

Ветеранов Сомбры-и-Меза, Рейна, Италии, Египта, Запада, Великой армии постоянно унижают. К их благородным шрамам относятся с презрением; их успехи будут считаться преступлениями. И на этих храбрецов будут смотреть как на бунтовщиков, если — как утверждают враги народа — законные монархи находятся среди иностранных армий.

Почести, награды и лесть достанутся тем, кто

служил им против родины и против нас.

Солдаты! Приходите и становитесь под знамена вашего вождя. Его жизнь тесно связана с вашей; его права — права народа и ваши; его интересы, честь и слава — это ваши интересы, честь и слава. Победа идет форсированным маршем. Орел с национальным флагом полетит с колокольни на колокольню вплоть до башен собора Парижской Богоматери. Только тогда вы сможете с гордостью показать свои шрамы. Только тогда вы сможете гордиться собственными достижениями. Вы будете освободителями родины.

Вы доживете до преклонных лет, и почтительные граждане-земляки будут с уважением слушать, когда вы начнете рассказывать о своих величайших подвигах, и вы сможете сказать с гордостью: «И я был в рядах этой Великой армии, которая дважды занимала Вену, входила в Рим, Берлин, Мадрид, Москву, очищала Париж от бесчестья, которое после себя оставили измена и присутствие врага».

Честь и слава этим храбрым солдатам, ставшим гордостью родины! И вечный позор преступным французам, независимо от их знатности, которые 25 лет сражались бок о бок с нашими врагами, чтобы разорвать на части душу родины!

Наполеон.

Как это обращение, так и предыдущее было отмечено печатью огромного вдохновения; речь к генералам, офицерам и солдатам Эльбанского батальона также не уступает в этом первым двум обращениям; она также была продиктована с большой скоростью. Откройте книгу любого греческого или латинского автора, и вы не сможете найти в ней речь, которая бы превзошла эти три. Только подумать, что Наполеона обвиняли в неумении писать, равно как и в отсутствии у него храбрости!

Когда эти обращения были прочитаны на верхней палубе, их содержание было встречено с большим энтузиазмом. Все поспешили сделать себе копии и размножить их, чтобы раздавать после высадки на берег Франции. Император сожалел, что не захватил с собой портативной печатной машины, так как он считал, что печатный текст более достоверен и производит на людей большее впечатление.

Когда мы уже собирались поднять на мачте трехцветный флаг, император через люк протянул мне свою шляпу, чтобы я заменил на ней эльбанскую кокарду на трехцветную

национальную кокарду, что заняло у меня всего лишь минуту. Император надел шляпу: при виде кокарды, зиявшей на шляпе еще под солнцем Аустерлица, воодушевление зрителей было столь сильным, что император, Который хотел говорить, и сам не смог вымолвить ни одного слова.

И в самом деле, было бы трудно описать взрыв эмоций, охвативших весь бриг: радостные крики, аплодисменты, топот ног были столь громкими, что, казалось, сразу стали стрелять все корабельные пушки. Это было настоящее ликование.

Зная, что норма довольствия гвардейцев исчерпана, император приказал своему дворецкому вынести провизию, предназначенную для его собственной свиты, и разделить ее с гвардейцами. Кораблям флотилии был дан сигнал сблизиться и поднять трехцветный флаг. Эта церемония была встречена с таким же энтузиазмом, как и на бриге. Гвардейцам объявили о повышениях в должности, и были розданы медали тем, кто их заслужил. Солдаты целого батальона стали легионерами.

Несколько поляков не получили медалей. Полковник Жермановский, возражая против их награждения, заявил, что они еще слишком мало служили, и поэтому он попросил Его Величество подождать, когда они смогут отличиться, чтобы заслужить этот знак храбрости и чести.

Менее чем за милю до бухты Жуан император приказал капитану Ламуретту высадиться с брига вместе с 30 солдатами и на берегу захватить батарею в том месте, где предполагалась высадка всего десанта. Эта батарея находилась между бухтой Жуан и Антибом и не была укомплектована личным составом.

Отряд Ламуретта захватил с собой несколько экземпляров послания гвардейцев своим собратьям по оружию. Послание было следующим:

Генералам, офицерам и солдатам императорской гвардии, генералам, офицерам и солдатам армии

Бухта Жуан, 1 марта 1815 года

Солдаты и товарищи!

Мы спасли для вас вашего императора, несмотря на многочисленные западни, расставленные на его пути; мы доставляем его вам обратно, переплыв моря среди тысячи опасностей. Мы высадились на землю священной родины с

императорским знаменем в руках и с трехцветной кокардой на голове. Растопчите белую кокарду, этот символ позора и рабства, навязанного иностранцами и изменой. Мы бы напрасно пролили свою кровь, если бы нам пришлось терпеть законы, навязанные врагами.

За несколько месяцев правления Бурбоны убедили вас в том, что они ничего не забыли и ничему не научились. Они по-прежнему руководствуются предрассудками, враждебными нашим правам и правам народа.

Те, кто служил в армии против своей страны, против нас, сейчас стали героями! Для них вы — бунтовщики, которых они готовы простить, пока достаточно не усилятся за счет создания армейских корпусов из числа бывших эмигрантов, ввода швейцарской гвардии в Париж и постепенной замены старых офицеров. Тогда, чтобы претендовать на почести и награды, потребуется служба в армии против родины; а офицером может стать тот, чье происхождение соответствует феодальным предрассудкам. Солдат должен будет всегда оставаться солдатом: на народ ляжет бремя налогов, а им достанутся все почести.

Прежде чем ликвидировать орден Почетного Легиона, они в изобилии вручали его предателям, чтобы полностью подорвать его авторитет. Они лишили его всех политических привилегий, которых мы добились нашей собственной кровью.

Те 400 миллионов в специальных активах, которые использовались для наших пожертвований и являлись наследством армии и наградой за наши успехи, были присвоены ими.

Солдаты великой нации! Солдаты великого Наполеона! Неужели вы будете продолжать оставаться солдатами монарха, который в течение 20 лет был врагом Франции и который гордится тем, что вступил на трон благодаря королю-регенту Англии?

Все, что было совершено без народного согласия и нашего согласия и не было согласовано с нами, является незаконным.

Солдаты! Офицеры-отставники! Ветераны наших армий! Идите с нами, чтобы вернуть этот трон и защитить наши права. Пусть же в один прекрасный день потомки скажут: «Иностранцы, которым помогали предатели, навязали Франции позорное рабство; но восстали храбрые люди, и враг народа и армии исчез без

следа».

Солдаты! Барабаны бьют! Мы на марше! Спешите взять в руки оружие, приходите и присоединяйтесь к нам, к вашему императору, становитесь под наши трехцветные знамена.

В четыре часа утра мы бросили якорь в бухте Жуан. Все корабли флотилии были вместе, все они подняли трехцветный флаг. Плавание от Эльбы до берега Франции прошло очень удачно; все могло бы закончиться крахом, если бы британский корвет, два фрегата, приписанные к портам Корсики, и корвет «Зефир» выполнили свои обязанности или получили соответствующие приказы. Союзники хотели переправить Наполеона с Эльбы в другое место и не представляли себе, что он будет так хорошо информирован об этом и сам исчезнет с острова до того, как произойдет это последнее нарушение договора в Фонтенбло. В то время письма от префекта Вара, упоминавшие о необычной активности на Эльбе, о рассказах гренадеров, возвращавшихся во Францию, и о влиянии, которое эти рассказы оказывали на общественное мнение в его департаменте Вар, оставались нераспечатанными в течение нескольких дней. Успокаивались тем обстоятельством, что Наполеону пришлось бы иметь дело с армией в 30 000 человек; недовольство среди народа и войск не принималось во внимание, никто не мог поверить, что вся армия перейдет на его сторону, как только он появится перед ней лицом к лицу.

Когда все корабли флотилии бросили якорь, сразу же началась всеобщая высадка. В этот момент император вызвал к себе генерала Камбронна и приказал ему взять сорок человек и направить сформированный из этих солдат отряд вдоль дороги, ведущей из Фрежюса в Канн. Еще накануне император заявил, что хочет вернуться на трон, не пролив ни капли крови. Когда он отдавал приказы генералу, то в заключение заявил: «Генерал, я возлагаю на вас руководство моей самой замечательной кампанией: вам не придется выстрелить ни разу, перед собой вы увидите только друзей».

В пять часов утра залп батарей флотилии оповестил о высадке императора на берег Франции. Вскоре все войска были высажены на берег. Император приветствовал эту незабвенную землю следующими словами: «Земля Франции! Пятнадцать лет назад я нарек тебя Родиной Великой Нации. Я приветствую тебя вновь при аналогичных обстоятельствах: один из твоих детей, самый достойный этого прекрасного имени, вновь явился, чтобы освободить тебя от анархии. Мне ничего не нужно! Все

принадлежит Франции!»

В оливковой роще, между морем и дорогой, был разбит походный лагерь. Император потребовал, чтобы все внимательно следили за тем, чтобы все приобретенное оплачивалось и уважалась частная собственность. Двадцать пять человек под командованием капитана Ламуретта были высланы вперед, чтобы овладеть Антибом. Они обнаружили, что местный гарнизон занимался строевой подготовкой за городскими стенами; вместо того чтобы взять гарнизон в плен и объявить о прибытии императора, солдаты Ламуретта вошли в город, не обратив внимания на незапертые городские ворота. Командир гарнизона Антиба, застигнутый сначала врасплох, пришел в себя и приказал запереть городские ворота, а посланцев Наполеона взял в плен. Император вскоре узнал о случившемся; он был раздосадован, но не принял мер для их освобождения. Конечная цель всего его рискованного предприятия не позволила ему тратить время на взятие Антиба или даже на переговоры с гарнизоном города и его командиром. Последний, поместив капитана Ламуретта и его гренадеров в безопасное место, приказал личному составу гарнизона, который был оставлен за городскими стенами, немедленно вернуться в город, опасаясь, что, узнав о высадке императора в такой близи от Антиба, солдаты гарнизона присоединятся к нему. И только после того как за ними закрылись городские ворота, солдаты гарнизона узнали о попытке взятия Антиба и о высадке императора на берег Франции.

Несколько офицеров в окружении императора высказали мнение о том, что они должны немедленно проследовать в Антиб и попытаться взять его, чтобы избежать неблагоприятного впечатления, которое могло возникнуть в связи с неожиданным сопротивлением со стороны города. Император ответил, что Антиб не играл никакой роли в его планах покорения страны и что самый лучший способ свести к нулю негативный эффект этого события заключается в том, чтобы небольшое войско императора продвигалось быстрее, чем разносилась новость о происшествии в Антибе.

Господа Пон, Поджи и Галеаццини были посланы в Канн, чтобы добыть лошадей: в тот же вечер Пон вернулся обратно и описал в красках изумление горожан Канна, с которым те встретили появление императорских гренадеров. Г-н Пон видел генерала Камбронна, беседовавшего с мэром Канна, но вскоре генерал Камбронн покинул Канн и уже должен был быть около Грасса.

Несколько человек с изумлением наблюдали за нашей

высадкой в бухте Жуан. Когда они узнали, что это был сам император, который планировал совершить марш на Париж, они выразили свое удивление по поводу того, что у императора такое маленькое войско.

В тот вечер быв зажжен большой костер, и император сел на стул около костра и заснул, прикрывшись шинелью, которую он носил еще в Маренго. Ноги он положил на второй стул. Зато императорская гвардия предавалась радостному возбуждению; никто из гвардейцев не спал; все они ждали часа, когда двинутся в путь. Весь багаж с кораблей был выгружен; поблизости от места стоянки купили несколько мулов, чтобы на них перевозить казну. Один из мулов быв предоставлен в мое распоряжение, чтобы я мог перевозить 800 000 франков золотом из личного фонда императора, а также его походную кровать и некоторые вещи из багажа, который я поручил Сен-Дени. Несколько оседланных лошадей прибыли с нами с Эльбы. Сначала на них ехали только генералы Бертран и Друо, все остальные шли пешком. Поляки были вынуждены нести в руках свои седла, уздечки и пики.

Среди адъютантов императора, последовавших за ним с Эльбы во Францию, был некий Перес[191] из Лонгоне, которого после высадки в бухте Жуан не могли найти. Несомненно, испугавшись последствий рискованного предприятия императора, он где-то спрятался, чтобы при первой возможности отправиться домой на Эльбу. Когда же он добрался туда, то, как мне рассказали, был вынужден вновь удалиться на континент, чтобы избежать гнева земляков.

Капитану Шотару был отдан приказ отправиться в Неаполь и сообщить там новости об императоре.

В полночь 1 марта мы покинули лагерь; Сен-Дени приглядывал за багажом Его Величества, а я старался идти не слишком далеко от императора. Гвардейцы перехватили курьера от принца Монако. Курьер заверил императора, что как только он начнет следовать через Прованс, то увидит, что все будут готовы следовать за ним. Эти слова простого человека в точности отражали мысли императора, который случайно встретился с принцем Монако[192] около Канна. Столкнувшись лицом к лицу с императором и сначала растерявшись, принц Монако затем успокоился, когда император приветствовал его как старого знакомого. Принц был первым конюшим в свите императрицы Жозефины. Был зажжен большой костер, к которому подошли император с принцем. В течение всей беседы принц держал свою шляпу и руке. Император отпустил его и пожелал ему счастливого пути. Принц не стал скрывать от императора все те возможные опасности, которые сопутствуют подобному

рискованному предприятию. Довольно большое число людей, плотно окруживших принца и императора, помешали мне услышать то, о чем они беседовали; однако веселое выражение лица императора говорило о том, что он был удовлетворен полученной подробной информацией о Париже и о настроении во Франции. Принц сообщил о превалировавших в столичных салонах мнениях, а курьер рассказал о том, что думает народ, который встанет как один, как только появится император.

Император проследовал через Канн[193] ночью. На его пути почти никто не встретился, хотя в некоторых домах окна были раскрыты и освещены; мы услышали несколько возгласов: «Да здравствует император!»

Его Величество выбрал для марша своего отряда гида из числа местных жителей, и его очень забавляла беседа с этим человеком, которого он старался подбодрить, задавая шутливые вопросы.

Однажды, уже около Грасса, был сделан привал, чтобы дать возможность подтянуться всему батальону; затем мы проследовали через город. На его улицах царила тишина, население покинуло его. Император хотел позавтракать в самом Грассе — завтрак там ему уже приготовили. Все городские власти были заменены роялистами. Глубокая тишина, царившая на улицах, заставила императора отдать предпочтение другому месту для завтрака, который был организован на холме, господствовавшем над городом. Вскоре к холму подтянулось почти все население города, но мэр так и не появился. У жителей города были закуплены лошади и мулы; нескольким полякам, а также некоторым лицам из свиты императора были предоставлены лошади. В течение дня во время разных привалов были распечатаны бочки с вином, чтобы подкрепить гвардейцев и помочь им лучше перенести накопившуюся усталость.

После завтрака император побеседовал с женщинами и несколько раз позабавил их своими шутками. Генералы, обратившись к местным жителям, говорили им о родине и о том зле, которое угрожает ей, если нынешнее положение дел в стране будет еще продолжаться; мало-помалу толпа оживилась, и стали слышны возгласы: «Да здравствует император!» Затем выступил один из городских жителей, который сказал, обращаясь к гофмаршалу: «Генерал, Его Величество в самом деле наказал нас, не оказав нам чести позавтракать в нашем городе. Если бы ему было известно, как дурно обращались с нами вернувшиеся в город эмигранты, тишина в городе не была бы воспринята так сурово, и Его Величество увидел бы, что мы достойны того, чтобы быть частью его верных подданных». Гофмаршал ответил:

«Сохраняйте спокойствие, это единственный способ показать, что вы верно служите ему!»

В этом городе были отпечатаны прокламации; несколько жителей Грасса предложили свои услуги, чтобы сопровождать императора и быть его гидами при следовании через трудные и занесенные снегом горные проходы, которые ему предстояло преодолеть. Из этих добровольцев он выбрал двух человек, распознав в них настоящих патриотов. Император взял с собой карету и две маленькие пушки. Но дороги оказались, судя по всему, непроходимыми для кареты и пушек, и император оставил их в городе до тех пор, пока дорога через Антиб не будет открыта.

Иногда пешком, иногда верхом, император добрался до деревушки Сернон[194] 22 марта в 2 часа утра, совершив переход в 20 лье в первый день своего марша на Париж. Более часа он пробирался пешком по снегу и льду, прибегая к помощи полковника Руля. Я продолжал следовать непосредственно за императором вместе с его молодым адъютантом Вантини. Наш багаж остался далеко позади нас. В деревне император разместился в доме мэра; все было подготовлено для встречи императора, но мэра в доме не было. У нас был ужасный переход; холод был сильнейшим. Император очень устал, его сапоги промокли, он с трудом снял их и растянулся во весь рост на двух стульях перед горевшим большим камином. Через несколько часов прибыл и батальон. На его пути оказалось несколько мест, пройти через которые было очень трудно, особенно для лошадей и вьючных животных; один из мулов, нагруженный батальонным имуществом, свалился в бездонную пропасть.

Я беспокоился о муле, который был нагружен казной Его Величества и его походной кроватью, но благодаря заботам Сен-Дени и Новерраза мул благополучно прибыл. Мы немедленно постелили постель императору, и он спал в течение трех часов. На рассвете Его Величество оделся и любезно сказал мне: «Ты, должно быть, устал, возьми одну из моих лошадей, пока мы не купим других». Затем я услышал, как он сказал генералам: «Батальон, должно быть, весь измучен! Мужайтесь! Сейчас для нас самое главное — пройти Систерон. Массена не подозревает о той скорости, с которой мы совершаем марш, и его приказы будут свидетельствовать о его нерешительности». Император направил г-на Пона к маршалу Массена, но маршал немедленно арестовал его и поместил в крепость Иф.

3 марта император ночевал в Барреме[195]; по пути в Баррем мы купили несколько мулов, которые везли господ из свиты императора. На дороге Его Величество встретил крестьянина на лошади и спросил его, за какую сумму тот продаст свою лошадь.

Этот крестьянин, не подозревая, кто просит продать ему лошадь, сказал: «Тысяча франков». Император ответил: «Мой друг, эта цена слишком высока для меня».

4 марта, между Кастеллане и Динем, крестьяне, которые услыхали о марше императора, толпами спустились с гор; судя по тому, что они говорили, стало очевидно, что они опасались возвращения обычая обложения их церковной десятиной и феодальных прав. Император, зная о подстрекательской прокламации префекта Диня, выслал несколько эмиссаров, чтобы выяснить настроение жителей. Вскоре императору сообщили, что префект города и немногочисленное войско, имевшееся в его распоряжении, покинули город, а местные жители сорвали со стен плакаты и прокламацию префекта и с нетерпением ожидают прибытия императора: и действительно, горожане встретили Его Величество с огромным воодушевлением. Император пообедал в Дине. Баронесса Демишель (генерал[196] в это время отсутствовал в Дине) пришла повидаться с императором. Во время беседы с ним она заверила, что чем дальше он будет следовать, тем больше будет убеждаться в том, что народ готов встать на его сторону. Молодой кавалерийский офицер г-н Демишель, племянник генерала, заявил о своем желании последовать за императором; его предложение было принято, и он оставался военным помощником императора в течение «Ста Дней». В Дине были отпечатаны новые копии обращений.

Утром 5 марта передовой отряд в 100 человек под командованием генерала Камбронна захватил мост и крепость Систерон; небольшой гарнизон города был вынужден его оставить. Император пообедал в этом городе и затем в конном сопровождении польских уланов и мамелюков проследовал за передовым отрядом в Гап, где и заночевал. Вновь были отпечатаны дополнительные копии обращений, которые разослали повсюду. Главный хирург батальона г-н)мери, опередив императора, проследовал в Гренобль, чтобы подготовить население города к встрече с императором. Солдаты и офицеры национальной гвардии, дислоцированные в Гапе, братались с офицерами и солдатами императорской гвардии. Все, кто сопровождал императора, теперь продолжали путь верхом.

Император покинул Гап только после обеда 6 марта, теперь он следовал со всем своим отдохнувшим и подкрепившимся войском. Когда он покидал Гап, все население города выстроилось вдоль обеих сторон дороги, по которой проезжал император, и выражало свое радостное настроение от встречи с Его Величеством возгласами: «Долой многочисленные налоги! Да здравствует император!»

Когда император прибыл в Сен-Боне[197], местные жители предложили собрать все население близлежащих деревень для его сопровождения. Он ответил им: «Нет, не надо, но ваши чувства убеждают меня, что я не ошибся. Те люди, которых я встречу, встанут на мою сторону, и чем больше нас будет, тем полнее будет обеспечен мой успех».

Один из гренадеров батальона попросил разрешения опередить движение отряда, чтобы повидать отца. Потом, когда Его Величество следовал по дороге, он поравнялся с поджидавшим его гренадером, который представил императору своего слепого 90-летнего отца и своего младшего брата, желавшего присоединиться к батальону. Вся сцена производила трогательное впечатление. После нескольких лестных слов, сказанных старику, император вытащил из кармана кошелек с 25 золотыми наполеонами и отдал ему.

В течение всего дня местное население выстраивалось вдоль дороги, по которой следовал император.

Его Величество прибыл в Кор[198] и там переночевал; императорский авангард продолжал путь к Ла-Мюру. По мере того как император продвигался вперед, все население близлежащих мест выстраивалось вдоль дороги, по которой ему предстояло проехать, и громко выражало ему свою поддержку. Император быстро двигался вперед; гофмаршалу и генералу Друо он говорил: «Успех операции зависит от скорости моего передвижения и времени прибытия в Гренобль».

Между этим городом и местом, где мы высадились, было сто лье; они были преодолены за шесть дней.

На главной дороге в Гренобль императорский авангард встретил конный линейный батальон, направленный, чтобы остановить дальнейшее продвижение императора. Генерал Камбронн предложил командиру батальона вступить в переговоры, но тот отказался. Тогда генерал послал Его Величеству донесение о том, что он остановлен батальоном 5-го линейного полка с ротой саперов и ротой минеров, численностью от 700 до 800 человек. Этот батальон появился в Ла-Мюре с несколькими бочонками пороха, чтобы взорвать там мост; местное население воспротивилось этому, и батальон отошел в Лаффрэ[199].

Как и в течение всего похода, я спал не раздеваясь, в спальной комнате императора. В эту ночь Сен-Дени, спавший в прихожей, постучал в дверь и сообщил мне, что гофмаршал хочет переговорить с императором. Я открыл дверь и провел гофмаршала к Его Величеству. Гофмаршал зачитал императору донесение генерала Камбронна. Император спросил, прибыли ли

гренадеры, и на этот вопрос получил утвердительный ответ. «Пусть они отдыхают, и сообщи Камбронну, чтобы он ждал меня и ничего не предпринимал до моего прибытия».

На рассвете император оделся и выехал в сопровождении гвардейцев; он встретил передовой отряд Камбронна и далее следовал во главе него. Следовавшему за ним на некотором расстоянии батальону он приказал остановиться и выстроиться в колонны повзводно. С левой стороны дороги высился холм, который собирался занять корсиканский батальон; солдаты нескольких рот уже взбирались на него. С правой стороны находилось небольшое поле, на которое император направил в конном строю поляков, несколько мамелюков и всю свою свиту. Своего адъютанта полковника Руля император послал, чтобы тот информировал 5-й линейный полк о прибытии Его Величества; командир полка заявил полковнику Рулю, что ему запрещено вступать в переговоры с посланцами Наполеона и что вообще его руки связаны. Но издалека до нас донеслись громкие возгласы, а именно: «Да здравствует император!» Полковник Руль вернулся и доложил Его Величеству об общем настроении солдат 5-го линейного полка, которое не оставляло никакого сомнения: для того чтобы привлечь на свою сторону этот полк и отстранить от руководства его командира, императору достаточно всего лишь предстать перед солдатами и заговорить с ними.

Император послал военного уполномоченного Вотье к командиру корсиканского батальона, чтобы передать ему, что возлагает на него ответственность перед Францией и потомками за выполнение данных ему приказов; тем временем Его Величество распорядился, чтобы гвардейцы держали ружья дулом вниз. Затем он приказал развернуть трехцветное знамя. Военный оркестр, двинувшийся впереди колонны, заиграл «Марсельезу»[200]. Все были словно наэлектризованы: и наш батальон, и войска, выступившие навстречу нам из Гренобля. Император в короткой серой шинели, которая столько раз оказывала магическое воздействие на солдат, в сопровождении генералов Друо, Камбронна и гофмаршала подошел к солдатам 5-го линейного полка. Те сразу же узнали Его Величество. Он обратился к ним: «Убейте вашего императора, вам можно сделать это». Единственным ответом на это предложение был возглас: «Да здравствует император!» Пожилой солдат со слезами на глазах подошел к императору и, загнав с треском шомпол в дуло ружья, сказал ему: «Смотрите сами, насколько сильно наше желание убить вас!» И тут же солдаты 5-го линейного полка надели на себя трехцветные кокарды, хранившиеся в их ранцах, вместо белых, бросились навстречу императорским гвардейцам и стали с

ними брататься.

Когда общий порядок был восстановлен, император заявил: «Я пришел с горсткой храбрецов, ибо рассчитывал на народ и на вас. Трон Бурбонов незаконен, потому что он не был учрежден нацией; он противоречит национальной воле, потому что не служит интересам страны и существует только в интересах нескольких знатных семей. Спросите ваших отцов, спросите у всех этих людей, пришедших сюда из близлежащих мест, и вы узнаете из их уст, что именно Бурбоны приготовили для Франции». Затем, повернувшись к толпе людей, которые пришли, чтобы увидеть его, император сказал: «Разве не правда, что в ваших общинах вас пугают возвращением обычая десятины, привилегий, феодальных прав и всех злоупотреблений, от которых вас избавили ваши же успехи?»

«Да, сир, нас пугают всем этим, наши приходские священники уже принялись за строительство складов для сбора церковных десятин».

Адъютант генерала Маршана[201] прибыл из Гренобля вместе с 5-м линейным полком; когда он стал свидетелем проявления всеобщего энтузиазма и преданности народа и войск императору, он поспешил отправиться обратно в Гренобль, чтобы доложить об увиденном своему генералу. Несколько офицеров бросились в погоню за ним, чтобы схватить его, но у него оказалась более быстрая лошадь, и ему удалось ускользнуть от них.

5-й линейный полк, инженеры и саперы попросили создать авангардный отряд на пути в Гренобль; толпы местных жителей заполнили всю дорогу, распевая песни в честь императора. Он целый день провел верхом и очень устал, да к тому же простудился, но настоял на том, чтобы воспользоваться растущим энтузиазмом населения для въезда в Гренобль. Когда прибыл его адъютант, генерал Маршан, командир дивизии в Гренобле, приказал закрыть городские ворота. Следовало ли ему опасаться любого общения между королевскими войсками и войсками императора? То, что случилось перед Ла-Мюром, могло случиться и в Гренобле, как только его дивизия узнает императора и увидит трехцветное знамя. Молодой офицер Гренобльской национальной гвардии г-н Дюмулен[202] вышел навстречу направлявшейся к Греноблю императорской гвардии и предложил императору свою шпагу и все свое состояние. Он покинул Гренобль всего лишь несколько часов тому назад и проинформировал императора о том, что тот может рассчитывать на полковника Лабедуайера[203], на доброжелательность гарнизона Гренобля и его жителей. Г-н Дюмулен передал последние новости от доктора Эмери, который активно готовил патриотов города к встрече с императором. Г-н

Дюмулен оставался с императором в качестве его военного помощника и позже получил орден.

Между Визилем и Греноблем к колонне императора подъехал адъютант-майор 7-го линейного полка и сообщил Его Величеству, что его полковник г-н де Лабедуайер ведет свой полк, чтобы присоединить его к войску императора. Через полчаса со своим полком появился сам г-н де Лабедуайер, который нес перед собой бывшее полковое знамя, прикрепленное к верхушке ветки дерева. Император принял знамя, поцеловал его и, поблагодарив молодого полковника за патриотическое мужество, обнял его. 7-й линейный полк выстроился вдоль дороги, император произвел ему смотр, после чего вся колонна двинулась дальше в путь. Этот полк в составе 1800 человек удвоил императорское войско, а присоединение местных жителей — учетверило его. Возгласы: «Да здравствует император!», «Долой священников!», «Долой многочисленные налоги!» — сопровождали триумфальный марш императора к Греноблю.

Прибыв к стенам Гренобля в 9.30 вечера, император обнаружил, что городские ворота заперты, а местный гарнизон переведен на казарменное положение. Возгласы: «Да здравствует император!» — выкрикиваемые солдатами и жителями города с крепостного вала, не оставляли сомнений относительно их чувств.

На крепостном валу города столпились солдаты из 3-го инженерного полка, насчитывавшего 2000 человек, из 4-го артиллерийского полка, в котором Наполеон двадцать лет назад стал капитаном, из двух батальонов 5-го и 11-го линейных полков, а также из 4-го гусарского батальона. С самой вершины крепостного вала солдаты кричали, что порох гарнизонной артиллерии отсырел. По всему крепостному валу солдаты зажгли факелы, но им было приказано их потушить.

Император потребовал от генерала Маршана открыть городские ворота. Через полчаса генерал запросил сутки на раздумье. Тогда саперы взялись разбить ворота своими топорами. Едва они нанесли первые удары, как ворота распахнулись. Его Величество совершил въезд в город, встреченный огромным энтузиазмом со стороны армии и населения. В Гренобле император стал силой, с которой следовало считаться. Император разместился в гостинице. После его ужина граждане Гренобля принесли ему часть городских ворот, так как они не могли предложить ему ключи от города. На следующий день Его Величество принял городских официальных лиц и глав родов войск. Во всех их речах звучало единодушие; все они заявили, что у них отсутствуют обязательства перед королевской властью,

навязанной стране иностранцами.

В гостиницу пришел бывший учитель математики императора, попросивший разрешения повидаться со своим учеником. Император, находившийся в своей комнате, подошел к двери, чтобы приветствовать учителя, обнял его и в течение нескольких минут беседовал с ним: тот был в восторге от полученного приема. Полковник Руль, родившийся в окрестностях Гренобля, пришел, чтобы представить императору своего отца. Император получил большое удовольствие от беседы со стариком, заявив, что он будет способствовать счастливой судьбе его сына, который был одним из его гидов в Египте. Во время своего пребывания на острове Эльба этот офицер, так же как и д-р Эмери, батальонный хирург-майор, поддерживал весьма активную связь с патриотами Гренобля.

Графиня Маршан, супруга генерала, не покинула Гренобль вместе с мужем; она пришла к императору, чтобы сообщить ему, что ее муж не мог встать на его сторону, поскольку не хотел оказаться предателем данной им клятвы верности королю, но станет последователем дела императора, как только король оставит королевство. Император проявил по отношению к этой даме верх любезности, на которую был способен, заверив гостью, что он с большим удовольствием встретится с ее супругом. Сам генерал Маршан не счел удобным лично нанести визит императору.

Поскольку префект города г-н Фурье[204] покинул город, то император нашел ему замену в лице советника префектуры. Командиром национальной гвардии Гренобля император назначил бывшего майора императорской гвардии.

В два часа дня император устроил смотр войскам, сопровождаемый возгласами: «Да здравствует император! Долой Бурбонов!» Накануне 6000 солдат надели на себя старые трехцветные кокарды, которые они хранили в своих ранцах на память об их прошлой славе. Император заявил офицерам, которые доложили ему об этом, что данный факт говорит о том, что солдаты хранили кокарды как сокровище в то время, когда они были вынуждены смириться с антинациональным флагом Бурбонов. Сразу после смотра эти войска двинулись на Лион, впереди них шли местные жители, распевавшие патриотические песни. Первая моральная победа затеянного рискованного предприятия была одержана; император стал хозяином Гренобля, куда он прибыл с молниеносной быстротой. Император оставлял позади себя патриотически настроенное и преданное ему население и теперь мог следовать безо всяких опасений в Лион. Того, что случилось в Гренобльском округе, он мог ожидать и в

Лионе. И в этом он не ошибся.

Глава восьмая

Марш на Лион — Макон — Шалон, Отен и Осер — Фонтенбло — Прибытие в Париж — Комментарии и заключение второй части

9 марта император провел ночь в Бургуане. На пути в Бургуан императора опередил 4-й гусарский батальон, а самого императора сопровождал весь местный гарнизон. Несмотря на дождь и плохую погоду в течение всего этого дня, толпа народа, встречавшая императора, постоянно возрастала, также неизменно усиливался ее энтузиазм. Император ехал в своей карете, уставший и простуженный. По Прибытии в Бургуан он сразу слег в постель. В эту ночь он получил новости об обстановке в Лионе, направленные ему через штабного офицера г-на Молина де Сент-Йона[205] генералом Брайером[206]. Настроение жителей того большого города было весьма определенным; но присутствие в городе графа Артуа, который только что прибыл туда, сдержало взрыв страстей и помешало местным жителям выйти навстречу Наполеону. От г-на Брайера император также узнал, что жители города воспротивились блокаде мостов Ла Гильотьер и Моран и что граф Артуа и маршал Макдональд хотели защищать город, вопреки мнению военного совета. В городе отсутствовала артиллерия. Император заявил молодому офицеру г-ну де Сент-Йону: «Возвращайтесь обратно в город и скажите Брайеру, что он может быть уверен в моей дружбе». Император немедленно дал приказ графу Бертрану собрать солдат и перекрыть дорогу на Париж графу Артуа и маршалу Макдональду, которые хотели помешать ему вступить в Лион.

10 марта император направился в Лион. Его армия шла впереди него, но вскоре он был уже в середине шествующей военной колонны. Оседланные лошади императора следовали за его каретой; он сел на одну из лошадей и, опередив колонну, оказался во главе своих войск. Из Лиона навстречу императору беспрерывно прибывали жители города, чтобы присоединиться к Его Величеству. Они сообщали о всеобщем возбуждении, царившем в городе. Народу было достаточно только одного слова, чтобы снести баррикады, возведенные на мостах.

Императору рассказали, что граф Артуа, инспектируя кавалерийские части, остановился перед пожилым солдатом из 13-го драгунского полка, имевшим несколько шевронов на рукаве мундира, и сказал ему: «Подойди сюда, мой добрый солдат, и крикни: «Да здравствует король!» — «Нет, милорд, я не могу

сделать это, мы не будем сражаться против нашего отца». Этот ответ разъяснил все; повернувшись к генералу Брайеру, стоявшему поблизости, граф Артуа сказал: «Теперь нет ничего, на что можно было бы надеяться». С этими словами он уехал в сопровождении небольшой свиты и единственного национального гвардейца, ехавшего рядом с его каретой верхом. Генерал Брайер, информированный об его отъезде из Лиона, направил в качестве его эскорта отряд из состава 13-го драгунского полка. Герцог Орлеанский, который ранее прибыл вместе с графом Артуа в Лион, уже покинул город.

Маршал Макдональд настаивал на защите города. Два батальона, расположившихся у моста Гильотьер, должны были воспрепятствовать войскам императора перейти мост; у моста появились разведывательный отряд 4-го гусарского полка и несколько поляков под командованием полковника Жермановского. Увидев солдат двух национальных батальонов, они воскликнули: «Да здравствует император!» Батальонам было приказано открыть огонь, но их солдаты наклонили дула ружей к земле и также закричали: «Да здравствует император!» Маршал Макдональд, присутствовавший при дезертирстве своих войск, отправился в Париж на лошади, одолженной ему генералом Брайером. На окраине Веза его остановили два гусара из 4-го полка. Маршал был один, одетый в синий мундир и всего лишь с эполетами полковника. Прибывший на место происшествия генерал барон Дижеон опознал маршала и приказал освободить его.

Еще 6 марта Наполеон и его последователи были объявлены вне закона следующим королевским ордонансом:

«Королевский ордонанс относительно всеобщих мер безопасности.

Луи, Божьей милостью король Франции и Наварры, приветствие всем тем, кто читает это.

Статья 12 конституции вменяет нам в обязанность устанавливать правила и законы относительно безопасности государства. Она была бы чрезвычайно скомпрометирована, если бы мы не приняли безотлагательных мер, чтобы разделаться с опасной авантюрой, только что предпринятой против нашего королевства, и положить конец заговорам и попыткам разжечь гражданскую войну и уничтожить

правительство.

В связи с этим и на основании доклада, сделанного нам нашим возлюбленным и верным рыцарем, канцлером Франции, Сиром Дамбре, исполнителем наших приказов, и по рекомендации нашего совета мы приказали и приказываем следующее:

Статья 1. Наполеон Бонапарт объявляется изменником и бунтовщиком за то, что вступил на территорию департамента Вар с оружием в руках. Всем губернаторам, военным командирам, национальной гвардии, гражданским властям и даже простым гражданам предписывается содействовать погоне за ним, арестовать его и незамедлительно предать военному суду, который, после его опознания, объявит ему наказание, предусмотренное законом.

Статья 2. Таким же образом должны быть наказаны, как виновные в деянии тех же преступлений, все военные и все служащие всех рангов, которые сопровождали Бонапарта или следовали за ним во время его вторжения на французскую территорию, если они — в течение восьми дней после опубликования настоящего ордонанса — не сдадутся нашим губернаторам, командирам военных дивизий, генералам или гражданским администраторам.

Статья 3. Также будут преследоваться и будут наказаны, как агитаторы и соучастники бунта и попыток изменить форму правительства и разжечь гражданскую войну, — все гражданские и военные администраторы, все служащие в указанных администрациях, плательщики и сборщики общественных фондов и даже простые граждане, которые прямо или косвенно окажут помощь и содействие Бонапарту.

Статья 4. Также будут наказаны в соответствии со статьей 102 уголовного кодекса те, кто речами в общественных местах или на собраниях, плакатами или отпечатанными прокламациями выразил свое участие или подстрекал граждан принять участие в бунте или воздержался от действий для прекращения оного.

На нашего канцлера, на наших министров, государственных секретарей и на нашего директора полиции, на каждого в той степени, которая его касается, возлагается обязанность исполнения этого ордонанса, который должен быть опубликован в вечернем бюллетене и направлен всем командующим военных

округов, генералам, командирам, префектам, субпрефектам и мэрам нашего королевства с приказом отпечатать его и расклеить в Париже, а также повсюду и где бы это ни было необходимо.

Дано 6 марта 1815 года в замке Тюильри, на двадцатом году нашего правления.

Подписано: Луи

За короля: канцлер Франции Дамбре».

В глазах тех, кто опубликовал подобный ордонанс, высадку императора на берегу Франции и его марш на Лион и Париж следовало рассматривать как враждебные акции против прав народа, а войска, присоединившиеся к императору, следовало считать находящимися в состоянии мятежа. Авторы ордонанса были вынуждены поручить защиту Лиона прямому наследнику на трон, так как сам король не мог явиться в Лион.

Как говорил император на острове Св. Елены, ничего более умного и лучшего в Париже не могли придумать, как направить принца навстречу Наполеону, так как сам король не мог пойти на это; в Париже считалось, что Лион, город в 100 000 человек, противостоит 800 человек, а Париж остается в руках короля. Но падение второго города в королевстве должно было предвещать такую же судьбу и столице.

Около семи часов вечера император вступил в Лион в окружении офицеров и генералов всех рангов, которые вышли из города, чтобы встретить его; около него можно было увидеть генерал-лейтенанта Брайера, командующего Лионским военным округом, который пришел встретить императора со своим многочисленным штабом. Энтузиазм, охвативший этот большой город, достиг своего пика. Чувства счастья и веселого оживления отражались на всех лицах.

Невозможно представить себе всю эту толпу людей, включая детей и стариков, бежавших на мосты и набережные и рисковавших при этом быть задавленными. Каждый хотел видеть его, слышать его, быть уверенным в том, что это действительно он, объект их чаяний, а не какая-то зловещая иллюзия. Возгласы «Да здравствует император!», «Долой священников!», «Долой эмигрантов!», «Долой феодализм!» звучали в воздухе, словно непрерывный барабанный бой. Император был тронут и разделял эту всеобщую радость, но при этом не упускал возможности обратить внимание на все эти обвинения против королевского правительства, которые обеспечивали ему определенную гарантию успеха его планов, а также доказательство порыва к нему со стороны французского народа — униженного

иностранцами, собственным правительством и обеспокоенного своим будущим. Его Величество остановился в резиденции архиепископа, где все было приготовлено, чтобы встретить его подобающим образом. Свою собственную безопасность он вручил в руки спешенной национальной гвардии.

Несомненно, он неофициально одобрил действия конного национального гвардейца, который сопровождал графа Артуа; но во время пребывания на острове Св. Елены он заявил, что это неверно, что он просил представить ему этого гвардейца и вручил ему орден, как это утверждалось. Также неверно, что он отказался от услуг конной национальной гвардии из-за того, что она оказалась неспособной выполнить свой долг и сопровождать графа Артуа, как это следовало сделать. То, что его охраняла пешая национальная гвардия, было данью установленному порядку, не признававшему охрану императора конной национальной гвардией.

11 марта император в сопровождении нескольких генералов и отряда гусаров отправился на площадь Белькур, на которой он устроил смотр дивизии генерала Брайера. Его Величество с удовольствием вновь посетил эту площадь, которую он пятнадцать лет назад восстановил из руин, заложив первый камень. Толпа зрителей на площади увеличилась за счет жителей близлежащих улиц, пришедших увидеть императора. Как и накануне, повсюду в городе звучали возгласы: «Да здравствует император!» — а энтузиазм, охвативший горожан, не уменьшался. Когда император вернулся в резиденцию архиепископа, его глазам предстала галерея, заполненная генералами, офицерами и представителями магистрата; свою беседу с каждым из них он посвятил обсуждению их проблем, а затем перешел в гостиную, где принял императорский двор, представителей муниципальной власти, лидеров промышленных корпораций и командование национальной гвардии.

Его Величество приказал всем командирам армейских корпусов, дислоцированных в близлежащей сельской местности, проследовать к тому или иному пункту вдоль маршрута императора или сосредоточиться в департаментах, граничивших с этим маршрутом. Он написал маршалу Нею, находившемуся со своей армией в Лон-ле-Сонье, двинуться в путь и присоединиться к нему. Уже из Лиона император приступил к управлению страной и стал издавать декреты. В этот же день из дивизии генерала Брайера был сформирован авангард императорской армии, двигавшейся на Париж.

Опубликовав обращение к жителям Лиона, император покинул этот город 13 марта, глубоко тронутый чувствами,

проявленными по отношению к нему местным населением. Простые слова: «Народ Лиона, я люблю тебя!» — совершенно точно выразили его эмоции.

Для продолжения своего путешествия император купил экипаж, а мне предоставил карету. В Лионе к императору присоединился г-н Флери де Шабулон. Его включили в состав императорского секретариата, руководимого бароном Фэном и предназначенного для работы в Париже. Его Величество назначил его старшим советником и таким образом этой первой милостью вознаградил его за стойкую преданность во время его миссий на Эльбу и в Базель.

В полдень Его Величество остановился в Вильфранше и отправился в городскую мэрию, где ему была представлена большая группа раненых солдат.

Вечером император прибыл в Макон, где был размещен в отеле дю Соваж; он выразил недоумение по поводу того, что его не поместили в префектуре. На следующий день его поздравили муниципальные власти и местная национальная гвардия. Достаточно много времени он уделил беседе с одним из штабных офицеров национальной гвардии, чья откровенность позабавила императора; этот офицер только что сказал ему, что «с первой же минуты, когда он узнал о высадке императора на берег Франции, он посчитал Его Величество сумасшедшим». Такого же мнения придерживался не только этот офицер, но и многие другие; мнимое сумасшествие императора было одной из причин успеха его рискованного предприятия.

Император заявил офицерам национальной гвардии: «Во время последней войны вы не поддержали честь Бургундии!» — «Сир, это была не наша вина, ведь это вы дали нам такого плохого мэра!»

Префект Макона, г-н Жермен, один из камергеров, представленный императору парижскими властями, которого он сделал графом, сбежал из города. Император заявил: «Жермен посчитал, что должен бежать от меня; его личность не такая уж значительная, чтобы мы не могли обойтись без него».

После Макона по обочинам дорог, ведущих из одного города в другой, толпилась масса народа из окрестных мест, желавших увидеть императора.

В Маконе император узнал, что национальная гвардия Парижа хотела защищать короля и что этот монарх отказался покинуть Тюильри. Тому человеку, который принес с собой эти новости, император ответил: «Национальная гвардия будет держать под контролем порядок в Париже, а король не станет ждать меня».

«Что ты думаешь по этому поводу, Брайер?» — спросил он присутствовавшего при разговоре генерала. Брайер ответил: «Пусть они говорят что угодно; они не найдут ни одного солдата, который будет сражаться против вас, а энтузиазм населения страны таков, что если вы пожелаете, то сможете прибыть в Париж с полумиллионом человек». Император не очень хорошо знал генерала Брайера, и решение генерала дать задание одному из его штабных офицеров, г-ну Сент-Йона, выехать в Бургуан для встречи с Его Величеством удивило императора. Уже находясь на острове Св. Елены, император рассказывал: «Его карьера проходила практически вне поля моего зрения. Я колебался в отношении его, но искренность, с которой он приветствовал меня, когда он прибыл, чтобы присоединиться ко мне во главе большого числа штабных офицеров, развеяла все мои сомнения. Особенно во время нашего похода из Лиона в Париж я смог оценить всю силу его характера».

14 марта император прибыл в Шалон. Дождь продолжал лить со страшной силой, но местные жители по-прежнему выходили к дороге на всем пути в Шалон. При подходе к городу императору показали несколько пушек, которые намеревались использовать против него, но местные жители захватили их; император поздравил жителей Шалона и воспользовался случаем, чтобы сказать им, что будет всегда помнить их прекрасное поведение в 1814 году. Он выслал орден Почетного Легиона мэру Сен-Жан-де-Лонь, заявив при этом: «Именно для таких хороших людей, как он, N и основал орден Почетного Легиона, а не для эмигрантов, получающих пенсию от наших врагов».

В Шалоне Его Величество принял депутацию от города Дижона; жители этого города выгнали своего префекта, и император, сняв мэра, назначил вместо него другого.

Ночь 15 марта император провел в Отене; он принял муниципальных властей города и сурово отчитал мэра, который властвовал по воле горстки представителей местной знати. «Кто ты такой, сударь, что позволяешь управлять собой подобным образом кучке людей из числа привилегированной знати? Разве ты сам не из народа, разве ты должен отказываться от забот о народе, которым ты правишь в обстановке ненависти к знати?» Император сместил этого мэра с его поста.

16 марта мы спали в Аваллоне. В этом городе императора приветствовали так же горячо, как и повсюду. Император восстановил в прежней должности нескольких гражданских служащих, которых ранее уволили за то, что они участвовали в защите страны против иностранцев; он приказал арестовать субпрефекта Семюра и отправить его в тюрьму в Аваллоне за то,

что тот преследовал патриотов.

На следующий день, 17 марта, после завтрака в Вермантоне, император прибыл в Осер. Префект города г-н Гамо, шурин маршала Нея, сохранил свой пост. Его Величество остановился в префектуре города и в гостиной обнаружил собственный портрет в натуральную величину и в императорском облачении, а также бюсты императрицы и своего сына. Императора поздравили с прибытием местные власти, с которыми он побеседовал о проблемах страны. Несколько офицеров, находившихся в отставке, нанесли визит императору и предложили ему свои услуги; днем он принял офицера от маршала Нея, сообщившего о скором прибытии маршала в стан императора.

Его Величество вызвал к себе г-на Виара, викария местного собора, который со своей кафедры проповедовал о верности официальному правительству и призывал организовать сопротивление армии императора. Этот поступок был запоздалым, опасным и нетипичным для статуса и рассудительности священника. Император пожурил священника за то, что тот призывал к гражданской войне, заявил ему, что тот должен заниматься только духовными делами, и процитировал несколько мест из Священного Писания, на что викарий не стал, да и не мог возражать.

Вновь было подтверждено сообщение о том, что король намерен защищать Париж. «Единственная армия, на которую он мог положиться, теперь находится на моей стороне. Ней идет ко мне. Я пересек Прованс и верхний Дофине с 900 солдатами, а теперь у меня 30 000 человек. На моем пути три миллиона крестьян спешили увидеть меня и осыпать своими благословениями. Почему? Потому, что я почитал Францию и правил в духе интересов нации. Бурбоны привнесли иностранное ярмо и дух эмиграции. Франция отвергла все это. Я уверен в Париже. Людовик XVIII — слишком проницательный человек, чтобы поджидать меня в Тюильри».

Ночью в дверь спальни императора постучал гофмаршал. Я открыл дверь. Гофмаршал пришел, чтобы сообщить императору о прибытии в город маршала Нея. Император отложил его прием до наступления следующего дня, 18 марта. В первые минуты встречи императора с маршалом тот испытывал неловкость: вспоминал ли он о своем обещании королю? Но это продолжалось недолго; гофмаршал написал Нею, что ему будет оказан такой же прием, как и после русской кампании. Император распростер объятия, маршал бросился навстречу, и они обнялись. Оставшись наедине, они долго беседовали. Маршал признался, что его увлекла за собой его собственная армия, что он не смог удержать ее на

службе короля и что он выехал из Парижа с твердым намерением сражаться против императора.

Его Величество приказал собрать лодки, чтобы на них перевезти часть армии, которая была истощена, до самого Фоссара. Но река Йонна вздулась, одна из лодок затонула вместе с несколькими людьми, находившимися в ней. Эта потеря, сильно подействовавшая на генерала Брайера, командовавшего погибшими людьми, вызвала глубокие переживания и у императора, который до этого гордился тем, что его возвращение не стоило ни одной человеческой жизни.

В то же утро император устроил смотр 14-му линейному полку. Затем он смешался с толпой народа, жаждавшего увидеть его, и потом вернулся в префектуру под аккомпанемент все тех же возгласов: «Да здравствует император!», «Долой священников!», «Долой дополнительные налоги!» — которые он уже слышал со дня своей высадки на берег франции.

Несколько королевских эмиссаров попытались и даже сумели проникнуть в здание префектуры. Их опознали и одного из них выбросили бы из окна, не вмешайся граф Фортран. Император, информированный о некоторых выступлениях роялистов против него на юге страны и о начавшемся походе отряда герцога Ангулемского, прежде чем отбыть из Осера, принял меры, чтобы подавить сопротивление роялистов. Генералы Суше, Жерар и другие направили своих эмиссаров, чтобы информировать императора о своей преданности ему. Император направил письмо генералу Лекурбу, который стремился проявить свои патриотические чувства на службе у императора. Когда император Покидал Осер, местные жители сопровождали его далеко за пределы города. Император спешил прибыть в Фонтенбло и хотел вступить в Париж 20 марта.

В Фоссаре он был встречен полком драгун, которые явились без офицеров, чтобы присоединиться к императору: он устроил полку смотр и, высоко оценив их подготовку, повысил некоторых драгун в звании. Император был удивлен, узнав, что молодой Монсей, командовавший 3-м гусарским полком, посчитал за долг уклониться от встречи с ним, переслав императору сообщение о том, что он никогда не будет сражаться против него, но что он дал клятву королю, от которой он не был освобожден.

Его Величество распорядился, чтобы я поехал впереди него, и приказал мне ждать его в Фонтенбло. Дворцовый квартирмейстер г-н Дешан уже прибыл туда, и все было готово для встречи императора; бывший консьерж находился по-прежнему во дворце, но ждал, что его вот-вот уволят.

Я приехал в Фонтенбло в 11 часов вечера. Распространился

слух, что в ближайшем лесу скопилось более тысячи человек, готовых похитить императора. Его Величество остановился на четыре часа в Море и выехал оттуда только тогда, когда ему доложили, что лес обыскали и что у каждого выхода из леса, ведущего в сторону Парижа, Орлеана и Мелена, была выставлена охрана.

Его Величество прибыл в Фонтенбло в 4 часа утра с эскортом нескольких сотен кавалеристов: его карету сопровождали верхом на коне полковники Жермановский, Руль и дворцовый квартирмейстер г-н Буиссон. Император выглядел весьма довольным тем, что оказался вновь в этом дворце, который он вынужден был покинуть 11 месяцев назад из-за измены. В его спальной комнате был зажжен камин; император вызвал к себе консьержа, одного из своих бывших слуг, который рассказал ему, что, как только вернулись Бурбоны, они старательно занялись устранением всех символов, напоминавших об императорском режиме, но не заметили, что кровать увенчана буквой «Н», которая так и осталась на своем месте. Заверив консьержа в своем добросердечии по отношению к нему и к его семье, Его Величество лег спать. В 7 часов утра он оделся и вскоре узнал об отъезде короля из Парижа. Об этом ему сообщил гофмаршал, который прибыл к императору, как только узнал эту новость.

Перед выездом в Париж император приказал, чтобы Эльбанскому батальону был предоставлен однодневный отдых, а мне сказал, чтобы я немедленно выехал в Париж.

Я приехал в Тюильри в 6 часов вечера. Не было никаких признаков, указывавших на то, что в этом дворце обитал другой монарх: весь персонал, отвечавший за обслуживание и прием гостей, находился на положенном месте; дворец выглядел так, словно Его Величество всего лишь возвратился в него после путешествия. Император прибыл во дворец только в 8 часов вечера 20 марта, поскольку его задержали толпа людей, собравшихся на его пути, а также генералы, прибывшие, чтобы поздравить его с прибытием в Париж. Армейские подразделения, собранные в Вильжюиф, чтобы сражаться с ним, выступали в качестве его эскорта.

Когда император вышел из экипажа, буквально тысяча рук протянулась к нему, чтобы перенести императора в его апартаменты; от всеобщей радости у многих закружились головы. Королева Гортензия в черном платье ожидала императора в своей гостиной. Император, нежно обняв ее, обратился к ней со словами утешения, которые она имела полное право услышать, учитывая дружбу императора с ней и с императрицей Жозефиной. После этих первых минут вполне правомерной печали и

соответствующих извинений император проследовал в собственную гостиную, где побеседовал с высшими сановниками империи. Все были в радостном, а то и в восторженном состоянии. Император, не сдерживаясь, разделял эти чувства.

Его Величество, уставший до предела, удалился в свои апартаменты только в полночь.

Многие люди утверждали, что возвращение императора в Париж было испорчено, что его должен был сопровождать храбрый Эльбанский батальон, который через силу ускорил свой поход в Париж, лишь бы войти в него вместе с императором. Вот что я услыхал от самого императора на острове Св. Елены по этому поводу: «Я вошел в Париж так же, как входил в Гренобль и в Лион после долгого дневного перехода и во главе подразделений армий, посланных, чтобы выступить против меня; я вошел в Париж точно так же, как я входил в него, когда возвращался из Маренго, Аустерлица, Тильзита. У меня слишком много других дел, чтобы тратить целых два дня на подготовку церемониального вступления в Париж; на это я бы не пожертвовал и пятнадцати минут».

Возвращение императора в Тюильри, повторный приход к власти с отрядом всего лишь в 900 человек, при этом без единого выстрела, без капли пролитой крови и без какого-либо внутреннего заговора жителей, всегда останется в ряду самых замечательных событий, крайне редких примеров в истории наций. Не имеет значения, явилось ли это результатом отважного шага или поступка гения; мы видели все это собственными глазами, и тем не менее это событие остается для нас невероятным. Император всего за 20 дней прошел по маршруту, требующему 40-дневного похода.

Император спокойно обосновался на Эльбе в соответствии со своим новым положением, но условия, оговоренные договором в Фонтенбло, не были выполнены, они даже были нарушены, готовилась попытка совершить покушение на его жизнь. План этой попытки имел корсиканское происхождение, и император был проинформирован своими друзьями о его существовании. Имелся также план ограничить свободу императора и заточить его на острове Св. Елены. Он более не был связан обязательствами оставаться верным условиям, которые только он один и соблюдал; для его врагов значение имела одна только сила, в то время как справедливость, уважение к договоренности, родственные отношения и память о честной дружбе более ничего не значили. Цель, которую он ставил перед собой, — благополучие Франции, мотивы, которые побудили его отречься от престола, стали бессмысленными. Он понимал, что новое

правительство, пришедшее на смену его власти, действовало в ущерб интересам нации, что в нем превалировал моральный дух эмиграции, который вел его каждый день от серьезных ошибок к еще более серьезным, тем самым разрушая Францию. Он понимал, что если он и совершал ошибки, то они в меньшей степени повлияли на его падение, чем интрига, поддерживаемое иностранцами предательство, невзгоды и неудачи, связанные с вторжением иностранных войск во Францию в 1814 году; Франции недоставало его, и она будет приветствовать его с распростертыми объятиями…

До тех пор, пока затрагивались его личные интересы, его одолевали сомнения. Но когда речь пошла о спасении, чести и славе родины, сомнения исчезли: полностью принадлежа Франции, император ради нее был готов на все. 1 марта он высадился в бухте Жуан и двинулся в поход на Париж; через каждые три дня его вооруженные силы удваивались; во всех пунктах маршрута народ осыпал его благословениями, возлагая на него все надежды, и демонстрировал готовность защищать его в случае нападения. Крестьяне и солдаты, гражданские служащие и сотрудники магистратов, все они говорили, что их ожидало бы самое худшее, если бы он не пришел. Через 20 дней после высадки на берег Франции он оказался у стен Парижа во главе 60 000 человек; и король, который не смог предотвратить зла, нанесенного Франции его придворными, министрами и привилегированными классами, в результате мучительных раздумий не нашел ничего лучшего, как в полночь покинуть свой дворец. Таким образом, подтвердились слова императора, сказанные г-ну Поджи о Бурбонах: их 19-летнее правление было настолько слабым, что они не могли бы выстоять, даже несмотря на чудо.

Единственное, чего не хватало, чтобы это великое предприятие стало полностью успешным, было решение императора покинуть Эльбу на две недели позже: тогда бы высадка не совпала по времени со встречей европейских монархов в Вене и они бы не подписали деклараций or 13 и 25 марта. Если бы император покинул Эльбу только После получения информации, которую он ожидал из Вены И которую вез Киприани, прибывший в Портоферрайо 27 февраля, то он отложил бы свой отъезд с Эльбы на несколько дней. К сожалению, император покинул остров 26 февраля. Киприани, раздосадованный, что не нашел его, задержался с отъездом во Францию и догнал нас только в Париже.

Часть II
«Сто дней»

Глава девятая

Мое служебное положение в Тюильри — Беседы императора с архиканцлером и герцогом Бассано — Формирование кабинета министров — Парад 22 марта — Эльбанский батальон

Доброжелательность со стороны императора и доверие, которым я пользовался у него, способствовали тому, что мое служебное положение, став предметом моей гордости, определило и мое обеспеченное существование. Однако после того как Его Величество вернулся в Тюильри, я стал гораздо меньше бывать рядом с ним, чем на Эльбе. Я обычно присутствовал при нем только тогда, когда он просыпался и когда ложился спать, но в течение нескольких дней я продолжал спать, расположившись у дверей его спальни, как это делал во время нашего похода от бухты Жуан до Парижа; уже затем я получил в свое распоряжение собственную комнату. Если у императора были какие-нибудь приказания для меня, то это случалось, когда он вставал с постели после сна; я обычно докладывал о выполнении его приказаний, когда он возвращался в свои апартаменты, как правило, в 10 часов вечера.

Я пользовался всеми привилегиями своего служебного положения: питание для четырех человек, карета с кучером, который приходил ко мне утром для получения инструкций, билеты на спектакли четырех главных театров Парижа, которые высылал мне обер-гофмейстер, граф де Монтескью. Он любезно сообщил мне, что в ведомости заработной платы он определил мое жалованье в размере 6000 франков и дополнительно 2000 на оплату одежды. Всю эту сумму получал и мой предшественник, но Его Величество повысил мое жалованье до 8000 франков, оставив без изменений сумму денег на одежду.

Я проводил время, посещая друзей, наблюдая за состоянием настроения публики. Вечером император обычно спрашивал меня, чем я занимался в течение дня; скорее он делал это ради любопытства, не придавая ответам особого значения. Как бы там ни было, в течение первых нескольких дней я докладывал ему о чувствах радости и об энтузиазме, охвативших жителей Парижа. Мои рассказы, судя по всему, глубоко трогали императора. Если от моих друзей, так же преданных императору, как и я, поступали

важные сведения, то я обычно докладывал о них Его Величеству.

Как я уже говорил ранее, вечер 20 марта был посвящен всеобщему празднеству в связи с возвращением императора в Париж, но он также уделил время, чтобы разделить скорбь королевы Гортензии, носившей траур по императрице Жозефине. Королева специально приехала в Тюильри, чтобы приветствовать императора. Еще на Эльбе Его Величестве узнал о мерах, предпринятых Людовиком XVIII для того, чтобы она смогла сохранить свою личную собственность и получить титул герцогини Сен-До. Когда они остались наедине в его кабинете, император не удержался, чтобы не сказать несколько слов, огорчивших королеву Гортензию, которая тем не менее осталась очень привязанной к императору. Он считал, что люди довольно быстро забывают то, что они находятся в долгу перед его памятью. После этих первых минут он заверил ее в своих нежных чувствах к ней и вышел в гостиную, чтобы принять поздравления от своих друзей.

В гостиной он остался наедине с архиканцлером и герцогом Бассано (Маре), двумя его бывшими министрами, от которых он ожидал получить конфиденциальную и точную информацию о положении дел во Франции. На Эльбе Его Величество действительно собрал большое количество сведений о положении в стране, но они могли быть неточными и в них особенно могло отсутствовать единое толкование. Он заявил, что никогда бы не подписал Парижский договор, но, поскольку он был подписан, будет соблюдать его и информирует об этом Вену. Он не был уверен в том, довольствуются ли этим европейские державы, независимо от того, насколько искренне он связывает себя этим обязательством: несомненно, что они крайне заинтересованы в том, чтобы подтвердить этот договор, и император сообщил австрийскому императору, что в нынешнем положении Италии ничего не изменится. Об этой беседе мне было рассказано одним из двух лиц, присутствовавших на ней, когда я возвратился с острова Св. Елены. Мне было сказано: «Император беседовал с нами о сущности и форме правительства, которое он хотел восстановить». Оба собеседника императора обрисовали ему политический курс королевского правительства, указав, с одной стороны, на ошибки, к которым это правительство привели г-н Блака и эмигрантский моральный настрой, а с другой, беспечность и отсутствие опыта у кабинета министров, не обладавшего ни умением, ни энергией, чтобы предотвратить эти ошибки.

Выслушав мнения герцога Бассано (Маре) и архиканцлера, которого император называл здравомыслящим человеком, Его

Величество сказал им: «Я не собираюсь во второй раз начинать собственную политическую карьеру; я заинтересован главным образом в том, чтобы жить спокойно и использовать остаток жизни на ликвидацию бедствий, принесенных Франции в течение двадцати лет войны, закончившейся вторжением врага на нашу территорию. Несчастья нашей родины лишили меня возможности продолжать уединенную жизнь; уверенность в том, что мне не дадут спокойно владеть островом Эльба, заставила меня поторопить события. Я прибыл во Францию без какого-либо соглашения на этот счет с европейскими державами, но стал более сильным благодаря разногласиям, существовавшим между ними. Какую позицию займет Вена? Мы скоро узнаем об этом. Когда державы узнают о единодушии, в атмосфере которого меня приветствовали во время возвращения во Францию, о том, что Бурбоны не смогли оказать никакого сопротивления и что никто или почти никто не взялся за оружие, чтобы обеспечить их отступление к границам королевства, то они дважды подумают, прежде чем ответить мне, а если они будут действовать поспешно, то пожалеют об этом. Не будем забывать, что монархи, собравшиеся на Венском конгрессе, не являются моими единственными врагами: европейские олигархи боятся меня, и у них достаточное количество представителей в Вене. Касльри и Веллингтон постараются настроить их против меня, и они придут к решению развязать войну, поэтому мы должны готовиться к этому».

Его Величество пригласил этих двух министров к себе на ужин и, выйдя из-за стола, перешел к вопросу о формировании кабинета министров. Архиканцлер принял портфель министра юстиции, которым он обладал во времена Директории. Герцог Гаете (Годен), граф Молльен и герцог Декре вновь стали министром финансов, главным казначеем и министром военно-морского флота. Портфель военного министра был вручен князю Экмюльскому (Даву), чей патриотизм и преданность императору, неослабное усердие и взыскательная честность были хорошо известны в армии. Герцог Бассано (Маре) вновь стал статс-секретарем в ранге министра. Пост министра иностранных дел оставался вакантным; через несколько дней на этот пост был назначен герцог Виченцский (Коленкур)[207], который согласился с этим назначением, чтобы представить императору очередное доказательство своей преданности.

Граф Карно[208] получил портфель министра внутренних дел. Ему предложили этот портфель как человеку, наиболее способному урегулировать разногласия с представителями старой патриотической партии (республиканцами) в правительстве.

Император хорошо знал его таланты и силу характера, он помнил его благородную просьбу служить императору в 1813 году и то, как он блестяще проявил себя, когда защищал Антверпен; император только сожалел, что некоторые интриганы ввели его в заблуждение относительно Карно.

К императору также обратились с просьбой назначить герцога Отрантского (Фуше) министром полиции; он знал о пристрастии этого министра к интриге и о его стремлении во все вмешиваться. Как говорил император, Фуше был всегда готов воспользоваться любым шансом и особенно любил совать нос в чужие дела. Император, испытывая подлинную антипатию к этому человеку, не был расположен к тому, чтобы использовать его в качестве министра, но герцог Бассано (Маре), архиканцлер, графы де Лавалетт[209] и Реаль[210] и даже герцог Ровиго (Савари) по разным причинам сошлись во мнении, что поведение Фуше в 1814 году было достойно похвалы. Для некоторых назначение Фуше было дополнительной гарантией нейтрализации партии Карно; для других оно было оправданно, так как Фуше постоянно находился в оппозиции к правительству Людовика XVIII. Он пошел на это, как говорили, без колебаний и без скрытых мотивов, связанных с возвращением императора. По мнению этих господ, герцог Отрантский рисковал собственной безопасностью. Они добились своего, несмотря на явное нежелание императора видеть Фуше членом кабинета министров: Фуше был поставлен во главе полиции. Только потом император узнал, что этот министр, услыхав о высадке Его Величества на берегу Франции и прибытии в Лион, поспешил инспирировать восстание войск под командованием графа д'Эрлона[211], Лефевр-Денуэтта[212] и братьев Лаллеман[213] с тем, чтобы выглядеть достойно в глазах императора и вернуть его расположение.

В тот же вечер император раздумывал, следует ли ему приступить к военным действиям, совершив поход к Брюсселю и тем самым застать врасплох коалицию союзников, как это он уже сделал в отношении Франции, и, воспользовавшись враждебностью жителей этой страны к англичанам, вытеснить их из Бельгии и захватить берега Рейна до того, как союзники будут в состоянии помешать этому. Некоторые соображения вынудили его отказаться от реализации этой идеи, и Его Величество отложил на два месяца выполнение того, что он хотел сделать немедленно.

Император вернулся в свои апартаменты только между полуночью и первым часом ночи, сразу же вызвав меня. Со мной к нему явились г-да Сенешаль, Пелар и Юбер, его бывшие личные слуги (последние двое сопровождали его на Эльбу). Его

Величество любезно приветствовал их; пока он раздевался, пожелал узнать от них, каково общественное мнение в Париже, после чего отпустил, предложив сообщить ему об их нуждах. Он оставил г-на Юбера у себя на службе, чтобы полностью укомплектовать свой личный обслуживающий персонал, в то время как двое других его слуг получили должности консьержей в замке, о которых они просили и которые были в это время вакантными. Я подождал, пока они покинут спальню императора, прежде чем вручить Его Величеству петицию от Рустама, его мамелюка. Эту петицию передал мне тесть Рустама, Дувиль, бывший швейцар в апартаментах Римского короля. Независимо от того, что я говорил Дувилю относительно неуместности подобной просьбы, которая всего лишь напомнит императору о поведении Рустама в Фонтенбло, Дувиль ни за что не хотел соглашаться со мной и столь упрямо настаивал, чтобы петиция была вручена императору — заявляя, что Рустам рассчитывает на мою любезность, — что я согласился.

Когда я вручил петицию императору, сообщив ему, от кого она поступила, и доложив, что ко мне обратились с просьбой вручить ее, он ответил: «Он трус! Брось ее в огонь камина и никогда более не упоминай мне его имя».

Констан лучше понимал чудовищность своей ошибки, и у него хватило здравого смысла не пытаться совершить подобную вещь.

Я сообщил императору о том, как сильно был удивлен, прибыв в Париж, когда обнаружил весь обслуживающий персонал дворца на своих прежних местах, даже персонал для обслуживания празднеств в гостиной дворца, и задавал себе вопрос, не вернулся ли Его Величество только что не с Эльбы, а из поездки по Франции, поскольку ничего практически во дворце не изменилось. Лишь несколько человек, совсем немного, остались после отъезда императора на Эльбу в услужении у короля. Один из них оставался в качестве швейцара канцелярии дворца. Император спросил у него: «Итак, Дени, ты оставался служить королю?» — «Да, сир, но для того, чтобы лучше служить Вашему Величеству!» Этот ответ не понравился императору, к тому же эти слова принесли их автору определенные затруднения после «Ста Дней».

Трудно выразить чувства, испытываемые различными лицами, с которыми я встречался; многим казалось, что правление императора совсем не прерывалось. Лицо каждого выражало полнейшее удовлетворение. Разговаривая со всеми с благорасположенной добротой, император вновь обретал влияние, которое он знал, как оказывать на всех тех, кто общался

с ним.

Ночью 20 марта в Париж прибыли эльбанские гренадеры и Корсиканский батальон.

Утром 21 марта те, кого обычно в начале дня принимал император, уже присутствовали во дворце, когда Его Величество встал с постели. Первым появился гофмаршал. Император, заметив его, спросил: «Ну как, Бертран, нашел ли ты свою постель столь же удобной в Тюильри, как и на Эльбе?» — «Она, по крайней мере, лучшая из тех, которые мне попадались после нашего отъезда с Эльбы».

Через несколько минут гофмаршал сообщил императору, что во дворец явился г-н Фонтен[214]. Император пригласил его войти, и пока Его Величество брился, он стал задавать ему различные вопросы, на которые опытный архитектор обстоятельно отвечал. Воспользовавшись паузой в разговоре, Фонтен поведал императору о том, что он посчитал наиболее впечатляющим во время похода Его Величества из Канна в Париж. По мнению Фонтена, этот последний подвиг императора превзошел все остальные.

Император сказал: «Ты так думаешь? Видишь ли, у меня нет иного достоинства, кроме того, что я точно оценивал положение дел во Франции. Что же касается моего похода в сопровождении массы народа, то, если бы я захотел повести за собой два миллиона людей, я мог бы привести их прямо к стенам Парижа; общественное мнение было моим единственным сообщником в этом рискованном предприятии. На моем пути в Париж два человека безмерно помогли мне: Лабедуайер с его необычайным энтузиазмом в Гренобле и Брайер с таким же энтузиазмом в Лионе. Но временами судьба человека складывается таким образом, что — если бы мое решение покинуть Эльбу не увенчалось успехом — это рискованное предприятие было бы расценено как поведение сумасшедшего».

Г-н Фонтен рассказал императору о статуе Генриха IV на террасе Пон-Неф, пояснив, что весь Париж принял участие в сборе пожертвований, чтобы воздвигнуть этот памятник; император на это только ответил, что для памятника было подобрано прекрасное место. Император расспрашивал Фонтена о строительных работах, которые заказывала королевская семья, и заявил, упомянув членов этой семьи, что кроме Людовика XVIII единственным человеком со средствами был герцог Орлеанский.

Когда г-н Фонтен ушел, я доложил императору, что во дворец явились его врач г-н Фуро и г-н Юван, его бывший лейб-хирург. Император распорядился, чтобы я привел к нему первого из них, добавив, что он не желает видеть второго, так как этот человек

покинул его в Фонтенбло. Г-н Юван никогда более не появлялся во дворце. Г-н Фуро продолжал посещать императора каждое утро, как это он обычно делал на Эльбе, как раз тогда, когда Его Величество мылся и одевался. Когда г-н Фуро уже выходил из спальной комнаты императора, Его Величество спросил его, находится ли Корвисар в Париже: знаменитого доктора в столице Франции не было.

В тот же день император устроил смотр Парижскому гарнизону и войскам, прибывшим вместе с ним с острова Эльба. Смотр проводился во внутреннем дворе дворца Тюильри. Император произнес зажигательную речь, полную энергии.

Он начал ее следующими словами:

> *Солдаты! Я прибыл во Францию в сопровождении шестисот человек, потому что я рассчитывал на любовь народа и на память старых солдат! Мои ожидания меня не разочаровали; солдаты, я благодарю вас! Триумф того, чего мы только что добились, целиком принадлежит народу и вам. Все, что сделал я, заключалось лишь в том, чтобы лучше познать и оценить вас!*

А закончил он следующим образом:

> *Солдаты! Только императорский трон может гарантировать народные права, и превыше всего самое главное среди наших интересов — а именно нашу славу. Солдаты! Мы отправимся в поход, чтобы выдворить с нашей территории королевских принцев, пресмыкающихся перед иностранцами; страна не только поддержит нас, она также последует за нами под нашим руководством, французский народ вместе со мной рассчитывает на вас. Мы не хотим вмешиваться в дела иностранных государств, но горе тем, кто вмешивается в наши дела!*

Затем он представил солдатам генерала Камбронна и тех гвардейских офицеров, которые были вместе с ним на Эльбе, после чего в центре площади был поднят прежний гвардейский флаг. В связи с этим император сказал:

> *Солдаты! Эти люди вернули вам ваши знамена. Так пусть эти знамена вдохновят вас: вручая их гвардии, я вручаю их всей армии! Измена и трудные обстоятельства покрыли их траурной завесой, но благодаря французскому народу и вам они вновь будут развеваться, озаренные светом собственной славы. Поклянитесь, что они всегда*

будут там, куда их призовут интересы родины! Так пусть же изменники и те, кто посягнет на нашу территорию, никогда не смогут выдержать их вида!

«Клянемся в этом!» — ответили солдаты возгласом, полным энтузиазма. После смотра войска прошли парадным строем, восклицая: «Да здравствует император!»

Эльбанский батальон, прибывший в Париж после того Как он покрыл расстояние в 240 лье за двадцать дней, был расквартирован в Эльбефских казармах на площади Карусель; на следующий день на двери казарм большими буквами было написано следующее: «Жилище храбрецов». Случайно я обратил внимание на эту надпись и упомянул о ней императору, когда он собирался ложиться спать. Я рассказал об этом императору не для того, чтобы каким-то образом внести раздор в ряды гвардейцев, но только с мыслью о том, чтобы польстить этому батальону, воздав ему должное. На следующее утро я с удивлением услышал, как император обсуждал это событие с графом Бертраном, приказав ему принять меры, чтобы стереть эту надпись. Император пояснил, что поскольку в этих казармах нельзя было разместить всю гвардию, то было бы несправедливо заявлять подобное только об одном батальоне. Он добавил, что Эльбанский батальон был только частью гвардии, депутацией от нее, и всем гвардейцам хотелось бы войти в состав подобной депутации. Поэтому в том, чтобы оставить эту надпись, которая могла внести раздор, не видно каких-либо положительных моментов, но только одни недостатки. Для того чтобы стереть эту надпись, было выбрано ночное время.

Батальон гренадеров, которые заняли посты охраны у дворца Тюильри в ночь с 20 марта на 21-е, был назначен для выполнения этого задания еще в По-сюр-Ионне 19 марта в восемь часов вечера; гренадеры совершили марш в 25 лье за 24 часа и прибыли к своим постам охраны, никого не оставив позади себя. Весь батальон получил орден Почетного Легиона; император распорядился о выдаче каждому солдату батальона дополнительной субсидии в размере 300 франков, а офицеров, которые уже были легионерами, повысили в чине на одну ступень.

Во время приема в воскресенье, 26 марта, император получил поздравления от министров Государственного совета, от верховного апелляционного суда, от суда по финансовым вопросам, от суда империи, а также от других судов и высокопоставленных государственных служащих. Речи отражали характер лиц, подготовивших их, а также самих ораторов; все

говорили о свободе, независимости и чести родины. Речь графа де Фермона от имени Государственного совета являла собой декларацию принципов, вся суть ответов императора содержалась в одной реплике, адресованной архиканцлеру:

«Чувства, которые вы выразили, это и мои чувства. Все для нации, все для Франции — таков мой девиз. Я и моя семья, которую этот великий народ возвел на трон Франции и после этого продолжал оказывать нам поддержку, несмотря на политические перевороты, не хотим, не должны и никогда не сможем претендовать на какие-либо другие титулы».

В тот вечер на приеме присутствовал г-н Поджи. Когда император уходил, г-н Поджи сказал ему, что во всех речах просматривалось почти умышленное намерение говорить о свободе и конституции, словно ораторы старались уже сейчас выпросить обещания по этому поводу.

Император ответил: «Страна более стремится к равенству, чем к свободе; концепция свободы этих ораторов плохо усваивается, они забывают о том, что я люблю свободу так же, как и они, и даже еще сильнее. Но при всем этом вам не должны противостоять 800 000 врагов, которые хотят лишить вас свободы; я более, чем эти господа, предан цели спасения и достижения благосостояния Франции. Я хочу равенства для всех при выборе средств достижения успеха; именно в этом заключается преобладающая страсть нашего века, мы не должны подавлять ее. Что же касается свободы, если она возникнет, то это будет следствием обстоятельств, в которых я не буду участвовать».

Ежедневно, начиная со дня прибытия императора в Тюильри, жители Парижа, жаждавшие увидеть его, собирались толпами в саду под окнами его апартаментов и неизменно, когда бы он ни появился у окна, приветствовали его возгласом, единственным, который можно было услышать в то время: «Да здравствует император!»

Спустя несколько дней после прибытия в Париж император отправился в городское предместье Сент-Антуан, где его вскоре узнали. Императора тут же окружила толпа местных жителей, которые сопровождали его до самого дворца Тюильри. Свита императора, оказавшаяся отрезанной от него, забеспокоилась при виде такой массы людей, взявших его в плотное кольцо. Из такой толпы мог появиться человек с самыми худшими намерениями. Но слышались только крики, проникнутые чувством любви к императору.

Во время периода «Ста Дней» император был перегружен работой, однако он ничего не откладывал в сторону. Он вернул барона Фэна и своих бывших секретарей в состав сотрудников

императорской канцелярии, оставив в их числе секретаря из Эльбы г-на Ратери и включив г-на Флери де Шабулона.

Его Величество спал не более трех часов подряд. Проснувшись, он шел в свой кабинет, работал несколько часов и затем принимал ванну, которая ждала его по первому указанию; вода в ванне постоянно поддерживалась горячей. В 6 часов утра по его распоряжению открывались ставни в спальне. Он требовал принести ему утреннюю почту, с которой знакомился, усаживаясь перед камином в одном халате. Письма, представлявшие интерес, он откладывал в сторону, чтобы вернуться к ним позднее, а все остальные бросал на ковер; эти письма он характеризовал как «получившие ответ». Вместе с письмами ему подавали газеты, которые он внимательно просматривал, иногда отмечая те, в которых он находил интересные статьи, выясняя потом, кто был их автором.

После первого раунда своей работы он обычно одевался: именно в это время к нему приходили для получения указаний гофмаршал, врач, архитектор и библиотекарь императорской библиотеки г-н Барбье; император затем отпускал их и шел в свой кабинет.

Во время одного из этих утренних совещаний д-р Фуро посоветовал императору поменьше работать и больше уделять внимания прогулкам и зарядке. Император ответил ему: «Вот те раз, доктор: вы думаете, что я, как вы, болтаюсь без дела, засунув руки в карманы; где, по вашему мнению, я найду время для прогулок?»

«Но, сир, Елисейский дворец предоставляет Вашему Величеству возможность и для работы, и для прогулки в саду!»

«Вы правы, но у меня нет времени думать о прогулке. Я рожден для работы, но не для такой, чтобы орудовать мотыгой, — заявил император, показывая врачу одну из своих рук: она была весьма красивой, и в эту минуту он тщательно обрабатывал ногти. — Мой организм не знает каких-либо ограничений, препятствующих работе, мой интеллект настроен таким образом, что после полуночи я могу мгновенно проснуться; когда я встаю после сна, никто не может догадаться, судя по моим глазам, что я только что спал. Когда я диктую, то демонстрирую свежесть мысли в любую минуту в течение дня. У меня в голове для каждой проблемы как бы существует отдельный ящичек; когда я завершаю решение одной проблемы, я открываю другой ящичек, и все они никогда друг другу не мешают».

Утром 8 апреля император, проснувшись, принял герцога Бассано (Маре), который сообщил важные новости, переданные телеграфом, о капитуляции герцога Ангулемского. Его

Величество решил, что она должна быть доведена до конца, и в связи с этим направил следующее письмо маршалу Груши:

> *Граф Груши! Королевский ордонанс от 6 марта и декларации, подписанные представителями короля в Вене 13 марта, дают мне право обращаться с герцогом Ангулемским точно таким же образом, каким этот ордонанс и декларации предписывали обращаться со мной и с моей семьей. Но верный решению, которое стало причиной моего приказа о том, что семье Бурбонов будет разрешено свободно покинуть Францию, я предполагаю, что вы отдадите приказ об отправке герцога Ангулемского в Сет, где его посадят на борт корабля. Примите меры для обеспечения его личной безопасности, а также распорядитесь, чтобы в отношении него не допускалось плохое обращение. Вам только следует позаботиться о том, чтобы были возвращены денежные запасы, изъятые из общественных депозитов. Также попросите герцога Ангулемского вернуть королевские драгоценности, которые являются собственностью нации. Поставьте также его в известность о законах наших национальных ассамблей, которые вновь вступили в силу и которые касаются членов семьи Бурбонов в случае их проникновения на французскую территорию.*
>
> *От моего имени поблагодарите национальную гвардию за проявленный ею патриотизм и за преданность мне, которые она продемонстрировала во время этих важных событий.*

Генерал Эксельман, которому было поручено сопровождать короля и принцев, сообщил, что король и его семья Покинули Лилль, чтобы отправиться в Гент. Маршал Массена провозгласил правление империи в Тулоне; над всей Францией развевался трехцветный флаг.

Обремененный многочисленными делами, император не забыл об усердии и преданности своих должностных лиц, служивших ему на Эльбе. Г-н Поджи де Талаво более всех других заслужил его доверие, которое тем более было почетным для этого мирового судьи, поскольку было заслуженным. Император обычно принимал его и беседовал с ним главным образом вечером, когда Его Величество собирался ложиться спать. Через этого мирового судью жители Эльбы и Корсики передавали императору свои просьбы о работе и помощи; и все просители получали работу, денежные вознаграждения и пособия. Паоли, Бриньоли и Маркоджи были оделены императорской щедростью:

для сына Бриньоли я попросил содействия в приеме в школу-интернат с бесплатным обучением и выдачей пособия для покупки одежды. Император удовлетворил эту просьбу.

Когда г-н Пон де л'Ерол, заключенный в замок д'Иф маршалом Массена, вернулся в Париж, то император, чтобы вознаградить его за усердие и преданность, назначил его префектом Лиона и выдал ему пособие в размере 20 000 франков из своего личного кошелька; барон Галеаццини получил префектуру Анжера и 10 000 франков из того же кошелька. Этим господам также возместили их расходы по переезду и переселению. Г-н Поджи получил временное жалованье в размере 12 000 франков.

Двое господ, чья безупречная служба высоко оценивалась императором — генерал барон Брайер и полковник Лабедуайер, — были произведены в графы и пэры Франции. Первый стал командиром дивизии молодых гвардейцев, камергером, управляющим Версальского замка и Трианона, а также командиром Лионской национальной гвардии; его жалованье возросло до 100 000 франков, к которому император добавил доход от эксплуатации Орлеанского канала в размере 6000 франков. Второй был произведен в генералы, став адъютантом императора. Оба, в соответствии с завещанием, подписанным на острове Св. Елены, получили по 100 000 франков каждый.

Получив информацию о проведенной чистке в составе дворцовой обслуги, которая коснулась лиц, остававшихся на службе у Людовика XVIII, я сообщил о случившемся императору. Я добавил, что среди пострадавших был отец человека, который сопровождал Его Величество на Эльбу; мне об этом рассказал сам пострадавший, и меня не могли не тронуть глубокие переживания этого человека. Император немедленно приказал, чтобы все пострадавшие слуги были возвращены на свои рабочие места. Хотя работа всех служб дворца возобновилась так, словно император никогда и не покидал Францию, Его Величество все же пожелал, чтобы главные слуги, работавшие у него на Эльбе, оставались и в Париже на тех же должностях: таким образом Тотен остался в должности первого дворецкого, Пьеррон — в должности главы кладовой, Шовен возглавил конюшни, а Аршамбо и Матиас руководили работой лакеев.

В апартаменты императора была доставлена карикатура, оскорбительная для Людовика XVIII, причем никто не знал, как она туда попала; человек, оставивший ее в апартаментах императора, очевидно, имел к ним доступ, но своим поступком на стал хвастаться. Только в тот же вечер я узнал, что карикатуру

обнаружил император на облицовке камина в своей спальне. Бросив на нее беглый взгляд, император швырнул ее в огонь камина.

Поспешность, с которой король покинул Париж, заставила его личный персонал забыть во дворце некоторые вещи короля и часть его мебели. Мебель была направлена на хранение, но портфель короля лежал по-прежнему на его столе, а вскрытые письма остались в выдвижных ящиках стола. Император просмотрел письма, узнав из них, что многие из тех лиц, кто ранее проявлял большое усердие на службе у императора, с таким же усердием служили и Бурбонам. Этот факт не представил для императора особого интереса, чтобы использовать его в каких-то целях. Но то обстоятельство, что он не предал огласке ни один из этих документов и продолжал считать искренними те чувства, которые выражались теми людьми по отношению к нему, дает идеальное представление о доброте императора. Это было проявлением той мудрости императора и знания им людей, которые позволяли ему не судить их слишком строго и принимать во внимание непостоянство их мнений и чувств.

Его Величество распорядился, чтобы все эти письма были вновь заперты в королевский портфель, а также чтобы были сохранены все государственные докладные записки или меморандумы, отпечатанные в течение последних девяти месяцев. Когда у него выдавалась свободная минута, император обычно бегло просматривал их: эти документы, заявил он на острове Св. Елены, не были какими-то таинственными материалами, как говорили, а составляли подборку более 500 секретных донесений и важных петиций.

Внутри ящиков этого же королевского стола были обнаружены пять шкатулок. Одна из них, малахитовая, отделанная золотом, содержала портрет госпожи де Савойя, супруги принца; в другой, сделанной из панциря черепахи, находился рисунок, изображавший охоту в Фонтенбло, а на оборотной стороне рисунка приводилась карта этой резиденции; в третьей была покрытая эмалью золотая коробка работы Дьеппа, на которой слоновой костью изображался ландшафт. Четвертая шкатулка из панциря черной черепахи была с крышкой, на которой слоновой жестью изображались королева, Людовик XVI, дофин и дофина, все в окружении ангелов; пятая, покрытая эмалью золотая шкатулка содержала недавно отчеканенную медаль с портретом короля и серебряную медаль с портретом Пия VII. Император передал мне все эти шкатулки, предупредив, чтобы я берег их; они были переправлены на остров Св. Елены и после смерти Римского короля возвращены императорской семье.

Переписка г-на Блака и другая переписка, обнаруженные в сундуках в помещении королевской охраны, были изучены четырьмя полномочными представителями ведущего департамента министерства юстиции, полиции и министерства внутренних дел. Император не хотел, чтобы этим занималась только полиция, не желая давать ей возможности использовать в своих интересах авторов обнаруженных писем (понимая, что это вполне возможно). Среди этих бумаг нашли письмо камеристки принцессы Полины, которое, судя по всему, было написано в порыве вспыльчивости: в письме описывались привычки принцессы, ее одежда, гардероб, все то, что важно для женщины, которая жаждала понравиться. Было названо имя гвардейского артиллерийского офицера, добившегося ее благосклонности.

В письме также упоминался император, имевший красивые руки, за которыми он тщательно ухаживал. Был описан случай из того времени, когда, проверяя меблировку апартаментов принцессы, император сильно обжег пальцы, схватив медную плошку, в которой горела ветка алоэ. Император при этом не выказал никаких эмоций, но, обнаружив под рукой чернильницу, опустил в нее обожженные пальцы, а затем завязал их своим носовым платком. Все это было правдой. В письме было описано много других случаев, но что было гнусной клеветой, причем добавленной в письме другим почерком, так это то, что император спал с принцессой. Тем же самым почерком были написаны слова: «следует напечатать».

Было конфисковано имущество г-на де Талейрана. В его резиденции были найдены письма, адресованные герцогине Ангулемской, но все еще в запечатанном виде.

Король Жозеф, живший в Швейцарии, прибыл в Париж, как только узнал о возвращении императора. Из всех своих братьев император более всего любил Жозефа. Его поведение в 1814 году не оставило у парижан хорошего впечатления. Однажды на Эльбе император сказал о нем графу Бертрану, что он обладал одним из самых светлых умов, честным сердцем и благородным характером для того, чтобы украсить трон, но что природа предназначила его для частной жизни, поскольку его достоинства, образование и таланты были слишком утонченными для того, чтобы заниматься деловыми проблемами. Король Жозеф являл собой живое подобие императора, но с более красивыми чертами лица, большей его свежестью и с меньшим лбом. Когда они впервые после разлуки увидели друг друга, их встреча выглядела весьма трогательной. На острове Св. Елены император всегда говорил об этом своем брате с исключительной нежностью.

Признание Империи на всем юге Франции положило конец

пленению графини Бертран и нескольких супруг гражданских служащих, отплывших с Эльбы на одном и том же корабле. Вскоре они одна за другой прибыли в Париж. Киприани и г-жа Беллини также прибыли: последняя, супруга польского полковника, прикомандированного к армейскому штабу, входила в состав личного обслуживающего персонала принцессы Полины на Эльбе. Ее мужу было приказано вернуться к месту прохождения службы, и она осталась одна в Париже. Поскольку она никого не знала в Париже, то написала мне о своих проблемах и сообщила о том, что нуждается. На Эльбе император в свое время обратил на нее внимание, когда посещал принцессу, и я в тот же вечер упомянул о ней Его Величеству; император распорядился, чтобы я передал ей 4000 франков из его личного кошелька и попросил ее дать мне знать, если она будет вновь нуждаться в деньгах. Она просила передать императору свою огромную благодарность. Через несколько дней она получила приглашение на обед и смогла лично поблагодарить Его Величество.

Со всех сторон императору направлялись обращения и воззвания войск. Барон де Лабульери, бывший казначей императора, попросил разрешения дать объяснения своих действий Его Величеству, который не собирался простить его за то, что тот передал в Орлеане императорскую казну противникам императора. Император считал, что если он примет его, то г-н де Лабульери легко убедит его в том, что такое поведение было результатом обстоятельств, а не трусости; и поскольку император намеревался оставить г-на Пейрюса, его казначея на Эльбе, в этой должности, то он отказался принять г-на де Лабульери.

Маршал Ожеро направил императору личное письмо с заверениями своей искренней преданности, отрицая при этом, что он когда-либо предавал его. Прочитав это письмо, император бросил его в камин, несомненно вспомнив невежливость маршала во время их встречи на пути Его Величества на Эльбу, а также постыдное воззвание, в котором маршал оскорбил императора, переживавшего трудные дни, и о котором император узнал только по прошествии времени. Тот же маршал направил в 14-й военный округ, которым он командовал, находясь на службе у короля, письмо, столь же непристойное по отношению к Бурбонам. Настало время сожалений по поводу допущенных ошибок.

Император выразил свои соболезнования по поводу кончины принца Невшательского (Бертье), который выпал из окна своего дворца в Бамберге, где он проживал. Принц довольно неожиданно покинул императора в Фонтенбло, обещая вернуться, но так никогда и не вернулся. Была ли его смерть намеренной или

делом случая? Первое заключение превалировало в среде общественности. Императора же в обратном заверял дворецкий принца, который был в Париже и которого император вызвал к себе, чтобы знать правду. До того как случилась эта трагедия, император шутливо заявил: «Кого бы мне хотелось видеть, так это Бертье в мундире офицера королевской охраны». Император не одобрял поступка генерал-майора великой армии, носившего мундир капитана охраны Людовика XVIII; но если бы Бертье пришел к нему, то император встретил бы его с распростертыми объятиями, подтвердив свое доверие к нему и восстановив его в чине генерал-майора, мундир которого, добавил император, так идет ему.

Со времени возвращения в Париж император выходил в город на пешую прогулку вечером только дважды. Эти прогулки он совершил вместе с гофмаршалом, и оба были в плащах. Его Величество надевал плащ зеленого цвета и круглую шляпу, а гофмаршал — голубой плащ и тоже круглую шляпу. Они обычно прогуливались по парижским бульварам и улицам, оставаясь при этом неузнанными. Было бы трудно узнать императора в подобном наряде. Это физическое упражнение для ног понравилось ему. Во время одной из этих прогулок император остановился и сказал гофмаршалу, что следует подготовить Елисейский дворец для работы в нем, поскольку в садах дворца он смог бы совершать необходимые для его здоровья прогулки сразу же после кабинетной работы, решая деловые вопросы во время прогулок в садах этой просторной резиденции. Император упомянул мне об этом в тот же вечер, когда он ложился спать. Он добавил, что сможет приступить к таким прогулкам только после смотра федеральных войск.

Ранее в этот же день я получил приглашение от мадемуазель Жорж[215], актрисы «Театра Франсез», навестить ее. Я сообщил императору, что был у нее и она рассказала, что в ее распоряжении находятся важные документы, самым серьезным образом компрометирующие герцога Отрантского (Фуше). Я сказал императору, что она заверила меня в том, что все люди, преданные Его Величеству, с большим неодобрением относятся к тому факту, что император оказывает доверие этому министру. Император рассмеялся и ответил: «Я не спускаю с него глаз! Она не сказала тебе, что у нее возникли денежные затруднения?»

«Нет, сир, она только упомянула о своем желании лично вручить эти документы Вашему Величеству».

«Я знаю, в чем дело. Коленкур упомянул мне об этих документах и добавил, что она испытывает определенные денежные затруднения: передай ей 20 000 франков из моего

личного кошелька.

Через несколько дней он получил от нее документы, которые она хотела вручить ему сама.

Император часто приходил на помощь ведущим артистам столицы или даже возмещал их расходы, не дожидаясь их просьб по этому поводу. Тальма и некоторые другие артисты несколько раз удостаивались его необыкновенной щедрости. Император был приверженцем искусств и наук, но в течение дня был слишком занят, чтобы уделять время их представителям. Но все же для встреч с ними он находил минуты, отведенные на второй завтрак, во время которых он принимал выдающихся артистов и ученых и беседовал с ними на научные и литературные темы, представлявшие для него большой интерес.

Во время «Ста Дней» на одном из таких вторых завтраков он заявил Тальма, к которому испытывал особое расположение: «Итак, Тальма, на Эльбе мне сообщили, что ты мне преподал урок, как надо вести себя на троне!» Тальма ответил, смеясь: «Сир, мне, как учителю, приписывается слишком много чести, ибо, вне всякого сомнения, Ваше Величество ведет себя на этом месте очень хорошо. Люди забывают, что это я прихожу сюда, чтобы с пользой для себя выслушивать высказывания Вашего Величества».

Исабей[216] был в числе представителей искусства, которых награждал император; Исабея и других художников и артистов принимали в Мальмезоне во времена Консулата.

Неправда, что эти представители искусства позволяли себе в присутствии императора приписываемые им вольности дурного тона, заставившие позднее императора держать этих господ на расстоянии. Все они видели в главе государства человека, занимавшего слишком высокое положение, чтобы позволить себе вольности в беседе и поведении. Времена их визитов изменились, но император оставался для них прежним покровителем; Исабея, например, не только не отлучили от императорского дворца, но, наоборот, он стал учителем рисования императрицы Марии Луизы. В период «Ста Дней» несколько представителей искусства получили добавочные вознаграждения, а раздавать их было поручено мне.

В первые же недели после прибытия императора в Париж апартаменты императрицы и Римского короля были открыты. Для приведения апартаментов в порядок туда послали рабочих, и работа продолжалась в течение нескольких недель. Поначалу верилось, что императрица собирается вместе с сыном вернуться в Париж.

Стало известно, что нам предстоит противостоять

могущественной коалиции, созданной против Франции. В этой коалиции приняла участие и Австрия. Даже тогда, когда император вел переговоры с иностранными державами, он был вполне убежден в том, что ему необходима безоговорочная победа над ними, чтобы прекратить деятельность этой коалиции. Поэтому, чтобы обеспечить такую победу, он не упускал из вида даже малейшей мелочи ни во Франции, ни за границей. Особые уполномоченные представители императора были направлены в 23 военных округа. Военные помощники и генералы отправились во все важнейшие пункты страны, чтобы проинспектировать форты и принять меры для их укрепления, для организации защиты мест, которым угрожала опасность, а также поднять на местах национальный дух. Парижские оружейные мастера были заняты и днем и ночью, изготовляя различные виды оружия.

Перед лицом возникшей грозной опасности наши наиболее знаменитые граждане, судя по всему, стали сомневаться в успехе. Однажды маршал Массена заявил в беседе Киприани, который рассказал мне о ней на острове Св. Елены: «Все должно быть начато заново. Чтобы избежать этого, я вижу только один выход: так как монархи совершенно не признают императора, то пусть он расстанется со своей короной в Шан де Май; грядущая война станет национальной войной. Император достаточно молод для того, чтобы добиться успеха в этом великом предприятии и заставить коралей пожалеть о том, что они отказались признать, что он один может стать посредником между старыми и новыми идеями…»

Киприани ответил: «Но это будет означать возрождение республики; это, несомненно, заставит дрожать королей, но разве тогда эта революционная гидра, однажды уже обезглавленная императором, не сможет вновь выплыть на поверхность? Мощная рука императора может тогда ослабеть, дав возможность вернуться якобинцам 93-го года, которых по-прежнему все хорошо помнят. Для нас лучше принять жертву, которую император сотворил из собственной персоны, и разделить его Голгофу».

Перед переездом из Тюильри в Елисейский дворец император устроил смотр федеральным войскам. Во время смотра были приняты довольно неудачные меры предосторожности: император проезжал на коне вдоль переднего ряда выстроенных войск, когда заметил, как несколько гренадеров бросилось вслед за ним. Император немедленно остановил коня и сердитым тоном приказал гренадерам убраться прочь, после чего он продолжал медленно проезжать вдоль строя федеральных войск. Во время его проезда вдоль строя войск изо всех их рядов неслись

возгласы: «Да здравствует император!» Среди участников смотра он опознал одного артиллериста, который служил вместе с ним в Тулоне. Император спросил его, продвигается ли тот по службе, и пообещал проследить за этим. Враги императора распространяли весьма оскорбительные слухи об этом смотре; на это император заявил: «Пусть болтают, они непорядочные люди, но они из тех, кого мы должны терпеть».

Другие лица критиковали императора за то, что он остановил народное движение в стране. На эту критику император ответил так: «Народное движение не было остановлено, оно было нормализовано. Оно приняло такой же большой размах, как и в годы между 1789-м и 1792-м, но тогда в нашем распоряжении было три года, чтобы вооружиться, а сейчас у нас только сорок дней; тогда нас атаковала армия только в 80 000 человек, а на этот раз нам противостоят 600 000 человек. Если бы в 1792 году нас атаковала армия всего лишь в 300 000 человек, то Париж был бы ею захвачен, несмотря на все усилия нации и на те три года, которые она имела, чтобы привести страну в порядок».

21 мая император переехал в Елисейский дворец. Именно туда явился принц Люсьен и бросился в объятия императора, который не видел своего брата в течение многих лет. Мнение Люсьена часто противоречило точке зрения императора, но на самом деле принц Люсьен признавал, что ни одно сердце в груди не билось так горячо за Францию, как сердце его брата Наполеона.

Во время пребывания принца в Италии император предлагал ему королевскую корону. Принц всегда отказывался от этого предложения — и не потому, что рассматривал его как подарок, вручаемый из сострадания, а потому, что это предложение делалось на условиях, которые оскорбляли его личные чувства. Узнав о триумфальном возвращении императора и о надвигающейся опасности, угрожавшей Франции, он, отбросив все сомнения, приехал в Париж и предложил свою помощь императору.

Приезд принца принес большую радость друзьям императора и патриотам. Время разлуки с родиной подействовало смягчающим образом на присущую его характеру принципиальность: он приехал в Париж, чтобы по достоинству оценить великую личность и огромную руководящую роль человека, которого он оставил, когда тот был главой Французской республики; и он окончательно убедился в том, что, поднявшись на императорский трон, его брат ни на мгновение не переставал оставаться патриотом.

В эти трудные времена он приехал, чтобы, как говорится,

внести посильный вклад своей популярностью и своим талантом.

Его встреча с императором была весьма трогательной; все прошлое было забыто в объятиях двух братьев, и свидетелем этой сцены был присоединившийся к ним принц Жозеф. Все трое провели час вместе; меня вызвал император, который распорядился, чтобы я принес большую орденскую ленту Почетного Легиона. Я принес ее на серебряном подносе. Император взял ленту и повесил ее на шею принца, который, обняв императора, поблагодарил его, и через несколько минут они расстались.

В «Пале Ройяль», куда принц затем отправился, его поджидала личная свита; в нее входил граф де Лас-Каз. В распоряжение принца поступил полный обслуживающий персонал. Эта резиденция принца вскоре стала местом встреч литераторов, артистов и патриотов: со всеми он нашел общий язык, напоминая наиболее пылким своим друзьям, чем была якобинская демократия и каким образом она нанесла ущерб делу освобождения народа; в этот момент возникновения опасности для Франции необходимо было работать сообща для достижения конституционного порядка, который хотел установить император. Его Величество был обрадован этим неожиданным возвращением брата.

Принц был ростом выше императора, на которого он очень походил, хотя и с менее четкими чертами лица. Мне казалось, что у него очень приятная улыбка. Он, судя по всему, был счастлив, оказавшись вновь в кругу своей семьи.

Император распорядился поставить в своей гостиной бюст английского государственного деятеля Чарльза Фокса. Этот бюст императору прислала леди Деймер[217]. В ответ эта леди получила в подарок табакерку, украшенную портретом императора в обрамлении бриллиантов.

Однажды вечером, когда император готовился ко сну, он заговорил со мной о картинах, которые хотел поручить нарисовать — и они были заказаны — и которые бы изображали некоторые события, случившиеся на его пути в Париж: он упомянул тот момент, когда он вышел навстречу 5-му линейному полку; когда эльбанский гренадер представил ему своего 90-летнего слепого отца и своего младшего брата, последовавшего за императором; когда полковник де Лабедуайер вручил ему знамя своего полка, которое император крепко сжал в руках и поцеловал.

С первых же дней прибытия императора в Париж он стремился привлечь на свою сторону людей, которые в силу своего социального положения и интеллекта оказывали влияние

на формирование мнений парижских салонов. Среди этих людей и даже во главе их был Бенжамен Констан[218]. Император имел с ним продолжительные беседы во время подготовки «Дополнительного акта к конституции Империи», которым они оба гордились. Император заявил: «Он уже не двадцатилетний любовник, его подруга, госпожа де Сталь, более не имеет на него влияния, которое заставляло меня враждебно относиться к ним обоим из-за их пристрастия постоянно находиться в оппозиции ко мне».

22 апреля был опубликован «Дополнительный акт к конституции Империи»; этот документ оказал парализующее действие на восторженный народный порыв, чему я был свидетелем во время моего нахождения в Париже. В этот день я встречался с людьми, искренне преданными императору, которые с горечью отзывались об этом документе. Если бы император спросил меня о впечатлении, которое произвел на народ этот акт, то я бы правдиво все ему рассказал, как я это делал, когда он интересовался моим мнением о положении дел в столице; но в этот самый вечер он лег спать, слишком озабоченный своими мыслями, и не стал мне задавать вопросы об этом документе.

Во время пребывания в Елисейском дворце император обычно приходил на мессу в Тюильри, после которой он принимал людей, а затем возвращался в свою резиденцию. Как раз во время одного из этих возвращений в Елисейский дворец я рассказал ему, что г-жа Пеллапра[219] известила меня о своем приезде в Париж. Графиня Валевская также была в Париже; император узнал об этом от герцога Виченцского (Коленкура). Она приехала из Неаполя; император не видел ее после ее визита на Эльбу. Он послал меня к ней, чтобы выяснить, как она себя чувствует, и пригласить ее во дворец вместе с сыном в течение дня. Что же касается г-жи Пеллапра, то тогда она отличалась чарующей красотой. Император обратил на нее внимание во время своей поездки в Нормандию в 1812 году. Она находилась со своей семьей в Лионе, когда император прибыл туда на пути из Эльбы в Париж; душой и сердцем она разделяла возбужденное состояние жителей Лиона, и император послал меня к ней в дом. Эта госпожа была в Лионе уже несколько дней, и императору нужно было узнать о многом, беседуя с ней: но трудность заключалась в том, чтобы найти свободный час среди всей той суматохи вокруг него и в той загруженности работой, когда он беспрерывно рассылал по всем направлениям указания и приказы. Он мог уделить ей аудиенцию только в самый поздний час вечера, поскольку дела не позволяли ему принять ее в более раннее время. Связь императора с графиней Валевской предшествовала

его браку с императрицей Марией Луизой, а близкие отношения императора с г-жей Пеллапра возникли уже после этого брака. Если все эти любовные связи были редки во времена императрицы Жозефины, то они стали более частыми во время второго брака императора. Он тщательно скрывал все эти любовные связи, заявляя, что не раз ему удавалось избежать расставленных для него ловушек, хорошо зная, что под цветами могла оказаться пропасть.

Следует сказать, что император был очень влюблен в императрицу Марию Луизу; единственный упрек, который он позволял себе делать в адрес этой императрицы, заключался в том, что она недостаточно прилагала усилий, чтобы быть любезной с дамами императорского двора, которые, привыкнув к любезному обхождению со стороны Жозефины, обратили внимание на эту разницу между двумя императрицами. Возможно, они забывали, что, рожденная для трона, привыкшая к преклонению перед ней и к уважению, она не чувствовала себя обязанной быть с ними слишком любезной, а ее природная застенчивость, которую она демонстрировала на публике, принималась за отчужденность и равнодушие, свойственные ее характеру. Она испытывала большое чувство любви и нежности к своей фрейлине герцогине Монтебелло, но что касается остальных придворных дам, то она проявляла по отношению к ним только чувство доброты. Император награждал ее всеми качествами, которые способствовали тому, чтобы она стала любимой: он говорил, что она была доброй, нежной, приветливой и даже игривой во время нормальных отношений с ней. Я приведу мнение королевы Каролины, сестры императора, об императрице Марии Луизе. Суждение этой королевы не должно вызвать подозрения: она не особенно любила своих золовок — ни императрицу Жозефину, ни императрицу Марию Луизу. Когда она была в Париже в 1838 году, она попросила свою компаньонку написать мне следующее письмо: «Сегодня, 5 мая, годовщина кончины императора, и королева желает провести вечер и отужинать дома; на ужин она приглашает вас, г-жу Маршал и вашу дочь. На ужин также приглашен г-н Меневаль». Разговор во время ужина был целиком посвящен памятным событиям Империи. Королева заявила нам, что преимущество Жозефины перед Марией Луизой заключалось в понимании французского образа мышления, и она могла использовать это обстоятельство в интересах императора. Она была беспредельно доброй, и, хотя Мария Луиза мало уступала ей в этом, народ говорил об этом гораздо меньше. Одна из них в первую очередь ставила перед собой цель произвести на окружающих наибольшее впечатление,

в то время как другая, чуждая любой форме аффектации, не стремилась к этому. В свои девятнадцать лет она имела очаровательную фигуру, ее осанка была полна достоинства, свежесть лица — даже, возможно, чрезмерная; у нее были прекрасные светлые волосы, а ее руки и ноги не оставляли желать лучшего. Она была образованным человеком и на все речи, адресованные ей во время путешествия из Браунау в Компьень, отвечала умело и легко.

Молва о том, что она использовала как комплимент слово «простофиля», обращаясь к архиканцлеру, является абсолютной ложью: она была слишком хорошо знакома с французским языком, чтобы не знать значения выражения, к которому она прибегала.

Королева (Каролина), назначенная императором во главе обслуживающего персонала новой императрицы и посланная им первой встретить ее на пути в Компьень, поведала о том, что Мария Луиза ко всем относилась весьма дружелюбно; она с большим душевным волнением попрощалась с теми, кто сопровождал ее из Вены, что делало честь ее доброму сердцу. Во время следования из Вены в Компьень императрица ежедневно преодолевала лишь небольшие расстояния, и везде, куда она прибывала, ей устраивали торжественную встречу. Каждое утро, когда императрица вставала с постели, ее ожидало очередное императорское письмо, доставленное из Парижа пажем, который возвращался обратно в Париж с ответным письмом императрицы.

Королева Каролина рассказала нам, что император сгорал от желания поскорее встретить Марию Луизу и не однажды бранил последними словами все те торжественные церемонии и празднества в честь молодой императрицы, которые задерживали его встречу с ней, состоявшуюся только в Суассоне, где был разбит лагерь для приема императрицы. Но император становился все более нетерпеливым и приехал в Суассон за день до прибытия императрицы. Когда он узнал, что она находится от него на расстоянии десяти лье, он поехал навстречу императрице вместе с Неаполитанским королем. Император часто рассказывал, что, когда оба экипажа встретились, он выпрыгнул из своего и взобрался в ее экипаж. Первые слова императрицы, после минутного замешательства, были о том, что портрет императора, доставленный ей в Вену принцем Невшательским, не приукрашивал оригинал. Император с восторгом воспринял это лестное для него заявление Марии Луизы и в свою очередь спросил ее, какой она получила совет, покидая Вену, чтобы встретить его. Она ответила: «Повиноваться вам буквально во всем». После краткой остановки в Суассоне Их Величества в

сопровождении короля и королевы Неаполитанского королевства прибыли в Компьень. Император, всегда тщательно следивший за своим внешним видом, с приездом молодой императрицы старался выглядеть в выгодном свете даже еще в большей мере, чем обычно.

Во время одного из утренних совещаний императора я сообщил ему, что г-н Корвисар, вернувшийся в Париж, находится в соседней комнате вместе с д-ром Фуро. Император распорядился, чтобы я пригласил г-на Корвисара к нему; увидев его перед собой не в мундире лейб-медика, император сказал ему: «А, Корвисар, на тебе наряд члена Института?»

«Сир, я нахожусь в отставке, но всегда остаюсь в распоряжении Вашего Величества». Император поздравил г-на Корвисара с таким прекрасным учеником, как д-р Фуро, которого, как заявил император, он считает не только хорошо подготовленным врачом, но и весьма скромным человеком. Затем минутой позже император с явным подтекстом заявил ему, что он, видимо, очень торопился покинуть императрицу в Вене, несмотря на то, что ее состояние здоровья требовало врачебного ухода, поскольку г-н Корвисар сам же прописал ей лучше отправиться на воды в Экс, чем подвергаться влиянию климата на Эльбе, который мог нанести ущерб ее здоровью. Г-н Корвисар, заметно застигнутый врасплох, смущенно ответил, что он действительно рекомендовал императрице воспользоваться этими лечебными водами для укрепления здоровья перед поездкой на Эльбу.

После разговора император продолжил беседу с г-ном Корвисаром, коснувшись общих тем, и, когда собрался было направиться в свой кабинет, Корвисар попросил у него разрешения представить ему своего племянника, бывшего пажа императора, ставшего теперь капитаном в кавалерийском подразделении кирасиров. Император приказал пригласить в комнату молодого человека. Когда тот появился, г-н Корвисар представил его императору следующим образом: «Сир, вот из таких капитанов делаются майоры». — «Я предоставлю ему возможность стать майором», — ответил император, доброжелательно поговорив с молодым человеком, и, заметив его застенчивость, не преминул приободрить его.

Император с нетерпением ждал приезда г-на Баллуея, бывшего управляющего обслуживающим персоналом императрицы Жозефины, которого император определил на службу к императрице Марии Луизе, принимая во внимание его исключительную честность. Он знал, что г-н Баллуей должен был

выехать из Вены, остановиться в Мюнхене, чтобы встретиться с принцем Евгением, и возвратиться во Францию через Бельфор; были отданы распоряжения о том, чтобы, используя телеграф в этом городе, в Париж сообщили о прибытии г-на Баллуея в Бельфор. Получив эту информацию, император смог бы подсчитать, сколько времени потребуется г-ну Баллуею для поездки из Бельфора в Париж. Император распорядился направить в дом г-на Баллуея дежурного офицера с тем, чтобы г-н Баллуей, как только появится у себя дома, был немедленно доставлен в Елисейский дворец, независимо от времени суток и внешнего вида одежды г-на Баллуея после продолжительного путешествия.

28 апреля г-н Баллуей прибыл в Париж; он сразу же был доставлен к императору, который продержал его у себя почти два часа. Император получил от него обширнейшую информацию о том, что происходит в Вене, а также ту, которую принц Евгений передал императору через г-на Баллуея по вопросу, представлявшему для Его Величества исключительный интерес. Император узнал о причастности г-на де Талейрана к подготовке и публикованию декларации 13 марта и об обязательствах, которые он взял на себя перед коалицией; императору вновь было сказано, что если бы он задержался с отъездом с острова Эльба на несколько дней, то монархов, уже отбывших в свои государства, не было бы в Вене, Талейран не добился бы подписания декларации, а высадка Его Величества на берегу Франции оказалась бы максимально эффективной.

Принц Евгений информировал императора, что вооруженные силы союзников не смогут вторгнуться на территорию Франции до июля месяца; в этой связи император, не скрывая выражения полного удовлетворения на лице, заявил г-ну Баллуею: «В этом случае мне наплевать на них, к этому времени я решу все мои дела».

Принц Евгений также посоветовал ему принять меры, чтобы, насколько это возможно, придать войне общенациональный характер к тому времени, когда он окажется один на один перед всей Европой, взявшейся за оружие против него. Принц сообщил, что императору следует остерегаться герцога Отрантского (Фуше), который уже плел сети заговора в Вене против Его Величества. Принц предоставил императору имена тех нескольких генералов и полковников, которым он не должен доверять, а также детали о вооруженных силах врага, готовящегося к вторжению на территорию Франции, и о тех городах и крепостях Франции, которые скорее всего станут объектами вражеского нападения.

Все эти подробности г-н Баллуей сообщил императору, полагаясь на собственную память, и поэтому многие вещи он мог и не вспомнить во время своего доклада. В связи с этим император заявил ему: «Иди и отдохни немного, а завтра представь мне подробный отчет в письменном виде обо всем том, о чем мы сегодня говорили». Покидая императора, г-н Баллуей вновь высказал свои опасения относительно герцога Отрантского, император ответил, что он уже поручил тайно держать герцога под наблюдением и что он бы уже арестовал его и конфисковал его бумаги, но пока откладывает все это до возвращения одного агента, посланного в Базель, поскольку неожиданная опала министра полиции могла бы нанести ущерб миссии агента.

Император узнал многие подробности, касавшиеся людей, близких к императрице Марии Луизе и к ее окружению. Двенадцатью днями позже, в начале мая, бывший секретарь императора, барон де Меневаль, находившийся теперь на службе у императрицы, подтвердил императору все то, что ему рассказал г-н Баллуей; император беседовал с Меневалем в течение нескольких часов и пригласил его приходить к нему ежедневно во время утреннего приема у Его Величества.

Г-н де Меневаль передал мне письмо от моей матери, в котором она писала о своих опасениях, что император не сможет успешно противостоять могущественной коалиции, которая формируется во главе с императором Александром. Во всех этих новостях полностью отсутствовал какой-либо намек на то, что Мария Луиза, оказавшаяся в окружении этого сборища монархов, воспользуется всеми своими правами супруги и матери для того, чтобы разогнать мрачные тучи, сгустившиеся над Францией и императором. Была ли эта императрица уже недостойна великого имени Наполеона, какой она стала позднее?

Опасения императора относительно Неаполитанского короля, к сожалению, были обоснованны. Несмотря на настоятельную просьбу Его Величества, высказанную перед самым отъездом из Эльбы, о том, чтобы король Мюрат не покидал своего королевства, едва узнав о вступлении императора в Париж, он решил самовольно вторгнуться на территорию Италии. Боялся ли он гнева императора, хотел ли реабилитировать себя в глазах императора за тот колоссальный вред, который он нанес Франции в 1814 году, когда действовал вразрез с интересами императора? Как бы то ни было, он вторгнулся в Италию во главе войска в 80 000 человек, призывая к ее независимости; он не сомневался, что сможет вселить в души своих солдат ту пламенную отвагу, которой была полна его собственная душа. Он ошибался. Поначалу он добился успеха против войск, застигнутых врасплох,

но вскоре его блестящая армия была разбита 2 и 3 мая в сражении около Анконы и после этого уже никогда не смогла вновь собраться с силами.

Император был чрезвычайно расстроен этим авантюрным вторжением в Италию своего шурина; он ясно представлял себе все те преимущества, которые коалиция могла извлечь из этого опрометчивого поступка Неаполитанского короля. Если бы эта армия, для разгрома которой оказалось достаточно одного месяца, продолжала придерживаться оборонительной тактики, как рекомендовал император ее лидеру, находясь в то же время под командованием человека, столь храброго, каким был Мюрат, то она могла бы оказывать давление на Австрию, сохранить свою мощь в интересах императора или, по меньшей мере, значительно влиять на ход последующих переговоров. Вместо всего этого Австрия отказалась верить в искренность обещаний императора в отношении Италии, считая, что он обманывает ее, и, исходя из этой предпосылки, решила обрушиться на императора всей мощью своей монархии.

После своего военного провала король Мюрат отправился морем искать прибежища во Франции. Император узнал о его высадке на берегу Франции, в бухте Жуан, вместе с мадам Мер, кардиналом Фешем и принцем Жеромом. Неудачливый Неаполитанский король скрывался где-то на берегу Прованса. Война была неминуема: он дал знать императору о своем желании служить во французской армии в чине генерала, но Франция все же не могла забыть о неаполитанском соглашении и об объявлении этим королем войны Франции в то время, когда все державы были против нее. Император не принял предложения Мюрата. Если бы Мюрат прибыл собственной персоной к императору накануне битвы, то император мог бы, раскрыв перед ним свои объятия, предоставить ему возможность искупить свою вину. Франция, будучи великодушной, могла бы забыть ошибку Неаполитанского короля, оставив в памяти только славу одного из ее детей, добытую на полях двадцати сражений, готового вновь пролить свою кровь ради нее.

Мне думается, что именно это условие прощения Мюрата имел в виду император, когда, говоря о нем на острове Св. Елены, он добавил: «Я бы поручил ему командование моей кавалерией; под его командованием она бы совершила чудеса».

Всем известен трагический конец этого храброго и неудачливого короля. На острове Св. Елены император говорил, что он считает, что калабрианцы были менее жестокими по отношению к Мюрату, чем британское правительство по отношению к нему.

Император, довольный действиями и поведением генерала Груши в Лионе и его умением вселять уверенность в окружающих, произвел его в маршалы.

До и после «Ста Дней» утверждалось, что император продолжал не доверять представителям старой знати, о которых говорили, что они предали его. Император, отвечая на острове Св. Елены на эту критику, заявлял, что представители старой аристократии при Наполеоне были такими же французами, как и любой другой его подданный, и те из них, кто был предан ему, вели себя хорошо. В качестве примера он назвал имена Шуазель-Праслина, Монтескью, Бово, Сегюра и других. Император заявил: «Я взял на службу в армию, которая от этого ничуть не пострадала, представителей старой знати и даже эмигрантов. И почему? Потому, что известно: в армии все признается и ценится только на основе заслуг; недостаточно быть только представителем знати, человек должен быть храбрым — и в этом отношении старая аристократия не отличалась от новой. Чего я должен был их опасаться, разве я не вычеркнул их всех из списка эмигрантов?»

Как только император узнал о приезде мадам Мер в Париж, он сразу же сел в карету и отправился к ней, в ее дом, в котором уже собрались его братья. Давно уже сердце мадам Мер не билось так сильно, как во время этого семейного сбора. Принцесса Полина, чувствовавшая себя слишком нездоровой, чтобы предпринять путешествие в Париж, оставалась в Италии.

1 июня император открыл Марсово поле. С ним были его три брата, надевшие мундиры империи — как и он сам. Открытие Марсова поля стало и патриотическим, и религиозным праздником. Император был в отличном настроении; ради этого торжественного события он отправился из Елисейского дворца в Тюильри, чтобы надеть наряд, в котором ему предстояло появиться на публике. Граф де Монтескью в полной парадной одежде руководил процедурой одевания императора, и при этом Его Величество был столь добр, что хвалил меня ему в самых лестных выражениях. Как только императора одели, граф де Монтескью повесил вокруг его шеи цепь ордена Почетного Легиона и пристегнул к поясу мундира его шпагу.

Погода, неустойчивая с утра, улучшилась, небо прояснилось. Император под грохот артиллерийских залпов покинул Тюильри и проследовал в здание Военной школы. Я уже был там, когда он туда прибыл; перед зданием был воздвигнут трон. Перед троном была сооружена полукруглая стена, образовавшая громадный зал с небом вместо потолка. В этом зале были расставлены ряды

скамеек, на спинках которых можно было прочитать наименования департаментов, указывавших, где следует усаживаться каждому депутату. Много рядов было отведено для публики, среди которой можно было увидеть большое количество женщин в ярких нарядах. После речи, обращенной к депутатам и встреченной возгласами «Да здравствует император!», Его Величество спустился с трона и вместе с братьями в окружении высших офицеров проследовал к центру Марсова поля. Там, на вершине платформы со многими ступенями, был поставлен алтарь, который можно было хорошо видеть со всех сторон. После выражения благодарностей император, положив руку на Евангелие, дал клятву верности имперской конституции. Он раздал знамена национальной гвардии и императорской гвардии, которые поклялись защищать их. На Марсовом поле собрались представители от всех армейских полков. Когда они вернулись со знаменами к своим братьям по оружию, все они могли подтвердить то магическое воздействие, которое император оказывал на массы: душевное состояние всех присутствовавших было буквально наэлектризовано, и возгласы «Да здравствует император!» раздавались и среди войск, и среди собравшейся громадной толпы народа. Таким же необычайным подъемом душевного состояния был отмечен и 1790 год, который привел нацию к великим результатам.

После парада войск император, сопровождаемый артиллерийским салютом, отправился в Тюильри. В тот же вечер он вернулся в Елисейский дворец, усталый, но счастливый от сознания того, что он вселил в массы такой энтузиазм. Были даны гигантские банкеты, на которых братались солдаты армии и национальной гвардии.

Жизнь императора в период «Ста Дней» отличалась предельной активностью. Он не впадал, как утверждали некоторые люди, в состояние дремоты из-за своей тучности. Но в обществе произошло изменение: для императора не составило труда заметить, что люди стали менее послушными, чем раньше.

Беседы с некоторыми людьми, с которыми я встречался, удивили меня. С сожалением я заметил, что эти беседы не были столь же доверительными, как раньше; меня это очень огорчило. Однако приближалось время, когда нам предстояло начать нашу военную кампанию, и я говорил себе, что если император станет победителем в этой схватке с врагом, которая вот-вот начнется, то те люди изменят характер разговора со мной.

После периода неслыханной активности император, которого поддерживала вся нация, привел страну в состояние обороны.

8 июня палаты созвали свои заседания; 11 июня император

принял в Елисейском дворце делегацию палаты депутатов. Эти депутаты благодарили императора за то, что он отказался от чрезвычайных полномочий, которыми он обладал, чтобы провозгласить начало конституционной монархии; депутаты заверили императора в сотрудничестве палаты при защите национальной независимости и обещали ему активно поддерживать конституцию. Королевская хартия, не поддерживаемая народом, не могла рассматриваться страной как обязательная.

Франция не могла принять условия, при помощи которых союзнические нации пытались замаскировать свою агрессию. Нападение на монарха, избранного нацией, означало нападение на независимость самой нации. Эта нация была полностью вооружена для того, чтобы защитить свою независимость и отвергнуть любую королевскую семью или короля, которых союзнические монархи посмеют навязать ей.

Император ответил депутатам палаты:

«Господин президент и депутаты палаты, с удовлетворением я обнаружил мои собственные чувства в тех, что мы только что выразили. В этой суровой обстановке я полностью погружен в мысли о неминуемой войне, от успеха в которой зависят независимость и честь Франции.

Сегодня вечером я уезжаю, чтобы возглавить мои армии: передвижения различных иностранных вражеских корпусов делают обязательным мое присутствие там, где находятся мои армии. Во время моего отсутствия я был бы рад узнать об учреждении комиссии, назначенной каждой палатой, которой следует подумать о нашей конституции. В ней заложена наша вдохновляющая идея. Она должна стать нашей путеводной Полярной звездой в эти бурные времена. Любая политическая дискуссия, которая прямо или косвенно была бы направлена на то, чтобы приуменьшить доверие к принятым ею мерам, будет несчастьем для государева; мы бы оказались плавающими среди мелей без компаса и без руля. Наш нынешний кризис является крупнейшим; так давайте же не будем следовать примеру Византии, которая, осажденная со всех сторон варварами, выставила себя на посмешище потомков, занимаясь обсуждением абстрактных концепций в тот самый момент, когда стенобитные орудия разрушали городские ворота.

Будучи независимыми от законодательных мер, которых требует внутриполитическая обстановка, вы, возможно, посчитаете полезным заняться законами, служащими средством для защиты конституции. Эти законы могут стать предметом общественной деятельности, не причиняющей каких-либо хлопот.

Господин президент и депутаты палаты, чувства, выраженные в ваших речах, убедительно свидетельствуют о преданности палаты моей персоне и всем том патриотизме, который побуждает эту преданность. Во всех предпринимаемых делах мой шаг всегда будет прямым и твердым. Помогите мне спасти родину. Являясь чрезвычайным представителем народа, я принял на себя обязательство, которое я теперь принимаю вновь: использовать в более спокойные времена все прерогативы короны и тот небольшой опыт, полученный мною, для того, чтобы помогать вам совершенствовать наши общественные и государственные учреждения.

В тот же вечер, в 10 часов, император отправился в свои апартаменты в сопровождении принца Жозефа, который вручил ему большое количество бриллиантов, — позднее я узнал, что их стоимость составила сумму в 800 000 франков. Каждый бриллиант был в отдельной упаковке. Передавая их мне, император сказал, чтобы я запер их в потайном отделении его походного саквояжа вместе с ожерельем принцессы Полины, которое оценивалось в 300 000 франков. Для этого саквояжа было предусмотрено специальное место в карете императора. Император также передал мне два толстых пакета, скрепленных его гербовой печатью. Он сказал мне, чтобы я вручил один пакет графине Валевской, а другой — г-же Пеллапра. В Елисейский дворец я вернулся только в час ночи. Днем император был столь любезен, что пожаловал моему отцу должность государственного курьера, вакантную после смерти одного из курьеров, сказав мне, чтобы я забрал соответствующий декрет, подготовленный герцогом Бассано (Маре). Печальные события Ватерлоо воспрепятствовали исполнению этого декрета.

12 июня в 4 часа утра император выехал из Парижа в армию (взяв с собой адъютантов, военных помощников и двух пажей, г-д Годена и де Камбасереса). В Париже он оставил регентский совет в составе принца Жозефа, президента совета, принца Люсьена, восьми министров с портфелями и четырех государственных министров. Совет принимал решения простым большинством голосов, в случае равенства голосов голос президента становился решающим.

Покинув Париж, император осмотрел фортификационные сооружения в Суассоне и провел ночь в Лане. 13 июня он прибыл в Авен, где сконцентрировались все войска. 14 июня он напомнил войскам в своем воззвании, что именно в этот день сражения при Маренго и Фридланде дважды решили судьбу Европы. Император, отдавший армию под командование генерала Бурмона только по просьбе генерала Жерара, вскоре узнал, что генерал Бурмон, а за

ним полковник Клуе Вийютрей Дюбарю и два офицера генерального штаба перешли на сторону врага; более того, генералу Бурмону был известен императорский план сражения, и он мог ознакомить врага с этим планом.

Император немедленно внес изменения в свой план атаки. 15 июня французская армия переправилась через реку Самбру у Шарлеруа, встретила на другом берегу немногочисленное войско противника и разгромила его, взяв пленных. В 10 часов утра император вошел в Шарлеруа, а армия заняла позиции перед этим городом на дороге во Флерюс. Вражеская дивизия, насчитывавшая от восьми до десяти тысяч человек и оседлавшая эту дорогу, была отброшена. Французская кавалерия подавила вражескую пехоту, но Франция при этом потеряла генерала Летора. В тот вечер, когда император вернулся в свою штаб-квартиру, он пребывал в задумчивости, опечаленный кончиной своего адъютанта, и, раздеваясь, не произнес ни слова.

Он отдал приказ армейским дивизиям вступить на поле Флерюса, которое 20 лет назад было прославлено прекраснейшими военными подвигами французской армии. 16 июня армия врага, выстроившись в форме амфитеатра на склоне холма позади деревень Сент-Аман и Линьи, была готова к бою. В полдень французская армия с величайшим воодушевлением начала сражение. Рвение командиров и героизм солдат восторжествовали над энергичным сопротивлением врага, и французская армия стала хозяином поля сражения. Подобное прекрасное начало кампании вселило в нас величайшие надежды. На следующий день, когда мне пришлось пройти через поле закончившегося сражения, я убедился собственными глазами, какие ужасные следы оставляет после себя война: поле было покрыто мертвыми телами, а около раненых хлопотали военные врачи, специально оставленные там для этой цели.

Вражеская армия, разделившись пополам, двинулась в двух разных направлениях. Император преследовал англичан, направлявшихся к Брюсселю. Ночь император провел в Планшенуа, на маленькой ферме, где он разместил свою штаб-квартиру. В это же время маршал Груши, возглавлявший армейский корпус численностью в 40 000 человек, шел по пятам пруссаков в направлении реки Масс. Император говорил, что он мог бы надеяться на гораздо более внушительную победу, чем та, которой он только что добился, и исход всей битвы мог бы быть решен, если бы маршал Ней выполнил его приказ обрушиться имевшимися у него силами на тыл вражеской армии. Сен-Дени рассказал мне об одном эпизоде, когда в момент самого напряженного момента сражения у Линьи император, услыхав

позади себя смех, резко повернулся и обратился к молодому военному помощнику, привлекшему его внимание: «Будь немного серьезнее, месье, когда у тебя перед лицом эти храбрые мужчины убивают друг друга».

В штаб-квартире я появился намного позже прибытия туда императора: моя карета, переезжая через ручей, перевернулась, и потребовалось несколько часов, чтобы вытащить ее. Наступила ночь, было очень темно, да к тому же проливной дождь превратил дороги в сплошное месиво. Мы проехали мимо фермы, где находилась штаб-квартира, и кучер подъехал к главному сторожевому посту, где меня остановили. Я повернул обратно и, наконец, добрался до фермы Кайю; император лег спать час тому назад, выразив свое удивление по поводу моего отсутствия. Не прошло и двух часов после моего прибытия в штаб-квартиру, как император вызвал меня и спросил о состоянии погоды: я доложил ему об аварии с каретой, задержавшей меня, об ужасном состоянии дорог и о дожде, который не переставал лить.

В три часа утра император вызвал к себе главного военного помощника, полковника Гурго, и дал ему указание разведать состояние земляного покрова с тем, чтобы решить, сможет ли маневрировать артиллерия; было заметно, что императору не терпится приступить к атаке. Вражеские войска оставались занимать позиции, в тылу которых находился лес Суаньи. Накануне вечером считалось, что вражеские войска заняли те позиции только для того, чтобы дать время своим конвойным командам пройти лес. Провиант не прибыл, погода всю ночь стояла ужасная, и ежедневные пешие марши в течение нескольких суток, крупное сражение и прочие военные столкновения измотали войска; они с нетерпением ждали утреннего солнца, чтобы высушить промокшую одежду и сбросить с себя накопившуюся ночную усталость. Полковник Друо доложил, что дороги настолько разбиты, а поверхность земли настолько промокла, что артиллерия вряд ли сможет маневрировать, пока вся земля немного не подсохнет. После этого доклада император оставался в постели, но встал рано, с удовольствием увидев, что погода прояснилась. Император разместился в маленькой квадратной комнате. Вся мебель из нее была вынесена, и сейчас комната одновременно служила спальней, кабинетом и столовой. В течение долгого времени он ходил по комнате взад и вперед, заложив руки за спину; затем взял ножницы и принялся подстригать ногти, но, судя по задумчивому выражению лица, его гораздо больше занимали мысли о сражении, которому предстояло вот-вот начаться, чем собственные ногти. Он часто подходил к окну и смотрел на

облака; как только он побрился и оделся, он вызвал к себе генерала Гурго, который стал писать под его диктовку.

В 9 часов утра он распорядился подать завтрак, на который пригласил принца Жерома, генерала Рея, подчиненного принца, командовавшего 2-м корпусом, а также нескольких генералов. Вставая из-за стола, император бодрым голосом сказал им: «Господа, если мои приказы будут выполнены полностью, то сегодня ночью мы будем спать в Брюсселе». Он приказал Сен-Дени привести лошадей и, вскочив на коня, помчался к войскам, сопровождаемый своим генеральным штабом. Прибытие императора приветствовалось вдоль всех рядов выстроившихся войск тысячами возгласов: «Да здравствует император!»

Когда император посчитал, что поверхность земли достаточно подсохла для того, чтобы на ней можно было маневрировать, он приказал 2-му корпусу осуществить наступление на леса Угумона, прикрывавшие правый фланг вражеских войск.

В полдень дивизия принца Жерома выдвинулась вперед, чтобы овладеть позициями правого фланга врага, но была отброшена назад и произвела перегруппировку, чтобы заново атаковать врага: принц смог овладеть этими позициями только после очень упорной схватки, во время которой его ранили. В то же самое время, когда проходило наступление дивизии принца Жерома, 1-й корпус двинулся к домам Мон-Сен-Жана, приближаясь к позиции врага. Англичане, предоставленные самим себе, как мне казалось, не были способны отразить объединенное наступление французской армии; император выжидал подходящий момент для нанесения решающего удара.

Я вернулся в штаб-квартиру императора, уверенный, что великая битва вот-вот завершится нашей победой, когда в пять часов дня в штаб-квартиру явился Новерраз и сообщил мне, что на помощь англичанам подошел прусский корпус, против которого стояла дивизия генерала Лобау, и что сражение разгорелось с новой силой. Я не мог сдержать обуревавшие меня чувства волнения и беспокойства из-за упорства вражеских войск, и мое настроение еще больше испортилось, когда к штаб-квартире галопом прискакал на коне Сен-Дени, чтобы что-то отвезти императору. В страшной спешке Сен-Дени сообщил мне: «Дела складываются плохо. Мы только что увидели вдали большую массу войск: поначалу мы решили, что это войска маршала Груши, и все мы радостно закричали; но это оказался корпус маршала Блюхера, а от маршала Груши мы не получили никаких известий. Император не может понять, почему маршал Груши не прибыл в это же время». Сказав все это, Сен-Дени

вскочил на коня и, пришпорив его, галопом помчался прочь.

Разговор с Сен-Дени произошел в семь часов вечера, и я подумал грустно: прусский генерал Бюлов уже сумел основательно укрепить английскую армию. Внешне император не проявил беспокойства по этому поводу, поскольку он отправил курьера в Париж с сообщением о том, что в сражении нами достигнута победа. Но прибытие армии маршала Блюхера резко увеличило численность войск противника.

Я поделился своими опасениями с генералом Фулером, конюшим императора, который заявил мне, что мы должны тщательно скрывать наше настроение, добавив при этом, что, вопреки его совету, обоз со снаряжением был оставлен слишком близко от главного поля сражения. Но поскольку он уже находится там, то только по приказу самого императора этот обоз можно было бы вернуть оттуда. Прошло примерно около часа, а артиллерийская канонада и ружейная стрельба, казалось, ощутимо приблизились к нам.

Еще не наступила ночь, когда мы увидели, как дорога заполнилась артиллерийскими обозами и ранеными солдатами, которых в пути поддерживали солдаты, не получившие ранений; это отступление принимало тревожный характер. Я распорядился, чтобы походную кровать императора временно сложили в футляр, затем запер императорский походный саквояж и привел все свои дела в порядок, чтобы быть готовым ко всяким случайностям. Карета императора находилась на поле сражения; это меня не волновало, несмотря на то, что в ней были спрятаны большая сумма денег золотом, ожерелье принцессы Полины и бриллианты принца Жозефа, переданные им императору в ночь отъезда из Парижа. Веря в то, что карета во всех случаях смогла бы благополучно ускользнуть с поля сражения, я даже поздравил самого себя с тем, что все эти ценности не находились у меня: меня уже в достаточной мере обременяло то обстоятельство, что со мной были золотые монеты на сумму 100 000 франков, а также банкноты на сумму 300 000 франков. Все эти деньги я запер в большой дорожный саквояж, который спрятал в своей карете.

Вскоре мы перестали слышать приближавшийся шум от пушечных выстрелов; но кто-то пришел и потребовал, чтобы офицер и солдаты, выделенные для охраны карет, отправили их в близлежащие леса и помешали врагу добраться туда, чтобы у нас было достаточно времени для отъезда. Судьба только что решила исход битвы против нас. Блестяще разработанный план, ставивший перед собой цель одержать победу над противником, лишить врага всяких надежд и заставить его заключить мирное соглашение, потерпел неудачу из-за того, что один из ведущих военачальников императора, маршал Груши, не выполнил его приказов. Если бы маршал Груши силой оружия сдержал войска Блюхера, спешивших на помощь англичанам, то он бы тогда прибыл на поле сражения, чтобы принять участие в праздновании победы. Вместо этого пассивность Груши привела к поражению французской армии.

Судьба распорядилась таким образом, что гвардия уже участвовала в сражении, когда на помощь англичанам подоспел корпус маршала Блюхера и когда уже были задействованы в сражении служебные воинские части, которые никогда не участвовали в боях, за исключением специального на то приказа императора. Таким образом, в этот самый критический момент император не имел в своем распоряжении резервных войск, которые он так блестяще использовал в нужную минуту, чтобы добиться победы, которая могла ускользнуть от него.

Генерал Фулер, услыхав в зарослях леса стрельбу, которая приближалась к каретам, решил самостоятельно отдать приказ о том, чтобы их стали отводить; но этот приказ уже немного запоздал. Походную кровать императора я навьючил на мула, а дорожный саквояж поставил в свою карету; к ней пристегнули мощных лошадей, которые вскоре вытащили карету из зарослей леса, где она была укрыта, но как только она оказалась на дороге, ей пришлось тащиться, как и всем другим видам транспорта. Тем не менее я считал, что карета была спасена, пока мы не добрались до перекрестка дорог у фермы «Катр-Бра», где образовалась такая пробка, что пробиться через нее стало невозможным делом. Я вышел из кареты, чтобы выяснить причину: проклятая мортира заблокировала дорогу и заставила остановиться все, что прибывало к этому месту, в какой-то миг масса карет сбилась в кучу и, перекрыв дорогу, остановила все движение. Враг, также остановившийся, принялся грабить замыкавшие колонну кареты. Моей карете также вот-вот предстояло стать жертвой грабежа. Я поспешил вскрыть дорожный саквояж, схватил из него 300 000 франков в банкнотах, положил их на грудь и застегнул над ними пуговицы мундира, а все остальное в саквояже я оставил в карете.

С большим трудом мне удалось, пробираясь от одной кареты к другой, выскочить из дорожной пробки, в которой застряла моя карета. Герцог Бассано (Маре) и барон Фэн шли пешком, бросив свои кареты посреди всего этого дикого беспорядка; как и я, они ничего не знали о судьбе императора, о котором некоторые говорили, что он был убит, а другие заявляли, что он пожелал заснуть на самом поле сражения. Как мы могли верить всем этим слухам, принимая во внимая тот беспорядок, в условиях которого отступали люди, распространявшие эти слухи? Я не стал доверять всем этим домыслам и принялся выжидать какой-либо ясности в этом вопросе, пока не увидел гвардейцев, следовавших по этой же дороге, но соблюдавших относительный порядок. Я спросил у нескольких офицеров, какой маршрут отступления избрал император; никто из них не мог ответить мне на этот вопрос. Тогда я решил дальше идти вместе с ними; пушечная канонада давно стихла. Эти гвардейцы, так блестяще выглядевшие накануне, столь охваченные энтузиазмом еще сегодня утром, сейчас поспешно шли вдоль дороги, унылые и погруженные в молчание.

Весь проникнутый состоянием беспокойства, я следовал за гвардейцами и провел в походе всю ночь и весь следующий день. Проследовав через Бомон и Шарлеруа, я с наступлением вечера добрался до Авена: городские ворота были уже заперты. Я узнал, что раненый принц Жером находился внутри города, так же как и императорские лошади. Ночь я провел у бивака драгунов, стараясь устроиться поближе к костру; мне посчастливилось узнать среди драгунских офицеров одного своего старого товарища, предложившего мне разделить с ним кусок хлеба, который он ел. Я поблагодарил его, и мы немного поговорили о наших бедах и опасениях, что наша несчастная родина вновь подвергнется разорению со стороны иностранцев.

Вот таким образом я и провел ночь, ожидая, когда утром откроются городские ворота Авена, и вскоре увидел, как из ворот выходят наши служебные лошади, ведомые Амодрю, эльбанским конюхом. Я подбежал к нему и спросил: «Что случилось с императором?» — «Я не знаю», — ответил Амодрю со слезами на глазах. Я вскочил на одного из коней и помчался в Лан, весь охваченный печалью и беспокойством по поводу того, что не знал, какой маршрут избрал император. Как только я добрался до Дана, я тут же свалился на какую-то солому, чтобы немного отдохнуть.

Только я растянулся, как мне сказали, что император находится на почтовой станции города. Моя усталость мгновенно исчезла. Император был жив! Франция по-прежнему могла быть

спасена, армия, возможно, собирается с силами около этого города. Я помчался к почтовой станции; первым, кого я увидел, был Сен-Дени, который сообщил мне, что карета императора со всем ее содержимым была захвачена врагом. Меня слишком занимали мысли о поражении в битве, поэтому потеря бриллиантов и денег не произвела особого впечатления; мне было всего лишь жаль ожерелья принцессы Полины, которое увлажнили ее слезы. К тому же ее слова: «Императору может понадобиться это», — вновь воскресли в моей памяти и вызвали у меня состояние скорби.

Я отправился к императору. Вместе с ним был граф Бертран. Оба они сохраняли хладнокровие, но выглядели абсолютно измученными. Я доложил императору о том, каким образом была захвачена моя карета на перекрестке дорог у фермы «Катр-Бра» и как мне удалось спасти только банкноты, бывшие в карете, и как потом весь путь оттуда я проделал пешком до самого Авена и о том, что я был очень огорчен, узнав, что карета Его Величества со всеми хранившимися в ней ценностями была захвачена врагом.

«Да, это несчастье», — согласился со мной император и тут же стал подсчитывать ресурсы, оставленные во Франции, которыми он мог бы воспользоваться, если бы его поддержали палаты: потерянное снаряжение и вместе с ним провиант можно было легко возместить, а собрав армию в Лане, можно было сдержать наступление врага, дав стране необходимое время для того, чтобы вновь обрести силы. Услыхав только отдельные отрывки разговора императора, я вспоминаю фразу, сказанную им генералу Бертрану, когда я выходил из комнаты: «Если я вернусь в Париж и окуну руку в кровь, то буду вынужден погрузить ее до самого локтя». Затем было упомянуто имя Фуше, которому, судя по всему, предстояло стать мишенью мщения императора.

Покинув поле битвы при Ватерлоо, император проследовал в Филипвиль, куда он прибыл с небольшим отрядом кавалеристов, собранных рас всех подразделений, и там он встретился с герцогом Бассано (Маре) и с некоторыми офицерами его штаба. Потратив всю ночь на то, чтобы разослать штабные приказы, император написал письмо принцу Жозефу и отправился в Дан вместе с гофмаршалом Бертраном, герцогом Бассано, его адъютантами генералами Флаго и Лабедуайером, а также со своим пажом г-ном Годеной. Другой паж, г-н де Камбасерес, накануне был взят в плен врагами.

Так как император хотел, чтобы обе палаты и вся страна знали правду о создавшейся ситуации, то он подготовил отчет о битве при Ватерлоо и отправил его в Париж курьером. Если,

собирая армию вокруг Лана, император намеревался задержаться здесь, то это была, несомненно, мимолетная идея, ибо он приказал мне сесть в почтовую карету и ехать в Елисейский дворец, где он планировал провести следующий день. Я опередил его лишь на несколько часов. Его друзья, опасаясь за его безопасность, видели скрытую угрозу для него в его решении быть в Париже, в результате которой он бы оказался в самой середине раздираемых противоречивыми страстями фракций. Друзья императора считали, что он был бы гораздо в лучшем положении, находясь во главе армии, чем если бы был в Париже. Император, озабоченный только мыслями о спасении страны, а не собственной персоны, думал, что незамедлительный и правдивый отчет о событиях пробудит патриотические чувства у представителей палат и что вместе с ним палаты не потеряют веру в спасение родины. Поддержанная ими, страна воспрянет, как один человек, и император вернет удачу нашему флагу. Вдохновленный этим чувством любви к стране, император не боялся потерять ни свой трон, ни свою жизнь. Нация и армия не подвели его, но страну подвели палаты.

21 июня в 5.30 утра император прибыл в Елисейский дворец. На лестнице дворца его приветствовал герцог Виченцский (Коленкур), которому император мог излить всю печаль своего сердца и продемонстрировать всю силу своего духа. Император вызвал графа де Лавалетта, который незамедлительно прибыл. Император еще со времени битвы не снимал сапог, и офицеры, так же как и он сам, находились в состоянии крайнего изнеможения. Я спросил, не хочет ли Его Величество, чтобы ему приготовили ванну. Император ответил, что она ему необходима, чтобы освежиться. Париж, который погрузился в сон, охваченный энтузиазмом в связи с победой при Линьи, не мог понять этого неожиданного возвращения императора. Когда прибыл бюллетень с сообщением о Ватерлоо, слово «измена» стало повторяться из уст в уста. Бюллетень, как только его содержание стало известным в Париже, вызвал всеобщее возбуждение. Проявления чувства гнева, которые, как считал император, он сможет приглушить, добившись победы на поле сражения, возобновились с новой силой и с необыкновенной яростью против императора, когда он вернулся в Париж.

После того как ванна была готова, император принял ее. Герцог Виченцский (Коленкур) и граф де Лавалетт сопровождали императора в ванную комнату. Усаживаясь в ванну, император дал распоряжение герцогу Виченцскому собрать совет министров и вынести выговоры маршалам Нею и Груши за то, что те не выполнили приказов императора, которые они должны были

обязательно получить. Император заявил: «Ну что за странная игра судьбы, когда я трижды был свидетелем того, как гарантированный триумф Франции проскальзывает сквозь мои пальцы: если бы не дезертирство предателя, я бы уничтожил врага в начале кампании, я бы разгромил его при Линьи, если бы левый фланг выполнил свой долг и разгромил бы его при Ватерлоо, если бы правый фланг выполнил положенный ему долг. Ну что ж, не все потеряно. После великих подвигов армию охватила паника. Я намерен представить палатам точный отчет обо всем, что произошло, и я надеюсь, что присутствие врага на французской земле восстановит чувство долга у депутатов и что моя честность объединит их вокруг меня».

При первом же слухе о прибытии императора барон де Меневаль поспешил в Елисейский дворец; его привели к императору, когда тот собирался вернуться в спальную комнату. Я думал, что император, как обычно, после ванны ляжет в постель, но он заявил, что намерен одеться и побриться. В тот же момент появились принцы Жозеф и Люсьен. Император поговорил с ними о предшествовавших этой встрече событиях. Принц Люсьен сообщил императору, что, как только стало известно о наших бедах, люди пришли в сильное волнение и что можно ожидать самого худшего от дискуссий депутатов из-за враждебного отношения к императору со стороны некоторых из них. Император ответил: «Среди них вы не должны сбрасывать со счетов Лафайетта: он не упустит случая, чтобы восстановить народ против меня. Они воображают, что союзникам нужна только моя голова, и не понимают, что, расставаясь со мной, они потеряют Францию».

Императору доложили, что совет министров собрался. Император вошел в зал заседаний в сопровождении принцев Жозефа и Люсьена. Мне рассказали, что на лицах некоторых министров можно было легко заметить чувства испуга, страха и уныния, овладевшие этим советом, на заседаниях которого обсуждались такие важные дела. Была упомянута необходимость отречения императора от престола в пользу Римского короля. Желая превыше всего спасти Францию и зная о мятежной атмосфере, царившей в палате, император не исключил возможности своего согласия с предложением об его отречении; но все еще уверенный в патриотизме многих членов палаты, он направил сначала в палату в качестве своих представителей принца Люсьена и министров Карно, Фуше, Коленкура и Даву, которые покинули Елисейский дворец в 3 часа дня. Император заявил: «Идите, скажите им об интересах Франции, которые должны быть дороги всем представителям палаты; когда вы

вернетесь, я сделаю свой выбор, который мне диктует мой долг».

Принц Люсьен, которому было поручено сделать обзор событий и дать оценку результатов битвы, обратился к палате с призывом об оказании помощи для принятия мер, необходимых в это опасное время. Палата, казалось, поддалась обаянию красноречия этого оратора, когда Лафайетт сумел внести разлад в настроение депутатов до такой степени, что на палату более уже нельзя было рассчитывать. Охваченный благородным негодованием против депутатов палаты, враждебно настроенных к императору, принц Люсьен убеждал императора в соответствии с законом распустить палату. Император не сделал этого, но был возмущен проявленным депутатами оскорбительным поведением по отношению к главе государства.

На авеню Мариньи собралась толпа, находившаяся в возбужденном состоянии. Я возвращался в карете по Елисейским Полям, когда на пересечении с этой улицей толпа воспрепятствовала моей дальнейшей поездке; я вышел из кареты и дал указание кучеру возвратиться в конюшни. Я позволил толпе увлечь меня с собой к подножию террасы, на которой император прогуливался с принцем Люсьеном. Толпа была многочисленной, и каждый раз, когда император появлялся в конце длинной дорожки, все эти люди, находившиеся в состоянии сильного возбуждения, провозглашали здравицу в честь императора возгласами «Да здравствует император!», требовали оружия и единого слова призыва от императора, чтобы сокрушить внутреннего врага в стране и выступить в поход против внешнего врага, приближавшегося к Парижу.

Достаточно было только одного слова; безусловно, жертвы были уже выбраны, и они должны были пасть на плахе народного мщения. Несомненно, от императора требовалось сверхчеловеческое мужество, чтобы не позволить себя увлечь волной народного энтузиазма. Его величайшее самообладание оставалось непоколебимым, и Франция навсегда должна быть ему благодарной за это, поскольку его психологический срыв означал бы начало гражданской войны в придачу к войне с иностранцами.

Я хорошо помню ту минуту, когда принц Люсьен и император подошли к концу дорожки; принц Люсьен, казалось, говорил: «Зачем ты допускаешь, чтобы все эти многочисленные возгласы в твою честь провозглашались впустую, если не собираешься воспользоваться ими ради службы Франции?» Этот принц в брошюре, опубликованной в 1835 году и озаглавленной «Правда о Ста Днях», рассказывает нам о том, что творилось в его сердце и в сердце его брата.

«Выслушивая бесконечные возгласы «Да здравствует

император!» и наблюдая за гордым выражением, которое запечатлелось на лице Наполеона, очарованного зрелищем восторженных людей, я воспользовался минутной тишиной, когда кричавшая толпа взяла паузу, чтобы сказать императору: «Ну что, ты же слышишь народ? Ведь этот же энтузиазм охватил всю Францию! Неужели ты отказываешься от нее ради фракций в палате?» Остановившись и махнув рукой толпе в ответ на ее крики, полные энтузиазма, он сказал мне: «Разве я сверхчеловек, способный повернуть вспять депутатов к их единому союзу со мной, который только и может спасти нас? Разве я жалкий партийный лидер, который бессмысленно затеет гражданскую войну? Нет, никогда. Во времена Брюмера мы были вынуждены вытащить шпаги из ножен ради блага Франции, сегодня опять же ради блага Франции мы должны отбросить эти шпаги прочь. Иди и попытайся повести за собой палаты: без их поддержки я ничего не смогу достичь. В моих личных интересах я могу сделать многое и без них, но в этом случае я не смогу спасти родину. Иди, и я запрещаю тебе, когда ты выйдешь из дворца, взывать к этим людям, которые требуют оружия; я сделаю все возможное для Франция и я ничего не буду делать ради собственной персоны».

Принц Люсьен добавляет: «Таковы были слова, произнесенные Наполеоном. Мои глаза наполнились слезами, и я впервые в моей жизни упал на колени перед ним, восхищенный до глубины души этим отцом нации, которого предали и неправильно поняли введенные в заблуждение представители палаты».

Поскольку я процитировал слова императора, сохраненные для нас принцем Люсьеном, то разрешите также упомянуть, что в той же брошюре принц с негодованием отвергает обвинение, довольно распространенное в свое время, о том, что он убеждал императора отречься от престола в пользу Римского короля для того, чтобы самому стать регентом.

Принц Люсьен заявляет: «Разве я когда-либо совершал трусливый поступок, чтобы овладеть троном? Если бы Наполеон II наследовал престол от своего отца, то какое у меня было право потребовать регентство? Разве во главе нашей семьи не стоял мой старший брат, принц Жозеф, один из самых просвещенных умов нашего времени, мой брат, который заменил мне отца в годы моего детства? В наших венах течет не та кровь, которая на любовь отвечает неблагодарностью, чтобы трусливо подрывать авторитет главы нашей семьи тайными маневрами и приносить в жертву память и совесть ради печального стремления к власти.

Всем известно, что во время моего уединения в Италии я

получал несколько предложений вернуться к власти или во Франции или на иностранном троне, а также получал письма от моей семьи, от Талейрана и Фуше, которые по очереди старались склонить меня к тому, чтобы я принял предложения Наполеона. Я не думаю, что отказ от подобных предложений является обычным делом, и, по крайней мере, такой отказ является вероятным основанием для того, чтобы предположить, что человек, решившийся на это, не находится во власти амбиций».

Упомянув статью, отвергавшую слухи, циркулировавшие в свое время, я возвращаюсь в палату депутатов, куда принц Люсьен был послан императором. И с чем же он там столкнулся? С продолжительной сессией, в нарушение устава палаты, со страхом перед роспуском палаты, который привел ее к принятию решения при подстрекательстве генерала Лафайетта, чей неуместный патриотизм заставил его служить делу врагов нации, а не интересам Франции. Палата пэров, где маршал Ней вызвал всеобщее волнение среди ее членов своим преувеличенным описанием наших потерь в битве при Ватерлоо, также не проявила себя достаточно мудрой.

Усиленный раздорами в нашем стане и заверениями, данными врагу, враг неудержимо рвался к Парижу.

В 11 часов вечера состоялось заседание совета, на котором председательствовал принц Люсьен; резолюция, принятая советом, была представлена палате. Против резолюции тут же выступил Лафайетт, который заявил, что она не отвечает общим ожиданиям и что только отречение императора от престола сможет положить конец кризису, существовавшему во Франции. Таким образом, в то время, когда Парно считал, что отречение императора от престола означает разрушение Франции, другие всеми силами настаивали на этом.

Не воспользовавшись своим правом распустить палаты, император отступил только перед лицом угрозы возникновения гражданской войны. Являясь верховным вершителем судеб французского народа, имея перед собой цель восстановления порядка и обеспечения благосостояния Франции, император мог продолжать свою деятельность только с помощью палат, которые отказали ему в ней. Он отрекся от престола: это был конституционный шаг. Если бы он действовал по-иному, то последовала бы гражданская война, его имя было бы проклято и он бы стал ответственным за всю кровь, пролитую в результате гражданской войны.

Когда император узнал о резолюции, принятой палатой, и о том, что его предложение проигнорировано, он заявил принцу Жозефу: «Они просто сумасшедшие, а Лафайетт и его друзья —

наивные политиканы: они жаждут моего отречения и боятся, что я откажу им в этом. Я же поступлю именно так, как они этого хотят, и сделаю их ответственными за все зло, которое будет причинено Франции. Они хотят, чтобы я отрекся в пользу моего сына, но это же просто фарс, когда враг стоит перед воротами Парижа, а за плечами врага притаились Бурбоны. Объединившись, мы могли бы спастись, разделенные — мы беспомощны».

Было около часа ночи, когда следующее «Воззвание к французскому народу» было вручено обеим палатам, палате пэров графом Карно и палате депутатов герцогом Отрантским (Фуше):

> *Народ Франции! Вступая в войну, чтобы защитить национальную независимость, я рассчитывал на объединение всех наших усилий, всей воли и помощи всей нашей национальной власти. У меня были причины надеяться на конечный успех, и я бросил вызов декларациям всех держав, объединившихся против меня. Обстоятельства, судя по всему, изменились. Я приношу себя в жертву самым ненавистным врагам Франции. Пусть же их декларации окажутся искренними и пусть они жаждут только моей персоны. Моя политическая жизнь подходит к концу, и я провозглашаю моего сына императором французов под именем Наполеона II. Министры сформируют временный правительственный совет, от имени моего сына я призываю их без задержки организовать регентство на основании закона. Объединяйтесь ради общественного спасения, чтобы остаться независимой нацией.*
>
> *Подписано: Наполеон*
>
> *22 июня.*

В то время, пока акт отречения принимал свою окончательную форму, император вместе со своими братьями гулял в саду Елисейского дворца; как и накануне, авеню Мариньи была заполнена народом, беспрестанно кричавшим: «Да здравствует император!» Его Величество в ответ приветствовал людей, жаждавших увидеть его, когда ему сообщили, что ему осталось только подписать акт об отречении; он быстро вошел в здание дворца и вскоре вернулся в сад, чтобы вместе с братьями продолжить прогулку.

Таким образом палаты получили это отречение императора, которое они столь сильно желали получить. Они обсудили этот акт и в полдень прислали свои делегации, представлявшие обе палаты, чтобы выразить свою благодарность, с которой они

приняли эту благородную жертву.

Император следующим образом ответил этим делегациям:

> *Благодарю вас за выраженные вами чувства. Я хотел бы, чтобы мое отречение могло принести Франции счастье, но на это у меня мало надежды, поскольку оно оставляет государство без лидера, без какого-либо политического существования. Время, потерянное на свержение монархии, могло бы быть использовано для того, чтобы дать возможность Франции собраться с силами для разгрома врага: я рекомендую, чтобы Франция безотлагательно укрепила свои армии. Тот, кто желает мира, должен быть готовым к войне. Не оставляйте эту великую нацию на милость иностранцев и внимательно следите, чтобы ваши надежды не были обмануты. В этом кроется опасность. Где бы я ни оказался, я всегда буду спокоен, если Франция будет счастливой; я вручаю моего сына Франции и надеюсь, что она не забудет, что я отрекся от престола только ради него. Я также принес эту великую жертву ради блага нации. Только благодаря моей династии она сможет надеяться на то, чтобы быть свободной, счастливой и независимой.*

В тот же вечер, когда он ложился спать, император спросил меня, какое впечатление произвело его отречение от престола на Париж.

Глубоко опечаленный и в состоянии сильного волнения, я ответил ему: «Сир, люди не понимают этого акта, они удивлены тем, что Ваше Величество не распускает палату и не устанавливает собственную диктатуру в такое серьезное время. Париж боится приближения вражеских сил, он не имеет веры в тех людей, которые занимаются его делами. Все те, с кем я разговаривал сегодня, заявляют, что чувствуют себя так, словно их повязали по рукам и ногам. Кабинет министров подозревают в измене. Народ настолько раздражен, что кажется, будто он выискивает жертвы. От Вашего Величества необходимо только одно слово, и народ отыщет эти жертвы и в кабинете министров и в палате. Сир, все уверены, что народ не получит для себя Римского короля и что им придется терпеть реванш Бурбонов».

Император объяснил мне: «Только мое отречение может спасти Францию, столкнувшуюся с опасностью ликвидации палат; если бы я действовал иначе, то это бы означало гражданскую войну во Франции, и на моей совести была бы кровь народа: этого я не хочу».

После отречения император несколько дней оставался в

Елисейском дворце. В последующие два дня во дворе дворца можно было видеть множество карет. На третий день их число уменьшилось, но количество народа и свойственный ему шум вокруг дворца лишь увеличились. Император считал, что подобное демонстративное поведение народа может послужить помехой для переговоров и что цель его отречения может быть оклеветана его врагами, которые опасались народных манифестаций в поддержку сделанного страной выбора. Поэтому император постарался избежать такого массового доказательства народной любви к нему, удалившись в Мальмезон.

Прежде чем покинуть Елисейский дворец, он направил своим бывшим товарищам по оружию следующее воззвание. Это воззвание так и не дошло до армии, поскольку выраженные в нем чувства слишком напугали новую правящую верхушку страны:

> *Солдаты! Когда я уступил необходимости, которая вынудила меня покинуть мужественную французскую армию, со мной осталась счастливая уверенность в том, что благодаря превосходной службе, которую родина ожидает от армии, она оправдает те заслуги, которые даже наши враги не могут отрицать. Солдаты! Хотя я и буду отсутствовать, но я буду следить за вашими действиями: мне знаком каждый корпус, никто из них не может добиться какого-либо голословного преимущества перед другими без моей оценки проявленного им мужества. Я и вы были оклеветаны, и люди, недостойные оценить вашу работу, увидели в том проявлении преданности по отношению ко мне признак рвения, целью которого был только я один. Пусть же ваша будущая служба научит их, что, подчиняясь мне, вы прежде всего служили родине и что если я каким-либо образом разделял вашу любовь, то я был обязан этим своей глубокой любви к нашей общей матери. Солдаты! Еще немного усилий, и коалиция прекратит свое существование. Наполеон опознает вас по тем ударам, которые вы нанесете. Спасайте честь и независимость Франции, до самого конца оставайтесь все теми же, какими я вас знал на протяжении последних двадцати лет, и вы будете непобедимыми.*

За два дня до отъезда из Парижа в Мальмезон я сообщил императору, когда он готовился ко сну, о письме, полученном мною этим утром, в котором содержалось приглашение посетить Сен-Филипп-де Руль и было указано место, где я должен был встретиться с автором письма. Письмо, окрашенное живым воображением автора, пробудило мое любопытство. Я отправился

по указанному адресу, поскольку был убежден в том, что вся эта история касается лично меня. Я подошел к месту свидания, не выпуская письма из рук; там оказалась молившаяся женщина, находившаяся спиной ко мне. Для того чтобы приблизиться к ней, я с шумом отодвинул кресло. Услыхав этот шум, она резким движением повернулась ко мне; я сразу же заметил, что она обладала элегантной и стройной фигурой, и хотя ее лицо было прикрыто вуалью, она не могла скрыть его молодость и очарование.

Далее я рассказал императору: «Когда я подошел к ней, то почтительно поклонился и спросил, каким образом я мог бы быть полезным ей. Минуту она пребывала в молчании, а затем, сильно смутившись, призналась, что невзгоды императора стали причиной ее сильных душевных волнений и еще больше усилили в ней чувство преданности, которое она давно испытывала по отношению к нему. Она была бы очень счастлива, если бы в этот период превратностей судьбы она могла бы лично выразить императору свои чувства. Она находилась в состоянии сильного волнения. Я сказал ей: «Мадам, я могу обещать вам, что сообщу Его Величеству сегодня вечером, когда он будет готовиться ко сну, о том, что он является предметом вашего восхищения, но я не могу заверить вас в том, что ваша просьба о свидании с ним будет удовлетворена». — «Постарайтесь же, чтобы это свидание состоялось, — сказала она, быстрым движением взяв мою руку, и, сжав ее между ладонями, поднесла к своей груди. — Вы сделаете меня такой счастливой; вы сделаете это, не так ли? Обещайте мне это!» — «Мадам, я могу только повторить то, что я уже сказал, и добавить, что выбор времени для такого свидания не является подходящим; однако я обещаю вам, что с абсолютной точностью передам императору то чувство энтузиазма, которым вы полны». Я сказал императору: «Мы расстались, и я дал обещание встретиться с ней завтра в то же время и на том же месте, чтобы передать ей ответ. Я жду ответа Вашего Величества».

Император улыбался в течение всего моего рассказа и сказал: «Она француженка? Ее речь более свойственна англичанке. Чего она может хотеть от меня? Это преклонение непременно перерастет в любовную связь, а мы не должны допустить этого».

Я написал неизвестной женщине, что, к сожалению, обстоятельства не позволяют мне лично принести ей мой ответ; император уезжает в Мальмезон, и я обязан отправиться туда заранее. Я передал мое письмо одному осмотрительному человеку, чтобы он вручил ей это письмо, и потом никогда более не слышал о ней.

Было назначено временное правительство: имена, подобные

Коленкуру и Карно, успокоили честных людей, но имя президента временного правительства, герцога Отрантского (Фуше), дало повод для беспокойства и озабоченности. Этот министр по привычке весь погряз в интригах и предательстве. Как только он получил в свои руки документ об отречении императора, то сразу же связался с агентами короля, с которыми он стал вести переговоры о возвращении Бурбонов во Францию; и в то время, когда Лафайетт возглавлял делегацию, направленную во вражеский лагерь с тем, чтобы попытаться приостановить марш вражеских войск на Париж, герцог Отрантский одновременно с этим приглашал глав этих войск следовать в Париж с особой поспешностью. Он сумел обвести вокруг пальца совет и втянуть в свою паутину даже маршала Даву, который потерял больше, чем собственную популярность, отдав врагу Париж без борьбы.

Если в таких печальных обстоятельствах оказались люди, лишенные патриотизма, то были и другие люди, полностью сохранившие свои патриотические чувства: такие люди, как Беранже, Мануэль, Буле де ла Мерт, в палате депутатов одержали победу над роялистами, орлеанистами и республиканцами, провозгласив императором Наполеона II; одновременно в палате пэров такие люди, как Друо, Лабедуайер и граф Реньо де Сен-Жан д'Анжели, также праздновали победу на своей стороне. Эти две палаты, казалось, забыли, что воцарение Римского короля на императорский трон было условием принесения в жертву императора, которую он сам навязал себе.

25 июня в 12.30 дня император покинул Елисейский дворец без сопровождения эскорта и сел в карету гофмаршала, поджидавшую его у садовых ворот на Елисейских Полях; в карете вместе с ним был граф Бертран, а на козлах восседал Новерраз. В то же самое время кареты императора выехали на улицу дю Фобур-Сент-Оноре, забрав в Мальмезон генералов Гурго и Монтолона, адъютантов императора, и его камергера графа де Лас-Каза. Барон де Мегриньи, конюший императора, восседал на коне у двери первой кареты, которая, сопровождаемая эскортом, дала людям основание полагать, что именно в ней находился император. Только проехав городские ворота, император, покинув карету гофмаршала, пересел в собственную карету, чтобы уже дальше следовать в ней в Мальмезон; там его приветствовала его приемная дочь, королева Гортензия, проявив при этом нежное чувство к нему, столь же уважительное, сколь и трогательное. В эту резиденцию были направлены двадцать пять солдат имперской пехотной гвардии во главе с одним офицером, чтобы обеспечить безопасность императора.

Перед отъездом из Парижа император запросил у временного

правительства два фрегата и паспорта для выезда в Америку. Он отдал распоряжение своему секретарю г-ну Ратери сжечь письма, памятные записки и петиции, которые могли подвергнуть опасности людей, подписавших эти документы. Я оставался в Елисейском дворце еще несколько часов после отъезда императора, чтобы собрать свои вещи и подождать прибытия некоторых покупок, которые я заказал, но которые еще не были присланы во дворец. Моя семья была со мной, но находилась в состоянии смятения в связи с моим отъездом, которому, возможно, было суждено навсегда разлучить нас, а также в связи со всеми бедами, которые обрушились на страну. Момент расставания оказался для нас мучительным; я по очереди обнял отца, сестер и шурина, а затем покинул их, на прощанье попросив сдерживать охватившее их горе, из-за которого я сам был готов лишиться самообладания. Мы расстались, пообещав друг другу повидаться на следующий день и в течение всех последующих дней в Мальмезоне, если император пробудет там еще некоторое время.

После того как мои родственники удалились, я побродил по комнатам апартаментов императора, еще несколько дней тому назад заполненных энергичными курьерами, а сегодня настолько пустых, что я был в них один вместе с моим гардеробным мальчиком. Я взял несколько портативных домашних вещей, которые могли бы оказаться полезными императору там, куда он отправится, — такие, как позолоченные чашки для курения ладана, маленькие мраморные бюсты Римского короля, маленькие картины в рамках работы Исабея, дающие представление о Римском короле в различные годы его младенчества, а также другие картины с изображением Марии Луизы и маленькую бронзовую статуэтку императора, изготовленную в период «Ста Дней» в мастерской Галля. В спальной комнате императора на треножнике в виде трех лебединых шей стоял громадный серебряный умывальник с серебряным кувшином. Все эти вещи являлись работой серебряных дел мастера Бьеннэ; мое желание взять эти вещи с собой боролось с чувством страха совершить предосудительный акт. Император всегда хвалил эти вещи, когда пользовался ими. Я знал, как сильно ему будет не хватать этих вещей, так как он очень любил окунать свое лицо в этот умывальник, наполненный до краев водой, после бритья; в нем было 15 дюймов в поперечнике, и он мог вместить большое количество воды. Мысль о том, что я могу что-то сделать приятное императору, полностью рассеяла мои сомнения, которые мешали мне забрать эти вещи. Я перетащил их в свою карету и прикрыл плащом, чтобы не

вызывать излишнего любопытства прохожих в Париже или по дороге в Мальмезон.

Я приехал в Мальмезон в 6 часов вечера на своей карете, заполненной до отказа. В тот вечер, когда император готовился ко сну, я рассказал ему о состоянии возбуждения, в котором оставил жителей Парижа, и о моих визитах к г-же Пеллапра и г-же Валевской; последняя предложила приехать в Мальмезон на следующий день вместе со своим сыном. Г-жа Пеллапра попросила меня передать императору ее сожаления по поводу того, что она не смеет приехать в Мальмезон, не получив его разрешения.

Во время переезда из Елисейского дворца в Мальмезон в кабинете гофмаршала в Елисейском дворце украли небольшой ящик с драгоценностями и табакерками, оцененными на сумму в 60 000 франков. Никто не заметил, как была совершена эта кража. Граф де Монтолон в своих «Мемуарах об острове Св. Елены» сообщает, что произошла также кража значительного количества ценных бумаг в кабинете императора, о которой никто не подозревал. Мне было известно о первой краже, но ни в Париже, ни на острове Св. Елены я никогда не слышал о второй.

Вот именно таким образом завершился период «Ста Дней», столь величественный в начале и такой неудачный в конце.

Если бы император на Эльбе знал о заговоре, который замышлялся главами армии в его пользу против трона Бурбонов — договор был вызван слабостью нового правительства и устаревшими претензиями, которые были в такой же степени губительными для французского народа, как и опасными для его интересов на протяжении последних 25 лет, — он бы покинул Эльбу одним месяцем позже; он бы тогда избежал декларации 13 марта и похода коалиционных сил против Франции во главе с императором Александром, а 20 марта достигло бы всех своих целей.

Императору не было известно об этом антибурбонском движении, он узнал о нем только после прибытия в Гренобль. Он знал, что армия, которая была славой Франции, часто грозой для ее врагов и всегда, даже во время ее неудач, предметом обожания императора, не могла терпеть, чтобы ее презирали, оскорбляли, и ждала только момента реванша. Поэтому он оценивал лишь способность оценивать условия во Франции и настроение ее населения.

Его прибытие на территорию Франции с оружием в руках не было результатом заговора. Он не замышлял заговора там, где все без исключения занимались организацией заговоров: король — из-за того, что потерял доверие, его министры — из-за

собственной некомпетентности, эмигранты — из-за своего тщеславия и сочетания невежества с предположением о том, что их ожидает гибель, а вместе с ними и гибель страны. Именно они-то были заговорщиками.

Если бы, как он хотел, император мог дождаться прочного мира и обеспечить обнародование конституции, то он бы устранил наиболее важный источник раздоров в обществе, вызванных нашими первыми неудачами, и лишил противника мощных средств, создававших неприятности в стране и внутренние разногласия. Движимый глубокой любовью и признательностью в своей стране и тронутый полученным горячим приемом, он хотел принести счастье Франции: он стремился удовлетворить общественное мнение, преувеличивая достоинства морального духа народа. И те, кто окружал его, ошибались и вводили в заблуждение императора.

В период «Ста Дней» считалось, что Наполеон не продемонстрировал силу своей воли, которая ранее приводила его к таким большим успехам. Император имел в своем распоряжении диктаторство: он должен был сохранить его. Его проницательность никогда его не подводила, он часто указывал, что именно следовало сделать, и последующие события доказывали, что он был прав. Но в этом случае он был обязан уступать возражениям, исходившим от его советников, которые были от всей души преданы не только его личности, но и благополучию Франции, ее независимости, чести и славе государства.

Император говорил на острове Св. Елены, что шпага нескольких генералов потеряла свою твердость в событиях 1814 года; они потеряли частицу своей уверенности, отваги и решительности, которые принесли им столько славы. То, что император говорил о генералах, можно сказать и о любом другом человеке. Декларация союзников от 13 марта вызвала потерю уверенности у членов кабинета министров и Государственного совета. Эта декларация стала повсеместно известна в Париже через несколько дней после прибытия императора. Для того чтобы ослабить влияние этой декларации, Государственный совет в своем заявлении от 29 марта отрекся от обязательств, которые принял на себя император в своих воззваниях к нации и армии для выработки конституции, и вставил в конституцию следующий параграф: «Для лучшего закрепления прав и обязательств народа и монарха национальные институты должны проверяться главной ассамблеей представителей, уже объявленных императором».

Это обещание отвратило опасности декларации 13 марта и отвлекло от нее внимание публики, но в то же время придало

силу аргументации тех, кто ратовал за любой вид конституции, несмотря на наступившие времена и происходившие события.

В Мальмезоне, который напомнил императору его молодые годы, полные славы и счастья, он был окружен заботой и любовью королевы Гортензии и преданностью генералов и других офицеров, предложивших ему свои услуги для сопровождения во времена его невзгод. Граф Бертран, герцог Ровиго (Савари), генералы Лаллеман, Монтолон и Гурго разделили обязанности его адъютантов; майоры де Ресиньи и Плана, а также присоединившиеся к ним капитаны Мерсье и Шульц выполняли обязанности военных помощников. Последний сопровождал императора на Эльбу; он и некоторые другие добились чести, накануне отъезда в Мальмезон, сопровождать туда императора. Барон де Монтаран служил в Мальмезоне конюшим, граф де Лас-Каз — камергером, а его сын и г-н де Ла Пажери — пажами. Снабжение продуктами в Мальмезоне не испытывало ограничений, а обслуживание императора в этой резиденции было таким же, как и в Париже.

В течение нескольких дней, проведенных в Мальмезоне, император принимал своих друзей, приезжавших к нему во все дневные часы, чтобы привезти ему свежие новости; император с волнением расспрашивал их о ситуации в стране и в Париже. Среди тех, кто приезжал к нему, были граф де Лавалетт, герцог Бассано (Маре), генералы Флао, Лабедуайер и Каффарелли, г-н Поджи, братья императора — принцы Жозеф, Люсьен и Жером.

Женщины, которые чувствовали к нему большую привязанность, также не покидали его. Вечерами гостиная королевы Гортензии заполнялась прибывшими с визитами графинями Бертран, Монтолон и Каффарелли. Герцогини Ровиго (Савари), Бассано (Маре), графини Реньо де Сен-Жан д'Анжели, Валевская, а также другие женщины, чьи имена выпали из моей памяти, приезжали в Мальмезон, чтобы разделить часы скорби. Приезжала также г-жа Пеллапра, чтобы от всего сердца утешить императора, который высоко ценил ее чувства; на скале острова Св. Елены память о ней помогала ему разгонять скуку неволи, когда он вспоминал ее замечательные душевные качества и ее красоту.

Прежде чем покинуть Париж, я упаковал сундук с вещами, ставшими теперь ненужными императору. Это был парадный мундир для смотров на Марсовом поле, оружие, старинный эфес и небольшая коллекция наградных медалей; в соответствии с распоряжениями императора я отправил все эти вещи графу де Тюреню, заведующему императорским гардеробом, который остался его хранителем. С собой я забрал большую коллекцию

наградных медалей; император сказал мне, чтобы я передал эту коллекцию графу де Лавалетту, который в обмен на нее вручил мне 30 000 франков золотом, которые я внес в банк г-на Лаффитта. Перед отъездом из Парижа император открыл счет у этого банкира с кредитом в размере четырех или пяти миллионов через посредство г-на Перрго, одного из камергеров императора; условия вклада были приняты, и эта сумма в тот же день была внесена на счет в банке. Все эти деньги целиком составляли состояние императора. По поводу этого вклада Его Величество встречался с г-ном Лаффиттом, о котором император говорил на острове Св. Елены, что обнаружил в нем не только финансиста, но и человека с очень острым пониманием важных политических вопросов.

Император с большим нетерпением ожидал получения паспортов, которые он запросил, а также приказа о передаче в его распоряжение двух фрегатов для отплытия в Америку. Когда 25 июня в Мальмезон прибыл генерал Беккер[220], чтобы возглавить имперскую гвардию, а также обеспечить защиту императора и соблюдение подобающего ему уважения, королева Гортензия решила, что генерал приехал, чтобы арестовать императора. Она испугалась и уже была готова броситься между Его Величеством и человеком, прибывшим с такой миссией, когда ей объяснили, что вражеские войска приближаются к Парижу, а этого генерала прислали только для того, чтобы обеспечить личную безопасность императора. Как только генерал Беккер прибыл в Мальмезон, он сразу же попросил, чтобы его представили императору. При встрече с ним генерал вручил императору письмо от военного министра, князя Экмюльского (Даву). Письмо был следующего содержания:

> *Париж, 25 шюня, 1815 года, 4 часа дня*
>
> *Генерал! Прошу принять к сведению, что правительственная комиссия назначила вас командовать гвардией императора Наполеона в Мальмезоне.*
>
> *Честь Франции требует, чтобы была обеспечена его безопасность и соблюдено подобающее ему уважение. Интересы нации требуют, чтобы злонамеренным людям не позволялось использовать его имя для подстрекательства беспорядка.*
>
> *Генерал, ваш характер, получивший признание, является гарантией для правительства и Франции в том, что вы выполните обе задачи. Вам предлагается немедленно проследовать в Мальмезон, возглавить там гвардию императора и взять под свой контроль все, что*

потребуется для достижения поставленной перед вами цели.

Эта мера, предпринятая герцогом Отрантским (Фуше) и согласованная с военным министром, была не чем иным, как замаскированным способом осуществлять контроль над действиями императора; она, эта мера, стала тем более необходимой, что оба этих государственных деятеля уже вступили в контакт с бароном де Витролем, агентом короля, для того чтобы обеспечить возвращение Людовика XVIII.

Император не упустил случая, чтобы не указать на это генералу Беккеру, который в данных обстоятельствах повел себя весьма благородно. Возвратившись с острова Св. Елены, я имел честь встречаться довольно часто с генералом Беккером, и вот что он мне рассказал о сложившейся в то время ситуации:

«Когда я взял на себя выполнение этой миссии, то она заключалась только в том, чтобы служить императору и обеспечивать его защиту; я не подозревал о том, что я выяснил через несколько дней, а именно, что герцог Отрантский (Фуше) и князь Экмюльский (Даву) в тот момент вели переговоры с королевскими агентами. Император был оскорблен способом, с каким меня подослали к нему. Он бы хотел, чтобы правительство официально информировало его об акте, который он рассматривал как простую формальность, а не меру слежки за ним, которой подвергать его было бессмысленно. Мысль о том, что император мог поверить, что я мог согласиться на какую-либо роль, кроме роли добропорядочного солдата, прибывшего в Мальмезон, чтобы обеспечивать его безопасность, потрясла меня, и я заявил императору, что если мое присутствие в Мальмезоне сможет вызвать подобное подозрение, то я немедленно откажусь выполнять порученную мне миссию. Император видел, насколько я был огорчен всем этим, и поэтому сказал мне: «Генерал, успокойтесь: если бы мне предоставили возможность выбрать для этой миссии офицера, то и бы назначил для ее выполнения именно вас, отдав вам предпочтение перед другими, так как я уже давно знаю о вашей лояльности». Он вывел меня под руку в сад, и мы там беседовали о Париже».

Генерал напомнил мне, что на борту фрегата «Заале» я отдал ему одну из рубашек императора, которую он свято хранил.

Император с беспокойством наблюдал за тем, как вражеская армия приближается к Парижу безо всякого сопротивления со стороны французских войск и за тем, как не принимались никакие меры по защите города. Он говорил об этом со своим окружением; легкие кавалерийские части врага могли добраться

до Мальмезона; говорилось, что вражеская армия была уже около Парижа. Все, что предсказывал император, случилось на самом деле. Полномочные представители Франции жаловались на недобросовестность союзников во время проходивших переговоров, тревожное состояние правительства возрастало, и задержка в Мальмезоне императора, не торопившегося покинуть эту резиденцию, вызывала у правительства опасение, что под влиянием импульсивного решения император может встать во главе армии и разрушить полностью планы предателей, имевшие своею целью сдачу Парижа врагу.

Только 27 июня гофмаршал, который находился в Париже, чтобы добиться двух фрегатов от правительственной комиссии для перевозки императора в Соединенные Штаты, написал Его Величеству, что морской министр предоставляет в распоряжение императора два фрегата в гавани Рошфора и что даны все соответствующие распоряжения почтовым станциям на пути от Мальмезона к Рошфору; фрегаты не должны были покидать рейда Рошфора до прибытия охранной грамоты. Герцог Отрантский (Фуше) дал устное распоряжение графу Бертрану забрать из Тюильри — куда были даны указания о том, что оттуда ничего не разрешалось брать, — полный столовый сервиз на двенадцать персон, фарфоровый сервиз, известный под названием «Штаб-квартира», шесть наборов столового белья из камчатной ткани, двенадцать пар простыней высокого качества, двенадцать пар обычных простыней, шесть дюжин полотенец, две дорожные кареты, три седла и три уздечки для офицеров, три седла и три уздечки для конюхов, 400 книг из библиотеки Рамбуйе, различные географические карты и 100 000 франков на дорожные расходы. Это было все, чем правительство награждало человека, который управлял Францией с такой славой и обеспечил громадными состояниями тех, кто окружал его; тот самый человек, который разрешал императору забрать с собой эти скромные личные вещи, получал от него же годовой доход в размере 200 000 фунтов.

Несмотря на письменные и устные требования временного правительства, чтобы император покинул Мальмезон, он не обращал на них никакого внимания. Генералу Беккеру было приказано явиться в Париже перед комиссией, которая отдала распоряжение, чтобы генерал Беккер инкогнито в тот же вечер выехал вместе с императором в Рошфор. Одновременно генерал получил паспорт, уполномочивший его отправиться в этот город вместе с секретарем и слугой. Императору предстояло стать секретарем генерала Беккера!

Этот нелепый приказ, так же как и предыдущие, остался без

внимания; он всего лишь привел к тому, что император посоветовал генералу Беккеру сообщить комиссии временного правительства, что он отвергает идею поездки в Рошфор. Так как существовавшая связь не гарантировала свободу переписки, то император считал, что его личная безопасность не гарантирована в достаточной мере; более того, по прибытии в Рошфор император был вынужден считать себя пленником, поскольку его выезд с острова Экс зависел от паспортов для поездки в Америку, в которых ему, несомненно, было бы отказано. Поэтому император твердо решил ждать решения своей судьбы, оставаясь в Мальмезоне; он будет ждать до тех пор, пока герцог Веллингтонский не издаст распоряжения относительно его судьбы, а правительство соответственно не посчитает обязанным объявить об этом распоряжении. Он поэтому оставался в Мальмезоне, уверенный в том, что ничего недостойного нации и правительства не будет предпринято против него.

Начиная с 25 июня между правительством и генералом Беккером в Мальмезоне участился обмен сообщениями. Друзья императора в большом количестве приезжали навещать его, но 28 июня закрытие шлагбаумов и возведение баррикады на мосту Нейи вызвали определенные трудности для посещения императора. Тем не менее в тот же самый день я встречался с моим шурином и с моей сестрой, которые рассказали мне о возбуждении, царившем среди населения Парижа; люди не могли понять спокойствия императора, когда враг приближался к городу.

В тот же день г-жа Пеллапра послала мне записку через своего слугу, в которой она сообщала, что ждет меня на улице Рюеле. Я немедленно отправился по указанному адресу. Она заверила меня в том, что герцог Отрантский (Фуше) в настоящий момент ведет переговоры с г-ном Витралем, агентом Людовика XVIII, и что князь Экмюльский (Даву), концентрируя свои войска вокруг Парижа, в то же время стремится парализовать их действия. Она просила меня предупредить императора об этом; первый из этих двух министров был человеком, готовым выдать императора, если бы это было ему выгодно.

Когда я беседовал с этой дамой, часть гвардии, находившейся в Рюеле, вышла на улицы с оружием в руках. Обеспокоенный тем, что бы это могло значить, я покинул даму, чтобы вернуться в Мальмезон, где я узнал, что по причине приближения вражеских войск генерал Беккер получил приказ разрушить мосты у Шату и Безона и поставить охрану на этих дорогах. Он принял твердое решение защищать императора, имея в своем распоряжении

несколько сотен человек, а также генералов и военных помощников, бывших с ним и готовых присоединиться к нему.

Император послал в Версаль Сен-Дени, чтобы тот вернулся оттуда с несколькими дробовиками, пистолетами и с ящиком, в котором хранились две пары прекрасных револьверов; дорогу в Версаль и обратно Сен-Дени нашел свободной, но местное население проявляло беспокойство по поводу того, что император слишком безмятежно пребывал в Мальмезоне, где вражеские патрули могли обнаружить его без предупреждения. С императором были г-да де Бассано (Маре) и Лавалетт, герцог Ровиго (Савари) и генерал Бертран.

Вечером, когда император удалился в свою комнату, я рассказал ему о том, что мне удалось выяснить о настроении народа в Париже и о его желании защищать себя, если появится Его Величество, но в случае его отсутствия в городе будет царить полнейшая инертность, и тогда Бурбоны будут признаны. Г-жа Пеллапра, с которой я встречался в Рюеле, просила меня передать Его Величеству, что герцог Отрантский (Фуше) ведет переговоры с г-ном де Витралем, а полномочных представителей временного правительства, направленных во вражеский лагерь, там не слушают. Император ответил: «Все, что я говорил, сбывается. Лафайетт — настоящий простофиля, а те люди, которым незнаком французский моральный дух, разрушают страну».

В ночь с 28 на 29 июня в Мальмезон прибыли герцог Декре и граф Буле де ла Мерт. Император находился в постели уже несколько часов, когда я тихо вошел в его спальную комнату и сообщил о прибытии этих господ. Когда их пригласили к императору, они сказали ему, что появление вражеской армии вокруг Парижа вызвало опасение о личной безопасности императора. Правительство приняло решение считать недействительным тот параграф в декрете, который, имея в виду передачу фрегатов в распоряжение императора, запрещал им выходить в море без охранной грамоты. Интересы государства, так же как и личные интересы императора, настоятельно требовали, чтобы он немедленно покинул Мальмезон; были доставлены паспорта для всех тех лиц, кто выразил желание разделить ссылку императора. Его Величество немного поговорил с ними о тех невзгодах, которые обрушились на родину, а затем отпустил их. Попрощавшись с императором, они покидали дворец в том состоянии, которое свидетельствовало о глубокой скорби в их сердцах.

В этот же день Мальмезон посетил г-н Корвисар вместе с одним из его учеников, молодым практикующим врачом, которого он привел с собой, чтобы представить его императору. Г-

н Фуро де Борегар, врач императора на Эльбе, собирался присоединиться к нему позднее, но, поскольку он был выбран депутатом в своем департаменте и должен был выполнять свои обязанности, в настоящий момент он не мог сдать мандат, полученный от выбравших его сограждан. Этот молодой человек, г-н Мэнго, был вызван, чтобы заменить г-на Фуро. После того как он был представлен императору, Его Величество сказал ему, чтобы он получал указания от гофмаршала, и, оставшись с г-ном Корвисаром, продолжал прогуливаться с ним еще целых полчаса.

Покинув г-на Корвисара, он отправился в свои комнаты и, как это он обычно делал, вызвал меня. Император вручил мне небольшой флакон размером примерно $1^1/_4$ дюйма на $^1/_3$ дюйма, содержавший какую-то красную жидкость, и, потребовав, чтобы никто не видел этого флакона, добавил: «Сделай так, чтобы флакон был на мне, прикрепив его к моему кителю или к какой-нибудь другой части моей одежды, с тем чтобы я всегда мог легко достать его».

В этот момент пришло сообщение, что в гостиной дворца находятся герцог Бассано (Маре) и граф де Лавалетт. Я остался один с этим флаконом, который, несомненно, содержал жидкость, вызывавшую немедленную смерть; меня одолевали печальные мысли до самого вечера, когда я вновь увидел императора, готовящегося ко сну. После того как я рассказал ему все, о чем мне говорила г-жа Пеллапра, я собирался уже уходить, когда император спросил меня, что я сделал с флаконом, который он передал мне. Я показал ему конец его левой лямки подтяжек, до которого он легко мог дотянуться правой рукой. Под этим концом лямки я показал ему небольшой кожаный мешочек, содержавший флакон, который можно было легко вложить в мешочек или вытащить его оттуда, а также держать его на месте с помощью петельки с просунутым через нее маленьким шнурком. Император внимательно изучил все это устройство, вытащил флакон из мешочка и положил его обратно, после чего взглянул на меня и сказал: «Это замечательно». Заметив мое подавленное состояние духа, он прижал руку к моей щеке и сказал, чтобы все было готово к его отъезду, который, вероятнее всего, произойдет на следующий день.

Получив разрешение готовиться к внезапному отъезду, я поспешил договориться с г-ном Коленом, контролером обслуживающего персонала императора, с человеком столь же честным, сколь и преданным императору: он обязан был позаботиться о том, чтобы две кареты, которые должны были перевозить серебряную посуду и так называемую «Штаб-квартиру», т. е. фарфоровый сервиз, всегда были готовы к тому,

чтобы их можно было пристегнуть к почтовым лошадям; г-н Колен вручил мне список содержимого в каретах. Он не остановился на том серебряном сервизе на 12 персон, который герцог Отрантский (Фуше) «щедро» передал своему хозяину; г-н Колен добавил к этому серебряному сервизу императора из Елисейского дворца также серебряный сервиз, взятый из Тюильри. Этот факт объясняет, почему после продажи большого количества серебра на острове Св. Елены много серебра по-прежнему оставалось после кончины Его Величества.

Утром в день отъезда император вызвал меня и сказал, чтобы я заверил всех слуг, ехавших вместе с ним, что их существование обеспечено. Я взял на себя смелость ответить императору, что все его слуги считали себя счастливыми от того, что смогут доказать ему свою преданную службу. Гофмаршал выдал каждому из них пособия на путевые расходы. Я узнал, что Фердинанд, повар с Эльбы, не едет с императором и что король Жозеф немедленно предоставил императору в его распоряжение собственного повара. Император спрятал под своей одеждой бриллиантовое ожерелье, которое королева Гортензия просила его принять, так как оно могло пригодиться во время большой беды. Определив, по каким дорогам кареты последуют в Рошфор, император вручил 1800 франков генералу Монтолону и 1500 франков генералу Гурго для расходов во время пребывания на почтовых станциях между Парижем и этим городом. Деньги из общей суммы в 10 000 франков были распределены между людьми, которые не могли отправиться вместе с императором, но которые находились в стесненных финансовых обстоятельствах.

К императору пришли генералы Шартран и Пире с просьбой о денежной помощи, чтобы избежать гонений, которыми им угрожали. В их голосах проскальзывала нота гнева. Император был предупрежден об этом и заявил, что вполне справедливо, что люди, пожертвовавшие собой ради него, должны обращаться к нему; каждому из них он выдал по 10 000 франков на их непосредственные нужды и сожалел, что не мог таким же образом оказать помощь всем тем, кому предстояло пострадать из-за него. Сразу же после возвращения из Ватерлоо люди, находившиеся в окружении императора, советовали ему уехать в Англию. Император, заявивший, что его политическое существование подошло к концу, предпочитал в качестве своей ссылки Соединенные Штаты, и именно в этом направлении он и готовился отправиться.

Утром на дороге послышались возгласы: «Да здравствует император! Долой Бурбонов! Долой предателей!» Это были солдаты дивизии, возвращавшиеся из Вандеи, которые, зная, что

император все еще находится в Мальмезоне, остановились перед парком и отказались двигаться дальше, если не увидят императора или не возьмут его с собой. Этот услышанный нами возглас «Да здравствует император!», так часто служивший несомненным признаком одержанной победы, вновь разжег в душах воинов, окружавших императора, их страсть к сражениям.

Император тоже позволил своему великому сердцу поддаться общему энтузиазму, так как после беседы с генералом, командовавшим дивизией, он вызвал генерала Беккера и сообщил ему, что откладывает на несколько часов свой отъезд из Мальмезона, считая, что этого времени будет достаточно для того, чтобы представить правительству свое предложение возглавить армию от имени Наполеона II и составить для членов правительства план операции, которая даст все шансы на успешное выдворение врага за границы Франции в течение нескольких дней.

Генерал Беккер продемонстрировал свою преданность императору, согласившись выполнить предложенную ему миссию, из-за которой правительство могло подвергнуть его критике, но он увидел шанс спасения страны в плане, предложенном императором, и выехал в Париж. Из-за возникших препятствий на его пути он с большим трудом добрался до комиссии правительства. Герцог Бассано (Маре), приехавший в Мальмезон, чтобы работать вместе с императором, поспешил последовать за генералом Беккером в Париж для подготовки возвращения императора в столицу Франции в том случае, если предложение Его Величества будет принято.

Но этого не случилось. Предложение императора было воспринято с ужасом; они считали, что чем дальше император будет от Парижа, тем лучше. Предложение, которое им сделал император, полностью аннулировало бы переговоры, которые они с таким трудом вели с роялистскими агентами, чтобы сделать их условия приемлемыми для президента совета и для членов комиссии. Сначала последовал ответ от герцога Отрантского (Фуше), в котором сообщалось, что предложение императора является нежелательным; затем они в самой жесткой форме принялись критиковать генерала Беккера за то, что он взялся выполнять эту миссию в то время, когда ему следовало находиться на дороге в Рошфор; он должен был незамедлительно выехать туда, поскольку в окрестностях Парижа император более не находился в безопасности. Так как генерал попросил, чтобы он лично отвез императору документ, содержавший решение правительства относительно результата его миссии, то герцог Отрантский (Фуше) немедленно написал следующую записку

герцогу Бассано (Маре), который, как предполагал Фуше, по-прежнему находится в Мальмезоне:

> *Так как временное правительство не может принять предложения, которое только что сделал генерал Беккер от имени Его Величества, по причинам, которые вы сами поймете, то я умоляю вас использовать влияние, которое вы всегда оказывали на него, чтобы посоветовать ему уезжать, не задерживаясь, поскольку прусские войска движутся на Версаль…*

Пока генерал Беккер находился в Париже, граф де Лавалетт, верный друг императора, приехал в Мальмезон и доложил Его Величеству о настроениях, царивших в столице. Все с нетерпением ожидали минуты, когда император прикажет подать ему коня, чтобы выступить во главе армии, когда вернулся генерал Беккер и положил конец нашим иллюзиям: временное правительство отказалось от предложения императора. Его Величество прочитал записку, адресованную герцогу Бассано (Маре), и затем, не выказав каких-либо эмоций, отдал приказ о своем отъезде. Вернувшись в свои апартаменты в сопровождении гофмаршала, он сказал: «Эти люди уничтожают Францию». Он снял с себя гвардейский мундир, надел коричневый китель с голубыми брюками и сапоги для верховой езды, а на голову — широкополую шляпу. Одеваясь, император продолжал беседовать со спокойствием безмятежной души, которая до самого конца желала защищать интересы страны.

Он вышел в гостиную, где встретил королеву Гортензию, чьи слезы тронули его, и она вновь доказала, что ее душа полна преданности и доброты по отношению к императору. Он вышел вместе с ней в сад, но не хотел, чтобы она шла с ним дальше. Он обнял королеву в последний раз, окончательно попрощался с некоторыми своими друзьями, которые были там, а также с г-жами де Виченцской (Коленкур), Каффарелли и Валевской, передал своего коня конюшему барону де Монтарану и пешком пошел прочь от своих друзей, которые все залились слезами, когда он подошел к маленьким воротам парка.

Карета, запряженная четырьмя почтовыми лошадями, перед которой восседал на коне Амодрю, конюх, выступивший в роли верхового, ожидала императора за воротами почти в течение часа. Император сел в карету, а за ним генерал Беккер, гофмаршал и герцог Ровиго (Савари), которые сопровождали его в поездке в Рошфор, все трое одетые в гражданские одежды. Сен-Дени, которому предстояло ехать на верхнем сиденье кареты, имел при себе обильный запас провизии, а также столько пар

пистолетов, сколько было пассажиров в карете, и еще две пары пистолетов для себя. В маленький денежный сундук я положил 20 000 франков золотом, которые можно было использовать по необходимости во время пути.

Покинув Мальмезон окружной дорогой, император прибыл в Рамбуйе. Несмотря на все принятые меры предосторожности, Его Величество не смог избежать взглядов людей, останавливавшихся около его кареты с возгласами: «Да здравствует император!»

Это было в 5.30 дня 29 июня 1815 года. Лошади были впряжены в кареты, и грузовые фургоны загружены серебром и бельем, принадлежавшими императору. Зная, что императорский багаж должен был двинуться в путь, как только Мальмезон покинет карета императора, я в большой спешке собрал все вещи, принадлежавшие императору, загрузил ими свою карету и сел в нее только тогда, когда увидел, что фургоны двинулись в путь. Я пожал на прощание руки нескольких человек, присутствовавших при моем отъезде, которые обняли меня со слезами на глазах и со скорбью в сердце.

Получилось две колонны: в одной колонне следовали три кареты — двухместная закрытая карета императора, в которой ехал генерал Гурго, затем моя карета и грузовой фургон. Эта колонна следовала в Рамбуйе. Другая колонна состояла из карет, в которых везли императорские знамена под наблюдением графа де Монтолона, а также г-жу де Монтолон с ее сыном, графа де Лас-Каза с его сыном и остальное окружение императора. Эта колонна следовала в Ангулем и затем в Рошфор. Графиня Бертран и ее дети ехали одни по другой дороге. Все должны были встретиться в Рошфоре.

Мою колонну возглавлял генерал Гурго, за каретой которого следовали остальные наши кареты. Несмотря на тесноту в моей карете, я нашел в ней места для г-на Мэнго, доктора императора, и для Тотена, главного дворецкого. С тем чтобы не иметь при себе большую сумму денег золотом, я отдал часть этой суммы генералу Гурго, который хранил ее при себе и позднее вернул ее мне. На каждом из внешних сидений наших двух карет восседали лакей и гардеробный мальчик. Эти различные маршруты были выбраны для того, чтобы на почтовых станциях мы не испытывали нехватки лошадей.

На холме перед въездом в Гресси император заметил около своей кареты Амодрю, своего конюха; он должен был заказывать лошадей на почтовых станциях вдоль всего пути следования императора. На гражданской одежде Амодрю висел охотничий нож и форменный пояс императорских конюхов. Через Сен-Дени император приказал Амодрю снять с себя нож, по которому его

можно было бы опознать; гражданская одежда Амодрю не вызвала нареканий у императора. Амодрю подчинился, но сделал это с чрезмерным и показным неудовольствием; он поехал вперед, чтобы подготовить лошадей в Куаньере, где императору предстояло поменять кучеров, но в действительности он выехал на дорогу в Версаль и скрылся. Когда император прибыл на почтовую станцию в Куаньере, то был неприятно удивлен тем, что не обнаружил готовых лошадей. Он спросил Сен-Дени, где бы мог быть Амодрю, так как хозяин почтовой станции никого из незнакомцев не видел; подумали, что Амодрю заблудился, выехал не на ту дорогу, но что его можно будет найти в Рамбуйе. Однако Амодрю так больше никогда и не появился. Этот человек, чье поведение всегда было идеальным, который сопровождал императора на Эльбу и во время всех военных кампаний Его Величества, покинул своего хозяина безо всяких на то причин. Сантини, который находился в этой же колонне карет, сел на коня и стал верховым вместо Амодрю от Рамбуйе до Рошфора.

Форейторы, которые привезли императора в Куаньер, догадались, что император находился в этой карете, но об этом никому не говорили. На всем пути до Рошфора их работа оплачивалась только по обычному прейскуранту, чтобы не привлекать излишнего внимания. На дороге, не доезжая до Рамбуйе, Его Величество встретил польское кавалерийское подразделение, солдаты которого носили мундир Вистульского легиона. Польские кавалеристы направлялись в Версаль.

Хотя в соответствии с распоряжением временного правительства император не должен был останавливаться в каком-либо городе, Его Величество, когда подъехал к главным воротам парка дворца в Рамбуйе, выразил желание остановиться в этом дворце. Сен-Дени принял меры, чтобы ворота открыли, и император проследовал по аллее к зданию дворца; там его приветствовал г-н Эбер, один из его бывших слуг в Египте, который упросил императора назначить его на должность консьержа дворца Рамбуйе. Г-н Эбер поспешил предоставить в распоряжение императора все, что имелось во дворце. Сен-Дени, которому я обязан рассказом со всеми подробностями об этой части путешествия, сказал мне, что, когда подали ужин, император сел за стол, но в течение всей трапезы за столом царило полное молчание. Через 15 минут император встал из-за стола и отправился в свою комнату в сопровождении гофмаршала, который, вернувшись через полчаса, объявил, что император не совсем хорошо себя чувствует, лег в постель и подождет до следующего дня, чтобы продолжить путешествие. Император прибыл в эту резиденцию в 8 часов вечера.

Колонна экипажей, возглавляемая генералом Гурго, прибыла в Рамбуйе гораздо позже. Император лежал в постели; ночью он попросил немного чая, который вызвал легкую испарину. Его возбужденное состояние улеглось, к нему пришел сон, и на следующий день его небольшое недомогание прошло. Гофмаршал, герцог Ровиго (Савари) и генералы Беккер и Гурго обосновались в соседней со спальней императора комнате и провели в ней всю ночь.

При обстоятельствах, подобных этим, аппетит отсутствует; скорбь на лице г-на Эбера, достойного слуги императора, была столь сильной и глубокой, что Сен-Дени и я делали все возможное, чтобы успокоить его, и при этом не думали о еде. Я поел очень мало, размышляя о причудах судьбы, которая то приводила нас в охотничью хижину, где я знал императора таким могущественным, то на трон, который он теперь покидает, не ведая о том, какое ему предстоит место ссылки, — поскольку в данное время остров Св. Елены, упоминавшийся на Эльбе, не приходил мне на ум.

На следующий день, 30 июня, я высказал императору свои опасения по поводу того, что нас могут разлучить, когда я не обнаружил лошадей, подготовленных на дороге для продолжения поездки. Я также выразил свое удивление по поводу исчезновения Амодрю. Я информировал императора о том, что, когда я собирался сесть в карету, его секретарь, г-н Ратери, сообщил мне, что здоровье его супруги находится в столь плачевном состоянии, что оно не позволяет ему оставить ее совершенно одну; он попросил меня заверить Его Величество, что 3000 франков пенсии, которые император предложил дать ему, когда он планировал сопровождать императора, не будут востребованы ни им, ни его супругой. Император тем не менее дал указание гофмаршалу аннулировать эту пенсию, которая должна была выплачиваться г-ном Лаффиттом; император также отдал мне распоряжение, чтобы я помог графу Бертрану отобрать несколько хороших книг из библиотеки дворца Рамбуйе, а также набор географических карт, и все это отослать в Рошфор. Император послал письмо администратору, отвечавшему за меблировку и оборудование во дворце, с тем чтобы тот выслал фургон в Рошфор, а другой фургон направил его библиотекарю г-ну Барбьеру[221], чтобы тот выслал ему 2000 томов из Трианонской библиотеки, а также крупное литературное произведение о Египте.

В ту же ночь в Рамбуйе прибыл полковник Беллини со своей супругой: оба они были с императором на Эльбе; они предложили ему последовать за ним в Соединенные Штаты. Г-жа Беллини

была одета в мужской костюм. Хотя император был очень признателен за это подтверждение преданности к его особе, тем не менее он был этим явно смущен и заявил гофмаршалу, что его свита уже была слишком большой, и поэтому супругам Беллини следует подсказать, чтобы они вернулись в Париж. Я сказал императору, что они прибыли в Рамбуйе без гроша в кармане и поэтому не смогут вернуться в Париж без помощи Его Величества. Император распорядился, чтобы я выдал им 3000 франков на покрытие самых насущных расходов. Я встретился с г-жой Беллини, которая находилась в состоянии сильного отчаяния. Она напомнила мне о добром отношении императора к ней на Эльбе и сейчас не могла понять его отказа разрешить ей сопровождать его во время его второй ссылки, если она уже приезжала к нему во время первой; однако она, успокоившись, заявила, что будет готовиться к поездке в Соединенные Штаты.

Прежде чем сесть в свою карету, император пригласил к себе г-на Эбера и, сказав ему несколько ободряющих фраз, пообещал не забывать его. Это не было пустым обещанием: на своем смертном ложе император выделил ему в своем завещании 50 000 франков, а также распорядился передать ему 10 000 франков золотом, предвидя, что г-н Эбер недолго останется в должности консьержа, на которую он его назначил. Утром император распорядился, чтобы я сказал Сантини, чтобы лошади были готовы к следованию на дороге, по которой император собирался ехать из Рамбуйе в Рошфор.

В 11 часов утра император покинул резиденцию Рамбуйе. Местные жители с самого раннего утра поспешили к дворцовым воротам, чтобы дождаться минуты, когда смогут увидеть императора; когда карета тронулась, раздались возгласы: «Да здравствует император!» Его Величество проехал дворцовый парк, чтобы выехать на дорогу в Шартр.

На следующий день, 1 июля, он был в Туре, где ненадолго остановился. Один из бывших камергеров императора, г-н де Мирмон, за которым послал герцог Ровиго (Савари), немедленно прибыл, чтобы пригласить императора отдохнуть в здании префектуры; он заверил императора, что ему не следует опасаться местного населения, которое было благодарно Его Величеству за все то, что он сделал для этого округа. Император поблагодарил его и продолжил поездку до самого Пуатье, где остановился пообедать в отеле «Де ла Пост», на самой окраине города. До этого времени ничто не нарушало спокойной и безопасной поездки путешественников, за исключением одного случая на пути между Сент-Аманом и Туром, когда мы услыхали скачущих галопом лошадей. Была ночь, было очень темно и

ничего нельзя было разглядеть; и только когда всадники подъехали поближе, Сен-Дени узнал в них двух жандармов и сообщил об этом герцогу Ровиго. Они спросили у Сен-Дени, сидевшего на верхнем сиденье, кто находился в этой карете; Сен-Дени ответил им, что это строевые офицеры, направлявшиеся в Ньор. Оба жандарма подъехали поближе к карете, сняли шляпы и сообщили герцогу Ровиго, который спросил их, чего они хотят, что в окрестности бродят несколько бандитов и что жандармам приказано предупреждать путешественников об этом. Жандармы предложили свои услуги, которые не были приняты, и они отправились дальше, пожелав безопасного пути.

Отдохнув несколько часов от удручающей жары и освежив лицо, чтобы отделаться от назойливой дорожной пыли, император покинул отель «Де ла Пост» около четырех часов дня; в отель же он приехал в 11 часов утра. Когда император прибыл в Сен-Мэкс, местные жители пришли в волнение при виде кареты, запряженной четырьмя лошадьми, остановившейся перед почтовой станцией. Люди с нетерпением ждали новостей, надеясь получить их от путешественников, прибывших из Парижа, и толпа у почтовой станции становилась все больше и больше, как бывает в подобных случаях. У путешественников потребовали паспорта, которые потом долго не возвращали; генерал Беккер жестом подозвал жандармского офицера, пытавшегося пробраться к нему сквозь плотный слой толпы. Офицер вскоре узнал генерала Беккера, под началом которого он служил ранее; выполняя высказанную ему просьбу, он отправился в мэрию и вскоре вернулся оттуда не только с паспортами, но и с охранной грамотой, выданной муниципалитетом.

Как сказал мне Сен-Дени, эта толпа ничего дурного не замышляла против путешественников, но ее любопытство граничило с нескромностью; вполне могло случиться, несмотря на маскировку императора, что кто-нибудь из толпы мог узнать его, он таким образом стал бы предметом шумного и торжественного приема, чего императору не хотелось. Как только паспорта были возвращены, лошади рванулись от почтовой станции галопом по направлению к Ньору, заставив толпу расступиться по обе стороны, чтобы пропустить кареты.

На дороге в Ньор пришлось преодолевать довольно длинный крутой подъем к вершине холма; император вышел из кареты, так же как и его спутники, и некоторое расстояние прошел пешком, следуя за каретой. Сен-Дени шел рядом с каретой, и в этот момент к нему присоединился хозяин соседней фермы, который шел по той же дороге. Фермер внимательно вглядывался в императора и, наконец, стал спрашивать у Сен-Дени, кто эти

путешественники. Сен-Дени ответил: «Это генералы, направляющиеся в Ньор». Пока они шли рядом с каретой, фермер расспрашивал Сен-Дени о новостях из Парижа, особенно интересуясь судьбой императора. Этот человек служил в армии во времена Консулата и Империи; был ранен в первых военных кампаниях, затем вернулся домой и теперь обрабатывал свои поля. Он рассказал Сен-Дени о своей радости, которая охватила его при виде трехцветного флага, развевавшегося с церковной колокольни в его деревне, и о своем разочаровании от возможного вида белого флага. Так, беседуя, они добрались до вершины холма; карета остановилась и фермер тоже, держа шляпу в руке. Он поздоровался с путешественниками, которые усаживались обратно в карету, одновременно отвечая на приветствия фермера. После чего карета понеслась по дороге с быстротой, на которую были способны лошади.

В 8 часов вечера император прибыл в Ньор очень уставшим и выразил пожелание отдохнуть в этом городе: карета отвезла его в гостиницу «Золотой шар». До этого города в течение всего путешествия из Рамбуйе никто не узнал императора.

Самая комфортабельная комната в этой скромной гостинице находилась как раз над кухней; простой деревянный пол разделял эти две комнаты, позволяя слышать в одной комнате все, что говорилось в другой. Ужин был среднего качества, а постель, приготовленная для императора, оказалась крайне неудобной, несмотря на все старания Сен-Дени сделать ее сносной. Никто в гостинице не подозревал о важности личностей путешественников. После ужина император лег спать и сказал Сен-Дени, чтобы он поставил ночник в камин, что противоречило привычкам императора. Как обычно, Сен-Дени спал на полу поперек двери, чтобы проснуться по первому вызову Его Величества. Шум в комнате под спальной комнатой императора не позволял ему заснуть. В 3 часа утра кто-то постучал в дверь комнаты, где спал Сен-Дени: он открыл дверь и спросил, чего хотят стучавшие в дверь люди. Это были два жандармских офицера, которые хотели поговорить с герцогом Ровиго (Савари) и с генералом Беккером: Сен-Дени показал жандармам, где находятся комнаты этих господ. Император, который не мог заснуть, спросил Сен-Дени, что случилось, и тот объяснил причину шума. Вскоре после этого наши кареты, задержанные у городских ворот Ньора для проверки паспортов, приехали в «Золотой шар» и подняли на ноги всю гостиницу. Император немедленно вызвал к себе генерала Гурго и спросил его, почему мы прибыли в Ньор с таким запозданием после приезда сюда самого императора. Генерал объяснил ему, что наши кареты,

остановленные в Сен-Мэксе, задерживали в гостинице все время, пока проверялись паспорта; только тогда генерал Гурго понял, что ни один из полученных нами паспортов не был заполнен. Генерал спешно стал заполнять паспорта, пока кто-нибудь не пришел за ними. Последовавшая официальная проверка паспортов отняла у нас два часа, почти лишив нас скудного завтрака.

Императору рассказали, как жандармский полковник Буржуа, узнав генерала Гурго, поспешил вместе с генералом Сольньером предложить свои услуги императору. Префект города, г-н Буш, узнавший о присутствии императора в Ньоре, немедленно нанес ему визит, предложив здание префектуры в его распоряжение, а также свою карету, стоявшую во дворе гостиницы, для переезда в префектуру.

Вскоре новость о приезде императора распространилась по всему городу; 2-й гусарский полк получил команду: «По коням!»; повсюду господствовало состояние восторженного волнения, которое изменило решение императора покинуть город в то же утро, как он это планировал, и заставило его воспользоваться гостеприимством префекта и отдохнуть в его доме, поскольку он не смог этого сделать в «Золотом шаре».

Как только император приехал в префектуру, так сразу же улегся спать, но пока он спал, жители города проснулись и поспешили разделить радостное настроение двух полков, составлявших гарнизон Ньора. Все их разговоры касались только одного — просить императора возглавить армию бассейна реки Луары, находившуюся под командованием генералов Ламарка, Клозеля и Брайера, а также дивизию молодых гвардейцев.

Поскольку в моей карете хранилась значительная сумма денег, то я не хотел оставлять ее во дворе гостиницы и попросил лошадей, чтобы отвезти карету в префектуру. Поджидая лошадей, я прохаживался во дворе гостиницы, когда увидел генерала Лаллемана, приехавшего, чтобы присоединиться к императору. Удивившись тому, что я увидел его одного, я спросил его, как же это случилось, что с ним не было генерала де Лабудайера; генерал Лаллеман ответил, что тот, уступив нажиму со стороны семьи, остался в Париже, уверенный в том, что будут выполнены условия его сдачи врагу, и все, что говорил ему генерал Лаллеман, не могло изменить принятого им решения. После нашего разговора генерал Лаллеман отправился в префектуру, чтобы представиться императору. 48-часовая остановка императора в Ньоре позволила королю Жозефу присоединиться в этом городе к Его Величеству, так же как и графине Бертран. Приезд столь многих именитых людей в город Ньор вызвал у всех

местных жителей сильнейший энтузиазм. Бурные приветственные возгласы народа в честь императора каждый раз, когда он появлялся на публике, наполняло его вполне заслуженным чувством гордости. Император высоко отозвался о работе администрации в этом департаменте.

Все кареты свиты императора остались во дворе гостиницы, а карета императора и моя были перевезены в префектуру. Я ждал, когда император проснется, но он первым вызвал меня. Было 11 часов утра: генерал Лаллеман, только что прибывший из Парижа, ознакомил императора со столичными новостями, которые взбудоражили воображение императора, а король Жозеф, приехавший позднее в этот же день, еще больше возбудил его. Генерал Клозель[222] был готов присоединиться к участию в любом плане, имевшем в виду поход на Париж. Генерал Брайер доказал свою преданность императору, начиная от Лиона и на всем пути до Парижа в период возвращения императора с Эльбы, поэтому можно было рассчитывать на его сотрудничество; только генерал Ламарк[223] не проявлял особого энтузиазма.

В тот вечер в префектуре дали обед, на который были приглашены городские гражданские и военные власти; слышалась музыка оркестров различных полков, и собравшаяся у префектуры большая толпа людей распевала патриотические песни в честь императора; вечером город был иллюминирован. Тем же вечером в Рошфор был послан генерал Гурго, чтобы выяснить, возможно ли было, покинув устье реки Жиронды, избежать встречи с британскими крейсерами, совершив плавание на легком корабле через судоходное русло Момассон, чтобы подплыть в море к американскому кораблю. Король Жозеф уверял, что в этом случае помощь капитана американского корабля будет гарантирована.

Возвращаясь в свою спальную комнату в этот вечер, император сказал мне, что он подумывал о том, чтобы направить меня в Рошфор, где я бы стал поджидать его, но решил, что я все же покину Ньор вместе с ним на следующий день. Вечер в префектуре продолжался до 11 часов; когда он ложился спать, император приказал мне явиться к нему в 3 часа утра с тем, чтобы сесть в кареты в четыре.

Воспользовавшись пребыванием императора в Ньоре, генерал Беккер направил следующую докладную записку правительству:

> *Для того чтобы ускорить мой доклад временному правительству, я информирую его, направив специального курьера, о том, что император приехал в Ньор уставшим и весьма озабоченным судьбой Франции.*
>
> *Не будучи узнанным в дороге, император был очень*

тронут заинтересованностью, с которой люди расспрашивали о нем в течение всего пути. Выражение большого интереса к нему заставило его заявлять несколько раз: «Правительство не знает настроения людей во Франции. Правительство слишком стремилось поскорее отправить меня из Парижа, и, если бы оно приняло мое предложение, положение дел стало бы совсем другим: я по-прежнему мог бы оказывать от имени нации огромное влияние на решение политических вопросов, поддерживая переговоры правительства с армией, для которой мое имя служило бы объединяющим лозунгом».

Прибыв в Ньор, Его Величество был информирован Рошфорским морским префектом, что, удвоив количество своих крейсеров и усилив свою бдительность, начиная с 29 июня британская эскадра сделала невозможным любой выход французского корабля с императором на борту в открытое море. В этих условиях император хотел бы, чтобы морской министр уполномочил капитана фрегата, на который сядет император, связаться с командиром британской эскадры в том случае, если чрезвычайные обстоятельства сделают этот шаг обязательным, как в основном ради личной безопасности императора, так и для того, чтобы избавить Францию от боли и стыда при виде того, как забирают императора из его последнего пристанища и передают в руки его врагов.

Учитывая эти трудные обстоятельства, мы с нетерпением ожидаем новостей из Парижа. Мы надеемся, что столица защитит себя и что враг даст вам время для того, чтобы увидеть исход переговоров, которые ведут ваши послы, и для того, чтобы укрепить армию, способную прикрыть Париж. Если в этой ситуации британские крейсера воспрепятствуют фрегатам отплыть от берегов Франции, то вы можете призвать императора на службу в армии в чине генерала, так как он озабочен только тем, чтобы быть полезным родине.

Подписано: Генерал-лейтенант граф Беккер.

3 июля в 4 часа утра император поблагодарил префекта Ньора за его сердечное и искреннее гостеприимство, занял свое место в карете и двинулся в путь, сопровождаемый взводом 2-го гусарского полка, галопом следовавшего рядом с дверью кареты под командованием своего офицера. Его Величество был не в состоянии избежать восторженного приема со стороны местных жителей и за пределами города, приветствовавших его

возгласами: «Да здравствует император!» — но как только мы проехали несколько лье от города, он не захотел и далее следовать с эскортом гусаров; поблагодарив офицера и весь взвод, выдал каждому гусару по золотому наполеону.

Вскоре после полудня того же дня император подъехал к зданию субпрефектуры Рошфора; кареты под командованием графа де Монтолона прибыли в город этой ночью, а на следующий день, 4 июля, вся свита императора собралась вместе. 5 июля также прибыл король Жозеф.

Находясь в этом городе, император оставался в гражданской одежде, но жители города вскоре узнали о его прибытии, и самые восторженные демонстрации горожан стали свидетельством горячих чувств, испытываемых народом по отношению к императору. Жители города, собравшиеся под окнами императора, ждали момента, чтобы увидеть его и выразить свои чувства любви к нему и скорби. Император несколько раз выходил на балкон своих апартаментов, и каждый раз толпа народа приветствовала его с неослабным энтузиазмом. Император сохранял хладнокровие, и казалось, что ему безразлично, что происходит вокруг него.

В этом городе герцог Ровиго сумел пустить в обращение 100 000 франков в чеках, которые он имел на счету императора, обменяв их на золотые монеты. Я же заказал двенадцать поясов из оленьей кожи, чтобы распределить между ними 100 000 экю[224] золотом, составлявшие нашу казну, которую таким образом стало легче переносить с собой двенадцати членам окружения императора.

Его Величество узнало в Рошфоре, что временное правительство отказало ему в той мебели, которую он просил, и что библиотекарь императора г-н Барбье не смог получить разрешения на отправку ему его Трианонской библиотеки. К императору пришли делегации от городов и от армии с мольбой не покидать их. Император ответил, что теперь это уже слишком поздно; его советы, мнение и служба были с презрением отвергнуты, враг уже находился в Париже, и его вмешательство означало бы, что к вражескому вторжению на территорию страны добавились бы ужасы гражданской войны. Конечно, он мог, опираясь на гарнизон Экса, усиленный войсками, находившимися в Рошфоре, принять приглашение генералов Ламарка и Клозеля. Но это решение не принесло бы пользы родине; оно могло быть выгодным только для него лично. Но его патриотизм слишком велик, чтобы заниматься своей личной персоной, когда столько невзгод готово выпасть на долю Франции. Император попросил гофмаршала записать имена тех армейских офицеров, которые

составили пришедшую к нему делегацию, а также тех депутатов города, которые подобным же образом явились к нему, чтобы выразить свою преданность и извинения.

Телеграф между Рошфором и Парижем постоянно работал в течение тех пяти дней, когда император находился в этом городе. На императора оказывался нажим, чтобы он сел на корабль. Военно-морской флот не отставал от армии в своих предложениях помочь Его Величеству избежать наблюдения британских крейсеров. Свою помощь предложил капитан Воден. Капитан Бессон, командовавший датским кораблем, предложил себя в полное распоряжение императора, обещая отвезти его в Соединенные Штаты и спрятать его на своем корабле так, чтобы все поиски британских крейсеров не увенчались успехом; но всю эту затею император считал недостойной себя.

8 июля император выехал из Рошфора и проследовал в Фурас, чтобы взойти на борт фрегата «Заале», которым командовал капитан Филибер; все жители города выстроились вдоль дороги, по которой следовал император, дружно провозглашая в его честь только одну здравицу: «Да здравствует император!» В 10 часов вечера император был на борту фрегата.

9 июля он покинул корабль, чтобы осмотреть фортификации острова Экс, где был встречен с огромным энтузиазмом населением острова и его гарнизоном. Затем он вернулся на борт фрегата, чтобы позавтракать. 10 и 11 июля император не покидал фрегата; он послал герцога Ровиго (Савари) и графа де Лас-Каза выяснить, прислана ли охранная грамота, обещанная временным правительством, чтобы он мог проследовать в Соединенные Штаты. Эти господа удостоверились в том, что охранные грамоты для императора и его сопровождения не высланы и что французские фрегаты будут атакованы, если попытаются выйти в открытое море. Они сообщили императору, что если он пожелает отправиться в Англию, то капитан «Беллерофонта» заверил их, что императору на борту этого корабля будет оказан радушный прием. После этой беседы представителей императора с капитаном «Беллерофонта» британский корабль приблизился вплотную к нам и бросил якорь на рейде Баск. Охранные грамоты все еще не прибыли, и стало очевидно, что они хотели, чтобы Его Величество сдался сам по собственной воле.

В Рошфор только что прибыл караван фургонов с имуществом императорского обслуживающего персонала, во главе которого был Шовен, управляющий службой обслуживания, а с ним большое число мужчин-слуг. Шовен поднялся на борт «Заале», чтобы получить указания от гофмаршала и попросить денег на оплату конюхов и на урегулирование расходов,

понесенных в пути из Парижа в Рошфор. Средства на транспортировку такого большого количества вещей отсутствовали, император сам нуждался в деньгах, и поэтому Шовену было сказано, чтобы он распродал привезенные вещи и из вырученной суммы взял деньги, необходимые для выдачи людям.

12 июля император покинул «Заале» и решил остановиться на острове Экс, где ему предложили самые различные способы, чтобы ускользнуть от англичан. Императора с энтузиазмом приветствовали жители острова, заполнившие его берег. Официальные депеши из Парижа предлагали императору немедленно покинуть Францию из-за опасения возможных самых неблагоприятных последствий; с другой стороны, жители острова просили его остаться на острове, заявляя, что они защитят императора от его врагов.

Король Жозеф, который всегда был предан императору, приехал 13 июля на остров, чтобы предложить самому сдаться англичанам под видом Его Величества и тем самым дать императору возможность ускользнуть от англичан. Император обнял его и отверг его предложение, попрощавшись с ним при этом и попросив позаботиться о собственной безопасности.

К гофмаршалу пришли молодые морские офицеры и предложили, чтобы император сел на береговой шлюп: это были г-да Жантиль, Дюре, Поттье, Сали и Шатонеф. Все они ручались, что смогут проскользнуть между британскими крейсерами, оставшись ими не замеченными. Император был тронут такой преданностью ему и в какой-то момент решил довериться их мужеству и разделить вместе с ними их рискованное мероприятие. На борт шлюпа были перенесены некоторые личные вещи императора. Но у этого шлюпа был недостаток, который заключался в том, что из-за нехватки воды и провизии он был бы вынужден остановиться где-то на побережье. Этот план не стали реализовывать, личные вещи императора разгрузили обратно с этого шлюпа. Датский корабль под командованием капитана Бессона представил гораздо лучший шанс: граф Бертран и герцог Ровиго (Савари) отправились на корабль. Туда были доставлены провизия, оружие и некоторые личные вещи императора; было назначено время отплытия, но оно не наступило, так как уже были приняты другие решения.

14 июля на борт «Беллерофонта» были посланы граф де Лас-Каз и генерал Лаллеман. Капитан «Беллерофонта» Мэтленд сообщил им, что им получены приказы взять на борт корабля Наполеона и его свиту и оказать им самый радушный прием со всеми подобающими сану императора почестями. Эти господа вернулись к императору и доложили Его Величеству о

результатах своей миссии. Капитан Мэтленд не гарантировал, что императору и его людям будут выданы паспорта в Америку. Перед этой встречей генерал Лаллеман был направлен в устье реки Бордо, чтобы обеспечить там проход корабля.

В Рошфоре попусту была потеряна масса времени, и задержка в пребывании там могла быть отнесена за счет неопределенности указаний со стороны временного правительства, за счет продолжительного ожидания паспортов, из-за неблагоприятных ветров и из-за блокады британскими кораблями выхода в открытое море.

Если бы император был один, он бы не колебался сделать выбор; еще в Ньоре он заявил: «Как только появится Маршан, я сразу же поеду в Рошфор и сяду на первый же корабль, который найду, и отправлюсь в Америку, а уже потом все остальные мои люди могут добраться туда вслед за мной и присоединиться ко мне». Отказавшись в силу различных обстоятельств от реализации этого решения, император оказался вынужденным заниматься своими людьми, обремененными семьями, в результате чего он сам проявил нерешительность. Прежде чем принять окончательное решение, император пожелал посоветоваться с людьми, наиболее близкими к нему: он собрал их вместе и представил на их обсуждение вопрос, должен ли он сдаться англичанам; в ответ он выслушал несколько мнений. Один из свидетелей этого совещания рассказал мне, что граф де Лас-Каз, герцог Ровиго (Савари) и граф Бертран со свойственными им чувствами лояльности и великодушия, поставив себя на место британского кабинета министров, посчитали, что Его Величество будет принят с уважением, подобающим достойному противнику, ставшему жертвой превратностей судьбы. Другие, а именно генералы Лаллеман, Монтолон и Гурго, не разделяли этого мнения: менее уверенные в готовности англичан проявить гостеприимство, они советовали императору не сдаваться англичанам и просили Его Величество не принимать подобного решения.

Генерал Лаллеман, которого император посылал в Ла-Рошель, заявил, что в устье реки Бордо находятся несколько судов без парусов, капитаны которых готовы предложить свои услуги, заявляя при этом, что смогут пройти незамеченными между британскими кораблями: все наперебой соперничали за право добиться чести спасения императора и за то, чтобы отвезти его в Америку. Генерал Лаллеман беседовал с капитанами этих судов, людьми очень смелыми. Император легко мог добраться до них сухопутным путем: требовалось всего лишь обмануть следивших за нами людей. Для этого императору следовало

притвориться больным. Чтобы это выглядело более правдоподобным, императору нужно было только оставить после своего отъезда Маршана, который бы отвечал в течение 24 часов на вопросы относительно заболевания императора. Генерал Лаллеман был уверен, что он сможет переправить императора сухопутным путем в Сент и посадить его на борт судна до того, как кто-либо узнает о его побеге. Этот план подвергся бурному обсуждению, и его противники одержали верх. Император вернулся в свою комнату, сказав сопровождавшему его гофмаршалу: «Опасность всегда присутствует тогда, когда приходится отдаваться в руки врагов, но лучше пойти на риск, доверившись их чести, чем попасть в их руки в качестве законного пленника».

Это перетягивание каната, которому император подвергался в течение нескольких дней, наконец закончилось, и фатальное решение императора отдаться в руки англичан было принято. Никто тогда ничего не знал об острове Св. Елены. Граф Бертран рассказал мне, что во время этого совещания генерал Лаллеман был единственным человеком, который всеми силами своей души противился этому решению.

Решение императора отдаться в руки англичан в основном приписывалось влиянию на него со стороны графа и графини Бертран. Графиня Бертран не скрывала своего желания, чтобы император отправился в Англию, и она никогда не сомневалась в том, что он будет там принят с почетом и со всей пышностью, соответствующей коронованной особе. Она придерживалась подобного мнения благодаря благородству своей души, а также потому, что чувствовала себя вдохновленной громкой славой императора. Она оказала мне честь, поделившись со мной этими чувствами, но они не имели никакого влияния на решение, принятое Его Величеством. На острове Святой Елены, перелистывая страницы небольшой книги под заголовком «Воспоминания госпожи Дюран» (дамы, находившейся в составе свиты императрицы Марии Луизы,) император прочитал в этой книге высказывание об особой роли графини Бертран в истории выдачи императора англичанам: он взял карандаш, отметил параграф с этим высказыванием и написал: «Неправда». Я уже упоминал о том, что люди, которых он мог считать своими близкими друзьями, такие, как герцог Виченцский (Коленкур) и граф де Лавалетт, давали ему точно такой же совет в Елисейском дворце, перед его отъездом из Парижа; тот же самый совет ему давали и другие люди. Необходимость расстаться с большой свитой в том случае, если бы он сделал иной выбор, возможно, тоже повлияла на принятое им решение.

Приняв его, император написал следующее письмо принцу-регенту Англии, которым будут вечно восхищаться и которое покроет позором британское правительство того времени:

> *Ваше Королевское Высочество, являясь жертвой борьбы партий, раздирающей мою страну, и жертвой вражды великих держав Европы, я завершил свою политическую карьеру; я, подобно Фемистоклу, пришел к очагу английского народа. Я отдаю себя под защиту его законов, которую я прошу у Вашего Королевского Величества, как наиболее могущественного, наиболее непоколебимого и наиболее великодушного из всех моих противников.*

Генерал Гурго, которому было поручено вручить это письмо английскому принцу-регенту, взошел на борт английского крейсера: его сопровождал граф де Лас-Каз, который сообщил капитану «Беллерофонта», что на следующий день, 15 июля, на борт корабля прибудет император.

И действительно, на следующий день, в 6 часов утра, бриг «Ястреб», плывший под белым флагом перемирия, принял императора на борт и перевез его к «Беллерофонту». Лица всех французских моряков выражали глубокую скорбь, и, когда британская командирская шлюпка приблизилась к бригу, чтобы забрать на свой борт императора, можно было слышать самые душераздирающие возгласы: французские офицеры и матросы с отчаянием в душе наблюдали за сценой, как Его Величество вручает свою судьбу великодушию нации, чье вероломство им было хорошо известно. Попрощавшись с французской командой и бросив прощальный взгляд в сторону прекрасной Франции, от чьей судьбы он отрекался, император сел в британскую командирскую шлюпку. Возгласы «Да здравствует император!» вперемежку с громкими рыданиями сопровождали императора до тех пор, — пенса он не прибыл на борт «Беллерофонта». Отчаяние, охватившее французских моряков, было столь сильным, что некоторые из них рвали на себе волосы, а другие в ярости сбросили с себя шляпы и топтали их ногами.

К сожалению, император не воспользовался услугами французского фрегата «Медуза», отдав предпочтение фрегату «Заале»; капитаны этих двух фрегатов обладали разной степенью решительности. Капитан фрегата «Заале», человек, обладавший сухим характером, был лоялен Бурбонам и не собирался ничего предпринимать для спасения императора. Капитан фрегата «Медуза», с другой стороны, был переполнен чувством преданности делу бонапартизма. Его девизом было: «Спасти

императора или умереть за него». Он самым серьезным образом рассматривал возможность нападения на «Беллерофонт» силами обеих французских фрегатов, чтобы дать возможность бригу «Ястребу» выйти с императором в открытое море. Этот благородный поступок был еще возможен в тот день, когда император взошел на борт брига «Ястреб», но на следующий день присутствие на бриге адмирала Отама сделало это невозможным. Узнав о решении императора сдаться англичанам, добрый капитан Пене воскликнул: «Ах, ах! Почему он не сел на мой корабль, выбрав для этого «Заале»! Я бы прорвался с ним, несмотря на британские крейсера. И в какие же руки, он отдает себя! Кто мог дать ему подобный жестокий совет?

Эта нация представляет собой не что иное, как сплошное вероломство! Бедняга Наполеон, с тобой все кончено, ужасное предчувствие говорит мне об этом!»

Когда император покидал бриг «Ястреб», генерал Беккер подошел к Его Величеству и спросил его, должен ли он сопровождать его на борт «Беллерофонта». Император ответил ему: «Ничего подобного не делайте, они обязательно скажут, что вы передаете меня в руки англичан». Генерал схватил руку императора, который протянул ее ему, покрыл ее поцелуями и, подняв глаза, полные слез, сказал: «Сир, будьте более счастливыми, чем мы все!»

Книга вторая
Святая Елена

Предисловие ко второй книге

В память о ЖАНЕ БУРГИНЬОНЕ, Члене Института, Великом Офицере ордена Почетного Легиона, главном кураторе Наполеоновских музеев, президенте административного совета музея Армий, моем наставнике и друге

Жан Бургионьон скончался, не закончив эту работу. Людям его уровня незнаком покой, они работают без отдыха и умирают, все еще занимаясь своими трудами, не завершив дел, границы которых еще только предстоит определить.

Проявляя безграничный интерес буквально ко всему, восхищенный всем, что имеет отношение к исторической науке, очарованный наполеоновской эпопеей, художник и писатель Жан Бургиньон посвятил жизнь Мальмезону и его обитателям, от самых низших его представителей до самых знаменитых. Именно ему Франция обязана самым восхитительным из ее дворцов, самым «живым» и волнующим из всех ее исторических музеев.

Я удостоился большой чести работать с ним бок о бок и мог из первых рук пользоваться его обширными знаниями, его легендарной добротой, равной только его бескорыстию, его благородству и его умению прощать.

Политическая жизнь, знание о которой он получал в кругу великих или так называемых великих, научила его разбираться в людях. Он судил их, не прибегая к суровости, со свойственным ему добродушием и милосердием, которые придавали такое очарование его беседе. Но, возможно, служебная деятельность выработала у него естественное умение обходить препятствия, которые лежали на пути к достижению его цели — добиваться благосклонности коллекционеров ради его любимого музея. Некоторые из них, вручив дар Мальмезону, считали себя в долгу перед добрейшим куратором, который обратился к ним и позволил им быть ему полезным.

Являясь главным куратором Наполеоновских музеев, той руководящей и направляющей силой, бывшей основой всей деятельности по сохранению и поддержанию порядка основных национальных дворцов, членом института и тем самым человеком, который заботился о будущем музея армии, Жан Бургиньон осуществлял свою работу в соответствии с тем колоссальным видением перспективы, на которое были способны

его незаурядный интеллект и разносторонние знания. Несмотря на все это, он никогда не предавал забвению яркие подробности, на которые он обращал внимание, благодаря безошибочному вкусу к прекрасному и желанию описывать людей и события по возможности предельно точно.

Именно поэтому характер Маршана, его интеллект, его прямота, его честность и — превыше всего — его лояльность к низложенному императору привлекли Жана Бургиньона.

В память о кратком пребывании Наполеона в Мальмезоне перед отъездом в Рошфор и о его трагической судьбе Жан Бургиньон собрал для музея трогательные памятные сувениры о Наполеоне, о его жизни в неволе и о возвращении во Францию его тела. Все это он сделал до того, как предложил общественности две волнующие и объемные работы: «Прощание с Мальмезоном» и «Возвращение праха». Он также хотел, чтобы благородная фигура Маршана, которого умирающий император считал своим другом, нашла свое памятное отражение в том последнем дворце, в котором Наполеон жил во Франции.

Граф Демазиер-Маршан, внук душеприказчика завещания императора, пошел навстречу пожеланиям куратора Мальмезона, предложив музею не только бесценные памятные сувениры об императоре, но также и вещи, имевшие отношение к его дедушке. Лично Жану Бургиньону он доверил мемуары, которые верный императору Маршан написал для своей дочери, чтобы «лучше научить тебя», как писал Маршан, «и потом твоих детей тому, что значил для меня император, лучше представить тебе этого человека, бывшего арбитром для королей, одинаково великим и и период невзгод и на троне, когда он правил Европой, и чтобы рассказать тебе о его ссылке, смерти на скале Св. Елены».

Публикация этих мемуаров была своего рода достижением, венчавшим карьеру Жана Бургиньона. Жан Бургиньон опубликовал первый том, в котором излагаются события, происходившие на острове Эльба и в период «Ста Дней». В замечательном и основательном предисловии, которое служит вступлением к первой книге, Жан Бургиньон создает живой портрет Маршана и подготавливает читателя к тому, чтобы он обнаружил в повествовании преданного императору камердинера если не «сенсационные открытия», то, по крайней мере, точные факты, остававшиеся неясными или искаженными — в зависимости от пристрастий свидетелей и авторов мемуаров.

Жан Бургиньон был намерен представить общественности основную часть мемуаров Маршана, которая касается периода неволи императора, когда смерть настигла его врасплох, образно говоря, с пером в руке над чистым листом бумаги. Рукопись

Маршана и задачу ее опубликования он оставил своей дочери, г-же Ролан Елен Рук-Бургиньон. Мужественная молодая женщина видела в решении этой задачи свою священную обязанность, несмотря на скорбь, горе и все трудности, вставшие перед ней из-за почти одновременной потери горячо любимых отца и матери.

Поскольку я был коллегой ее уважаемого отца, г-жа Елен Рук-Бургиньон попросила меня завершить его работу. Я воспринял этот знак оказанного мне доверия с законной гордостью, в то же время не смея претендовать на то, что смогу заменить этого выдающегося человека.

Мемуары, которые Маршан посвящает описанию событий на острове Св. Елены, являются наиболее важными и наиболее увлекательными. Они состоят из пяти частей.

В первых трех частях читатель знакомится с событиями, начиная с момента посадки императора на борт «Беллерофонта» до непрерывных распрей Наполеона с Хадсоном Лоу, его тюремщиком, пока болезнь и добровольное затворничество не ослабили физическое сопротивление неукротимого пленника.

Последние две части посвящены последним минутам жизни императора и его кончине. Предсмертные часы жизни императора изложены в особенно подробной, точной и трогательной манере.

Маршан фактически ежедневно вел свои записи, которые объединены в единое повествование, всегда скрупулезно точное и увлекательное. Они заставляют читателя затаить дыхание и сообщают ему подробности, до сих пор неизвестные. Скромный камердинер говорит только правду: он описывает то, что делал, что говорил, что слышал, не претендуя на то, чтобы кого-то судить. Граф де Лас-Каз, гофмаршал, генералы Гурго и Монтолон и графини Бертран и Монтолон самым естественным образом оживают на страницах его повествования. Маршан воздерживается от комментариев по поводу отношений между ними и даже по поводу их отношения к императору. Если же он жалуется на решения англичан, то лишь только потому, что они негативно сказывались на физическом и моральном состоянии императора, принося ему страдания. Сам подвергаясь дурному обращению со стороны Хадсона Лоу, Маршан опасается, что его могут выслать на мыс Доброй Надежды, потому что в этом случае он вынужден будет покинуть императора и не сможет ухаживать за ним. Но он никогда не жалуется на усталость или на недосыпание, вызванные теми последними месяцами его почти беспрерывной заботы о прославленном человеке, ставшем инвалидом.

Его любовь, его преданность, его смысл жизни — все это вращается вокруг личности императора, чьи слова он тщательно

записывает. Он тут же заносит их в свой дневник и мы, благодаря этому, можем слышать краткие и точные фразы, выражающие то глубокие, мудрые мысли, то безжалостный здравый смысл.

Однако мемуары Маршана в действительности высвечивают для историков проблемы, которые ждут своего тщательного исследования. Рассказ о «Ста Днях» и об острове Св. Елены не может считаться полным, пока британские архивы не будут изучены французскими специалистами. Увлекательная, восхитительная, возможно, многообещающая «таинственная история» этого периода, над которым Маршан лишь слегка приоткрывает завесу, пока остается в тени: намерения союзников и их поведение в отношении Наполеона в его бытность монархом Эльбы; какую роль Киприани и его агенты играли в Вене; тайные связи между Эльбой и континентом; шпионская сеть в Ливорно; события и полученная информация, приведшие императора к отъезду с острова Эльба; «Полет Орлов» и королевская армия и т. д., не говоря уже о тайных замыслах герцога Фельтрского (Кларка) в Генте, действии полиции Фуше и поведении графини Бертран и ее семьи в мае и июне 1815 года.

С другой стороны, мы теряемся в догадках, пытаясь оправдать решение Наполеона отдать себя в руки англичан. «Как только появится Маршан, — говорит император в Ньоре, — я сразу же поеду в Рошфор и сяду на первый же корабль, который будет готов к отплытию в Америку, а уже потом остальные смогут добраться туда вслед за мной и присоединиться ко мне». Это явное решение, почти приказ. Но после совещания на острове Экс он говорит Бертрану: «Опасность всегда присутствует тогда, когда приходится отдаваться в руки врагов, но лучше пойти на риск, доверившись их чести, чем попасть в их руки в качестве законного пленника». Что же произошло между первым и вторым заявлением императора? Очевидно, что в Англии хранятся некоторые секретные документы, проливающие свет на эту загадку.

Даже находясь на острове Св. Елены, император, судя по всему, был гораздо лучше информирован, чем это обычно считается, о том, что происходило на острове и даже в Европе. В Джеймстауне или где-то еще существуют «почтовые тайники». Киприани, к которому Гурго испытывает ревность, повторяет свою роль шпиона: у него имеются контакты среди жителей острова Св. Елены, среди моряков… Маршан, который для императора значил гораздо больше, чем просто дворецкий, вызывает у нас интерес, Маршан пробуждает у нас желание узнать больше об этом человеке.

Сантини ждет своего историка, который рассеял бы туман,

окутывавший его легенду. Пребывание Сантини в Лондоне представляется по меньшей мере странным… Все ли было рассказано об уполномоченных представителях и их круге? Об О'Мире? Об офицерах в Дедвуде? О визитах к графине Бертран, которую император некоторое время избегал? Об отношениях «французов Лонгвуда» с некоторыми ведущими гражданами острова, например с г-ном Давтоном, рыцарем ордена Бани, землевладельцем и мировым судьей острова Святой Елены, которого в письме от 13 января 1826 года, генерал Бертран называет своим «уважаемым другом»? В равной степени необъяснимо поведение кардинала Феша по отношению к семье императора, проживавшей в Европе, за исключением Полины.

Но архивов, касающихся неволи Наполеона на острове Св. Елены, не существует; кто возьмет на себя обязанность создать их? Подобно документам, памятные сувениры Святой Елены разбросаны по всему свету; кто возьмет на себя труд основать музей Святой Елены?

Мемуары Маршана завершают список документальных повествований, написанных компаньонами Наполеона на Святой Елене. Они последовали за «Мемуарами» графа де Лас-Каза, «Дневником» генерала Гурго, мемуарами Антоммарки, «Воспоминаниями» мамелюка Али (опубликованными профессором Ж. Мишо) и частью дневника генерала Бертрана, «Тетради острова Святой Елены» (том I: январь — май 1821; том II: 1816–1817), расшифрованной и аннотированной Полем Флерио де Ланглем.

Охватывая все время неволи императора, написанные человеком, отличавшимся мужеством, здравым смыслом и замечательным умом — тем, кто был наиболее искренним, скромным, бескорыстным, преданным и лояльным среди всего окружения плененного императора, — мемуары Маршана, в которых отражены все его замечательные человеческие качества, представляют собой авторитетную работу.

В заключение я хочу выразить мою сердечную и почтительную благодарность г-же Ролан Елен Рук-Бургиньон за то доверие, которое она оказала мне, и за дружбу, которой она удостоила меня.

Я благодарю моего друга Рене Варена, культурного атташе во французском посольстве в Лондоне, поставившего перед собой цель пропагандировать на другой стороне Английского канала все то, что ассоциируется с величием Франции; ни одна просьба любого историка или исследователя к г-ну Рене Варену не остается неудовлетворенной. Я благодарю Жоржа Могина, с

которым всю жизнь поддерживаю дружбу, эрудированного историка наполеоновской эпопеи и автора многих прекрасных, основательно документированных и ярких работ; Алэна Деко, хорошо известного историка, чья ответственная работа, к сожалению, обязала его находиться от меня вдалеке во время публикации этих мемуаров; г-жу Мадлен Тартари, библиотекаря в Национальной библиотеке, чья доброта и компетентность во всех вопросах, касающихся наполеоновской эпопеи, прослыли легендарной и которая предложила взять на себя задачу составить указатель собственных имен в этих мемуарах; г-на ван дер Кемпа, главного куратора Версальского музея, и его коллегу, мадемуазель Ланглуа; благодаря им мемуары Маршана иллюстрированы неопубликованными документами; подполковника Сантини, военнослужащего медицинского корпуса, неистощимого источника информации о корсиканских знаменитостях и знаменательных историях этого острова, историка корсиканских полков и батальонов; г-жу Севестр, д-ра Жана Дельмара и правнучатых племянников и племянниц преданного императору Курсо, дворецкого императора на острове Святой Елены; д-ра Руйе де Витю (Гана), место рождения Сурсо; Марка Труда, полковника медицинского корпуса, историка генерала Баклера д'Альба; г-на Шарля Майара, знатока потомков Маршана; моего друга Жака Арнна, эксперта по автографам и объективного критика; Марка-Андре Фабвра, видного документалиста, директора библиотеки военного министерства; майора Шалмена, сотрудника исторического архива; Жана-Клода Дево, архивариуса и библиотекаря армейской исторической службы; Андре Камбьера, куратора административного архива военного министерства; полковника Варрьера, доброго и знающего администратора выставки «Наполеон на острове Святой Елены», организованной в Доме инвалидов, г-на Доминика Паоли; и всех тех, кто помогал мне в этой порученной мне трудной работе.

Проктор Джонс

Часть III
Плавание, прибытие, обустройство

Глава десятая

Император на борту «Беллерофонта» — Торбей — Плимут — Наполеон-пленник — Придирки — «Нортумберлэнд» — К Святой Елене

Когда император прибыл на борт «Беллерофонта»[225], его на верхней ступеньке лестницы встретил граф де Лас-Каз, который представил императора капитану Мэтленду[226]. Солдаты, находившиеся на корабле, стояли под ружьем, а весь экипаж корабля выстроился для встречи императора. «Я пришел, — заявил император капитану Мэтленду, — чтобы отдать себя под защиту британских законов». Капитан ответил ему низким поклоном и провел его вниз в свою каюту, где через несколько минут императору были представлены офицеры корабля. Графини Бертран и Монтолон, а также их дети оставались на палубе; затем их провели в их каюты. Император зашел в предназначенную для него каюту, а затем вновь появился на палубе. Капитан Мэтленд предложил императору осмотреть корабль, на котором поддерживались превосходный порядок и идеальная чистота. Бриг «Ястреб», доставивший нас, был готов к отплытию. Прежде чем он отплыл, гофмаршал передал капитану брига следующее письмо для генерала Беккера:

> *15 июля 1815. Мой дорогой генерал, мы прибыли на борт британского корабля. Мы можем сказать только добрые слова по поводу оказанного нам приема на корабле и хотим поблагодарить вас за проявленную к нам постоянную заботу. Прошу передать мадам Мер и принцессе Гортензии, которые должны быть около Парижа, что император находится в добром здравии. Прошу также информировать об этом и принца Жозефа, который должен быть около Рошфора.*
>
> *Я передал вам копию письма, которое император написал британскому принцу-регенту. Думаю, нет необходимости напомнить вам, чтобы вы никому не показывали это письмо, по крайней мере, в течение ближайших двух недель. Вы понимаете, насколько это было бы неуместно, если бы оно стало известным до*

того, как его опубликуют британские газеты.
Прошу принять мои заверения и т. д.
(подпись) Бертран.

В этот полдень, когда мы плыли по направлению к Англии, мы увидели, как к нам приближался британский военный корабль «Величественный» под командованием адмирала Отама[227], который отдал приказ «Беллерофонту» спустить якорь, а сам привел свой корабль вплотную к «Беллерофонту». Этот высокопоставленный офицер немедленно перешел на борт нашего корабля, чтобы нанести визит императору и попросить его оказать ему честь посетить его корабль и принять участие в легком завтраке. Император, поговорив с гостем некоторое время, заявил ему, что принимает его приглашение.

На следующий день, когда император вышел из своей каюты, чтобы отправиться на борт «Величественного», он увидел, что моряки стояли под ружьем. Остановившись перед ними, он попросил их проделать некоторые упражнения с оружием, включая скрещивание штыков, что они четко исполнили. Император, приблизившись к одному из матросов, с силой потянул ствол ружья книзу, чтобы испытать физическую силу матроса. Не обнаружив у него достаточного сопротивления, император выхватил у матроса ружье и, к большому удивлению всех присутствовавших, продемонстрировал, как следует крепко держать ружье.

Когда император прибыл на адмиральский корабль, весь его экипаж выстроился в парадной одежде для встречи императора, а солдаты стояли под ружьем. На своем корабле адмирал Отам оказал императору почести, соответствовавшие коронованной особе. Сен-Дени, сопровождавший императора, рассказал мне, возвратившись на борт «Беллерофонта», что прием по своему уровню был в высшей степени монаршим. Император во время визита держался очень любезно по отношению к адмиралу и, покидая корабль «Величественный», поблагодарил его за искренний и сердечный прием.

В тот же вечер мы вновь продолжили плавание к берегам Англии. Такое явное усердие англичан угодить нам вселило в нас надежду, что в Англии нас ждет прием не хуже. Но, увы, нам предстояло столкнуться с совершенно иным приемом.

Офицеры императорской свиты были размещены в каютах первой артиллерийской батареи. Императору была предоставлена большая каюта в кормовой части верхней палубы; до размещения в ней императора она служила столовой и одновременно гостиной. Сейчас в ней каждую ночь спал один из адъютантов

императора, точно так же как и в Париже. Чтобы быть рядом с императором, я спал в его спальне, а Сен-Дени — снаружи, расположившись на полу поперек двери.

Граф де Лас-Каз служил в свое время морским офицером, и император часто вызывал его к себе, расспрашивая о курсе, по которому следовал корабль. Для него стало очевидным, хотя ветер и без этого был неблагоприятным и кораблевождение — трудным, что корабль плывет не так быстро, как предполагалось; причину этого нам еще предстояло узнать. Во время этого плавания император обратил внимание на то, что граф де Лас-Каз носит только орден Примирения. Император вручил ему еще крест ордена Почетного Легиона, сказав при этом, чтобы он носил его, если он еще признает за императором право исправить свою оплошность, не пожаловав ему этой награды ранее. Во время первых дней плавания император не был подвержен морской болезни, чего нельзя было сказать о его офицерах и его свите, которые почти все заболели ею с самого начала плавания. 24 июля, прибыв в Торбей в 8 часов утра, император узнал, что генерал Гурго не получил разрешения от британского адмиралтейства высадиться на берег Англии и что ему запрещена Любая связь с берегом. Этот генерал доложил о всем случившемся императору, который ничего хорошего не увидел в отказе разрешить его адъютанту лично вручить британскому принцу-регенту письмо, которое он имел при себе. Капитан корвета «Слейни»[228], на борт которого был перевезен генерал Гурго после того, как корвет бросил якорь в Торбее, информировал генерала, что он получил приказ не разрешать генералу связываться с берегом и что сам капитан вручит письмо, которое Гурго должен был отвезти в Лондон. Как бы сильно генерал ни протестовал, все равно он своего не добился; корвет «Слейни», на котором он находился под наблюдением, можно было рассматривать как находившийся в карантине до тех пор, пока в том же заливе не бросил якорь прибывший «Беллерофонт». Сразу же по прибытии капитан Мэтленд направил курьера лорду Кейту[229], который находился в Плимуте. Одеваясь после сна, император выглянул из иллюминатора своей каюты и, увидев очаровательные домики, разбросанные вдоль береговой линии, заявил, что был бы рад жить в одном из них в уединении под именем Мюирона, одного из своих адъютантов, убитого в тот момент, когда он своим телом прикрывал императора, или под именем Дюрока[230], к которому он питал самые теплые чувства. Один из владельцев домов, которые так понравились императору, послал Его Величеству фрукты. Покинув свою каюту, император направился на капитанский мостик в сопровождении графа де

Лас-Каза. Вокруг «Беллерофонта» собралось множество лодок с местными жителями, жаждавшими увидеть императора. Император, приблизившись к краю мостика, приветствовал их и в ответ услыхал возгласы одобрения. Несмотря на все эти благожелательные чувства местных жителей, им все же не удалось развеять зловещие предчувствия, охватившие наши души.

В ночь с 25 на 26 июля мы отплыли в Плимут, куда мы прибыли 26 июля, через десять дней после выхода из Рошфора и через двадцать семь дней после того, как покинули Париж. В Плимуте мы стали свидетелями гораздо большего скопления людей на небольших лодках. Море было буквально запружено ими на большом расстоянии от корабля. Несомненно, английские власти опасались интереса местных жителей к императору, в связи с чем был отдан приказ отгонять эти лодки подальше от корабля. Люди, которым вменили в обязанность выполнение этой задачи, взялись за дело с отвратительной жестокостью, не обращая внимания на возможные несчастные случаи, которые могли возникнуть при столкновении их лодок с лодками, переполненными мужчинами, женщинами и детьми, все они кричали от ужаса.

С момента появления императора на борту корабля с обеих сторон к двери каюты были приставлены два охранника; один из них, ирландец по рождению, выбрав минуту, когда он считал, что за ним не наблюдают, перекрестился, дав мне понять, что он католик, и шепотом сказал: «Святая Елена плохо для императора». Первый стюард капитана Мэтленда, бывший на берегу и вернувшийся на борт корабля, сказал мне то же самое. Я хранил эту печальную новость при себе, но верил в возможность депортации, слух о которой циркулировал еще на острове Эльба, поскольку это было идеей Венского конгресса. В этот момент враги императора заходили еще дальше: на своем совете они обсуждали вопрос о том, не могут ли они передать императора в руки Людовика XVIII, чтобы тот насладился местью. Как говорят, свою страну от этого позорного поступка спас герцог Сассексский[231]. Мы старались прочитать судьбу, ожидавшую нас, на лицах тех, кто сходил на берег. Капитан Мэтленд, когда он вернулся на борт корабля, не мог скрыть охватившего его смятения и был чрезвычайно подавлен печальными новостями, которые он был обязан сообщить. Его молчание в ответ на каждый вопрос было слишком многозначительным, чтобы не ошибиться в истине. И если еще оставались какие-то иллюзии, то письмо леди Клаверинг[232] графу де Лас-Казу и информация, секретным образом полученная герцогом Ровиго (Савари), развеяли все сомнения относительно судьбы, которую союзные

монархи предназначали для императора.

Утром 27 июля рядом с нами бросил якорь фрегат «Евротас»[233]; немедленно стали распространяться слухи, что ближайшей ночью фрегату предстоит похитить императора. Императору было известно об этих ходивших слухах, но своим поведением он не дал никаких поводов для того, чтобы люди могли поверить в то, что он хотя бы немного принял на веру подобную вероломную сплетню. Более того, он, казалось, не сомневался в своем доверии британской справедливости. В тот же день капитан Мэтленд сообщил гофмаршалу, что он только что получил приказ переправить на борт фрегата «Евротас» всех офицеров, которые не имели отношения к личному персоналу императора. Это решение британского кабинета министров должно было быть объявлено лордом Кейтом в течение дня; тревожное состояние все более охватывало нас. Лорд Кейт, действительно, прибыл на борт «Беллерофонта» 28 июля с получасовым визитом к императору, но это был визит вежливости, и лорд Кейт ни словом не обмолвился о намерениях британского правительства. И только через три дня, 31 июля, этот адмирал и заместитель государственного секретаря Банбери[234] прибыли на борт «Беллерофонта» и просили чести быть принятыми императором. Они были представлены императору, оставались с ним около тридцати минут и ушли, оставив на столе следующее официальное заявление британского правительства, после того как устно сообщили ему перевод этого документа:

«Так как представляется целесообразным, чтобы генерал Бонапарт знал, без какой-либо дальнейшей задержки, о намерениях британского правительства относительно его личности, то ваша светлость (адмирал Кейт) сообщает ему следующую информацию:

Нашему долгу по отношению к нашей стране и к союзникам мало бы соответствовало то обстоятельство, что генерал Бонапарт сохранит средства или возможность вновь нарушить мир в Европе. Поэтому абсолютно необходимо, чтобы он был ограничен в своей личной свободе.

В качестве его будущей резиденции выбран остров Святой Елены; климат острова здоровый, а его местоположение позволит обращаться с ним с большими привилегиями, чем это было бы возможно еще где-либо, принимая во внимание обязательные меры предосторожности, которые будут приняты для обеспечения безопасности его личности.

Генералу Бонапарту разрешается выбрать среди людей, которые сопровождали его в Англию — за исключением генералов Савари и Лаллемана, — трех офицеров, которым

вместе с его врачом и двенадцатью слугами будет разрешено последовать за ним на остров Святой Елены, но которым никогда не будет разрешено покинуть остров без одобрения со стороны британского правительства.

Контр-адмиралу сэру Джорджу Кокбэрну[235], назначенному главнокомандующим военно-морской базы на мысе Доброй Надежды и на примыкающих океанах, поручено доставить генерала Бонапарта и его свиту на остров Святой Елены. Сэр Джордж Кокбэрн получит подробные инструкции относительно выполнения этой обязанности.

Сэр Джордж Кокбэрн, возможно, будет готов к отплытию через несколько дней, поэтому желательно, чтобы генерал Бонапарт[236] немедленно выбрал людей, которые должны сопровождать его».

Император с величайшим хладнокровием выслушал заявление правительства Англии, не проявив при этом никаких эмоций. Когда лорд Кейт и сэр Генри Банбери кончили говорить, он заявил им: «Я являюсь гостем Англии, но не ее пленником. Я прибыл сюда по своей воле, чтобы вручить себя под защиту британского закона. Правительство нарушило законы своей страны, права народа и священные права гостеприимства в отношении моей личности. Я выражаю протест и взываю к британской чести».

Покидая императора, адмирал и заместитель государственного секретаря заверили его, что они немедленно передадут британским министрам только что услышанные слова.

В тот же вечер капитан Мэтленд передал адмиралу Кейту следующее письмо:

> *Милорд, я внимательно прочитал текст письма, которое вы мне направили. Я сообщил вам о своем протесте; я не военнопленный; я гость Англии. Я прибыл в эту страну на британском корабле «Беллерофонт» после того, как сообщил капитану корабля о письме, написанном мною принцу-регенту, и после того, как я получил от капитана корабля заверения в том, что он получил указания принять меня на борту корабля и перевезти меня в Англию вместе с моей свитой, если я попрошу этого. С того времени адмирал там вновь заверил меня в том же; с того момента я был принят на корабле «Беллерофонт» как свободный человек, и я почувствовал себя на корабле под защитой законов вашей страны. Я хочу свободно жить в Англии под защитой и наблюдением закона, выполняя все обязательства и*

принимая все меры, которые могут оказаться уместными. Я не хочу вести какую-либо переписку с Францией или принимать участие в каких-либо политических делах. Со времени моего отречения от престола моим намерением всегда было поселиться в Соединенных Штатах или в Англии. Я льщу себя надеждой, что вы, милорд, и заместитель государственного секретаря вашего правительства сделают достоверный доклад об этих фактах. Я вверяю себя и мое доверие чести принца-регента и защите законов вашей страны.

31 июля 1815

Наполеон.

Немедленно после ухода лорда Кейта и сэра Генри Банбери император вызвал к себе гофмаршала. Эмоции от неблаговидного решения британского правительства никак не отразились на лице императора. В сопровождении гофмаршала он вышел на палубу корабля и появился перед стремившейся увидеть его толпой людей с тем же выражением лица, что и в течение предшествовавших дней. Но нас ожидала в высшей степени неприятная картина: на некотором расстоянии от «Беллерофонта» мимо проплывали несколько кораблей, на борту которых находились наши раненые офицеры и солдаты, взятые в плен в битве при Ватерлоо.

Вернувшись в свою каюту, император долгое время оставался наедине с гофмаршалом, резким тоном обсуждая с ним создавшуюся ситуацию и быстрым шагом прохаживаясь по каюте. Когда гофмаршал вышел из каюты императора, он сказал мне, чтобы я принес в его каюту несколько ящиков, в которых хранились серебро и драгоценности, а также ценные бумаги, порученные мне и хранившиеся в дорожном саквояже. Вышедший из каюты император повторил то же, что мне сказал гофмаршал; после того как я выполнил данные мне поручения, я вернулся с императором в его каюту в соответствии с его указанием. Когда я вошел в каюту, я обратил внимание на то, что все иллюминаторы плотно прикрыты занавесками; они были из красного шелка, придававшего каюте мистический вид. Император был уже без мундира, заявив, что он хочет немного отдохнуть. Продолжая раздеваться, император распорядился, чтобы я читал ему книгу «Жизнь знаменитых людей», лежавшую на его столе, начиная со страницы, на которой он сделал отметку. Я был поражен распоряжением императора, которое он только что сделал, приказав мне отнести все те вещи в каюту гофмаршала. Я знал, что он носил на себе то, что позволило бы ему отрешиться от

врагов, если бы, к несчастью, он попал в их руки или если бы кто-то попытался совершить в отношении его личности бесчестный поступок. Меня, словно молния, пронзила мысль о гибели императора; в какой-то момент я почувствовал неописуемые страдания. Я весь был охвачен тревогой в предчувствии драмы, которая могла разразиться на моих глазах. Я почувствовал, как моя кровь приливает к сердцу, когда император, не снимая покрывала с постели, сказал мне: «Ну, читай же». Я взял книгу и стал читать с достаточной твердостью в голосе, не позволившей ему догадаться о подозрении, возникшем в моей душе. После получасового чтения, закончившегося смертью Катона, император встал с постели из-под покрывала с таким спокойным и невозмутимым видом, что все мои страхи сразу же исчезли, и тут же облачился в свой халат. Что же касается обстоятельств смерти Катона, то император однажды упомянул о них следующим образом: «Он был неправ; после смерти Цезаря, объединившись с сыновьями Помпеи, он таким образом становился первым человеком республики». Это воспоминание о смерти Катона не могло быть применимо к положению императора, который, подобно новому Прометею, отплывал к берегам острова Святой Елены.

В нем утвердилась непреклонная решимость жить и демонстрировать цивилизованной Европе, на что способна великая душа, оказавшись в несчастье. Император вызвал к себе гофмаршала. Когда тот пришел, я вышел из каюты императора и в гостиной обнаружил герцога Ровиго (Савари) и генерала Лаплемана, вместе обсуждавших свое изгнание, лишавшее их возможности разделить судьбу императора. Никто из них не сомневался, что их собираются передать французскому правительству; оба, казалось, испытывали чувство пренебрежения к возможной смерти, ожидавшей их. Однако они сожалели, что им предстоит встретить смерть от рук французов на площади Гренель, вместо того чтобы обрести ее на одном из двадцати полей сражения. «Знаешь ли, Савари, — заявил генерал Лаллеман, — мы так часто ускользали от смерти, что она, рано или поздно, должна нас настигнуть». Спокойствие этих двух генералов, говоривших о своем неминуемом конце, вызывало воспоминание о каких-то старомодных идеалах, все еще сохранившихся в их характерах.

Покидая каюту императора, гофмаршал держал в руке список тех людей, которые, оказавшись более счастливыми, чем другие, должны были сопровождать самого замечательного, наиболее совершенного гения современности в его изгнании на остров Святой Елены. Этот выбор пал на гофмаршала, выразившего

желание следовать вместе с супругой и детьми за императором, куда бы тот ни направился.

Император внес в список имена генерала де Монтолона[237] и членов его семьи; графа де Лас-Каза, чей ум и знания он высоко ценил в прошлом, а также его сына; генерал Гурго, входивший в состав персонала личного обслуживания императора в качестве первого адъютанта, который с полным основанием мог рассчитывать на расположение императора, завершал список отобранных лиц. Британское правительство разрешило включить в список только трех офицеров, император внес в него четырех. Адмирал Кейт согласился с этим пожеланием императора, добавив к списку графа де Лас-Каза в качестве секретаря канцелярии императора. К этому списку был приложен список лиц обслуживающего персонала: г-да Маршан, Сен-Дени, Новерраз, Киприани, Пьеррон, Лепаж, два брата Аршамбо, Руссо и Жантилини; все они, за исключением Лепажа, находились вместе с императором на острове Эльба[238].

Гофмаршалу разрешили взять с собой двух слуг — Бернара, его жену и их ребенка. Г-же де Монтолон дали разрешение выехать на остров Святой Елены с ее горничной мадемуазель Жозефиной[239]. С генералом Гурго выехал его слуга, чье имя не было в списке лиц, сопровождавших императора, поэтому ему не разрешили покинуть корабль, когда все прибыли на остров Святой Елены, и он должен был с первым кораблем отправиться обратно во Францию.

Таким образом судьба каждого была решена, и все начали готовиться к долгому плаванию. Хладнокровие пришло на смену тревожному состоянию, которое всех охватило в связи с решением британского правительства в отношении императора.

Решение сдаться англичанам, рекомендованное одними и встретившее возражение со стороны других, тем не менее никому не могло дать повода поверить в то, что подобный грубый произвол все же может произойти, но для тех, кто позволил ввести себя в заблуждение надеждой на то, что императора ожидает блестящий прием, когда он высадится на берег Англии, разочарование было жестоким. Графиня Бертран стала жертвой самых черных предчувствий; Святая Елена пробудила в ней воспоминания о потере ребенка, который скончался в прошлом году на Эльбе. С этой потерей она никак не могла примириться. В этой новой ссылке она видела могилы для ее уцелевших детей, которых она страстно любила. Она настолько обезумела, что бросилась к императору и вошла в его каюту без всякого предупреждения. Она умоляла императора, если он отправится на остров Святой Елены, не брать с собой ее мужа, потому что там

она потеряет своих детей. Император, который находился в каюте вместе с графом де Лас-Казом, был захвачен врасплох этим неожиданным появлением графини, однако увидев, что она находится в состоянии сильнейшего горя, постарался образумить ее и успокоить. Тем не менее обострение нервного расстройства у этой дамы было настолько сильным, что, покинув каюту императора, она подбежала к иллюминатору в своей каюте и выбросилась бы через него в море, если бы ее вовремя не остановили. Этот пример отчаяния дает представление о сильном возбуждении, охватившем каждого из нас. Графиня Бертран преодолела свою антипатию к острову Святой Елены, справилась со страхом потери там своих детей, последовала за императором в это место его ссылки и была рядом с ним, когда он умирал.

Прошло три или четыре дня в ожидании часа, когда «Нортумберлэнд» закончит приготовления к своему отплытию, и ничто не указывало на то, что британское правительство намерено что-либо изменить в своих ранее принятых решениях. Император продиктовал графу де Лас-Казу следующее письмо с протестом и попросил капитана Мэтленда направить письмо адмиралу Кейту:

В море, на борту «Беллерофонта», 4 августа 1815

Настоящим я со всей серьезностью протестую перед небесами и человечеством против насилия, примененного в отношении меня, и против нарушения моих самых священных прав, лишающих меня свободы и допускающих силу в отношении моей личности. Я по своей воле вступил на борт «Беллерофонта», и я — не пленник, я — гость в Англии. Я прибыл сюда сам после разъяснений капитана, получившего указания правительства принять меня и переправить в Англию вместе с моей свитой, если на это будет мое желание; я честно явился сюда, чтобы отдать себя под защиту английских законов. Как только я вступил на борт «Беллерофонта», я оказался среди британского народа. Если правительство Англии, давая указания капитану «Беллерофонта» принять меня и мою свиту, хотело заманить меня в ловушку, устроить мне засаду, то оно лишилось своей чести и запятнало свой флаг. Если подобный замысел осуществится, то в будущем для англичан будут напрасными их лояльность, их законы и их свобода; доверие к Англии будет утеряно вместе с гостеприимством «Беллерофонта».

Я взываю к истории; она расскажет о том, как враг, воевавший против британского народа, пришел к нему по

своей воле, подвергаясь ударам судьбы, чтобы найти приют под защитой его законов, — какое еще большее доказательство своего уважения и доверия к британскому народу он мог бы представить? И как же Англия ответила на это проявление величия души? Она сделала вид, что протягивает этому врагу радушную руку, и, когда он чистосердечно отдался Англии по собственной воле, она безжалостно убила его.

Наполеон.

В ночь на 4 августа мы покинули нашу стоянку в Плимуте и проследовали в Старт-Бей, чтобы дожидаться «Нортумберлэнда», который заправлялся в Портсмуте. Море было бурным, и я ужасно страдал от морской болезни. Нас сопровождали корабль «Тоннант» и фрегат «Евротас». Хотя стоянка в Старт-Бее была отвратительной и море продолжало бушевать, но император от морской болезни не страдал.

6 августа был получен сигнал о прибытии «Нортумберлэнда», которому предстояло отвезти нас на Святую Елену. Подготовка этого корабля к плаванию еще не была завершена, и, как нам сообщили, он не мог выйти в море в течение ближайших шести или восьми дней. А до этого времени мы должны были стоять на якоре, покачиваясь на бурных волнах взад и вперед. В тот же день нас посетил адмирал Кейт, чтобы представить нам адмирала Кокбэрна. Адмирал Кейт также сообщил нам, что соответствующие инструкции кабинета министров Англии предусматривают подробный осмотр наших вещей до того, как мы покинем «Беллерофонт».

Ниже следуют инструкции, переданные адмиралом Кейтом капитану Мэтленду:

На стоянке в Старт-Бее, 6 августа 1815

Все оружие любого вида должно быть отобрано у французов всех рангов, находящихся на борту корабля, которым вы командуете. Все это оружие должно быть тщательно собрано и находиться под вашим присмотром до тех пор, пока французы остаются на борту «Беллерофонта»; затем оно должно быть передано капитану того корабля, который его отвезет.

Капитан Мэтленд под свою личную ответственность оставил у нас шпаги, забрав только огнестрельное оружие.

Инструкции от британского кабинета министров, переданные адмиралу Кокбэрну, касались гораздо больших подробностей.

Ниже приводится следующая выдержка из них:

Когда генерал Бонапарт будет переправляться с «Беллерофонта» на борт «Нортумберленда», это станет удобным моментом для того, чтобы адмирал Кокбэрн провел обыск всех вещей, находящихся у генерала.

Адмиралу сэру Джорджу Кокбэрну следует разрешить генералу сохранить у себя домашние вещи, книги и вина. В число домашних вещей включается серебряная посуда, при условии, что она будет не в таком большом количестве, которое может рассматриваться скорее как собственность, конвертируемая в наличные деньги, а не как для личного пользования.

Он должен оставить свои деньги, свои бриллианты и все его оборотные ценные бумаги, независимо от их назначения.

Адмирал должен объяснить ему, что британское правительство не намерено конфисковывать его собственность, но только принимает на себя управление ею с тем, чтобы воспрепятствовать ему использовать ее в качестве средства для побега.

Обыск должен быть проведен в присутствии нескольких человек, назначенных генералом Бонапартом. Должна быть составлена опись вещей, подписанная этими людьми, а также адмиралом или любым другим лицом, назначенным им, чтобы оказать помощь в составлении этой описи. Для удовлетворения нужд генерала будут использоваться, в зависимости от сумм, капиталовложения и денежные средства; их расходование будет, в основном, осуществляться им самим. По этому вопросу он, время от времени, будет сообщать свои пожелания сначала адмиралу, а потом губернатору, когда тот прибудет на остров Святой Елены, и, если не появятся основания для отказа удовлетворить эти пожелания, адмирал и губернатор дадут необходимые указания и оплатят расходы генерала Бонапарта чеками, полученными от казначейства Его Королевского Величества.

В случае смерти право распоряжения имуществом генерала Бонапарта будет определено его завещанием; он может быть уверен в том, что его распоряжения будут строго выполняться. Так как может случиться, что часть его собственности перейдет в собственность его свиты, то и к ней будут применяться те же правила.

Адмирал не должен брать на борт корабля, направляющегося на Святую Елену, ни одного человека из свиты генерала без согласия на то этого человека и только после объяснений ему, что он должен будет подчиняться любым правилам и постановлениям, которые будут считаться приемлемыми для обеспечения безопасности личности генерала. Генерала следует информировать о том, что, если он попытается сбежать, то он подвергнет себя риску быть заключенным в тюрьму, так же как и кто-либо из его свиты, о котором станет известно, что он пытался содействовать побегу генерала.

Все письма, которые будут адресоваться генералу, а также членам его свиты, сначала будут вручаться в руки адмирала или губернатора, которые прочитают их перед тем, как отдать адресату; это же правило распространяется и на письма, написанные генералом и членами его свиты.

Генерал должен знать, что губернатор и адмирал получили определенное указание адресовать правительству Его Величества любую просьбу или жалобу, которую он считает приемлемой для сообщения. Ничто в этом случае не станет и препятствием для подобной акции генерала, но лист бумаги, на котором будут изложены эти просьбы и жалобы, должен оставаться незапечатанным в конверте с тем, чтобы можно было добавить любые замечания адмирала и губернатора, которые они сочтут необходимыми.

Заверенная копия, в гавани Старт-Бея, на борту «Беллерофонта»,

6 августа 1815

Адмирал с. Джордж Кокбэрн.

Гофмаршал сообщил мне об этом обыске личных вещей императора; он объяснил мне, что время, выбранное для этой процедуры, приурочено к отправке этих вещей с «Беллерофонта» на «Нортумберлэнд» и что я должен оставить только 80 000 франков в одном из серебряных ящиков: изъятую сумму я должен был распределить между всеми лицами, сопровождавшими императора, а позднее они же должны были вернуть эти деньги. В назначенный день адмирал, как он об этом объявил ранее, появился вместе с г-ном Глоувером[240] и с офицером таможни. Я собрал в одну комнату все сундуки, в которых хранились серебряная посуда, позолоченная посуда, севрский фарфор,

столовое белье и белье для ванной комнаты; все эти сундуки были открыты для англичан. Я предъявил им 4000 золотых наполеонов, которые они забрали. Увидев, что во время этого осмотра только я представлял французскую сторону, адмирал покинул комнату еще до начала всей этой операции, оставив меня с офицером таможни и с г-ном Глоувером для составления описи всех вещей, принадлежавших императору. Англичане выглядели явно удивленными, увидев малое количество вещей, представленных для их просмотра. Несомненно, оценивая материальное положение императора, они ожидали увидеть баснословное обилие ценностей, а на деле перед их глазами предстали жалкие остатки императорских вещей, едва ли стоившие того, чтобы выставлять их напоказ. Они не знали, что озабоченный исключительно делами Франции, император уделял внимание только величию родины и благосостоянию страны. После Ватерлоо его бескорыстие оставило бы его без гроша в кармане, если бы не такие его друзья, как герцог Виченцский (Коленкур), герцог Бассано (Маре) и граф де Лавалетт вместе с г-ном Лаффиттом, которые занялись тем, что собрали для него несколько миллионов. Именно эти деньги шесть лет спустя стали основой его завещательных отказов.

После того как была составлена опись имущества императора, я подписал ее вместе с англичанами, которые вручили мне расписку на 4000 наполеонов. Эти деньги должны были расходоваться на нужды генерала Бонапарта, когда он прибудет на Святую Елену. Мой слух, даже больше, чем моя душа, с чрезвычайной болью воспринял этот титул императора, и моя национальная гордость была ранена до крайности. До этого времени мне и в голову не приходило, что британское правительство, признавшее право Франции сделать Наполеона генералом, консулом и императором — поскольку эта держава имела своего представителя на Шатильонском конгрессе в 1814 году, чтобы вести с ним переговоры, — могло сегодня поставить под сомнение его титул императора и назвать его генералом Бонапартом, рассматривая его не в качестве императора Наполеона, но всего лишь как главу французского правительства.

Прочитав английскую расписку, я заявил г-ну Глоуверу, что не могу принять ее, не согласовав ее с гофмаршалом; что звание генерала, пожалованное императору, в высшей степени прекрасно, но что такая характеристика императора представлялась мне немыслимой и находится в таком вопиющем противоречии с историей, что я могу в данной ситуации всего лишь отправиться за получением соответствующих указаний. «В этом случае, — ответил мне г-н Глоувер, — таковы условия

заявления британского правительства». Я покинул г-на Глоувера и отправился к графу Бертрану, который сказал, ласково положив мне руку на плечо: «Пусть они называют его, как хотят, они же не могут помешать ему быть тем, кем он является. Возьми то, что они вручают тебе». В соответствии с указанием гофмаршала я принял английскую расписку и копию описи личного имущества императора. Я понял тогда, что от английского правительства можно ожидать чего угодно, если оно ведет себя подобным образом.

Во время этого визита на «Беллерофонт» лорд Кейт, сопровождаемый адмиралом Кокбэрном, пришел в каюту императора, чтобы вручить ему последние инструкции своего правительства. Поклонившись императору, лорд Кейт глубоко взволнованным голосом сказал: «Англия просит вашу шпагу». Сен-Дени, присутствовавший при этой сцене, рассказал мне, что выражение лица императора при этом стало просто страшным и что, с гордостью положив руку на рукоятку своей шпаги, он, казалось, своим видом бросал вызов любому, кто попытается отобрать ее у него. Два английских адмирала, честно исполнявшие приказ, противоречивший по своему духу их характерам, почтительно отсалютовали императору, покидая его каюту. Шпага Аустерлица осталась висеть на боку императора. Англичане взяли только огнестрельное оружие: эти господа[241] также сохранили при себе свои шпаги, хотя и у них англичане требовали отдать им это холодное оружие.

Император узнал от гофмаршала, что врач, назначенный ему бароном Корвисаром перед отъездом из Мальмезона, не последует за ним на остров Святой Елены. Готовясь ко сну, император сказал мне: «Мэнго, должно быть, очень напуган инструкциями британского правительства; не поэтому ли он не сопровождает меня?»

«Сир, — ответил я императору, — он не ссылался на ту причину. Он сказал мне, что служить у Вашего Величества большая честь, но на его решение повлияли личные обстоятельства: он должен закончить некоторые дела в Америке, куда предстоит поехать его семье. Он не мог отправиться на Святую Елену, не решив личные проблемы».

«Он боится жить в уединении на Святой Елене, — ответил император, — и кроме того, он служил у меня только временно. Фуро должен был приехать и присоединиться к нам, но он ясно заявил Бертрану, что ничто на свете не могло бы заставить его покинуть Францию; он, очевидно, напуган суровым характером тех инструкций».

Император распорядился, чтобы я подсчитал каждому из тех

людей, которые не могли сопровождать его, сумму денег золотом для обеспечения их непосредственных нужд, а также годовое жалованье тем слугам, которые останутся после отъезда императора. Он продиктовал мне записку на имя г-на Лаффитта, чтобы тот выдал 3000 франков одному из его слуг, Жилю Пелиссье, которого он не мог взять с собой. 250 000 франков, которые были спрятаны при британском осмотре, были вложены в восемь поясов, надетых на нас под одеждой. Эти деньги были мне возвращены, когда мы прибыли на Святую Елену. Император называл эти деньги «своим резервом» или «грушей для утоления жажды». Каждый месяц я добавлял к этой сумме небольшие сбережения. Ко времени кончины императора этот специальный фонд вырос до 300 000 франков и был использован для реализации первых условий дополнительного распоряжения к завещанию на Святой Елене.

С первых же дней пребывания императора на борту «Беллерофонта» он несколько раз беседовал с д-ром О'Мира[242], врачом этого корабля. Д-р О'Мира очень хорошо говорил по-итальянски, и его поведение отличалось честностью и открытостью. Этот врач был в Египте, и поэтому их беседа с императором касалась воспоминаний о триумфе императора в этой стране и о том управлении страной, которое он там оставил. Это обстоятельство в сочетании с его способностью выражать свои мысли на языке, знакомом императору, делало его интересным собеседником для императора, который, когда замечал его на палубе, обычно подзывал к себе и начинал расспрашивать о состоянии здоровья команды или о чем-то другом. Во время только что завершенного плавания д-р О'Мира ухаживал за несколькими членами императорской свиты, которые были подвержены морской болезни (г-н Мэнго сам сильно страдал от этой болезни). Все высоко отзывались о доброй и предупредительной манере д-ра О'Мира. Когда все попытки, даже со стороны адмирала, уговорить г-на Мэнго последовать за императором на остров Святой Елены закончились неудачей, Его Величество посчитал, что было бы неплохо, если бы его на остров сопровождал д-р О'Мира. Император поручил герцогу Ровиго (Савари) спросить у него, согласен ли он сопровождать Его Величество на Святую Елену в качестве его личного врача. Доктор ответил, что он с огромной радостью примет оказанную ему честь, если его правительство не станет возражать против этого, а также если его права англичанина не будут ущемлены. Адмирал Кейт, которому гофмаршал сообщил о желании императора, немедленно предоставил д-ру О'Мира бессрочный отпуск с полным денежным содержанием и дал ему разрешение

сопровождать генерала Бонапарта на Святую Елену для исполнения своих медицинских обязанностей.

7 августа, простив капитана Мэтленда за ненависть, которую испытывало его правительство по отношению к императору, Его Величество приготовился покинуть «Беллерофонт». Он принял у себя тех офицеров, которые не могли сопровождать его. Сцена прощания была очень печальной: с одной стороны слезы и отчаяние; с другой — хладнокровие и утешение тех, кто не должен был последовать за императором; затем, наконец, смирение. Когда император покидал офицерскую каюту, он тепло попрощался с офицерами британского корабля, которые выстроились по пути его следования. Все они выглядели печальными при мысли о фатальном конце пребывания императора у берегов Англии, который впредь будет ассоциироваться с именем «Беллерофонта». Император пересел с «Беллерофонта» на небольшое судно, подготовленное для него и его приближенных, и отправился на «Нортумберлэнд», бросив прощальный взгляд на тех, кого он покидал и кто, как он знал, оставались преданными ему сердцем и душой. Пересев на «Нортумберлэнд», император остался на капитанском мостике, чтобы побеседовать с лордом Лоутером и Литтлтоном[243], которые уже были на борту корабля. Завязавшаяся беседа прошла в очень живой манере. Оставалось всего лишь несколько минут: я использовал их для того, чтобы написать пару-другую прощальных строк моим отцу и матери в Вену, которых я, возможно, никогда уже не увижу вновь.

В момент отплытия те французы, которые сопровождали императора до «Нортумберлэнда» и должны были покинуть его там, обнимали его с такой пылкой нежностью, что было ясно — они расстаются с императором навсегда. Герцог Ровиго (Савари) и генерал Лаллеман, заметив меня, подошли ко мне со слезами на глазах и, тепло пожимая мне руку, возложили на меня заботы об императоре.

Тендер, который кружил вокруг «Нортумберлэнда», чтобы отгонять от него лодки с людьми, подплывавшими из-за любопытства к кораблю, потопил одну из них, и несколько человек погибли. Две женщины были обязаны спасением жизни своим шелковым платьям, которые держали их на поверхности воды. Этих двух несчастных женщин в бессознательном состоянии подобрал наш корабль, чтобы оказать им первую медицинскую помощь, но затем они были переправлены на тендер, который потопил их лодку. Несколько мужчин спаслись тем, что уцепились за брошенные им канаты и сумели удержаться над водой; для их спасения было еще время, но остальные пассажиры

утонули.

Прием, оказанный императору на борту «Нортумберлэнда», был совсем не тот, что на «Беллерофонте», когда он вступил на его борт, и на борту «Величественного». На «Нортумберлэнде» приказов правительства строго придерживались во всех отношениях: много учтивости, даже любезности со стороны адмирала; но на борту находился генерал Бонапарт, а не император Наполеон. Титул «Его Превосходительство» заменил титул «Его Величество».

8 августа, когда два фрегата и несколько бригов с войсками на борту присоединились к «Нортумберлэнду», адмирал дал сигнал тронуться в путь. После тринадцати дней в Плимуте и сорока дней со времени выезда из Парижа мы отплыли в направлении острова Святой Елены.

9 августа стали видны сквозь облака берега Франции, и мы в последний раз устремили на них наши взгляды. Император, находившийся на палубе, снял шляпу и, оставаясь в неподвижном положении, с огромным чувством в голосе произнес: «Прощай, земля храбрецов! Прощай, Франция! Прощай!»

Глава одиннадцатая

Жизнь на борту корабля — Прибытие на Святую Елену — Джеймстаун — Дорога в Лонгвуд

Требовалось навести порядок на корабле, который к плаванию готовили в спешке. Необходимо было разместить все войска, находившиеся на борту корабля, а также несколько жен военного персонала; корабль не был полностью загружен провизией, и это надо было сделать уже во время самого плавания на пути к острову Святой Елены. На борту этого громадного корабля, которым командовал капитан Росс[244], отличавшийся учтивостью и обладавший многими достоинствами, находилась одна тысяча восемьдесят человек. Палуба полуюта была предоставлена в распоряжение императора, который занимал каюту справа от входа в главную офицерскую каюту, и в распоряжение адмирала, чья каюта находилась слева. Главная офицерская каюта, которая предназначалась для них двоих, благодаря любезности адмирала оставалась в распоряжении императора, который занимал ее только часть дня. Адмирал появлялся только во время принятия пищи. Железная кровать императора была поставлена в каюте вместо той, которая была заранее приготовлена для него; мебель в этой маленькой каюте, освещаемой дневным светом через иллюминатор,

составляли умывальник, маленький стол и кресло. В течение всего плавания до Святой Елены я спал в этой каюте на матрасе, выданном мне на борту корабля. Меня часто будил император, который обычно просил лампу, накрытую абажуром, чтобы читать или делать заметки; свои заметки он начал делать в Лакретеле. Сен-Дени, как и на «Беллерофонте», спал в соседней каюте, устроившись на полу поперек двери.

Император, желавший чувствовать себя более свободно, заявил, что он будет завтракать в своей каюте в 10 часов утра и выходить из каюты около 3 или 4 часов дня. Обычно он взывал к себе поочередно одного из этих господ для беседы, отдавая предпочтение графу де Лас-Казу, который лучше, чем остальные трое, мог рассказать ему, что происходит на борту корабля, и беседа с которым доставляла ему большее удовольствие, чем с другими. С собой на корабль я захватил шесть небольших ящиков из красного дерева, хранивших то, что называлось походной библиотекой, предоставленной г-ном Барбье[245], библиотекарем императора. В этих ящиках лежали хорошие книги, которые очень помогали бороться со скукой во время такого продолжительного плавания.

Император после того, как был одет, заходил в офицерскую каюту и оставался там, пока ему не говорили, что подается обед. Тогда к обеду приходили все приглашенные гости. Почетное место за столом отводилось императору; справа от него усаживалась графиня Бертран и слева — адмирал. Императора справа обслуживал Сен-Дени, а слева — Новерраз; другие гости усаживались за столом в порядке, соответствующем их рангу и положению. Император оставался за столом только минут тридцать или — самое большее — минут сорок пять: если же он задерживался за столом сверх этого времени, то это было с его стороны уступкой адмиралу, который распорядился, чтобы обслуживание было ускорено, дабы не причинять неудобств императору, верному своим привычкам. Только в первый день плавания императору пришлось терпеть продолжительность английского обеда; Сен-Дени рассказал мне, что на следующий день и в течение всех остальных дней плавания император обычно вставал из-за стола до того, как подавался десерт. Обычно он выходил на палубу в сопровождении одного из этих господ, чаще всего вместе с графом де Лас-Казом. Помимо постоянных гостей к обеденному столу приглашались один офицер, представлявший сухопутные войска, и один морской офицер. Если позволяла погода, то на обед также приглашался офицер с одного из кораблей эскадры, сопровождавшей нас. Император обычно задавал им несколько вопросов об их карьере и всегда

проявлял по отношению к ним большую учтивость. Однажды, покинув обеденный стол, чтобы прогуляться по палубе, он обратился к штурману корабля, который, хотя отвечал за управление кораблем, не имел ранга офицера. Император с интересом побеседовал с ним и закончил разговор следующими словами: «Приходи завтра и отобедай со мной». Это приглашение пришлось дважды повторить штурману, поскольку оно шло вразрез с судовой дисциплиной и принятым морским этикетом. Штурман считал, что его капитан и адмирал не согласятся с этим приглашением. Но этого не случилось: когда адмирал узнал от императора о его желании, то очень любезно заверил его, что кому бы он ни оказал честь пригласить за императорский стол, приглашенного будут рады видеть за этим обеденным столом. Вполне вероятно, что императору не пришлось бы жаловаться на адмирала Кокбэрна, если бы тот не чувствовал себя обязанным, прибыв на Святую Елену, выполнять инструкции британского министра, продиктованные ненавистью к человеческой душе и к правам человека. В течение всего плавания адмирал вел себя по отношению к императору весьма любезно. Если он покидал обеденный стол и выходил на палубу, где уже находился император, и погода была плохой и ветреной, то адмирал обычно спешил к нему и предлагал свою руку, которая всегда принималась императором. Императору приглянулась пушка, на которую он обычно облокачивался, когда не гулял по палубе; молодой корабельный гардемарин, которому было поручено находиться около императора, чтобы тот не ушибся во время корабельного маневрирования, назвал ее императорской пушкой. Когда наступал вечер, император обычно возвращался в офицерскую кают-компанию, где, как правило, занимался карточной игрой, в которой всегда проигрывал. Между 9 и 10 часами вечера он обычно удалялся в свою каюту. Таковы были привычки и распорядок дня императора на борту «Нортумберлэнда», и в течение всего плавания команда корабля демонстрировала ему чувства уважения и восхищения. Команда корабля восхищалась благородным смирением императора по отношению к отвратительным инструкциям лорда Бетхерста и испытывала к нему чувство благодарности за его уважение человеческого достоинства в лице каждого члена команды.

15 августа эти господа, каждый в отдельности, нанесли визит императору, чтобы поздравить его с днем рождения; император забыл об этой дате и был весьма тронут оказанным ему вниманием, которое, позволив забыть о нынешних невзгодах, вернуло его к более счастливым дням. Каждому из поздравивших его он ответил трогательными словами, полными доброты и

сердечности. Как мне рассказал Сен-Дени, адмирал, которому сообщили об этом событии, во время обеда провозгласил тост за здоровье императора. К тосту присоединились все присутствовавшие англичане. Было отмечено, что в тот вечер император постоянно выигрывал в карты, и если бы он захотел и далее испытывать карточное везенье, то выигранная сумма была бы значительной. «Мне так везло, — сказал мне император, вернувшись в свою каюту, — что мой выигрыш достиг 80 наполеонов». Император играл в двадцать одно. Это везение показалось мне странным, так как ежедневно я был обязан возмещать из его кошелька несколько наполеонов, которые он проиграл в карты накануне вечером.

Во время этого продолжительного плавания император не жаловался на здоровье; его отличал абсолютно ровный душевный склад, и, казалось, он относился с полнейшим равнодушием ко всему, что происходит вокруг него. Он никогда ни на что не жаловался.

23 августа мы пришвартовались в порту Мадейры, очаровательного города, построенного на склоне горы; дома, окруженные чудесными садами, возвышались один над другим, создавая удивительно приятное и живописное зрелище. Именно на этом острове мы должны были полностью загрузить запас провизии. Ветер сирокко дул с неослабевающей силой и вскоре стал поистине неистовым; поднялась настоящая буря. Адмирал отдал приказ отплыть в открытое море, опасаясь, что корабль может быть выброшен на берег; наши стеньги сломались, но повреждения были быстро устранены. Я попросил дворецкого адмирала, который собирался сойти на берег, купить мне коробку акварельных красок, чтобы как-то скрасить время на Святой Елене. В течение двух дней, пока мы оставались на острове Мадейра, я совершенно ослабел, так как корабль швыряло из стороны в сторону. Г-н Глоувер, который был на берегу вместе с начальником хозяйственной части корабля, сообщил, что остров ужасно пострадал от шторма. Местные жители португальского происхождения из чувства суеверия приписывали Наполеону нашествие этого сирокко на их остров.

В ночь с 24-го на 25 августа, когда все повреждения были устранены и закончилась погрузка провизии, мы отплыли в направлении Канарских островов и оставили позади остроконечную вершину острова Тенерифе, которую мы еще долго могли видеть в наши бинокли. Когда мы достигли тропиков, то увидели большое число летающих рыб. Уже ниже этой широты ночью с борта корабля в море прыгнул мулат, уроженец острова Гваделупа. Его пронзительные крики «Неер,

Неер!» всполошили весь корабль. Дул сильный ветер, и море было весьма бурным. Хотя команда корабля постаралась как можно быстрее убрать паруса и спустить на воду шлюпку, чтобы спасти мулата, но уже нельзя было расслышать его криков. На корабле зажгли факелы, чтобы осветить шлюпку, бороздившую море в поисках бедняги, но все было напрасно: он исчез в морской пучине. Этот человек был доведен до подобного акта отчаяния из-за порки плетьми, которую он получил утром этого дня; не в силах удержаться от выпивки, он вновь напился и, чтобы избежать наказания, которое его ожидало за пристрастие к спиртным напиткам, прыгнул в море. Император был встревожен возникшим волнением на борту корабля, и я подробно изложил ему причину случившегося.

Я присутствовал на одном таком наказании на борту корабля; количество ударов плетью по плечам матросов соответствовало значительности допущенного проступка. Я не представлял себе, что эта порка может быть такой варварской; я не мог понять, почему люди готовы терпеть подобное наказание. Мне казалось, что в результате полученной порки человек настолько деградирует, что его душа уже неспособна хотя бы как-то ощущать чувство собственной чести. Я склонен полагать, что подобное наказание превращает людей в животных, потому что видел одного портного, только что получившего двадцать ударов плетью, но тем не менее тут же пустившегося плясать джигу. Я пришел к выводу, что есть такой сорт людей, которые могут терпеть подобную порку, но которые не в состоянии, как французская нация; произвести на свет великих граждан.

Британские газеты, поступившие на корабль, навели императора на мысль об изучении английского языка; он поделился этой идеей с графом де Лас-Казом, который обещал ему, что после нескольких уроков он сможет сам читать эти газеты. Ежедневно один час посвящался уроку английского языка, который также скрашивал скуку долгого плавания.

23 сентября мы прибыли к экватору; на этой широте спокойное море позволило морякам отпраздновать пересечение линии экватора.

Это торжество мы называем «Праздником Старины Экватора»; у англичан это «Праздник Большой Бороды». Самый старый из матросов становится Нептуном, и те, кто составляет его свиту, нарядившись в самую нелепую одежду, усаживают его на сиденье, для которого приспосабливается пушечный лафет, украшенный драпировкой. Новоявленный Нептун, сидящий на лафете, усилиями свиты переносится по всему кораблю. Затем, остановившись перед капитанской каютой, он запрашивает у

капитана (потому что в этот день нормальный порядок вещей меняется) имена пассажиров корабля, которые еще не стали подданными империи Нептуна. Обратившись затем к адмиралу, который находился на полуюте, Нептун спросил о генерале Бонапарте: адмирал, смеясь, ответил: «Он уже пересек экватор». Пятьсот наполеонов, выданные императором Нептуну, вызвали у всей команды корабля безумную радость. Праздник начался под покровительством императора. Нептун перешел на самодельный трон, воздвигнутый для него у подножия главной мачты. Все, один за другим, поднялись к нему, делая по десять шагов, и там, у трона, по каждому выносилось решение, не в зависимости от совершенных деяний, но по степени проявленной по отношению к Нептуну доброжелательности. Каждый находившийся на борту корабля был обязан пройти эту процедуру, включая капитана Росса и судового священника. Рядом с Нептуном стояли два матроса, отличавшиеся силой Геркулеса. Как у дикарей, на них были одни набедренные повязки и их тела были сплошь покрыты татуировкой. Один из них был вооружен громадных размеров бритвой, а другой держал горшок с дегтем. Этим дегтем вместо мыльной пены покрывались щеки тех, кто казался Нептуну наиболее непокорным.

Именно эти бедолаги вызывали наибольшее веселье; после того как их подвергали бритью, на них с высоты стеньги выливались ведра воды. Затем всюду на корабле, где бы они ни пытались найти убежище, их постоянно обливали водой из ведер. Этот праздник, продолжавшийся весь день, волшебным образом прекратился по сигналу капитана Росса. Сразу же на корабль вернулись дисциплина и порядок, а легкий бриз, давший о себе знать после двадцатидневного безветрия, был встречен с радостью.

Мы продолжали идти под парусами с сопутствовавшим сильным ветром в установленном строе с остальными кораблями эскадры. На взятом нами курсе ничего примечательного не случалось, не считая ловли нескольких дельфинов и прекрасного зрелища плававшей вдали группы китов. На широте Конго адмирал, который внимательно следил за тем, чтобы стол императора был всегда хорошо обеспечен продуктами, выслал к берегу один из бригов, чтобы найти фрукты и домашнюю птицу. Бриг вернулся со всем этим в большом количестве. Само плавание весьма затянулось: адмирал решил избрать маршрут, который был не совсем обычным для торговых судов. Он пролегал вдоль берега Африки вместо берега Бразилии, где сильные ветры неизменно подгоняли парусные суда или в сторону Святой Елены, или к мысу Доброй Надежды. Стремление адмирала Кокбэрна

следовать по необычному маршруту привело к тому, что мы оставались в море на семнадцать дней больше, чем должны были; бриг и фрегат, которых шторм в Мадейре отделил от нас, приплыли на остров Святой Елены на семнадцать дней раньше «Нортумберлэнда». Плавание становилось утомительным для императора, который привык к активной деятельности и не мог найти возможности, чтобы целиком занять себя; в течение дня единственным развлечением для него были минуты, когда он диктовал генералу Гурго или графу де Лас-Казу, и даже это он делал без особого настроя. Он уже горел желанием поскорее прибыть к месту ссылки, независимо от того, каким бы мрачным оно ни было.

В течение нескольких дней вокруг корабля появлялись в большом количестве дельфины. Матросы выловили несколько дельфинов и съели их. Император захотел отведать дельфиньего мяса и нашел его вполне приемлемым, но мясо акулы он посчитал отвратительным. Что бы ни происходило на борту корабля, все это было хоть каким-то отвлечением от скуки. Однажды на палубе возникло заметное оживление, причиной которого была вытащенная из моря акула, имевшая около шести футов длины. Император спросил меня, чем вызван такой шум на палубе. Когда я сообщил ему, что только что выловили рыбу весом в сто восемьдесят фунтов, он захотел посмотреть на нее и затем с удовольствием принял участие в схватке, которую вела только что пойманная акула с матросами. Они принялись свежевать акулу, которая билась хвостом о палубу с такой угрожающей силой, что император, приблизившийся к акуле слишком близко, чуть было не поранился. Внутри этой молодой акулы были обнаружены остатки одежды человека.

Ежедневно я присутствовал при определении местонахождения корабля, и хотя очень медленно, но все же мы приближались к Святой Елене. 14 октября нам предстояло увидеть остров; в полдень кто-то крикнул: «Земля!» — и сразу же взгляд каждого из нас устремился в указанном направлении, отыскивая пик Дианы, который, как нам сказали, был самой высокой точкой на Святой Елене. При ясном небе мы отыскали его на расстоянии пятнадцати лье от нас, но разглядеть его на горизонте можно было только с помощью подзорной трубы. В 9 часов вечера «Нортумберлэнд» убрал на ночь паруса; корвет из состава эскадры по приказу адмирала был послан к берегу острова, чтобы сообщить о нашем прибытии.

15 октября, через семьдесят дней после того, как мы покинули берег Англии, и через сто десять дней после отъезда из Парижа, мы бросили якорь у острова Святой Елены, который

показался нам отвратительным. Вопреки своему обычному правилу император встал рано и стал одеваться, чтобы, выйдя на палубу, увидеть панораму острова, которую он мог видеть из иллюминатора своей каюты только частично. У него в каюте был рисунок той части острова, которая сейчас находилась напротив «Нортумберлэнда»; он распорядился, чтобы я принес ему этот рисунок, что я сделал с самым тяжелым чувством. Одевшись, он вышел на палубу со своей маленькой подзорной трубой в руке. С корабля нельзя было видеть город, закрытый террасой, повторявшей контуры залива; можно было только рассмотреть сквозь листву квадратную вершину церкви, пристроившуюся между двумя громадными голыми скалами, которые вздымались перпендикулярно на значительной высоте над морем. На нескольких уровнях скал, как казалось с палубы корабля, расположились пушечные батареи. Дворец губернатора, окруженный деревьями, имел приятный вид; все остальное представлялось одной большой скалой, лишенной растительности.

Как бы ни было велико мое желание увидеть остров, я мог рассматривать его только как могилу. Посмотрев на остров несколько минут, император, не сказав ни слова, вернулся обратно в свою каюту, никому не позволив догадаться о том, что творилось в его душе.

Что касается меня, то я настолько устал от этого плавучего дома и от титулов «генерал» и «ваше превосходительство», присвоенных англичанами императору, что, независимо от того, в каком месте нам предстояло жить, при условии, что там мы будем одни, я бы предпочел это место пребыванию на «Нортумберлэнде». В течение двух дней жители острова оставались на пирсах в ожидании того момента, когда они смогут увидеть императора, сходящего на берег. Каждый вечер с закатом солнца они обычно возвращались домой, разочарованные своими напрасными ожиданиями.

Вскоре после нашего прибытия к кораблю причалила портовая шлюпка; адмирал и сэр Джордж Бингем[246], полковник, командовавший 55-м линейным пехотным полком, отправились на ней на берег, чтобы подыскать удобное место для проживания императора и сопровождавших его лиц, пока не будет подобрана приемлемая резиденция. Через несколько часов адмирал вернулся на борт корабля вместе с полковником Уилксом[247], управляющим Святой Елены от Восточно-Индийской компании, которого и представил императору. Полковник Уилкс незамедлительно и вежливо отвечал на многие вопросы императора, касавшиеся его лично, проявив себя как благородный

и незаурядный человек. Восточно-Индийская компания передала этот остров под опеку британского правительства на весь срок ссылки императора.

Бриг «Фьюрет» и фрегат «Гавана», отделившиеся от нас в результате шторма в Мадейре, стояли на якоре в гавани Святой Елены в течение последних семнадцати дней; бразильский маршрут, избранный этими двумя кораблями, был намного предпочтительней того, которым воспользовался адмирал.

После такого продолжительного плавания было бы приятно сойти на берег сразу же в день прибытия, но мы понимали, что необходимо найти дом, достаточно большой, чтобы с удобствами разместить так много людей. Все ждали возвращения на борт корабля адмирала, который должен был решить время высадки на берег. Но прошло целых два дня, 15 и 16 октября, прежде чем мы вступили на землю этого проклятого острова, как называла его графиня Бертран. Адмирал и полковник Бингем вновь отправились на берег и, вернувшись вечером, сообщили императору, что они нашли небольшой дом в городе для него и его приближенных, чтобы пожить там, пока не закончится строительство резиденции в Лонгвуде. Хотя в соответствии с инструкциями британского кабинета министров император должен был оставаться на борту корабля до того времени, когда его можно будет разместить в условиях, гарантирующих его содержание под арестом, адмирал, более человечный, чем британские министры, своей волей решил переправить императора на берег острова.

Вечером 17 октября, перед тем как покинуть борт «Нортумберлэнда», император вызвал к себе капитана Росса, чтобы попрощаться с ним и попросить его выразить офицерам и команде корабля свою благодарность. Прощальные слова императора были выслушаны с большим вниманием теми, кто присутствовал на этой последней встрече с императором, и глубоко тронули тех, кому они были переданы. Император сел в шлюпку, сопровождаемый адмиралом и графом Бертраном, и уже на территории острова его поселили в маленьком доме, принадлежавшем г-ну Портезу. Дом оказался чрезвычайно чистым, однако он был неудобным из-за своих маленьких размеров и своего местонахождения. Внутреннее расположение комнат в доме не позволяло императору двигаться в нем так, чтобы не оказаться в поле зрения прохожих. А выходя из дома, император не был застрахован от того, чтобы неожиданно не столкнуться нос к носу с обитателями близлежащих нескольких домов, составлявших то, что называлось городом.

Адмирал, проводивший императора в гостиную дома,

сообщил ему, что это его размещение является временным. Адмирал добавил, что он примет меры, чтобы ускорить работы по приведению в порядок официальной квартиры императора, назначенной британским правительством. Он вновь повторил, что хотя от него и зависит, чтобы император чувствовал себя удобно, насколько это возможно, но у него не хватает средств для скорейшего, как ему хотелось бы, завершения работ. Я высадился на берег раньше императора и уже осмотрел дом, в котором нам предстояло остановиться. Гостиная была на первом этаже, а спальная комната — на втором; у этого дома не было ни сада, ни внутреннего двора. Я осознал с печалью в душе, что моей мечте так и не суждено осуществиться: полная изоляция для императора и удобный для него дом в тени деревьев и с родником в саду. Мне бы хотелось, чтобы в его распоряжении была резиденция «Мадонны Марчианы» с острова Эльба с ее прохладной, густой тенью и с ее очаровательным ручейком. Вместо этого мы получили солнце, нещадно палившее.

К восьми часам вечера мы все покинули «Нортумберлэнд» и собрались в этом доме, в котором никто из нас не чувствовал себя удобнее, чем на борту корабля.

В комнате императора я, насколько это было возможным, навел порядок, отвечающий его постоянным привычкам. Но маленькая комната, предназначенная для меня, имела выход только в комнату императора, что было для меня крайне неудобно. У императора был плохой сон; он попросил меня подать ему его лампу с абажуром, накинул на себя халат и взял книгу. Он высказал пожелание, чтобы Лонгвуд, расположенный неподалеку от леса на возвышенном плато, был готов как можно скорее. «Завтра вместе с адмиралом я поеду посмотреть на этот дом, и он должен действительно находиться в самом безобразном состоянии, чтобы я отказался занять его». Эти слова доставили мне безграничное удовольствие, так как моя душа настолько погрузилась во мрак, когда мы вступили в город, что я навсегда мысленно попрощался со своей семьей. Вечером я узнал, что адмирал не разрешил слуге генерала Гурго высадиться на берег; этот слуга не был включен в официальный правительственный список, и как ни настаивал генерал на том, чтобы его слугу, к которому он был очень привязан, оставили при нем, решение адмирала было непоколебимым. Слуга генерала Гурго был посажен на борт брига, направленного в Европу, чтобы объявить о прибытии императора на остров Святой Елены.

На следующий день в восемь часов утра император, адмирал и гофмаршал, а также сопровождавший их Сен-Дени, оседлав коней, отправились осматривать дом, о котором мне ночью

говорил император. Во время его отсутствия я узнал от владельца дома, что температура воздуха на плато очень непостоянная: хорошая погода неожиданно меняется на плохую, и более умеренный климат в самом городе был бы намного предпочтительней, если бы англичане были готовы предоставить императору правительственное здание. В нем комнаты были просторными, красивая терраса возвышалась над самым берегом моря. Но меня мало привлекали преимущества размещения императора в городе: с моей точки зрения, ограничение его личной свободы перечеркивало все эти преимущества.

На пути в Лонгвуд император увидел небольшой дом, расположенный в месте, которое показалось ему уголком очаровательной сельской природы. Императору сказали, что дом принадлежит г-ну Балькуму[248]. Император продолжил свой путь, но решил, возвращаясь из Лонгвуда, задержаться в этом месте. Если бы Лонгвуд оказался непригодным для жилья, то император предпочел бы самую маленькую хижину в этой сельской местности дому в городе, где он не мог ступить и шага без того, чтобы не оказаться в поле зрения прохожих.

Император приехал в Лонгвуд и не был в особенном восторге от дома, лишенного тени и какого-либо природного водного источника, но подверженного юго-восточному ветру, постоянно преобладающему в этом месте и весьма сильному в момент приезда туда императора. Он сразу же оценил объем работ, которые оставалось завершить для того, чтобы занять эту резиденцию. Единственным преимуществом этого места для императора было то, что дом находился на плато, простиравшемся на несколько миль, что позволяло совершать конные прогулки и даже кататься в карьере, если англичане согласились бы проложить дорожки в зарослях эвкалипта, которые начинались недалеко от дома. Вице-губернатор, полковник Скелтон[249], проживавший в Лонгвуде, был чрезвычайно любезен, приветствуя императора, но он не смог ослабить удручающее впечатление, которое на императора произвел Лонгвуд. Англичане приложили немало усилий, чтобы лишить императора возможности ознакомиться с другой частью острова, где находилась резиденция губернатора «Колониальный дом», в которой они могли бы разместить его с большим успехом. «Колониальный дом» находился в том же здании, которое я увидел двадцать пять лет спустя, когда удостоился чести под руководством принца Жуанвиля участвовать в операции по возвращению праха императора в Париж. Это здание расположено в прекрасной местности и недоступно для восточных ветров. Находясь в окружении моря и в тени деревьев, оно

господствовало над хорошо обработанной долиной с великолепным лесом и аккуратно проложенными дорожками. При виде элегантной внутренней обстановки этой резиденции я не мог не подумать о той жестокости, с которой был выбран Лонгвуд в качестве резиденции императора, когда существовала такая очаровательная резиденция на противоположной стороне острова. Там жизнь императора могла бы продолжаться дольше, однако англичане хотели с помощью сурового климата сделать ее, по возможности, непродолжительной. Вечный позор британскому правительству!

Ниже приводится некоторая информация о нашем знакомстве со Святой Еленой, которая представит интерес для читателя, поскольку этот остров — впоследствии знаменитый — стал государственной тюрьмой для императора, а также его могилой.

Джеймстаун, расположенный вдоль церковной набережной, окружен скалами, лишенными растительности и возвышающимися над уровнем моря более чем на шестьсот футов. Остров защищен от всяких неожиданностей; и не только благодаря наблюдательным постам, которые могут заметить любые приближающиеся корабли на расстоянии до пятнадцати лье от берега моря, но также из-за мощных оборонительных средств, которые могли бы препятствовать любой попытке добраться до острова. От бухты город отгорожен стеной, которая повторяет контур залива вплоть до губернаторского дворца; между этим барьером и морем протянулся пирс, на котором на уровне моря расположились шесть артиллерийских батарей, обеспечивающих перекрестный огонь и защищающих вход в гавань; ни один корабль не может войти в гавань, не попав под их заградительный огонь. Не менее мощные орудийные подразделения размещены на различных уровнях почти отвесных скал, которые господствуют над городом; эти подразделения составляют форты, прикрывающие Джеймстаун, бухту и гавань и превращающие весь этот район в настоящую крепость, недоступную для приближения к нему.

От пирса к городу можно добраться по укрытой дороге, проложенной через городскую стену и ведущей к узкой двери, закрытой подъемным мостом; позади двери находится большая, ровная площадь с посаженными деревьями с правой и с левой стороны. Правительственный дом, с роскошной внутренней отделкой, с левой стороны граничит с садами Восточно-Индийской компании, густо засаженными деревьями и экзотическими цветами, а с правой стороны — с церковью. Частные дома и магазины окружают эту площадь и составляют улицу, которая тянется в направлении долины и дороги в

Лонгвуд. Весь этот маленький город, насчитывающий около сотни домов, имеет чистый и элегантный вид. Если следовать вдоль долины, которая поднимается к коттеджу Балькума, то можно выйти к складам Восточно-Индийской компании, просторным помещениям гарнизона и загородным домам. Благодаря речке, подпитываемой водопадами с гор, окружающих южную долину острова, растительность здесь пышная. Когда вы поднимаетесь по дороге в Лонгвуд или по дороге, ведущей к «Континентальному дому», перед вами предстает весьма живописный пейзаж. Речка обеспечивает суда достаточным количеством питьевой воды, позволяя им набирать воду на борт у берега, без захода в город.

Когда мы прибыли на остров, на нем не было дорог, удобных для карет. Вся связь на острове осуществлялась по проселочным дорожкам. Остров насчитывал только около пятисот белых жителей, включая военных гарнизона, и около трехсот рабов. В 1821 году на острове было около восьмисот белых, триста негров и столько же китайцев и индусов. Некоторые из них нанимались в Лонгвуд в качестве слуг на кухне, в кладовой и в гардеробной. В начале нашего прибытия вода привозилась в Лонгвуд бочками, и в связи с этим император не мог принимать ванну так, как ему бы хотелось. Только уже намного позднее сэр Хадсон Лоу распорядился соорудить очень большие цистерны у подножия пика Дианы и тем самым сделал возможным набирать в них воду во время дождливого сезона. Лонгвуд и прилегавший к нему лагерь оказались тогда обеспеченными в достаточной мере запасами воды. Ресурсы острова были столь незначительными, что, когда мы прибыли на него, военные гарнизона, как и на борту корабля, сидели на скудном пайке. Местные жители брали товары, в которых они могли нуждаться, на складах Восточно-Индийской компании. Им запрещалось убивать крупный рогатый скот и овец без разрешения губернатора. Период, когда местные жители получают предметы роскоши в обмен на свежие продукты, наступает во время прибытия на остров кораблей Восточно-Индийской компании на пути из Индии в Европу. Этот период продолжается несколько недель и создает в Джеймстауне праздничную атмосферу; после долгого плавания иностранцы с приятным удивлением находят приют, воду, свежее мясо, зеленые овощи и фрукты, а также возможность продолжительных конных прогулок по острову, располагавшему такими приятными резиденциями, как «Колониальный дом», «Розмари Холл» и «Сэнди Бей». Коттеджи «Брайерс», «Дьютон» и «Мейсон»[250] предлагают им теплый гостеприимный прием и прохладную тень, чтобы отдохнуть от палящего солнца. Всех этих благ в Лонгвуде не существовало. В этой резиденции было только одно плато, на

котором предпринимались безуспешные попытки вырастить зеленые плантации. Эта часть острова постоянно подвергалась опустошительному вторжению юго-восточных ветров. Климат острова Святой Елены в целом являлся нездоровым, особенно в той его части, в которой проживал император.

Поэтому ничего из того, что задумывал адмирал в отношении улучшения проживания на плато Лонгвуда, не могло быть привлекательным для императора: вопрос всего лишь касался дополнительных пристроек к ветхому одноэтажному каменному дому, который служил резиденцией для вице-губернатора.

Глава двенадцатая

Размещение в коттедже «Брайерс» — Семья Балькумов — Адмирал Кокбэрн — Доктор О'Мира — Отъезд в Лонгвуд

Возвращаясь в город из Лонгвуда, император выразил адмиралу свое пожелание ознакомиться с коттеджем «Брайерс»; адмирал немедленно удовлетворил это пожелание. На пути к коттеджу император заявил адмиралу, что если владелец дома не будет возражать, то он хотел бы поселиться во флигеле коттеджа, находившемся в двадцати пяти шагах от главного здания: он предпочитал жить там, а не в городе. Когда они приехали в коттедж, то об этой просьбе императора сообщили его владельцу, который от всей души дал на нее свое согласие. Хотя подагра заставила его лежать в постели, он выразил желание сдать императору весь дом. Император был весьма признателен ему за это, но не захотел принять предложение владельца коттеджа. Император заявил ему, что он с удовольствием поселится во флигеле при условии, что привычки и обычаи семьи владельца коттеджа не будут нарушены. Отметив тесноту внутренних помещений флигеля, в котором императору придется ждать окончания работ в Лонгвуде, адмирал тем не менее поспешил охотно согласиться с пожеланием императора, и далее в город поехал уже только один гофмаршал. Он сообщил мне о решении императора поселиться временно в коттедже «Брайерс» и дал мне указание перевезти туда вместе с Новерразом вещи императора. Одновременно гофмаршал распорядился, чтобы Киприани, дворецкий, ежедневно возил в «Брайерс» обед императору. Император также пригласил к себе графа де Лас-Каза, который решил, что он должен жить с императором без своего сына. Но император сказал ему: «Я не хочу разлучать тех, кто так близок друг к другу: пошлите за вашим юным Эммануэлем».

Меня охватило чувство радости, когда я узнал об этом решении. После того как я урегулировал все вопросы, связанные с переездом, и дал задание Новерразу отвезти в коттедж «Брайерс» вещи Его Величества, я отправился к императору. Я покидал город без всякого сожаления, поскольку знал, принимая во внимание привычки императора, что в городе нас ничего не ждет, кроме безрадостного, тягостного и неудобного проживания. Наконец, семейный образ жизни, по которому я так тосковал и в котором более не будет места ни одному англичанину, говорил многое в пользу такого переезда. Дорога, по которой я следовал к коттеджу «Брайерс», была как раз той, что вела к Лонгвуду;

проложенная вдоль склона горы, она позволяла охватить взглядом город и небольшую долину, которая от этой дороги простиралась далее к подножию отвесной скалы, где и заканчивалась. Там, с вершины этой черной скалы, низвергается серебристый ручей, который затем у подножия скалы в легком тумане дает начало речке, покрытой водяным крессом. Она далее, извиваясь, течет вниз к городу. Флигель императора возвышался над этой небольшой долиной, по которой там и здесь разбросаны несколько маленьких домиков, окруженных довольно хорошо ухоженными садами. Город и корабли гавани с океаном на горизонте представляли собой живописную картину, не лишенную очарования. Бесплодность скал, возвышавшихся над городом и тянувшихся до коттеджа «Брайерс», тем более подчеркивала значение растительности, покрывавшей эту маленькую и узкую полоску земли.

Я обнаружил императора сидящим у двери флигеля и беседовавшим с адмиралом, который остался вместе с ним. Император подозвал меня к себе и спросил, занялись ли мы его багажом; я ответил, что он будет во флигеле не позднее, чем через час. Едва ли можно было найти более тесное помещение, чем этот маленький флигель, который я тут же тщательно осмотрел: небольшая прихожая, большая комната с четырьмя окнами и на втором этаже две маленькие комнатки под крышей, в которые можно подняться по небольшой лестнице из прихожей. Таково было все помещение, в котором следовало разместиться императору, графу де Лас-Казу, его сыну, Сен-Дени, Новерразу и мне. Дворовые помещения основного здания были весьма незначительными, но перед ним расстилался свежий газон, сад содержался в хорошем состоянии, участок коттеджа был в тени деревьев, под которыми протекал ручей. Уединение императора здесь никем и никогда не нарушалось. Хозяйка дома и две ее очаровательные дочери предложили все, что могло бы помочь меблировать комнату, предназначенную для императора. Я взял несколько стульев, кресло и стол; то, что было привезено из города Новерразом, позволило императору следовать своим обычным привычкам. На участке коттеджа пришлось обзавестись для жилья и палаткой; император увидел, как около его флигеля воздвигли полевую палатку.

Как только прибыли вещи императора, мы сразу же позаботились о том, чтобы установить его походную кровать; стол был поставлен на ковер в центре комнаты. Он должен был служить и письменным, и обеденным столом, сама комната должна была стать спальней, кабинетом и столовой. Трудно было представить себе более ограниченное пространство, чем то, в

котором оказался император, но зато он в нем двигался свободно, а об остальном можно было и забыть. Г-н Балькум с такой настойчивостью предлагал мне комод с зеркалом, что я был вынужден взять его. На нем я разложил императорский походный саквояж, который, когда его раскрывали, немного украшал комнату. Я распорядился, чтобы из города прислали упаковку с серебряным умывальником, взятым из бурбонского Елисейского дворца. Умывальник был работы Бьеннэ, мастера по серебру. Эта серебряная вещь выглядела очень элегантно, она стоила 10 000 франков и стала источником восхищения всей семьи Балькумов. На стенах императорской комнаты висели портреты Римского короля и императрицы Марии Луизы. Несколько кусков ткани, развешанных на веревках поперек окон, завершали меблировку комнаты. Граф Лас-Каз с сыном устроился в комнатах на втором этаже. Сен-Дени, Новерраз и я спали в прихожей, завернувшись в наши пальто, на походных матрасах, присланных нам из города.

Именно в этом флигеле властелин всего мира, покорившийся своей судьбе, должен был жить в течение двух месяцев. Он вынужден был ждать, когда закончится реконструкция его предполагаемой резиденции, расположенной в самой бесплодной части острова. Столкнувшись с подобной бедой, мы понимали, что настало время для нашего самопожертвования. Мы пошли на это, проявив заботу об императоре буквально во всем: император на острове Св. Елены обслуживался точно с таким же рвением, с такой же заботой и с таким же вниманием, как и в Тюильри во времена его величия. Чтобы добиться этого, ничего непосильного для нас не было. Это было нашим единственным желанием. Мы были счастливы доказать ему любой ценой подобную заслуженную преданность. Артиллерийский капитан Грейтли[251] вместе с двумя ординарцами переехал в коттедж «Брайерс», чтобы осуществлять наблюдение за императором. Но как бы он ни старался не попадаться на глаза императору, он то и дело оказывался на его пути, и это привело к плачевным результатам: именно это послужило началом ухудшения отношений между адмиралом и императором.

Обед из города привозил Киприани, а завтрак на следующий день готовился из того, что оставалось от вчерашнего обеда. Было очевидно, что такой порядок плохо отразится на питании императора. В первый день во время обеда граф де Лас-Каз и его сын были вынуждены обходиться без салфеток, так как столовое белье еще не было доставлено. Все, что доставлялось из города невольниками в коттедж «Брайерс», было остывшим. Первые дни император не жаловался, возлагая вину за скверные обеды на плохую организацию их доставки. Однако однажды вечером,

готовясь ко сну, он поговорил со мной об этом. Я сказал, что в городе остались его дворецкий и буфетчик; один из них мог бы быть здесь и готовить ему еду в коттедже «Брайерс» и, не беспокоя г-жу Балькум, использовать маленькую комнату, в которой невольники готовили свою еду. Таким образом император мог бы всегда иметь горячий обед. Через два дня по приказу графа де Монтолона в коттедж «Брайерс» прибыли Пьеррон, буфетчик, и Лепаж, повар, которых император оставил обслуживать гофмаршала. Были присланы также, причем в достаточном количестве, столовое серебро и белье; обслуживание императорского стола приняло регулярный характер. Киприани было поручено поставлять в коттедж «Брайерс» провизию, куда она поступала каждое утро, и обеспечивать питанием офицеров, проживающих со своими семьями в городе. Для обслуживания стола в распоряжении Киприани находился Сантини. При нем также были братья Аршамбо, Жантилини и Руссо.

Адмирал Кокбэрн, старавшийся поддерживать гармоничные отношения, сложившиеся между ним и императором на борту «Нортумберленда», время от времени посещал коттедж «Брайерс», чтобы предложить свои услуги. Но меры по наблюдению за императором, принятые его офицером и рассматриваемые императором как досадные и абсолютно бесполезные, скорее ослабляли эти отношения. Со времени начала работы кухни в коттедже «Брайерс» император, когда один из его офицеров приезжал к нему из города, обычно приглашал его к обеду, а после обеда еще и задерживал его у себя; таким образом у императора не проходило и дня без того, чтобы не пообщаться со своими офицерами. В этом новом уединении император продолжал придерживаться привычек, которые он приобрел на борту корабля; он обычно оставался в своей комнате до 4-х часов дня, затем одевался и в сопровождении графа де Лас-Каза отправлялся в сад, где ждал минуты, когда ему сообщат, что обед подан. Генерал Бингем, прибывший однажды утром, чтобы нанести визит императору, удивленно ахнул, когда увидел воочию, в какой тесноте проживает император, и предложил прислать ему палатку, которую можно было бы расположить перед флигелем на небольшом участке земли, выровненном для этой цели. Эта палатка стала столовой и кабинетом и оказалась очень полезной во время нашего пребывания в коттедже «Брайерс». Наконец-то после такого продолжительного плавания и всех тяжелых невзгод император наслаждался полнейшим уединением. Казалось, он не замечал лишений и занимал долгие часы скуки беседами с графом де Лас-Казом об итальянских кампаниях, воспоминания о которых начал ему диктовать.

В коттедже Балькумов проживали глава семьи, страдавший от подагры, г-жа Балькум, добрая, милая и ласковая, а также две юные девочки, из которых младшая, мисс Бетси, обещала стать хорошенькой девушкой. Обе они были милыми и добрыми; они немного говорили по-французски; поскольку граф де Лас-Каз говорил на идеальном английском, то с этой семьей установились теплые отношения. Император иногда заходил к ним в дом, и его забавляла наивность этих юных созданий. Император принимал участие в игре в вист, когда хозяева дома приглашали его к карточному столу. Он был тронут проявлением искреннего внимания к его особе со стороны членов этой семьи, готовых оказать ему любые услуги, и он бы чаще приходил к ним в гости, если бы не заметил, что чрезмерное любопытство некоторых людей в округе, желавших увидеть императора, приводило и их в этот гостеприимный дом. Я уже упоминал о том, что артиллерийский капитан г-н Грейтли, сержант и несколько солдат обосновались в коттедже «Брайерс» и вели за императором назойливое наблюдение. После того как по этому поводу адмиралу были высказаны соответствующие замечания, сержант и солдаты были отозваны из коттеджа, но капитан продолжал оставаться, переодевшись в гражданскую одежду. Наблюдение не стало менее активным, хотя более скрытым. В городе оно продолжалось с такой же тщательностью. Гофмаршал, генерал Гурго и граф де Монтолон не могли и шагу ступить без того, чтобы за ними не последовал офицер или сержант; то же самое повторялось, когда они приезжали в коттедж «Брайерс» навестить императора, и даже их супруги заметили это. Хотя все трое были размещены в городе гораздо лучше, чем император, который оставил им своего дворецкого, но они чувствовали себя в изоляции. По воскресеньям к императору к обеду приезжали их супруги, чтобы поведать о своем жалком положении, а сами мужья жаловались императору на то беспокойство, которое им доставляло педантичное наблюдение за ними. Император с большим сочувствием выслушивал их жалобы, убеждал их сохранять терпение и обещал, что совместная доброжелательная семейная жизнь компенсирует все те неприятности, с которыми им приходится сталкиваться, как только все они переедут на жительство в Лонгвуд.

Все завидовали положению графа де Лас-Каза, и не без основания; между императором и графом возникла близость, основанная на частых содержательных беседах и на взаимном уважении. Развитию этой близости содействовало также то обстоятельство, что они были примерно одного возраста. Те, чья преданность императору была доказана на полях сражений и чья

любовь к нему была не меньшей, чем у графа, опасались, что могут лишиться части его привязанности к ним, которая стала их единственным утешением на этой жалкой скале. Здесь они не стремились ни к получению титулов, ни к достижению собственного величия, но к укреплению дружбы с императором, чью ценность они все ощущали на этой земле, предназначенной им для изгнания. Я, конечно, ни за что бы не поменял мой матрас с борта корабля — хотя мои бока остро чувствовали сквозь него твердый пол — на самую удобную постель в доме, принадлежащем г-ну Портезу.

Император знал, что лучший способ борьбы со скукой — это работа, поэтому он каждый день приглашал к себе одного из этих господ. Я уже говорил, что свои воспоминания об итальянских кампаниях император диктовал графу де Лас-Казу, воспоминания об Египте — гофмаршалу; мемуары о днях Консулата, острова Эльбы и о периоде «Ста Дней» диктовались генералу Гурго; в распоряжении графа де Монтолона находились времена Империи. И император не нашел ничего лучшего, как поручить копировать и приводить в порядок уже откорректированный продиктованный материал Сен-Дени и мне. Позднее, когда уже я писал под диктовку императора, эта работа была поручена одному Сен-Дени.

Император пытался писать сам, но его рука не поспевала за его мыслями, которые были столь внезапными, краткими, выразительными и полными блеска. Тогда он пытался прибегнуть к сокращениям, но в таком виде, что написанный им текст оказывался для всех — даже иногда для него самого — неразборчивым. Однажды, приведенный в замешательство несколькими словами, вставленными между двумя строчками, я пошел показать ему эти слова, чтобы он смог прочитать их мне; он сам оказался не в состоянии сделать это, сказав мне, чтобы я оставил написанное как оно есть, добавив, что позднее он постарается вспомнить то, что написал.

Во время нашего пребывания в коттедже «Брайерс» адмирал дал несколько балов и один большой званый обед. Он приезжал к императору просить оказать ему честь присутствовать на этих приемах. Адмирал был намерен, используя эти приемы, неофициально представить императору гражданских и военных должностных лиц острова. Подобные сборища не соответствовали желаниям императора, который вежливо благодарил адмирала за приглашения. Все эти небольшие приемы посещали, согласно пожеланиям императора, эти господа и их супруги и даже г-н де Лас-Каз. Аналогичное приглашение было передано императору позднее полковником Бингемом и майором Ферценом[252] от

имени офицеров, которые давали бал. Император поблагодарил их, но отказался от приглашения, имея в виду послать на бал вместо себя графа де Лас-Каза; однако последний, нарушив правила, не подчинился, заявив, что он более одержим желанием иметь возможность доложить императору о том, как спорится работа в Лонгвуде, чем получать удовольствие от бала, который не предназначен для человека его возраста. Он поехал в Лонгвуд вместе со своим сыном и вернулся поздно вечером совершенно измученный. На следующий день он рассказывал о доме в Лонгвуде. «Сир! — воскликнул де Лас-Каз, — здесь мы живем без удобств. Там мы будем жить, как в тюрьме».

Император стал уставать от продолжительного пребывания во флигеле; выходя на прогулку в сад после захода солнца в коротких бриджах и в шелковых чулках, он простудился и сильно кашлял. Г-жа Малькум, в чей дом император иногда заходил к концу дня, предложила ему выпить настойку из четырех цветов с маленькой добавкой меда с ее собственной пасеки. Император поблагодарил и показал ей маленькую коробку для конфет, содержавшую лакрицу, единственное лекарство, которое он признавал. Император несколько дней провел, не покидая своей комнаты, и простуда прошла.

Однажды вечером, когда погода была слишком плохой для прогулки, император сидел за столом вместе с графом де Лас-Казом и его сыном и попросил меня принести ящик с его коробками для нюхательного табака. Я принес этот ящик открытым, в нем был виден верхний ряд коробок. Граф де Лас-Каз и его сын ранее никогда не видели этих коробок: они восхищались их роскошной отделкой и сходством членов императорской семьи, изображенных на коробках. «Это вечер с моей семьей, на который я приглашаю вас, мой дорогой Лас-Каз, — заявил император, — у меня было много других коробок, но Констан украл их у меня в Фонтенбло в 1814 году». Коробки во втором ряду ящика оказались не менее красивыми: они были украшены античными камеями, очень редкими золотыми и серебряными монетами, портретами работы Птито и Тюреня. После того как содержимое ящика было осмотрено, г-н Эммануэль Лас-Каз прочитал императору несколько надписей по-гречески на медалях, украшавших некоторые коробки для нюхательного табака. Я собирался было закрыть ящик, когда император распорядился, чтобы я также положил в него те коробки, которыми он пользовался во время переезда в коттедж «Брайерс». Одна была украшена портретом императрицы Марии Луизы, а другая — портретом Римского короля. Он заменил их двумя другими коробками, которые были украшены серебряными

медалями. На одной из них была изображена голова Цезаря и голова Тимолеона, а на другой — голова Александра Македонского. «Ладно, — сказал император, — неужели у тебя больше ничего нет, чтобы показать мне? Покажи мне мои богатства». Я принес ему другой ящик, хранивший двенадцать золотых коробок с изображением герба империи, предназначенных для подарков, а также две коробки, украшенные его портретом в обрамлении больших бриллиантов. В том же ящике находились две небольшие подзорные трубы для использования в военное время. Посмотрев все эти вещи, император попросил меня принести ему один из его маленьких походных саквояжей; ознакомившись вместе с графом де Лас-Казом с содержимым саквояжа и затем закрыв его, он передал его в руки графа со следующим словами: «Этот саквояж послужил мне в утро Аустерлица, а теперь перейдет во владение Эммануэля, когда ему будет тридцать или сорок лет».

С того времени, когда император поселился во флигеле коттеджа «Брайерс», он не пытался продолжить свои прогулки за пределами той дорожки, которую он называл своей любимой. Однажды ему захотелось верхом на коне поездить по острову; из города ему немедленно выслали лошадей. Г-н де Лас-Каз и Сен-Дени готовились сопровождать его; но, когда они уже было собрались седлать коней, они узнали, что дежурный офицер, который накануне разрешил императору совершить конную прогулку одному, только что получил приказ строго соблюдать имеющиеся инструкции. Император был раздражен этой новостью и распорядился, чтобы Сен-Дени отправил лошадей обратно: он отказывается от конной прогулки. После обеда он — это стало его привычкой — вышел сад. Побродив по саду, он обратил внимание на небольшую дорожку, которой пользовались только невольники. Проследовав по этой дорожке, он вышел к небольшой долине, которую можно было увидеть из окон императорского флигеля. Хотя дорожка была крутой и поэтому опасной, император, г-н де Лас-Каз и его сын пошли по ней и не без трудностей добрались до дома майора Ходсона[253], что и было целью их прогулки. Когда император покинул майора, наступил вечер; они не могли вернуться обратно по той же дорожке и приняли предложение майора воспользоваться его лошадьми для возвращения домой. Они прибыли в коттедж «Брайерс» довольно поздно, заставив нас волноваться. На следующий день император пребывал в радостном настроении от предыдущей вечерней прогулки и очень уважительно говорил о майоре Ходсоне и о сердечном приеме, полученном в его доме. Но было еще что-то, поднявшее его настроение: ему удалось

обмануть своего охранника, который не мог представить, что император и граф де Лас-Каз отважатся пойти по такой опасной дороге.

Адмирал Кокбэрн, несмотря на введенные им строгие ограничения, тем не менее продолжал оказывать внимание императору и сопровождавшим его лицам, а также был весьма любезен по отношению к их дамам. Но в городе наблюдение за французами стало просто невыносимым ввиду принятия новых мер, которые застали этих господ врасплох и выводили их из душевного равновесия, нарушая их повседневный режим. Вот, например: французы, не проживавшие в коттедже «Брайерс», были обязаны впредь возвращаться в город до 9 часов вечера, чтобы не подвергнуться аресту часовыми, которые получили приказ прекращать любое движение в этот час между Джеймстауном и коттеджем «Брайерс».

Ниже приводятся распоряжения портовых властей в том виде, в каком они были доведены до сведения императора:

ПОРТОВЫЕ ПРАВИЛА

1. Капитаны кораблей уважаемой Восточно-Индийской компании и шкиперы или капитаны всех торговых судов, которым разрешается бросить якорь у этого острова, не должны сходить на берег или давать согласие кому-либо, имеющему отношение к их судну или кораблю, сходить на берег до тех пор, пока настоящие правила не будут сообщены на борт вышеуказанных кораблей. Они должны сначала выслать список всех лиц, находящихся на борту корабля, губернатору — с тем, чтобы он мог указать, кому из перечисленных в списке лиц разрешается сойти на берег.

2. Сначала от всех капитанов кораблей или судов требуется, чтобы они заявили, имели ли место на борту корабля какие-либо заболевания, инфекционные или иные, и были ли какие-либо случаи со смертельным исходом во время плавания, и если они были, то необходимо констатировать их причины.

3. Все письма и пакеты, адресованные лицам, проживающим на острове, за исключением той корреспонденции, которая прибывает по каналам регулярной почты, должны быть вручены офицеру, доставившему настоящие правила. Офицер передаст

полученную им корреспонденцию секретарю правительства острова, к которому впоследствии можно обратиться за получением адресованной корреспонденции.

4. Если капитан, один из его пассажиров или кто-либо на борту корабля имеет при себе какое-либо письмо, пакет и тому подобное, адресованное одному из иностранцев на острове, то им предлагается информировать об этом самого губернатора, вручив ему записку или письмо в конверте с корреспонденцией иностранцу, или ждать указаний губернатора, если посылка иностранцу имеет значительные размеры.

5. Только капитан корабля, после того, как настоящие правила будут прочитаны и обнародованы на борту корабля, может сойти на берег, если он этого пожелает, и направиться прямо к губернатору в том случае, если он находится в городе. В противном случае капитан должен дать знать о своем прибытии в канцелярию заместителя начальника штаба губернатора.

6. Капитаны, офицеры и любые пассажиры, которым будет разрешено сойти на берег, обязаны сразу же направиться в канцелярию мэра в городе, чтобы прочитать правила пребывания на острове и затем расписаться под ними, прежде чем отправиться к месту своего размещения или навестить любой дом или любое лицо, проживающее на острове.

7. Ни один пассажир корабля и ни одно лицо, сошедшее с корабля, не могут без разрешения покинуть долину Джеймстауна. Для получения такого разрешения они должны посетить канцелярию заместителя начальника штаба губернатора.

8. Ни одно лицо, имеющее разрешение сойти на берег, не может посетить коттедж «Брайерс» или Лонгвуд или места, пограничные с ними, и иметь любой устный или письменный контакт с иностранцами, удерживаемыми на острове, без того, чтобы непосредственно информировать губернатора о своих намерениях, и без получения его согласия на подобные действия. Если некто должен получить письмо или пакет от вышеупомянутых иностранцев, то он обязан немедленно принести эту корреспонденцию губернатору, прежде чем ответить на это письмо. То же самое правило распространяется в отношении любого пакета, который может быть получен или который попытаются передать.

9. Капитаны кораблей Восточно-Индийской компании

и шкиперы всех типов торговых судов, которым позволено бросить якорь у берега острова, не должны разрешать кому-либо сойти на берег с корабля или судна без согласия на то со стороны губернатора. Ни один пассажир не должен оставаться на ночь на острове, не поставив об этом в известность губернатора.

10. Ни один корабль, принадлежащий Восточно-Индийской компании, и ни одно торговое судно не должны разгружаться на пирсе в период между восходом солнца и его заходом и в любое время дня без присутствия при этом уполномоченного офицера. Если корабль по каким-либо причинам получает приказ не причаливать к пирсу, то он должен принять меры для того, чтобы стоять на некотором расстоянии от гавани и тем самым позволить другим кораблям причалить к пирсу без всяких помех. Корабли, занятые погрузкой или разгрузкой товаров, должны делать это как можно скорее, чтобы не стать помехой для других кораблей.

11. Все корабли, принадлежащие Восточно-Индийской компании, и любые другие торговые суда должны покидать остров с заходом солнца, а пассажиры должны немедленно возвратиться на борт своих соответствующих кораблей. Нарушение этого правила возможно только в силу обстоятельств, определенных адмиралом.

12. Ни одна лодка, принадлежащая кораблю Восточно-Индийской компании или любому другому кораблю, не может плыть к берегу вместе со своим кораблем. Лодка с одного корабля не может направляться к другому кораблю. Ни одна лодка не может причаливать в каком-либо месте, кроме гавани.

13. Ни один корабль Восточно-Индийской компании и ни одно торговое судно не могут бросить якорь у берега этого острова между заходом солнца и его восходом или поднять паруса для отплытия после захода солнца и перед десятью часами утра. Нельзя поднимать паруса до тех пор, пока не будет вывешен флаг, разрешающий плавание для каждого судна и корабля в отдельности.

14. Если флаг, разрешающий отплытие корабля, вывешен незадолго до захода солнца и корабль снимается с якоря недостаточно быстро, то он не должен отправиться в плавание до тех пор, пока сигнал к отплытию не будет повторен на следующий день в 10 часов ура.

15. Самым настоятельным образом запрещается всем капитанам кораблей или торговых судов позволять любой рыболовецкой лодке с острова приближаться к его кораблю без разрешения, подписанного губернатором, или позволять любой лодке, принадлежащей его кораблю, приближаться к пронумерованным суднам островных рыбаков или общаться с ними.

16. Если рыболовецкое судно стремится пообщаться с кораблем, направляющимся к острову и уже стоящим на якоре, или если оно общается с лодкой, принадлежащей этому кораблю, то капитану корабля или его офицерам надлежит немедленно информировать об этом губернатора и заместителя начальника штаба губернатора, записав номер рыболовецкого судна и задержав его, если этого требуют обстоятельства.

17. Капитанам кораблей, везущих с собой газеты, которые могут содержать последние новости, достойные интереса, надлежит отдать эти газеты лицу, прибывшему на корабль для оглашения текста настоящих правил, чтобы это лицо передало газеты на просмотр губернатору, который затем возвратит их в полном объеме капитану корабля.

18. Запрещается выгружать на берег острова порох, не оповестив об этом сначала специального уполномоченного по снабжению и дежурного чиновника с тем, чтобы можно было бы принять необходимые меры для предотвращения несчастных случаев.

19. Без разрешения секретаря правительства острова нельзя выгружать на берег острова жеребцов, кобыл и меринов.

20. Без разрешения секретаря правительства острова нельзя выгружать на берег вина любых сортов.

21. Поскольку уважаемый совет директоров запретил импорт спиртных напитков из Индии, то в соответствии с соответствующим приказом любое лицо, нарушающее этот запрет, обязано выплатить штраф в размере 100 фунтов стерлингов. Бренди, медовый напиток, ром из Вест-Индии, крепкие напитки и т. п. могут выгружаться на берег острова только в очень ограниченном количестве после получения на это разрешения и оплаты налога в размере 12 шиллингов за галлон.

22. Китобойным кораблям не разрешается метать свои гарпуны, пока они находятся вблизи острова. За нарушение этого правила определен штраф в размере 50

фунтов стерлингов. Половина этой суммы будет выдана в виде награды лицу, сообщившему о нарушении этого правила.

23. Все капитаны кораблей и шкиперы торговых судов должны объявлять о своем отплытии из гавани острова заранее, за 48 часов до отплытия и сделать то же самое, если они пожелают задержаться на более продолжительное время, чем это было согласовано. Это заявление об отплытии должно быть представлено в письменной форме секретарю правительства и дежурному чиновнику между десятью часами утра и двумя часами дня. Топсель должен находиться в опущенном состоянии во время стоянки корабля и подниматься только за 48 часов до его отплытия из гавани. Ни один капитан или шкипер корабля не должны оставлять на острове какое-либо лицо или забирать с собой с острова какое-либо лицо, не обратившись в письменной форме к губернатору с просьбой о соответствующем разрешении.

24. Ни один капитан, пассажир или любое лицо, находившееся на борту кораблей уважаемой Восточно-Индийской компании или на борту других кораблей, бросивших якорь у острова, не должны брать с собой письма или пакеты для их пересылки в Европу, на мыс Доброй Надежды, в Южную Америку или куда бы то ни было, за исключением той корреспонденции, которая направляется регулярной почтой или которая была вручена им секретарем правительства или заместителем начальника штаба губернатора.

Капитан корабля или шкипер торгового судна обязаны подписать прилагаемую форму и возвратить ее офицеру, зачитавшему ему эти правила.

Язвительность, уже появившаяся в отношениях между адмиралом и императором, только возросла после прочтения этого документа. Среди приближенных к императору лиц, проживавших в городе, более всех от разлуки с императором страдал генерал Гурго. Он был одинок, лишенный даже своего слуги, которому было отказано в разрешении сойти на берег. Для того чтобы принять его в коттедже «Брайерс», необходимо было подыскать для него комнаты. Император сообщил ему об этом, и генерал сразу же преодолел это препятствие, ответив, что он всего лишь нуждается в небольшой палатке рядом с флигелем императора. Через несколько дней генерал переехал на участок коттеджа «Брайерс».

Из города приехал д-р О'Мира, чтобы предложить свои услуги императору. Когда он впервые присутствовал при церемонии утреннего туалета императора, тот, продолжая бриться, ткнул себя пальцем в грудь, облаченную во фланелевую нижнюю рубашку: «Ну вот, доктор, это как раз то, что ваши памфлетисты называют кольчугой, которую я обычно носил на себе во времена моей власти». Затем он обратил внимание доктора на то, что лежало на кресле: «А это шляпа, которая, как они говорят, снабжена стальной подкладкой; из-за подобной лжи ваши обманутые соотечественники прониклись в отношении меня самым превратным мнением. Но их связи с Францией вскоре заставят их узнать всю правду, и они во всем хорошо разберутся». Доктор ответил, что уже здесь, на острове, правда дала о себе знать и что дамы, которым была оказана честь увидеть императора в доме Балькумов, остались в восторге от его любезного отношения к ним. Мнение, которое у них осталось после общения с ним, было совершенно отличным от того, какое они имели до встречи. «Они, должно быть, представляли меня чем-то вроде черного животного», — смеясь, заявил император.

Доктор сообщил ему, что этим утром в гавань острова прибыл британский корабль. Император сказал, что ему об этом уже известно благодаря газетам, которые ему незамедлительно выслал адмирал, чьи благие намерения тронули императора. Этот поступок оказал на императора лечебное действие, так же как и на графа де Лас-Каза, который почитал газеты императору, что в какой-то мере сгладило плохое настроение Его Величества, вызванное ответом адмирала на письмо, написанное гофмаршалом о положении, в котором оказался император. Это письмо до его отправки было представлено императору, и он одобрил его формулировку. Адмирал, несомненно, огорченный замечаниями в письме в его адрес, ответил, что он не знает никакого императора на острове Святой Елены. Этот ответ, столь же краткий, сколь и оскорбительный, был доведен до сведения императора, который внешне не проявил чувства недовольства.

Как раз во время пребывания в коттедже «Брайерс» император узнал историю с Тоби, старым невольником, служившим в доме Балькумов. Император уговорил невольника рассказать ему, каким образом он, попавший в западню, был схвачен и перевезен на корабле на остров Святой Елены. Император хотел, чтобы этот невольник был возвращен обратно в свой дом и к своей семье. Он попросил г-на Балькума уделить внимание переговорам по этому вопросу, но они не нашли поддержки со стороны властей, и бедняга Тоби так и остался невольником.

Император нашел еще одного собеседника в лице генерала

Гурго, теперь он мог обсуждать войны и военные кампании с офицером, который был их непосредственным участником, способности и эрудицию которого он хорошо знал. Этот человек всегда был рядом и был готов писать под диктовку, что облегчало нагрузку графа де Лас-Каза, зрение которого слабело в результате такой усердной работы. Беседы с генералом также давали возможность погрузиться в прошлое; некоторые забавные истории из жизни императорского двора, остроумно рассказанные генералом, вызывали у императора смех, и он не мог удержаться, чтобы не сказать: «Ах, женщины, женщины, если бы не они, я бы никогда не узнал о многих вещах!»

На этом маленьком отрезке суши жители часто устраивали празднества и приемы, которые всегда завершались балом. Приглашения на них направлялись не только дамам и господам из окружения императора, которым было не до удовольствий и они присутствовали на приемах только по приказам императора, но также и самому императору; он всегда в мягкой форме отказывался от приглашений. Император с радостью принимал любых гостей, которые наносили ему визиты, но отказывался от всех приглашений, которые бы заставили его оказаться вне навязанного самому себе уединения. Последний бал во время пребывания императора в коттедже «Брайерс» был дан полковником Уилксом, управляющим островом Святой Елены от Восточно-Индийской компании. Император, уставший от перемен погоды, в течение нескольких дней не очень хорошо себя чувствовал. Господа и дамы из его окружения послали свои благодарности за полученные приглашения, но на бал не явились.

Страдающий от капризов погоды и от неудобств своего жилья во флигеле, император направил генерала Монтолона и генерала Гурго выяснить, как продвигается работа в Лонгвуде, и определить, когда можно было бы переехать туда. Возвратившись, они доложили императору, что строительство дома завершено; однако по-прежнему оставался очень сильный запах краски во всей резиденции и особенно в его спальной комнате. Они призывали императора отложить переезд в Лонгвуд еще на несколько дней. Что касается помещений, которым предстояло стать жилищем этих господ, то их строительство было еще далеко до завершения. Это было 28 ноября. В этот самый день император отказался от мундира гвардейского стрелка, который он носил со времени вступления на борт «Беллерофонта». Он надел зеленый фрак, и единственным украшением, которое он приколол к фраку, была эмблема Почетного Легиона. Он продолжал носить ленту Почетного Легиона между жилетом и костюмом, чтобы никто не мог увидеть ее. Пара форменных брюк из белой

материи, шелковые чулки, туфли, скрепленные пряжкой, и небольшая шляпа, ставшая знаменитой, — все это было той одеждой, которой он пользовался в Лонгвуде.

На следующий день, 29 ноября, д-р О'Мира рассказал императору, пока он одевался утром, что корабль «Гавана» прибыл с мыса Доброй Надежды, куда он плавал за провизией и другими вещами, необходимыми для того, чтобы император со своим окружением обосновался в Лонгвуде, и теперь бросил якорь в гавани Джеймстауна. Письма и газеты сообщали о вероломном убийстве маршала Брюна в Авиньоне, о смертной казни бедного генерала Лабедуайера, расстрелянного по приказу военного трибунала, и о других случаях массовой бойни, спровоцированной фанатизмом таких людей, как Третальон[254] и ему подобные. Все эти трагедии произвели тяжелое впечатление на императора и на нас.

8 декабря адмирал, захватив с собой газеты и письма, привезенные транспортным кораблем из Европы, уведомил императора о том, что вся подготовительная работа к приему императора в Лонгвуде закончилась. Он хотел, чтобы император сообщил ему, в какой день он может заехать, чтобы сопровождать императора в Лонгвуд и ознакомить его с инструкциями относительно специфических мер с тем, чтобы император мог переехать в новую резиденцию. Император стремился поскорее покинуть коттедж «Брайерс» и назначил для переезда в Лонгвуд следующий день, 9 декабря. Император посчитал, что запах краски все еще будет ощущаться, но, не желая более продлевать свое пребывание в коттедже «Брайерс», заявил адмиралу: «Если вы хотите приехать завтра, то я перееду в Лонгвуд». Лучшего предложения адмирал не мог бы услышать: он сам с нетерпением ожидал завершения работ в этой новой резиденции императора и до приезда губернатора Святой Елены из Англии торопился принять в соответствии с имеющимися у него инструкциями меры для организации наблюдения за императором, исключающие возможность его побега с острова Святой Елены.

На следующий день, 10 декабря, после шести недель проживания в коттедже «Брайерс» практически в условиях лагерной жизни, император попрощался с хозяевами коттеджа, выразив им свою благодарность за предоставленный приют. Он преподнес главе семьи золотую коробку с изображением императорского герба, пригласил его к себе на завтрак и настоятельно просил, чтобы он с дочерьми и супругой навещали его, когда все мы устроимся в Лонгвуде. Так как подготовка к отъезду была закончена, я оставил Новерраза, чтобы он занялся перевозкой багажа в повозке, запряженной волами, а сам в

одиночку проследовал в Лонгвуд. Я хотел туда прибыть раньше императора, чтобы уже там встретить его.

Глава тринадцатая

Лонгвуд и его окрестности — Сложные проблемы с размещением — Семья Монтолона — Граф де Лас-Каз — Гофмаршал Бертран — Генерал Гурго — Приближенные императора — Повседневная жизнь — Пионтковский

Я поднимался вверх по дороге, ведущей к ранее незнакомой мне части острова, чтобы добраться до «Дома тревоги»[255] и видел вокруг себя только вулканическую местность без малейшего следа растительности. С этой смотровой точки пейзаж представлялся довольно мрачным, однако в то же время было в нем нечто притягательное. Узкая дорога, изящно огибавшая долину, вела к Лонгвуду; дом был виден с плато с большого расстояния, позади его можно было различить лес, названный Дедвудом; все составляло довольно вдохновенный вид. Долина, лежавшая между мною и Лонгвудом, являла собой глубокую пропасть, прозванную «Дьявольской дырой». Она возникла в результате движения вулканической лавы, которая в этом месте остыла в различном состоянии плавки, пласты лавы накладывались один на другой. Гнездовья почвы, образуемые временем, произвели на свет немногие чахлые деревья и клочки растительности. Позади ущелья на обширной лужайке расположился военный лагерь, над его бараками возвышалась «Гора Коз». Эта гора довольно мило завершала общий пейзаж Лонгвуда. Возобновив свой путь по направлению к «Воротам Хатта»[256], я прошел мимо Гераниевой долины, не подозревая, что через шесть лет она станет кладбищем императора. Можно было увидеть небольшой дом, несколько ив около маленького родника и немного садовых участков; вся эта растительность простиралась до самых «Ворот Хатта», где стоял небольшой дом с пристройками. Именно в этом месте предполагалось жить гофмаршалу и его семье, пока в Лонгвуде не будет закончено строительство их жилого помещения.

Этот дом, мимо которого проходила дорога, ведущая в Лонгвуд, словно оседлал две долины, возвышаясь над ними. Над той долиной, что находилась справа, возвышался пик Дианы, чья зеленая вершина была самой высокой на острове и отделяла Лонгвуд от «Колониального дома». Эта долина отличалась густой растительностью. По ней в разных местах были разбросаны загородные дома. Самыми примечательными их них были

коттеджи мисс Мейсон и Балькумов. Эта долина продолжалась от пика Дианы к океану, далее по плато Лонгвуда и затем исчезала в изгибах побережья океана. Само побережье было недоступным из-за прибрежных отвесных скал. После небольшого дома, принадлежавшего мисс Робинсон и находившегося ниже Лонгвуда, растительности больше не было; после этого дома виднелись только вулканические каменные глыбы, застывшие в различном состоянии плавки, точно так же, как и в «Дьявольской дыре». Эту часть острова можно было действительно назвать необитаемой.

Для тех, кто в течение шести недель оставался в коттедже «Брайерс», ни разу не покидая его пределов, эта сельская местность могла показаться не лишенной очарования; но это впечатление все более и более ослабевало по мере того, как я приближался к дому. Деревья, казавшиеся зеленой крышей, были очень низкорослыми и со скудной листвой, которая не давала тени. Лужайка, казавшаяся свежей, была такой только в сравнении со скалистым ущельем и землей, покрытой вулканической породой и отделявшей меня от этой лужайки. Опаленная солнцем, она походила больше на соломенное поле, чем на травяную лужайку. Само здание резиденции не было окружено деревьями, как это вначале показалось мне.

Ознакомившись с комнатами дома, я сразу же стал готовить ванну для императора, который привык часто принимать ее, но не наслаждался ею со времени отъезда из Мальмезона. Задолго до прибытия императора Новерраз доставил его багаж в резиденцию, и мы смогли подготовить к приезду его комнаты в том порядке, к которому он привык. В то утро император надел мундир стрелка императорской гвардии ради одного такого дня. В 3 часа дня я услышал бой барабана у входных ворот. Солдаты поста сторожевого охранения под командованием офицера взяли на караул. Это был знак того, что император в сопровождении адмирала и гофмаршала въезжал в Лонгвуд. За ним следовали его офицеры, а за адмиралом — офицеры его штаба. Остановившись перед домом у дверей веранды, предшествовавшей гостиной, адмирал спешился и, отдав поводья слуге, направился к императору, чтобы помочь ему спуститься с коня. Адмирал очень старался держаться корректно. Он сопроводил императора в гостиную и продолжал выражать готовность оказывать свои услуги. Император, прощаясь с ним, вновь поблагодарил его и заявил, что все находится в полном порядке. По тому, как они общались друг с другом, можно было легко понять, что между ними установились прохладные отношения и есть веские основания для опасений, что

наблюдение за императором в Лонгвуде станет более строгим.

Император ничего не поменял в той расстановке мебели, которую я успел сделать до его прибытия. Только вместо большой постели, поставленной в его комнате, он распорядился, чтобы я принес его походную кровать, так как она была его старым другом, которого он предпочитал всем другим. Замена кроватей была осуществлена в то время, когда он принимал ванну, в которую он буквально прыгнул, радуясь, как дитя. Для самой ванны был приспособлен громадный дубовый ящик, облицованный свинцом. Он требовал исключительно большого количества воды, за которой нужно было ездить на расстояние в половину мили и перевозить ее в бочке. Я сообщил императору, что для того, чтобы нагреть такую ванну, приходится тратить массу времени, так как одной печи недостаточно. Через несколько дней, благодаря усилиям д-ра О'Мира, из города привезли другую ванну, в которой помещалось меньшее количество воды. Император пользовался ею, пока ему не прислали из Лондона другую.

Все время, пока император оставался в ванне, он держал около себя графа де Лас-Каза. Когда же он стал одеваться, то облачился в гражданскую одежду, которую снял утром, и больше никогда не надевал мундир. Несмотря на бесплодие земли возле его дома и на то, что убогим был сам дом, все же здесь император чувствовал себя гораздо свободнее, чем в тех местах — размером в несколько квадратных футов, — в которых ему приходилось жить в течение десяти месяцев. В этом доме, имевшем только один этаж и ранее бывшем жилым домом на ферме, принадлежавшей Восточно-Индийской компании, проживал вице-губернатор г-н Скелтор, сделавший этот дом своей резиденцией. Для того чтобы расширить здание, к нему добавили несколько деревянных пристроек; строительство других помещений, в которых размещалась кухня и которые предназначались для графа де Монтолона, генерала Гурго, графа де Лас-Каза, д-ра О'Мира и дежурного офицера, было близко к завершению. Эти помещения были одноэтажными и находились рядом друг с другом.

В новой резиденции император обосновался один; в его распоряжении оказались две небольшие комнаты, каждая размером в десять квадратных футов; одна из них должна была служить кабинетом. В каждой из них была установлена небольшая походная кровать; стены обеих комнат были украшены хлопчатобумажной тканью «китайкой», окаймленной по бордюру розовыми бумажными обоями. Комнаты освещались дневным светом через два небольших окна того самого типа, который во

Франции называли «гильотинами». Окна этих двух комнат выходили в сторону лагеря, находившегося на расстоянии примерно одной мили. Занавески на окнах были из белого миткаля; в обеих комнатах ковер прикрывал на редкость неровный пол. В комнате, приспособленной под спальню, имелся небольшой камин, целиком сделанный из дерева и покрашенный в серый цвет; маленькая железная решетка внутри камина означала, что уголь следовало жечь именно на ней. Камин был украшен небольшой деревянной рамой с позолоченными колонками и маленьким зеркалом, размером примерно в восемнадцать дюймов в высоту и в пятнадцать дюймов в ширину. Зеркало было прикреплено над камином. Высота обеих комнат равнялась девяти футам. Мебель состояла из нескольких стульев и кресел с плетеными спинками зеленого цвета, туалетного столика, канапе и стола с зеленой скатертью, который должен был использоваться в качестве письменного. Я украсил каминную доску светильниками, взятыми из императорского дорожного саквояжа, позолоченной чашей и ее поддонником, а также горелкой для ладана из того же металла. По обеим сторонам зеркала я повесил два маленьких портрета Римского короля; над ними висел будильник Фридриха Великого — с одной стороны, а с другой — часы императора. Слева от камина я поставил на маленький столик императорский дорожный саквояж. Я оставил его открытым, чтобы немного украсить комнату. На стену комнаты я повесил третий портрет Римского короля, выполненный Исабеем. Справа от камина император распорядился поставить канапе таким образом, чтобы этот диванчик выдавался вперед в комнату. Затем он дал указание окружить канапе складной ширмой с тем, чтобы не было сквозняка, когда открывалась дверь в его ванную комнату, так как именно через эту дверь осуществлялось все обслуживание императора. Над канапе я повесил портрет императрицы Марии Луизы, державшей на руках маленького Римского короля. У подножия канапе был поставлен стол из красного дерева; стол с зеленой скатертью, который использовался в качестве письменного, был поставлен между двумя окнами, хотя он выходил за их пределы с обеих сторон. Кровать императора стояла в углу комнаты напротив окон. Эти две комнаты и ванная назывались личными апартаментами императора. Маленькая прихожая с дверью, открывавшейся в коридор и ведущей на кухню, завершала общую картину.

Когда император выходил из своих апартаментов, чтобы пройти в гостиную резиденции, он сначала попадал в комнату чуть больших размеров, чем те, которые он занимал сам; эта

комната называлась комнатой карт, так как все его географические карты были разложены на большом столе, установленном в центре комнаты. Эта комната, в которую дневной свет проникал через французское окно, была очень темной. Кровать, которую адмирал выслал императору, была переставлена именно в эту комнату, ставшую позднее столовой; одна дверь из нее вела в гостиную, другая — в коридор к кухне, а третья — в спальную комнату императора. За этой комнатой следовала другая большая комната с двумя окнами. При ней был маленький кабинет с выходом в коридор кухни, позволяющим входить в эту большую комнату, не беспокоя императора в его апартаментах, хотя она на самом деле была их частью. Император сразу же определил ее в качестве помещения для гофмаршала, которого он хотел поселить поближе к себе. Но граф Бертран сказал, что он, его супруга и его трое детей будут чувствовать себя очень стесненно в этой одной комнате, и, поскольку адмирал не возражал против того, чтобы гофмаршал жил в маленьком коттедже в «Воротах Хатта», пока не будет готово помещение для его семьи, то он попросил разрешения устроиться в том коттедже вместе со своей семьей. «Делайте, что хотите, — ответил император, — тогда со мной будет проживать Монтолон».

Поскольку император хотел знать, как устраиваются в Лонгвуде все его приближенные, то, одевшись, он вышел из своей комнаты и направился прямо в помещение г-жи де Монтолон, отделенное от его апартаментов только той комнатой, которую я только что описал. Он тихо постучал в ее дверь, и графиня, отодвинув в сторону засов, открыла ее. Она и генерал не пытались скрыть своего полного замешательства, застигнутые врасплох в условиях невообразимого беспорядка. «Сир, — пояснила графиня, как бы оправдываясь, — это и моя гостиная, и моя спальная комната». Император поблагодарил их за то, что они удовлетворились столь малым только ради того, чтобы быть рядом с ним; он настоятельно посоветовал генералу Монтолону принять все меры для ускорения работ, связанных со строительством его квартиры, чтобы он с супругой переехал в нее как можно скорее. Император покинул комнату графа Монтолона и попросил графа де Лас-Каза показать ему его временное жилище. Это была комната, находившаяся около кухни. Адмирал, насколько это было в его силах, постарался привести комнату в порядок, но она была все еще в таком состоянии, что император не мог не обратиться к графу со следующим предложением: «Мой дорогой друг, перебирайтесь спать в комнату с географическими картами; там уже стоит кровать и вы будете чувствовать себя достаточно уютно». Граф де Лас-Каз поблагодарил императора,

но не посчитал нужным когда-либо воспользоваться его предложением. Затем император отправился к шатру генерала Гурго, воздвигнутому перед домом под окнами апартаментов императора. Считая, что для такого климата, когда температура воздуха резко меняется после захода солнца, покрытие шатра было слишком легким, император посоветовал генералу каждый вечер стелить свою постель в гостиной здания с тем, чтобы днем продолжать жить в своем шатре. Генерал поблагодарил императора за это предложение и заявил, что таким образом он сможет без помех ждать окончания работ по приведению в порядок его помещения. Д-р О'Мира и британский офицер, командовавший английским отрядом в Лонгвуде, также были размещены в шатрах: император был тронут преданностью ему всех тех, кто предпочел плохие условия проживания рядом с ним комфортабельной квартире в городе. Император вернулся в гостиную, проследовав через приемный холл здания, которому предшествовала небольшая веранда: эти два помещения выступали из главного здания, что можно увидеть на схеме. Гостиная освещалась дневным светом через два окна того же типа, как и в спальной комнате императора. Их них открывался вид на здание английского сторожевого охранения, расположенного у входа в Лонгвуд, и далее на пик Дианы. С этой стороны дорога между «Воротами Хатта» и «Домом тревоги» скрывалась на горизонте; с помощью своей подзорной трубы император мог различать людей, идущих в город или из города. Эта гостиная комната, четырнадцати футов в длину и двенадцати в ширину, была украшена мраморным камином, над которым возвышалось большое зеркало, несколькими стульями, креслами и маленьким диваном; пол гостиной покрывал ковер, а на окнах висели белые занавески с цветными шторами. Через несколько дней в гостиной установили пианино, чтобы помочь графине де Монтолон отвлечься от грустных мыслей.

Приемный холл, пристроенный по приказу адмирала к главному зданию, был гораздо больших размеров, чем гостиная. В нем было пять окон. Из окон слева, при выходе из гостиной, был точно такой же вид, что и из окон гостиной. Окна на противоположной стене холла, между которыми стоял камин, открывали вид на эвкалиптовую рощу, находившуюся на расстоянии ружейного выстрела. За рощей можно было увидеть океан. Этот холл с двойной дверью, напротив двери гостиной, являлся главным входом в апартаменты здания и в приемную комнату для иностранцев, которые хотели удостоиться чести быть принятыми императором. Веранда, возвышавшаяся на три ступени от земли, тянулась вдоль всего здания; она представляла

собой решетчатую конструкцию, окрашенную в зеленый цвет, сооруженную в форме галереи, имевшей шесть футов в ширину и шестнадцать футов в длину. С веранды открывался вид на плоскую долину, где сооружался дом графа Бертрана, недалеко от фермы и сада Восточно-Индийской компании, завершавших общую картину. С одной стороны над долиной возвышался английский военный лагерь, а с другой — «Гора Коз». Сад Восточно-Индийской компании был очень скудным; жилое помещение садовника и конюшня для волов назывались фермой; у нас дома это было бы пристанищем бедного крестьянина. Трава, по которой мы ходили вокруг здания Лонгвуда, была, как и на территории английского военного лагеря, засохшей от ветра и солнца; хотя после ночи выпадала обильная роса, но она была не в состоянии освежить траву.

В целом эта резиденция представляла собой печальное зрелище, а ветер, почти не стихавший в этой местности, содействовал тому, что проживание в ней принимало просто невыносимый характер; но все плато, на котором находился Лонгвуд, было полностью окружено склонами гор, и поэтому можно было легко наблюдать за резиденцией императора: именно это особое расположение резиденции и определило ее выбор. Большой приемный холл, двадцать четыре фуга на шестнадцать футов, был бы наиболее удобной комнатой для императора: когда погода была плохой, он мог бы прогуливаться по холлу. Но камин в холле никуда не годился, и в нем невозможно было разжечь огонь. С другой стороны, когда стояла хорошая погода, то солнце нагревало крышу холла со всей тропической силой, и жара в комнате была невыносимой. Чердак старого здания был разгорожен на маленькие клетушки для слуг; эти жилые помещения освещались фонарями. Моя келья, расположенная как раз над императорской комнатой, с обеих сторон была обшита панелью; под самым потолком было прорублено окно, украшенное ставнями. Из него можно было обозревать наиболее приятную часть плато, включая английский военный лагерь, дорогу из «Дома тревоги» в Лонгвуд, пик Дианы и самую очаровательную часть долины, в которой находились дом мисс Мейсон и коттедж Балькумов. Как я уже говорил, гофмаршал разместился в коттедже «Ворота Хатта», примерно в двух милях от Лонгвуда.

С того же вечера, со времени обеда, началась та самая семейная жизнь, которую так желал каждый из нас. На следующий день после своего прибытия император захотел осмотреть местность, окружавшую Лонгвуд; его сопровождали генерал Гурго и граф де Лас-Каз. Граф оказывал большую помощь

императору при его разговоре с теми людьми, которых он мог встретить, в том случае если императору хотелось расспросить их во время прогулки. Английские часовые, которым плохо объяснили соответствующие инструкции, остановили императора во время этой прогулки. Район слева от него не был столь обширным, и поэтому император считал, что он может там прогуливаться совершенно свободно, не опасаясь, что его могут там остановить часовые. Император вернулся домой в состоянии сильного раздражения и совершенно оправданно жаловался на созданные помехи во время его прогулок. Когда полковнику Бингему доложили об этом недоразумении, он сразу же приехал к императору, чтобы принести извинения за ошибку, допущенную часовыми. В поддень императора также посетил и адмирал, который выслушал замечания императора по поводу бесполезности на территории Лонгвуда такого количества английских сторожевых постов, часовые которых в каждом случае преграждали штыком путь императора. Адмирал заверил императора, что ничего подобного впредь не случится и что он принимает все меры, чтобы сделать пребывание императора на острове Святой Елены по возможности сносным.[257] Со времени нашего прибытия на остров Святой Елены наша жизнь не была еще организована должным образом. Но, как только мы оказались в Лонгвуде, император хотел, чтобы работа персонала его двора приняла организованный характер, он определил постоянные задачи для каждого из нас, чтобы избежать трений и разногласий, которые бы неизменно возникали в противном случае, заявив, что там, где все отдают распоряжения, никакого порядка не будет, а будет только беспорядок. Хотя гофмаршал не отказался от своего титула, но именно граф де Монтолон был тем человеком, который взял на себя его обязанности. Киприани, дворецкий, выполняя его распоряжения, организовал вместе с ним распределение продуктов питания как в Лонгвуде, так и в доме графа Бертрана в «Воротах Хатта». Поставщиком продуктов стал г-н Балькум, а правительственные ассигнования выглядели вполне разумными. Иногда возникали жалобы по поводу качества продуктов, но обычно это было результатом отсутствия ресурсов, а не виной адмирала. Когда он узнавал об этом, он немедленно принимал меры для исправления создавшегося положения, используя для этого все свои возможности, и всегда при этом выражал свои сожаления.

В конюшне содержалось десять лошадей: четыре рабочие лошади и шесть верховых. Карета, купленная адмиралом на мысе Доброй Надежды, находилась в распоряжении императора; это была единственная карета на острове. Матросы, отобранные из

числа членов команды «Нортумберлэнда», были обучены и приписаны к конюшне, где они подчинялись братьям Аршамбо. Старший из двух братьев служил лакеем на острове Эльба, но оба они имели большой опыт работы в конюшнях и уже возили императора в карете; поэтому для них не составляло никакого труда организовать службу конюшни. Они возили императора в карете до тех пор, пока люди, находившиеся под их командой, не научились сами править лошадьми, запряженными в карету. Братья Аршамбо также взяли на себя выучку лошадей, которыми пользовался император. Работа персонала конюшни проходила под наблюдением генерала Гурго.

Помимо шести матросов, работавших на конюшне, еще шесть других были приставлены к различным службам; двое их них под руководством Руссо занимались уходом за столовым серебром; на кухне работали три матроса и в кладовой — один. Император в соответствии с моим предложением согласился, чтобы я взял себе китайского слугу в качестве мальчика гардеробной. Мой уход за императором продолжался без перерыва и даже ночью. Сен-Дени и Новерраз имели по одному дню дежурства, которое состояло в том, что они находились в небольшой комнате перед ванной комнатой, служившей входом в личные апартаменты императора, и ночью спали у двери императорской комнаты так же, как и я. В дополнение к своим обязанностям Сен-Дени продолжал переписывать продиктованные императором материалы для подготовки его рукописей.

Сантини был назначен на должность швейцара комнаты для географических карт; он открывал дверь гостиной, когда император выходил из своей спальной комнаты, исполняя обязанности связного с персоналом, работающим за пределами главного здания резиденции. Жантилини стал лакеем, ответственным за убранство стола для приема пищи. Каждый из них носил форму, соответствовавшую его должности; когда этот наряд стал слишком изношенным, то его не меняли и носили только один мундир. Стол сервировался серебряной посудой и фарфором, привезенными из Парижа. В дополнении к ним я хранил в кожаных футлярах великолепный десертный сервиз работы Серве, изображавший различные картины полей сражения в Египте и в Европе; красивые вазы и коллекция из двадцати четырех чашек работы того же мастера завершали этот прекрасный комплект, который император не хотел использовать, опасаясь, что его отдельные предметы могут разбить. Стол императора обслуживался его дворецким, главой буфетной, который обычно сам предлагал императору десерт; Сен-Дени и Новерраз стояли справа и слева от сидящего за столом

императора и обслуживали только его. Сантини, Жантилини и несколько лакеев обслуживали тех, кто удостаивался чести быть приглашенным на обед. Если император обедал в своих личных апартаментах, то обычно дворецкий приносил обед к ванной комнате, дежурный камердинер вносил обед в ванную комнату, и с его помощью уже я удостаивался чести самому обслуживать императора. Графу де Лас-Казу была поручена работа по инвентаризации мебели, но она была столь незначительной, что он даже не утруждал себя ею. В Лонгвуде император продолжал работу над своими воспоминаниями, которую он начал в коттедже «Брайерс». Каждому из этих господ было назначено определенное время: у гофмаршала было свое время, и ежедневно в «Ворота Хатта» посылалась лошадь, чтобы гофмаршал мог приехать в Лонгвуд, где он и графиня Бертран обедали только по воскресеньям.

Завтрак сначала подавался в 11 часов утра, а обед в 7 часов вечера. Поскольку для завтрака нужно было одеваться, то император решил завтракать в своей спальной комнате, и таким образом свое утро, облачившись в халат, он продлил до двух часов дня. Затем он направлялся в гостиную и, если позволяла погода, обычно вызывал карету и отправлялся в поездку по плато Лонгвуда или ехал к «Воротам Хатта», чтобы повидаться с супругой гофмаршала. Во время этих поездок с ним в карете ездили графиня де Монтолон и граф де Лас-Каз, а карету при этом сопровождал на коне генерал Гурго.

Обед подавался в 7 часов вечера; император приобрел привычку заканчивать вечер в столовой с книгой в руке. Весь обслуживающий персонал обычно удалялся из столовой; император затем обычно посылал Сен-Дени, который отвечал за библиотеку, за книгой. Как правило, авторами книги были или Корнель, или Расин, или Мольер, и, в зависимости от выбранного произведения, император обычно говорил: «А теперь послушаем Тальма или Флери». В 10 часов вечера он возвращался в собственные апартаменты, захватив с собой графа де Лас-Каза. Он обычно раздевался, ложился в постель, беседовал с графом и отпускал его, когда его начинал одолевать сон. Если добавить к предыдущему описанию времяпровождения императора немногие конные прогулки с генералом Гурго, представление ему некоторых людей из города или пассажиров, прибывших из Китая или Индии и возвращавшихся в Европу, несколько приглашений адмиралу, полковнику Бингему и ряду офицеров из полка Бингема пожаловать на обед, то можно представить сравнительно точную картину монотонного существования, которое император вел на Святой Елене. К счастью, его интеллектуальная

изобретательность не иссякала; благодаря своему выдающемуся уму и разнообразным способностям окружавших его лиц он занимал свое время интересными беседами, которые делали более терпимым его существование на ужасном скалистом острове.

Когда строительство всех наших мест проживания завершилось, то каждый из нас поспешил устроиться в собственном углу так, словно ему предстояло оставаться в нем до конца своей жизни, украшая в силу возможностей свое скромное жилище. Я призвал плотника с «Нортумберлэнда», чтобы соорудить в моей комнате два стенных шкафа и заполнить их одеждой императора. Шкафы я поставил по обе стороны окна. Я попросил, чтобы в городе мне купили бумажные обои для стен. Мне прислали китайские обои голубого цвета, украшенные розами и позолоченными пятнами; других обоев на нашлось, и я обклеил ими стены комнаты. Чтобы не было видно находившегося в плачевном состоянии пола, я покрыл его клеенкой с рисунком под паркет. Свою постель я прикрыл белым легким покрывалом, хотя на ней я не спал. На небольшой простенький диван, который мне поставили в комнату, я набросил паркалевый чехол, что придало дивану завидный опрятный вид; маленький умывальник и два стула завершали убранство моей комнаты, за которой тщательно ухаживал мой китаец. Поэтому когда я приходил в мою комнату помыться, то мне доставляло удовольствие хотя бы недолго провести там время. Для сохранения прохлады в комнате ставни окна оставались закрытыми, но лучи солнца с такой силой палили шиферную крышу, от которой меня отделяла только обрешетка, что в течение дня эта комната становилась непригодной для жилья.

Район, где император мог прогуливаться без сопровождения дежурного английского офицера, простирался на шесть-восемь миль, но в действительности он включал в себя только лонгвудскую рощу, сад, принадлежавший Восточно-Индийской компании, и Дедвуд (местонахождение английского военного лагеря, который император никогда не посещал). Только в этом районе император мог совершать свои прогулки, и, конечно, они не выходили за пределы четырех миль. Всю остальную площадь района составляли овраги и ложбины, которые император должен был преодолевать верхом на коне с большой осторожностью, чтобы его конь не свалился.

Однажды, когда он прогуливался пешком по одной из таких ложбин в сопровождении графа де Лас-Каза и генерала Гурго, император угодил в нечто похожее на трясину; когда он вернулся

домой, то сказал этим господам, сопровождавшим его до самой спальни: «Это же было настоящее Аркольское болото! Что бы они сказали там, в Европе, — добавил он, смеясь, — если бы я провалился в него? Это было бы справедливое наказание за все мои преступления!» Так как его сапоги были в грязи до самого верха, то я спросил Сен-Дени, что же произошло с императором. Сен-Дени рассказал мне, что император, спешившись, пошел пешком по ложбине, показавшейся ему покрытой свежей травой, но на самом деле не имевшей никакой твердой почвы. В том же самом месте некоторое время спустя Сен-Дени, ехавший верхом на коне, застрял в грязи и смог выбраться из нее только с большим трудом, благодаря помощи генерала Гурго.

В этой долине стоял небольшой дом, принадлежавший г-же Робинсон. У этой дамы было две дочери, старшей — лет пятнадцать или шестнадцать. Для них стало привычкой, когда император проезжал мимо их дома, подходить к нему и дарить цветы. Не будучи красивыми, они были очень милыми на вид. Император обычно весьма любезно здоровался с ними и имел привычку называть старшую из девушек Нимфой Лас-Каза. А саму долину — «Долиной молчания». Эти две юные девушки, благодаря знакомству с императором, приобрели определенную известность в округе, вскоре достигшую и города. Эта их известность стала причиной того, что морской капитан, работавший на Восточно-Индийскую компанию, стал добиваться руки старшей девушки и в конце концов женился на ней. Прежде чем покинуть остров, молодая супружеская пара пришла навестить императора, который поздравил мужа с его удачным выбором и пожелал молодой женщине стать матерью замечательной и многочисленной семьи.

У императора вошло в привычку совершать именно эту прогулку, так как по пути он навещал «Ворота Хатта», где жил гофмаршал. Он обычно останавливался там на некоторое время, затем возвращался обратно в Лонгвуд. Император не мог смириться с тем, что, высланный за 2000 лье от Европы на скалистый остров, находившийся на расстоянии 600 лье от берегов Африки и Америки, он не может прогуливаться по всему острову без согласия на то со стороны адмирала или сэра Джорджа Бингема, хотя сам остров был таким тесным и нездоровым с точки зрения климатических условий, что напоминал тюрьму. Английский сторожевой пост, за который императору не разрешалось выходить, находился в шестистах шагах от дома императора и имел приказ брать на караул при приближении Его Величества. Помимо всех этих мер предосторожности все горные вершины, возвышавшиеся над

Лонгвудом, были оборудованы под наблюдательные посты, с которых англичане поддерживали между собой сигнальную связь, осуществляя слежку за императором во время его прогулок. В 9 часов вечера английские часовые, сохраняя дистанцию между собой в пятнадцать шагов, занимали позицию вокруг дома таким образом, чтобы из него нельзя было выйти незамеченным. Патрули пересекали территорию Лонгвуда по всем направлениям, и такой порядок продолжался до того дня, когда английский дежурный офицер получил специальное задание сделать все необходимое для того, чтобы дважды в течение каждых суток в его поле зрения оказывался император. К этим мерам предосторожности должны быть добавлены те, которые принимались со стороны моря. С вершин пика Дианы и «Дома тревоги» в море на расстоянии двенадцати лье можно было заметить появление кораблей; прежде чем они могли приблизиться к берегу, давались сигналы двум сторожевым английским кораблям, постоянно курсировавшим вокруг острова. Если замеченные корабли не были британскими, то они в сопровождении курсировавшего английского корабля направлялись в гавань Джеймстауна, и задержанный корабль не мог там бросить якорь, пока не получал на это разрешение и на его борт не высаживался вооруженный отряд во главе с офицером, чтобы держать под наблюдением команду корабля. Таковы были меры предосторожности, принятые для того, чтобы обеспечить содержание императора под арестом.

Можно себе представить, насколько невыносимыми эти ограничения казались императору. Многочисленные распоряжения, отданные по самым различным поводам, часто ошибочно истолковывались; император во время своих прогулок мог подвергнуться аресту, и это однажды бы случилось, если бы не вмешательство генерала Гурго, сдержавшего пьяного английского сержанта, который хотел задержать проходившего мимо императора. Возмущенный до глубины души этими несправедливыми действиями, император продиктовал графу де Монтолону письмо с целым рядом жалоб, адресованное адмиралу Кокбэрну. Письмо, составленное в весьма резких выражениях, вызвало не менее жесткий ответ адмирала в письменной форме, и натянутые отношения, существовавшие между ними, еще более ухудшились. Адмирал утверждал, что все меры предосторожности принимаются в соответствии с полученными им инструкциями: «Но, — возражал император, — существует громадная разница между инструкциями и их исполнением. То лицо, которое отдавало эти приказы в Лондоне, воспротивилось бы им, если бы ему пришлось выполнять их здесь: они абсолютно абсурдны».

Можно было подумать, что после возникшего между адмиралом и императором спора адмирал умерит свою жесткость в отношении всех этих ограничений. Но вскоре император избавился от этих иллюзий. Пожелав совершить конную прогулку в Сэнди Бей, он отказался от этой идеи, когда ему сказали, что дежурный английский офицер намерен сопровождать его. Император не захотел встречаться с адмиралом в течение нескольких последовавших за тем визитов адмирала в Лонгвуд, заявляя, что болен, хотя на самом деле был здоров. Желание императора поехать в Сэнди Бей было вызвано тем, что генерал Гурго, в сопровождении английского офицера, посетил эту часть острова вплоть до самого «Колониального дома». Контраст, существовавший между этим местом, сплошь утопавшим в прекрасных зеленых насаждениях, и бесплодием почвы на территории Лонгвуда, еще более подчеркивал всю жестокость решения поселить императора в этом месте: «Это позор! — восклицал император. — Это же просто варварская дикость поселить меня в дом под крышей из толя, когда они могли предоставить мне дом в нескольких тысяч футов отсюда, где бы я наслаждался тенью деревьев и не испытывал недостатка в воде!»

Среди приближенных императора возникло некоторое мелочное соперничество, со временем только усиливавшееся, из-за того, что император сильно приблизил к себе графа де Лас-Каза. Это соперничество омрачило столь необходимые в среде изгнанников добрые отношения, ведущие к укреплению взаимного доверия и часто своей благожелательной атмосферой помогавшие преодолевать самые тяжелые минуты; но среди всех этих господ граф был единственным человеком, кто хорошо знал английский язык и мог переводить текст присылаемых английских газет. Император брал уроки этого языка, и для графа де Лас-Каза они стали возможностью проводить лишний час наедине с императором. Затем следует также сказать, что император был человеком привычки, и, хотя его теплое отношение ко всем другим господам нисколько не уменьшалось, привычки, приобретенные в коттедже «Брайерс», в Лонгвуде не исчезли. Даже если он не особенно переживал из-за возникшего соперничества в его окружении, тем не менее он с сожалением констатировал, что путешествие на корабле и пребывание на острове не способствовали развитию дружеских отношений в среде его свиты, столь желательных в условиях неволи.

Когда император наводил порядок в работе обслуживающего персонала, он решил, что для приема пищи будут оставлены два стола: один для меня и другой буфетный стол для слуг членов императорской свиты. В результате этого решения последовал

ряд жалоб, но они остались без последствий, так как у меня был подобный стол на острове Эльба и в Париже в период «Ста Дней». Причиной неудовольствия со стороны некоторых лиц было то, что император решил, что со мной будет обедать дворецкий, а другие слуги будут обедать в буфетной, где всего лишь один стол собирал вместе всех слуг приближенных к императору офицеров; но порядок снабжения Лонгвуда продуктами не позволял найти иное решение проблемы.

Однажды, когда император одевался в присутствии графа де Лас-Каза, он показал ему шрам на колене от удара штыка, который он получил во время осады Тулона. Этот удар чуть ли не стоил ему ноги. Я рассказал графу, что один английский офицер на борту «Нортумберлэнда» с гордостью поведал мне о том, что именно англичанин был первым, кому удалось ранить Наполеона, ударив штыком в его колено. Я ответил офицеру, что шрам от удара можно видеть до сих пор, но он был получен в ту самую минуту, когда император собственными руками взял в плен генерала О'Хара. «Хотя люди так не думали, — добавил император, — но я так же уязвим, как и любой другой человек».

Император прослышал о том, что моя комната обставлена с большим вкусом. Зная, что император вышел из дома, я направился к себе наверх, чтобы заняться кое-какими вещами. Когда я уже поднялся в свою комнату, кто-то постучал в мою дверь; я пришел в большое замешательство, когда увидел перед собой императора и сопровождавшего его графа де Лас-Каза. «Но, — заявил император, войдя в комнату, — здесь царит не чистота, а сущая элегантность.

Эта комната скорее напоминает личную квартирку некой молодой любовницы. Так это здесь заперты все мои сокровища? А ну-ка открывай все ящики комодов. Сокровищ не должно быть много». Однако, увидев свои вещи, император удивился, что они оказались такими дорогими. Он поблагодарил меня за ту аккуратность, с которой хранились его вещи, и, вытащив из ящика комода две пары шпор, спросил меня, какая из этих пар более старая. Я указал ему на одну из них, пояснив, что он надевал их во время Дрезденской кампании. «Очень хорошо, — заметил император и, взяв эту пару шпор, передал ее Лас-Казу, — это вам».

«Сир, — ответил г-н де Лас-Каз, отвешивая глубокий поклон, — я сожалею только о том, что ничего не мог совершить такого, чтобы заслужить их. У меня остались только моя любовь и моя преданность; и то и другое принадлежит Вашему Величеству».

Примерно в конце декабря с мыса Доброй Надежды и из

Европы прибыли корабли: «Дорис» с мыса Доброй Надежды доставил двух прекрасных коней для императора. Один, названный Бонапартом, выиграл в том городе несколько призов; в Лонгвуде он получил кличку Нумид. Корабль доставил газеты и письма; хотя они были трехмесячной давности, но тем не менее их с нетерпением ждали все. Только те, кто переносил страдания неволи, могут понять весь душевный трепет от сознания того, что о нем помнит его семья, и то чувство счастья при мысли об утешении, вызванном письмами от матери или сестры. Те письма, которые император получил от мадам Мер и от принцессы Полины, которых он так любил, должны были непременно пробудить в нем мучительные воспоминания, так как весь день он оставался печальным и задумчивым. Адмирал, до этого несколько раз навещавший Лонгвуд, но так и не принятый императором, воспользовался этим обстоятельством, чтобы его приняли, так как он заранее объявил, что везет с собой два письма для императора. Покидая императора, он попросил его разрешения представить ему дочерей скончавшегося в Индии адмирала, теперь возвращавшихся в Европу. Император дал согласие. Эти дамы, как и все те, кто был представлен ему при аналогичных обстоятельствах, покидали его, сохраняя память о свершившемся огромном несчастье и об оказанном им необычайно любезном приеме. Бывали, однако, случаи, когда он отказывал в подобного рода просьбах: он говорил, что не желает, чтобы в Европе думали, что в Лонгвуде он окружен беспредельной благожелательностью и самой искренней заботой, когда на самом деле он страдает от самой жестокой неволи. Именно в этом духе он однажды, находясь в плохом настроении, заявил гофмаршалу, к которому были обязаны обращаться с просьбами о приеме в Лонгвуде все иностранцы: «Ответь им, что мертвецы визитов не принимают».

На одном из кораблей, прибывших из Европы, находился капитан Пионтковский[258], которого я знал по Эльбе, когда он там служил в польском эскадроне под командованием полковника Жермановского. Император едва ли помнил его, но гофмаршал объяснил ему, кто это был; император не мог понять, каким образом этот офицер сумел получить разрешение британских властей на въезд на остров Святой Елены без соответствующей на то просьбы самого императора, в то время как ему отказали в праве взять с собой людей, которых он хотел бы иметь при себе. Когда этот офицер прибыл в Лонгвуд, сопровождаемый адмиралом, он был в мундире адъютанта императора. Императора это задело, и он заявил гофмаршалу: «Что означает этот мундир? Он никогда не был моим адъютантом. Скажите адмиралу, что я не желаю видеть этого

офицера». Затем, немного поразмыслив, император все же решил принять Пионтковского. В тот же вечер император оказал ему любезный прием, но позднее, собираясь ложиться спать, сказал мне, что он предпочел бы оказать милость офицеру, который предложил бы ему свои услуги, обладая на то возможностями и способностями, которые он не обнаружил именно у этого офицера. Тем не менее император распорядился, чтобы я выдал Пионтковскому 500 франков на оплату его первых предметов необходимости и затем выплачивал ему ежемесячно 250 франков. Капитан Пионтковский перестал носить мундир адъютанта императора, вновь надев форму польского эскадрона уланов, к которому он принадлежал. Его разместили в шатре рядом с шатрами д-ра О'Мира и английского капитана охранного отряда, предоставив ему возможность ждать, пока его поселят в доме под крышей из толя.

Чувства преданности и уважения к императору, в силу которых эти господа устроили празднество в честь дня рождения императора 15 августа на борту «Нортумберлэнда», также подтолкнули их к реализации идеи отпраздновать 1 января 1816 года; с того времени на горизонте не предвиделось какого-либо улучшения положения дел. Император старался, чтобы этот день казался менее мрачным, создавая обстановку непринужденности и веселья, когда выслушивал искренние пожелания каждого из своих приближенных. Затем наступила очередь детей, и император одарил их новогодними подарками, посвятив часть утренних часов тому, чтобы разделить их детские радости. После завтрака он сел в карету и пригласил капитана Пионтковского составить ему компанию в намеченной прогулке.

Душевные страдания императора, должно быть, были колоссальными. Ограничения, которым он подвергался, также были источником ухудшения его душевного состояния. Можно было ожидать, что беседа между императором и адмиралом после совместного завтрака, во время которой последний выразил желание доставить императору удовольствие, улучшив его положение, приведет к избавлению императора от присутствия дежурного офицера во время его прогулок за установленными границами, но этого так и не случилось. Единственное изменение, которое адмирал внес в существующие условия пребывания императора на острове, заключалось в том, что он приказал капитану Попплтону следовать за императором, надев гражданскую одежду вместо официального английского мундира. Но не сам мундир раздражал императора, а та постоянная слежка, которую офицер в мундире осуществлял за каждым шагом императора, стараясь не пропустить ни одного его слова. У

императора стало привычкой расспрашивать всех встречных людей. В этом случае г-н де Лас-Каз был его переводчиком, но он не мог делать этого без того, чтобы об этом не знал дежурный английский офицер, поскольку, даже не находясь рядом с императором, ему было приказано никогда не выпускать его из вида. Император даже перестал быть щедрым по отношению к немногим несчастным, опасаясь, что он может скомпрометировать их. Если бы он был свободен в своих действиях, ему бы хотелось входить в те коттеджи, которые попадались на его пути, поговорить с некоторыми людьми об их фермерских делах, узнать о нужде других и предложить финансовую помощь тем, кто в этом нуждался, но без того, чтобы это стало известно. Память о добром поступке, совершенном во время одной из прогулок, подняла бы его настроение.

Время, когда император утром одевался, отводилось д-ру О'Мира. Однажды доктор сообщил императору, что, как ему рассказали в городе, император так же умело обращается с плугом, как и со шпагой. В городе узнали, как император, увидев фермера Восточно-Индийской компании, пахавшего в поле, слез с коня, чтобы попахать самому, и привел фермера в состояние изумления при виде того умения, которое продемонстрировал император. «Фермер, — рассказывал император доктору, — делал попытку подготовить пашню, которая не должна была увенчаться успехом; почва в том месте была слишком плохой. Как бы вы там ни старались посеять овес, ячмень или пшеницу, урожая не получилось бы; весь посев был бы высушен юго-восточными ветрами, которые со страшной силой дуют в этой части острова, полностью открытой для них. На этом плато ничего нельзя вырастить, ветер иссушит и уничтожит любую растительность. Если бы я уехал в Америку, то занялся бы там сельским хозяйством и ухаживал за своим садом. Я бы приютил у себя малые остатки моей армии, которые бы приехали со мной, и мы бы там жили вместе. Доктор, вы можете посмеяться над этим! У меня очень простые вкусы и мне многого не надо. Я всегда завидовал судьбе добропорядочного буржуа в Париже, получавшего пенсию в размере 12 000 фунтов стерлингов, имевшего возможность уделять время своим интересам в области искусства и литературы. К этому я добавлю удовольствие от семейной обстановки, без которой невозможно счастье, независимо от того, к какому классу или сословию вы принадлежите».

Император узнал из газет, прибывших накануне, о кончине Неаполитанского короля и маршала Нея. Эти новости очень опечалили его, и я слышал, как он говорил об этом с д-ром

О'Мира, и эта беседа вновь причинила ему душевную боль. Император ничего не сказал об обидах, нанесенных ему Неаполитанским королем, лишь упомянул о том, что его выступление из Неаполя в Калабрию с пятьюстами солдатами было поступком сумасшедшего, но те, кто приговорил его к смертной казни, были настоящими чудовищами. Что касается Нея, то его смерть была преступлением; Людовик XVIII и его эмигранты использовали Нея для того, чтобы взять реванш за позор своего бегства из Франции.

Время, когда император вставал после ночного сна на острове Святой Елены, зависело от того, как ему удавалось отдохнуть предыдущей ночью; обычно у него был плохой сон, и можно сосчитать ночи, когда он не переходил с одной постели на другую. Если ночью он просил меня принести ему лампу с абажуром, то это значило, что он будет работать или читать, после чего он ложился вновь в постель, ожидая утреннего рассвета, чтобы одеться и, сев на коня, отправиться на прогулку. Возвратившись домой, он завтракал и, если чувствовал себя достаточно уставшим после прогулки, ложился вновь в постель, а в два часа дня принимал ванну, используя время, проведенное в ней, для того, чтобы побеседовать или диктовать свои воспоминания; затем он покидал ванну, одевался и садился в карету вместе с дамами и графом де Лас-Казом, а генерал Гурго сопровождал карету верхом на коне. Таков был привычный распорядок дня императора в первые годы нашего пребывания в Лонгвуде; позднее он немного изменился из-за ухудшения состояния здоровья императора. Если же он ложился в постель в дневное время, то темнота в его комнате должна была быть абсолютной; вечером, когда он возвращался в свои апартаменты, что происходило регулярно в 10 часов, то он или ложился спать, или выражал желание побеседовать с тем из его приближенных, кто сопровождал его в спальную комнату. Его лампу с абажуром переносили в соседнюю комнату, а он разговаривал с собеседником до тех пор, пока не засыпал или пока не отпускал собеседника, никогда не уделяя ему для беседы более тридцати или сорока пяти минут.

Строительство жилых помещений для членов свиты императора было завершено. Генерал Гурго покинул свой неуютный шатер и перебрался в отведенное для него жилище. Граф де Монтолон устроился в своем доме, а комната, которую он занимал под одной крышей с апартаментами императора, стала библиотекой. Граф де Лас-Каз с сыном также поменяли свое жилище, но они устроились не лучше, чем там, где они жили раньше. Император предложил им переселиться в комнату,

которую только что покинул генерал Монтолон, но граф отказался, решив, что предоставленное ему новое место будет для него достаточным.

С того времени, как мы переехали в Лонгвуд, генерал Гурго во второй раз стал жертвой дизентерии. На этот раз болезнь не поддавалась лечению, и д-р О'Мира доложил об этом императору, который сразу же спросил, существует ли какая-либо угроза для жизни генерала. Император приписал возникновение болезни генерала Гурго тому обстоятельству, что тот продолжительное время проживал в шатре. Обеспокоенный тревожными симптомами, упомянутыми доктором, император выразил пожелание, чтобы для консультации пригласили артиллерийского врача д-ра Велинга. Адмирал предложил, чтобы также были приглашены к больному морской врач и городской доктор. Мысль о возможном смертельном исходе, связанная с критическим состоянием здоровья генерала, весьма опечалила всю колонию. В течение двадцати дней состояние здоровья генерала держало всех в сильном напряжении. Даже военные английского гарнизона и жители города проявили большое беспокойство по поводу состояния больного. Любовь к нему со стороны императора и товарищей по ссылке не ослабевала ни на минуту. День его выздоровления стал днем всеобщей радости, а также днем душевного единения.

Часть IV
Хадсон Лоу

Глава четырнадцатая

Губернатор сэр Хадсон Лоу — Стремление досаждать императору — Визитеры — Начало схватки

Гофмаршал покинул «Ворота Хатта», чтобы переехать на жительство в Лонгвуд, поскольку строительство его дома там закончилось. Император хотел видеть гофмаршала вместе с графиней Бертран каждый вечер на своего рода семейном обеде, тем более что теперь они будут жить совсем рядом. Но граф Бертран пояснил, что у супруги сильно пошатнулось здоровье, да к тому же император знал, что графиня вечно опаздывает. Поэтому граф Бертран попросил разрешения жить в новом доме в том же режиме, которого он придерживался в «Воротах Хатта».

Газеты, привезенные транспортным судном из Англии, дали императору возможность отвлечься. В этих газетах сообщалось, что сэр Хадсон Лоу готовится покинуть Англию, чтобы, прибыв на остров Святой Елены, занять там должность губернатора. Так как газета «Морнинг Кроникл», полученная на острове, открыто порицала поведение британского кабинета министров по отношению к императору, то был сделан вывод, что новый губернатор, возможно, прибудет с инструкциями распространить тюремное положение на весь остров. Приезд губернатора ожидался с большим нетерпением, и с прибытием каждого корабля все задавали себе вопрос, не «Фаэтон» ли это, на борту которого, как было известно, должен прибыть губернатор. 14 апреля император собирался отправиться на прогулку в карете с дамами, когда полковник Бингем сообщил ему, что в море показался «Фаэтон». Оставив полковника Бингема, император изменил маршрут своей прогулки, чтобы посмотреть, как фрегат будет бросать якорь в гавани Джеймстауна.

На следующий день, который может быть назван днем отвратительных воспоминаний, генерал-лейтенант сэр Хадсон Лоу[259], его супруга и ее две дочери от предыдущего брака высадились на берег острова Святой Елены. Во время нашего пребывания на острове старшая дочь вышла замуж за представителя России на острове Святой Елены графа Бальмэна. Штатный персонал губернатора состоял из сэра Томаса Рида, возглавлявшего этот персонал, майора Горрекера, помощника

губернатора, подполковника Листера, инспектора полиции майора Эмметта, лейтенантов Уортма и Дэксна, армейских инженеров, и д-ра Бакстера, генерального инспектора госпиталя[260].

Как только они высадились на берег острова, губернатор уведомил Лонгвуд, что он прибудет туда на следующее утро в девять часов для того, чтобы встретиться с генералом Бонапартом. Это было время, когда император не принимал гостей. Даже если бы это было не так, все равно он был оскорблен той непристойной манерой, к которой прибегнул прибывший на остров губернатор, чтобы объявить о своем визите к императору. Император заявил графу де Монтолону: «Он может приехать ко мне, когда он хочет, я приму его только тогда, когда он попросит об этом должным образом». В какой-то момент император был убежден, что адмирал, с которым у него были испорчены отношения, не информировал нового губернатора о том, что следует обратиться к гофмаршалу, чтобы быть представленным императору, и что адмирал хотел, чтобы между Хадсоном Лоу и императором с самого начала сложились плохие отношения. «Бесспорно, — заявил он присутствовавшему д-ру О'Мира, — адмиралу хорошо известно, что я никогда не принимаю гостей в девять часов утра, и, если бы он хотел поговорить с лордом Сен Винсеном или с лордом Кейсом, он бы обязательно выяснил время, когда эти господа смогут принять его. Я надеюсь, — добавил, смеясь, император, — что я не менее достойная личность, чем они: все дело состоит в отсутствии благородства, когда оскорбление наносится тому, кто претерпевает невзгоды». Но доктор заверил императора в том, что губернатор принимал решение, не желая выслушивать совета адмирала. «Если это утверждаете именно вы, то я готов признать, что адмиралу свойственен сильный и лояльный характер, но тем не менее он — настоящая акула. Я искал в вашей среде прибежища, но ничего не нашел, кроме плохого обращения и оскорблений. Если губернатор желает нанести мне визит, то пусть он обратится с соответствующей просьбой к Бертрану».

Покидая императора, д-р О'Мира сказал мне: «Я бы очень хотел, чтобы «акула» смогла остаться с нами; могу вас заверить, что мы будем сожалеть о его отъезде». Доктор отправился в город, побеседовал с окружением губернатора и узнал, что полученные им от правительства Англии инструкции были гораздо более строгими, чем те, которых до настоящего времени придерживался адмирал.

15 апреля ровно в девять часов утра сэр Хадсон Лоу, сопровождаемый персоналом своего штаба, прискакал галопом в

Лонгвуд и спешился у дверей жилища императора, несомненно полагая, что при виде тюремщика двери тюрьмы распахнутся и представят ему заключенного. Были отданы распоряжения о том, чтобы губернатору открыли двери. На указание о том, чтобы губернатора проводили к генералу, Сен-Дени ответил, что император болен и еще не встал с постели. Лоу отступил от дверей дома и широкими шагами прошелся под окнами апартаментов императора, который, оставаясь незамеченным, сумел увидеть губернатора; Лоу обошел пешком весь дом и вошел в квартиру дежурного английского офицера, чтобы дождаться минуты, когда его смогут принять. Не получив определенного ответа на этот счет, он стал настаивать на том, чтобы ему все же дали точный ответ; ему было сказано, что император спит и что в данной ситуации никому не разрешается беспокоить его. Тогда губернатор отправился к графу Бертрану и попросил его доложить генералу Бонапарту о своем прибытии и спросить его, когда тот будет готов принять губернатора. Погода была ужасная; поднялся сильный ветер, и губернатор на собственном опыте мог оценить климат Лонгвуда. Дебют сэра Хадсона Лоу в своей новой должности нельзя было назвать удачным.

Для встречи с губернатором император назначил следующий день, выбрав 2 часа дня. Он мельком увидел губернатора сквозь прикрытые ставни, но этого было недостаточно, чтобы составить мнение о его персоне. Он не мог знать, какое сердце бьется под внешней оболочкой этого человека; только поговорив с ним, император предполагал дать ему свою оценку. Гофмаршал рассказал императору, что это человек в возрасте 45–50 лет, роста немного ниже среднего, с седеющими волосами и такими густыми бровями, нависавшими над его глазами, что гофмаршал был не в состоянии увидеть выражение его глаз, но вместе с тем губернатор говорил в беседе с гофмаршалом достаточно разумно. Гофмаршал передал императору газеты, полученные с борта «Фаэтона», и сообщил, что получил письмо от своего отца, а генерал Гурго получил письмо от своей сестры. Представители России, Австрии и Франции, которые, как считалось, находятся на борту этого же корабля, должны будут прибыть на остров с новым адмиралом двумя неделями позже.

На следующий день мы стали свидетелями прибытия в Лонгвуд сэра Хадсона Лоу со всем своим штабом и в сопровождении адмирала сэра Джорджа Кокбэрна, который собирался представить императору своего преемника. Прибывшие англичане спешились и были проведены в приемный холл; их встретили эти господа, попросив подождать, пока войдет гофмаршал и проводит их к императору для представления.

Император, находившийся в гостиной, минут десять беседовал с гофмаршалом, когда ему доложили о присутствии губернатора и адмирала в приемном холле. В этот момент произошло досадное недоразумение: у дверей гостиной дежурил Новерраз. Когда император принимал гостей, то в соответствии с существовавшей практикой в комнату, где находился император, приглашалось только то лицо, чье имя объявлялось вслух. Гофмаршал слегка приоткрыл дверь и сказал Новерразу: «Пусть губернатор войдет». Адмирал в этот момент стоял в другом конце холла и с кем-то разговаривал, повернувшись спиной к двери гостиной; он не видел, что сэр Хадсон вошел в гостиную, и, когда адмирал представился, Новерраз, не посмев вновь открыть дверь, заявил ему, что только губернатора просили войти в гостиную. Адмирал, оскорбленный до глубины души, вышел к оседланным коням, за которыми присматривали конюхи, забрал своего коня и отправился обратно в город. Прежде чем покинуть императора, сэр Хадсон Лоу попросил разрешения представить ему офицеров своего штаба. Дав на это свое согласие, император был удивлен, не увидев адмирала, который, как он знал, прибыл вместе с губернатором, и попросил, чтобы его пригласили в гостиную. Только тогда император узнал об ошибке Новерраза; он выразил свои сожаления по поводу случившегося и попросил д-ра О'Мира передать их сэру Джорджу Кокбэрну. В дополнение император направил одного из своих приближенных к адмиралу, чтобы, по возможности, уладить неприятное недоразумение, возникшее из-за неумышленного проявления невежливости. Хотя у императора были причины для того, чтобы жаловаться на адмирала, но он обычно говорил о нем: «Под его мундиром бьется сердце настоящего солдата».

Когда император в сопровождении гофмаршала вернулся в свои апартаменты, он, говоря о сэре Хадсоне Лоу, заявил: «У этого человека отвратительная внешность, и в его взгляде не чувствуется искренности. Мы не должны поспешно судить о нем, но мне нужно, чтобы он своим поведением убедил меня в том, что его физическая внешность обманчива. Его наружность, — добавил, смеясь, император, — напоминает мне сицилийского головореза; что вы думаете об этом, Бертран?» Гофмаршал ответил, что не может составить о нем своего мнения, что он, возможно, видел его пока только сквозь призму приписываемых ему качеств, свидетельствовавших о том, что он — честный человек, неплохой администратор, добрый отец и, наконец, личность, не лишенная ума. Тем не менее ответ гофмаршала не успокоил императора, и мне вновь вспомнились слова д-ра О'Мира: «Я бы хотел, чтобы «акула» осталась с нами. Мы будем

сожалеть о его отъезде, уж поверьте мне». Нам не пришлось долго ждать того времени, когда мы поняли значение слов доктора. Все поступки сэра Хадсона Лоу с момента его прибытия на остров и до кончины императора, станут проявлением грубого произвола и намеренных придирок, доказывавших, что император оказался прав в своей оценке этого человека, когда сказал о нем: «Этот человек не только мой тюремщик, он также будет моим палачом».

Его первым официальным поступком на острове явилась передача императору следующего сообщения, столь же неуместного, сколь и оскорбительного для императора:

> *Даунинг-стрит, 10 января 1816 года*
>
> *Настоящим я информирую вас о желании Его Королевского Величества, принца-регента, чтобы вы по прибытии на остров Святой Елены сообщили лицам из окружения Наполеона Бонапарта, включая лиц его обслуживающего персонала, что они свободны в своем решении немедленно покинуть остров, чтобы вернуться в Европу, добавив, что никому не будет разрешено оставаться на острове Святой Елены, за исключением тех лиц, которые сделают в письменной форме заявление, переданное в ваши руки, что они желают остаться на острове и готовы подчиняться всем ограничениям, которым по необходимости будет лично подвергнут Наполеон. Те же лица, которые решат вернуться в Европу, должны быть при первой возможности отправлены на мыс Доброй Надежды. Губернатор этой колонии будет обязан предоставить им необходимые средства для возвращения в Европу.*
>
> *Подписано: Батхерст.*

Император, совершенно справедливо возмущенный оскорблением, которое, как он заявил, адресовано ему, запретил всем что-либо подписывать. Гофмаршал был послан в «Колониальный дом», чтобы устно дать ответ французской стороны и попытаться договориться о формулировке письменного заявления приближенных императора, но он вернулся, ничего не добившись.

Император продиктовал графу де Монтолону следующее заявление:

> *Мы, нижеподписавшиеся, желая остаться на службе императора Наполеона, согласны оставаться здесь, независимо от того, насколько тяжелым станет наше пребывание на Святой Елене, и подчиняться ограничениям,*

какими бы они ни были несправедливыми и своевольными.

«Монтолон, — заявил император, — пусть те мои слуги, которые желают подписать это заявление, подпишут его, но не пытайся оказывать на них соответствующее давление». Заявление было с радостью подписано всеми нами, глубоко возмущенными тем, что сообщение британского правительства императору было столь оскорбительным.

Хадсон Лоу заявил, что он отказывается воспринимать любое заявление, допускающее оговорку с упоминанием титула императора, и что он намерен признавать только те заявления, в которых приводится имя Наполеона Бонапарта. Подписавшему заявление, в котором не соблюдается это указание, грозит наказание в виде насильственной отправки на мыс Доброй Надежды; никакого иного способа избежать подписания заявления в указанной форме не существовало. Губернатор не ограничился только этим разъяснением: он направил сэра Томаса Рида, своего начальника штаба, в Лонгвуд, чтобы удостовериться в том, что продемонстрированная нами солидарность была на самом деле выражением нашей доброй воли; г-н Рид взял на себя труд повторить нам, что мы связываем себя обязательством покинуть остров только после смерти генерала Бонапарта. «Полковник, — заявил я ему, — мы все прибыли сюда для того, чтобы разделить невзгоды императора, чтобы служить ему и, по возможности, облегчить тяжесть его оков. Какое значение могут иметь для нас эти ограничения? Мы все находимся здесь, чтобы жить и умереть вместе с ним».

«Прекрасно, — ответил полковник, — я доложу об этом его превосходительству, губернатору». Мы ушли, оставив его с капитаном английского охранного отрада, в чью квартиру он вызвал нас. Будучи неудовлетворенным докладом, выслушанным им от своего начальника штаба, губернатор, чья подозрительность граничила с мономанией, явился в Лонгвуд, потребовав, чтобы нас вызвали к нему, и вернулся в свою резиденцию, полностью убежденный в том, что наше заявление сэру Томасу Риду было действительно добровольным выражением нашей преданности императору и нашей непреклонной решимости разделить тяготы его неволи. Эти господа также подписали заявление: они должны были это сделать, так как в противном случае они должны были покинуть императора. Делая свой выбор, они не колебались и минуты. Гофмаршал попытался было оговорить некоторые условия для своей супруги и для своих детей, но несколько дней спустя и он подписал заявление, точно такое же, которое подписали и остальные господа. В течение

всего этого времени император выглядел весьма опечаленным; его великую душу, казалось, обуревали сомнения: следует ли ему пойти на жертву, позволив этим господам покинуть его, и согласиться с полнейшей изоляцией, в которой он окажется после их отъезда. Но когда он узнал о принятом ими всеми решении остаться с ним, он понял, какой фанатичной была их преданность ему, и душевная боль, переполнявшая его, уменьшилась. Таков был первый поступок сэра Хадсона Лоу по прибытии на остров Святой Елены: он оказался прелюдией к целому арсеналу последовавших ограничений, которые губернатор вводил из чувства ненависти к императору и которые он собирался неуклонно соблюдать на практике, независимо от того, что они, по существу, были совершенно бесполезными.

До переезда в Лонгвуд император оставался более или менее безразличным ко всему тому, что творилось вокруг него, и, казалось, мало обращал внимания на те лишения, которым подвергался. Однако в коттедже «Брайерс» он с большим негодованием относился к тем придиркам, которым подвергались его офицеры, и очень страдал от того, что был не в состоянии изменить существовавшую ситуацию. Но оказавшись в Лонгвуде и столкнувшись с ограничениями, объектом которых стал он сам, он восстал против грубого нарушения его прав и против гонений, которым он подвергался. Его душа была преисполнена негодования, но он давал пример того, каким должен быть великий человек, став жертвой превратностей судьбы. Начиная с первой минуты его появления в Лонгвуде, остров Святой Елены превратился в его Голгофу. Ненависть к нему со стороны кабинета министров навсегда будет пятном на чести Англии.

Император возобновил свою работу с этими господами, конные прогулки и поездки в карете вместе с дамами; это были единственные развлечения, которыми он был вынужден заполнять все эти долгие и безотрадные дни. Если во время этих поездок он встречал людей, знакомых ему в городе или в английском полку, он обычно приглашал их к себе на обед, назначив определенный день. Такое положение вещей при человеке, столь подозрительном, каким был сэр Хадсон Лоу, не могло долго продолжаться. Если в течение дня английский дежурный офицер не видел императора, губернатор обычно немедленно появлялся в Лонгвуде для встречи с гофмаршалом, чтобы напомнить об инструкциях, включавших необходимость ежедневно удостоверяться в присутствии генерала Бонапарта на острове. Затем, желая осложнить все контакты французов с местным населением, губернатор послал своего помощника, г-на Горрекера, к торговцам города, чтобы предупредить их, что им не

положено продавать французам товары в кредит; они ничего не могли продать им, пока те не оплатят товары наличными деньгами, они также не должны были вступать с ними в контакт без разрешения губернатора. Объявление об этой официальной опале французов было расклеено по всему городу.

У офицеров 53-го полка вошло в привычку ездить к «Воротам Хата», чтобы навещать графиню Бертран; они продолжали делать это и тогда, когда она стала жить на территории Лонгвуда. Вскоре после появления нового губернатора на острове они навестили графиню Бертран и сообщили ей, что они, будучи благородными людьми, не могут принять навязанные им условия, в соответствии с которыми им следует наносить визиты графине. Чувство страха охватило жителей острова, и тот, кто ранее встречал нас на дороге и останавливался, чтобы расспросить об императоре, теперь делал это на ходу, торопливо проходя мимо, потому что, если он завязывал с нами разговор, это грозило ему ссылкой с острова.

Губернатор, которого император не видел со времени его первого визита, приехал в Лонгвуд и попросил оказать ему честь быть представленным императору. Император через посредника ответил ему, что он болен и не может принять его, но через 15 минут сел в карету с дамами, тем самым давая ясно понять Лоу, что не хочет видеть его. В другой раз, когда он собирался сесть в карету, он заметил Хадсона Лоу, прибывшего в Лонгвуд; император вернулся и больше не выходил из дома. Император послал меня в город приобрести экземпляр книги «Поль и Виргиния» и просил, чтобы я читал ему ее; император считал, что этот роман написан языком души, и заставлял меня читать ее несколько раз целиком или по частям.

Прибытие в гавань Джеймстауна корабля «Адамант» 7 мая предоставило губернатору еще одну возможность приехать в Лонгвуд и обратиться с просьбой быть принятым императором, чтобы информировать его, как он заявил, об официальных сообщениях его правительства. От любого другого человека можно было бы ожидать, судя по тому, как он настаивал на срочности передачи информации, что он намерен довести до сведения заключенного некоторые новости, которые, вероятно, облегчат тяготы его неволи. Но новости от сэра Хадсона Лоу были прямо противоположного характера, и император сомневался, стоит ли ему давать согласие на аудиенцию, но в конце концов решил принять губернатора. Последовавшая беседа была долгой и проходила на довольно повышенных тонах. Император перечислил все жалобы на действия губернатора, накопившиеся за месяц, когда тот находился на острове. Они расстались более

недовольные друг другом, чем когда-либо.

Д-р О'Мира сообщил императору, что, когда губернатор выходил из здания резиденции, он сказал ему: «Генерал Бонапарт недоволен тем, как выясняется, что ему не удалось создать для себя воображаемую им Францию и воображаемую им Польшу, как говорит аббат де Прадт, но теперь он хочет создать для себя здесь воображаемую им Святую Елену».

Я рассказал императору, что после этой беседы губернатор проинспектировал крепостной ров, который он приказал выкопать вокруг территории Лонгвуда, и, заметив дерево на одной стороне рва, отдал приказ срубить его, считая, что оно поможет перепрыгнуть на другую сторону рва. «Причина этого приказа, — сказал я императору, — тем более смехотворна, что любой из нас, покидая Лонгвуд или возвращаясь в него, с легкостью перепрыгивает через этот ров. И этот приказ ни к чему не ведет, кроме того, что уничтожает дерево, которых и так мало в округе».

«Он пришел, — рассказывал император д-ру О'Мира, — чтобы поговорить со мной о доме, который собирается строить для меня его правительство и о котором так подробно пишут газеты. Он спросил меня, где бы я хотел, чтобы его возвели, и я ответил ему: «От вас я ничего не хочу, я прошу только об одном, а именно, чтобы вы оставили меня в покое. Вы говорите, что вы получили более строгие инструкции в отношении меня, чем те, которые получал адмирал; ну что ж, наберитесь мужества, чтобы соблюдать их на практике. От ваших министров я ничего не жду. Что же касается угрозы взломать мою дверь, чтобы позволить вашему помощнику войти в мою резиденцию, то я скажу вам, что он войдет в нее только через мой труп; обязательство быть сопровождаемым одним из ваших офицеров является малоприятной мерой. И меня раздражает не человек, не его мундир. Попплтон — хороший солдат, которого я уважаю, но я не хочу, чтобы любые мои поступки дали вам право считать меня вашим пленником. Вы хорошо знаете, что единственное наблюдение, необходимое для того, чтобы держать меня здесь, обеспечивается вашими кораблями, курсирующими вокруг острова, и что обязывать офицера галопировать позади меня является полнейшим абсурдом. Но чего вы, по-видимому, не знаете, так это то, что покрываете ваше имя позором и ваши дети будут стыдиться носить его».

Доктор рассказал императору, что офицеры с борта корабля «Адамант», которых он встретил в городе, сказали ему, что общественное мнение в Англии весьма взволновано известием о том, что императору предоставили место для резиденции в самой

засушливой части острова, и то, что его разместили в лачуге вместо «Колониального дома», посчитали в Англии бесчеловечным. «Можете быть уверенным в том, — ответил император, — что объявление о деревянном дворце, о котором сегодняшние газеты сообщают подробности, являющиеся сплошной ложью, напечатано в газетах, чтобы одурачить людей и заставить их поверить, что моя следующая резиденция будет снабжена всеми удобствами и утопать в роскоши, достойной лорда». Отпустив доктора, император удалился в гостиную. Он собирался покататься в карете, но ветер дул со страшной силой, и император остался на веранде, наблюдая за воинскими построениями английского полка в лагере. На корабле «Адамант» привезли не деревянный дворец, строительство которого, в соответствии с британскими газетами, должно было проходить словно по волшебству, но строительные материалы, камни и мебель, часть которой была отправлена в Лонгвуд, чтобы заполнить пустые комнаты или заменить несколько старых предметов мебели, более непригодных для использования.

Таким образом в приемном холле оказался стол, несколько стульев и бильярдный стол из красного дерева. Император не играл в бильярд, но когда проходил через холл, то обычно забавлялся тем, что катал бильярдные шары по столу. Была заменена мебель в гостиной: ковер, покрывавший пол, люстра для потолка и большое зеркало над камином. Было прислано два небольших дивана, шесть стульев и шесть кресел с подлокотниками из черного дерева с орнаментами из позолоченной бронзы на темно-зеленой вельветовой обивке на спинке кресел; напротив камина между двумя окнами, получившими цветные сборчатые занавески и шторы, был поставлен стол с мраморным верхом. В столовой комнате были оставлены стол из красного дерева и стулья; доставили три библиотечных шкафа из красного дерева на подставках, верхняя часть створок шкафов имела позолоченные декоративные металлические решетки с зелеными занавесками, чтоб прикрыть полки шкафов. Эти шкафы были поставлены в комнате, ранее принадлежавшей графу и графине де Монтолон. Большой деревянный стол, уже стоявший в комнате, был накрыт зеленой скатертью, на которой в свою очередь была разложена большая географическая карта Италии в исполнении барона д'Альбе[261]; несколько стульев из красного дерева завершали меблировку библиотеки. Заведование библиотекой было поручено Сен-Дени. Император разрешил нам заменить шаткий стол в его комнате присланным комодом, который, как посчитал император, ему пригодится. Приставной стол заменил старый, которым он

пользовался, когда завтракал; ножки старого стола находились в плачевном состоянии, и все опасались, что рано или поздно поданный императору завтрак свалится на пол. Для себя я попросил шкафчик из красного дерева, который я поставил в своей комнате для хранения в нем белья императора и для того, чтобы освободить место в шкафах, которые я ранее сделал. Замененная мебель была распределена между этими господами.

Заход флота Восточно-Индийской компании на остров Святой Елены ежегодно отмечается празднествами. На берег сходит большое число пассажиров с кораблей этого флота, офицеров и членов команд кораблей. Все они тратят много денег, закупая овощи и домашнюю птицу, которые местные жители продают по максимально высокой цене.

Это также хорошее время для посещения магазинов. По просьбе императора д-р О'Мира купил ему очень красивые шахматы из слоновой кости. В числе знатных особ на борту корабля находилась леди Мойра, супруга генерал-губернатора Индии. Ей предстояло оставаться на острове, разместившись в «Колониальном доме», в течение двух дней, и, несомненно, она выражала желание увидеть императора или быть представленной ему. Однажды утром к императору явился гофмаршал с письмом от сэра Хадсона Лоу, которое гофмаршалу только что привез ординарец губернатора. В письме губернатор приглашал генерала Бонапарта пожаловать на обед вместе с леди Мойра на следующий день. Странность этого приглашения сначала заставила императора рассмеяться, но затем он сказал гофмаршалу: «Но в самом деле, у этого человека полностью отсутствует здравый смысл: в список нанесенных мне оскорблений можно занести еще одно, не отвечай на это приглашение! Если бы эта леди была больной, то я мог бы пойти навстречу ее пожеланию и встретился бы с ней. Он прекрасно знает, что, поскольку за мной должен следовать дежурный офицер, я не приму приглашения. Таким образом, он препятствует этой леди приехать сюда и самой сравнить его роскошную резиденцию и мое жалкое жилище. Леди Мойра свободна в своем выборе, почему бы ей не приехать сюда и не нанести визит вашей супруге и супруге Монтолона!»

Надеясь быть представленными императору, большое число пассажиров пришло к гофмаршалу. Как раз в этот момент император вышел из своей резиденции и стал беседовать то с одним, то с другим пассажиром прибывшего корабля. Прощаясь с ними, он сказал одному из адъютантов лорда Мойра: «Передайте леди Мойра, что, если бы она была в пределах Лонгвуда, я бы с удовольствием уделил ей внимание». Накануне среди визитеров

Лонгвуда оказался офицер, являвшийся родственником лорда Сен Венсана; император просил офицера заверить адмирала, что он был одним из тех, к кому император питал самое высокое уважение.

В Лонгвуд приехал генерал Бингем, и у императора возникли сомнения, следует ли ему принимать генерала. Все же он решил сделать это, так как он не видел его с тех пор, как его произвели в ранг генерала, и император хотел поздравить его с повышением. Когда императору доложили о прибытии генерала, то это случилось в тот самый момент, когда император почувствовал отвращение ко всем и ко всему в результате ознакомления с документом, который сэр Хадсон Лоу направил в Лонгвуд и который был озаглавлен следующим образом: «Соглашение, подписанное в Париже 2 августа 1815 года представителями Англии, Австрии, Пруссии и России». Лучше, чем любой из монархов этих держав, император предвидел колоссальную ошибку, которую они совершили, объединившись против него, чтобы свергнуть его с престола. Будучи посредником между королями и народами, он мог бы избежать кровавых переворотов и обеспечить социальную реорганизацию Европы без каких-либо трудностей. Монархи этого не понимали. Подобная концепция была выше понимания этих монарших мыслителей; они верили, что они достаточно сильны для того, чтобы подавить революционные идеи, которые в один прекрасный день приведут к уничтожению их самих, и решились на чудовищное деяние — отправить Наполеона на скалу острова Святой Елены. Ниже приводится текст «Соглашения»:

В связи с тем, что Наполеон Бонапарт находится во власти союзнических монархов, Их Величества король Объединенного королевства Великобритании и Ирландии, император Австрии, император России и король Пруссии решили в соответствии с условиями договора от 25 марта 1815 года принять наиболее необходимые меры для того, чтобы делать для него невозможным осуществить попытку любого выступления против мира в Европе.

Статья 1. Наполеон Бонапарт рассматривается державами, подписавшими договор от 25 марта 1815 года, в качестве их пленника.

Статья 2. Его охрана специально поручается британскому правительству. Выбор места и мер, которые лучше всего могут обеспечить достижение целей настоящего соглашения, предоставляется Его Британскому Величеству.

Статья 3. Императорские дворцы Австрии и России и королевский двор Пруссии назначат своих представителей, которые проследуют в место, назначенное британским правительством в качестве резиденции Бонапарта, и будут проживать там, не неся ответственности за его безопасность, но будут обеспечивать все необходимые меры для того, чтобы он там оставался.

Статья 4. Его Христианнейшее Величество приглашается от имени четырех монарших дворов, упомянутых выше, направить представителя Франции в место содержания под арестом Наполеона Бонапарта.

Статья 5. Его Величество король Объединенного королевства Великобритании и Ирландии настоящим берет на себя выполнение обязательств, порученных ему данным соглашением.

Статья 6. Настоящее соглашение будет ратифицировано, и ратификационные грамоты подлежат обмену в течение ближайших нескольких дней или еще скорее, если представится такая возможность.

В удостоверение чего полномочные представители подписали настоящее соглашение и скрепили его своими печатями.

Исполнено в Париже 2 августа 1815 года

Подписано: князь Меттерних, граф Нессельроде, лорд Эбердин и князь Гарденберг.

Заверенная копия.

Подписано: генерал-лейтенант сэр Хадсон Лоу, губернатор острова Святой Елены и специальный уполномоченный Его Британского Величества.

Вице-губернатор острова от Восточно-Индийской компании и г-жа Скелтон, чей прием император высоко оценил на следующий день после высадки с корабля на остров, приехали в Лонгвуд, чтобы попрощаться с императором перед своим отплытием в Англию на одном из кораблей компании. Император всегда с удовольствием принимал полковника Скелтона и его супругу, которые много раз удостаивались чести обедать с императором. Теперь он не мог более делиться жалобами на губернатора с честными людьми, чтобы они доводили их до сведения высших инстанций в Лондоне. Желая подчеркнуть оказываемое им свое доверие, император попросил меня принести одну из очаровательных чашек из севрского фарфорового сервиза, которую он предложил г-же Скелтон в качестве памятного знака

своего уважения к ней. Выразив свое восхищение рисунками на чашке, эта дама тепло поблагодарила императора за преподнесенный ей подарок.

Как можно заметить, император продолжал принимать у себя не только знатных людей острова и офицеров местного гарнизона, которых он приглашал или на обед или, если это было утром, на завтрак в его шатре, но также высокопоставленных лиц, сходивших на берег острова с прибывавших кораблей. Беспокойный ум губернатора был весьма встревожен этим обстоятельством. Информация о самых незначительных событиях, поступаемая из Лонгвуда, приобретала в глазах губернатора первостепенное значение, но более всего он был обеспокоен постоянными поездками с поручениями в город д-ра О'Мира, над которым он не мог и не смел осуществлять какой-либо контроль. Пользуясь тем, что он мог свободно общаться с жителями острова и с офицерами прибывавших в гавань кораблей, д-р О'Мира мог передавать генералу Бонапарту европейские новости, о которых, по убеждению губернатора, генерал Бонапарт должен был узнавать только после их обработки самим губернатором. Губернатор прилагал все усилия, чтобы убедить императора согласиться взять к себе на службу д-ра Бакстера, который, как утверждал губернатор, говорил на французском языке и был гораздо более стоящим специалистом, чем д-р О'Мира. Однако попытки губернатора в этом отношении не увенчались успехом, поскольку император заявил ему, что его полностью удовлетворяет его врач и он желает сохранить его на своей службе.

Можно понять, что д-р О'Мира, на которого не распространялись какие-либо лонгвудские ограничения, был слишком дорог для императора в качестве средства получения информации, чтобы добровольно расстаться с ним. Хотя произошли заметные изменения в общении с нами со стороны местных жителей и офицеров гарнизона, после того как и на них распространились соответствующие ограничения, император тем не менее знал, что происходит на острове и в мире. Хадсон Лоу, в своем желании видеть возле императора только людей своего круга, написал гофмаршалу письмо, в котором сообщал, что собирается заменить матросов, работавших в качестве слуг в конюшне и в здании самой резиденции, солдатами, считая, несомненно, что он сможет оказывать на них большее влияние, чем на матросов с «Нортумберлэнда». Император отказался от этой замены, и матросы оставались в Лонгвуде до тех пор, пока «Нортумберлэнд» не покинул остров. Каждый из них получил хорошее вознаграждение, и затем они были заменены солдатами

53-го полка, которые служили очень хорошо и не давали повода для жалоб.

Одна из проблем, заботивших императора, заключалась в полной несовместимости генералов Гурго и Монтолона. С течением времени их разногласия усилились до такой степени, что они собирались драться на дуэли. Дуэль в Лонгвуде между двумя людьми, прибытие которых на остров Святой Елены было мотивировано одной и той же целью, представлялась просто невозможной. Император вмешался в их ссору и вызвал к себе и того и другого: он воззвал к их сердцам, чтобы они примирились. Несколько слов, сказанных генералом Гурго, вызвали раздражение у императора, который заявил: «Как бы мне ни хотелось иметь вас рядом со мной, когда вы живете в мире, но вы выводите меня из душевного равновесия, если не можете разделить со мной те немногие радости, которые остались у нас; в этом случае я бы предпочел, чтобы вы оба уехали с острова. Будет гораздо спокойнее, если я останусь наедине с Маршаном». С моей стороны не очень скромно вспоминать эту последнюю фразу, которая касается лично меня; если я и делаю это, то только потому, что должен отнести ее за счет вспышки раздражения, вызванной ответом генерала. Император, если бы он остался один, довольно быстро осознал бы глубокое одиночество, в котором он оказался, имея только меня рядом с собой.

Однажды император принимал у себя высокопоставленных иностранцев, чьи корабли на своем пути делали остановку в гавани острова. На следующий день после этой аудиенции д-р О'Мира рассказал ему, насколько эти люди были очарованы беседой с ним и как им было стыдно, что они верили всей клеветнической лжи, которая писалась о нем. Д-р О'Мира добавил, что подобное впечатление широко разделялось всеми теми, кто удостаивался чести быть принятым императором. «Доктор, — в ответ сказал император, — ваши соотечественники воображают, что я являюсь своего рода диким животным с рогами? Это правда, что пресса высмеивала меня, как никого другого. Она изображала меня как трусливое и кровожадное существо. Вся эта клевета исчезнет сама по себе. Эти англичане, прибывшие из Индии, отправятся во Францию, и там они научатся понимать меня. Ваш губернатор просил принять его; я был еще в утреннем халате, я не хотел принимать его, но позволил ему войти и нарушить мой покой. Он самым энергичным образом протестовал против того, чтобы сделать мое положение более сносным; он вновь и вновь обращался к своей любимой идее приставить ко мне Бакстера. Вопреки своему

обычному поведению он пытался как-то угодить мне, но он тот самый человек, к которому я не могу чувствовать доверия. Он отвратителен мне до такой степени, что, когда он ушел, я сказал Маршану: «Выбрось прочь эту коробку с кофе, его больше нельзя пить, потому что коробка находилась рядом с ним». Вопреки моему характеру я дурно обращался с ним, но разве может быть иначе? Он запрещает нам писать письма и он боится, что наши слова могут быть услышаны не только на этой скале, но и в Европе! Он запретил Лас-Казу писать письма, который, как он утверждает, пишет лживые письма в Европу, что, в чем я совершенно уверен, не является правдой; он утверждает, что Лас-Каз пытается унизить его в моих глазах. Он не говорил мне о своей ссоре с Бертраном, который был вынужден выставить его из своего дома из-за грубости, которую он себе позволил. Должно быть, она в самом деле перешла все границы, если Бертран решился на такой поступок, поскольку он обладает самым мирным характером, какого нельзя найти ни у кого другого. Доктор, ему бы хотелось восстановить потерянные позиции, но он не сможет сделать этого: единственно, что я прошу у него, так это не досаждать мне ненавистным его присутствием».

У правительства возникла идея построить более удобный дом, чем тот, в котором жил император. Когда гофмаршал принес планы строительства дома, император сказал ему: «Я бы предпочел четыреста или пятьсот книг. Я бы получал от них удовольствие. Для того чтобы построить этот дом, потребуется пять лет. И к этому времени единственное, в чем я буду нуждаться, так это в могиле». Император оказался неплохим пророком. Пять лет спустя наступили последние дни его жизни, и как раз тогда ему принесли ключи от нового дома. «Я наблюдал, — заявил император, — за всеми теми усилиями, которые предпринимали эти бедняги матросы и солдаты, пытавшиеся хоть чего-то добиться в Лонгвуде; они подчиняются приказам адмирала, человека активного и умного. Я не хочу, чтобы они перегружались работой, результатами которой я не смогу воспользоваться, и я не хочу, чтобы из-за этого они ругали меня». Однако гофмаршал считал, что император должен сказать, какое место на острове более всего удовлетворит его; император ответил, что коттедж «Брайерс» представляется самым лучшим местом, поскольку там он найдет тень и источник воды. Также заслуживали внимания «Розмари Холл» и собственность полковника Смита. В конце концов он сказал, что его устроит любая часть острова, в которой он будет защищен от юго-восточных ветров, буквально пожиравших Лонгвуд. «Но неужели вы не можете понять, Бертран, что этот запрос о месте

строительства дома является всего лишь шуткой! Они не предоставят мне никакого иного места на острове, кроме этого! Оно дает им слишком много преимуществ, чтобы отселить меня отсюда; я же здесь не могу и шагу ступить, чтобы меня не заметили. Для того чтобы построить ваш дом, потребовался целый год, как вы думаете, сколько времени потребуется, чтобы закончить строительство этого дома? Если он заговорит с вами об этом, скажите ему, что он может строить его там, где ему заблагорассудится, а меня пусть оставит в покое».

Император был совершенно прав: вскоре после этого разговора губернатор, свободный в выборе места строительства дома для императора, решил, что этот дом должен быть построен вблизи дома графа Бертрана, но пониже его. Он защищался от юго-восточного ветра изгибом земной поверхности, находился достаточно близко от садов Восточно-Индийской компании, чтобы прогуливаться в них, и был в поле зрения английского военного лагеря, чтобы император не мог сделать и одного шага без того, чтобы не быть замеченным. Предполагалось, что будет избыток воды, когда закончится сооружение цистерны у подножия пика Дианы; этот резервуар должен был собирать во время сезона дождей всю воду, необходимую не только для снабжения Лонгвуда, но также острова и кораблей, прибывающих из Индии, которые заходили в гавань Джеймстауна, чтобы набрать воды.

Жизнь императора на этом скалистом острове проходила в однообразном режиме, включавшем в себя работу над мемуарами, чтение и утренние верховые прогулки в сопровождении генерала Гурго и графа Лас-Каза. Если вечером он совершал прогулку в карете, то в компании одной из дам и иногда с обеими дамами. Если случалось так, что он нарушал заведенный порядок, то только потому, что был болен и в этом случае оставался дома. Внезапные перемены состояния погоды, против которых он не предпринимал мер предосторожности, часто были причиной его простуды, которая обычно укладывала его в постель. Д-р О'Мира тогда предлагал ему свои лекарственные средства, но император отказывался от них, предпочитая конфетную коробку с лакрицей: «Мой метод лечения, если я болен, — заявлял он, — заключается в том, что я начинаю поститься, выпиваю немного куриного бульона и, чтобы вызвать выделение пота, сажусь на коня и проезжаю пять или шесть лье, после чего ложусь в постель».

Однажды император заболел и не вставал с постели. Он вызвал к себе врача:

— Вчера вы пригласили гостей к обеду. Сколько человек были пьяны?

— Ни одного, — ответил доктор, смеясь.

— Вы говорите неправду. Должно быть, несколько человек валялись под столом. Разве наш друг, капитан Росс, не был слегка пьян?

— Он чувствовал себя прекрасно — да, но пьяным — нет; единственный, кто чувствовал себя чрезмерно веселым, так это капитан Пионтковский, которого я пригласил на обед.

— Пионтковский, который иногда обедает в лагере с офицерами 53-го полка, рассказывает, что однажды они сняли скатерть со стола и устроили основательную выпивку, и она продолжалась до поздней ночи.

— Могу заверить вас, — возразил доктор, — что это сущая неправда и что в лагере есть и такие офицеры, которые пьют вино только два раза в неделю.

— Так и получается, — ответил император, — что, когда вы плохо понимаете язык, обычаям и поступкам другого народа приписывается ошибочная интерпретация.

У императора появилась привычка довольно часто завтракать, находясь в ванной. Я приспособил крючки к каждой стороне небольшого столика из красного дерева, чтобы его можно было установить прямо в ванне, зацепив крючки за ее борта на требуемой высоте. На этот столик императору подавался завтрак, после которого ему на столик клали книгу или газеты. Он никогда не оставался в ванне менее 90 минут, тепло в ней поддерживалось текущей в нее струйкой горячей воды. Для работы или для беседы к императору вызывали одного из господ; часто, переговорив с одним, он вызывал другого господина. Прием ванны оказывал на него благоприятное действие, и он говорил, что эта процедура снижает тупую боль в боку, на которую он начал жаловаться.

Глава пятнадцатая

Адмирал Малькольм — Представители союзнических держав — Подробности жизни в Лонгвуде — Проблема с деньгами — Резкие протесты императора

18 июня императору сообщили о прибытии фрегатов «Ньюкасл»[262] и «Оронте», на борту которых находились адмирал со своей семьей и полномочные представители Франции, России и Австрии: маркиз де Моншеню — представитель Франции, граф Бальмэн — представитель России, барон Штюрмер — представитель Австрии, и капитан Кор — адъютант маркиза де Моншеню. Императора также посетил граф де Монтолон, чтобы

сообщить ему, что г-жа де Монтолон только что родила дочку; император, зная о ее беременности, несколько раз посылал меня к графу, чтобы спросить, как идут дела у его супруги. Император поздравил графа де Монтолона и сказал ему, чтобы он дал девочке имя Наполеоне. Во второй половине дня император смог навестить графиню де Монтолон, которая показала ему новорожденную.

Д-р О'Мира немедленно отправился в город и переговорил с несколькими пассажирами фрегатов. Когда д-р О'Мира вернулся в Лонгвуд, он сообщил мне, что один австрийский ботаник, прибывший на одном из фрегатов, перед своим отъездом на остров Св. Елены видел в Шенбрунне мою мать и привез для меня ее письмо. Для того чтобы понять чувство счастья, охватившее меня, узнавшего о том, что в городе находится человек, видевший мою мать, необходимо представить себе всю силу воображения узника. Я сразу же отправился к императору, чтобы сообщить ему об этом; он подумал, что австрийский ботаник, возможно, привез и для него письмо от императрицы. Чтобы выехать в город, мне надо было дождаться следующего утра, и никогда в жизни ночь не казалась мне такой длинной.

С того времени когда я выехал из города, чтобы присоединиться к окружению императора в коттедже «Брайерс», я ни разу не был в Джеймстауне. Не объясняя причины моей поездки в город, я попросил капитана Попплтона, чтобы он выделил для меня сержанта, в сопровождении которого я могу посетить город, а у генерала Гурго попросил двух коней. Я последовал в город, где никто не знал меня, передал сержанту под охрану своего коня, а сам прямиком отправился к дому, который, как мне подсказал д-р О'Мира, принадлежал ботанику. Было слишком рано, я нашел ботаника, бывшего еще в постели, и извинился перед ним за столь раннее вторжение. Но он понял мое состояние нетерпения и вручил мне письмо от моей матери, настоятельно попросив меня соблюсти абсолютную секретность своей миссии. Покидая императрицу, он убедился, что она находится в добром здравии, и словесно дал самое очаровательное описание Римского короля. Я спросил его, не привез ли он с собой письмо от императрицы императору: ботаник ответил, что не привез, но надеется, что будет счастлив удостоиться чести быть представленным императору и сможет поговорить с ним об императрице. Опасаясь, что мой продолжительный визит к ботанику может скомпрометировать его, я покинул его дом, радуясь моей счастливой удаче. Когда я садился на своего коня, я заметил представителей союзнических держав, гулявших по городу и в изумлении взиравших на

громадные скалы, возвышавшиеся над городом. Не останавливая коня, чтобы лучше разглядеть их, я в каждом их них признал страну, которую они представляли. В сопровождении сержанта я поспешил вернуться в Лонгвуд, и, когда я взбирался по склону, ведущему к нему, в это же время сэр Хадсон Лоу на противоположной стороне дороги спускался в город.

Как только я прибыл в Лонгвуд, я тут же передал коней одному из дежурных конюхов. Я проследовал в апартаменты императора с моим непрочитанным письмом. Император разрешил мне вскрыть письмо и попросил меня прочитать его ему. В конверте я обнаружил тщательно сложенный клочок бумаги, на котором было написано: «Волосы Римского короля»; на другом куске бумаги было написано: «Моему сыну». «Это принадлежит тебе, — сказал мне император, — а это мне». Раскрыв клочок бумаги и увидев красивые светлые волосы своего сына, император сказал мне, чтобы я положил его в походный саквояж. Я положил волосы Римского короля рядом с локоном императрицы Жозефины, высланным императору на остров Эльба после ее кончины. И волосы Римского короля, и локон императрицы Жозефины теперь находятся в моем священном хранилище. Мое письмо от матери содержало много интересных подробностей о Римском короле, сообщало новости об императрице, но в нем отсутствовал какой-либо намек на то, что моя мать сообщила императрице о письме, которое она писала мне. Я рассказал императору, что ботаник взял это письмо только после настойчивых просьб моей матери и что если бы кто-нибудь узнал об этом, то ботанику не разрешили бы покинуть Вену.

Из газет император узнал об оправдании судом генерала Друо, чьим благородным характером и самоотверженностью которого он чрезвычайно восхищался; он всегда с похвалой говорил о нем, давая самую высокую оценку его замечательному поведению во время сражения при Ханау.

Доктор доложил императору, что, когда губернатор вернулся в город, он стал расспрашивать, где я был в городе: сначала никто не знал, что сказать ему по этому поводу, но вскоре он выяснил, что я провел пятнадцать минут наедине с ботаником (очень сожалею, что не могу вспомнить его имени). Губернатор обругал всех своих помощников, выражая недовольство по поводу того, что отсутствует наблюдение за французами, когда те приезжают в город. Он угрожал ботанику выслать его с острова и сделал бы это, если бы не возражения барона Штюрмера, но в конце концов губернатор успокоился, и его гнев остался без последствий.

Приезд нового адмирала сэра Пультни Малькольма[263], прибывшего, чтобы возглавить военно-морские силы на острове,

означал отъезд сэра Джорджа Кокбэрна, которого император так никогда больше и не увидел после того злополучного дня, когда с ним, приехавшим в Лонгвуд, чтобы представить сэра Хадсона Лоу, совершенно непреднамеренно обошлись крайне невежливо. Прежде чем покинуть остров, он приехал в Лонгвуд попрощаться с гофмаршалом; он выразил сожаление, что подобное обстоятельство закрыло для него двери апартаментов императора и что он не может в связи с этим выполнить свои обязанности. Ничто, сказанное ему гофмаршалом по поводу этого недоразумения, не смогло изменить его решимости не наносить визита императору для представления своего преемника. Что же касается меня лично, то, когда я узнал, что адмирал покидает Св. Елену, не попрощавшись с императором, я очень сожалел об этом. У императора не должно было быть никакой причины, чтобы жаловаться на него, если бы полученные им инструкции не были столь отвратительным образом направлены непосредственно на императора; и то, что случилось после прибытия на остров сэра Хадсона Лоу, заставило нас только с сожалением ощущать отсутствие адмирала. Он был великодушным и честным человеком, но его суровый нрав и строгая манера вести себя препятствовали тому, чтобы сблизиться с ним. Забота, которую он проявлял на борту корабля каждый раз, когда мы встречались с ним, вызывала у меня чувство расположения к нему и заставила меня признать, что выражение глаз на этом суровом лице было не без некоторого чувства доброты, вызывавшего к себе определенное доверие. Матросы, находившиеся на службе в Лонгвуде, были отправлены и заменены солдатами.

Поэтому адмирал Малькольм приехал в Лонгвуд без своего предшественника, попросив гофмаршала, чтобы тот представил его императору. Его аудиенция была перенесена на следующий день, на 21 июня, и для него вместе с его штабом был соблюден тот же самый протокол, что и для сэра Хадсона Лоу. Адмирал Малькольм с самого начала повел себя дружески по отношению к императору, который, когда адмирал ушел, заявил, что, по его мнению, у него «открытое и честное лицо». «Этот человек, — сказал император, — должно быть, обладает добрым сердцем. Он откровенно выражает свои мысли и вызывает доверие у самого подозрительного человека». Прежде чем покинуть императора, адмирал попросил разрешения приехать снова и представить леди Малькольм, которая осталась в городе. Император ответил, что он с большим удовольствием познакомится с ней.

«Ньюкасл» доставил несколько упаковок с книгами, которые были переправлены в Лонгвуд. Это явилось истинной радостью

для императора, который, как только их привезли, стал помогать нам вскрывать упаковки, чтобы поскорее удовлетворить свое нетерпение. Часть этой ночи он посвятил чтению. На следующее утро, когда я зашел в его комнату, я увидел большое количество книг на полу, которые он, по его выражению, «прощупал» и которые, вероятно, не представили для него интереса. В течение нескольких следующих дней он был занят беглым просмотром книг и затем по порядку пополнил ими свою библиотеку.

С кораблем прибыли различные туалетные принадлежности, которые были посланы в Лонгвуд: духи, одеколон, лавандовая вода, табак принца Режана, белая ткань и материя для костюмов и рубашек. Император распорядился, чтобы одеколон я сохранил для него, так как в настоящее время его нельзя было приобрести в городе, а остальные вещи распределил среди обслуживающего персонала. Он хотел носить свою одежду как можно дольше, поскольку не желал получать что-либо от британского правительства. В коробке ему прислали два пистонных ружья[264]. Говоря о ружьях, присланных ему, император заявил, что это шутка в стране, где отсутствует охота.

На острове водилось некоторое количество диких голубей, но охота на них представляла большую трудность, поскольку они обычно перелетали из одной долины в другую, и, для того, чтобы следовать за ними, нужно было быть отважным пешеходом. Сантини, чья работа в резиденции ограничивалась обслуживанием обеденного стола и объявлением имен гостей, когда император находился в гостиной, проводил утро, упражняясь именно в этой охоте на голубей; стрелял он отлично, и ему удалось подстрелить несколько штук. Два, а иногда и три раза в неделю они подавались императору во время его завтрака, и он считал их отличным блюдом. Генерал Гурго пытался развести кроликов в лесах Лонгвуда, но ничего не получилось. Фазан, очень редкая птица на острове, был застрелен около «Колониального дома», и охотник предложил его императору. Когда губернатор узнал, что император отказался от личного пользования туалетными принадлежностями, которые он прислал, и распорядился распределить их среди обслуживающего персонала, он пришел в ярость; но император расценил это подношение как оскорбление, нанесенное ему лично и его офицерам.

Эти господа жаждали встретиться и побеседовать с полномочными представителями Франции, России и Австрии. Во время конных прогулок эти господа попытались встретиться с ними, и им удалось завязать разговор. У маркиза де Монтшеню[265] были письма для графини Бертран и для графа де

Лас-Каза. Полномочные представители союзнических держав не скрывали своего желания быть принятыми в Лонгвуде. Император заявил, что примет их в качестве частных граждан, но не как официальных представителей союзнических держав. Когда они впервые приехали в Лонгвуд, то подошли к воротам у крепостного вала между постом охраны и зданием резиденции императора. Губернатор был не в восторге от их желания поехать в Лонгвуд, но не посмел официально запретить им эту поездку; да они фактически и не пытались двинуться дальше. Император, которому один из его слуг сообщил, что они появились у ворот, попросил меня принести ему его подзорную трубу и через щель в ставнях сумел хорошо разглядеть их. Гофмаршал, генерал Гурго, граф де Лас-Каз и генерал Монтолон вышли к ним, чтобы поговорить. Они восприняли Лонгвуд как самую худшую часть острова и наименее пригодное место для проживания на Св. Елене из-за изменчивости погодных условий. Представитель России сказал, что они станут посмешищем всей Европы, когда люди узнают, что они покинули остров, так и не повидав императора. Их уже стала одолевать скука, и они пожаловались на высокую стоимость продовольствия и на его плохое качество. Маркиз де Монтшеню говорил о том, что обратился к королевскому правительству с просьбой о новом денежном пособии. Император позднее сказал им, что может предложить им книги из его библиотеки, если чтение поможет им бороться со скукой.

В Лонгвуд была прислана пневматическая машина, и император назначил генерала Гурго ответственным за ее функционирование. Император и адмирал Малькольм пришли посмотреть, как она действует. Генерал предложил каждому из них по чашке с ледяной водой, поверхность которой покрылась льдом через пятнадцать минут. Император взял чашку и, пока он откалывал лед с поверхности воды, рассказал о том удовольствии, которое он и его солдаты могли бы получить, положив такой кусочек льда в рот, когда французская армия пересекала пустыню на пути в Сирию. Эту машину, впервые увиденную на острове, по приказу императора привезли в дом генерала Гурго с тем, чтобы он смог у себя провести ряд испытаний. Проведенные им эксперименты с лимонадом и молоком оказались неудачными.

Самое первое впечатление, произведенное адмиралом Малькольмом на императора, когда он был представлен ему, нисколько не изменилось за все время пребывания адмирала на острове. Император сожалел, что адмирал Малькольм не был поставлен во главе всего острова, поскольку он был уверен, что

его жизнь в этом случае проходила бы гораздо легче. Так как адмирал держал себя по отношению к императору весьма дружелюбно, то, когда бы он ни появлялся в Лонгвуде, его всегда принимал император. Даже когда император был болен, адмиралу разрешалось входить в его спальню. Однажды, когда адмирал вместе с императором вышел из здания резиденции, он заметил, что шатер, воздвигнутый в нескольких ярдах от дома, находится в очень плохом состоянии; адмирал немедленно распорядился заменить его другим шатром, доставленным с его корабля. Поскольку вокруг здания резиденции не росли деревья, которые бы обеспечивали тень, то император часто спасался от жгучих лучей солнца под покровом шатра; там же, в шатре, он работал и завтракал. Вход в шатер находился напротив поста охраны, потому император мог видеть людей, приходивших в Лонгвуд: если же случалось так, что это был губернатор, то император сразу возвращался в свою резиденцию. «От этого человека, — говорил император, — меня просто тошнит. Он полностью лишен элементарного чувства вежливости и каких-либо знаний. Я не выношу его вида!»

15 августа эти господа и дамы пришли, как и год назад, поздравить императора, который пригласил их позавтракать вместе с ним. На завтрак также были приглашены дети и д-р О'Мира. Следуя своему установленному обычаю, император раздал подарки детям, радость которых по этому поводу способствовала тому, что семейный завтрак прошел в веселой обстановке.

Д-р Бакстер, специально приехавший на остров, чтобы оказывать лечебную помощь императору, обратился к д-ру О'Мира с просьбой, чтобы тот посодействовал ему удостоиться чести быть принятым императором. Император, дав на это согласие, смеясь, спросил д-ра Бакстера, уморил ли тот столько же пациентов, сколько это удалось сделать д-ру О'Мира. Император мало верил медицине, которая, как он говорил, топчется на месте, так как работает, держась в тени, тогда как хирургии предназначено совершать немало блестящих открытий. Узнав, что заболел его повар, он поинтересовался у д-ра О'Мира о состоянии больного; д-р О'Мира ответил, что хотя больной еще молод, но он крайне изнурен и ему осталось жить не так уж много лет, и поэтому необходимо заменить его на несколько дней. Губернатор, которому сообщили об этом факте, предложил на место больного повара бельгийскую женщину из его обслуживающего персонала, которая говорила по-французски и умела готовить. Независимо от того, насколько неприятно было императору принимать на свою службу кого-либо от Хадсона Лоу,

он все же уполномочил Киприани, своего дворецкого, воспользоваться услугами этой бельгийской женщины. Ее умение готовить оказалось не таким уж плохим; она владела рецептом приготовления супа, который очень понравился императору. Этот рецепт заключался в том, что два яичных желтка сбивались вместе с небольшим количеством муки, и затем маленькие кусочки легкого сдобного теста отправлялись в закипевший бульон. В течение всей болезни Лепажа новая кухарка оставалась в Лонгвуде, а когда началось его выздоровление, император решил оставить ее при себе. Через несколько месяцев она вышла замуж за повара и родила ему дочь. Но после этого здоровье женщины, ранее бывшее отличным, ухудшилось; состояние здоровья ее мужа было не лучшим, и оба они были вынуждены покинуть остров и вернуться во Францию, где год спустя Лепаж скончался. Его заменили английским поваром, чье умение готовить было посредственным, но он оставался в своей должности до приезда Шандельера, которого прислала принцесса Полина.

При адмирале Кокбэрне если продовольствие было не очень хорошего качества и жалобы на это доводились до сведения адмирала, то он принимал меры. При этом адмирал обычно выражал сожаление, что на острове нет разнообразных продуктов. При новой администрации все было по-другому: не только качество продуктов оказывалось плохим, но и их количество уменьшилось. Киприани жаловался на это сэру Томасу Риду, который, в отличие от адмирала, не проявлял бдительности, необходимой для устранения недостатков в поставке продовольствия, вызванных нерадивостью поставщика. Поэтому мы были вынуждены, используя императорский фонд, прибегнуть к закупке в городе всего того, чего не хватало для наших домашних нужд. Губернатор был поставлен в известность об этом, но он заявил графу де Монтолону, что поставляемого продовольствия вполне достаточно, просто оно используется неэкономно. Он лично приехал в Лонгвуд, чтобы сказать гофмаршалу, что его правительство выделило на расходы Лонгвуда только 8000 фунтов стерлингов: он по собственной инициативе добавил еще 4000 фунтов стерлингов, но вместе с тем в Лонгвуде должны уменьшить свои расходы. Он также заявил, что 8000 фунтов стерлингов было выделено в ожидании увеличения численности обслуживающего персонала в Лонгвуде; но поскольку этого не произошло, то любые расходы сверх 8000 фунтов стерлингов должны оплачиваться им лично. Император ответил гофмаршалу, что он готов оплачивать все расходы, если ему будет предоставлена возможность связаться с банковским

домом в Лондоне или в Париже и если он сможет получить свои письма в запечатанном виде.

«Не давай какого-либо определенного ответа: нам не следует беспокоиться о подобных делах, пусть у него будет от них головная боль!» — закончил свою речь император. Адмирал Малькольм, настроенный вполне миролюбиво, воспользовался доверием, которое ему оказывал император, чтобы попросить его попытаться прийти к соглашению с губернатором и по возможности, путем взаимных уступок достигнуть положения вещей, более желательных для обеих сторон. «Вы не знаете этого человека, — заявил адмиралу император, — его подозрительность такова, что если я попрошу вас проехаться вместе со мной — как, например, вы уже ездили со мной в моей карете, — то вы более не будете пользоваться его доверием. Поверьте мне, он — неискренний человек, лживый и совершенно бессердечный».

Было ли это чистым совпадением или заранее согласованным решением адмирала и губернатора, но, когда император вышел в сад, он увидел приближавшихся к нему вместе и того и другого. Император не вернулся в здание резиденции, как он это обычно делал при виде губернатора. С адмиралом он поздоровался любезно, но с губернатором с холодной вежливостью. Встреча, вероятно, прошла бы гладко, если бы все трое поговорили на общие темы; но губернатор воспользовался представившейся возможностью, чтобы поговорить с императором о необходимом сокращении расходов в Лонгвуде. Император, не ожидавший от него ничего иного, не дал ему шанса закончить свою фразу и вспылил до такой степени, что сам пожалел об этом. На следующее утро, одеваясь после сна, он рассказал доктору обо всем случившемся: «Я сказал ему: «Решайте эту проблему с моим дворецким; если хотите, то ничего мне не присылайте, я пойду и сяду за стол офицеров 53-го полка: я уверен, что не найдется ни одного из них, кто откажется разделить свой обед со старым солдатом, подобным мне. Вы обладаете, — добавил я, — полной властью над моим телом, но моя душа всегда ускользнет от вас. Хорошенько запомните: я так же горд на этой скале, как и тогда, когда командовал всей Европой. Если бы вы обладали хотя бы долей чести, вы бы подали прошение о вашем переводе отсюда. Кажется, он ответил, что подал такое прошение. «Вы можете этому поверить, доктор, — добавил император, — в присутствии адмирала он посмел утверждать, что ничего не поменял из того, что было установлено адмиралом Кокбэрном! Именно тогда я не мог более сдержать себя: я употребил в разговоре с ним очень резкие слова. У меня нет привычки оскорблять кого-либо, но

наглость этого человека стала для меня чрезмерной; я не мог сдержаться, чтобы не высказать ему то, что я думаю о нем. Адмирал представлял себе, что я мог бы изменить о нем свое мнение! Никогда, заявил я адмиралу. Я сделал вывод о нем в первый же день, когда увидел его. Его честное и лояльное сердце, видите ли, хитростью используется в чужих интересах. Он думал, что может оправдаться в моих глазах, отвечая на мои жалобы тем, что он только подчиняется приказам, и даже в этом случае ведет себя не столь сурово, как мог бы. Сэр, заявил я ему, есть определенные профессии, для которых подбирают только тех, кто доказал свою пригодность к ним своим бесчестным поведением. Палач, подобный вам, говорит, когда пытает человека, которого он собирается убить: «Я только подчиняюсь приказам: если бы я был менее сведущ в этой профессии, то я бы заставил вас страдать гораздо сильнее!» Именно после этих едких слов губернатор покинул императора, весь охваченный яростью. Он направился к гофмаршалу, чтобы рассказать ему о приступе гнева, объектом которого он стал, но граф Бертран отказался его выслушать. Д-р О'Мира, проводивший этот день в городе, сообщил императору, что он был вместе с полковником Ридом, когда появился губернатор, который обратился непосредственно к доктору, весь дрожа от ярости: «Пусть генерал Бонапарт знает, что именно от меня зависит возможность облегчить его положение, но если он будет продолжать демонстрировать неуважение ко мне, то я заставлю его почувствовать мою власть. Он — мой пленник, у меня есть право обращаться с ним в зависимости от его поведения, и, если потребуется, я обладаю достаточной властью, чтобы упрятать его в тюрьму». Доктор добавил, что сэр Хадсон Лоу заявил офицерам 53-го полка, с которыми он вместе обедал, что император более не желает их видеть, потому что от их мундиров красного цвета его тошнит. Император, закончивший одеваться, вышел вместе с доктором в гостиную и попросил меня вызвать к нему капитана Попплтона. «Сэр, — заявил император капитану, когда тот появился, — вы, насколько я знаю, являетесь старейшим капитаном 53-го полка, прошу вас передать вашим товарищам, что им лгали, когда прибегнули к грязным измышлениям, будто я не хочу более встречаться с ними и что при виде их красных мундиров меня тошнит. Передайте им, что я всегда готов с удовольствием встречаться с ними: я питаю большое уважение к 53-му полку, это полк храбрых солдат, которые героически сражались против меня; мне нравятся храбрые солдаты, которые получили боевое крещение, независимо от того, под каким флагом они сражались». Капитан Попплтон поблагодарил императора за то, что тот

сообщил ему, и заверил его в том, что 53-й полк, полный уважения и восхищения к личности императора, никогда не поверит подобным заявлениям. Для того чтобы как-то защитить губернатора, капитан добавил, что ему не известно, что делались подобные заявления.

Первый шаг был сделан, и битва началась. Сэр Хадсон Лоу вернулся в город, весь дрожа от ярости. Ранее он направил в Лонгвуд официальное сообщение о законе от 16 апреля 1816 года, которым британский парламент санкционировал договор от 2 августа 1815 года и все постановления британского правительства относительно императора. Он воспользовался дискреционной властью, предоставленной британскому кабинету министров, определявшей наказание, которому подвергался всякий, кто нарушал правила ограничений, предписанных для охраны императора. Губернатор не стал терять времени, чтобы использовать эти правила: не отказываясь от своего плана сокращения поставляемого продовольствия, он направил майора Горрекера к графу де Монтолону, чтобы потребовать у него ответ на его письмо относительно расходов резиденции императора. Император в это время был занят подготовкой ответа на сообщение о законе от 16 апреля 1816 года; он также готовил ответ на письмо губернатора. Сделав правки в своем ответе и попросив зачитать ему его окончательный текст, император поручил сначала мне, а затем Сен-Дени, обладавшему более мелким почерком, чем я, сделать копии своего послания на шелковой ткани, чтобы тайно переправить его в Европу. Это послание было продиктовано графу де Монтолону, который и подписал его, а затем направлено в «Колониальный дом». Текст послания приводится ниже:

Лонгвуд, 23 августа 1816 года

Генерал!

Я получил текст договора от 2 августа 1815 года, заключенного между Его Британским Величеством, императором Австрии, императором России и королем Пруссии, приложенный к вашему письму от 23 июля. Император Наполеон выражает протест против содержания этого договора. Он не является пленником Англии. Отрекшись от престола и вручив себя представителям держав ради блага конституции, принятой французским народом, и в пользу своего сына, он по собственной воле и свободно отправился в Англию, чтобы жить там в качестве частного лица, ушедшего в отставку, под покровительством британских законов.

Нарушение всех законов не может привести к созданию права. В действительности личность императора Наполеона находится во власти Австрии, России и Пруссии. Даже в соответствии с законами и обычаями Англии, которая никогда не обращалась с пленными наравне с русскими, австрийцами, пруссаками, испанцами и португальцами, хотя была в союзе с этими державами, вследствие заключенных с ними договоров, и совместно с ними участвовала в войне, соглашение от 2 августа, подписанное через две недели после прибытия императора Наполеона в Англию, не может по закону иметь какой-либо силы. Оно только представляет собой демонстрацию фарса коалиции четырех крупнейших держав Европы, устроенного ради угнетения одного человека, коалиции, которая не признает мнения народов и принципов морали.

Императоры Австрии и России и король Пруссии в действительности не имеют права предпринимать какие-либо действия против личности императора Наполеона, и поэтому они не могли принимать решения в отношении его.

Если бы император Наполеон был во власти императора Австрии, то этот монарх вспомнил бы о взаимоотношениях, которые устанавливает религия и природа, между отцом и сыном, взаимоотношениях, которые никогда не нарушаются безнаказанно. Он бы вспомнил, что Наполеон четыре раза возвращал его на трон: в Леобене в 1797 году и в Люневиле в 1801 году, когда армии Наполеона стояли у стен Вены, в Прессбурге в 1806 году и в Вене в 1809 году, когда армии Наполеона осуществляли контроль над столицей и над тремя четвертями австрийской монархии. Этот монарх вспомнил бы о торжественных заверениях в дружбе, которые он делал Наполеону на биваке в Моравии в 1805 году и на встрече в Дрездене в 1812 году.

Если бы личность императора Наполеона была во власти императора Александра, то он бы вспомнил об узах дружбы, скрепленных в Тильзите, в Эрфурте и в результате ежедневного контакта в течение пяти лет. Он бы вспомнил поведение императора Наполеона на следующий день после сражения при Аустерлице, где Наполеон, получивший возможность взять его в плен вместе с остатками его армии, удовлетворился только его устным словом и позволил ему отступить. Он бы вспомнил те опасности, которым лично подвергся

император Наполеон, чтобы потушить московский пожар и спасти его столицу. Конечно, этот монарх не нарушил бы долг дружбы и признательности по отношению к другу, ставшему жертвой превратностей судьбы.

Даже если бы личность императора была во власти короля Пруссии, то этот монарх не забыл бы, что после Фридланда именно от императора зависело посадить на берлинский трон другого монарха; он бы не забыл торжественных заверений в преданности и в дружеских чувствах перед лицом обезоруженного врага, которые он выражал императору Наполеону в 1812 году в Дрездене. Поэтому можно видеть в статьях 2-й и 5-й вышеупомянутого договора от 2 августа, что, никоим образом не способные повлиять на судьбу персоны императора Наполеона, который не находится в их власти, эти монархи расходятся во мнениях относительно того, каким образом судьба императора Наполеона будет решаться Его Британским Величеством, и последний взял на себя приведение всех этих обязательств в исполнение. Эти монархи критиковали императора Наполеона за то, что он предпочел защиту британских законов их законам. Ошибочные идеи, которые император Наполеон разделял относительно либеральности британских законов и влияния, оказываемого великим народом, великодушного и свободного, на свое правительство, заставили императора Наполеона предпочесть защиту этих законов законам стран его тестя и его бывшего друга.

Император Наполеон был всегда свободен обеспечить для себя то, что являлось его собственностью, посредством заключения дипломатического договора или поставив себя во главе армии бассейна реки Лауры или во главе армии бассейна реки Жиронды, находившейся под командованием генерала Клозеля; но добиваясь только уединения и защиты законов свободной нации, британской или американской, любая обусловленность его выхода в отставку казалась ему излишней. Он верил, что британский народ будет более связан обязательствами по отношению к нему, благодаря честному, благородному и доверчивому шагу, чем в результате самой торжественной договоренности. Он ошибся. Но эта ошибка станет причиной позора для истинных англичан, как для настоящего, так и для будущих поколений, она станет доказательством вероломства британской

администрации. Полномочные представители Австрии и России прибыли на остров Святой Елены; если цель их миссии заключается в том, чтобы выполнить часть обязательств, которые императоры Австрии и России обусловили договором от 2 августа, и удостовериться в том, что британские агенты в маленькой колонии в самой середине океана преисполнены уважения к соответствующему монарху, связанному с ними узами тесных отношений, а также в силу многих других причин, то в этом шаге можно увидеть проявление характера этих двух монархов; но вы, сэр, заявили, что эти представители не имеют ни права, ни власти иметь любое мнение о том, что происходит на этой скале.

Британский кабинет министров насильно выслал императора Наполеона на остров Святой Елены, в 2000 лье от Европы. Эта скала, находящаяся ниже тропиков, в 500 лье от любого континента, подвержена чрезвычайному зною этой широты и девять месяцев в году покрыта облаками и туманом. В то же время она является самым засушливым и самым сырым местом на земле. Этот климат — наихудший, какой только возможен для здоровья императора. Именно ненавистью руководствовались те, кто выбрал это место, а также составлял инструкции британского кабинета министров для офицеров, командующих на этом острове. Им было приказано называть императора Наполеона «генералом», желая заставить его признать, что он никогда не правил Францией; именно это обстоятельство заставило его принять решение не жить под чужим именем, что он собирался сделать, покидая Францию. Став первым пожизненным магистратом республики с титулом Первого консула, он провел предварительные лондонские переговоры и заключил Амьенский договор с королем Великобритании; он принимал в качестве послов лорда Корнуоллиса, г-жу Мери, лорда Уитворта, которые в этой должности находились при его дворе. Он аккредитовал при короле Англии графа Отто и генерала Андреосси, которые в качестве послов находились при Виндзорском дворе. Когда, после обмена письмами между министрами двух монархов, лорд Лодердейл прибыл в Париж с полными полномочиями от короля Англии, он вел переговоры с полномочными представителями, наделенными всеми правами выступать от имени императора Наполеона, и в течение нескольких месяцев

оставался при дворе Тюильри. После этого, в Шатильоне, когда лорд Каслрей подписал ультиматум, который союзнические державы вручили полномочным представителям императора Наполеона, он тем самым признал Четвертую династию. Этот ультиматум был более выгодным, чем Парижский договор, но потребовал, чтобы Франция отказалась от Бельгии и левого берега реки Рейн: это противоречило Франкфуртским предложениям и декларациям союзнических держав, а также клятве, данной им при коронации, сохранить целостность империи.

Император считал, что естественные границы были необходимы для безопасности Франции, так же как и для поддержания политического равновесия в Европе. Он полагал, что французской нации в условиях, в которых она оказалась, лучше пойти на риск войны, чем отказаться от нее.

Франция сохранила бы свою целостность и с ней свою честь, если бы измена не помогла союзникам. Договор от 2 августа, закон, принятый британским парламентом, назвал императора Наполеона «Бонапартом» и удостоил его только звания генерала.

Титул «генерал Бонапарт» является, несомненно, в высшей степени прекрасным: император носил этот титул в Лоди, Кастильоне, Арколе, Леобене, при пирамидах в Египте и в Абукире; но в течение последних семнадцати лет он носил титул Первого консула и императора. Согласие с титулом «генерал Бонапарт» означало бы, что он никогда не был ни первым магистратом республики, ни монархом Четвертой династии. Те, кто считает, что нации являются всего-навсего толпами людей, которые, по священному праву, принадлежат нескольким семьям, не только отстали от времени, но даже не приемлют духа английского законодательства, которое несколько раз изменяло порядок своей династии; это потому, что основные изменения в общественном мнении, не разделяемые правящими монархами, сделали этих монархов врагами счастья и большинства в этой нации; ибо короли являются всего лишь наследственными магистратами, которые существуют для благополучия наций, а не для удовлетворения благополучия королей.

Тот же самый дух ненависти предписал, чтобы императору Наполеону не было разрешено писать или

получать письма без того, чтобы они не были вскрыты и прочитаны британскими министрами и офицерами на острове Святой Елены. Тем же образом ему было отказано в любой возможности получать новости от его матери, его супруги, его сына, его братьев; когда он хотел избежать неудобств, связанных с тем, что он понимает, что его письма прочитываются младшими офицерами, и посылать запечатанные письма принцу-регенту, то ему сообщили, что можно переправлять только вскрытые письма, поскольку таковыми были инструкции британского кабинета министров.

Эта мера не требует комментариев. Она дает странное представление о сущности администрации, которая предписывает эту меру. От нее отказался бы и алжирский бей.

Для старших офицеров в окружении императора присылались письма: они вскрывались и передавались вам. Вы не вручали адресатам их письма, потому что они не прошли через британский кабинет министров. Письмам необходимо было пропутешествовать еще 4000 лье, а эти офицеры с горечью узнавали, что на этой скале побывали новости от их жен, матерей и детей, но они могли ознакомиться с этими новостями только через шесть месяцев. Это вызывает тошноту. Нельзя подписаться на «Морнинг Кроникл», «Морнинг Пост» или на немногие французские газеты. Время от времени несколько номеров «Таймса», прошедших цензуру, присылались в Лонгвуд по просьбе, высказанной на борту «Нортумберлэнда». Было прислано несколько книг. Те же книги, которые касались событий последних лет, из общего числа направленных книг были исключены.

После этого мы хотели связаться с книжным магазином в Лондоне, чтобы непосредственно заказывать необходимые нам книги, а также те, которые освещают текущие события. Нам воспрепятствовали в этом. Английский автор, написавший «Путешествие во Францию» и опубликовавший эту книгу в Лондоне, взял на себя труд послать ее вам, чтобы она была предложена императору; но вы не посчитали возможным передать ее ему, потому что она дошла до вас не по каналам вашего правительства. Нам также известно, что несколько книг, высланных нам их авторами, не попали по назначению, потому что они содержали надписи «Императору Наполеону», а другие — «Великому Наполеону».

Британский кабинет министров не уполномочен давать указания об осуществлении подобных вопиющих акций. Британский парламентский закон, по существу аморальный, считает императора Наполеона военнопленным, но военнопленным никогда не запрещалось подписываться на газеты или получать опубликованные книги. Подобное запрещение применимо только к темницам инквизиции.

Остров Святой Елены в окружности насчитывает десять лье, он недоступен ни с какой стороны, бриги курсируют вокруг береговой линии, посты охранения расставлены вдоль побережья, они находятся в поле зрения друг друга и полностью исключают практическую возможность связи с морем. Корабли могут бросить якорь и отплыть, только используя гавань маленького городка Джеймстауна. Для того чтобы воспрепятствовать кому-либо покинуть остров, достаточно наблюдать его берег с самого острова или с моря. Единственная цель запрещения доступа к внутренней части острова может заключаться только в том, чтобы лишить императора восьми- или десятимильной прогулки, которую легко совершить верхом на лошади. По мнению знающих людей, невозможность совершать такую прогулку сократит дни императора.

Императора поселили в Лонгвуде, открытом для всех ветров, расположенном на неплодородной, непригодной для жилья земле, лишенной воды и неспособной для выращивания зерновых культур. На окружающей жилое помещение территории, равной примерно 7000 квадратным футам, полностью отсутствует растительность; в тысяче футов от дома на холмике раскинулся военный лагерь, а еще один только что оборудован на таком же расстоянии от дома, но в противоположном направлении, с тем, чтобы, находясь в самом тропическом пекле, можно было, независимо от того, куда смотреть, видеть только военные лагеря. Адмирал Малькольм, понимая полезность шатра в такой местности, распорядился, чтобы матросы возвели шатер перед домом, в двадцати шагах от него. Это единственное место, где можно обрести тень; однако император может быть только доволен тем настроем, который проявляется по отношению к нему со стороны офицеров и солдат 53-го полка, так же как он был доволен отношением к нему со стороны команды

«Нортумберлэнда».

Лонгвудский дом был построен, чтобы служить в качестве склада-хранилища фермы Восточно-Индийской компании; уже потом вице-губернатор острова оборудовал в этом складе несколько комнат. Он использовал его как загородный дом, но он никоим образом не подходил для того, чтобы быть постоянной резиденцией. С тех пор как мы стали жить в этом доме, в нем не прекращались строительные работы, и император постоянно ощущал на себе неудобства и нездоровую атмосферу здания, находящегося в процессе строительства. Комната, в которой он спит, слишком мала для того, чтобы поместить в ней кровать нормальных размеров, но любые новые строительные работы в Лонгвуде только продлят неудобства, связанные с пребыванием в нем строительных рабочих. Однако на этом жалком острове есть несколько прекрасных мест, в которых можно обнаружить тенистые деревья, сады и хорошие дома; к числу этих мест можно причислить «Колониальный дом», но особые инструкции британского кабинета министров запрещают вам предоставить этот дом в наше распоряжение, что позволило бы вашему казначейству значительно сэкономить средства, расходуемые на строительство нескольких лачуг, покрытых толем, которые уже непригодны для жилья. Вы запретили любые контакты между нами и жителями острова; в действительности вы подвергали Лонгвудский дом полной изоляции; вы даже воспрепятствовали нашему общению с офицерами гарнизона. Из всего следует, что принимались все меры для того, чтобы лишить нас тех скудных возможностей времяпровождения, которые предлагал нам этот жалкий остров, и тем самым превратить наше существование здесь в точно такое же, как если бы мы оказались на дикой и необитаемой скале острова Асеньсон. За те четыре месяца вашего пребывания на острове Святой Елены, вы, сэр, только ухудшили положение императора.

Граф Бертран подчеркнул, что вы нарушали законы даже вашей законодательной власти, попирая права военнопленных старших офицеров; вы ответили, что следовали букве ваших инструкций, которые на самом деле еще даже строже, чем ваше поведение в нашем представлении.

Подписано: генерал граф де Монтолон.

P.S. Сэр, я подписал это письмо, когда получил ваше от 17-го. Вы приложили к нему подробный расчет ежегодной суммы в 20 000 фунтов стерлингов, которую вы считаете необходимой для оплаты расходов всего персонала Лонгвуда после ее возможного, как вы считаете, сокращения. Обсуждение этого подробного списка не может иметь какого-либо отношения к нам. Трапеза императора представляет собой минимальный и строжайшим минимум. Все продовольствие — плохого качества и в четыре раза дороже, чем в Париже. Вы просите императора предоставить фонд в размере 12 000 фунтов стерлингов для покрытия всех этих расходов. Я уже имел честь сообщить вам, что император не обладает никакими фондами, что в течение года он не получил, не писал хотя бы одного письма и что он ничего не знает о том, что случилось в Европе или что там может случиться.

Вывезенный насильно на эту скалу за 2000 лье от Европы, лишенный возможности писать какие-либо письма, он в настоящее время целиком находится в зависимости от решений, принимаемых британскими агентами. Император всегда желал и желает сейчас взять на себя все эти расходы, и он сделает это, как только вы предоставите ему такую возможность, отменив запрет, в силу которого нельзя прибегать к услугам жителей острова для осуществления его переписки, и как только эта переписка перестанет подвергаться цензуре с вашей стороны и со стороны любого вашего агента. Как только люди в Европе узнают о нуждах императора, те, кто проявляет к нему участие, вышлют ему необходимые денежные фонды.

Письмо лорда Батхерста, которое вы мне показали, оставляет странное впечатление. Неужели ваши министры не подозревают о том, что облик великого человека, столкнувшегося с невзгодами, представляет собой гораздо более величественное зрелище, чем вид всех их, вместе взятых? Разве они не знают, что Наполеон на острове Святой Елены, подвергаемый самого различного рода гонениям, которым он может противопоставить всего лишь спокойствие, более велик, более священен, более почитаем, чем самая сильная монаршая власть в том мире, где он в течение продолжительного времени был вершителем судеб королей? Те, кто, обладая подобной

властью, не проявляют уважения к Наполеону, только унижают достоинство собственной личности и нации, которую они представляют.

Подписано: генерал граф де Монтолон.

Для того чтобы понять суть власти, возложенной на сэра Хадсона Лоу законом от 16 апреля 1816 года, который определил наказание за нарушение ограничений, предусмотренных для содержания императора практически в тюремных условиях на острове Святой Елены, следует знать, что для нас эти наказания означали немедленную высылку на мыс Доброй Надежды, где нам предстояло оставаться под надзором в распоряжении правительственных властей. Для жителей острова они означали высылку с острова безо всякой компенсации понесенных в связи с этим расходов и потерю любой собственности, которой они могли владеть; для невольников они означали порку розгами. Любой офицер, виновный в малейшем нарушении введенных ограничений, если оно не предусмотрено выполнением его служебных обязанностей, подлежал отправке обратно в Англию с отчислением из рядов воинской службы; наконец, для каждого, кто немедленно не передавал губернатору полученное от нас письмо, письменный документ или устное сообщение, а также обеспечивал нас деньгами или ценными вещами, не получив на то предварительно разрешения от губернатора, это означало совершение преступления, равного государственной измене.

Жители острова были предупреждены о всех этих мерах специальными объявлениями, подписанными сэром Хадсоном Лоу и расклеенными по всему городу. Как можно было хорошо себе представить, послание, подписанное графом де Монтолоном, вызвало встречные обвинения со стороны губернатора, изложенные им в последовавшей переписке между ним и графом де Монтолоном. В своих посланиях губернатор с горечью жаловался на то, что его обвиняли в перехвате писем, и требовал сообщить ему, какие именно письма он перехватил.

С тех пор как император находился в Лонгвуде, было достаточно обратиться к гофмаршалу, чтобы удостоиться чести быть принятым императором, если Его Величество давал на это свое согласие. Сэр Хадсон Лоу, цитируя, как он это обычно делал, положения полученных им инструкций, сообщал каждому, что это право принадлежит ему одному; он же передал в военный лагерь строгий приказ о том, что ни один офицер не может поддерживать контакты с Лонгвудом без его на то специального разрешения. Переписка приняла еще более жесткий характер, и император — справедливо возмущенный мерами, бывшими

излишне мелочными и так грубо изменившими порядок, установленный адмиралом Кокбэрном, — заявил, что если условия его пребывания на острове до переезда в Лонгвуд не будут восстановлены, то он предпочитает вообще никого не принимать. Ничто не могло лучше отвечать желаниям сэра Хадсона Лоу, главной целью которого была полнейшая изоляция Лонгвуда. Он сразу же поставил всех в известность о том, что, поскольку генерал Бонапарт заявил, что более не желает принимать визиты кроме как через посредничество генерала Бертрана, губернатор обязан сделать вывод, что любой другой способ посещения Лонгвуда будет обременителен для генерала Бонапарта и, соответственно, губернатор принимает все необходимые меры, чтобы таких посещений Лонгвуда не было. Именно в этот момент сущность души сэра Хадсона Лоу проявилась в полной мере: он походил на тигра, который, увидев, что его жертва угодила в подготовленную ловушку, хватает ее своими окровавленными когтями и, прежде чем начать пожирать ее, говорит: «Теперь ты моя».

Император теперь только через д-ра О'Мира мог узнавать о том, что происходит на острове. Доктор, словно кошмар, не давал губернатору спокойно спать своими регулярными визитами в город. Именно доктор сообщил о том, что старшие офицеры, прибывшие на борту корабля «Корнуоллис» и выразившие желание быть принятыми императором, не получили соответствующего разрешения и что сэр Хадсон Лоу представляет в ложном свете причину, по которой император более никого не принимает.

Скверная погода, а также состояние здоровья императора, на которое отрицательно влиял местный климат, не позволили ему совершать прогулки. Некоторое время он жаловался на боли в боку; он обычно энергично тер бок мягкой щеткой, а затем рукой, смоченной одеколоном. Почувствовав, что этот массаж помогает ему, он однажды спросил доктора, что тот думал по поводу его самолечения. Но тут же, не дав доктору ответить на его вопрос, спросил его о причинах, ведущих к заболеванию печени. Доктор ответил, что в военном лагере в этом более всего виновато пьянство, помноженное на зной и влажность ночи. «Если пьянство является одной из причин заболевания печени, то у меня оно может возникнуть только не по этой причине, — заявил император. — Этот бандит в обличье губернатора, должно быть, очень опасается, что я вновь почувствую, что некоторые из его соотечественников относятся ко мне с определенной долей уважения, и поэтому он не прислал мне книгу об истории моего правления с дарственной надписью автора: «Наполеону

Великому». Какая жалость! Опубликованная книга! Именно по этой же причине газеты проходят цезуру до того, как попадают в мои руки; он боится, что в этих газетах, которые он придерживает, я могу найти нечто такое, что утешит меня в моих невзгодах. Я не хочу когда-нибудь вновь видеть этого человека. Вчера он приехал в Лонгвуд, я повернулся и пошел обратно в дом. Он приходил, как рассказал Монтолон, чтобы забрать обратно британских слуг, работавших в наших различных службах, и получить от меня денежные фонды, недостающие до 8000 фунтов стерлингов, ассигнованных на расходы Лонгвуда. Он написал несколько писем по этому вопросу, но не получил на них ни одного ответа. Я предпочитаю, чтобы он писал письма, а не вынуждал меня разговаривать с ним; мое достоинство больше устраивает, чтобы я подвергался страданиям, а не поддавался вспышке гнева, как это было последний раз, когда я видел его. Он — вероломный человек со злобным характером, и было бы пустой тратой времени пытаться пробудить в нем добрые чувства. Он — бессердечный человек».

Когда император покинул доктора и вышел в гостиную, он вызвал графа де Монтолона, собираясь продиктовать ему ответ на письма, полученные из «Колониального дома».

Моя свобода начиналась только тогда, когда император направлялся в гостиную; если потом император просил принеси ему что-либо из его личных апартаментов, то его просьбу выполнял дежурный слуга. Во время моих прогулок я никогда не выходил за пределы территории Лонгвуда и всегда брал с собой записную книжку и карандаш. Я настолько хорошо изучил плато Лонгвуда, что мог нарисовать вид дома с любой стороны, при этом не сходя с места. Наиболее привлекательным видом резиденции мне казался тот, когда дом можно было обозревать при пересечении первого периметра крепостного вала. Настало время для использования коробки с акварельными красками, которую мне купили во время нашей остановки в Мадейре. Я хотел выполнить обещание, данное юному Тристану, сыну графини де Монтолон, который каждый раз, когда видел меня, просил сделать для него рисунок. Картинка, создать которую мне не стоило никакого труда, превзошла все мои ожидания, и когда я закончил ее, то отдал мальчику. Он был очень счастлив, получив ее, и побежал показывать своим родителям.

Г-н Балькум, видевший, как я делал последние штрихи, посчитал, что рисунок настолько точно передает вид дома, а цвета настолько естественные, что предложил мне за него 25 фунтов стерлингов. Тристан, стоявший рядом со мной, тут же вскричал: «Нет, это картинка моя». На переднем плане картинки я

нарисовал вокруг императора двух дам и этих господ почти в том положении, которое они всегда занимали, собираясь выйти из здания резиденции на прогулку; на картинке император стоял, приставив к левому глазу подзорную трубу. Я выбрал для картинки именно этот момент: этот вид был настолько мне знаком, что малейшие изъяны в фигурах каждого нарисованного лица и поза императора были переданы абсолютно точно. На картинке генерал Гурго был изображен верхом на коне, возвращающимся из города и направляющимся в сторону императора. Г-н Балькум предложил мне именно эту цену потому, что хотел послать картинку в Англию и заработать на ней деньги.

Я был далек от того, чтобы предвкушать успех от моей попытки в области изобразительного искусства, и менее всего ожидал, что мой рисунок будет показан императору. Он распорядился, чтобы его принесли ему, когда он вернулся после прогулки в карете вместе с госпожой де Монтолон, упомянувшей о моем произведении; каждый на все лады хвалил рисунок. Лишь один генерал Гурго проявил сдержанность, признавшись с понятным сожалением, что он не изображен в группе, окружавшей императора.

В тот же вечер, когда император удалился в свои личные апартаменты, он с большой похвалой отозвался об этом рисунке, который, конечно, ее не заслуживал. «Ты опечалил беднягу Гурго, — добавил император, — не изобразив его рядом со мной, как всех остальных». Я ответил императору, что специально нарисовал генерала Гурго спешившим к нему верхом на коне, словно он возвращался из города с новостями. Тем самым я хотел объяснить, почему император остановился при выходе из здания, рассматривая в подзорную трубу приближавшегося к нему генерала Гурго. Я сказал, что глубоко сожалею, что вызвал неудовольствие генерала, но что я могу легко изменить часть рисунка с его изображением. Этот небольшой рисунок, который удостоился такой похвалы со стороны г-жи де Монтолон, ожидал печальный конец: он исчез во время пожара, случившегося в ее доме в Брюсселе, когда она вернулась в Европу. Император посчитал рисунок удивительно точным: «Рисунок точно представляет чахлую растительность Лонгвуда и его увядшую лужайку. Ты прошел мимо своего призвания», — сказал мне император, потрепав меня по щеке.

«Сир, — ответил я ему, — у меня нет причин жаловаться на положение, которым меня одарила судьба, и люди больше завидуют моей судьбе, чем если бы я занялся живописью». После этого разговора каждый раз, когда меня не было на месте, если он вызывал меня, он обычно говорил: «Он, вероятно, вернулся к

своим рисовальным кистям». Часто так оно и случалось.

Глава шестнадцатая

Продажа столового серебра — Губернатор высылает с острова Пионтковского и нескольких слуг — Драконовские правила, ужесточившийся режим — Болезнь императора — Устранение Лас-Каза

Д-р О'Мира стал посредником, через которого решались все проблемы между Лонгвудом и губернатором. «Я, — сказал он мне однажды, — угодил между наковальней и молотом: мне предстоят большие трудности, если я захочу что-то уладить должным образом. Обе стороны настроены слишком жестко». Он сообщил императору, что губернатор через ординарца вызвал его в «Колониальный дом». Он отправился туда и встретился с губернатором в тот момент, когда последний читал письмо, только что полученное им от графа де Монтолона. Губернатор заявил д-ру О'Мира, что его намерения неправильно поняты в Лонгвуде, его действия представлены в ложном свете и что это не его вина, а полученные им инструкции запрещают ему употреблять титул императора в официальной переписке с Лонгвудом; и если он вынужден просить жильцов Лонгвуда выделить средства для покрытия их расходов, то это только потому, что правительство отказалось выслать ему дополнительные деньги.

Император ответил: «Есть более легкий путь для урегулирования спора относительно титула императора. Я уже предлагал это и вновь предлагаю взять себе имя Дюрока или Мюирона, убитых рядом со мной». Доктор спросил его, почему он сохранял титул императора после того, как отрекся от престола: «Почему? Потому, что я отрекся от трона Франции, но не от титула императора, который был вручен мне нацией. Я же не зову себя Наполеоном, императором Франции, но императором Наполеоном. Они хотят, чтобы люди поверили, что французская нация не имеет права назначать меня монархом. Если она не имеет права назначать меня императором, то она не имеет права присваивать мне звание генерала».

Все эти переговоры ни к чему не привели; они на некоторое время отложили принятие мер, которые хотел осуществить сэр Хадсон Лоу, и заставили его упрямиться до такой степени, что император приказал разбить его столовое серебро.

Письмо от 9 сентября, продиктованное императором графу де Монтолону, которое губернатор держал в руках, когда д-р О'Мира

пришел к нему, было следующего содержания:

Лонгвуд, 9 сентября 1816 года

Губернатор!

Я получил ваши два письма от 30 августа. Я не имел возможности передать одно из них по назначению. Граф Бертран и я имели честь несколько раз сообщить вам, что мы не несем ответственность за то, что противоречило бы благородному характеру императора. Вы знаете лучше, чем кто-либо, сэр, сколько писем было отправлено почтой в «Колониальный дом». Вы забыли, что, в связи с жалобами, направленными нами в ваш адрес, вы отвечали, что полученные вами инструкции вынуждают вас запрещать направление в Лонгвуд писем, книг или любого другого печатного материала, если все эти предметы не прошли через ваши правительственные каналы. Лейтенант с корабля «Ньюкасл» привез с собой письмо для графа де Лас-Каза; вы хранили это письмо у себя, но, поскольку этот офицер считал, что его свобода действий была скомпрометирована, вы потом передали это письмо по назначению через 30 дней после его прибытия на остров и т. д. Мы уверены, что наши семьи и друзья пишут нам часто; но на сегодняшний день мы получили от них очень мало писем. Вы задерживали у себя книги и печатные материалы, присланные на наш адрес, и, несмотря ни на что, все еще продолжаете задерживать их. Ваше второе письмо от 30 августа не отвечает, сэр, на то, которое я имел честь написать вам с жалобой на внесенные вами в течение августа изменения, нарушающие все основы нашей жизни.

1. «Ни один из пунктов полученных мною письменных инструкций не является более точным и ни одному из них я не уделяю особого внимания, чем тот, который подчеркивает, что ни одно лицо не должно поддерживать с ним (с императором) контакт, минуя аппарат губернатора».

Вы даете вашим инструкциям иудейское толкование; в них нет ничего такого, что санкционировало бы и оправдывало ваше поведение. В распоряжении вашего предшественника находились те же самые инструкции, и вы им следовали на протяжении трех месяцев до того, как месяц назад вы изменили их смысл. Вам не представит труда привести в соответствие с ними ваши различные обязанности.

2. «Я уже ознакомил его (императора) лично с этим вопросом».

3. «В направлении всех иностранцев и любых других лиц, за исключением тех лиц, чьи обязанности могут привести их в Лонгвуд, в первую очередь к графу Бертрану (или обратившись с просьбой ко мне), для того, чтобы удостовериться в том, что император даст согласие на их визит, и в отказе в разрешении нанести визит в Лонгвуд, за исключением тех лиц, которые ознакомились с этой процедурой или которым было предложено сделать это».

4. Не в моей власти, сэр, предоставлять подобную привилегию, которой вы наделили графа Бертрана, и т. д.

Я вынужден заявить вам, сэр:

1. Вы ничего не переправляли императору.

2. Вы более двух месяцев не поддерживали контакта с графом Бертраном.

3. Мы никакой привилегии для графа Бертрана не просим, поскольку единственное, что я прошу, так это то, чтобы решение всех проблем осуществлялось точно таким же образом, как и в течение последних девяти месяцев.

4. «К сожалению, теперь знаю, что ему (императору) мешают визиты и т. п.…»

Какая, на самом деле, ужасная ирония!

Вместо того чтобы действовать в соответствии с вашими истинными обязанностями, вы, сэр, судя по всему, приняли решение, несмотря ни на что, упорно продолжать проводить в жизнь систему постоянных придирок. Поможет ли она обрести вам доброе имя? Заслужит ли она одобрение вашего правительства и вашей нации? Позвольте мне усомниться в этом.

Несколько старших офицеров, прибывших на борту корабля «Корнуоллис», выразили желание быть представленными в Лонгвуде; если бы вы направили их к графу Бертрану, как вы поступали до настоящего времени со всеми иностранцами, прибывавшими на этот остров, то они были бы приняты. Несомненно, у вас есть особые причины для того, чтобы препятствовать лицам, достойным уважения, посещать Лонгвуд. Требуйте, если вы этого желаете — что вы обычно и делаете — выполнения условий полученных вами инструкций, но не извращайте намерения императора.

Юный Лас-Каз и капитан Пионтковский вчера

отправились в город. Британский лейтенант сопровождал их в город, где в соответствии с существовавшими до настоящего времени указаниями он оставил их, чтобы они свободно общались с теми людьми, которых они хотели видеть. В то время когда юный Лас-Каз беседовал с молодыми девушками, появился офицер и — находясь в чрезвычайно подавленном настроении из-за столь неприятного поручения — сообщил юноше, что вы приказали не спускать с него глаз. Это происшествие противоречит тому, что имело место до настоящего времени. Я считаю, что для вас было бы уместным ставить нас в известность о любых изменениях, которые вы вносите в правила нашего поведения на острове: тогда бы это избавило нас от любой поездки в город и, благодаря этому, вы бы открыто нарушили ваши инструкции. Подобные гонения выходят за рамки допустимых границ. Не могу представить себе, что именно вынудило вас написать письмо от 8 сентября. Я имею в виду постскриптум моего письма от 23 августа. Император болен в результате плохого климата и лишений всякого рода, и я не доводил до его сведения все мелочные придирки, исходившие от вас; все это продолжается в течение двух месяцев и должно было бы уже давно закончиться. Поскольку постскриптум моего письма от 23 августа достаточно ясен, то настало время, чтобы все это было закончено, но, как явствует из вашего письма, его текст ставит своей целью оскорбить нас.

Имею честь, губернатор, оставаться вашим смиренным и покорным слугой.

Подписано: генерал граф де Монтолон.

Как я уже констатировал, любая попытка со стороны адмирала примирить императора и сэра Хадсона Лоу была невозможной. Проведенные переговоры между губернатором и Лонгвудом при посредничестве д-ра О'Мира, закончились повторением взаимных обвинений и обменом писем и не привели ни к каким результатам. Губернатор вновь поставил вопрос о предоставлении ему адекватных денежных фондов для нужд Лонгвуда, в противном случае он будет вынужден осуществить намеченные реформы. Император, потерявший всякое терпение и желавший положить конец подобным утомительным требованиям, сказал графу де Монтолону: «Пусть Новерраз топором разобьет все мое столовое серебро, и отошлите это ему,

чтобы он оставил меня в покое». Это было сказано в порыве гнева, и мы поостереглись сразу выполнить это указание. Но на следующий день граф де Монтолон, попросив у меня список столового серебра, согласовал с Киприани то количество, которое можно разбить, не причинив ущерба личному обслуживанию императора. Если бы мы действовали вопреки этой разумной мере, то мы лишили бы императора возможности следовать его давним привычкам. Поэтому на следующий день по приказу графа де Монтолона, получившего подтверждение императора, Киприани распорядился разбить 65 фунтов 6 унций столового серебра. Так как вся эта операция проводилась в небольшом дворе на виду у всех, то об этом немедленно доложили капитану охраны, и тот телеграфом передал о случившемся сэру Хадсону Лоу. Было больно смотреть на уничтожение такого количества замечательных произведений. Украшавшие их эмблемы и гербы были отданы мне, согласно указанию императора, и на следующий день Киприани отвез все эти осколки столового серебра в город, чтобы продать их, а вырученные деньги вручить г-ну Иббетсону[266], военному интенданту, которого губернатор уполномочил принять их. Когда Киприани вернулся из города, он рассказал императору о том впечатлении, которое произвело на жителей города и офицеров гарнизона вид столового серебра, разбитого ради того, чтобы обеспечить потребности Лонгвуда, поскольку британское правительство оказалось не в состоянии сделать это. На лицах можно было видеть выражение возмущения и стыда, рассказал Киприани: островитяне испытывали чувство унижения от того, что они подданные такого правительства. Император заявил Киприани: «Каждый раз, когда у тебя потребуют деньги, тебе придется продавать серебро для получения требуемой суммы, пока мы не продадим все».

Губернатор не ожидал, что разбитое столовое серебро вызовет такую реакцию в городе; если бы это было возможно, он бы хотел избежать крайностей, к которым императора подтолкнуло гнусное поведение его правительства. Если сначала он пришел в смятение от реакции жителей острова, то затем это чувство сменилось приступом ярости. Он заявил, что все это событие с разбитым столовым серебром было умно разыгранной комедией: у генерала Бонапарта есть деньги, но вместо того чтобы расстаться с ними, он предпочел прикинуться бедным и, разбив свое столовое серебро, вызвать к себе жалость.

В город г-ну Иббетсону были последовательно направлены три партии разбитого столового серебра общим весом более 400 фунтов; губернатор отдал приказ, чтобы перевозка этих партий серебра проходила незаметно для местных жителей в отличие от

того, как это случилось в первый раз. Выручка от продажи серебра свела к балансу финансовый расчет губернатора и ликвидировала дефицит в его статье расходов на содержание Лонгвуда. Сэр Томас Рид очень сожалел, что отдельные предметы столового серебра были разбиты, заявив, что он бы купил некоторые из них, взяв за основу их общий вес. Однако император предвидел подобное желание со стороны некоторых знатных жителей острова и именно по этой причине приказал разбить предметы столового серебра, сняв с них эмблемы и гербы, чтобы их не хранили в качестве трофеев.

Граф де Монтолон дал указание Киприани сохранить достаточное количество предметов столового серебра для ежедневного обслуживания императора и его окружения. В соответствии со списком, который Киприани передал мне, чтобы я вручил его императору, оставшиеся предметы столового серебра были следующими:

Столовое серебро Его Величества

96 плоских тарелок с живописным орнаментом в виде пальмовых веток
18 суповых тарелок
96 плоских мелких тарелок
24 глубоких суповых тарелки
6 овальных блюд
6 подносов
24 десертных подноса
2 подноса
3 овальных шара
6 круглых шаров
2 супницы с крышками
2 соусницы с подносами
12 чашек для сливок с крышками и подставками
8 солонок
2 горчичницы
2 графинчика для масла
1 маленькая супница для утреннего супа
2 десертные чашки
34 ножа
96 ложек
96 вилок
3 салатные ложки
2 суповых ковша
48 кофейных ложек
8 ложек для соли
1 ложка для горчицы
2 кофейника
1 шоколадница

Позолоченная столовая посуда Его Величества

28 вилок
27 ложек
28 ножей
32 кофейных ложки
6 ложек для десерта
2 ложки для сахара

1 поднос с ножками
1 ковш для пунша
1 поднос
18 подносов для бутылок

Фарфоровая посуда Его Величества

60 севрских тарелок с видами городов и сражений
12 суповых тарелок
8 чашек для компота
4 набора для украшения стола
2 чаши для мороженого
12 подносов для десерта
24 чашки для кофе с блюдцами

Эта фарфоровая посуда была изделием севрской фабрики и отличалась несравненной красотой. Каждый ее предмет изображал город или событие, связанное с триумфом Империи.

Как можно было легко заметить, губернатор со времени своего прибытия на остров поставил перед собой цель вводить одно за другим всякого рода ограничения. Ему удалось если не подвергнуть императора тюремному заключению, на что он имел, по его заявлению, полнейшую власть, то, по крайней мере, лишить его возможности принимать у себя кого-либо без губернаторского разрешения. Он не был из той породы людей, которые останавливаются на достигнутом. Фрегат «Евротас», только что бросивший якорь в заливе, вселил в императора надежду хотя бы немного развеяться, благодаря газетам, которые он должен был получить и которые бы ему прочитал граф Лас-Каз. Новости, которые мы хотели узнать, не всегда были газетными новостями, но они давали пищу для обсуждений и помогали коротать время.

Губернатор, которого император уже отказывался принимать у себя, 1 октября появился в Лонгвуде, на следующий день после прибытия в Джеймстаун корабля «Евротас». Как бы губернатор ни настаивал на приеме у императора, чтобы сообщить ему о новых, только что полученных инструкциях, император настойчиво продолжал отказываться видеть его, заявляя, что болен. Император полагал, что если губернатор появился в Лонгвуде собственной персоной, то лишь для того, чтобы привезти с собой плохие новости. Это было чистейшей правдой; оставив попытку лично сообщить об этих новых инструкциях, сэр Хадсон Лоу поручил сэру Томасу Риду приехать с ними в Лонгвуд, и

император принял посланника губернатора в саду резиденции. Британский офицер подошел к императору, всем своим видом выражая почтение и демонстрируя воспитанность, которая прикрывала зловещую душу. Он информировал императора о распоряжениях лорда Батхерста[267], касавшихся сокращения персонала императора и необходимости четырем лицам из этого персонала покинуть Лонгвуд.

Когда император вернулся в здание резиденции, он сказал графу де Лас-Казу: «Разве я не говорил вам на днях, что, если он так спешит посетить Лонгвуд, то он должен иметь при себе хорошо отточенный кинжал, чтобы вонзить его в мое сердце? Вскоре они оставят меня здесь совсем одного: я бы предпочел, чтобы вы все уехали, чем видеть вас дрожащими каждый раз от постоянной угрозы быть брошенными на корабль и вывезенными на мыс Доброй Надежды исключительно по прихоти этого палача, который всегда готов интерпретировать полученные инструкции на собственный манер. Пусть он расставит часовых у моих окон, пусть он кормит меня хлебом и водой: у меня свободная душа и я столь же независим, как и тогда, когда командовал Европой».

Император находился в чрезвычайно подавленном состоянии расхаживая взад и вперед по своей спальной комнате; все в нем свидетельствовало о том, что его раздражение достигло высшей точки. Я был просто поражен, услыхав эти слова: я считал, что англичане отсылают от него его офицеров, но вскоре я узнал, что в список высылаемых лиц попали Русо, Аршамбо, Сантини и капитан Пионтковский. Их отъезд не только был воспринят с горечью всеми нами, но и привнес в души всех оставшихся опасение, что и их могут выслать точно таким же образом. Каждый из нас должен был подписать новую декларацию. Император хотел, чтобы она была сформулирована в таком виде:

> *Я, подписавшийся, заявляю, что желаю оставаться на острове Святой Елены и разделять ограничения, предписанные лично императору Наполеону.*

Через несколько часов после того, как письмо гофмаршала и приложенные к нему декларации были отправлены в «Колониальный дом», они были возвращены в Лонгвуд. Император запретил подписывать что-либо иное, кроме той декларации, текст которой он сам продиктовал гофмаршалу. Губернатор не только написал, что мы должны подписать декларацию, текст которой он составил, но и сам явился в Лонгвуд в сопровождении подчиненных ему офицеров, чтобы заявить этим господам и всем нам, что если декларация не будет подписана в тот же день, то он отдаст приказ о высылке всех нас в

течение ближайших 24 часов на мыс Доброй Надежды. Настал момент мучительных раздумий, пока гофмаршал безуспешно пытался, призвав на помощь всевозможные доводы, как-то образумить губернатора. Последний даже посчитал, что он сделал бы одолжение, удовлетворяя просьбу о том, чтобы разрешить императору самому выбрать тех лиц, которые должны были прекратить служить ему. Губернатор особенно хотел, чтобы остров покинули граф де Лас-Каз и капитан Пионтковский, поскольку он утверждал, что они оба пытались установить незаконные связи. Но когда гофмаршал указал ему, что в распоряжениях министра упоминались трое слуг и один офицер, губернатор согласился, чтобы имена лиц, подлежавших высылке, были определены императором. В случае отказа подписать декларацию, написанную губернатором, с императором останется только гофмаршал, и даже он временно, принимая во внимание беременность графини. Мне также было предписано остаться с императором вместе с небольшим числом других слуг, необходимых для выполнения самых простых видов обслуживания.

Император оставался в своей комнате, опечаленный и озабоченный, делая вид, что сохраняет хладнокровие, хотя на самом деле оно покинуло его. Никто из нас не сомневался, что слова губернатора не были простой угрозой; поэтому мы ждали решения императора, уверенные в том, что оно в любом случае будет соответствовать чести и долгу. Когда гофмаршал сообщил нам о решении высших офицеров и объяснил причины, в силу которых они приняли данное решение, то он сказал нам, что титул генерала, данный императору, под которым мы должны были поставить наши подписи, никоим образом не может изменить нашу неизменную преданность императору: он оставался для нас и для истории по-прежнему императором. Принимая во внимание испытываемые нами притеснения, было необходимо не подчиниться распоряжениям императора ради того, чтобы остаться с ним, и, соответственно, подписать декларацию, предложенную нам губернатором. Поэтому мы все подписали ее, за исключением Сантини, который хотел подписать только декларацию с титулом императора Наполеона. Что же касается нас, то мы были счастливы, что нас минула угрожавшая опасность и мы освободились от гнетущих чувств, с которыми жили на протяжении последних нескольких дней.

Когда император узнал, что мы подписали требуемую декларацию, он ничего не сказал по поводу неподчинения его приказам, понимая чувства, побудившие нас сделать это. Как бы мы выглядели, прибыв в Европу, если бы подчинились его

желанию? В подобном случае неподчинение приказам императора было обязательным, император понял чувства, которыми мы все руководствовались, и увидел в них новое доказательство нашей преданности ему. Тем не менее он продиктовал графу де Монтолону следующее заявление в виде протеста:

> *Я обратил внимание на то обстоятельство, что во время беседы, имевшей место между генералом Лоу и несколькими этими господами, были высказаны некоторые вещи о моем положении, которые не соответствуют моим убеждениям. Я отрекся от престола, отдав себя в руки нации и в пользу моего сына; я доверчиво сдался Англии, чтобы жить теш или в Америке в полном уединении под именем полковника, сраженного в битве рядом со мною, приняв твердое решение оставаться чуждым любым политическим делам.*
>
> *Как только я вступил на борт корабля «Нортумберлэнд», мне сообщили, что я являюсь военнопленным. Меня привезли к югу от экватора и мне предстояло называться генералом Бонапартом. Считаю для себя обязательным носить мой титул императора Наполеона, а не титул генерала Бонапарта, который желают мне навязать.*
>
> *Примерно семь или восемь месяцев тому назад граф де Монтолон предложил улаживать небольшие проблемы, которые непрерывно возникают, за счет того, чтобы я принял обычное имя. Адмирал посчитал нужным написать об этом в Лондон, и решение этого вопроса там и осталось.*
>
> *Сейчас мне присвоено имя, имеющее то преимущество, что оно не наносит ущерба прошлому, но вместе с тем не соответствует должным социальным формам. Я по-прежнему готов принять имя, которое войдет в обычный обиход, и я повторяю, что, когда они решат положить конец этому жестокому пребыванию на острове, я намерен полностью оставаться чуждым любой форме политической жизни, проистекающей в мире. Таковы мои убеждения, и что-либо, сказанное иначе, им не соответствует.*

Наконец, этот человек, сэр Хадсон Лоу, чей сон омрачался мучительным ожиданием побега императора и чьи бессонные часы проходили в разработке методов пытки его жертвы, ввел ограничения, ставшие для него мономанией. В самый разгар

событий, о которых я только что рассказал и которые продолжались приблизительно две недели, он нашел время, чтобы 9 октября направить графу Бертрану следующий документ:

Текст предлагаемых изменений в правилах, установленных для лонгвудских военнопленных

Статья 1. Границей для Лонгвуда будет служить дорога, ведущая к «Воротам Хатта» вдоль склона горы до сигнального поста охраны около «Дома тревоги».

Статья 2. Часовые поставят метки на рубежах, которые без разрешения губернатора всем запрещается пересекать, чтобы добраться до Лонгвуда.

Статья 3. Будет устранено большинство сторожевых постов на дороге слева от «Ворот Хатта», ведущей через Вудридж обратно к Лонгвуду, которой никогда не пользовался генерал Бонапарт со времени прибытия губернатора. Однако он не встретит каких-либо возражений, если пожелает в любое время совершить конную прогулку в этом направлении, заблаговременно информировав об этом дежурного офицера.

Статья 4. Если генерал Бонапарт пожелает продлить свою прогулку в каком-либо другом направлении, то офицер из губернаторского штаба (если он будет заранее информирован) будет готов сопровождать его. Если этому офицеру время не позволит сделать это, то его заменит дежурный офицер в Лонгвуде. Офицеру, наблюдающему за ним, приказано не приближаться к нему, если этого не потребуют обстоятельства; офицеру приказано осуществлять наблюдение за ним только в силу служебных причин, то есть вести наблюдение за тем, чтобы во время его прогулок не происходило что-либо, что вызывает отклонение от установленных правил, и в этом случае вежливо информировать его о подобном отклонении.

Статья 5. Уже действующие правила, запрещающие его общение с каким-либо лицом без разрешения губернатора, должны строго соблюдаться. Соответственно, от генерала Бонапарта требуется, чтобы он воздержался от того, чтобы заходить в какой-либо дом или вступать в разговор с лицами, которых он

может встретить (за исключением тех случаев, когда он отвечает на приветствия и обычные вежливые обращения к нему), если при этом не присутствует британский офицер.

Статья 6. Лица, которые с согласия генерала Бонапарта могут по-прежнему получать разрешение навещать его, не должны, несмотря на это разрешение, общаться с кем-либо из его окружения, если об этом специально не оговорено при получении санкций на встречу с генералом Бонапартом.

Статья 7. С заходом солнца территория сада вокруг Лонгвуда будет считаться той зоной, за пределы которой не разрешается выходить обитателям Лонгвуда. В это время по всей окружности территории сада будут расставлены часовые, но таким образом, чтобы они не беспокоили генерала Бонапарта, наблюдая за ним, если он пожелает продолжить прогулку в саду. С наступлением ночи часовые займут пост у самого здания, как это делалось и раньше, и доступ в дом будет запрещен до следующего утра, когда часовые будут отозваны от дома и из сада.

Статья 8.Любое письмо для обитателей Лонгвуда будет вложено губернатором в запечатанный конверт и направлено дежурному офицеру, который, не вскрывая конверт, вручит его тому офицеру из окружения генерала Бонапарта, кому это письмо адресовано. Тем самым этот офицер сможет быть уверенным в том, что никто, за исключением губернатора, не ознакомился с содержанием письма.

Статья 9. Ни одно письмо не может быть написано и отправлено, ни одно сообщение не может быть сделано, если не будет соблюдаться порядок осуществления переписки, предписанный выше. Запрещается любая переписка в пределах территории острова, за исключением обязательной поддержки связи с поставщиком продовольствия; послания поставщику должны вручаться в незапечатанном виде дежурному офицеру, которому будет поручено переправлять их по назначению.

Настоящие инструкции вступают в силу с 10 октября сего года.

Хадсон Лоу

Святая Елена, 9 октября 1816 года.

Возмущение, вызванное чтением подобного документа, не

требует комментариев. Именно в условиях этих ограничений император должен был жить, пока смерть не освободила его. Выбор лиц, которым предстояло покинуть остров Святой Елены, мог пасть только на тех, чьи услуги были наименее необходимы императору. Это были Сантини, хранитель императорского портфеля, Руссо, ответственный за хранение столового серебра, младший Аршамбо, второй конюх, и капитан Пионтковский. Губернатор информировал их о высылке с острова за день до того, как они должны были отбыть на мыс Доброй Надежды. Если отъезд этих людей сильно взволновал буквально всю колонию Лонгвуда, то еще в большей степени он угнетающе подействовал на тех, кто с этого времени должен был жить вдали от предмета своего обожания, которому они посвятили свои жизни. Какую радость принесет им возвращение в Европу? Разве она не будет отравлена знанием того, что императору предстоит находиться в клешнях чудовища, охраняющего его?

С каждым днем ярость Сантини против губернатора принимала все более опасный характер. Его соотечественник Киприани часто был вынужден сдерживать его, чтобы тот не совершил преступления. Сантини по секрету сообщил Киприани, что у него созрел план выследить губернатора в лесах и застрелить его из ружья, тем самым избавив императора от этого скверного человека. Киприани, оказавшись не в силах утихомирить человека, которого он хорошо знал, предупредил императора о намерении Сантини с тем, чтобы тот урезонил его и унял его ярость.

Император немедленно вызвал к себе Сантини и заявил ему: «Ну, негодник! Ты хочешь убить губернатора? Неужели ты не понимаешь, что это меня обвинят в том, что я приказал тебе сделать это! Стыдись! Совершить убийство! Я запрещаю тебе даже думать в будущем о подобной вещи: если эта мысль вновь придет тебе в голову, я распоряжусь, чтобы тебя отправили с острова». Император говорил с Сантини на корсиканском диалекте. Сантини на том же диалекте ответил, что это было бы не убийство, а месть. «Ну что ж, — сказал император, вставая с кушетки, на которой он сидел, — если это месть, то я запрещаю тебе приводить ее в исполнение». Сантини вышел из комнаты, пообещав более не думать об этом. Но император попросил меня, чтобы я настоятельно посоветовал Киприани почаще воздействовать на Сантини, чтобы тот не совершил подобного преступления.

Сантини служил в корсиканском легионе под командой полковника д’Онано. Он покинул Корсику, чтобы стать профессиональным курьером в системе почтового ведомства. В

этом качестве он оказался в Фонтенбло, когда император в 1814 году отрекся от престола. Представленный генералом д'Орнано гофмаршалу Бертрану, он получил разрешение выехать на остров Эльба и там стал служить в должности хранителя императорского портфеля. Он сохранил за собой эту должность в период «Ста Дней» и в этом же качестве приехал на остров Святой Елены. Его обязанности стали незначительными, и поэтому ему поручили обслуживать императора во время обеда, а утреннее время он проводил на охоте. Обладая природной смекалкой, он проявил немалую изобретательность в шитье костюмов, фланелевых рубашек и даже обуви для императора. Он обычно подстригал волосы императора и восстанавливал первоначальную форму его шляпы, когда в этом возникала необходимость. Вся эта всячина была недостаточной для того, чтобы заполнить его время полезной деятельностью. Он часто говорил Киприани о своем желании вернуться в Европу, чтобы поведать всему миру о жестоком обращении, которому подвергался император. Император был осведомлен о настроении Сантини и был уверен в его благоразумии и в умении вести себя осторожно; наступил момент для испытания этих его качеств. Он вызвал Сантини к себе, подробно переговорил с ним о том, что он должен сказать семье императора, и передал ему копию протеста, продиктованного 18 августа графу де Монтолону и написанного на куске шелка, чтобы Сантини, прибыв в Европу, обнародовал это послание, если ему удастся благополучно пройти обыск агентами сэра Хадсона Лоу. Император отпустил Сантини, заверив его, что семья императора позаботится о нем[268].

Руссо отправился на остров Эльба, где он заведовал столовым серебром императора, и на острове Святой Елены оставался в этой же должности. Его можно было легко заменить в этой должности, но его отъезд означал для императора потерю одного из преданных людей. Не так просто обстояло дело с младшим Аршамбо: оба брата правили каретой императора, и их должности были важными в конюшнях. К тому же император считал варварским поступком подвергать разлуке двух братьев, посвятивших свою жизнь службе императору. Каждый из нас испытывал чувство горечи, узнав об этой разлуке братьев, и, чтобы избежать этого, гофмаршал в список высылаемых вставил имя некоего Бернара, бывшего его слугой. Император представил для списка высылаемых лиц имя Жантилини, служебные обязанности которого можно было легко перепоручить другим. На эти предложения губернатор ответил, что Бернар — фламандец, а Жантилини — итальянец; в соответствии с полученными губернатором инструкциями требовалось выслать с

острова трех французских слуг. Губернатор даже добавил — и его слова были переданы императору, — что если бы Сантини не отказался подписать декларацию, то его бы не включили в число лиц, подлежавших высылке, поскольку он — корсиканец. Император, для которого наивысшей наградой было право называться французом, только горько усмехнулся, узнав об этих глупых словах, которые могли исходить из уст слабоумного или человека с порочной душой. Все попытки оставить на острове обоих братьев Аршамбо оказались бесплодными, и им пришлось расстаться.

Капитан Пионтковский, решение которого последовать за императором на остров Эльба и затем на остров Святой Елены было продиктовано его полнейшей преданностью императору, не провел вместе с ним достаточно много времени, чтобы его отъезд стал большой потерей для императора. Все четверо были готовы покинуть остров.

18 октября император, хотя и страдал от легочного инфекционного заболевания, все же пригласил в свою спальную комнату троих слуг и, поблагодарив их за безупречную службу и проявленную к нему преданность, пожелал им счастья. Все трое были глубоко тронуты словами императора и, покидая его, не могли сдержать слез, ставших лучшим ответом на его напутственную речь. С собой они увозили аттестации с характеристиками их службы и поручения принцам императорской семьи выплачивать каждому из них пожизненную пенсию, равную одной трети их жалованья. Сантини он задержал еще на несколько минут. Затем он позвал капитана Пионтковского, поблагодарил его за те чувства, которые привели его к нему, чтобы разделить с ним его ссылку. Император сказал капитану Пионтковскому, что, будь он во Франции, Америке или Риме, он всегда может использовать имя императора в качестве рекомендации для друзей и семьи императора. Капитан Пионтковский повез с собой сертификат, в котором он рекомендовался императорской семье как весьма достойный человек. Все четверо получили в качестве транспортных расходов сумму, равную годичному заработку. Прибыв в тот же день на борт корабля, они были подвергнуты самому тщательному обыску. Особое внимание во время обыска было уделено Сантини и капитану Пионтковскому, но ничего подозрительного у них не нашли. В 5 часов того же дня корабль с ними покинул гавань Джеймстауна и отплыл на мыс Доброй Надежды. Старший из братьев Аршамбо вернулся из города, весь погруженный в печаль. Ему сказали, что его брат находится в гораздо худшем положении, поскольку к его душевной боли от расставания с

братом добавились переживания из-за того, что он покинул императора.

Состояние здоровья императора изменилось из-за всех этих гонений. После введения дополнительных ограничений он более не покидал плато Лонгвуда и больше никого не принимал. Тем самым число его развлечений уменьшилось еще на одно; д-р О'Мира и генерал Гурго, каждый день совершавшие конные прогулки, остались для него единственными людьми, которые снабжали его какими-либо новостями. Адмирал Малькольм находился на мысе Доброй Надежды; он выразил императору свои сожаления по поводу того, что оставляет его в состоянии крупной ссоры с губернатором. Но император ответил, что до тех пор, пока его положению на острове не будет возвращен прежний статус, он ни на какой компромисс не согласится.

В течение нескольких дней император испытывал значительные болевые ощущения в груди из-за сильной простуды и ждал, когда они утихнут, чтобы вырвать зуб, который, как он считал, был плохим. Доктор сказал ему, что зуб сам по себе не плохой, но по тому, как он шатается, можно предположить, что корень зуба омертвел. Император может сохранить зуб, но от него будет мало пользы. «В таком случае, — ответил император, — я бы предпочел, чтобы вы вырвали его». Д-р О'Мира отправился за своими инструментами, император уселся в кресло, и доктор удалил больной зуб с такой легкостью, что император сказал: «И это все? В какой-то момент я подумал, что вы вообще не задели его». Рассмотрев вырванный зуб, оба пожалели, что должны были вырвать его, поскольку он оказался совсем здоровым. После того как у императора удалили зуб, у него сильно заболела голова, но боль прошла, когда ночью он принял ножную ванну.

Император объяснял свое недомогание отсутствием физических упражнений, а также рядом других причин. Чувствуя себя нездоровым, он заявил генералу Гурго, что думает, что его плохое самочувствие вызвано вином, которое ему подавали. Поскольку и у генерала появились подобные симптомы заболевания, то император попросил его распорядиться, чтобы это вино передали на анализ и затем сообщили ему о его результатах: в вине было обнаружено красящее вещество и изобилие свинцовой окиси.

В течение нескольких месяцев юный Эммануэль де Лас-Каз жаловался на приступы сильного сердцебиения. Император настоятельно попросил отца, обеспокоенного этим, обратить особое внимание на состояние здоровья его сына, когда неожиданно очередной сердечный приступ потребовал врачебной консультации. Д-р Бакстер был вызван, чтобы помочь д-ру

О'Мира, выразившему такое пожелание. Оба врача пришли к единому мнению, что в данном случае они имеют дело с серьезным сердечным заболеванием; оно требовало безотлагательного лечения и могло прогрессировать гораздо быстрее в условиях климата, в которых мы жили, чем еще где-либо. Император заявил графу де Лас-Казу, что он не хочет, чтобы сын графа стал жертвой ужасного ветра в Лонгвуде; но вскоре, почувствовав себя лучше, молодой человек сам явился к императору, чтобы поблагодарить его за проявленное к нему участие. Императору очень нравился этот молодой человек, к тому же он все более привязывался к его отцу, чьим умом и манерами он восхищался.

Губернатор знал об этом. Именно это было причиной его злобного отношения к графу. Ранее самым грубым образом и под предлогом незаконных поездок в город губернатор отозвал у графа слугу, предложив ему другого. Но граф де Лас-Каз ответил жестким тоном раздраженного человека, что если ему потребуется другой слуга, то он выберет его сам. Как только император узнал об этом, он сразу же направил графу своего лакея Жантилини, с тем чтобы граф не оказался пострадавшим из-за жестокого поступка губернатора. Мы даже и не могли представить себе, что отзыв слуги будет предшествовать отъезду хозяина. Этот слуга был мулатом, которому губернатор уже угрожал наказанием кнутом, но воздержался от приведения угрозы в исполнение, принимая во внимание особое положение его хозяина при императоре.

Императору предстояло перенести удар, в результате которого число офицеров в окружении императора сокращалось до трех. Для императора это означало дальнейшее лишение интеллектуального общения, которое он находил в каждом из них. В своих ежедневных привычках императору предстояло ощутить большой вакуум. Граф де Лас-Каз всегда читал ему газеты, когда они приходили; говоря по-английски лучше, чем эти господа, граф де Лас-Каз выступал в роли переводчика в беседах с людьми, которых император, генерал Гурго и он сам встречали во время конных прогулок. Наряду с этими господами он проводил часы в работе с императором, и его беседы с ним касались прошлого, которого не знали эти значительно более молодые господа. Он служил пажом при дворе Людовика XVI и затем отправился в изгнание.

Адмирал Малькольм, вернувшись с мыса Доброй Надежды, поспешил направить императору газеты. Среди них оказалось несколько французских газет, в которых в немногих строках сообщалось о приговоре генерала Бертрана к смертной казни.

Граф Бертран не был особенно взволнован этим решением суда, но не так обстояло дело с графиней, которая опасалась не только за судьбу своего мужа, но и за будущее ее детей. Император отправился к ней и постарался, как мог, приободрить ее.

Как это всегда было во время прибытия корабля в гавань Джеймстауна, д-р О'Мира отправился в город за новостями. Британские газеты были полны сообщениями и отчетами о празднествах по случаю бракосочетания принцессы Шарлотты, наследницы трона Англии, с принцем Кобургским Леопольдом. В связи с этим событием император сказал д-ру О'Мира, который информировал его о предстоящем визите к нему адмирала Малькольма, что он, император, очень рад за принца Кобургского Леопольда в том смысле, что он не назначил его своим адъютантом, когда тот просил императора об этом, поскольку, если бы он стал его адъютантом, он бы не смог сидеть у подножия британского трона.

Император был болен в течение нескольких дней. Он оставался погруженным в свои мысли, не обнаружив в газетах того, что он надеялся в них найти.

Граф де Лас-Каз, убежденный в том, что ограничения, введенные на контакты с иностранцами и знатными гражданами острова, являются доказательством того, что британский кабинет министров опасается того впечатления, которое может произвести на общественное мнение все то, что происходит в Лонгвуде, попросил у императора разрешения информировать принца Люсьена об отвратительном обращении, которому подвергается император. Граф рассказал, каким образом мулат, которого отстранили от службы у графа, нашел возможность ночью посетить дом графа. Этот молодой человек, которому граф де Лас-Каз, судя по всему, очень доверял, появился в его доме, чтобы попросить графа — так как он собирался отплыть в Лондон — снабдить его рекомендательными письмами с тем, чтобы он смог найти себе хорошую работу. Граф де Лас-Каз предложил императору использовать этого молодого человека для отправки его письма принцу Люсьену. Подумав немного, император не нашел ничего заслуживавшего доверия в человеке, который, покинув остров Святой Елены, где он родился, впервые в жизни прибудет в такой город, как Лондон. Поэтому император отверг предложение графа: если бы все это дело было раскрыто, оно дало бы тюремщику императора лишние козыри. К этому времени переписка с континентом была установлена через посредничество одного торговца на острове с использованием Киприани в качестве посыльного. Новости уже отравлялись и приходили, и было более благоразумным использовать этот контакт с

континентом, ибо вполне могло так случиться, что, вернувшись из Лонгвуда, мулат мог не получить разрешения покинуть остров.

Киприани уже не в первый раз приходилось обводить Хадсона Лоу вокруг пальца. Как только имя губернатора достигло острова Святой Елены, Киприани сразу же вспомнил имя губернатора острова Капри и поспешил сказать императору, кем был Хадсон Лоу; и как он, Киприани, работая на Саличетти, министра полиции Неаполитанского королевства, внес свой вклад в захват острова Капри, подкупив некоего Сюзарелли, одного из шпионов сэра Хадсона Лоу, которого они снабжали ложной информацией, передаваемой затем Хадсону Лоу. Губернатор так никогда и не узнал об этой проделке с ним, о которой мне рассказал Киприани; можно было хорошо себе представить, что все это дело с обманом сэра Хадсона Лоу держалось в строгом секрете, но я с трудом мог сдерживать смех каждый раз, когда видел Киприани в обществе с сэром Хадсоном Лоу, обсуждавшим с ним продовольственные проблемы Лонгвуда, и при этом последний не имел ни малейшего представления о той активной роли, которую Киприани когда-то играл в осуществлении операции по захвату острова Капри[269].

Адмирал привез с собой небольшую корзину с апельсинами, которые он предложил императору. В тот же день, желая, как он сказал, сбросить с себя охватившую его лень, император оделся и стал обсуждать с д-ром О'Мира появившиеся в военном лагере отпечатки ног, которые он заметил, наблюдая лагерь через подзорную трубу. Император приписал появление этих необычных отпечатков несчастному случаю, происшедшему с адъютантом маркиза де Моншеню, сломавшим ногу. В этот момент в спальную комнату императора вошел Новерраз, чтобы объявить о визите адмирала Малькольма. Император отпустил доктора, собравшегося в город, и вышел в гостиную, где его ожидал адмирал. Император вывел его в сад, где они беседовали продолжительное время. Это было 25 ноября.

Покинув адмирала, император вернулся в гостиную и вызвал к себе графа де Лас-Каза. Воспользовавшись, наконец, предоставленной мне свободой — так как до этого на протяжении нескольких дней император не покидал своих личных апартаментов, — я пошел к посту охраны, чтобы потом пойти к военному лагерю, когда увидел сэра Хадсона Лоу в сопровождении большой свиты, мчавшегося галопом на коне по направлению к нашему дому. Я отступил в сторону, чтобы дать им дорогу, вежливо поздоровался с ними, и они ответили на мое приветствие. Губернатора сопровождали сэр Томас Рид, его адъютант Горрекер и Притчард[270], два драгуна и господин в

гражданской одежде, который, как я выяснил позднее, являлся полицейским комиссаром, прибывшим с мыса Доброй Надежды на фрегате «Адамант».

Я продолжил мой путь, раздумывая о том, что же могло привести губернатора в Лонгвуд с такой большой помпой. Я решил вернуться назад. Не прошло и пятнадцати минут, когда, вступив на территорию Лонгвуда, я увидел ту же, но уже возвращавшуюся кавалькаду, на том же месте, где я только что встретил ее. В этот раз она везла с собой г-на де Лас-Каза и направлялась в город. Совершенно не понимая, что происходит, но заметив печать страдания на лице графа де Лас-Каза, я поспешил увидеть императора, который находился в гостиной. Я рассказал императору о том, что только что встретил г-на де Лас-Каза, а также о том, что он бросил в мою сторону взгляд, выдававший мучительные страдания его души; я ничего не мог объяснить императору, но добавил, что он еще может увидеть графа. Император поспешил к окну и через прощелину в ставнях смог увидеть своего друга, покидавшего пост охраны и удалявшегося по дороге к «Воротам Хатта». Император направил меня в резиденцию графа де Лас-Каза, но мне запретили входить в нее. Я доложил императору, что сын графа покинул свой дом, чтобы присоединиться к отцу.

А случилось вот что: губернатор вместе с майором Горрекером остановился у входа в помещение дежурного офицера, в то время как сэр Томас Рид, полицейский комиссар, адъютант губернатора Притчард и два драгуна направились к дому графа де Лас-Каза, но дома никого не оказалось. Они вошли в дом и, зная, что граф находится вместе с императором, послали за ним дежурного офицера от имени губернатора. Сен-Дени информировал об этом императора, и тот, дав указание разузнать, что случилось, сказал ему: «Поскорее возвращайся ко мне». Именно в этом ожидании я и застал императора. Он вызвал к себе гофмаршала, графа де Монтолона и генерала Гурго. Все трое в равной степени были поражены этим похищением, позволившим в течение десяти минут схватить отца, сына и конфисковать все бумаги в доме графа. Император вспомнил, что, когда он принимал графа де Лас-Каза, тот хотел использовать мулата для передачи принцу Люсьену подробного доклада о положении императора. Император достаточно строго рекомендовал ему отказаться от этого плана. Но граф де Лас-Каз, полагая, что император только выиграет от того, что в Европе узнают об оскорбительном обращении Хадсона Лоу, написал письмо леди Клаверинг, рекомендуя ей своего слугу, которому он доверил доклад, представленный императором, и который его

сын скопировал на куске шелка. То ли в силу неосторожности, то ли по причине предательства, но губернатор узнал обо всем, и мулат был брошен в тюрьму. Губернатор захватил всю корреспонденцию, находившуюся у мулата, которая послужила лишь предлогом для того, чтобы выслать графа де Лас-Каза. Мулат позднее был переправлен на остров Асеньсон.

Было сделано предположение, что, несмотря на понесенное бывшим слугой графа наказание, губернатор подстроил ловушку для де Лас-Каза и что его слуге обеспечили безопасный визит ночью в дом графа, поскольку установленное ночное наблюдение за жителями Лонгвуда не позволяло беспрепятственно посещать кому-либо их дома ночью.

Император покинул гостиную, пошел обратно в свою комнату, разделся и, набросив на себя халат, уселся в кресло, весь погруженный в мучительные думы; но вскоре Сен-Дени объявил, что из города вернулся доктор. Император распорядился: «Пусть он войдет».

— Итак, доктор, — заявил он входившему в комнату доктору, — у меня только что отобрали Лас-Каза.

— *Я* знаю об этом, — ответил доктор, — я встретил сэра Хадсона Лоу, который подошел ко мне, весь сияющий от радости, и сказал: «Ваш друг Лас-Каз арестован, вам предстоит увидеть его». И, в самом деле, я вскоре встретил его, находившегося под стражей и едущего в сторону «Ворот Хатта». Мне не разрешили переговорить с ним. Но в городе я узнал, что арестовали его слугу, хранившего у себя несколько писем.

— Но, доктор, письма к другу в Лондоне не могут содержать что-либо, кроме выражений чувств дружбы. Лас-Каз неспособен скомпрометировать меня; они конфисковали в его доме бумаги, которые принадлежат мне. Как мог Лас-Каз, умнейший человек, сделать своим агентом слугу, который не умеет ни читать, ни писать? Губернатор должен быть величайшим глупцом, чтобы позволить такому человеку из его обслуживающего персонала покинуть остров. Этот человек предал графа. Хадсон Лоу не упустит возможности обвинить меня в том, что я был в курсе всего этого дела! Он, должно быть, весьма низкого мнения о моих умственных способностях! Кроме того, просто невозможно действовать в более подлой манере, чем это только что продемонстрировал этот калабриец. Забрать прямо перед моими глазами человека, которого я так люблю и чей сын болен и находится в плохом состоянии здоровья, это ли не поступок варвара с южных морей!

Затем, обратившись ко мне, император спросил, известно ли мне что-либо о дневнике, который хранил граф де Лас-Каз. Я

ответил, что Сен-Дени дважды в неделю тратил несколько часов на то, чтобы корректировать записки в дневнике, и поэтому он мог бы лучше, чем я, сообщить императору о содержании дневника. «Вызови Сен-Дени ко мне», — распорядился император. Как только Сен-Дени появился, император спросил его, что содержалось в дневнике. «Дневник содержал все, — ответил Сен-Дени, — что заслуживало внимания с того времени, когда мы вступили на борт корабля «Беллерофонт», и несколько историй, рассказанных Вашим Величеством».

— В каком виде в дневнике представлен губернатор?

— В очень плохом, но все, что там говорится о нем, всегда будет недостаточным для того, чтобы показать, каков он есть на самом деле.

— А как представлен адмирал Кокбэрн?

— Не очень хорошо, сир.

— Он написал, что я называл адмирала акулой?

— Да, сир, но он добавил, что он человек, чья суровость не уступает его честности; он также пишет, что Ваше Величество, говоря о нем, заявил: «Хотя он мне не нравится, но я не могу отказать ему в моем уважении; под его мундиром бьется сердце солдата».

— Что он говорит о сэре Джордже Бингеме?

— Он говорит о нем очень хорошо, так же как и о полковниках Уилксе и Скелтоне; адмирал Малькольм также представлен неплохо, но если губернатор станет просматривать весь дневник, то он не найдет причины, чтобы поздравить себя по поводу своей невоспитанности.

— Упоминает ли он об инциденте с чашкой кофе? Пишет ли он о том, что я называл губернатора бандитом и сицилийцем?

— Да, сир.

— Прекрасно, — заключил император, отпуская Сен-Дени. — Я рад, что он точно будет знать, что я о нем думаю. Вы же видели, — заявил император, — с какой настойчивостью он хотел лично вручить мне инструкции лорда Батхерста; он мог с таким же успехом вручить их Бертрану, но он предвкушал получить удовольствие от того, чтобы, вручив мне лично эти инструкции, вонзить кинжал в мое сердце, поскольку знает, что настоящая цель этих инструкций в том, чтобы избавиться от офицеров, которые близки мне. Он — истинный палач. Я чувствую такую ненависть к этому человеку, что если бы мой сын приехал на остров, я бы отказался видеть его.

Император попросил доктора сесть на коня и отправиться к губернатору, чтобы спросить его о причине ареста графа де Лас-Каза. Через несколько часов доктор вернулся из «Колониального

дома» и доложил императору, что нарушение было огромным и что письмо, написанное на куске шелка и пришитое к подкладке пиджака слуги, было конфисковано прямо на нем.

На следующий день в полдень император послал гофмаршала на встречу с губернатором. Последний заявил гофмаршалу, что он с сожалением выполняет приказ своего правительства, но это уже не в первый раз, когда г-н де Лас-Каз прибегает к незаконным передачам письменных материалов; он прекрасно знал о последствиях любого нарушения инструкций, поскольку они были переданы всем обитателям Лонгвуда. Затем губернатор показал гофмаршалу письмо, написанное на куске шелка, и заявил: «Вы же сами видите, что это нарушение просто ужасно! Он должен быть наказан в результате этого нарушения».

«Это письмо, — возразил гофмаршал, — является всего лишь повторением всего того, что Монтолон писал вам; только порядок его направления не соответствует инструкциям, а его единственная цель заключается в том, чтобы направить тайно брату императора то, что уже официально посылалось вам».

Все, что мог сказать гофмаршал, не произвело никакого эффекта: губернатор остался тверд в своем решении применить букву инструкций к графу де Лас-Казу.

Можно легко представить, насколько сильно император был расстроен тем, что арестовали человека, столь близкого ему, к которому он испытывал искренне чувство любви. Почти каждый вечер, покидая гостиную, он обычно приглашал графа де Лас-Каза в свою комнату, где беседовал с ним до тех пор, пока не уставал. Поэтому император тяжело переживал эту потерю. Только Лас-Каз знал блестяще английский язык, и его перевод английских газет полностью удовлетворял императора; император был обязан графу де Лас-Казу тем, что тот давал ему уроки английского языка, которые теперь позволяли императору бегло просматривать английские газеты, когда их присылали ему.

Именно в условиях уединения в коттедже «Брайерс» во время дневных бесед и разговоров в часы вечернего бодрствования, никогда не продолжавшегося после десяти часов вечера, граф де Лас-Каз собирал материл для своих «Мемуаров», число страниц которых, как сообщил Сен-Дени императору, должно равняться семистам или восьмистам.

Император через посредничество д-ра О'Мира обратился с просьбой к адмиралу о том, чтобы обращение с графом де Лас-Казом, если его не вернут императору, было хорошим. Письмо, которое он написал своему другу в Лондон, содержало только выражение дружеских чувств, и, несомненно, в нем ничего компрометирующего не было, если не считать незаконного

способа его доставки по назначению.

С самого начала граф де Лас-Каз и его сын были помешены в коттедже майора Гаррисона, находившегося на небольшом расстоянии от границ Лонгвуда. Генерал Гурго и граф де Монтолон смогли подъехать достаточно близко к этому дому для того, чтобы дружескими жестами выразить графу де Лас-Казу свои сожаления. Император порицал графа де Лас-Каза за то, что тот не послушался его указаний: император был весьма рассержен этим поступком графа и не упускал случая заявить адмиралу Малькольму, что из-за этого поступка он лишен обычных привычек и бесед, полных очарования и так скрашивавших его неволю. Несколько дней спустя графа де Лас-Каза отправили подальше от Лонгвуда, разместив в коттедже «Роуз». Мебель из его квартиры в Лонгвуде была перевезена в его новую резиденцию, где он оставался до 24 декабря, пока не отправился в город, чтобы ждать посадки на корабль.

Описание итальянской кампании, над которым г-н де Лас-Каз работал под диктовку императора, было далеко до завершения. Оно находилось в его доме, когда он был арестован, и стало наряду с Лонгвудским дневником добычей губернатора, в чей дом его забрали. Император через посредничество гофмаршала немедленно обратился с просьбой вернуть ему этот материал; вместе с бумагами графа де Лас-Каза описание итальянской кампании было подвергнуто тщательной описи и опечатано в конверте. Губернатор не стал препятствовать требуемой реституции, и в присутствии графа де Лас-Каза этот труд был возвращен гофмаршалу. Император также хотел получить и дневник графа де Лас-Каза. Но последний так желал оставить этот дневник у себя, что гофмаршал не стал настаивать на его передаче императору. Гофмаршал получил заверения со стороны графа де Лас-Каза в том, что ничто в его дневнике не сможет нанести возможного ущерба его товарищам по ссылке. Дневник был опечатан до кончины императора в 1822 году, когда он был возвращен графу де Лас-Казу. Со времени его отправки из Лонгвуда прошло две недели, когда император, так желавший его возвращения в Лонгвуд и расстроенный тем, что его попытки в этом направлении закончились неудачей, продиктовал мне следующее письмо на его имя:

> *Мой дорогой граф Лас-Каз, я всем сердцем глубоко чувствую все то, что вам сейчас приходится переживать. Оторванный от меня две недели тому назад, вы оказались тайно запертым и лишенным возможности сообщить мне и получить от меня какие-либо новости, лишенным*

возможности общаться с кем-либо, французом или англичанином, лишенным даже права выбрать себе слугу. Ваше поведение на острове Святой Елены было достойно всякого уважения и было безукоризненным, как и вся ваша жизнь. Мне доставляет удовольствие сообщить вам это.

Ваше письмо другу в Лондон не имеет никаких оснований для порицания, в нем вы только открыли ваше сердце в рамках дружеских чувств. Это письмо точно такое же, как и те восемь или десять других, которые вы написали тому же лицу и отправили вскрытыми. Командующий этим островом, у которого отсутствует чувство деликатности, тщательно изучал выражения, подчеркивавшие ваши дружеские чувства, и недавно подверг их упрекам; он угрожал выслать вас с острова, если ваши письма вновь будут содержать жалобы. Поступая подобным образом, он нарушил главную обязанность своего положения, самую первую статью своих инструкций и основное чувство чести. Тем самым он предоставил вам санкцию на то, чтобы искать средства, позволяющие вашим чувствам доходить до ваших друзей и знакомить их с преступным поведением этого командующего островом. Но вам чужды вероломство и хитрость; поэтому было так легко воспользоваться вашим доверием.

Они выискивали предлог для конфискации ваших бумаг. Письмо вашему другу в Лондон не могло оправдать полицейский визит в ваш дом, ибо в письме не описывался заговор, в нем не содержалось никакой тайны, и оно лишь выражало чувства благородного и искреннего сердца. Незаконное и опрометчивое поведение властей по этому поводу несет на себе знак низменной и личной ненависти.

В менее цивилизованных странах ссыльные, военнопленные и даже преступники находятся под защитой закона и судебных властей. Но на этом острове один и тот же человек вводит наиболее абсурдные правила, он же и осуществляет их на практике с особой жестокостью, нарушая при этом все законы, и не находится ни одного человека, который бы обуздывал его крайности.

Лонгвуд окружен завесой, с помощью которой они хотели бы сделать его недоступным, чтобы скрыть свое преступное поведение. Все эти меры предосторожности дают повод для подозрений о еще более гнусных намерениях.

С помощью умело распространяемых слухов была совершена попытка одурачить офицеров, иностранцев и жителей этого острова и даже иностранных представителей, которых, как говорят, здесь держат Австрия и Россия. Конечно, британское правительство одурачивается точно таким же образом с помощью неискренних и лживых докладов. Ваши бумаги — некоторые из них, а это им известно, принадлежали мне — были конфискованы без соблюдения формальностей в непосредственной близости от моих апартаментов и с выражением дикой радости на лицах. Я был информирован об этом спустя всего лишь несколько минут. Я выглянул из окна и увидел, как вас забирают. Их скопище резвилось вокруг вас. Я подумал, что наблюдаю дикарей с острова южных морей, танцевавших вокруг пленников, прежде чем съесть их.

Ваши услуги были необходимы мне: только вы читали, говорили и понимали английский язык. Однако я настоятельно прошу вас и, если необходимо, приказываю вам обратиться с просьбой к командующему островом отправить вас обратно на континент. Он не может отказать вам в этом, так как он не обладает властью над вами, если не считать вашего добровольного поступка, когда вы подписали декларацию. Для меня будет большим утешением узнать, что вы находитесь на пути к более счастливым берегам.

Как только вы прибудете в Европу и отправитесь или в Англию, или на родину, то забудьте о всем том зле, от которого вы здесь страдали. Вы можете гордиться той лояльностью, которую проявили по отношению ко мне, и той любовью, которую я испытываю к вам.

Если когда-нибудь вы встретите мою супругу и моего сына, то прошу вас обнять их; в течение двух лет я не получал о них никаких известий, непосредственно или косвенно. За последние шесть месяцев был случай, когда здесь побывал один немецкий ботаник, видевший их в садах Шенбрунна; за несколько дней до его отъезда варвары запретили ему навестить меня, чтобы сообщить мне известия о моей супруге и о моем сыне.

Однако утешьтесь сами и утешьте моих друзей. Мое тело, это верно, находится во власти моих врагов; они не забыли ничего из того, что могло бы утолить их месть. Они убивают меня булавочными уколами, но Провидение слишком справедливо, чтобы позволить этому

продолжаться слишком долго. Нездоровый характер этого губительного климата, отсутствие всего, что может поддержать жизнь, вскоре, как я чувствую, положат конец этому существованию, последние минуты которого обернутся позором для британской репутации. В один прекрасный день Европа с ужасом укажет на этого лицемерного, злобного человека, которого истинные англичане откажутся признавать англичанином.

Так как все заставляет меня поверить в то, что мне не будет разрешено повидаться с вами перед вашим отъездом, то прошу принять мои объятия и заверения в моем уважении и в моей дружбе к вам. Будьте счастливы.

Любящий вас

Подписано: Наполеон.

Как только это письмо было продиктовано, я сразу же переписал его начисто и передал императору, чтобы он подписал его; с ним находился д-р О'Мира. «Прочитай мне письмо громко и внятно», — попросил он меня. Когда я закончил чтение, он спросил: «Ну как, доктор, что вы думаете по поводу этого письма?»

«Я думаю, что такое письмо станет драгоценным для его получателя. Невозможно сильнее выразить свое расположение к человеку и сделать более трогательное заявление о своей дружбе». Письмо было вложено в конверт, опечатано императорской печатью и передано графом де Монтолоном дежурному английскому офицеру для пересылки графу де Лас-Казу. Офицер отправил письмо губернатору, который вскоре после этого вернул его обратно в Лонгвуд, заявив, что он не может получать опечатанные письма, поскольку это запрещается полученными им инструкциями. Император, информированный об этом гофмаршалом, вернувшим ему письмо, сам сломал печать на конверте и попросил графа Бертрана отдать его капитану Попплтону, который лично отвез письмо губернатору.

В течение всего этого времени и до самой посадки графа де Лас-Каза на борт корабля, император дольше, чем это было в его правилах, оставался в своих апартаментах. Он передал через слуг адмиралу, приехавшему, чтобы повидаться с ним, что он нездоров и лежит в постели. Хозяину коттеджа «Брайерс», г-ну Балькуму, повезло больше, его император принял, облачившись в халат. Это был тот самый человек, который предлагал императору свои услуги и сейчас был готов продолжать их оказывать; он сказал мне, покидая императора, что нашел его сильно изменившимся. Я ответил, что едва ли это могло быть по-другому.

Губернатор был обеспокоен тем состоянием уединения императора, которое не позволяло дежурному английскому офицеру проверять его присутствие в Лонгвуде. Губернатор приехал к гофмаршалу и немедленно принялся расспрашивать его об императоре: гофмаршал описал императора как заболевшего человека и, в связи с этим, сильно внешне изменившегося. То ли Хадсон Лоу посчитал, что высылка графа де Лас-Каза произведет плохое впечатление в Европе, то ли после прочтения письма императора графу лучше понял важность услуг, которые граф де Лас-Каз оказывал императору, но он вновь заявил, что, как он об этом уже писал три дня тому назад, что он безотлагательно предложил вернуть де Лас-Каза в Лонгвуд, и тот факт, что граф де Лас-Каз не принял его предложения, вынуждает его считать своим долгом вновь повторить свое предложение.

Император сначала не хотел верить тому, что граф де Лас-Каз отказался принять предложение вернуться в Лонгвуд; но новое заявление губернатора по этому поводу не позволило сомневаться в решении графа. Поначалу император хотел написать письмо графу, но затем предпочел предоставить ему возможность решать самому, как ему поступать. Император полагал, что если граф покидает остров Святой Елены, то лишь потому, что уверен, что принесет императору больше пользы в Европе. Корабль «Евротас», на борту которого находились капитан Пионтковский, Аршамбо, Сантини и Руссо, приплыл с мыса Доброй Надежды и бросил якорь в Джеймстауне перед тем, как отплыть в Англию. Аршамбо разрешили повидаться со своим братом; император пригласил его к себе и узнал, что на борту корабля очень плохо обращались с капитаном Пионтковским и с его товарищами. От этого плохое настроение императора ухудшилось и только усилило его гнев по поводу того, что дело графа де Лас-Каза не подходит к концу.

Император, узнав 26 декабря, что граф де Лас-Каз отправился в город и готовится вступить на борт корабля, послал к нему гофмаршала и генерала Гурго. Решение покинуть остров было принято самим графом де Лас-Казом, посчитавшим, что у него появилась возможность оповестить Европу о недостойном поведении Хадсона Лоу. Император был извещен о решении графа, и он незамедлительно направил письмо сэру Хадсону Лоу через посредничество гофмаршала, обратившись к нему с просьбой разрешить графу де Лас-Казу приехать в Лонгвуд, чтобы попрощаться с ним. Губернатор сразу же ответил, что граф де Лас-Каз свободен в своем выборе вернуться в Лонгвуд и остаться там, но он, губернатор, не может согласиться с тем, чтобы граф посетил Лонгвуд, если он настаивает на отъезде с острова.

Поскольку все попытки императора повидаться с графом де

Лас-Казом окончились неудачей, а 30 декабря 1816 года он должен был вступить на борт корабля, то император вновь направил гофмаршала и генерала Гурго в город. Они были представлены губернатору сэром Томасом Ридом и получили разрешение видеть графа де Лас-Каза в присутствии господ Горрекера и Виньярда, офицеров губернаторского штаба.

Граф де Лас-Каз был счастлив вновь увидеть приближенных императора и еще раз заверил их, что он будет больше полезен императору в Европе, чем здесь, на острове. Графу передали последние слова императора, адресованные только ему: «Если он уедет, то я буду рад этому; если он останется, то я буду рад этому!..»

Горрекер и Виньярд держались на расстоянии, с тем чтобы французы чувствовали себя свободно. Это позволило графу де Лас-Казу передать гофмаршалу бриллиантовое ожерелье, полученное императором от королевы Гортензии, когда он покидал Мальмезон. Граф де Лас-Каз был хранителем этого ожерелья; к нему он добавил чек Лондонского банка на сумму в 100 000 франков для покрытия нужд императора. Сумма в 400 000 франков, которую он ранее вручил императору, вместе с этой последней суммой была возмещена принцем Евгением, который владел некоторыми фондами, принадлежавшими императору.

С интервалом в три дня два корабля покинули гавань Джеймстауна: первый из них 30 декабря, взяв на борт графа де Лас-Каза с его сыном, отплыл на мыс Доброй Надежды; второй корабль, прибывший в гавань на несколько дней раньше с капитаном Пионтковским и его товарищами на борту, отплыл 3 января 1817 года в Англию.

Когда эти господа вернулись из города в Лонгвуд, они передали императору прощальные слова графа де Лас-Каза и вручили ему бриллиантовое ожерелье, о судьбе которого император ничего не знал, поскольку он никогда не говорил о нем с графом де Лас-Казом с тех пор, как передал его ему. Однако после насильственного выдворения графа из Лонгвуда его опустевшую квартиру внимательно обыскали, полагая, что он мог спрятать ожерелье в каком-нибудь предмете мебели или позади какой-нибудь деревянной пристройки внутри дома, но эти поиски ни к чему не привели. Граф де Лас-Каз, получив это ожерелье, надел его на себя и с тех пор так с ним не расставался. Это ожерелье, оцененное императором примерно в 200 000 франков, является тем самым, которое он завещал мне. Вернувшись в тот вечер в свою комнату, император вручил мне это ожерелье, попросив спрятать его в секретном отделении его дорожного

саквояжа. В тот же самый день мы с грустью недосчитались шестерых членов нашей маленькой колонии в Лонгвуде.

В этот вечер, когда император лег в постель, он попросил меня прочитать несколько страниц из «Китайского посольства», написанного лордом Макартни, книги, лежавшей на его столе. Через час он задремал и отпустил меня.

В течение месяца после того, как графа де Лас-Каза увезли из Лонгвуда, император удалялся в свою спальную комнату в сопровождении графа де Монтолона или генерала Гурго, точно так же, как ранее он уходил туда в сопровождении графа де Лас-Каза; он обычно беседовал с ними минут сорок пять или час, а затем отпускал их. Если же так случалось, что ни один из них по разным причинам не сопровождал его в спальную комнату, то он обычно просил меня почитать ему серьезную книгу или выбранный им самим какой-нибудь роман. Так как препятствия, с которыми императору пришлось столкнуться, когда он хотел вернуть графа де Лас-Каза в Лонгвуд, как выяснилось, не были результатом поступков губернатора, то возбужденное состояние императора утихло, и он смирился с разлукой, о чем свидетельствуют его последние слова, намеренно обращенные к графу де Лас-Казу. К печали о потере друга присовокупился гнев, вызванный грубыми действиями губернатора в отношении одного из его офицеров. В ту минуту, когда император узнал о причине ареста графа де Лас-Каза, он заявил гофмаршалу: «Эта акция такой дикой жестокости, что он никогда не посмеет ее осуществить: он побоится возможных последствий этой акции, с которыми будет иметь дело в Европе».

Развитие событий полностью доказало правоту императора. Губернатор разрешил графу де Лас-Казу вернуться в Лонгвуд. Если граф и не вернулся, то это случилось потому, что он считал, что будет более полезен императору в Европе, чем если останется вместе с ним. Императору доставляли громадное удовольствие беседы с графом де Лас-Казом; так как он любил предаваться воспоминаниям, то он перебирал в памяти события восхитительного светского общения, которые в дни его юности, как он говорил, вносили столько очарования в беседы, проводимые у горящего камина.

Таков был конец 1816 года. Можно было подумать, что после всех только что случившихся событий в последующие годы нам не придется подвергаться столь тяжким испытаниям. Но слова императора графу де Монтолону — когда в предыдущем апреле было необходимо подписать обязательство оставаться на острове Святой Елены все то время, пока император будет находиться там в неволе, — судя по всему, должны были стать вещими: «Если это

будет продолжаться долго, то англичанам, возможно, придется охранять только нас двоих».

Часть V
Увольнение О’Мира

Глава семнадцатая

Время печали — Ссоры между губернатором и О’Мира — Рукопись острова Святой Елены — Болезнь императора — Усиление напряженности

1 января 1817 года для всех нас ознаменовался как день печали; а ведь было время, когда в этот день послы всех держав наносили визит в императорский дворец, чтобы от имени своих властелинов выразить их чувства дружбы в адрес императора, а позади них придворные плотной толпой заполняли обширные гостиные залы дворца Тюильри. Сегодня ему, вынужденному искать тень под покровом шатра, возведенного около его дома, не наносили визиты послы и придворные. В этот день он был лишен нежности очаровательной супруги, которую он любил, и сына, на которого возлагал все свои надежды. Он принимал лишь новогодние поздравления и пожелания — пусть несбыточные, но зато от всего сердца и от всей души — от своих товарищей по неволе.

Как и в прошлом году, император хотел, чтобы на обед к нему для получения подарков были приведены дети. Своими играми и счастливой беззаботностью, свойственной ее возрасту, детвора смогла отвлечь его от мучительных размышлений и вызвать улыбку на его устах. Император послал ко мне Сен-Дени, чтобы я подобрал различные подарки и их родителям. По поручению императора я передал Сен-Дени набор китайских шашек, который император вручил графу Бертрану; подзорная труба, которая недавно была прислана сестрой императора, королевой Неаполитанской, была предложена генералу Гурго, а серебряный дорожный саквояж, с которым император не расставался в Египте, достался графу де Монтолону. Графини Бертран и де Монтолон получили по блюду из прекрасного севрского сервиза. Блюдо, подаренное графине Бертран, изображало переход французских войск через Дунай по мостам, возведенным гофмаршалом[271]. Блюдо, подаренное графине де Монтолон, изображало сражение, во время которого особенно отличился ее супруг. Я думаю, что это было сражение при Аустерлице[272].

Утром этого дня император принял поздравления от графа де

Монтолона; когда тот спросил императора, в какое время он будет принимать остальных приближенных ему лиц с их поздравлениями, то император ответил: «Я нахожусь в гробнице, у меня не лежит сердце к проведению семейного праздника». Тем не менее в тот вечер он лег спать, чувствуя себя счастливым от того, что смог принести радость тем, кто был вокруг него в этот праздничный день.

Отъезд графа де Лас-Каза должен был повлиять на изменения в привычках императора. Рабочая нагрузка, которая ранее распределялась между его четырьмя офицерами, теперь была разделена между тремя: этим господам были выделены их рабочие часы, и вскоре жизнь вошла в свое обычное русло. Император продолжал свои беседы по вечерам, когда ложился в постель. Обычно на эти беседы приглашались только генерал Гурго и граф де Монтолон. Гофмаршал, хотя он жил в пределах территории Лонгвуда, был размещен в доме за крепостным рвом в том месте, где строилась новая резиденция для императора. В 6 часов вечера живая цепь из часовых отделяла его от нас, и если император вызывал его к себе в этот час, то он мог направиться к императору только в сопровождении английского солдата. Поэтому император проводил вечера в своей спальной комнате исключительно в обществе двух генералов, которые жили в Лонгвуде; и если случалось так, что император, укладываясь спать, отпускал и того и другого генерала, то тогда наступала моя очередь. Император обычно просил меня взять книгу, которую он читал в эти дни, и предлагал мне продолжать читать ему вслух. Бывало и так, что генералы вызывались к императору и ночью для работы, но в те дни это было редко, так как император не хотел беспокоить их. Ему больше нравилось говорить им, когда он видел их на следующее утро: «Я напряженно работал ночью; а вы, мои ленивые друзья, чем вы занимались в это время?» Могу в данный момент заявить, не опасаясь возражений, что на этой жалкой скале император всегда демонстрировал величайшую уравновешенность характера и, благодаря присущей ему энергии, знал, как оказать поддержку другим.

Объятый чувством подозрительности, губернатор терпеть не мог, если дежурный офицер, оставаясь на посту более двадцати четырех часов, ни разу, даже на мгновение, не видел императора[273].

Если же дежурный офицер не делал этого, то губернатор, охваченный беспокойством, приезжал в Лонгвуд к дому графа де Монтолона с инструкциями в руках, требуя встречи с графом. Граф де Монтолон обычно успокаивал его, убеждая в ложности его преувеличенных страхов, и не ставил императора в

известность об этих безобразных сценах. Если бы императору сообщили о них, то он бы оставался дома, чтобы выяснить, каким образом Лоу зайдет слишком далеко в своей наглости, попытавшись переступить порог резиденции императора. Так как апартаменты императора находились на цокольном этаже, то дежурный офицер, не приближаясь к окнам здания и не беспокоя кого-либо своей слежкой, мог во время обхода вокруг здания резиденции заметить императора в одной из занимаемых им комнат.

Со времени вступления в силу новых инструкций император более не встречался с кем-либо из иностранцев, за исключением адмирала и г-на Балькума. Д-р О'Мира был единственным человеком в Лонгвуде, который мог информировать императора о том, что происходит на острове, и мог сообщать о только что полученных новостях из Европы. Важность общения с ним значительно возросла для императора, и доступ доктора в императорские апартаменты таким образом был сильно облегчен. Доктор очень сожалел, как он об этом сказал мне, о решении императора не принимать иностранцев, имевших на это разрешение губернатора. Тем самым император лишил себя возможности как-то отвлечься и к тому же дать знать в Европе, через посредничество тех лиц, кто мог бы посетить его, о плохом состоянии здания, в котором он размещен, в то время как губернатор проживал в роскошном особняке. Подобное сравнение было настоящим скандалом для иностранцев, и оно стало причиной того, что британское правительство устроило настоящую шумиху в газетах по поводу деревянного дворца, отправленного на борту корабля из Лондона на остров Святой Елены[274].

Губернатор был хорошо осведомлен о действиях д-ра О'Мира, считая, что они идут вразрез с мерами по изоляции императора. Сэр Хадсон Лоу не верил бюллетеням доктора о состоянии здоровья императора; он упрекал доктора за то, что тот выражает слишком большую готовность выполнять мелкие поручения французов в городе. Доктор еще раньше говорил мне, что он чувствовал себя так, словно находится между молотом и наковальней; с одной стороны, доверие, которое он вызывал у императора, а с другой стороны, желание губернатора, выраженное им в личной беседе, пойти на сближение с Лонгвудом, превратило доктора в некоего посыльного между «Колониальным домом» и Лонгвудом. В зависимости от важности проблем, возникавших между губернатором и Лонгвудом, их обсуждение принимало более или менее острый характер и в конце концов привело к высылке доктора из Лонгвуда.

Генерал Гурго, чаще остальных совершавший прогулки верхом на коне, обычно встречал жителей острова или офицеров из местного гарнизона. Его всегда с большим интересом расспрашивали об императоре. Среди уполномоченных представителей держав генерал Гурго чаще других встречал графа Бальмэна, представлявшего Россию. Хотя он ухаживал за молодой дочерью Лоу, рожденной от первого брака, он не скрывал от генерала Гурго, что содержание императора под арестом на острове Святой Елены не соответствовало тому, что имели в виду союзнические державы: они действительно предоставили Англии право осуществлять условия договора от 2 августа 1815 года, но это считалось бесчеловечным, когда императора приковали к этой скале, заставив пребывать в местности, слишком маленькой для того, чтобы заниматься физическими упражнениями, необходимыми для его здоровья. Граф Бальмэн и его коллеги были озабочены тем, о чем они узнали, и маркиз Моншеню выразил протест против подобного положения дел; вследствие этого появилась надежда, что будут восстановлены прежние границы передвижения французов по острову. Когда эти слова были переданы императору, то он воспринял их с удовлетворением, для него было важно, что на острове есть люди, занимающие видное положение, которые осуждают губернатора за его методы исполнения полученных им инструкций.

Граф де Монтолон также возвращался с новостями со своих прогулок. Так как он совершал меньше конных прогулок, то был чаще с императором, с которым все больше сближался. В дополнение к его рабочим часам он отвечал за переписку с губернатором, которую сэр Хадсон Лоу сделал весьма напряженной. Поэтому она для графа де Монтолона стала настоящим занятием и источником продолжительных бесед между ним и императором. Что же касается гофмаршала, о котором император говорил: «Мы должны любить наших друзей даже со всеми их недостатками», — то он был другом по зову сердца; несмотря на нерешительность графа Бертрана в некоторых случаях, чувство дружбы у императора было к нему неизменным. Император знал, что он был человеком, способным дать хороший совет, и он знал, что может положиться на него; он был преданным императору, неспособным свернуть с пути, продиктованного долгом и честью. Граф Бертран был богатым человеком, имевшим большую семью, о которой он неустанно заботился. Он не был так близок к императору, как его два товарища, но дня не проходило, чтобы он не навестил императора, проводя с ним по нескольку часов, всегда готовый

быть в его распоряжении.

Отъезд графа де Лас-Каза привел к тому, что граф де Монтолон и генерал Гурго сблизились друг с другом. Их небольшие разногласия прекратились, по крайней мере внешне, благодаря их общему желанию предоставить императору возможность отвлечься от печальных дум. Время проходило в дружеских беседах, работе, а также конных прогулках императора вместе с гофмаршалом и генералом Гурго или поездках с дамами в карете.

Императору передали замечание губернатора по поводу мнения уполномоченных представителей держав об условиях жизни императора, которое заключалось в следующем: «Я намерен обеспечить ему возможность совершать конные прогулки: я не хочу, чтобы он умер от приступа, что поставило бы меня и мое правительство в неловкое положение. Я бы предпочел, чтобы он умер от затяжной болезни, которую наши доктора могут легко подтвердить как естественную. Приступ вызовет слишком много пересудов. Генерал Бонапарт не может свободно разъезжать по всему острову; если бы это была только проблема его безопасности, то достаточно было бы просто представителя Восточно-Индийской компании, чтобы содержать его на острове Святой Елены. Он должен считать, что ему крупно повезло, когда мое правительство направило для его охраны такого человека, как я. В противном случае его бы держали в оковах, чтобы научить, как следует вести себя».

«В этом случае, — заявил император д-ру О'Мира, который рассказал ему об этой тираде губернатора, — абсолютно ясно, что если инструкции, данные г-ну Лоу, не содержат письменного указания убить меня, то устный приказ ему был дан; ибо если кому-то хочется, чтобы человек умер таинственным образом, то первое, что необходимо сделать, так это изолировать его от любого контакта с обществом, окружить тайной, чтобы после того, как мир привыкнет к тому, что о нем ничего не слышно, и забудет о нем, без помех терзать его и сделать так, чтобы он исчез».

Император стремился работой и чтением утихомирить возбудимость своей натуры, которую, помимо его воли, вызывали подобные беседы. Если в поле зрения оказывался корабль, входивший в гавань, император с нетерпением ожидал возвращения д-ра О'Мира, чтобы разузнать, откуда прибыл корабль и что было на его борту. Среди присланных ему брошюр была одна, озаглавленная таким образом: «Тайные возлюбленные Бонапарта». Император быстро просмотрел ее и, рассмеявшись, швырнул на ковер, сказав: «Какого Геркулеса они сделали из

меня! Нет ни одной строчки правды». Его внимание привлекла работа Миота о Египетской кампании. То, что было сказано в этой книге об отправлении больных чумой в Яффе, опровергается в рассказе о Египетской кампании, который император продиктовал гофмаршалу. Тем не менее, прочитав эту книгу, император в пылу раздражения назвал ее автора «негодяем». Гоулдсмит за свою «Тайную историю кабинета Наполеона Бонапарта и двора Сен-Клу»[275] удостоился такого же ярлыка: «Все это нагромождение подлости является результатом работы вражеского пера, но в нем есть доля правды. Это — неплохая книга».

Император, не отличавшийся крепким здоровьем, страдал также и от дизентерии. Ее симптомы, принявшие достаточно серьезный характер, напугали нас, но вскоре они исчезли. В связи с этим император заявил д-ру О'Мира: «Если бы я принял ваше лекарство, то я бы уже погиб. Мой куриный бульон и то, что я придерживался поста, — вот что спасло меня».

Адмирал Малькольм не оставил надежды примирить императора с сэром Хадсоном Лоу; д-р О'Мира в беседах с адмиралом дал ему понять, что это вполне возможно. И якобы губернатор на самом деле пытался сделать первый шаг к примирению и послал для личного пользования «генералу Бонапарту» небольшой ящик с бурбонским кофе самого высшего качества. Губернатор просил императора принять этот подарок, зная о его жалобах в отношении поставщика. Киприани и я считали, что император откажется от подарка, но мы были очень удивлены, когда граф де Монтолон распорядился отправить кофе в нашу кладовую.

Вслед за этим в Лонгвуд приехал адмирал, пытаясь всеми возможными средствами открыть дверь для сэра Хадсона Лоу, которая уже давно была для него закрыта. Адмирал заверил императора, что желание губернатора примириться с ним, судя по всему, было искренним; «Ну что ж, — заявил император, — скажите ему, чтобы он восстановил положение вещей, как это было в дни адмирала Кокбэрна, и тогда все будет забыто. Я уже раньше через вас сообщал ему об этом, но мое предложение не привело ни к какому результату, так же будет и на этот раз».

От д-ра О'Мира император узнал о том, что губернатор обеспокоен возможной реакцией, которая последует в Европе на письмо императора графу де Лас-Казу; губернатор был занят подготовкой заметок с примечаниями, отвечающими на критику его персоны в письме императора графу де Лас-Казу.

17 января 1817 года к императору явился гофмаршал, объявивший, что графиня Бертран родила мальчика (Артура

Бертрана). Когда позднее в этот же день император отправился навестить роженицу, графиня показала ему новорожденного со словами: «Сир, перед вами находится француз, который прибыл в Лонгвуд, не спросив разрешения на это у губернатора».

«И при том замечательный и пышущий здоровьем француз», — ответил засмеявшийся император. Строгие инструкции, касавшиеся ночных посещений Лонгвуда, задержали приезд акушерки на четыре часа.

Губернатор, который, казалось, был склонен к примирению, приехал к гофмаршалу, чтобы поговорить с ним об изменениях в инструкциях, которые бы сделали жизнь «генерала Бонапарта» на острове Святой Елены более терпимой. Он даже намекнул о том, чтобы предоставить императору возможность свободно разъезжать по всему острову с принятием определенных мер, отличных от практикуемой до сих пор слежки. Император больше верил в двуличие этого человека, чем в возможность возвращения доброго отношения к своей персоне, и он не ошибся. Губернатор хотел, чтобы его добрым намерениям предшествовал некий меморандум, оправдывавший его действия; целью меморандума было показать, что вся вина лежала на Лонгвуде, а не на его совести. Император отверг это оправдание поступков губернатора, основанное на том положении, что если до настоящего времени и имели место недоразумения между губернатором и Лонгвудом, то вся вина за это лежала на окружении императора. Бумага с текстом меморандума была брошена в огонь камина, положение вещей осталось прежним и система изоляции продолжала действовать. Не думаю, что ошибусь, если скажу, что со времени введения в практику этой системы единственными иностранцами, которых принимал император, были адмирал и его супруга, капитан Манзель, генерал Бингем, два капитана с кораблей «Ньюкасл» и «Юридис», представленные императору адмиралом, и г-н Балькум со своей семьей[276]. Все эти люди жили на острове, и губернатор не мог помешать их визитам к императору, которые, правда, были довольно редкими. Поэтому, чтобы найти возможность для развлечения, император был вынужден выискивать собственные ресурсы, а также пользоваться для этого услугами своих друзей.

Император всегда с нетерпением ждал прибытия корабля из Европы. Когда д-р О'Мира пришел к нему, чтобы объявить о том, что в гавани Джеймстауна только что бросил якорь корабль «Адольфус», император попросил его отправиться в город. Возвратившись в полдень, д-р О'Мира принес с собой небольшую брошюру, написанную д-ром Уорденом[277], и еще одну, опубликованную Сантини; обе брошюры, как можно было

представить, были присланы, минуя губернатора. Продажа столового серебра вызвала большой отклик в Англии. В тот вечер император получил газеты и письма. В газетах сообщалось о продолжительной аудиенции, которую принц-регент дал адмиралу Кокбэрну по его прибытии в Лондон. Император получил письма от членов императорской семьи; все они, узнав о лишениях, которым подвергался император, и о продаже столового серебра, чтобы покрыть его расходы, стремились передать остатки своих сбережений в его распоряжение, упрашивая его воспользоваться ими так, как если бы они были его собственными. Мадам Мер, уже находившаяся в почтенном возрасте, обратилась за разрешением приехать к нему и закончить свои дни рядом с ним; принцесса Полина, несмотря на плохое состояние здоровья, попросила о том же. Император, конечно, мог ожидать подобной преданности к нему со стороны своей семьи, предметом гордости которой он являлся; но в этих письмах было выражено столько сердечной доброты, столько души и столько преданности, что они не могли не тронуть его.

Д-р Уорден, врач на борту «Нортумберлэнда» был удостоен чести быть знакомым с императором во время плавания из Европы на остров Святой Елены. Он оставался в дружеских отношениях с д-ром О'Мира, был принят императором, когда на борту своего корабля покидал остров, и получил из рук графа де Лас-Каза заметки и информацию, которые он использовал при написании своей брошюры. Он направил брошюру д-ру О'Мира, использовав согласованный между ними канал связи с тем, чтобы д-р О'Мира смог показать брошюру императору. Император с большим интересом прочитал брошюру и хорошо отозвался о ней в беседе с д-ром О'Мира, но заметил при этом, что брошюра написана человеком, который краем уха слушал то, что говорили ему, и к тому же не все понял из сказанного. Эта брошюра стала причиной того, что император стал диктовать графу де Монтолону работу под названием «Письма с мыса Доброй Надежды»[278]. Эта брошюра, в которой была сделана попытка опровергнуть клевету об императоре, была тайно переправлена во Францию и уже там опубликована. Д-р О'Мира рассказал императору, что брошюра д-ра Уордена принесла его автору 50 000 франков. «Это вполне возможно, — ответил император, — англичане ничего обо мне не знают; все, связанное с островом Святой Елены и опубликованное непосредственным свидетелем и их соотечественником, вызывает у них любопытство; они жаждут узнать обо мне все подробности. Когда Балькум предложил Маршану 50 гиней за рисунок Лонгвуда, который тот только что закончил, он мог совершить выгодную спекулятивную сделку,

если бы Маршан принял его предложение; он бы послал рисунок в Лондон, там бы опубликовал его и заработал на этом большую сумму денег. Все писаки готовы изобразить меня трусом: но потомки по достоинству оценят подобные грязные писания».

Что касается брошюры, которую опубликовал Сантини, то император сказал о ней следующее:

«Намерение явно хорошее, но в брошюре масса жалкой чепухи, смешанной с ложью! Где это меня когда-то видели, чтобы я подстреливал птиц для моего завтрака? Это же полнейшая глупость».

Император пришел к выводу, что работа «Рукопись со Святой Елены» написана рукой явно умного человека, но вместе с тем, перепутавшего даты событий, по срокам поставившего Йену после договора в Тильзите[279].

Очередной корабль, прибывший из Европы, дал императору возможность вновь отвлечься. Корабль привез газеты и, как я надеялся, письма; мои ожидания не оказались напрасными, так как я получил письмо. Когда я поделился с императором своей радостью, он спросил меня, что сообщается в письме и какой датой отмечено его отправление. Письмо было датировано 8 января, а получил я его 11 марта: мой отец написал мне, что Римского короля собираются отдать под присмотр некоего господина графа Дитрихштейна[280], который был назначен его наставником. Моя мать готовилась покинуть Вену и мои родители только что купили за 42 000 франков небольшую земельную собственность в Бургундии, принадлежавшую бывшему префекту Осера г-ну де Ла Бержери, который, как говорили, ранее заплатил за нее 100 000 франков. Мой отец добавил, что, как только моя мать вернется во Францию, он будет жить большую часть года затворником в своем новом поместье. Император высказался с похвалой о г-не де Ла Бержери[281], сказав, что он был хорошим администратором и человеком, обладавшим глубокими знаниями. «Эта часть земельной собственности, — добавил император, — должно быть, та самая, которая принадлежала бывшему епископу Осера и протянулась вдоль реки Ионн, поскольку тебе написали, что она находится в одном лье от города. Когда я был молодым, я останавливался там. Дом хороший и весь в густой тени деревьев. Я бы с удовольствием жил там. Я обзавелся бы лодкой и катался бы в ней по реке».

«Сир, — заметил я, — Ваше Величество не оставались бы в лодке слишком долго, так как течение реки отнесло бы ее прямо в Париж». Император улыбнулся, услыхав мое замечание, и сказал, что, возможно, я прав. К императору пришел гофмаршал,

чтобы прочитать ему английские газеты; гофмаршал рассказал, что его отец прислал ему письмо, в котором обратился к нему с просьбой прислать сына гофмаршала, Наполеона, с тем чтобы тот мог серьезно начать свое образование. После того как император один вернулся в свои апартаменты, я рассказал ему о случае, только что происшедшем на острове Святой Елены. Император не поверил бы в реальность этого случая, если бы его достоверность не подтвердил на следующее утро д-р О'Мира.

Среди рабочих, посланных на строительство нового дома для императора, был один по имени Пин, мужчина высокого роста и физически очень сильный. Ему было дано конкретное задание руководить оклеиванием стен обоями и малярными работами в доме. Когда он покидал Лондон, то сказал своей жене, чтобы она последовала за ним с первым же кораблем, отплывающим на мыс Доброй Надежды; вскоре она именно так и поступила. Однако за время пути она забыла о цели своего путешествия; приплыв на мыс Доброй Надежды, она нашла, что прекрасно чувствует себя на борту корабля, и продолжила свое путешествие на остров Бурбон с капитаном корабля. На обратном пути в Европу корабль сделал остановку на острове Святой Елены. Там капитан корабля разыскал мужа этой дамы, рассказал ему о злоключениях его супруги и предложил ему сделку, в соответствии с которой — в обмен на сумму в 6000 франков — г-жа Пин стала бы принадлежать капитану корабля. Торг состоялся, деньги были выплачены, и участники сделки, включая бывшую жену г-на Пина, уселись за стол, чтобы отпраздновать событие. И — странная вещь, заметил я, смеясь, императору — бывший муж горько расплакался, когда рассказывал мне об этом происшествии. «Его слезы, — сказал император, — были, конечно, результатом вина, но почему же военные или гражданские власти не воспротивились подобной скандальной сделке?» Доктор объяснил, что в старой Англии действовал закон, позволявший мужу продавать свою жену. Этот закон потерял свою силу, но не был отменен; именно в соответствии с условиями этого закона и состоялась упомянутая сделка.

Я сообщил доктору, что ноги императора, как мне показалось, выглядят отекшими вокруг лодыжек. Император показал эти места на ногах: отеки были заметными, к тому же у него возобновились приступы дизентерии, хотя и не очень сильные. Д-р О'Мира хотел прописать ему лекарство, но император наотрез отказался от любого медицинского средства. Тогда доктор посоветовал ему упражнения для ног. «Но, — возразил император, — где вы предлагаете мне заняться этими упражнениями, если мой палач лишил меня любой возможности

делать это?» Время от времени императора лихорадило, что заставляло его ложиться в постель. Лихорадочное состояние императора прекращалось, когда он начинал потеть. У него часто стали появляться боли в животе, но они обычно прекращались, когда к больному месту прикладывали нагретое полотенце. Губернатору было известно обо всем этом, и, хотя он знал, что отсутствие физических упражнений пагубно сказывалось на состоянии здоровья императора, он ничего не менял, продолжая придерживаться системы изоляции императора, которую он считал даже недостаточной. Лишь один человек мешал ему установить вокруг Лонгвуда атмосферу абсолютной тайны: это был д-р О'Мира.

В городе распространялись слухи о серьезной болезни императора. Уполномоченные представители держав, обеспокоенные этими слухами, попросили сэра Хадсона Лоу, чтобы их ознакомили с отчетами о состоянии здоровья императора: в данных им инструкциях содержались рекомендации о том, чтобы их держали в курсе дела относительно здоровья пленника. Их инструкции также предусматривали необходимость принятия мер безопасности, но не до такой степени, чтобы лишать императора физических упражнений, важных для его здоровья. Вся эта обеспокоенность, высказываемая представителями держав по поводу здоровья императора, включая даже заявления в резкой форме со стороны маркиза де Монтшеню, поставила губернатора в затруднительное положение. Он заявил представителям держав, что сообщения об ухудшении здоровья императора ложные и он намерен разыскать их автора.

Губернатор приехал в Лонгвуд, распорядился, чтобы о его приезде уведомили гофмаршала, и сказал ему, что хотя д-р О'Мира сообщил в своем бюллетене о том, что «генерал Бонапарт» болен, но на самом деле он здоров, а по всему городу распространились слухи о его мнимой болезни. Все пытаются обмануть его, и он не желает более, чтобы его кто-либо обманывал. Правительство направило на остров очень хорошего врача, д-ра Бакстера, чтобы заботиться о здоровье генерала; если он болен, то его должен лечить этот врач. Гофмаршал решительным тоном ответил губернатору: он был поражен тем, что губернатор выразил сомнения по поводу состояния здоровья императора, поскольку очевидность болезни была заметна даже для дежурного офицера, когда тот лично был свидетелем физического состояния императора и мог об этом доложить губернатору. Что же касается желания заставить императора воспользоваться услугами другого врача, а не собственного, то

император никогда не даст на это своего согласия. Гофмаршал добавил, что губернатору неуместно обращаться с этим монархом так, как это делает он.

Император одобрил поведение гофмаршала и продиктовал графу де Монтолону ряд замечаний в ответ на речь лорда Батхерста в парламенте Англии[282]. Эти замечания к речи лорда Батхерста, в случае их доведения до сведения губернатора, должны были бы подтолкнуть его к тому, чтобы восстановить приблизительно то положение условий проживания императора на острове, каким оно было во время адмирала Кокбэрна. Текст речи лорда Батхерста еще не был официально направлен в Лонгвуд, но у императора он уже имелся благодаря генералу Гурго, встретившемуся с генералом Бингемом. Император заявил в связи с этой речью: «Он — жалкий писака, отступающий сразу же, как только встречает твердый отпор». Уполномоченные представители держав прониклись беспокойством по поводу состояния здоровья императора, о котором сообщил им генерал Гурго, часто встречавший то одного, то другого из них во время своих конных прогулок: он не только рассказывал им о печальном состоянии здоровья императора, но и добавлял при этом, что не может понять, каким образом они, занимая такое высокое положение представителей великих держав, могут относиться безразлично ко всему тому, что творится в Лонгвуде, когда их присутствие на острове Святой Елены требует, чтобы они содействовали обращению с ним надлежащим образом.

Император лечился от своих недомоганий с помощью тех же средств, которые помогали ему и раньше: постоянное пребывание в своей комнате, соблюдение поста и куриный бульон. Так, например, он говорил генералу Гурго, который во второй раз стал жертвой довольно сильного приступа дизентерии: «Не позволяйте им отравлять вас: эти британцы применяют медицинские средства, которые впору разве что для лошадей и скорее усугубляют болезнь, нежели успешно борются с ней». И, словно куриный бульон являлся панацеей, он рекомендовал его для излечения генерала. Однако генерал не последовал совету императора, так как симптомы его болезни требовали безотлагательных и эффективных средств лечения; он стал принимать рекомендуемые ему лекарства, и ему стало лучше. Через восемь — десять дней началось его выздоровление, и он вернулся к своему обычному распорядку дня, хотя и испытывал большие затруднения в работе кишечника.

10 апреля в гавань острова Святой Елены прибыла китайская флотилия. Для жителей острова наступило время празднеств; они смогли закупить необходимые для себя вещи и продавать

командам кораблей, стоявших в гавани, свои товары и овощи по очень высокой цене. Во время своего краткого пребывания офицеры и пассажиры кораблей флотилии оставили на острове немало денег и помогли Джеймстауну добиться необычной торговой активности.

С одним из этих кораблей императору прислали подарок, который мог быть назван долгом благодарности. Вручить подарок императору попросили г-на Маннеринга, выдающегося ученого, занимавшегося во время своих путешествий исследованиями в области гуманитарных наук. К подарку было приложено письмо от уважаемого г-на Эльфинстоуна, который этим подарком хотел выразить свою благодарность человеку, оказавшему накануне битвы при Ватерлоо на поле сражения помощь серьезно раненному брату г-на Эльфинстоуна. Подарок состоял из великолепного шахматного набора из слоновой кости, несколько больше обычного размера, двух больших и красивых корзинок ажурной работы и изысканной корзинки из слоновой кости, наполненной перламутровыми сувенирами. Все эти вещи были образцами замечательной работы: на каждом предмете можно было увидеть увенчанный короной герб и букву «Н», также увенчанную императорской короной. Когда г-н Маннеринг прибыл на остров Святой Елены, он строго последовал инструкциями; он вручил подарок г-на Эльфинстоуна губернатору с тем, чтобы этот подарок был затем отправлен в Лонгвуд. Губернатор не знал, что ему делать с этим подарком, присланным пленнику острова Святой Елены; подарок поступил к нему, минуя обычные каналы и был отмечен императорскими символами, которые его правительство не желало признавать. Губернатора мучило сомнение, стоит ли передавать подарок по назначению или отослать его в Европу с тем, чтобы он был возвращен обратно на остров Святой Елены. Однако, поняв, что он будет выглядеть смешным в глазах своих министров, если решится на второй вариант, он месяц спустя все же отправил подарок в Лонгвуд.

Акт проявления гуманности, благодаря которому император заслужил этот подарок, был для него весьма обычным: он никогда не проходил по следам только что закончившегося сражения без сопровождения личного хирурга, оказывавшего посильную врачебную помощь французским воинам и вражеским офицерам и солдатам; и часто серебряная винная фляжка, которую носили сопровождавшие императора Рустам или Сен-Дени для утоления его жажды, использовалась им, чтобы придать силу тем, кто был истощен на поле брани. Брат г-на Эльфинстоуна, получивший серьезное ранение накануне битвы при Ватерлоо, находился

почти в безнадежном состоянии, когда император, проходивший мимо него, выслал к нему своего хирурга, чтобы оказать раненному всю необходимую помощь. Император решил передать все эти подарки г-на Эльфинстоуна императрице Марии Луизе и Римскому королю. Графине де Монтолон, когда она покидала остров Святой Елены, было поручено по прибытии в Европу передать эти подарки по назначению.

В это же время на остров прибыл из Англии корабль «Бэеринг». Командир корабельной артиллерии взял на себя труд передать императору мраморный бюст Римского короля работы скульптора из Ливорно, который к своей посылке приложил письмо. Как только корабль бросил якорь в гавани Джеймстауна, императора немедленно информировали об этой посылке, но прошло восемь дней, а бюст так и не был доставлен в Лонгвуд. Губернатор с этим бюстом оказался в затруднительном положении, но его начальник штаба сэр Томас Рид, чтобы решить проблему, предложил просто выбросить бюст в море. Предложение сэра Томаса Рида было отвергнуто, но как можно было удивляться этому предложению, если ранее, обсуждая возникшую проблему во взаимоотношениях с Лонгвудом, тот же самый высокопоставленный офицер заявил, имея в виду императора: «Если бы я был губернатором, я бы как следует проучил эту французскую собаку; я бы изолировал его от всех его друзей, стоящих не больше, чем он сам, а затем отобрал у него все его книги! Он всего лишь жалкий изгой; я бы обращался с ним так, как положено вести себя с изгоями, и, ей-богу, избавившись от него, мы бы оказали французскому королю великую услугу!» Этот приступ вспыльчивости со стороны сэра Томаса Рида был вызван отказом императора принять сэра Томаса Стрейнджа, одного из верховных судей Калькутты, который через губернатора попросил удостоиться чести быть принятым императором. На эту просьбу император ответил: «Люди, сошедшие в могилу, не принимают визиты. Бертран, сделайте так, чтобы судья услыхал мой ответ».

Не было ли странным то, что, хотя император заявил, что не намерен принимать никаких визитеров, если они не будут представлены графом Бертраном, губернатор тем не менее сам хотел привезти в Лонгвуд одного из них? Гнев Хадсона Лоу был немалым, но ярость его начальника штаба перешла все границы.

Губернатор, оставив все свои сомнения, приехал к гофмаршалу и сообщил ему о том, что мраморный бюст сына генерала Бонапарта доставлен на борту корабля «Бэеринг», но сам бюст является результатом посредственной работы скульптора из Ливорно. В сопроводительном письме скульптор признал, что ему

заплатили за проделанную работу, но вверяет себя щедрости генерала Бонапарта. Все это дело с бюстом произвело на губернатора впечатление явной финансовой спекуляции, а сумма в 100 луидоров (2000 франков), которую скульптор назначил в качестве ожидаемой компенсации, показалась ему чрезмерным и неприемлемым требованием. Гофмаршал ответил губернатору, что этот вопрос может решить лишь один император, для которого видеть черты любимого сына, чего он был лишен на протяжении стольких лет, было бы бесценным даром; поэтому гофмаршал настоятельно потребовал от губернатора прислать бюст в этот же день. На следующий день бюст Римского короля был доставлен в Лонгвуд. Бюст из белого мрамора оказался прекрасно выполнен, на нем можно было прочитать надписи: Наполеон, Франсуа, Шарль, Жозеф. Сам бюст украшал большой крест ордена Почетного Легиона. Когда император получил бюст, он долго стоял перед ним: «Как это может быть, — заявил император, — чтобы на этом острове нашелся человек, настолько жестокий, чтобы приказать бросить этот бюст в океан? Конечно, он — не отец. Для меня этот бюст стоит больше, чем миллион. Поставьте его на стол в гостиной, чтобы я мог видеть его каждый день». Гофмаршал написал следующее письмо командиру корабельной артиллерии «Бэеринга»:

Я получил мраморный бюст юного Наполеона; я передал бюст его отцу, который получил колоссальное удовлетворение, увидев лицо своего сына.

Сожалею, что для вас оказалось невозможным посетить нас с визитом и сообщить нам подробности, связанные с этим бюстом, которые бы представили огромный интерес для отца, находящегося в известном положении. Из писем, которые вы прислали мне, явствует, что скульптор определил стоимость своей работы в 100 фунтов стерлингов. Император дал мне указание передать вам аккредитив на сумму в 300 фунтов стерлингов; разница от общей суммы предназначается для компенсации ваших потерь, которые, как стало известно императору, вы понесли при продаже вашего товара, так как не смогли сбыть его, а также для компенсации морального ущерба, причиненного вам всем этим событием, но которое дает вам право на высокую репутацию в глазах любого уважаемого человека.

Прошу вас, будьте любезны передать всем людям, задействованным в этом деле, благодарность императора.

Остаюсь ваш и т. п.
Граф Бертран.

Задержка с пересылкой всех этих предметов вызвала у императора чувство возмущения по поводу того, что он называл двуличием губернатора и его недоброжелательностью. Он дал указание графу Бертрану написать следующее письмо:

Губернатор!

Я получил пять упаковок, которые вы взяли на себя труд направить мне, содержавших набор шахмат, коробку с сувенирами и две корзинки из слоновой кости, высланные из Кантона г-ном Эльфинстоуном.

Император был удивлен, узнав из вашего письма, что вы считаете, что пересылка всех этих предметов не входит в ваши обязанности. Вы утверждаете: «Если бы я действовал в полном соответствии с установленными правилами, я был бы обязан отложить дальнейшую пересылку всех этих предметов». В этом случае, губернатор, вы бы посчитали уместным удержать у себя все эти вещи.

Но каким правилам отвечает этот поступок? Не потому ли, что все эти предметы не посланы по каналам кабинета министров? Ограничениями, принятыми кабинетом министров, оговорено, что по его каналам должны проходить письма, но не предметы одежды, бюсты, мебель и т. д. Мы постоянно получаем многие вещи, посылаемые нам с мыса Доброй Надежды. Фактически лорд Батхерст в своей речи и вы сами в письмах всегда с возмущением отвергали обвинения в том, что письма, направляемые на остров почтой или другими средствами связи, отправлялись в Лондон, чтобы затем вернуть их обратно на остров. Но это не может и не должно давать вам право удерживать вещи, такие как бюсты, мебель, книги и любые другие предметы, которые не имеют никакого отношения к обеспечению безопасности содержания пленников под арестом.

Может быть, задержка с пересылкой вещей связана с тем, что на сувенирах изображена корона? Но не может существовать правил, которые не доведены до нашего сведения: и, если вам не изменяет память, ничего не мешает нам иметь в нашем распоряжении какие-либо предметы с изображением короны. В противном случае было бы необходимо изготовить новые колоды игральных карт, потому что на тех, что предоставлены нам,

имеются короны; столовое белье и мелкая серебряная посуда, по-прежнему остающиеся у нас, часто попадают в город, но они также отмечены короной.

От кого поступило это правило, которое, как вы говорите, имеет силу? От вашего правительства? Ведь только оно имеет право вводить подобные правила? Ваш кабинет министров заявил на заседании парламента, что он не вводил никаких ограничений, а только принимает меры для их осуществления. В сущности, и вы не имеете права вводить их. Император не хочет иметь каких-либо поблажек от кого-либо и не желает быть обязанным чьим-либо причудам, но он имеет право быть ознакомленным с ограничениями, навязанными ему. Ваше правительство, парламент и все нации имеют такое же право. Я поэтому прошу вас, сэр, сообщить нам об этих новых ограничениях; если и существуют подобные ограничения, то они находятся в противоречии с утверждениями лорда Батхерста о том, что нет иной цели, кроме как обеспечение условий безопасности содержания под арестом. Император просит меня заявить протест против существования любого ограничения или правила, которые не сообщаются ему законным путем до того, как они приводятся в исполнение.

Остаюсь ваш и т. п.

Граф Бертран.

Ответ от губернатора на это письмо не заставил себя долго ждать:

Сэр!

Я получил ваше письмо от 9-го числа этого месяца. Ваше частое использование в нем титула императора и тон, которым вы выражаете мне ваши чувства, были бы достаточным основанием для того, чтобы не обсуждать содержание письма, поскольку оно адресовано мне в неприемлемой форме, а отослать вас к моему письму от 30 августа 1816 года на имя графа де Монтолона. Однако я не воспользуюсь этим поводом для того, чтобы отказаться от ответа на ваше письмо.

Моя единственная цель написать вам 8-го числа этого месяца заключалась в том, чтобы избежать впечатления от того, что я молчаливо признавал или одобрял использование императорского ранга в короне, помещенного повсюду над инициалом Наполеона и обнаруженного на подарках, присланных частным

британским подданным и изготовленных на британской фабрике.

Если бы я позволил им пройти мимо меня, не выразив своего отношения к ним, то неизбежно был бы сделан вывод, что я ничего неуместного в них не увидел. Я не знаю, до какой степени этот прецедент мог бы утвердить свое право на существование и какие, в связи с этим, могли бы появиться жалобы в будущем, если бы я недвусмысленно не заявил о причинах, в силу которых я разрешил отправить вам упомянутые предметы.

Лицо, приславшее эти подарки, имеет собственную точку зрения. Но я тоже имею право использовать свое мнение для того, чтобы его точка зрения не была выражена посредством меня. Разрешая отправить эти подарки в Лонгвуд без каких-либо комментариев, кроме тех, что были изложены в моем письме, я достиг крайних границ того, что можно было бы требовать от меня в отношении пожеланий и надежд генерала Бонапарта.

Вы спрашиваете меня, сэр: «Не потому ли, что все эти предметы не посланы по каналам кабинета министров?» Я бы посчитал свое поведение полностью оправданным, удерживая их у себя в соответствии с общим характером полученных мною инструкций, даже и без тех украшений, обнаруженных на них, до тех пор, пока не получил бы разрешения моего правительства передать их по назначению. Направленное вам мое письмо еще до того, как эти предметы были выгружены с корабля, представляет собой достаточное доказательство того, что я придерживаюсь именно этого принципа, вместо того чтобы ждать инструкций из Англии.

Вы, сэр, обращаете свое внимание на то, что я с возмущением отвергал обвинение в том, что письма, присылаемые на остров почтой или другими средствами связи, отправлялись в Лондон, чтобы затем вернуть их обратно на остров. Со всей определенностью я отвергаю это обвинение, сэр, а также и те обвинения, для которых оно может послужить поводом, потому что в них нет ни правды, ни справедливости. Я оскорблен тем чувством, которое выискивает унижение и причину для упрека в выражениях моего внимательного отношения. Но я не признаю, что я не имею права возвращать письма в Англию, если я посчитаю это уместным, когда они прибывают на остров по нетрадиционным каналам. Подарки, так же как и письмо, могут угрожать условиям

безопасности содержания под арестом и могут стать предметом досмотра, который помешает им в дальнейшем быть использованными в качестве украшений или полезных вещей. Письмо может быть спрятано под клетками шахматной доски или в обложке книги, а также в подкладке пиджака, и я не обязан оказывать доверие лицу, посылавшему эти вещи, независимо от того, кто бы это мог быть. Если я разрешал передавать вам посылки, то потому, что был убежден в том, что они не носят нежелательного характера, и вы, сэр, конечно, не имеете причины жаловаться на тот образ действий, который я использовал в силу предоставленных на мое усмотрение полномочий.

Вы высказываете, сэр, следующую мысль: «Может быть, задержка с пересылкой вещей связана с тем, что на сувенирах изображена корона?» — и вы задаете вопрос, существует ли правило, запрещающее вам иметь в вашем распоряжении какой-либо предмет с изображением короны.

Конечно, не существует прямого письменного указания, которое запрещает посылать в Лонгвуд какой-либо предмет, украшенный короной, или которое запрещает вам владеть подобной вещью. Но в этом случае возникает вопрос об императорской короне над инициалом Наполеона, когда этот инициал вырезан на какой-либо вещи, покрыт позолотой, гравирован на ней и присутствует почти на всех вещах. Его отречение от престола, Парижский договор и акты британского парламента делают ненужным подобное правило.

Вещи, украшенные императорской короной, которые в настоящее время находятся в Лонгвуде, имели на себе этот знак еще до его отречения от престола. Я никогда не оспаривал вашего права владеть ими.

Что же касается той части письма, в которой вы цитируете парламентские дебаты, то разрешите мне проинформировать вас, что цитата приводится неточно, в соответствии с теми газетами, которые я видел. Сами газеты не приходят к общему мнению: так как одна пишет о правилах, а другая — об инструкциях, а не об ограничениях, словно и то и другое является одним и тем же.

Вы пишете, сэр: «Вы не имеете права…»

Акт парламента, комиссия, предоставленные мне инструкции в этом отношении являются для меня, сэр,

самыми верными путеводителями. Однако разрешите мне добавить, что мои первоначальные инструкции, которые, как вы утверждаете, являются моим единственным руководством к действию, получили гораздо более широкую интерпретацию, чем предполагал бы их строгий и буквальный смысл, в отношении степени личных неудобств, испытываемых в настоящее время генералом Бонапартом.

Вы добавляете: «Император не хочет иметь каких-либо поблажек…»

Я не претендую на право оказывать генералу Бонапарту поблажки и еще менее на то, чтобы проявлять самонадеянность, заставляя его становиться жертвой моих причуд. Он не подвергается никаким ограничениям, о которых не знает мое правительство и о которых не может знать весь мир.

Пользуюсь этим случаем, чтобы напомнить вам, что сам генерал Бонапарт во время двух бесед, которые я имел с ним, обратил мое внимание на то, что я, являясь командующим на острове, должен действовать в соответствии с полученными мною инструкциями и выполнять мои обязанности, рассматривая их как приказ, требующий от меня его исполнения; в другом случае, он отказался разрешить прямую или общественную инспекцию.

Ваши мнения, высказанные мне, совпадают с моими собственными (принимая во внимание, что все действия моей дискреционной власти, даже в случае, когда я стараюсь поступать наиболее доброжелательно, только порождают новые споры). Но когда в мой адрес высказываются такие противоположные мнения, то вам, сэр, будет понятна трудность их согласования.

Остаюсь и т. п.

Хадсон Лоу, генерал-лейтенант.

Глава восемнадцатая

Адмирал Плэмпин — Скука — Сады Лонгвуда

С корабля, прибывшего из Китая 5 июня, сообщили, что лорд Амхерст, британский посол в Китае, вскоре предполагает прибыть на остров Св. Елены. На этом корабле находился г-н Маннеринг, тот самый человек, который посетил Тибет и видел далай-ламу. Д-р О'Мира разговаривал с г-ном Маннерингом в городе и

сообщил императору о желании этого ученого быть представленным ему. Императору очень хотелось побеседовать с этим путешественником, но, не желая ничего менять в принятом им решении не принимать посетителей, он собирался лишить себя и этого развлечения. Однако гофмаршал высказал идею принять г-на Маннеринга у себя дома, куда император мог бы зайти якобы случайно. Император согласился с этим предложением и побеседовал со знаменитым ученым. Г-н Маннеринг рассказал, что далай-лама оказался не по годам развитым ребенком, которому, когда его видел ученый, было около семи лет. Большая часть его доходов представляла собой пожертвования верующих и монархов из близлежащих стран мира. Ни он, ни его священники не могли жениться. Согласно их утверждениям, они могли, благодаря благоприятному расположению знаков зодиака, определить, когда дух переходит из тела одного человека в тело другого. Если император остался удовлетворенным некоторыми ответами на его вопросы относительно административных и топографических аспектов стран Дальнего Востока, то он был менее доволен ответами по проблеме религии. Г-н Маннеринг воспользовался возможностью встречи с императором, чтобы напомнить ему, что он был пленником во Франции после разрыва Амьенского договора, но как только выяснилось, что он путешествовал по стране, исследуя проблемы в области гуманитарных и общественных наук, так сразу же был отдан приказ о его освобождении.

Когда лорд Амхерст прибыл на остров Святой Елены в конце июня, он попросил разрешения быть принятым императором; миссия, с которой этого посла направило его правительство в Китай, не увенчалась успехом, поскольку посол не следовал церемониалу подобострастия, принятому в этой стране[283]. Император узнал об этом инциденте из британских газет и высказал порицание в адрес посла за то, что тот не подчинился условиям церемониала, отметив в связи с этим, что посол не являлся монархом, вне зависимости от того, какой дипломатической линией он руководствуется; король никогда не считал себя равным послу другого короля, и последний имел право только на те привилегии, что и высокопоставленные сановники в этом государстве. Отказываясь следовать церемониалу подобострастия, посол утрачивал все те привилегии, на которые он мог претендовать с учетом его миссии.

Лорд Амхерст удостоился аудиенции у императора, в которой было отказано сэру Хадсону Лоу, когда тот прибыл на остров. Генералы Монтолон и Гурго оставались в прихожей (которая

использовалась в качестве комнаты для обслуживания в подобных случаях) со свитой посла, пока гофмаршал сопровождал лорда Амхерста в гостиную, где находился император. Гофмаршал присутствовал при беседе. Сен-Дени и Новерраз оставались у дверей гостиной и веранды. Если император, принимая лорда Амхерста и его офицеров, проявил особое внимание к нему и к его свите, то они, в свою очередь, вели себя во время беседы в равной степени уважительно и любезно.

Император был удовлетворен результатом аудиенции, которую он только что дал. Он нашел в лорде Амхерсте столь же остроумного, сколь и обладавшего обширными знаниями человека. Когда посол предложил свои услуги для выполнения примирительной миссии с Хадсоном Лоу, император тут же прервал его и сказал все, что он думает об этом человеке. Лорд Амхерст обещал ничего не скрывать от принца-регента и вежливо предложил вмешаться в осуществляемую Хадсоном Лоу деятельность. «Это было бы бесполезно, — ответил император, вновь прервав лорда, — характеру этого человека присущи склонность к преступлению и ненависть ко мне; ему нужно пытать меня. Он подобен тигру, запускающему когти в свою жертву, от продления агонии которой он получает удовольствие. Сообщите принцу-регенту, расскажите парламенту, одним из ведущих членов которого вы являетесь, что я жду как блага, когда топор палача положит конец насилиям моего тюремщика!» Император во время этой аудиенции держал свою шляпу под мышкой; можно было заметить, что на шляпе отсутствует кокарда, так как за несколько дней до этого император распорядился, чтобы я снял со шляпы кокарду и куда-нибудь спрятал ее.

Императору предстояло смириться с потерей, которую он тем более остро ощущал, поскольку она была невосполнимой. Адмирал Малькольм, которому очень хотелось способствовать тому, чтобы положение императора на этой жалкой скале было более сносным, и который осуждал чрезмерную суровость инструкций, собирался покинуть остров Святой Елены. Он часто предлагал свои услуги, чтобы добиться примирения между Хадсоном Лоу и императором, но его попытки так и не увенчались успехом. Он приехал в Лонгвуд, чтобы представить императору своего преемника, адмирала Плэмпина[284], который прибыл на борту корабля «Завоеватель». Через несколько дней генерал Бингем попросил императора разрешить офицерам 53-го полка, покидающего остров Святой Елены, прийти к императору и попрощаться с ним. Этот полк сменил 66-й полк.

2 июля адмирал Малькольм прибыл, чтобы представить

императору своего преемника адмирала Плэмпина. Император узнал от д-ра О'Мира, что на борту «Завоевателя» находится сын сэра Роберта Вильсона; он попросил адмирала привести его с собой, так как был рад увидеть сына человека, который спас жизнь одному из его лучших друзей. Но аудиенция не была продолжительной; она стала предвестником будущих плохих отношений между императором и новым адмиралом, который был вежлив, холоден и явно не питал расположения к императору.

12 июля император принял офицеров 53-го полка. Войдя в гостиную, офицеры образовали полукруг, и император поговорил с каждым из них, спрашивая: в скольких кампаниях они принимали участие, сколько у них было ранений? «Я всегда с большим удовольствием буду узнавать о будущих успехах 53-го полка, который достоин самой высокой похвалы». Капитан Попплтон, дежурный офицер при Лонгвуде, всегда знавший, как совмещать свои обязанности с умением оказывать внимание и уважение к человеку, испытывавшему невзгоды, был удостоен особых знаков личной благосклонности со стороны императора. Офицеры 53-го полка выражали сожаление по поводу того, что покидают остров Святой Елены, оставляя императора на этом заброшенном куске земли. Наш обслуживающий персонал пользовался услугами некоторых английских солдат 53-го полка. Они сказали нам, что полк хотел бы иметь возможность забрать с собой Наполеона, чтобы он жил в каком-нибудь красивом замке в Англии. Их чувства нас не удивили; офицеры и солдаты полка всегда оказывали внимание и заботу по отношению к императору. Те английские солдаты, кто помогал нам по хозяйству, получили вознаграждение. Их заменили китайцы.

Генерал Гурго, не соблюдая постельного режима, постоянно страдал от сильной кишечной слабости, которая не покидала его, и, как всякое желудочное заболевание, оно заставляло пребывать в плохом настроении. Император стремился помочь ему бороться с недугом, загружая его работой и отвлекая беседами, напоминая во время них генералу о его доблестном поведении на полях сражений и о той славе, которую он там заслужил. Император, полагая, что генерал может быть озабочен своим будущим, однажды навестил его, когда он был вынужден из-за болезни находиться в постели, и по-отечески поговорил с ним о его жизненных перспективах. Генерал был озабочен делами своей матери, которую он нежно любил. Час спустя генерал получил в незапечатанном конверте письмо, которое надлежало послать во Францию. Письмо содержало указание о выдаче пенсии в размере 12 000 франков г-же Гурго, эту пенсию можно было затем

перевести на имя ее сына. Генерал Гурго был не единственным лицом, ставшим объектом необыкновенной щедрости императора. Генерал Монтолон был вынужден в спешке покинуть Францию; император, узнавший окольным путем о некоторых финансовых затруднениях, которые испытывал генерал во Франции, немедленно выделил в его распоряжение определенную сумму денег.

Среди лиц, которые покидали остров, генерал Гурго нашел тех, кто согласился переправить письмо императора принцу Евгению, вместе с пенсионным сертификатом на сумму в 12 000 франков, которую поручалось принцу передавать г-же Гурго из фондов императора.

Император, узнавший, что генералу удалось найти среди людей 53-го полка тех, кто мог безопасно переправить письмо в Европу, продиктовал генералу следующее письмо в адрес принца Евгения, находившегося в Мюнхене:

> *Сын мой, очень прошу вас открыть для меня кредит на сумму в 12 000 франков, начиная с октября 1817 года, в банке г-д Эндрьюз и Паркер в Лондоне. Напишите банкиру, что граф Бертран будет ежемесячно брать эту сумму по переводному векселю. Здесь они лишают меня всего самого необходимого в жизни. Вам бесполезно писать мне сюда до тех пор, пока мое положение здесь остается без изменений.*

Подписав это письмо, император собственноручно добавил:

> *Сообщите новости обо мне моей супруге, моей матери и Гортензии.*

Офицеры 66-го полка обратились с просьбой оказать им честь быть представленными императору. Эта просьба была удовлетворена; представление офицеров императору прошло в соответствии с той же церемонией, что и во время приема императором офицеров 53-го полка. Гофмаршал ввел их в гостиную, а генерал Бингем представил их императору. После аудиенции император пригласил этого высокопоставленного офицера отобедать с ним. Когда генерал в свою очередь пригласил императора совершить с ним прогулку к коттеджу г-жи Бингем, император ответил, что он с удовольствием сделает это, если коттедж находится внутри разрешенной для императора территории: «Уточните это, и если это именно так, то я с удовольствием буду часто навещать вас».

Лонгвуд, недавно живший в таком непривычном для себя

ритме, вскоре вернулся к своему обычному состоянию покоя. Вновь император не имел каких-либо возможностей, чтобы отвлечься от своей монотонной жизни, если не считать новостей, которыми его снабжал генерал Гурго после своих бесед с уполномоченным представителем России, а также тех, которые д-р О'Мира черпал в разговорах с губернатором; император обычно со смехом выслушивал эти новости о губернаторе и, когда д-р О'Мира рассказывал ему о приступах гнева Хадсона Лоу, желал губернатору, чтобы тот в один прекрасный день скончался от приступа гнева.

Губернатор передал императору через доктора, что последнее письмо генерала Бертрана было самым дерзким из всех, которые он когда-либо получал, и что император должен помнить, что генерал Бертран остался на острове только потому, что он, Хадсон Лоу, разрешил это; если же он вновь будет вести себя подобным образом, то губернатор будет вынужден немедленно выслать генерала Бертрана на мыс Доброй Надежды. Он также попросил генерала Бонапарта дать ему знать, кто являлся автором гнусной клеветы, обвинявшей губернатора в том, что он хотел разбить бюст юного Наполеона и помешать артиллеристу с корабля «Бэеринг» продавать его товары. Император брился в тот момент, когда доктор передавал жалобы губернатора. Он тут же прекратил бриться и, повернувшись к доктору, заявил: «Скажите ему, что обо всем этом гофмаршалу рассказал сам артиллерист».

Доктор также сообщил ему, что губернатор уже обеспокоен тем влиянием, которое оказал на офицеров 66-го полка император; после аудиенции последние не скрывали того благожелательного впечатления, которое произвел на них этот великий мученик. «Я говорил вам, — ответил император, — что поведение этого человека сродни поведению мелких тиранов Италии, отличавшемуся всегда неискренностью и непостижимостью. Скажите ему, когда он вновь заговорит обо мне, что он надоел мне своими инсинуациями, а его поведение в связи с историей бюста моего сына полностью соответствует всем его поступкам со времени его приезда».

Нас только что покинул капитан Попплтон: он был заменен капитаном Блэкни из 66-го полка. Капитану вскоре надоела его обязанность непрерывно следить за императором. Зная, что эта слежка зашла настолько далеко, что дежурный офицер, осуществлявший ее, обязан был подходить под самые императорские окна, чтобы подслушивать разговоры, император приказал Новерразу соорудить две садовых пристройки к гостиной и к прихожей, увеличившие всю длину главного здания. Они протянулись на 60 футов и были такими же широкими, как и

флигель здания, чья ширина была равна 30 футам. Вокруг каждой пристройки был поставлен небольшой деревянный забор, и таким образом посты часовых были отодвинуты на соответствующее расстояние. Вскоре в том месте, где была выжжена лужайка, в ход пошли кирка и лопата. В земле были вырыты достаточно глубокие ямы, чтобы в них можно было посадить деревья или кустарники. Деревья, вырытые в других местах так, чтобы вокруг их корней оставался значительный земляной покров, были бережно перевезены к дому. Хотя они были посажены не совсем рядом с домом, но они дали императору возможность бывать в тени. Это он ценил тем более, что теперь мог наслаждаться тенью, облачившись в халат, тогда как раньше ему приходилось довольно далеко отходить от дома, чтобы найти хоть какую-то тень. Самыми примечательными среди посаженных нами деревьев были два одинаковой высоты лимонных дерева, стоявших друг против друга. Их ветви образовали высокую беседку, под которой могли обедать одновременно шесть человек. Хотя ветви были густыми, они не мешали обслуживанию во время обеда. Император часто завтракал в тени этих лимонных деревьев и иногда даже и диктовал там. Ему нравилось оставаться невидимым для дежурного капитана. В одном из садов Лонгвуда была сооружена настоящая беседка; поросль страстоцвета обвила снизу доверху всю беседку и в течение года покрыла ее зеленью так, что внутрь беседки уже не проникали лучи солнца.

Эти два сада служили определенным развлечением для императора, который проводил время, поливая цветы при помощи небольшой насосной установки, купленной в городе, в то время как Сен-Дени и Новерраз накачивали воду, налегая на рычаг этой установки. В один из этих садов можно было попасть через застекленную створчатую дверь в столовой комнате, но прямого выхода в другой сад, находившийся под окнами спальной комнаты императора, не было. С согласия императора граф де Монтолон распорядился переделать одно из окон второй комнаты императорских апартаментов в застекленную створчатую дверь, что позволило императору выходить из своих апартаментов непосредственно в один из двух небольших садов Лонгвуда. Тем самым размер личной резиденции императора увеличился за счет этих садов, что позволило ему получать удовольствие, которое он ранее не мог себе позволить, а именно: следить за постепенным ростом деревьев, кустов роз или цветов. Эти сады несколько месяцев тому назад не могли быть разбиты, так как едва хватало воды для императорской ванны и для хозяйственных нужд Лонгвуда. Теперь же воды вполне хватало, и регулярная поливка садов придавала им свежесть, которая резко контрастировала с

высушенной почвой территории, окружавшей Лонгвуд.

Будучи верным осведомителем, д-р О'Мира регулярно докладывал в Лонгвуде о своих разговорах с губернатором, и, независимо от того, какого рода они могли быть, император не терял своего уважения к доктору, которому он всегда доверял. Но не так обстояло дело, когда доктор повторял слова императора в «Колониальном доме». Губернатор приходил в ярость, обвиняя д-ра О'Мира в том, что тот продался французам. Он грозил доктору высылкой на мыс Доброй Надежды, если доктор ухитрится приложить руку к незаконной переписке обитателей Лонгвуда. «Ваш генерал Бонапарт притворяется, что он болен, но на самом деле он находится в полном здравии. Вы разделяете его чувства; его жалобы в отношении меня являются гнусной ложью. Он прекрасно знает об этом, но тем самым он пытается вызвать интерес Европы к своей личности. Он должен знать, что правда об истинном его положении известна и что я отношусь к нему слишком хорошо! Так и передайте ему это».

Император успокаивал доктора относительно того, что губернатор утверждал, что в его власти отлучить доктора от императора. «Если бы он мог сделать это, то он не стал бы проявлять по отношению к вам такое внимание. Своими отношениями с жителями острова и с моряками эскадры вы достаточно сильно раздражаете его, чтобы выслать вас с острова. Можете быть уверены в том, что, если бы лорд Батхерст хотел, чтобы Лоу убил меня, то он не желал бы, чтобы говорили, что он убил меня с помощью выбранного им самим доктора. Его правительство прежде всего рекомендовало Лоу не убирать вас от меня без моего согласия».

Генерал Гурго во время своих конных прогулок встречал людей, которые с сочувствием относились к положению императора, заверяя генерала в том, что наступит лучшее будущее и для императора. Среди таких людей можно отметить уполномоченного представителя России, получившего от своего императорского двора, которому он писал, заявление о полном осуждении того гонения, которому подвергался император. В сообщении, полученном русским представителем, от него даже требовали, чтобы он отправился в Лонгвуд и принял все необходимые меры для того, чтобы там его принимали благожелательно. Эта новость доставила удовольствие императору, но она ни к чему не привела. Граф Бальмэн влюбился в дочь г-жи Лоу, красивую женщину, которой он сделал предложение. Этот брачный союз должен был состояться, и губернатор с тревогой наблюдал за встречами генерала Гурго с человеком, который собирался стать его зятем; встречи эти стали

менее частными и менее откровенными. Два других уполномоченных представителя союзников превыше всего хотели наносить визиты в Лонгвуд, но тогда бы это означало разрыв отношений с губернатором. Они оставили всю ответственность за происходящее на совести последнего. Поэтому время проходило в иллюзиях, зарождавшихся на один день для того, чтобы оказаться развеянными на следующий. Суть дела состояла в том, что эти уполномоченные представители союзников так и не были представлены императору потому, что император не хотел принимать их в их официальном качестве.

В последовавшее 15 августа император, по случаю своего дня рождения, получил поздравления от дам и от своих офицеров. Это было уже третье празднование дня рождения, которое напомнило нам предшествовавшие праздники в дни Империи. Как и в прошлом году, император с удовольствием раздавал детям подарки, представлявшие собой двойные итальянские наполеоны, которые он попросил меня принести ему. Дамам он преподнес китайские цепочки.

В первых днях сентября в военном лагере были проведены конные скачки. На них присутствовал губернатор, так же как и население острова; туда же прибыли уполномоченные представители союзников. Пользуясь своей полевой подзорной трубой, император мог наблюдать за ними из своих апартаментов, но для того, чтобы быть поближе к месту проведения скачек, он отправился в дом графа Бертрана. Как только скачки закончились, представители союзников приблизились к воротам Лонгвуда, надеясь увидеть императора; среди них на лошади была г-жа Штюрмер. Гофмаршал и генерал Гурго отправились поговорить с ними, причем ни одна из сторон не пригласила другую пересечь ворота. Оставаясь незамеченным, император во все глаза рассматривал баронессу Штюрмер, которую он нашел привлекательной и прекрасно сидевшей на лошади. Императору доложили, что сэр Хадсон Лоу, заметив, что представители союзников направились в сторону Лонгвуда, в бешенстве поехал домой, вообразив, что состоится их встреча с императором в самой общей форме и без их официального представления императору.

Однажды вечером нас застало врасплох землетрясение. Было десять часов вечера, все уже находились в постели или отправились по своим квартирам. Император лежал в постели, а я читал ему стихи из поэмы Шарлеманя, опубликованной принцем Люсьеном, когда неожиданно сильный толчок заставил меня вскочить с кресла, а императора подбросил в постели. «Что случилось, — спросил он меня, — это землетрясение или

взорвался “Завоеватель”?» Я немедленно отправился выяснить причину толчка и обнаружил всех обитателей дома стоящими у своих дверей. Они подтвердили, что это землетрясение. Я вернулся к императору, чтобы сообщить ему об этом. Император не покидал своей постели; землетрясение продолжалось около пятнадцати или двадцати секунд. Этого только нам не хватало: землетрясения, чтобы сделать наше пребывание на острове Святой Елены еще более приятным! Толчок шел по вертикальной линии; на следующий день мы узнали, что его почувствовали и корабли в гавани. Киприани и те люди, которые жили нал апартаментами императора, рассказали мне, что они были напуганы шумом на крыше дома и в его перегородках; дети графа Бертрана и графа де Монтолона были разбужены этим шумом.

Однажды император говорил о своем восхищении чудесной рекой Нилом, которая, благодаря своему ежегодному наводнению, орошает необходимыми удобрениями эту прекрасную страну. Он рассказал д-ру О’Мира, который бывал в Египте, что, когда он направлялся к пирамидам с экспедицией ученых, он натолкнулся на караван, который только что был ограблен. К императору пришел вождь каравана и представил ему двух своих дочерей, покрытых покрывалом с головы до ног. «Они умоляли меня защитить их, — рассказывал император, — и, схватив мои руки, стали целовать их, называя их очень красивыми. Это случилось во время нашего привала, и солдаты возвели мой шатер. Девушки вошли в шатер, и я, распорядившись, чтобы их угостили шербетом, отдал приказ о немедленном обыске тех племен, которые промышляли воровством. Я заявил вожакам племен, — продолжал император, — что делаю их ответственными за грабеж и убийства, совершенные их племенами. Они поспешили вернуть украденные вещи. Выразив мне свою благодарность, караван возобновил свой путь. Добравшись до Каира, они объявили, что султан Кебир («Могущественный султан». — *ред.)* был защитником истинных верующих; стали распространяться слухи, что я друг пророка и что французы не безбожники».

Доктор напомнил императору о восстании в Каире и той жестокости, с которой оно было подавлено. «Да! Несомненно, — подтвердил император, — у нас были веские причины опасаться фанатиков; несколько шейхов были настроены против нас, и среди них особенно шейх Саада. Этот старый фанатик, потомок семьи пророка, сильно сдавший с годами, был чрезвычайно почитаем. Он шествовал во главе восставших. Тем не менее я приказал арестовать его и бросить в тюрьму вместе с двенадцатью самыми мятежными его сторонниками, которых я отправил в

крепость и там приказал обезглавить. Так как мне было известно о народной любви к старому шейху, то я приказал привести его ко мне. Он ожидал законного наказания; когда его привели ко мне, он бросился на колени и признался, что виновен. Я любезно помог ему встать и заявил, что сохраняю ему его жизнь, и предложил ему свою дружбу. В этот момент вошел Клебер и спросил меня, когда мы остались одни, кто этот человек, которого он только что видел склонившимся на коленях передо мной. «Он был главой восставших», — ответил я Клеберу. «Что! И вы не приказали его повесить?»

«Нет, я предпочитаю отдать людям этого старика, который не в состоянии оседлать коня, и обезглавить тех, кто более подходят для смертной казни, поскольку полны дерзости». Как только восстание было подавлено, ко мне большой группой пришли шейхи и попросили простить преступников. Я приказал привести шейха Саада и передал его им. Так как, судя по всему, они ожидали, что к ним приведут и других мятежников, то я сказал им, что небеса приказали, чтобы их казнили. Они упали передо мной на колени и сказали мне: «Они заслужили это, они были действительно виноваты». Мое милосердие по отношению к старому шейху в их глазах означало, что я уважал кровь пророка. Мой поступок сократил число моих врагов в их среде. Если бы Клебер действовал подобным образом, — продолжал император, — его бы не убили. Узнав, что тот же самый шейх не хотел выплачивать вознаграждения, он, вместо того чтобы видеть в нем символ верующих и схватить его советников, приказал бросить старого шейха в тюрьму и подверг его там грубому обращению. Народ и местные заправилы были разъярены всем этим, и против Клебера была объявлена священная война. Муллы были информированы о планах убийцы, благодаря его запискам, которые он обычно оставлял каждый день в мечети; убийца даже спросил, может ли священная война против неверного радовать Бога. Получив от муллы положительный ответ, убийца вновь вернулся к разработке плана преступления, от осуществления которого он был почти готов отказаться из-за трудности всего мероприятия. Когда убийца подошел к Клеберу, он вручил ему петицию и, воспользовавшись моментом, когда Клебер стал читать петицию, ударил его кинжалом. Убийца побежал прочь и был найден недалеко от места убийства погруженным в молитву и с лицом, обращенным к востоку. Эта смерть означала для нас потерю Египта, который бы ум Клебера наверняка сохранил для нас».

Мы приближались к концу 1817 года. В новостях преобладало состояние некоторого статус-кво, когда корабль, прибывший из

Европы, привез с собой газеты и письма, которые были пересланы в Лонгвуд. Император с горечью узнал о том, что в Вене арестован Сантини, которого затем отправили в тюрьму в один из немецких городов. Плохое настроение императора возросло из-за отчетов, переданных д-ром О'Мира губернатору, о которых доктор не сообщал императору; в них он был назван «генералом Бонапартом». Император потребовал у доктора слова чести, что тот более не будет передавать губернатору бюллетени о состоянии его здоровья без разрешения на то императора. В противном случае император более не будет принимать у себя д-ра О'Мира. Все эти неприятности случились в то время, когда император был болен. Он жаловался на боли в боку и на то, что его ноги стали опухать. «Я бы прожил до 80 лет, — заявил он доктору, — если бы скверное обращение, которое я терплю здесь, и отвратительный климат в том месте, куда меня отправили, не убили меня раньше времени». Проблема с бюллетенями могла стать поводом для возобновления противостояния между Лонгвудом и «Колониальным домом». Однако сэр Хадсон Лоу сообщил гофмаршалу, что он отменяет запрещение посещать дом в долине и разговаривать с людьми, которых император и его офицеры могут встретить на своем пути. Император все еще надеялся на то, что положение вещей будет возвращено к тому состоянию, которое было при адмирале Кокбэрне, и распорядился ответить губернатору, что эти его последние меры не изменят его решимости не совершать конных прогулок до тех пор, пока все не вернется к тому состоянию, которое было до приезда губернатора.

Граф де Лас-Каз, совершивший обратное плавание с мыса Доброй Надежды, находился в гавани Джеймстауна и написал графу Бертрану о своем возвращении в Европу. Он сообщил ему, что выгрузил два небольших бочонка с вином от Констанца для императора, один — с красным, а другой — с белым. Он передал поклон императору и привет своим товарищам по ссылке. Император назвал вино Констанца вином де Лас-Каза.

Графиня Бертран в свое время заявила императору, показывая ему своего новорожденного сына: «Это — француз, который появился в Лонгвуде, не спросив разрешения у губернатора». Графиня де Монтолон, которая только что родила дочь, могла бы сказать те же самые слова, когда она показывала ребенка императору; это был ее второй ребенок со времени прибытия на остров Святой Елены. Император стал крестным отцом девочки, так же как и первого ребенка графини де Монтолон. Последствия этой беременности не были столь благополучными, как после первых родов, но они не предвещали

того, что через год возвращение в Европу станет единственной возможностью восстановить здоровье графини де Монтолон.

Принцесса Боргезе узнала о том, что вино, подаренное императору, было плохим и отрицательно сказалось на его здоровье; она поспешила отправить много ящиков с вином, используя посредничество леди Холланд, чтобы они могли попасть на остров Святой Елены. Она возобновила свою просьбу, с которой уже обращалась ранее, о том, чтобы приехать на остров Святой Елены и облегчить тяготы неволи императора. Он был тронут постоянной преданностью своей сестры, но вновь отказался принять ее, несмотря на большую любовь, которую испытывал к принцессе. Леди Холланд к этой посылке с вином добавила несколько ящиков с деликатесами, обратившись с настоятельной просьбой к императору, чтобы он принял ее подарок.

Однажды, когда д-р О'Мира навещал императора, он сообщил ему о тех трудностях, которые создает губернатор для доктора в связи с его бюллетенями о здоровье императора. Губернатор со всей твердостью отказался принимать бюллетени с каким-либо титулом, кроме «генерала Бонапарта». «Я не хочу этого, — ответил император, — потому что эти бюллетени направляются уполномоченным представителям союзников, и я не хочу, чтобы люди подумали, что я согласен с этим условием. Если я должен потерять вас, то я потеряю вас, но меня никогда не заставят принять доктора, которого бы я не выбрал сам. Они настаивают на своем желании прислать мне Бакстера, но я не хочу его».

В то время, когда император продолжал говорить, он неожиданно увидел, что доктор падает в обморок. К счастью, он упал в кресло, находившееся позади него. Император громким голосом позвал людей: я в тот момент писал в соседней комнате и поспешил в комнату императора, где он был занят тем, что развязывал докторский галстук, который, видимо, затруднял его дыхание. Я схватил флакон с одеколоном и вылил его на носовой платок, который император приложил к вискам доктора, а я тем временем приставил к носу доктора флакон с нюхательной солью. Придя в сознание, доктор сказал императору, что утром у него было кровотечение из носа, что и вызвало потерю сознания. «Я боялся, — сказал император, — что это удар: ваше лицо приняло вид умершего человека; я подумал, что ваша душа покинула вас». Когда доктор уходил, император дал мне знак, чтобы я сопроводил его.

Глава девятнадцатая

Состояние здоровья императора ухудшается — Отъезд генерала Гурго — Фальшивые бюллетени о состоянии здоровья императора — Губернатор отзывает О 'Мира

Проходили месяцы, но положение императора оставалось неизменным; 1818 год был заполнен событиями, причем каждое последующее было более грустным, чем предыдущее. Нельзя было не заметить, что состояние здоровья императора явно ухудшалось и только необычайная моральная сила позволяла ему переносить трудности его неволи. Отказ д-ра О'Мира подчиняться приказам сэра Хадсона Лоу относительно бюллетеней привел к тому, что доктору было запрещено покидать территорию Лонгвуда; в «Колониальном доме» утверждали, что его визиты в город и на борт кораблей эскадры не имели иных целей, кроме как осуществлять тайные мероприятия по передаче в Англию гнусную ложь, направленную против губернатора. Сэр Хадсон Лоу хотел заставить доктора предоставлять ему полный отчет о его беседах с генералом Бонапартом. И когда доктор сообщал ему все то, что обитатели Лонгвуда думают о нем, губернатора обычно охватывала неуемная ярость. Сам же д-р О'Мира настаивал на том, чтобы император встретился с д-ром Бакстером, который, как утверждал д-р О'Мира, был человеком большого таланта и безупречного характера. «Я верю всему тому хорошему, что вы говорите о нем, — отвечал император, — но г-н Лоу желает навязать его мне, и по этой единственной причине я никогда не соглашусь на то, чтобы д-р Бакстер находился рядом со мной. Я мог бы принять доктора от адмирала Кокбэрна, который не вызывал у меня подозрения, но я слишком плохо отношусь к г-ну Лоу, чтобы принять у себя кого-либо от него».

Именно в самый разгар всех этих неприятностей до Лонгвуда дошли новости о кончине принцессы Шарлотты. Император был очень опечален этим событием. Поскольку принцесса критиковала условия содержания императора на острове Святой Елены, то можно было надеяться, что, как только она вступит на престол, она изменит или улучшит положение императора[285]. Уполномоченные представители России и Австрии, которых временами встречали эти господа, передавали от своих императорских дворов самые любезные слова, но в них и намека не было на то, чтобы представители этих дворов получили указание бросить вызов губернаторской неприязни по отношению к императору и добиться быть принятыми в Лонгвуде, чего они сами, видимо, очень желали. Поэтому император полностью оставался во власти британского правительства, а уполномоченные представители союзников беспомощно

наблюдали за чудовищными ограничениями, продиктованными лордом Батхерстом.

Ко всем этим неурядицам добавился отъезд генерала Гурго, чья болезнь подорвала состояние его здоровья. Император неоднократно жаловался на раздражительный характер генерала и, натерпевшись неприятностей с его стороны, он вконец рассердился. Император посоветовал генералу обратиться с просьбой о своем возвращении в Европу, поскольку император не хотел, чтобы тот продолжал бороться с разрушительным климатом острова Святой Елены. Губернатор поспешил удовлетворить просьбу генерала. 13 января генерал Гурго покинул Лонгвуд и отправился в «Колониальный дом» в сопровождении офицера инженерных войск г-на Джэксона[286]. Генерала поместили в коттедже «Бейль» с этим же офицером, который не покидал его вплоть до посадки на борт корабля. Генерал Гурго ждал целый месяц корабль Восточно-Индийской компании, чтобы на нем отправиться прямо в Европу, минуя по пути мыс Доброй Надежды. Физические и моральные страдания генерала, должно быть, были ужасными в течение этого долгого месяца. Император не забыл преданность генерала и блестящие личные качества своего бывшего адъютанта. Императору хотелось, чтобы генералы Гурго и Монтолон жили как братья. Поскольку императору это не удалось, то он был вынужден для сохранения своего нарушенного спокойствия отправить с острова человека, который препятствовал исполнению его желаний. Неспособность генералов ужиться друг с другом не была основана на мотивах личной амбициозности, но была результатом ревнивого отношения к императору. Генерал совершенно несправедливо считал, что император относится к нему хуже, чем к генералу Монтолону.

Участок работы генерала Гурго должен был перейти теперь к генералу Монтолону; гофмаршал, проживавший достаточно далеко от главного дома, естественно, стал бы вызываться к императору гораздо реже. Однако император, не желая, чтобы работа, отвлекающая от тягостной скуки, стала утомительной для его офицеров, принял решение чаще использовать мои возможности, предлагая мне читать ему в течение дня, пока он принимал ванну или уже после нее, а также писать под его диктовку. Очень часто для того, чтобы не беспокоить графа де Монтолона ночью, император отдавал распоряжение Новерразу или Сен-Дени вызывать к нему меня. Сен-Дени была вменена по-прежнему обязанность корректировать продиктованный материал, задача, с которой он хорошо справлялся, поскольку обладал прекрасным почерком. Более того, если император хотел

отправить свою рукопись в Европу, то ее, переписанную чужим почерком, было легче переправить, избежав досмотра со стороны губернатора и его агентов.

Через две недели после печального события, связанного с отъездом генерала Гурго, последовала кончина человека, ставшая столь же болезненной, сколь и прискорбной для каждого из нас. Умер Киприани, сраженный в течение каких-то двух дней; он скончался от ужасных кишечных болей, которые наступили совершенно внезапно. Император искренне переживал эту утрату. Он сказал мне, что сопровождал бы его гроб до самой могилы, если бы она находилась на территории Лонгвуда. Большое число знатных людей острова и офицеров гарнизона присоединились ко всей французской колонии в шествии за гробом на кладбище у «Колониального дома». В этот грустный день я один остался вместе с императором. Генерал Гурго, который еще не покинул остров, попросил разрешения присоединиться к кортежу, но ему в этом было отказано.

Я хорошо знал Киприани еще по дням, проведенным на острове Эльба; тогда с ним была его очаровательная молодая жена и двое детей. Я делил с ним счастливые минуты и все печали, и наша дружба со времен острова Эльба только окрепла на острове Святой Елены. Киприани был корсиканцем, и он практически вырос в среде обслуживающего персонала императора. Он считал, что существует какая-то тайна, связанная со смертью его матери, которую, как он рассказывал, обнаружили задушенной в ее постели. Будучи молодым человеком, он нашел покровителя в лице г-на Саличетти, когда тот был в Италии; он стал главным управляющим домашнего хозяйства Саличетти и, благодаря своим редким умственным способностям, успешно выполнял поручаемые ему деликатные миссии. Вскоре его стали привлекать к секретным полицейским мероприятиям. Он бы достиг высокого положения, если бы не кончина его покровителя. Заработав большую сумму денег, он занялся бизнесом в области судоходства. В 1815 году он поступил на службу к императору на острове Эльба, заняв пост дворецкого. Киприани был глубоко предан императору, он отличался твердым характером, добрым сердцем и чуткой душой. Он скончался от воспаления нижней части брюшной полости, сопровождавшегося весьма тревожными симптомами; воспалительный процесс быстро принял критический характер. Император, весьма обеспокоенный состоянием заболевшего Киприани, постоянно посылал меня узнавать новости о нем. В первый день заболевания Киприани еще мог разговаривать со мной о своей супруге и о своих детях, заботу о которых он вверил императору. В ночь с 25-го на 26-е

число император вызвал к себе д-ра О'Мира и спросил его, будет ли полезным его присутствие у постели Киприани. Доктор посоветовал не делать этого, заявив, что больной еще пребывает в том состояния сознания, когда его любовь к императору и почитание могут вызвать эмоциональное волнение, которое только ускорит его смерть. На следующий день Киприани не стало. Он был человеком, выбившимся из низов, он видел многое в жизни и помнил многое. Все это делало беседу с ним весьма интересной и оживленной. Он был надежным человеком, проявлявшим сочувствие к республиканцам и с обожанием относившимся к жирондистам, некоторых из них, ставших его друзьями, он хорошо знал. Так пусть же на этих страницах он будет почтен той памятью, которую я храню о нем.

Император попросил меня подготовить список его вещей и документов. Он дал мне указание передать все это гофмаршалу, которому предстояло направить соболезнования императора г-же Киприани в связи с кончиной ее супруга, а также распоряжение о выплате ей пенсии в качестве доказательства его добросовестной службы у императора. Гроб с телом Киприани на кладбище сопровождал протестантский священник. В связи с этим, а также в связи с обрядом крещения детей графинь Бертран и Монтолон, родившихся в Лонгвуде, император выразил сожаление, что в этом месте не было священника, который мог бы присутствовать у постели больного в его последние часы и затем проводить тело умершего к его могиле. Озабоченный этой мыслью, он позднее дал указание графу Бертрану написать письмо кардиналу Фешу с просьбой направить на остров Святой Елены образованного французского или итальянского священника, с которым он мог бы общаться. Эта смерть вызвала у всех нас глубокую скорбь[287].

Через месяц после этой смерти случилась другая. Смерть настигла горничную, обслуживавшую дочь графини де Монтолон, мадемуазель Наполеоне. Подобно Киприани, она ушла в мир иной в течение нескольких дней. Эта женщина была англичанкой. Все были удивлены той быстротой, с которой смерть расправилась с этой молодой женщиной, отличавшейся на редкость хорошим состоянием здоровья.

Со времени появления генерала Гурго в коттедже «Бейль» его ни на минуту не оставлял лейтенант Джэксон. В течение всего долгого месяца, когда он покинул Лонгвуд, генерала могли видеть и составить ему компанию только уполномоченные представители союзников. Перед отъездом в Европу генерал высказал пожелание поговорить с гофмаршалом, но последний заявил, что он откажется от беседы с генералом, если администрация острова будет настаивать на присутствии

британского офицера во время этой беседы. В свою очередь губернатор твердо придерживался необходимости выполнения этого условия встречи. Тем не менее он позволил д-ру О'Мира повидаться с генералом Гурго до его отъезда. Но, поскольку свидание проходило в присутствии г-на Джэксона, который ни на минуту не оставлял их одних, генерал не мог передать через доктора что-либо о своих разговорах с уполномоченными представителями союзников и с самим губернатором, что могло бы представить интерес для императора. Генерал Гурго покинул остров Святой Елены 15 марта 1817 года, захватив с собой чек на 20 000 франков, который ему передал гофмаршал.

Как я уже говорил ранее, император хотел, чтобы этих господ работа отвлекала от их жизни в Лонгвуде. Но из четырех человек, которые делили эту работу, остались только двое — и один из этих двоих уходил от него в девять часов вечера. Поэтому большая доля работы ложилась на плечи генерала Монтолона. Произошло следующее: гофмаршал отрешился от некоторых семейных забот, чтобы проводить больше времени с императором, но все же граф де Монтолон — несмотря на то, что гофмаршал по-прежнему пользовался полным уважением императора и сохранял с ним свою старую дружбу, — стал тем человеком, который делил с императором его ежедневные привычки и взаимную привязанность до самого дня кончины императора. Граф де Монтолон стал полностью человеком императора, и эта жертвенность приобрела еще более законченный характер, когда состояние здоровья графини вынудило ее вернуться в Европу. Если я и упоминаю о той небольшой роли, которую я играл в повседневной жизни императора, стараясь быть ему полезным или в его работе, или в чтении вслух для него, то делаю это потому, что я счастлив, что в рамках моих скромных возможностей содействовал тому, чтобы облегчить его страдания на этой ужасной скале и тем самым заслужить почетное звание его друга, которым он наградил меня, вписав мое имя в своем бессмертном завещании.

Обязанности дворецкого были переданы г-ну Пьеррону, заведующему кладовой, скромному человеку, который вырос в условиях хозяйственной службы императора и последовал за ним на остров Эльба. Как и Киприани, он каждую неделю отправлялся в город в сопровождении солдата, которому вручал вожжи от лошади по прибытии на место. Получив возможность свободно ходить куда ему заблагорассудится, он заходил в различные магазины и лавки без всякого присмотра и, подобно Киприани, мог получать или передавать торговцам острова письма или небольшие пакеты, которые ему доверяли. В свою очередь, граф

де Монтолон стал чаще совершать конные прогулки, чем во времена генерала Гурго; иногда он заезжал в город и, если там встречал уполномоченных представителей союзников, обычно докладывал императору о своих беседах с ними, что давало пищу для дальнейшего обсуждения. Император также нашел драгоценный источник отвлечения от серых будней в лице графини де Монтолон, которая, по мнению императора, соединяла в себе яркую индивидуальность с твердостью характера, редко встречающуюся у представительниц слабого пола. Графиня Бертран проводила с императором несколько часов в обсуждении новостей, которые д-р О'Мира более не мог доставлять императору, так как ему было запрещено покидать территорию Лонгвуда.

Беседы, работа, немного конных прогулок или поездки в карете, а также пешие прогулки — такова была жизнь императора после отъезда генерала Гурго, если болезнь не держала его дома. Когда г-н Балькум и его семья приехали в Лонгвуд перед своим отъездом с острова, то на пропуске, выданном губернатором, значилось «повидаться с графиней Бертран», но как только эта семья появлялась в Лонгвуде, то ее члены, и особенно юные девушки, не могли устоять против естественного желания увидеться с императором. Император, проявляя доброту, оказывал любезный прием своим гостям, желая отблагодарить их за теплое гостеприимство, предоставленное ему в коттедже «Брайерс». Давая устное поручение главе этой семьи, император сопроводил это поручение подарком и чеком в лондонский банк на сумму в 72 000 франков. Император также передал г-ну Балькуму сертификат на выдачу ежегодной пенсии в размере 12 000 франков, попросив позаботиться о его делах в Европе. Император обратился с просьбой к г-ну Балькуму о встрече с его семьей, чтобы рассказать о том бесстыдном обращении, которому он подвергался на острове. Г-н Балькум, не нарушив своего долга перед лицом британского правительства, смог выполнить пожелания императора. Губернатору сообщили, что г-н Балькум позволил себе навестить генерала Бонапарта, не получив на это разрешения, в связи с чем губернатор не стал скрывать своего чрезвычайного раздражения. Император с удовлетворением узнал, что по возвращении в Англию г-н Балькум был назначен генеральным поставщиком для Новой Голландии. Своим преемником на его фирме на острове Святой Елены г-н Балькум назначил г-на Хауера, который ранее был представлен императору.

Резко обострилась проблема с бюллетенями о состоянии здоровья императора; он узнал, что эти бюллетени, вручаемые

иностранным представителям, подписывались доктором, которого император не видел; это был д-р Бакстер, тот самый человек, которого сэр Хадсон Лоу так стремился приставить к персоне императора. Граф де Монтолон выяснил это в доме маркиза де Моншеню, и в качестве доказательства обмана он захватил с собой в Лонгвуд экземпляр фальшивого бюллетеня, который ему разрешили взять. Очевидность существования фальшивых бюллетеней была доказана безоговорочно. Император выразил протест против подобного оскорбления в письме, продиктованном графу де Монтолону и направленном в «Колониальный дом». Три других письма, тайно переправленных уполномоченным представителем союзников на следующий день, проинформировали их о протесте императора губернатору по поводу фальшивых бюллетеней. Чрезвычайно смущенный этим ударом, Лоу пытался объяснить гофмаршалу свое поведение тем, что уполномоченным представителям союзников он вручал не бюллетени о состоянии здоровья императора, а только протоколы, составленные главным врачом острова на основании устных отчетов д-ра О'Мира.

Узнав о домашнем аресте д-ра О'Мира, император заявил, что он не будет принимать его услуги, пока не отменят домашний арест, и не желая, чтобы его врач подвергался дисциплинарным взысканиям, император потребовал, чтобы д-р О'Мира представил «Колониальному дому» свое заявление об отставке. Губернатор не посмел взять на себя такую большую ответственность; он приостановил решение о домашнем аресте доктора и информировал об этом гофмаршала официальным уведомлением. Но в душе он затаил всю злость, вызванную историей с фальшивыми бюллетенями, в которой оказались замешанными уполномоченные представители союзников, посчитавшие ее весьма безнравственной.

Вследствие отмены своего домашнего ареста, д-р О'Мира возобновил обслуживание императора, но все ждали получения приказа из Лондона о вынужденном отъезде доктора из Лонгвуда. Он вновь получил возможность разъезжать по острову, ездить в город и вступать на борт кораблей эскадры. Когда доктора вызывали для доклада Хадсону Лоу, то ему приходилось выслушивать от губернатора на редкость грубые замечания. Об этих официальных нападках на доктора стало известно императору, который заявил д-ру О'Мира: «Вы более не обладаете необходимой независимостью, чтобы заботиться о моем здоровье; я бы предпочел, чтобы вы лучше оставили меня, чем знать, что вы подвергаетесь подобному обращению. Для них я прожил слишком долго; больше всего они хотят, чтобы я умер в собственной

постели, лишенный какой-либо помощи». В это время император в самом деле был прикован к постели серьезной бронхиальной инфекцией, прервавшей лечение его печени.

Так как д-р О'Мира предвидел, что теперь в любой день губернаторский гнев против него может вызвать приказ покинуть Лонгвуд, то он настоятельно просил императора вызвать для консультации д-ра Стокоу[288], врача корабля «Завоеватель». Д-р О'Мира представил императору этого врача и очень просил императора вызывать к себе именно этого человека, если его самого заставят покинуть Лонгвуд, поскольку д-ру О'Мира было известно о том отвращении, которое почувствует император при виде д-ра Бакстера. Однако визиты д-ра Стокоу к императору не могли понравиться подозрительной натуре Хадсона Лоу. В глазах губернатора приглашение доктора с эскадры, когда в городе было так много хороших врачей, означало попытку установить контакт с внешним миром. Исходя из этого, губернатор подверг д-ра Стокоу такому допросу, что после второго визита к императору д-р Стокоу решил написать адмиралу Плэмпину и заявить, что он более не сможет вернуться в Лонгвуд.

Когда в гавань Джеймстауна прибыл корабль, доставивший несколько экземпляров брошюры с комментариями императора по поводу речи лорда Батхерста и несколько номеров «Эдинбург ревью»[289], упоминавших о поведении сэра Хадсона Лоу в отношении императора, все эти печатные материалы были немедленно скуплены сэром Томасом Ридом для того, чтобы они не попали в Лонгвуд. Однако дворецкий, побывавший в городе, сумел достать их и привезти графу де Монтолону, который передал их императору. Месяц спустя Хадсон Лоу узнал о том, что эти публикации оказались в Лонгвуде и что император с удовольствием прочитал их. Губернатор не сомневался в том, что именно д-р О'Мира добыл их. Д-р О'Мира по телеграфу был вызван в «Колониальный дом». Последовавшая беседа с губернатором проходила весьма бурно, раздражение сэра Хадсона Лоу достигло своего пика; твердые и полные чувства собственного достоинства ответы д-ра О'Мира были теми последними каплями, которые переполнили чашу. Через несколько дней угроза выслать его с острова была приведена в исполнение. Бриг, прибывший из Европы 25 июля, доставил губернатору приказ о выдворении д-ра О'Мира из Лонгвуда. В тот же день, не обращая внимания на состояние здоровья императора, который, как было известно губернатору, болел, сэр Хадсон Лоу направил в Лонгвуд следующие письма:

«Колониальный дом», 25 июля 1818 года

Сэр!

Имею честь информировать вас, чтобы вы могли довести до сведения Наполеона Бонапарта, что в соответствии с полученными от графа Батхерста инструкциями от 16 мая 1818 года я должен запретить г-ну О'Мира любой вид обслуживания его персоны и что, соответственно, я дал указание, чтобы г-н О'Мира покинул Лонгвуд. По этому же случаю контр-адмирал Плэмпин получил от лорда комиссара адмиралтейства инструкции, касающиеся г-на О'Мира в отношении его отъезда с острова.

В связи с отъездом г-на О'Мира граф Батхерст направил дальнейшие инструкции, в соответствии с которыми я должен возложить на д-ра Бакстера обязанности врача Наполеона Бонапарта всякий раз, когда это потребуется; и особенно я должен рекомендовать д-ру Бакстеру, чтобы он рассматривал состояние здоровья Наполеона Бонапарта как главную цель своей врачебной деятельности. Информируя Наполеона Бонапарта об этом новом порядке его медицинского обслуживания, я в то же время обязан поставить его в известность, что в том случае, если по какой-либо причине он будет неудовлетворен деятельностью д-ра Бакстера в качестве его лечащего врача или если он предпочтет в этом качестве любое другое лицо, занимающееся лечебной практикой на острове, то я готов пойти навстречу его пожеланиям в этом вопросе и разрешить его лечение любому доктору, выбранному им самим, при условии, что он будет строго придерживаться соответствующих инструкций.

Информировав г-на О'Мира о полученном указании о его отъезде, я ознакомил г-на Бакстера с необходимыми инструкциями. Соответственно, он будет готов последовать в Лонгвуд по первому же приглашению или же тогда, когда ему дадут понять, что его там желают видеть. В то же время, до тех пор, пока меня не смогут поставить в известность о личных пожеланиях Наполеона Бонапарта по этой проблеме, я приму необходимые меры, чтобы в распоряжении Лонгвуда оставался офицер-медик на тот случай, если появится причина для его немедленного вызова.

Остаюсь и т. п.

(Подписано) Хадсон Лоу, генерал-лейтенант.

Сэр!

Генерал-лейтенант Хадсон Лоу попросил меня информировать вас о том, что, следуя инструкциям от 16 мая 1818 года, полученным им от графа Батхерста, ему было указано освободить вас от должности, которую вы занимаете, оказывая медицинскую помощь генералу Бонапарту, и запретить вам любые дальнейшие контакты с жителями Лонгвуда.

Соответственно, вы немедленно, по получении этого письма, должны покинуть Лонгвуд, прекратив полностью любые другие контакты с людьми, проживающими в Лонгвуде.

Остаюсь и т. п.

(Подписано) Виньярд, подполковник, секретарь.

Д-р О'Мира, не обращая никакого внимания на то обстоятельство, что ему было запрещено делать это, немедленно поспешил к императору, чтобы сообщить ему о содержании письма, которое он только что получил. Император, казалось, не был удивлен этой новостью и сказал доктору, что он в любое время ждал этого нового возмутительного случая. Император сказал доктору, что он должен делать по прибытии в Европу, и настоятельно просил его встретиться с его семьей и с королем Жозефом. «Попросите их, — заявил император, — передать вам личные и конфиденциальные письма императоров Александра и Франца, короля Пруссии и других европейских монархов, которые они адресовали мне; опубликуйте эти письма, чтобы покрыть позором всех этих монархов и продемонстрировать всему миру то преклонение передо мной, когда они стремились добиться моей благосклонности или просили сохранить для них их троны[290]. Когда я обладал силой и властью, они домогались моего покровительства и считали за честь быть в союзе со мной. В настоящее время они, невзирая на мой пожилой возраст, растаптывают меня. Убирая вас от меня, доктор, они тем скорее совершают преступление. Если вы узнаете о публикации клеветы, направленной против меня, то постарайтесь опровергнуть ее и сделайте все возможное, чтобы в Европе была известна вся правда о том, что творится здесь. Ваши министры, — заявил император доктору, — на самом деле бесстыдные люди. Когда Папа Римский был моим пленником, я бы скорее отдал руку на отсечение, чем подписал приказ о том, чтобы оставить Папу Римского без его врача».

Д-р О'Мира увез с собой свидетельство необыкновенной щедрости императора, равной его доверию к доктору, которое

последний заслужил своим поведением. На каминной доске стояла небольшая бронзовая статуэтка императора, отлитая в период «Ста Дней», которую я привез из Франции вместе с другим вещами императора. Император заметил, что д-р О'Мира с интересом рассматривал эту статуэтку; император снял статуэтку с камина и вручил ее доктору[291] вместе с собственноручно написанной запиской: «Если он увидит мою добрую Луизу, то я прошу ее разрешить ему поцеловать ее руку». Император пожал руку д-ра О'Мира, обнял его и, прощаясь, добавил: «Будьте счастливы». Уже когда доктор покидал комнату, император позвал его обратно и сказал ему: «Скажите леди Холланд, как я благодарен ей за всю ее доброту».

Когда доктор покинул комнату императора, я успел сказать ему, насколько злополучным считаю его несвоевременный отъезд. Состояние здоровья императора ухудшалось на глазах, а мы в предстоящем будущем оставались без врачебных рекомендаций, которым необходимо было следовать. Прощаясь с д-ром О'Мира, я поблагодарил его за исключительно внимательную заботу, проявленную к жителям нашей колонии, и пожелал ему благополучного путешествия.

Дурной поступок свершился: д-р О'Мира был отлучен от императора в то самое время, когда он особенно нуждался в нем. Император испытывал трудности с пищеварением, его ноги слегка опухли, и у него возникли боли в боку. Негодование императора достигло своего пика: он дал указание графу де Монтолону написать письмо губернатору, которое через дежурного офицера было переправлено в «Колониальный дом»:

> *Лонгвуд, 25 июля 1818 года*
> *Сэр!*
> *Я получил ваше письмо в 6 часов вечера. Я не могу передать его императору до завтрашнего утра, потому что сегодня он чувствует себя исключительно плохо. Пока я переводил его, я заметил, что вы допустили ошибку. Вы считаете, поскольку он вызывал д-ра Стокоу для консультации, что он может пользоваться его услугами в качестве постоянного врача. Если он будет лишен этого, он ничего и ни от кого не примет и будет считать себя убитым вами.*
> *Остаюсь и т. п.*
> *(Подписано) Монтолон.*

Поспешность, с которой доктор покидал Лонгвуд, не позволила ему оставить мне что-либо из лекарств, кроме тех средств, которые в текущий момент находились в комнате

императора, а именно: ртутные пилюли, которыми император пользовался очень неохотно, слабительная соль и мазь, которой он натирал ноги. Прибыв в город, доктор не забыл о своем пациенте и на следующий день после отъезда из Лонгвуда направил следующее подробное послание гофмаршалу:

Отчет д-ра О'Мира гофмаршалу о заболевании императора.

В течение последних дней сентября развились симптомы, указывающие на нарушение работы печени. До этого периода Наполеон часто подвергался дыхательным инфекциям, испытывал головные боли и приступы ревматизма, но теперь все эти болезни усугубились; его ноги, включая ступни, стали опухать.

Его десны приняли рыхлый вид, свойственный заболеванию цингой, и у него появились признаки диспепсии.

1 октября 1817 года. Острые боли, жар, ощущение тяжести в районе правой брюшной полости. Эти симптомы сопровождались диспепсией и запором.

С этого времени болезнь не покидала его; она прогрессировала медленно, но непрерывно. Боль, поначалу слабая, усилилась до такой степени, что я опасался острого гепатита. Обострение заболевания является результатом тяжелой респираторной инфекции.

Были поражены три коренных зуба. Из-за этого, как я думаю, они, частично, явились причиной воспаления мышц челюсти и нервных тканей. Помимо этого, как я считаю, они вызывали респираторные инфекции. С соответствующими интервалами я вырвал их, и болевые приступы с того времени стали менее частыми.

Для того чтобы справиться с рыхлостью десен, напоминавшей заболевание цингой, я посоветовал увеличить прием овощей и цитрусовых фруктов. Это дало положительные результаты; рыхлость десен исчезла, их прежний вид восстановился и их вновь можно чистить прежними средствами.

Слабительные средства и массаж значительно улучшили состояние ног. Через некоторое время они вновь стали опухать, но гораздо в меньшей степени. Слабительные средства, горячие ванны и обильный пот часто уменьшали болевые ощущения в области брюшной полости, но никогда полностью не вылечивали их. Боль ощутимо усиливалась в апреле и мае, становилась

судорожной и вызывала сначала запор, затем диарею, за которой следовало обильное выделение желчи и слизи. В то же самое время больной испытывал желудочные боли и скопление газов в кишечнике, отсутствие аппетита, ощущение вялости, состояние тревожности, лицо больного бледнело, белки его глаз желтели, его моча имела очень темный цвет, больной испытывал душевную усталость, у него усиливались головные боли. Болевых ощущений в левом боку не было. Пациент испытывал ощущения жара в нижней правой стороне брюшной полости, время от времени случались приступы тошноты и рвоты едкой и густой желчью, которые усиливались обострением боли. Он страдал почти абсолютной бессонницей, недомоганием, слабостью.

Возвращались болезненные ощущения в ногах, но не такие острые, как вначале. Головные боли, состояние тревоги, болезненная напряженность в области живота, сильное лихорадочное состояние с наступлением вечера, воспаление кожного покрова, жажда, болевые ощущения в сердце, частый пульс; с рассветом более ровный пульс, потливость — таковы постоянные симптомы заболевания пациента. Обильное потоотделение способствовало исчезновению лихорадочного состояния. При внешнем нажатии в правой стороне брюшной полости можно было ощутить заметную припухлость. Язык почти постоянно обложен, пульс, который до заболевания был равен от 54 до 60 ударов в минуту, в настоящее время участился до 98 ударов, чувствовалась боль над лопаткой. Для того чтобы стимулировать работу желудка и печени и способствовать секреции желчи, я применял два слабительных; это приносило облегчение, но на короткое время. В первых днях июня результаты лечения были слабыми и скоротечными. Я предложил ртутные пилюли, но пациент отнесся к ним с чрезвычайной неохотой; он отказался от применения ртути, независимо от того, в какой форме она была представлена.

Я также рекомендовал конные прогулки, массаж щеткой в области брюшной полости, использование фланелевого нижнего белья, прием горячих ванн, некоторые средства для лечения, развлечения, соблюдения диеты, домашний режим в плохую погоду, чтобы не подвергать себя ее крайним проявлениям. Он пренебрегал двумя наиболее важными элементами лечения —

физическими упражнениями и развлечениями. Наконец, 11 июня мы преодолели его антипатию к ртутным пилюлям и я смог назначить их ему. Он принял ртутные пилюли и продолжал лечение ими вплоть до 16 июня. Я давал их ему ночью и утром и время от времени другие слабительные средства, чтобы освободить его от запоров. По прошествии шести дней я изменил прописанное лекарство и назначил ему хлористую ртуть, но она вызвала боли в животе, рвоту, диарею и общее тревожное состояние; в результате я прекратил давать ему это средство. Вновь я прописал ему хлористую ртуть 19 июня, но она вызвала те же самые расстройства в желудке. Я вновь вернулся к ртутным пилюлям, которые давал ему три раза в день, и прервал этот курс лечения 27 июня. Воздух в его апартаментах был чрезвычайно влажным; Наполеон подхватил сильную респираторную инфекцию, впал в сильнейшее лихорадочное состояние и чрезвычайно возбудился. Я вновь прописал ему ртутные пилюли 2 июля, и он продолжал принимать их вплоть до 9 июля, но они не принесли ему облегчения. Слюнные железы были по-прежнему в том же состоянии, бессонница и возбудимость усилились, а периоды головокружения участились. Два года бездеятельности, убийственный климат, плохо проветриваемые комнаты, исключительно дурное обращение, изоляция, заброшенность, все что подавляет моральный дух, все это действует вместе. Разве это удивительно, что печень стала плохо функционировать? Если и было что-либо удивительное, так это то, что болезнь не прогрессировала намного быстрее. Это произошло только благодаря силе духа пациента и крепости его телосложения и т. п.

Ночь, последовавшая после отъезда д-ра О'Мира, оказалась очень плохой: император жаловался на лихорадочное возбуждение, которое ослабело только к утру и позволило ему немного поспать. Днем гофмаршал принес ему медицинский отчет д-ра О'Мира. Он распорядился, чтобы ему прочитали этот отчет до того, как он станет принимать ванну. Он пригласил к себе графа Бертрана и продолжал беседовать с ним все время, пока находился в ванне.

Отчет д-ра О'Мира был оставлен на столе; я прочитал его до самого конца и ужаснулся. В отчете я обнаружил много рекомендаций, хотя и предписанных, но не всегда выполняемых,

несмотря на обещания, дававшиеся доктору, особенно в отношении лекарств, принимаемых внутрь. Это сопротивление медицине вполне могло быть причиной страданий императора. И что могло принести ему облегчение сейчас, когда он оказался без врача? Я весь был погружен в грустные мысли, вызванные чтением отчета д-ра О'Мира, когда гофмаршал, только что покинувший императора, сообщил мне, что император хочет выйти из ванны.

После ванны император лег в постель, как это он часто делал, чтобы отдохнуть минут тридцать, а затем уже одеться. Он находился в постели не более десяти минут, когда почувствовал тошноту, которая привела к сильнейшей рвоте; такое на острове Святой Елены случилось впервые. На Эльбе случалась подобная тошнота, но с тех пор ее не было. Теперь же все было по-другому; сначала приступы случались с большими интервалами, затем с меньшими, и, когда император окончательно слег в постель, они не прекращались до самой его кончины. Я чувствовал себя в большой растерянности в отношении того, что именно я должен давать ему: я всячески избегал возможности предложить императору помощь со стороны д-ра Верлинга[292], врача артиллерийской части, который заменил д-ра О'Мира. Отказавшись от подслащенной воды с небольшой добавкой апельсинового сока, которую я предложил ему, император сказал мне, что его желудок успокаивается, но его крайне беспокоит кишечник. Он вызвал к себе графа де Монтолона, с которым провел несколько часов.

В течение длительного времени император жаловался на боль в боку и на острую боль в правом плече, которое он просил меня массировать одеколоном. То же самое он делал в отношении болей в боку; сначала он массировал его мягкой щеткой, затем выливал немного одеколона на ладонь и массировал то место в боку, где ощущал боль. Все это было паллиативной процедурой, тогда как ему требовались сильные лечебные средства. Однажды я отважился сказать императору, что приготовил для него пилюли, которые доктор оставил мне, а также мазь для массажа ног. «Что касается последнего, — заявил император, — то это прекрасно, но что касается всего другого, то ты можешь все это швырнуть в камин».

Медицинский отчет д-ра О'Мира был направлен в Рим. Мадам Мер и кардинал Феш вручили его для оценки лучшим докторам, которые по нему составили свое заключение. Это заключение прибыло на остров Святой Елены десять месяцев спустя, когда болезнь императора достигла еще более запущенной стадии. Заключение было подписано д-ром

Маккиели, врачом мадам Мер, и некоторыми университетскими профессорами — Жан-Батистом Бомба, Пьером Лапи, Доминик Моричини и Жозефом Сиско[293], все они были врачами очень высокой квалификации. Доверие нельзя навязать; император любил беседовать со своим врачом о его искусстве или на посторонние темы, если этот человек был способен понимать его, но император чувствовал громадное отвращение ко всем видам лечения. Он обычно боролся с болезнью с помощью поста, когда чувствовал себя нездоровым, и любил повторять, что человек ест гораздо больше того, что ему необходимо для выживания. Он часто говорил своему врачу: «Я — избалованный ребенок, я никогда не нуждался в каких-либо врачах. Мое тело выковано из стали, и для того, чтобы уничтожить его, требуется отвратительный климат, а именно тот, в который они меня швырнули». За несколько дней до отъезда из Лонгвуда д-р О'Мира настоятельно просил императора принять немного чэтэмовской соли. Император никак не мог решиться принять это средство, опасаясь, что оно вызовет рвоту. Я предложил ему эту соль, разбавленную в требуемом количестве воды; прежде чем он проглотил лекарство, он сказал мне, чтобы я принес ему серебряный таз, несомненно уверенный в том, что, как только он проглотит лекарство, у него сразу же начнется приступ рвоты. Этого не случилось, но отвращение к этому лекарству заставило его пребывать в плохом настроении весь день, и вечером, когда доктор вернулся из города, император сказал ему: «Доктор, ваше лекарство пригодно для лошадей, но не для людей».

Я помню, как в тот же вечер доктор рассказывал императору о дискуссии, разгоревшейся в городе между офицерами гарнизона по вопросу о том, был ли Ней честен, когда обещал королю, что двинется навстречу императору, возвращавшемуся с острова Эльба, чтобы сражаться с ним. «Ней был честен, — пояснил император, — давая обещания Людовику XVIII, когда уходил от него после аудиенции с ним; но энтузиазм народа, свидетелем которого он был на своем пути, а также энтузиазм, охвативший его собственную армию, поколебал его решимость. Письмо Бертрана, в котором ему был дан приказ двинуть свои войска навстречу мне, и уверенность в том, что он будет принят мною так же, как и на следующий день после московской битвы, заставили его принять окончательное решение и пробудили в нем преданность ко мне и патриотизм. Он приехал, чтобы увидеться со мной, в Осер, где я провел ночь, и мы обнялись, словно два брата. Его смерть является актом мести со стороны Бурбонов, которые посчитали нужным переложить на него весь позор их бегства».

Состояние здоровья императора, предоставленного самому себе после отъезда д-ра О'Мира, становилось все хуже и хуже. Обычно он старался справиться с частыми недомоганиями тем, что пил горячий лимонад, и ослабить головные боли, прибегая к ножным ваннам. Если его живот начинал вздуваться, то он обычно пил куриный бульон. Для своих ног он применял массаж в соответствии с рекомендациями д-ра О'Мира: его ноги всегда были холодными, и он никак не мог их согреть, когда ложился в постель и когда вытягивался во весь рост на своем канапе, если не прикладывал к ним горячие полотенца. Он также обычно прикладывал горячие полотенца к боку и животу, если чувствовал в тех местах, как он говорил, некую «твердость». Его страдания прекращались в ту минуту, как только он оказывался в горячей ванне; именно поэтому он каждый день принимал горячую ванну, с удовольствием оставаясь в ней в течение двух часов, позволяя постоянно литься струйке горячей воды, чтобы поддерживать в ванне одну и ту же температуру. Ухудшение состояния его здоровья было очевидным; гофмаршал и граф де Монтолон настоятельно просили императора, чтобы он более не оставался без помощи врача, и предлагали ему д-ра Верлинга, заменившего д-ра О'Мира.

В течение нескольких месяцев д-р Верлинг занимался решением проблемы, возникшей у графини де Монтолон в связи с заболеванием печени после ее последней беременности. Это заболевание, судя по всему, стало препятствием для обычного курса лечения. Графиня Бертран считала, что д-р Верлинг прекрасно лечит и ее саму, и ее детей, но император наотрез отказался от услуг д-ра Верлинга. Этот отказ не был связан непосредственно с личностью д-ра Верлинга, но был адресован губернатору, который, назначая императору именно этого врача, тем самым имел бы при императоре человека, выбранного им самим. Император считал д-ра Верлинга абсолютно честным человеком, он несколько раз беседовал с ним на борту корабля «Нортумберлэнд» или во время обеда, когда к столу императора приглашался доктор, или во время прогулок императора на палубе корабля. Он предпочел, чтобы сама природа позаботилась о его спасении или о его смерти. Если я брал на себя смелость сказать ему, что он слишком много времени уделяет работе и недостаточно физическим упражнениям, то он обычно смотрел на меня с улыбкой и отвечал: «Сынок, я мертвый человек; они жалеют для меня даже воздух, которым я дышу. От меня зависит, чтобы я нашел, благодаря моей работе, немного цветов, чтобы бросить их на тропинку, ведущую меня к моей могиле. Разве я время от времени не выхожу в мои сады? Разве я не езжу в

карете? Чего еще ты хочешь? Мне прекрасно известно, что хорошая конная прогулка на протяжении семи или восьми лье пошла бы мне на пользу и восстановила мое спокойствие; но каким образом я могу сделать это на скале, где даже нет достаточного места, чтобы пустить коня в полный галоп!»

Губернатор прекратил настаивать на том, чтобы император принял д-ра Бакстера. Благодаря частым прогулкам, которые император совершал из своей спальной комнаты в сад, капитан охраны был в достаточной степени информирован о присутствии своего пленника в Лонгвуде и об ухудшении состоянии его здоровья, судя по тем незначительным физическим упражнениям, которые он позволял себе, прогуливаясь в саду. Губернатор решил расширить границы территории Лонгвуда, и последние недели 1818 года обошлись без тех гонений, которым подвергались жители Лонгвуда в течение предшествовавшего периода.

Благодаря информации, переданной губернатором гофмаршалу, император узнал, что с кораблем, прибывшим из Европы, поступила новость о том, что лорд Батхерст объявил об отъезде из Италии двух священников, врача, дворецкого и повара, направленных кардиналом Фешем на остров Святой Елены, чтобы они служили в Лонгвуде. Император и все мы были очень обрадованы этой новостью. Таким образом императору предстояло получить медицинскую помощь, которой он был лишен, а также некоторую пищу для своего ума, если священники и врач были образованными людьми, чему верить у нас были все причины. Прибытие нового повара нами также весьма приветствовалось, поскольку тот, который заменил Лепажа, стряпал весьма скверно.

С тем же кораблем прибыли газеты, сообщавшие незначительные новости; но вечером гофмаршалу передали два письма, которые он сразу же принес императору. Одно письмо было от графа де Лас-Каза и другое — от генерала Гурго: и тот и другой стремились воодушевить императора и вселить в него некоторую надежду. Из Лондона генерал Гурго написал следующее письмо императрице Марии Луизе:

Госпожа!

Если Ваше Величество будете столь добры и вспомните наш разговор в 1814 году в Гросбуа, когда, увидев вас, к сожалению, в последний раз, я сообщил вам обо всем, что императору пришлось пережить в Фонтенбло, то я надеюсь, что вы простите меня за то, что я в настоящее время выполняю печальную обязанность информировать вас о том, что император

Наполеон умирает в величайших муках и в условиях продолжительной агонии. Да, Госпожа, человек, с которым вы объединены божественными и человеческими законами посредством самых священных уз, человек, перед которым, как вы видели сами, преклонялись почти все монархи Европы, человек, о судьбе которого вы пролили столько слез, когда он прощался с вами, в настоящее время умирает самой жестокой смертью, плененный на скале в самой середине океана, в 2000 лье от всех тех, кто так дорог его сердцу, совершенно один, без друзей, без родственников, без новостей о своей супруге и о своем сыне и без какого-либо утешения.

С того момента, как я покинул эту роковую скалу, я надеялся, что смогу приехать к вам и рассказать о его страданиях, уверенный во всем том, что сможет предпринять ваша благородная душа; моя надежда не оправдалась. Я узнал, что никто, кто мог бы напомнить вам об императоре, описать положение, в котором он оказался, сообщить вам всю правду, не может быть допущенным к вам — другими словами, вы окружены членами вашего императорского двора, который служит тюрьмой. Император подозревал об этом; в минуты его физических и душевных страданий, когда, чтобы как-то утешить его, мы говорили ему о вас, он часто отвечал: «Вы можете быть уверены в том, что, если императрица ничего не делает, чтобы облегчить мои страдания, то это потому, что ее содержат в окружении шпионов, которые препятствуют ей в том, чтобы она что-то узнала о тех страданиях, которым я подвергаюсь, ибо Мария Луиза — сама добродетель».

Лишенный удовольствия приехать, чтобы увидеть вас, я пытался со времени моего прибытия в Европу направить вам некоторые новости. И только сейчас, когда мне была предложена надежная возможность, я спешу воспользоваться ею, чтобы направить вам это письмо, полное надежды и доверия в великодушие вашего характера и в доброту вашего сердца. Страдания императора могут продолжаться долгое время; но есть время, чтобы спасти его, и, судя по всему, момент для этого хорошо выбран. Монархи собираются встретиться на конгрессе в Э-ла-Шапеле. Представляется, что страсти уже поутихли: Наполеона можно более не опасаться, он настолько несчастен, что благородные души могут только проявить интерес к его судьбе.

Учитывая эти обстоятельства, я прошу Ваше Величество подумать о том результате, к которому приведет такой замечательный поступок с вашей стороны, как ваше появление на этом конгрессе с ходатайством о прекращении страданий императора и ваша просьба к вашему августейшему отцу приложить совместные с вами усилия к тому, чтобы добиться передачи Наполеона под опеку вашего отца, если политические обстоятельства пока еще не позволяют полностью отпустить его на свободу. Даже если подобная попытка не приведет к окончательному успеху, все равно судьба императора сможет быть значительно облегчена. Какое утешение ему принесет известие о том, что вы действуете подобным образом! Госпожа, и какой счастливой будете вы; какой похвалы и каких благословений вы удостоитесь в результате такого поступка, продиктованного вам вашей религией, честью, долгом, поступка, которого только злейшие враги могут посоветовать вам не совершать.

Будет сказано: европейские монархи, одержав победу над великим Наполеоном, отдали его в руки самых жестоких врагов. Они позволили ему испытывать продолжительные и варварские страдания, его мучительная агония заставила его просить, чтобы его палачи поскорее лишили его жизни; представлялось, что он забыт всеми, но ведь осталась Мария Луиза и жизнь была возвращена ему.

Ах! Госпожа, во имя всего того, что дорого вам, вашей репутации, вашего долга, вашего будущего, сделайте все возможное, чтобы спасти императора. Память о Марии Терезе приказывает вам сделать это.

Прошу извинить меня, Госпожа, за то, что я говорю с вами подобным образом: я отдаю себя во власть чувств, которые испытываю по отношению к вам. Мне бы хотелось видеть вас самой лучшей из всех женщин.

Ваше Величество, разрешите мне напомнить вам, что во время путешествия в Амстердам я заболел и находился при смерти из-за отсутствия надлежащего ухода. И тогда вы, Ваше Величество, узнав об этом, направили ко мне собственного врача с указанием обслужить меня, призвав на помощь все возможности врачебного искусства. Вы спасли мою жизнь, Госпожа, память об этом никогда не исчезнет из моего сердца, и я думаю, что лучше всего смогу выразить свою

благодарность тем, что взял на себя смелость написать вам это письмо.

Остаюсь и т. п.

(Подписано) Генерал Гурго

Лондон, 25 августа, 1818 года.

Это письмо, полное чувства глубокой любви к императору, искренности и благородства, было передано мне для ознакомления только после моего возвращения во Францию. Оно должно послужить тому, чтобы противостоять опрометчивым высказываниям, которые Вальтер Скотт позволил себе обнародовать против генерала, описывая его месячное пребывание в условиях неволи на острове Святой Елены и его прибытие в Европу[294].

Однако генерал Гурго неправ, заявляя в своем письме, что император остался на острове Святой Елены «совершенно один, без друзей, без родственников». Без родственников, да, но без друзей, нет! Нельзя сомневаться в огромной преданности, в глубоком уважении и в искренней дружбе графа Бертрана и графа де Монтолона к императору, чьи заботы о нем были поистине сыновними.

Часть VI
Решающие схватки

Глава двадцатая

Д-р Стокоу — Я заболеваю — Доброта императора ко мне — Отъезд графини де Монтолон — Новые конфликты и переписка с губернатором

Приближались последние месяцы 1818 года. На помощь к императору пришла природа, позволившая нам поверить, что состояние его здоровья улучшается, но это была только видимость. От тягостных дум его отвлекали работа и его маленькие сады. Каждая из дам старалась принести утешение императору, в последние дни декабря вновь появились болезненные симптомы, бывшие предметом особой озабоченности д-ра О'Мира, старавшегося ранее бороться с ними по мере возможностей. Император не принимал никаких мер против капризов погоды. Он обычно сбрасывал с ног фланелевую накидку, которой закутывал ноги, чтобы согреть их, надевал шелковые чулки, небольшие туфли, скрепленные пряжкой, белые полотняные брюки и затем выходил из дома, не обращая внимания на вечернюю прохладу. Задерживаясь допоздна в таком виде, он подхватил простуду, которая поначалу казалась легкой, но вскоре приняла вид серьезного инфекционного заболевания, вызвавшего тошноту, рвоту, озноб и лихорадочное состояние. Возобновились болезненные ощущения в ногах, которые я постарался снять с помощью массажа; но что касается простудного заболевания, то император лечился от него, прибегая только к абсолютно неэффективному средству в виде лакрицы. Император страдал от болезни уже несколько дней, когда наступило 1 января 1819 года. Он не смог, как это было в предыдущие годы, устроить «семейный» обед, как он сам называл его, но он не хотел, чтобы дети из-за его болезни лишались праздника. Он попросил меня принести ему несколько золотых монет и раздал их детям в качестве новогодних подарков.

Гофмаршал и граф де Монтолон решили, что император уже достаточно серьезно болен для того, чтобы настаивать на вызове д-ра Стокоу с корабля «Завоеватель», поскольку император не хотел принимать помощь от д-ра Верлинга, врача, навязанного Хадсоном Лоу. Император напомнил гофмаршалу о переписке, отличавшейся резкими обвинениями, которую он вел с

губернатором во время предыдущих визитов д-ра Стокоу, и заявил, что новый вызов врача только возобновит переписку подобного рода. Однако после настоятельных просьб император 10 января согласился, чтобы гофмаршал вызвал этого врача. 17 января, поскольку гофмаршал не получил каких-либо новостей от врача, а состояние здоровья императора становилось все хуже и хуже, он вновь написал врачу, настаивая, чтобы тот явился как можно скорее, так как состояние императора ухудшалось с каждым днем.

Врач приехал только 19 января. Он попросил извинения за все те трудности, которые ему пришлось преодолеть, чтобы приехать в Лонгвуд, и заявил, что, судя по тем препятствиям, которые ему чинили на пути к пациенту, он почти уверен в том, что на следующий день подобного разрешения на визит в Лонгвуд уже не получит. Приведенный к постели императора, он тщательно осмотрел его и обнаружил симптомы, уже описанные д-ром О'Мира. Он предложил кровопускание и прописал некоторые пилюли, которые нужно было принимать каждый день, и массаж ног. Опасаясь, что он более не будет допущен к своему пациенту, д-р Стокоу написал гофмаршалу письмо с рекомендацией соблюдать определенную диету и, принимая во внимание серьезность болезни, настоятельно просил знаменитого пациента воспользоваться услугами д-ра Верлинга в том случае, если ему самому будет отказано в чести ухаживать за больным. Гофмаршал предложил, чтобы он заменил д-ра О'Мира в качестве лечащего врача императора на условиях, обусловленных губернатором. Д-р Стокоу ответил, что он примет эти условия, если губернатор и адмирал не будут возражать против этого.

Информированный гофмаршалом о решении д-ра Стокоу, император продиктовал графу де Монтолону следующее послание, которое надлежало направить в «Колониальный дом»:

> *Д-р Стокоу должен остаться в Лонгвуде, если ему следует продолжить лечение, прерванное в результате отъезда д-ра О'Мира, а именно, шесть месяцев назад. За это время гепатит, первые симптомы которого были замечены еще шестнадцать месяцев назад, значительно прогрессировал. Общее состояние здоровья императора находится в полном расстройстве: необходимо, чтобы д-р Стокоу навещал пациента несколько раз в день.*
>
> *Приступ, случившийся позавчера, является пятым по счету за последние шесть месяцев. Граф Бертран и граф де Монтолон находились у постели пациента, не имея помощи профессионального врача; никогда еще приступы*

болезни не были столь серьезными, как в ту ночь, и в какой-то момент они впали в отчаяние, опасаясь за жизнь императора. Граф Бертран предложил вызвать д-ра Верлинга, но пациент отказался. Само это предложение повлияло в худшую сторону на внешний вид пациента и усилило его болезнь; поэтому граф Бертран в два часа ночи вызвал д-ра Стокоу, который приехал в 6 часов утра. Дежурному офицеру не разрешается писать в город; ему следует запрашивать разрешения губернатора, что вдвое увеличило время на поездку врача, и доктор прибыл слишком поздно. К счастью, крепкий от природы организм пациента преодолел приступ болезни. Таким образом, мы получили подтверждение того, что было заявлено в письме графа де Монтолона, адресованном губернатору 26 июля прошлого года, когда д-р О'Мира, выдворенный из Лонгвуда, все еще находился в городе: «Даже под угрозой смерти император обратится за медицинской помощью только к собственному врачу и примет лекарства только из его рук; если он будет лишен его, то он никого другого не примет и будет считать, что это вы убили его».

Когда в Лонгвуд приехал д-р Стокоу, он отправился побеседовать с генералом Бертраном. Последний предложил ему заменить д-ра О'Мира и показал ему семь статей условий обслуживания императора, направленных губернатору. Д-р Стокоу принял эти условия и затем был препровожден к пациенту.

Таким образом, лечение болезни, которое было прервано на шесть месяцев, вновь откладывалось до прибытия французского врача. Гепатит к этому времени нанесет еще больший ущерб здоровью пациента, став в конце концов неизлечимым. Кто станет убийцей императора? То, что случилось в течение последних шести месяцев, вызывает у нас опасение, что однажды Стокоу может прибыть слишком поздно. И если пациент скончается от этого, то кто будет ответственен за его смерть? Весь мир и история во весь голос отвечают на этот вопрос!

Лонгвуд, 19 января 1819 года.

Губернатор ответил следующим образом на это письмо, которое не было подписано:

Ни одно из сообщений относительно Наполеона Бонапарта не может быть принято, если оно не

подписано им лично или одним из его офицеров, который, в этом случае, должен ясно заявить, что именно он пишет послание и подписывает его по его приказу.

Когда прилагаемое письмо будет подписано таким образом, то тогда на него и будет дан ответ.

«Колониальный дом», 19 января 1819 года.

Д-ру Стокоу было разрешено приезжать в Лонгвуд 20 и 21 января, но 22 января он не появился. В течение этих двух дней губернатор требовал у доктора отчеты о состоянии здоровья императора. Каждый раз доктор подвергался допросу о том, что было сказано и что делалось в его присутствии в спальной комнате пациента. Губернатор заявил доктору, что он не верит этой мнимой болезни, что доктор только пытается одурачить его и что все это не что иное, как игра, чтобы поддержать заключение д-ра О'Мира относительно болезни генерала Бонапарта. Адмирал Плэмпин объявил, что он нуждается в услугах доктора на борту корабля. Через несколько месяцев д-р Стокоу был отправлен в Лондон, чтобы предстать перед коллегией адмиралтейства. Мне рассказали, что его обвинили в том, что он был подкуплен деньгами Наполеона, и в результате он был смещен с должности.

Кровопускание оказало целительное действие: головные боли прекратились, челтелхэм — хотя император принимал его очень неохотно — принес ему большое облегчение. Он вновь стал принимать ртутные пилюли, от которых отказался после отъезда д-ра О'Мира, массаж восстановил кровообращение в ногах, и мало-помалу его крепкий организм преодолел болезнь и позволил возобновить работу.

Едва императору стало лучше и он начал восстанавливать свои силы, как внезапно тяжело заболел я сам. Я был занят тем, что по просьбе дам набрасывал рисунки для их вышивания, когда неожиданно меня пронзила ужасная боль в кишечнике, заставившая слечь в постель. Приступ был настолько же сильным, насколько и внезапным; я вызвал д-ра Верлинга, который обнаружил у меня повышенный пульс, но лихорадочного состояния не было. Врач отложил применение кровопускания до следующего дня, если поднимется температура, и дал несколько успокоительных средств. Я оставался в постели три недели.

Узнавший от Сен-Дени о том, что я нахожусь в постели, император — хотя он сам был болен — проявил чрезвычайную доброту ко мне, поднявшись в мою спальную комнату вместе с гофмаршалом. Моя комната была расположена под самой крышей, как раз над императорской комнатой, от жгучих лучей тропического солнца ее отделяли только обрешетка крыши и

шифер. Жара в комнате была чрезмерной, несмотря на то, что двери и окна оставались распахнутыми настежь. «Он здесь не может находиться, — заявил император гофмаршалу, — вы должны распорядиться, чтобы его кровать поставили в моей библиотеке». Я просил императора не делать этого, представив себе то нарушение порядка, привычного для императора, которое произойдет в случае моего переселения в библиотеку. На следующий день меня все же водворили в библиотеку, в которой я оставался в течение всей моей болезни. Когда император проходил из спальной в гостиную, он всегда останавливался у дверей библиотеки, чтобы спросить о моем самочувствии.

Д-р Верлинг сожалел, что в те минуты, когда он навещал меня, император никогда не показывался в библиотеке, он также сожалел, что император отказался от его врачебных услуг. Он знал, что причина этого заключалась не в антипатии императора лично к нему, а в том, что губернатор хотел навязать императору своего врача. Д-р Верлинг не знал, что когда император собирался пройти в гостиную, то дверь в столовую комнату — которая находилась между спальной императора и библиотекой — запиралась на ключ, чтобы д-р Верлинг не оказался на пути императора.

Лечебные средства, которые он давал мне, оказались ртутными пилюлями; они вскоре ослабили мои зубы и стали причиной волдырей во рту. Вот тогда д-р Верлинг и сказал, что теперь моя болезнь находится под контролем. Когда я стал выздоравливать, врач распорядился, чтобы я начал принимать ванну. Император узнал об этом и, так как в Лонгвуде не было других ванн, кроме его собственной, предложил мне пользоваться ею. Я поблагодарил императора, сказав, что д-р Верлинг намерен прислать мне деревянную ванну из городской больницы. Я упоминаю обо всех этих деталях только потому, что они свидетельствуют о доброте императора.

Когда я возобновил свои обязанности по обслуживанию императора, то выглядел совсем как библейский Лазарь. «На тебя сильно подействовала твоя болезнь, — заметил император, — эти британские доктора привыкли лечить лошадей куриным бульоном; ты бы выздоровел без помощи того, что они называют рискованными лекарствами». Я также узнал, что в течение моей болезни он чувствовал, что ему не хватает некоторых развлечений, к которым он привык благодаря мне. «Сен-Дени и Новерраз также проявляли заботу обо мне, можно сказать, даже рвение, — заявил император, — но они не знают моих привычек так, как знает их Маршан».

Течение болезни, которая меня сразила, напоминало ту

болезнь, которая привела к смерти Киприани. В самом ее начале все были очень встревожены; о моем здоровье очень беспокоились графини Монтолон и Бертран, которые были столь добры, что часто интересовались моим самочувствием. Мои силы постепенно восстанавливались. До этого времени я всегда спал, растянувшись вдоль двери его спальной комнаты, но снаружи — в комнате, примыкавшей к его спальной. Начиная с этого времени император не разрешал мне спать на полу на прежнем месте, опасаясь, что я могу снова заболеть. Если случалось, что он нуждался во мне, то он посылал за мной одного из своих слуг. В течение дня он занимал мое время точно так же, как и раньше, когда рядом с ним не было одного из этих господ, предлагая мне писать под диктовку или читать вслух какую-нибудь книгу.

На острове Святой Елены император не приобрел ту чрезмерную полноту, которую многие люди не без удовольствия приписывают ему. Его телосложение оставалось точно таким, как и в период «Ста Дней»; переносимые им страдания часто вызывали у него тени под глазами, но его взгляд был тем же пронзительным, что и раньше. Цвет его лица стал весьма бледным, а кожный покров тела лишился волос. Он говорил, что чувствует, словно ему в бок вонзают лезвие бритвы. Несмотря на все неприятности, которыми, казалось, губернатор хотел отравить жизнь императора, тем не менее император никогда не падал духом: наоборот, он выглядел более закаленным от всех ежедневных изнуряющих придирок со стороны губернатора. Сила его организма, его поглощенность работой и ставшие обычными прогулки, казалось, преодолели болезнь. Император был обеспокоен состоянием здоровья графини де Монтолон: она страдала от серьезного заболевания печени. Если она не сопровождала его на прогулках в карете, то он всегда навещал ее. Точно так же он поступал в отношении графини Бертран, если она заболевала. Никогда эти дамы не смогли бы сказать, что император не проявлял к ним сочувствия.

Император был занят тем, что комментировал кампании маршала Тюренна, Фридриха Великого, Ганнибала и герцога Мальборо, диктуя свои мысли графу де Монтолону. Мне он диктовал свои комментарии о кампаниях Цезаря и некоторые заметки о Ронья[295], аббате де Прадте[296] и о Жомини. Он занимался вопросами военно-полевой фортификации с гофмаршалом, свои заметки об этих проблемах он частично диктовал мне, при этом давая указания, чтобы я делал соответствующие рисунки. В одной из партий книг, присланных ему леди Холланд[297], оказались два небольших тома под заголовком «Воспоминания госпожи Дюран»[298]. Мне

приходилось знать эту даму, когда она была в числе свиты императрицы Марии Луизы; она носила титул первой фрейлины: всего у императрицы в то время было шесть фрейлин. Мной овладело любопытство, и, пока император с жадностью просматривал книги, которые я разложил на столе около кушетки, где сидел император, я перелистал обе эти книги. В тот же вечер, когда император ложился спать, я вкратце изложил содержание этих книг, сообщив ему, что эта дама утверждает, что император никогда не являлся к Марии Луизе, не спросив ее, сшито ли ее белье из самого лучшего льняного полотна, потому что льняное полотно напоминало ему всегда носившую такое белье женщину, которую император горячо любил. «Что за чепуха! — воскликнул император, — мне нравилось красивое льняное полотно, потому что я хотел покровительствовать городу Сен-Кантен». На следующий день, когда я подобрал эту книгу, вместе с другими, разбросанными в беспорядке по ковру, я обнаружил написанные карандашом рукой императора, особенно на полях страниц первого тома, комментарии «фальшивка! абсурд! чепуха!» Я должен сказать, что, за исключением некоторых мест, заслуживших неодобрение императора, в целом книга написана с добрыми намерениями, и ее недостатки явились скорее результатом неосведомленности, а не недоброжелательности.

Много замечаний было сделано на полях книги «Переписка императора», опубликованной книготорговцем Панкуком[299]; и на полях книги Флери де Шабулона: император с удовольствием прочитал опровержение полковника Марбо[300] работы Ж. Ронья. Император высказался следующим образом по поводу этой книги: «Она написана молодым человеком, но именно так следует писать, чтобы ставить в тупик клеветников славы Франции». Эта книга заслужила упоминания ее автора в завещании императора, выделившего ему 100 000 франков с рекомендацией, чтобы полковник Марбо написал о кампаниях с 1793-го по 1815 годы.

«Написать иначе, чем Марбо, опровергая Ронья, — заявил император, — значило бы запятнать мундир». Когда ему на глаза попался сатирический памфлет, он прочитал его, часто прерывая чтение смехом из-за глупостей, написанных о нем. Если случалось, что кто-то присутствовал при этом, он обычно перечитывал вслух пассаж, вызвавший смех, и говорил: «Ну и чепуху подкидывают публике! Чего еще вы хотите! Ведь вещь надо продать! Время воздаст всем по заслугам за все это!» Если же книга была хорошо написана, даже если было в ней что-то против него, император заявлял с присущей ему честностью: «В книге есть хорошие места», — или: «Это хорошая книга».

Газеты сообщили об отказе города Рен принять статую Моро[301], которую правительство намеревалось воздвигнуть на одной из площадей города. «Это пример того, — заявил император, — как по прихоти министров монархи совершают ошибки. Национальной гордости жителей Рена будет нанесена обида, если им пришлют статую человека, убитого в тот момент, когда он находился в рядах врага».

Император предавался воспоминаниям о том, что во времена его детства создавало основу для воспитания хороших манер. «Беседа у камина перестала быть искусством во Франции, — утверждал император, — больше нет тех остроумных и оживленных разговоров, которые делали вечера такими приятными. Дух единой семьи потерян, и вместе с ним уважение молодежи к пожилым». Гофмаршал заявил императору, что присылка в Лонгвуд книг из его библиотеки никак не отразилась на манере его диктовки и что приводимые императором факты, а также даты событий, находятся в полном соответствии с проведенной гофмаршалом справочной работой на основе полученных книг. Император ответил ему: «Это все потому, что моя память полагается на сердце, и она хранит точные данные того, что дорого моему сердцу».

В минуты отдыха император предпочитал для легкого чтения следующие книги: «Поль и Виржиния», «Дон Кихот», «Манон Леско», романы мадемуазель де Коттен[302], г-жи де Суза[303], г-жи де Сталь и Карла XII, чье тело, как говорил император, так же как и его голова, было железным.

Внешне казалось, что состояние здоровья императора стало лучше; я однажды сказал ему об этом и выразил нашу общую радость по этому поводу. Император близко подошел ко мне, взял меня за ухо и сказал: «Не верь этому, сын мой. Мне предстоит жить недолго. Это находится как раз здесь, — заявил он, указывая мне на область своей печени, — природа даровала мне сейчас небольшую передышку; болезнь вновь возьмет верх и покончит со мной». Я был опечален словами императора, однако не поверил его пророчеству. Во всяком случае, желанный покой, часто нарушаемый губернатором, вскоре был прерван отъездом графини де Монтолон: графиня серьезно болела, и д-р Верлинг заявил, что местный климат не даст ей возможности выздороветь. Ее отъезд был решен в результате проведенной консультации, о чем сообщили императору. Этот отъезд лишал императора общества человека, которого он высоко ценил. Его светской жизни был нанесен сокрушительный удар. Благодаря своему уму, к которому он привык и который благотворно влиял на него, она обеспечивала так необходимое для него отвлечение от работы, и

время, проводимое с ней, играло важную роль в его повседневной жизни. Ее дети своими играми вносили свежую струю в монотонную жизнь Лонгвуда: после ее отъезда император и вся колония Лонгвуда должны были испытать громадное чувство опустошенности. Император был всегда благодарен ей за то, что она вместе с мужем и ребенком оставалась пленницей в одной комнате только для того, чтобы быть поблизости от императора, когда мы переехали в Лонгвуд; отсюда и следовало его нежное чувство к этой даме.

Этот отъезд очень беспокоил графа де Монтолона, который отправлял свою супругу одну с тремя детьми и нянькой, не будучи уверенным в том, куда ее доставит корабль. Ее горничная оставалась на острове для того, чтобы выйти замуж за Новерраза. Император не хотел этого брака, так как считал, что он противоречит интересам человека, которому он желал только хорошее, а также лишит графиню де Монтолон помощи ее горничной в течение такого длительного путешествия. Госпожа де Монтолон настаивала на том, чтобы г-н де Монтолон оставался с императором. Она просила императора не противиться счастливому предложению, сделанному ее горничной Жозефине, остаться на острове Святой Елены и выйти замуж за Новерраза[304].

Накануне отъезда графини император вновь беседовал с графом де Монтолоном и высказал ему пожелание, чтобы он не отпускал супругу одну, а сопровождал ее. «Сир, — ответил генерал, — госпожа де Монтолон не хочет добавить ко всем ее огорчениям от того, что она покидает Ваше Величество, еще и то, что может лишить вас тех услуг, которые я мог бы предложить вам здесь. Решение ею принято, так же, как и мною. Я остаюсь с Вашим Величеством».

«Тогда примите меры, чтобы она ни в чем не нуждалась на борту корабля, на котором собирается плыть». Г-ну Пьеррону, дворецкому, было дано указание доставить на борт корабля для графини самые разнообразные виды провизии. В дополнение к оплате ее проезда в Европу графине, до того как она покинула Лонгвуд, был выдан чек на сумму в 200 000 франков и пенсионный сертификат на сумму в 20 000 франков.

Настал день отъезда графини. Император вышел в гостиную, чтобы попрощаться с госпожой де Монтолон и ее детьми. Он поблагодарил ее за ту жертву, на которую она пошла, разрешив мужу остаться с императором, и преподнес ей очень дорогую золотую шкатулку с его портретом в обрамлении крупных бриллиантов, пожелав при этом счастья ей и ее семье. Он поручил ей различные инструкции для его друзей в Европе и для

его семьи, которые графиня восприняла со слезами. Огорченные отъездом дети разделили грусть своей матери; прощание вскоре превратилось в такую печальную сцену, что император, сам слишком расчувствовавшийся, не захотел продолжать его. Он по очереди обнял всех и удалился в свои апартаменты. «Эти слезы удручающе действуют на меня, — заявил он мне. — Бедняга Монтолон, судя по всему, переполнен чувством печали; я не хотел от них этой жертвы, но они сами хотели ее. Когда вечером он придет домой, то почувствует там страшную пустоту. Поэтому, чтобы он не был таким одиноким, я думаю, ты должен занять комнату в его квартире».

Император разделся, чтобы принять ванну, и, когда он выходил из своей комнаты на пути к ванне, в это время от здания отъезжала карета с графиней. Оставаясь невидимым, император приподнял угол занавески и смог увидеть, как г-жа де Монтолон бросила последний взгляд на дом. Это было также окончательное прощание[305]. Граф де Монтолон верхом сопровождал свою супругу и своих детей в город. Он получил разрешение вступить на борт корабля, на котором графиня отправлялась в плавание, и оставаться там до самого поднятия парусов. Поэтому он вернулся в Лонгвуд очень поздно и в тот вечер не видел императора.

Император сел в ванну, по-прежнему печальный из-за отъезда графини де Монтолон. «Монтолон, — заявил он мне, — чувствует, что не может оставить меня в течение ближайших двух лет. Ты вернешься в Европу и вновь увидишь свою семью; твои друзья окружат тебя и захотят узнать до мельчайших подробностей о моем существовании на этой жалкой скале. Ты будешь пользоваться уважением, которое оказывают мужественным людям. Монтолон встретит свою супругу и своих детей, ты встретишь свою мать, а я в это время буду уже мертв, заброшенный в этом печальном уединенном месте».

Моя душа была взволнована событием, связанным с только что уехавшей графиней де Монтолон, потому что ее отъезд воскресил во мне память о моей семье. Слова же императора вновь вернули мои думы к нему. Спокойствие, с которым он говорил о своем предстоящем конце, и его уверенность, что он останется один на этой скале после своей кончины, настолько сильно подействовали на меня, что он заметил мое состояние. «Когда наступит моя смерть, — продолжал император, — разве это не будет для меня благом? Я ничего не буду делать, чтобы ускорить ее, но я не буду хвататься за соломинку, чтобы продолжать жить. А пока Монтолон постарается, чтобы мои дни стали более сносными. Он знает мои привычки, и он мне очень нужен. То, что случилось сейчас с Монтолоном, вскоре случится с

Бертраном; несчастная супруга гофмаршала часто болеет, не так ли? Она с трудом адаптируется к условиям нашего существования, она привыкла к тому, чтобы ее окружало светское общество, и часто вспоминает о прошлом. Ее дети растут, и необходимость дать им образование потребует того, чтобы она вернулась в Европу».

Император погрузился в молчание, а я стал думать о том, на какое одиночество он будет обречен, как в этот момент Сен-Дени объявил о приходе гофмаршала. Император, прервав свои размышления, театральным голосом воскликнул: «Он основательно задержался, пусть он войдет! Итак, сэр гофмаршал, — обратившись уже к гофмаршалу, спросил император, — как поживает госпожа Бертран?»

«Сир, как и все, она расстроена отъездом супруги Монтолона». Я оставил их наедине, как я обычно делал, когда к императору приходил вызванный им человек. Сама графиня Бертран была больна и находилась в постели.

Отпустив гофмаршала, император вышел из ванны, прилег ненадолго в постель, затем оделся и пообедал в одиночестве. В этот вечер он надел пальто и распорядился, чтобы я сопровождал его в конец сада, где он хотел прогуляться. Так как я собирался выйти без шляпы, то он приказал мне вернуться за ней, поскольку погода была промозглой. Пока я шел рядом с ним, он принялся перечислять прекрасные личные качества графа Бертрана, заявив в том числе: «Бертран на редкость порядочный человек!» Когда мы подошли к концу сада, император послал меня разузнать о самочувствии графини Бертран; вернувшись, я сообщил ему, что графиня очень больна. Император собрался было зайти в ее дом, но заметил, что англичане уже выставляют часовых. Наступила ночь. Когда мы вернулись в столовую комнату, у него из-под ног врассыпную метнулись две крысы, заставив его почти подпрыгнуть. «Что это?» — спросил он.

«Это были две крысы, — ответил Новерраз, — они проникли через открытую дверь и сбежали, когда приблизилось Ваше Величество». В отсутствие гофмаршала и графа в Лонгвуде мне пришлось провести вечер с императором: впервые я сопровождал императора во время одной из его прогулок. Это был также первый вечер, который я полностью провел наедине с ним. Для меня это не составило особого труда, так как он ложился спать рано, и вечер прошел в чтении трагедии о Магомете. Император, убедившись, что граф де Монтолон не вернулся и к 9 часам вечера, дал указание забрать лампу с абажуром и улегся спать.

В начале нашего пребывания в Лонгвуде крысы были повсюду в доме: от чердака до первого этажа. Долгое время они, за

исключением немногих, по-прежнему остававшихся на чердаке, находили пристанище вблизи кладовой. По ночам они выходили через прогрызанные ими норы в таком количестве, что пол казался черным. Они взбирались по стенам на определенную высоту и затем прыгали, иногда успешно, на куски мяса, подвешенные к потолку на железных крючках. Для того чтобы не отравиться пищей, смешанной с мышьяком, которая бы убила их, неподалеку от нор были расставлены большие крысоловки с приманкой, сделанные из очень крепкой проволоки и закрепленные к полу. Каждое утро в крысоловках оказывались пойманными от восьми до десяти крыс; разъяренные тем, что они не в состоянии выбраться из ловушки, в которую они попали, крысы с остервенением набрасывались друг на друга. Крысоловки затем выносились на середину лужайки, где их поджидали собаки из конюшни. Как только крыса выскакивала из ловушки, собака зубами вгрызалась в ее спину и разрывала ее пополам, оставляя крысу на земле уже безжизненной. Крысы, отчаянно защищая себя, иногда кусали собак.

Отъезд графини де Монтолон пришелся на день с прекраснейшей погодой; вечер также был хорошим. Но около 9 часов вечера начался сильный дождь, захвативший и часть ночи. Граф де Монтолон попал под дождь на протяжении всей дороги от Джеймстауна до Лонгвуда и промок до костей. Он лег в постель, чувствуя себя нездоровым: ночью он перенес приступ лихорадки, харкал кровью, жаловался на боль в боку и следующий день провел в кровати. Многочисленные осложнения после простуды заставили его лежать в постели в течение нескольких недель. Помимо визитов императора, который присаживался к его постели, я ходил за новостями к больному утром и в течение дня. Супруга гофмаршала, которую также навещал император, начала выходить из дома и совершила несколько поездок вместе с императором в его карете. Однажды император послал меня к ней домой, и, вернувшись, я доложил ему о состоянии здоровья этой дамы, которая поблагодарила императора, сообщив, что чувствует себя очень хорошо. «Вот видите, Бертран, — заявил император, — две недели тому назад я сказал вам, — когда вы сообщили мне о своих опасениях относительно вашей супруги, что она выздоровеет, потому что ее болезнь — известна, и что я умру, потому что моя болезнь неизвестна. Вы, по-видимому, не верили тому, что я говорил вам, но можете быть уверены, что мне осталось недолго жить».

Император вновь заболел, точно так же, как несколько месяцев тому назад, и в течение двух или трех дней нигде не показывался. Поскольку граф Монтолон придерживался

постельного режима, то гофмаршал уделял императору больше времени днем, но также приходил к нему и вечером после обеда, если император вызывал его. В противном случае император работал один или вызывал меня, чтобы я читал ему, пока он был в постели.

Итак, император был болен вновь, и опять без врачебной помощи. Дежурный офицер доложил в «Колониальный дом», что не смог увидеть императора в течение двух дней. Пока был болен я, то в аналогичной ситуации губернатор сначала настаивал, а затем требовал, не скупясь на угрозы, чтобы дежурный офицер допускался в дом и ежедневно видел императора. Тогда настало время для переписки между Лонгвудом и «Колониальным домом»; твердость, с которой император отказался уступить новому насилию, которое англичане хотели навязать ему, привела к тому, что сэр Хадсон Лоу не посмел довести задуманное им дело до конца. Он даже не посмел отказать в просьбе о том, чтобы д-р Стокоу стал обслуживать императора, но губернатор приказал, чтобы визиты д-ра Стокоу проходили в присутствии врача острова. Чтобы положить конец требуемым визитам д-ра Стокоу, губернатор договорился с адмиралом Плэмпином, чтобы тот заявил, что нуждается в д-ре Стокоу для обслуживания его эскадры, и — как я уже рассказывал — в скором времени доктор покинул гавань Святой Елены для возвращения в Англию.

Поэтому императору вновь стали угрожать вторжением в его резиденцию. Генерал Монтолон был еще болен, когда капитан Николлз появился в Лонгвуде с запечатанным пакетом на имя Наполеона Бонапарта. Капитану сказали, что император больше нуждается в медицинской помощи, чем в вещах, вероятнее всего, способных вызвать у него раздражение и оскорбить его; поскольку император был прикован к постели болезнью, то он не мог взять это письмо, тем более что оно было представлено в столь оскорбительной форме. Попытка офицера вручить послание гофмаршалу также закончилась неудачей. Гофмаршал заявил ему, что после того как послание будет направлено нормальным путем, то он, гофмаршал, даст об этом знать императору. Это случилось 10 августа 1819 года. Император, информированный об этой новой попытке губернатора, дал указание гофмаршалу написать сэру Хадсону Лоу следующее послание:

Губернатор!

Капитан Николлз появился у дверей моего дома с запечатанным пакетом, адресованным Наполеону Бонапарту. Капитан Николлз хотел, чтобы я передал

этот пакет императору. Я ответил ему, что монарх, находившийся в постели, будучи больным, нуждается в докторе, а не в вещах, вероятнее всего, способных вызвать у него раздражение и которые он считает оскорбительными. Капитан Николлз прекрасно знал, что император отказался от этого способа осуществления переписки и что на протяжении последних четырех лет был установлен протокол, от которого капитан Николлз стремился отойти. Граф де Монтолон в аналогичном случае уже заявлял протест в своем письме от 11 апреля. Он ясно сообщил вам, что писать подобным образом то же самое, как писать на китайском или на древнееврейском языке. На самом деле граф де Монтолон отправлял обратно все пакеты, которые вы адресовали императору подобным образом. Так как вы присылали пакеты обратно и заставили капитана вручать их, то граф де Монтолон брал их, чтобы избежать неприятной перебранки, но, как вы знаете, он вручал их императору, который, не вскрывая пакетов, немедленно бросал их в огонь камина, поскольку в вашем поведении он видел намеренное оскорбление.

Таким образом, на протяжении последних нескольких месяцев он остается в неведении относительно того, о чем вы пытаетесь ему сообщить. Если капитан представит ваш пакет в третий раз, то я приму его, но заявляю, что его ждет та же участь, что и предыдущие. Разве положение императора недостаточно прискорбно? Почему вы хотите еще более усугубить его тем, что ставите препятствия тому порядку, который обеспечивал нормальную переписку? Один из ваших офицеров попросил слугу императора, чтобы его, офицера, представили императору, но состояние здоровья императора не позволяет ему принимать кого-либо, за исключением врача, д-ра О'Мира, или д-ра Стокоу, или любого другого доктора, которого выберет император на тех же самых условиях, которые были приняты д-ром Стокоу. Без этого он будет рассматривать его как полицейского офицера, а не как медицинского офицера.

Поскольку граф де Монтолон в настоящее время серьезно болен, то, если вы хотите поддерживать связь со мной обычным способом, я найду момент, когда состояние здоровья императора позволит мне довести до его сведения ваше послание.

Если наступит улучшение состояния императора, то

тогда появится возможность увидеть его. Когда же он прикован к постели болезнью, то наиболее уместным способом увидеть его является тот, что уже предложен правительством: разрешить ему принять доктора, который будет обязан оказывать только медицинские услуги, как это было в том случае, когда он согласился принять д-ра Стокоу.

Я остаюсь и т. п.

Подписано: граф Бертран.

После того как это послание было передано гофмаршалу, император дал указание направить его Хадсону Лоу вместе со следующей запиской:

Я не стану обращать внимание на содержание этого пакета, так же как я не обращал внимания на содержание двух или трех подобных посланий, которые были навязаны графу де Монтолону, несмотря на мои письменные протесты:

1. Потому, что я не должен брать корреспонденцию, направленную непосредственно на мое имя.

2. Потому, что эта форма направления корреспонденции для меня оскорбительна.

3. Потому, что я лишен любых средств ответа.

4. Потому, что в течение четырех лет существуют правила протокола поддержания связи, которые я не могу нарушать.

На протяжении двух лет я страдаю от хронического заболевания печени, от болезни, имеющей эпидемический характер на этом острове. Весь прошлый год я был без доктора, потому что д-р О'Мира и д-р Стокоу были намеренно высланы с острова. В течение нескольких дней меня не отпускал приступ болезни, я был брошен и не был в состоянии получить какую-нибудь медицинскую помощь. Тем не менее, словно эта болезнь не была достаточно губительной для меня в условиях климата этого острова и нездорового места, где я живу, вы выбрали этот момент для того, чтобы удвоить ваше оскорбительное поведение, ваше жестокое обращение со мной, вкратце, всевозможные нападки на меня. Почему? Разве в течение четырех лет, когда мир царит в Европе, чувство британского возмездия еще не удовлетворено? Какая трусость!

Наполеон.

Здесь я привожу причины, вызвавшие эти послания. Капитан Николлз, чьи попытки вручить графу де Монтолону и гофмаршалу запечатанные пакеты губернатора на имя императора закончились неудачей, вернулся в «Колониальный дом», чтобы доложить о своей миссии. На следующий день сэр Хадсон Лоу направил полковника Виньярда из своего штаба к императору, чтобы лично вручить ему пакет. Этот старший офицер отправился на квартиру дежурного офицера, и так как он не знал другого входа в резиденцию императора, кроме входа в приемную комнату, то он и постучал в ее дверь. Но поскольку император более не принимал посетителей, то дверь этой комнаты открывалась только в тех случаях, когда кто-то решал выйти из здания наружу именно этим путем. Полковник Виньярд несколько раз постучал в эту дверь, не получая никакого ответа, пока не увидел меня, случайно проходившего мимо. Я спросил его, чего он хочет, и объяснил, почему никто не отвечает на его стук.

Он ответил: «Я привез с собой послание губернатора генералу Бонапарту, будьте добры, доложите ему обо мне». Подобная ситуация не возникала со времени прибытия императора в Лонгвуд, и я предположил, что англичане пытаются нанести оскорбление непосредственно императору. Я ответил: «Господин полковник, если вы должны передать послание, то вам следует в соответствии с установленной практикой обратиться к генералу Монтолону или к гофмаршалу с тем, чтобы послание попало к императору».

«Один из них болен, — заявил он мне, — а другого нет дома. Приказываю вам доложить обо мне Его Превосходительству или взять для него этот пакет. Выполняйте, — настойчивым тоном продолжал он, — и тогда вы избежите неприятных последствий для генерала».

«Я слишком хорошо знаю свои обязанности, чтобы не делать этого, независимо от возможных последствий», — ответил я.

«Я буду ждать вашего ответа у дежурного капитана».

«Полковник, — возразил я, — я уже принял решение. Император болен, и я не буду докладывать ему о возникшей проблеме, которая может вызвать у него только одно неудовольствие».

Я покинул полковника Виньярда и отправился дальше, словно продолжая прерванную прогулку. Вернувшись в дом, я сразу же пошел к императору, которого оставил сидевшим за столом. Он по-прежнему находился там и вполголоса напевал мелодию песни, что он иногда делал, когда чувствовал себя лучше. «Кто там ходит?» — спросил он. Он явно был в хорошем

настроении. Когда я подошел к нему, он, не поднимая взгляда от стола, спросил: «Что случилось, сын мой?» Я рассказал ему, как я обнаружил полковника Виньярда у двери приемной комнаты, и затем передал содержание моего разговора с полковником. «Это прекрасно, — заявил император, — пусть он ждет твоего ответа, у него не хватит наглости взломать мою дверь». Император продолжил свою работу; затем, поскольку он мало спал ночью, лег в постель и попросил почитать ему книгу «Жиль Блаз», лежавшую на столе. Я покинул его спальную комнату, когда увидел, что он спит.

В течение этого времени дежурный капитан несколько раз спрашивал обо мне. Ему отвечали, что я нахожусь с императором. Он настаивал на том, чтобы мне сообщили, что полковник Виньярд ждет в его квартире моего ответа. Новерраз, который дежурил в этот день, отказался сделать это, заявив, что практики действовать подобным образом не существовало. В самый разгар разговора Новерраза с дежурным офицером я вышел из комнаты императора. Капитан Блэкни подошел ко мне и заявил о желании полковника Виньярда поговорить со мной до того, как он отправится обратно в «Колониальный дом». Полковник высказал в мой адрес упрек по поводу того, что он был невежливо принят, когда появился с посланием от губернатора. Я ответил ему, что эта невежливость не была намеренной и что я считаю, что достаточно ясно объяснил причины, в силу которых не вижу необходимости и в дальнейшем оправдывать себя.

«Вы передадите или нет это письмо генералу Бонапарту?» — спросил полковник, протягивая мне письмо.

«Нет, сэр», — твердо ответил я.

«Ну, что ж, тогда я доложу о вашем отказе губернатору». Он вскочил на коня и поскакал галопом прочь, сопровождаемый своим помощником. Покинув квартиру капитана Блэкни, я отправился к графу де Монтолону, который по-прежнему находился в постели. Я поинтересовался его самочувствием и рассказал о том, что только что произошло. «Он пытался запугать тебя, — заявил мне граф. — Они не посмеют вторгнуться в резиденцию императора. Ты правильно сделал, что не взял это послание. Как же меняются времена и события: всего лишь несколько лет тому назад в день 15 августа послы монархов Европы толпились в императорском дворце, свидетельствуя об уважении их властелинов к императору. Сегодня же он подвергается оскорблениям и они хотят вторгнуться в его резиденцию!»

Когда император проснулся, я рассказал ему о том, как меня вызвали к дежурному капитану, как я отказался подчиниться

требованиям полковника Виньярда, о проявленном им раздражении и, если я правильно понял его прощальные слова, о его намерении силой вторгнуться в помещение резиденции.

Император отправил Сен-Дени за гофмаршалом, с которым он долго беседовал. Он приказал Новерразу перекрыть все двери металлическими засовами, вбитыми в стену с каждой стороны двери, а поперек застекленной створчатой двери, ведущей в сад, прибить толстую доску, чтобы все это помешало беспрепятственно вторгнуться в помещение императорской резиденции. К полуночи вся эта работа была выполнена. Теперь, чтобы попасть в апартаменты императора, необходимо было применить физическую силу для вскрытия хотя бы одной двери. Ценные вещи были перенесены в квартиру гофмаршала, так же как и завещание императора, которое он хранил в запертом ящике своего стола. Император дал указание зарядить его пистолеты и ружья, способные произвести двенадцать выстрелов.

Осуществив всю эту подготовительную работу по защите своей резиденции, император лег в постель, положив шпагу рядом с постелью, а огнестрельное оружие — в своей спальной комнате и приняв решение использовать все это против первого же нарушителя, посмевшего вторгнуться в его апартаменты. Сен-Дени спал в столовой, защищая дверь этой комнаты, соседствующей со спальной комнатой императора. Новерраз устроился в зале, чтобы помешать кому-либо проникнуть в императорские апартаменты с этой стороны, а я устроился в ванной комнате вдоль двери, ведущей в спальную комнату императора. Все мы положили рядом с собой оружие. Ночь прошла спокойно. На следующий день, в 9 часов утра, дежурный капитан постучал в ту же самую дверь, около которой я накануне обнаружил полковника Виньярда. Убедившись в том, что никто ему не отвечает, он отправился разыскивать меня и, встретившись со мной, сказал, что губернатор приказал ему увидеть генерала. Он добавил, что если бы я принял пакет, который губернатор послал вчера, то у меня бы не было причин для всех последующих неприятностей. «Мое поведение, — ответил я, — получило одобрение императора и в мои обязанности не входит докладывать о вас императору сегодня, так же как и вчера передавать ему ваши сообщения». Несмотря на настойчивость, с которой он требовал, чтобы я доложил о нем императору, я наотрез отказался это сделать. Дежурный капитан, выслушав меня, удалился. Но я сообщил императору о самой последней попытке дежурного капитана.

Днем в Лонгвуд приехал полковник Гаррисон[306]. Он распорядился, чтобы меня вызвали в помещение дежурного

капитана, где полковник сообщил мне, что в соответствии с личным приказом губернатора обязан передать генералу врученное мне послание. «Я обращаюсь, — заявил полковник, — не к графу Бертрану и не к графу де Монтолону, но именно к вам, сэр, и ваш отказ передать послание по назначению приведет к серьезным последствиям».

«Полковник, — ответил я ему, — никогда не выполняя обязанностей посредника между губернатором и императором, я не могу сделать этого, не получив соответствующих полномочий. Если бы я это сделал, то это бы означало, что я не выполняю своих обязанностей и не проявляю уважения к пожеланиям императора. Несмотря на то, насколько серьезными будут результаты моего отказа, я категорически отказываюсь принять этот пакет».

«Ну что же! Если дело обстоит подобным образом, то мы силой добьемся того, что просим вас сделать добровольно». Полковник и капитан отправились к наружной двери приемной резиденции, в которую они собрались стучать. Я вернулся к императору, которого застал сидевшим на диване и погруженным в чтение. Я доложил о новой попытке англичан и о моем отказе подчиниться им. Мы услыхали удары с удвоенной силой по наружной двери приемной комнаты. Не добившись ответа и, видимо, устав стучать в дверь, англичане вернулись в столовую комнату, где находился Новерраз, и попытались через нее пройти к императору. Встретив сопротивление со стороны Новерраза, они отступили, пригрозив доложить об инциденте губернатору. Полковник Гаррисон уехал в «Колониальный дом».

После полудня к императору пришел граф Бертран, чтобы провести с ним несколько часов, поскольку графине стало намного лучше. Сквозь ставни император увидел ее, гуляющую с детьми, и распорядился пригласить ее к нему. Император послал меня узнать последние новости о здоровье генерала Монтолона, которому я рассказал о том, что только что произошло в резиденции императора, а также о принятых нами мерах защиты. «Передай императору, — сказал он мне, — что я глубоко сожалею, что прикован к постели, когда наносятся подобные оскорбления его персоне и совершается насилие в отношении его резиденции».

В этот вечер я оставался наедине с императором. Он лег в постель и попросил меня почитать ему, что происходило регулярно каждый вечер с тех пор, как генерал Монтолон был вынужден лежать в постели. Император не мог заснуть и сказал мне, чтобы я пошел отдохнуть. Когда я уже собирался покинуть его комнату, он позвал меня обратно и сказал, вручая мне

небольшую шкатулку с медалями работы г-на Денона[307], которую императору прислала леди Холланд: «Пусть эта вещь будет напоминать тебе тот день, когда они хотели вторгнуться в мое жилище». Я сказал императору, как я счастлив получить такой драгоценный подарок и что его слова будут всегда храниться в моей памяти. Главная медаль изображала императора, сидевшего на скале острова Святой Елены, облокотившись на колено. Правой рукой он поддерживает голову. Склонившаяся к нему фея протягивает ему перо, предлагая писать историю его царствования. На тыльной стороне медали изображен бюст императора, под которым выгравирована надпись «Наполеон на острове Святой Елены». К этой медали приложены две медали меньших размеров: на одной изображены статуи Мемнона, на тыльной стороне этой медали надпись: «Они всегда будут говорить о нем». На другой медали выгравирован бюст барона Вивана Денона, на ее тыльной стороне надпись: «И он тоже жил в период Великого Века!» Император был очень доволен этим проявлением доброжелательности г-на Денона.

На следующий день в Лонгвуд приехал губернатор, сопровождаемый своим штабом и тремя драгунами. Они галопом примчались в Лонгвуд и спешились около помещения дежурного капитана. Я сообщил об этом императору, который распорядился, чтобы я оставался с ним, чтобы не видеться с губернатором, если он спросит обо мне. Сен-Дени в это время должен был оставаться в гостиной, а Новерраз — в ванной комнате. Губернатор, за которым следовал весь его штаб, прошел под окнами императора, но они были плотно прикрыты ставнями. В какой-то момент я решил, что он собирается подойти к двери приемной комнаты, но вместо этого он повернул налево и пошел в сторону нового дома. Через тридцать минут он вызвал своих лошадей и так же галопом, как и приехал в Лонгвуд, умчался прочь. Император смог наблюдать за всеми его маневрами, оставаясь незамеченным, сквозь щели ставней. Вот таким образом проходил весь этот небольшой трагикомический эпизод, которому, как у меня мелькнуло в голове, было суждено закончиться так же, как и с Карлом XII в Бендерах.

Дежурный капитан продолжал стучать в наружную дверь приемной комнаты в течение нескольких дней. Он обычно стоял там несколько секунд, затем заходил внутрь дома и просил меня представить его императору. На его просьбу я каждый раз отвечал отказом. Этот отказ долго не мог продолжаться без того, чтобы не превратиться в фарс. Полковник Гаррисон, сопровождаемый другим офицером и двумя помощниками, приехал в Лонгвуд и обратился с просьбой о встрече со мной. Опасаясь

подготовленной ловушки или похищения, я пришел к императору и предупредил его о визите английских офицеров. Он в этот момент разговаривал с гофмаршалом и сначала решил, что я не должен встречаться с полковником Гаррисоном. Но затем, передумав, сказал мне, чтобы я поговорил с полковником. Последнему нужно было встретиться со мной, чтобы сообщить мне, что дежурный офицер получил от губернатора приказ каждый день появляться у дверей генерала Бонапарта для того, чтобы увидеть его, и немедленно арестовывать любого человека, стоящего на его пути, для дальнейшей депортации с острова. Очевидно, что вся эта процедура имела в виду именно меня, но полковник добавил: «Мне дано указание информировать всех слуг генерала Бонапарта о пожелании губернатора, поэтому прошу вас прислать ко мне всех слуг».

«Полковник, — ответил я ему, — я смог услышать ваше сообщение, поскольку вы застали меня врасплох, но не рассчитывайте на меня, чтобы я направил к вам кого-либо, если это распоряжение сначала не будет санкционировано гофмаршалом». Оставив его, я отправился к императору, которому повторил все то, что было сказано мне, включая и заявление полковника, приказавшего мне направить к нему весь обслуживающий персонал. «Скажи всем, что я запрещаю им являться к полковнику», — распорядился император. Полковник Гаррисон вынужден был вернуться в «Колониальный дом», только частично выполнив свою миссию. Но на следующий день графу де Монтолону были направлены прилагаемые меморандум и послание:

> *Я, нижеподписавшийся, генерал-лейтенант и губернатор острова Святой Елены, имею честь информировать Наполеона Бонапарта о том, что я получаю неоднократные сообщения от дежурного офицера в Лонгвуде о невозможности ежедневно видеть персону Наполеона Бонапарта. Хотя говорится о том, что он испытывает недомогание, он отказался принять д-ра Арнотта[308], главного врача на острове Святой Елены, или д-ра Верлинга, врача, назначенного для обслуживания пациентов Лонгвуда, или любого другого британского медицинского офицера, который в соответствии с правилами, установленными инструкциями лорда Батхерста 30 ноября 1818 года, находясь постоянно в Лонгвуде, мог утром и вечером удостовериться в том, что он испытывает недомогание. В результате нижеподписавшийся считает, к сожалению, необходимым*

информировать Наполеона Бонапарта, что в соответствии с инструкциями, изложенными в письме графа Батхерста от 6 ноября 1818 года, он дал согласие дежурному офицеру использовать любые средства, которые он посчитает необходимыми, для того, чтобы удалить все препятствия, которые он может обнаружить, мешающие его ежедневному допуску к месту, где можно будет увидеть Наполеона Бонапарта.

В случае оказания любого противодействия или сопротивления, или попытки сопротивления со стороны одного из лиц свиты Наполеона Бонапарта в то время, как дежурный офицер выполняет вышеупомянутый приказ, дежурному офицеру дано право немедленно выдворить из Лонгвуда лицо или лиц, осуществляющих подобное сопротивление, и это лицо или лица понесут ответственность за все последствия, которые могут стать результатом их действий.

Дополнительно, нижеподписавшийся, благодаря сообщениям дежурного офицера, обратил внимание на то, что, несмотря на вежливое поведение, предписанное дежурному офицеру при выполнении его обязанностей, данных ему инструкциями от 11 августа 1819 года, копию которых, так же как и другие сообщения, нижеподписавшийся направил Наполеону Бонапарту 11 и 23 августа 1819 года, дежурный офицер обнаружил, что двери резиденции Наполеона Бонапарта закрыты для него, и он испытывал регулярные трудности в том, чтобы удостовериться, что персона Наполеона Бонапарта действительно находится в Лонгвуде. Соответственно, нижеподписавшийся уполномочил дежурного офицера в те дни, когда он не видел Наполеона Бонапарта до 10 часов утра, проследовать в зал или во внешнюю комнату апартаментов его резиденции или в ту часть дома, где, по всей вероятности, находится его обслуживающий персонал, и, если он не обнаружит лица, которое передаст сообщение Наполеону Бонапарту и проинформирует его о своем желании быть представленным ему, чтобы увидеть его, действовать по своему усмотрению для того, чтобы обеспечить возможность быть принятым, в то же время следуя, насколько это возможно, правилам, установленным в направленных ему инструкциях от 11 апреля 1819 года, не прибегая к помощи любых силовых средств, пока не окажется невозможным для него быть принятым любым другим способом.

Хадсон Лоу, генерал-лейтенант
Замок Джеймстаун, 29 августа 1819 года.

В то время, когда это письмо было получено в Лонгвуде, губернатор более не мог подвергать сомнению присутствие императора на острове Святой Елены, так как, чувствуя себя лучше и желая лично узнать новости о самочувствии графа де Монтолона, император надел пальто и, опираясь на мою руку, прошел позади здания, думая, что нас не заметит дежурный офицер. Случилось обратное: первым человеком, которого мы встретили, прежде чем прибыть к графу де Монтолону, был тот самый офицер, который смог рассеять страхи сэра Хадсона Лоу относительно побега императора, а также сообщить ему о том, как сильно физически изменился император.

К письму губернатора был приложен следующий меморандум сэра Томаса Рида:

Меморандум для лиц в непосредственном окружении, или живущих поблизости, Наполеона Бонапарта в Лонгвуде.

Дежурный офицер в Лонгвуде доложил губернатору о том, что он в течение нескольких дней был абсолютно лишен возможности отчетливо видеть персону Наполеона Бонапарта. Предложения, сообщенные Наполеону Бонапарту 21 марта 1819 года принять дежурного офицера, были полностью проигнорированы. Губернатор посчитал обязательным, следуя инструкциям, полученным им по этому поводу от британского правительства, приказать дежурному офицеру принять соответствующие и необходимые меры для того, чтобы ежедневно убеждаться в присутствии Наполеона Бонапарта в Лонгвуде, осуществляя для этого личное наблюдение за его персоной.

В то же самое время губернатор приказывает, чтобы офицерам и лицам свиты Наполеона Бонапарта, а также тем лицам из их числа, кто проживает вблизи его резиденции, было объявлено и настоящим всем этим лицам объявляется, что, если губернатор должен прибегнуть к этой мере, которая уже вполне оправданна, то это только потому, что Наполеон Бонапарт отказывается принимать у себя дежурного офицера или, в случае болезни, британского медицинского офицера, который мог бы удостоверяться каждое утро и каждый вечер, что он действительно болен и в данный момент находится в Лонгвуде.

После этого объявления всякое лицо, которое посмеет предпринять попытку какого бы то ни было сопротивления, не только будет безвозвратно выдворено из Лонгвуда, но и подвергнет себя в результате этого риску и опасностям, а также понесет ответственность за все последствия подобного поступка.

Рид, подполковник

По приказу Его Превосходительства губернатора острова Святая Елена,

19 августа 1819 года.

Стоило этому посланию и этому меморандуму появиться перед взором императора, как тут же император продиктовал графу де Монтолону следующее заявление для передачи дежурному офицеру, если, как это было на протяжении последних дней, он вновь появится у входа в апартаменты императора, чтобы добиться приема.

Позавчера в течение двух часов вы трижды подходили к моему дому. Вчера вы также проделали это три раза, лишив меня возможности понять ваши намерения. Видимо, вы хотите совершить вторжение в апартаменты императора, до настоящего времени пользующегося уважением, которые находятся под защитой законов народа и специальных актов вашего правительства. Я отвечал вам, что только принц-регент и Тайный совет могут вводить законные ограничения и что на протяжении последних четырех лет принц-регент и члены Тайного совета знали, что между способностью выносить постыдное обращение и смертью не может быть сомнений в выборе императора. Ни принц-регент, ни члены Тайного совета ничего не приказывали, по крайней мере, исходя из того, что было сообщено нам. Также не было никаких приказов, которые бы изменили положение вещей и установленную практику последних четырех лет. Одинокий, больной, лишенный связи со всем светом, даже с британскими офицерами и жителями этой скалы, император подставляет свое горло мечу убийц; нет необходимости искать какого-либо предлога для его убийства.

Я просил вас сообщить мне об актах принца-регента и Тайного совета или даже об инструкциях, в силу которых вы действуете с 11-го числа этого месяца. О каких-либо этих актах вы мне не сообщали.

Я говорил вам, что, так как император не признает

любого дежурного офицера, то он не встречался ни с вами, ни с другим должностным лицом, бывшим предшественником на вашем посту в течение четырех лет. На все это дает ответ заявление от 16 августа, которое я вновь прилагаю к этому письму. С того времени состояние здоровья этого монарха стало намного хуже, и он более, чем когда-либо, нуждается в помощи врача, которого он требует.

Все попытки действовать, используя посредничество слуг, являются недостойными; эти попытки бесполезны, потому что они противоречат нашим правилам поведения и обычаям.

Я повторяю вам то, что уже говорил две недели назад: император предпочитает пристанище могилы страданиям унизительного обращения. Он не признает никаких ограничений в рамках вашего закона, если они не исходят от принца-регента или от Тайного совета. Он пожертвовал всем, оставил все, и он доведен до крайне жалкой жизни, чтобы его враги удовлетворили свою ненависть к нему. Если чувство их мщения пока еще не ослабло, то пусть они нанесут последний и решающий удар; это было бы добрым поступком, потому что он положил бы конец агонии, которая продолжается с 11 августа и которую, по-видимому, вам доставляет удовольствие продлевать.

Генерал граф де Монтолон

Лонгвуд, 31 августа 1819 года.

Это письмо послужило причиной того, что вскоре после него капитан Блэкни был смещен со своей должности. Соглашаясь с положением дежурного офицера в Лонгвуде, он посчитал, что ему предложили почетный пост. Роль, которую он был вынужден играть, противоречила его характеру; он попросил, чтобы его уволили с этой должности, и он был заменен другим капитаном 66-го пехотного полка. Несколько пеших прогулок императора и его поездок в карете положили конец оскорбительным посланиям из «Колониального дома» и ежедневным визитам дежурных офицеров в резиденцию императора.

Глава двадцать первая

Прибытие нового пополнения в Лонгвуд — Отцы Буонавита и Виньяли — Д-р Антоммарки — Диктовки императора — Размышления о самоубийстве — Садоводство — Подробности об одежде императора

В то время, пока граф де Монтолон болел, гофмаршал приходил к императору дважды в день. Как только графиня Бертран стала выздоравливать, она также стала приходить к императору. Все трое после пеших прогулок или поездок в карете по Лонгвуду обычно посещали графа Монтолона, чтобы узнать о его самочувствии.

Я имел честь участвовать в этих прогулках с императором. Не желая беспокоить гофмаршала или графа де Монтолона, который еще не полностью восстановил свое здоровье, император несколько раз брал меня с собой на утреннюю прогулку по тропинке через Дедвуд. Однажды, когда он почувствовал, что устал, он послал меня в конюшню, чтобы за ним прислали карету. Я сопровождал его несколько раз в таких поездках в карете. В другой раз, это было в воскресенье, рабочих не было в доме, который строился для новой резиденции императора. Строительство продвинулось до такой степени, что можно было определить планировку сооружения, и мы решили войти в здание. Император посчитал внутреннюю планировку плохой: по его мнению, моя комната находилась слишком далеко от его апартаментов; он показал мне, где можно было бы сделать проемы в стенах для дверей, чтобы облегчить обслуживание. Он нашел, что комнаты были большими и полными воздуха, и затем спустился вниз в служебные помещения, не подозревая, что камни, по которым он шел, будут использованы для возведения его гробницы. Он лелеял надежду, что об этом его визите не узнают в «Колониальном доме», но губернатору сообщили об этом.

Как только здоровье графа де Монтолона восстановилось, привилегии сопровождать императора более не распространялись на меня и совершенно справедливо перешли к графу де Монтолону, который все свое время отдавал императору с тем самоотречением и преданностью, которые закончились только с кончиной Его Величества. Губернатор, основываясь на инструкциях, которые он передавал императору, мог бы применить свои лонгвудские правила и в отношении графа де Монтолона и гофмаршала из-за нескольких писем, написанных и

подписанных этими господами. Он никогда не посмел пойти на это, опасаясь последствий в Европе, а также потому, что подписи этих господ только прикрывали осуждение его поведения, которое император адресовал губернатору.

Развитие событий подошло к моменту, когда 21 сентября гофмаршал доложил императору о прибытии из Европы корабля, на борту которого находились два священника, отцы Буонавита и Виньяли[309], доктор Антоммарки[310], дворецкий Курсе[311] и повар Шанделье[312], которые были присланы из Рима кардиналом Фешем для обслуживания императора. Губернатор пригласил всех их к себе на обед в «Колониальный дом» и окружил их вниманием, полагая, что он смог бы извлечь из них необходимую ему информацию до их прибытия в Лонгвуд.

Узнав об их контакте с человеком, лишенным всякого чувства вежливости, но постаравшимся сблизиться с ними до такой степени, чтобы они могли сообщить ему новости о семье императора, император настолько рассердился, что отложил встречу с ними до следующего дня, попросив гофмаршала побеседовать с каждым из них, словно их встреча с гофмаршалом на пути между императором и губернатором сможет смыть всю грязь, возникшую во время их контакта с Хадсоном Лоу.

Среди прибывших к нам был отец Буонавита, знакомый мне еще со времен острова Эльба, где он был капелланом мадам Мер. После стольких невзгод мы вновь встретились, испытывая друг к другу самые нежные чувства. Император, хотя и оценил проявленное чувство преданности, все же, видимо, был немного разочарован деловыми качествами прибывших людей. Доктора он не знал; из двух священников младший был увлечен медициной, а старший, которого он знал по его службе у мадам Мер, не мог стать для императора интересным собеседником; оба они, однако, не выходили за рамки того, что им было положено делать. Образованные люди в среде врачей и священников были бы большой удачей для императора; он бы обсуждал проблемы теологии со священниками и беседовал на самые различные темы с доктором, знания которого были бы гораздо шире его собственной профессии. «Они прислали мне, — заявил император гофмаршалу, — человека, которого уже не пощадили годы и вся жизнь которого прошла в Парагвае; каким образом он сможет развлечь меня? Меня удивило то, что они не обратились к Франции, чтобы прислать мне врача одной из моих армий: Ларрей с удовольствием бы ухаживал за мной. Они должны были выбрать для меня человека, которому я мог бы доверять. Вместо этого они прислали мне неопытного врача и священника, который дилетантствует в медицине. Более глупой вещи они не могли

сделать! У меня нет сомнений в том, что ко всему этому приложил свою руку кардинал Феш. Как мне представляется, я достаточно важная особа, чтобы они могли выделить от 30 до 40 000 франков в год человеку, который бы приехал обслуживать меня».

Хотя уже тогда император жаловался на боль в боку, никто не мог предвидеть, что через восемнадцать месяцев один из этих священников, отец Виньяли, будет шагать впереди его гроба и благословлять его могилу.

Как я уже говорил, император не принял их в день приезда. Он вызвал к себе Шанделье и Курсе. Первый из них служил поваром принцессы Полины в Риме и был прислан императору принцессой. Курсе служил у мадам Мер.

Они пришли к императору вместе. Каждому из них император задал несколько вопросов о своей семье и о здоровье мадам Мер: «Что из себя представлял собой ее дом в Риме?», «Принимала ли она у себя иностранцев?», «Чем занимался кардинал?» На все эти вопросы отвечал Курсо, сказавший среди прочих вещей, что мадам Мер в своей щедрости никогда не отказывала французским военным, которые просили ее о помощи, чтобы добраться до Америки. Ее Императорское Величество мужественно и со смирением переносила боль от того, что император был сослан на остров Святой Елены, и она никогда не садилась за стол, не сказав при этом: «Если бы я могла послать этот ужин моему сыну!» Все, чем она владела, конечно, было в распоряжении императора. «А кардинал, чем он занимается?» — спросил император.

«Сир, Его Преосвященство составляет компанию мадам и покидает ее только тогда, когда отправляется посмотреть на свои картины».

«Его галерея представляет интерес?»

«Говорят, что она очень ценная, и он намерен направить ее Вашему Величеству». Когда император расспрашивал Шанделье, он интересовался, чем занимается принцесса Полина. «Сир, — ответил Шанделье, — Ее Величество принимает множество посетителей, и, когда она говорит о Вашем Величестве, ее глаза всегда полны слез. Она поручила мне передать вам, что очень бы хотела приехать, чтобы остаться с вами. Лорд Дуглас[313], который был с ней, когда я имел честь видеться с ней перед моим отъездом, сказал ей, что мы, возможно, не найдем здесь Ваше Величество. Теперь я могу убедиться в том, что он вселял в Ее Императорское Величество напрасные надежды, когда говорил ей в моем присутствии: «Я могу заверить вас, что они более не обнаружат императора на острове Святой Елены».

«Это замечательно, — заявил император, отпуская их. — Они, видимо, хорошие люди, — заметил император, когда они ушли. — Положите им жалованье по 2500 франков каждому; скажите Пьеррону, чтобы он ввел их в курс обязанностей».

Ночь смягчила плохое настроение предыдущего дня. Все, что граф Бертран и граф де Монтолон рассказали о священниках и докторе, не уняло раздражения императора, которое у него вызвало известие о том, что они посетили «Колониальный дом». На следующее утро император вызвал их к себе. Первыми были священники. Отец Буонавита и отец Виньяли подошли к постели, в которой лежал император, и, склонив колени, поцеловали его руку. Император пригласил их сесть, задал им вопросы о своей семье и затем немного поговорил с ними. На все, что ему было сказано о любви мадам Мер к нему, он ответил, что его мать всегда его очень любила, он и принцесса Полина были избалованными детьми в его семье, и во время критических ситуаций, в которых она оказывалась, мадам Мер всегда проявляла сверхчеловеческое мужество и силу характера. Император поговорил с отцом Буонавита о его возрасте, его здоровье, об опасностях его путешествия и его страхе перед суровым климатом, который может оказаться губительным для него. Император задал несколько вопросов отцу Виньяли о его занятиях в духовной семинарии Сен-Сюльпис и его пребывании на острове Эльба, поговорил с ним о Корсике, где он родился, и поинтересовался его медицинской практикой. Он сказал отцу Буонавита, что хотел бы, чтобы в следующее воскресенье в его гостиной была проведена месса; о том, кто будет проводить мессу, они должны договориться между собой, но присутствовать на ней они будут оба. Император отпустил их, вновь поблагодарив за то, что они приехали, чтобы разделить его ссылку. Оба священника остались очень довольны оказанным им приемом; радость светилась на их лицах.

Когда к императору привели д-ра Антоммарки, он расспросил его о его семье, о Корсике, где он также родился, и о его учебных занятиях. Судя по всему, император был удовлетворен ответами доктора, но нашел его довольно молодым и несколько самоуверенным. Император попросил гофмаршала объяснить отцу Виньяли, что тот в Лонгвуде будет занят только обязанностями священника. Отпуская доктора, император сказал ему: «Отдаю отца Буонавита под ваше попечение, боюсь, что кардинал послал этого доброго старика только для того, чтобы он нашел здесь свою могилу. Он достойный уважения человек, о котором нужно хорошо заботиться».

Все эти люди приступили к своим обязанностям. Доктору

было определено жалованье в размере 9000 франков, отцу Буонавита — 6000 и отцу Виньяли — 3000, которое в соответствии с распоряжением императора я должен был выдавать им. Так как не было необходимости в том, чтобы выдавать все эти суммы целиком, то император сказал мне, чтобы я выдавал каждому священнику по 250 франков в месяц на их расходы, изымая 500 франков из жалованья графа де Монтолона в размере 2000 франков, которые он получал, когда графиня де Монтолон была еще в Лонгвуде, и выдавать доктору 250 франков из средств, выделенных на домашние расходы Лонгвуда. Каждому из них для обслуживания был выделен отдельный слуга-китаец, и все трое получили для себя общий стол. Доктор поселился в бывшей квартире д-ра О'Мира, отец Буонавита занял помещение генерала Гурго, а отец Виньяли — квартиру дежурного офицера, который перебрался в квартиру графа де Монтолона.

На следующее воскресенье в гостиной была отпразднована месса, на которой присутствовали все жители Лонгвуда. Император считал, что каждый волен следовать канонам своей религии, но на всех произвело бы плохое впечатление, если бы кто-то проявил себя атеистом. Император заботился о благополучии священников, но виделся с ними мало, так как они не были интересными собеседниками. Они привезли с собой ящик с книгами; Евангелие с комментариями, взятое с собой отцом Буонавита, и Библия, уже находившаяся в библиотеке, были единственными религиозными книгами в Лонгвуде. Это не правда, как заявлял г-н де Ботерн в своей книге «Беседы Наполеона о религии на острове Святой Елены», что император находил пищу для ума в этих двух книгах, которые, как утверждал г-н де Ботерн, постоянно находились на его столе. Император признавал духовное совершенство Евангелия и говорил, что в Египте можно было пройти всю страну, взяв с собой только одно Евангелие, но обе эти религиозные книги оставались в библиотеке. На острове Святой Елены император читал самые разнообразные книги, даже «Новую Элоизу», на полях которой он оставил собственноручные заметки. С одобрения императора гофмаршал поручил религиозное воспитание своих детей отцу Виньяли, который позднее проводил мессу в резиденции супруги гофмаршала для нее и для ее семьи.

Во время своего первого вызова д-р Антоммарки внимательно ознакомился с состоянием здоровья императора. Он подробно переговорил с гофмаршалом, графом де Монтолоном и со мной, чтобы собрать необходимую информацию, которая бы позволила ему не совершать ошибок при применении прописываемых им лекарств. Как и его предшественники, он рекомендовал

физические упражнения, массаж ног, который снимал опухоль и помогал императору легче переносить пешие прогулки, прогулки верхом и поездки в карете.

Граф де Монтолон, полностью восстановивший здоровье, все свое время посвящал императору. Когда граф в первый раз после болезни пришел навестить императора, то император сказал ему, что, поскольку он теперь остался один, императорский стол будет его столом и что он будет обедать с графом. «А это, — сказал император, указывая на меня, — моя нянька, пока вы были прикованы к постели. Он служил мне и в качестве секретаря, и в качестве чтеца книг; он прекрасно читает, совершенно не утомляя меня, что я особенно ценю». Действительно, со времени отъезда генерала Гурго император, помимо того, что часто просил меня читать ему вслух, нередко держал меня около себя, чтобы я писал под его диктовку. Мне удалось найти способ по-своему стенографировать его, что позволяло мне успевать за его диктовкой и перечитывать уже записанный текст, если ему этого хотелось. Продиктованный текст заново переписывался, после чего император перечитывал его, исправлял и затем отдавал Сен-Дени, чтобы тот делал его копии в форме рукописи. Я стал наиболее полезным императору, особенно в то время, когда граф де Монтолон был болен и лежал в постели. Император делил свое время между графом и графиней Бертран, а в их отсутствие с ним был я. Так как он видел меня около себя гораздо чаще, то он продиктовал мне свою работу «Краткое изложение кампаний Цезаря»[314], заявив мне однажды в связи с этим: «Ты сможешь сказать своим детям, что писал эту работу под мою диктовку». Поскольку после моего выздоровления император более не требовал, чтобы я спал неподалеку от него, хотя это и нарушало его привычки, он часто по ночам посылал дежурного слугу будить меня, чтобы я приходил к нему писать под его диктовку.

В первый раз, когда я писал на острове Святой Елены под диктовку императора, я попросил его повторить фразу. «Продолжай писать дальше», — ответил он. После этого я старался избегать обращений к нему с подобной просьбой. На императорском столе всегда была дюжина остро отточенных карандашей, которыми я пользовался, и тем самым экономил время, потраченное на то, чтобы макать перо в чернильницу, к чему я прибегал раньше. Он диктовал с такой ясностью мысли и с такой последовательностью, что чувствовалось, что он ни о чем другом не думал, когда был в процессе работы. У императора была поразительная память; когда он затрагивал ту или иную тему, то обычно знал лучше численный состав и снаряжение полков и эскадр, чем военные и военно-морские ведомства. Когда

он вновь ночью ложился в постель после нескольких часов диктовки, он обычно отпускал меня, но говорил, чтобы к его пробуждению я привел в порядок продиктованный материал. Если же так случалось, что я не делал этого, то он обычно подходил ко мне, говоря, что я лентяй, и клал руку на мое ухо. Это был знак одобрения, которому все завидовали и который был предметом ревности; для императора же это был признак того, что он доволен человеком, проделавшим хорошо ту или иную работу.

Я уже говорил и повторяю это вновь, что в своих апартаментах со своими приближенными он был добр, весел и даже игрив; он обладал всеми качествами, которые вызывали у людей привязанность к нему. Среди продиктованных им заметок, мысли о которых у него возникали после прочтения той или иной книги, ниже привожу одну. Это первый набросок материала, к которому император никогда не возвращался, и я привожу его здесь только в качестве примера отдушины, которую он находил в литературной работе на этой жалкой скале.

«Размышления о самоубийстве.

Имеет ли человек право на то, чтобы убить самого себя? Да, если его смерть никому не наносит вреда и если жизнь стала для него несчастьем.

Когда жизнь становится для человека несчастьем? Когда она предлагает ему только страдание и горе. Но поскольку страдание и горе в своей сущности меняются каждую минуту, то в жизни не существует времени, когда человек имеет право на то, чтобы покончить с собой. Такое время может наступить только в самый момент смерти человека, ибо только тогда он получит доказательство того, что его жизнь была сплошным сплетением зла и страдания. Нет такого человека, который не хотел бы покончить с собой в своей жизни несколько раз, уступая моральным невзгодам своей души, но который через несколько дней не стал бы сожалеть о своем желании из-за перемен в своих чувствах и в обстоятельствах. Человек, который покончил бы с собой в понедельник, стал бы радоваться жизни в субботу, но ведь вы можете убить себя только однажды. Человеческая жизнь состоит из прошлого, настоящего и будущего или, по крайней мере, из настоящего и будущего. Но если зло существует в настоящем, то человек жертвует будущим: невзгоды одного дня не дают права человеку жертвовать своей будущей жизнью. Только человек, чья жизнь плоха и который может быть уверен в том — а это невозможно, — что она всегда будет такой и не изменится ни в своем положении, ни по воле этого человека, благодаря переменам в обстоятельствах или в сложившейся

ситуации или с течением времени — что также невозможно, — будет иметь право покончить с собой. Человек, который, не выдержав тяжести нынешних бед, лишает себя жизни, совершает величайшую несправедливость по отношению к самому себе, подчиняясь из-за отчаяния и собственной слабости минутной фантазии, ради которой он жертвует своим будущим существованием. Сравнение с зараженной гангреной рукой, отрубленной ради того, чтобы спасти тело, не убедительно: когда хирург ампутирует руку, он уверен в том, что это приведет к убийству тела. Это не чувство, а уверенность. Тогда как жизненные страдания приводят к тому, что человек кончает с собой, то он не только освобождается от своих страданий, но он также уничтожает свое будущее. Человек может никогда не сожалеть о том, что лишился руки, но, если бы он мог знать, он бы всегда сожалел, что лишился жизни».

Благодаря именно таким литературным занятиям император стремился отвлечься от скуки своей продолжительной ссылки на скале Святой Елены.

Год 1819-й прошел для императора в чередующихся периодах хорошего и плохого состояния его здоровья. У него стало привычкой прогуливаться то в одном, то в другом из своих маленьких садов, уход за которыми был обязанностью Новерраза. Находившиеся под окнами апартаментов императора, они были окружены небольшим деревянным забором. Набросив на себя утром халат или одевшись днем, император мог выйти в сады прямо из своих апартаментов. Дежурный офицер считал это обстоятельство благоприятным для себя, поскольку ему было намного легче удостовериться в присутствии императора в Лонгвуде, не осуществляя специального наблюдения, которое досаждало императору, и таким образом успокоить губернатора, чья голова всегда была занята навязчивой идеей о побеге императора с острова Святой Елены. В этом году губернатор даже позволил расширить границы охраняемой зоны, позволив Его Величеству совершать прогулки верхом на коне, но император пользовался этим только для того, чтобы разведать местность.

1 января 1820 года император принял, как и в предыдущие годы, новогодние пожелания от гофмаршала и его семьи, от графа де Монтолона, священников и от д-ра Антоммарки. Все они были приглашены на праздничный обед, включая детей, которых по этому случаю император обычно одаривал несколькими золотыми наполеонами с изображением его профиля.

Объявление о прибытии кораблей из Европы всегда было для него счастливой минутой, так как он мог получить новости из Франции. Это было радостным событием и для всей колонии:

газеты прочитывались с большим интересом. Однажды граф де Монтолон, просматривая их, сказал императору, что в Париже собираются снести фонтан на Королевской площади, чтобы на его месте воздвигнуть статую Людовика XIII. «Они только знают то, как совершать глупые вещи, — ответил император, — зачем разрушать общественно полезную вещь ради того, чтобы поставить на ее месте статую ничтожного короля?» В другой статье императора упрекали в том, что он имел слабость окружать себя знатью. «Мармон и Фуше не принадлежали к знатному роду, — возразил император, — Талейран не отправился в изгнание; я вручил свою судьбу Мармону, направив его в Париж, а он отправился туда только для того, чтобы довершить мою гибель».

Через несколько дней он продолжил прерванный разговор о своей судьбе: «Мои действия и события сами по себе отвечают на все клеветнические заявления, высказанные против меня. Я не обременен обычными преступлениями, присущими главам династий. Мне незачем бояться последующих поколений; история, возможно, даже обвинит меня в том, что я был слишком добр. Монтолон, сын мой, — обратился он к генералу, хватая его за ухо, — я могу с уверенностью предстать перед Божьим судом».

По мысли императора каждый должен умереть, придерживаясь той религии, в которой он был рожден: а именно религии предков. Он заявлял, что существует судьба, которой мы все должны подчиняться.

В течение некоторого времени император говорил о расширении садов под его окнами. Он считал, что ему необходимо укрыться от ветров с помощью выступа из взращенной высокой травы. В расширении садов он видел не только средство, чтобы занять время для себя и для всей колонии, но и выгодную возможность дальнейшего отделения дома от линии часовых, занимавших свои посты каждый вечер в 9 часов. Как только все замеры были сделаны и приняты, каждый из нас должен был участвовать в работе. Император занялся физическими упражнениями, полезными для его здоровья. Вся эта работа, как он сказал мне, была также средством, которое бы содействовало выздоровлению графа де Монтолона, а также обеспечило бы тень для дома, который был ее лишен. Он также считал, что, прогуливаясь, он получит возможность избежать наблюдения со стороны дежурного офицера. Граф де Монтолон не догадывался о тех замыслах, которыми руководствовался император: он согласился с идеей Его Величества только потому, что видел в ней способ улучшения явно ухудшавшегося здоровья императора.

Дворецкий, г-н Пьеррон, был послан в город, чтобы купить тачки, киркомотыги, лопаты и все садовые инструменты, чтобы очистить довольно большой участок земли, а затем там разбить сад. У каждого были свои инструменты: сам император взял себе грабли и лопату, которую он использовал в качестве прогулочной трости, когда же он останавливался и наблюдал за работой, то опирался на нее. Работа началась с возведения выступа, засеянного травой, на южной стороне участка территории Лонгвуда, который достиг девяти футов в высоту. Основание выступа составляло девять футов в ширину, а сам выступ протянулся на восемьдесят футов в длину. Сэр Хадсон Лоу увидел в этом выступе то, что ему сказали, а именно — укрытие против ветра, и не стал возражать против его возведения. Но когда он увидел, что забор вокруг маленьких садов отодвинут на такое же расстояние, что и посты ночных часовых от дома, то он стал опасаться за обеспечение безопасности. Он упомянул об этом, но тем не менее не стал противиться тому, что только что осуществил император; тем самым император получил большую свободу вокруг своего дома.

Работой руководили император и граф де Монтолон. Каждое утро, с рассветом, всю колонию будил дежурный слуга. Часто камень, брошенный в мои ставни императором, оповещал о том, что наступило время работы. Моя работа в основном состояла в том, чтобы ставить метки для предстоящих действий под руководством императора. Если же я брал в руки лопату, то ею я скорее исправлял упущения, чем копал в полной мере, что давало основание императору называть меня «наставником». В качестве рабочей одежды император использовал куртку из китайки, которую носят фермеры, и брюки из той же ткани. Он также надевал красные комнатные туфли и соломенную шляпу с широкими полями, чтобы защититься от солнца. Воротник рубашки он выпускал поверх куртки. Для того чтобы его меньше узнавали, он приказал Сен-Дени и Новерразу одеться точно таким же образом. На работу в саду были призваны также доктор, священники и китайские слуги. Каждый трудился в силу своих физических возможностей. Граф Бертран, никогда не приходивший до восьми часов утра, обычно беседовал с императором, когда они вместе прогуливались; граф де Монтолон появлялся на рабочем участке одновременно с Его Величеством. Иногда случалось, что император вручал им в руки лопаты, но с ними они управлялись совсем не так, как Новерраз. «Господа, — говорил он им, — вы неспособны заработать в день даже один шиллинг». Сам же император хотел поработать киркомотыгой, но вскоре отказался от этого, поскольку этот инструмент не

слушался его рук. Плановая работа в садах под руководством императора давала ему возможность совершать полезный для его здоровья моцион: все эти его беседы на свежем воздухе в течение нескольких часов оказывали на него благотворное влияние, и он с аппетитом расправлялся с завтраком.

Когда насыпь была возведена, мы поставили деревянный забор вокруг той части территории, которая находилась напротив лагеря и в которой император более мог не опасаться ветра. Этот ветер, по словам императора, буквально жег его и делал раздражительным. Забор также должен был мешать любым диким зверюшкам забираться в ту часть садов, где император планировал выращивать растения. Эти сады считались внутренними садами резиденции императора и отодвинули линию постов ночных часовых на 80 футов от дома вместо прежних 40 футов.

Когда началась вся эта работа, в Лонгвуд приехал губернатор, предложивший нам все, что мы могли пожелать, включая даже солдат для работы. Граф де Монтолон поблагодарил дежурного капитана, через которого было сделано предложение губернатора, и заявил, что император вполне удовлетворен всем тем, что имелось в его распоряжении, и что он не нуждается в дополнительной помощи. Персонал Лонгвуда был увеличен за счет четырех китайских слуг, которые ухаживали за садами. Император распорядился, чтобы я выдавал каждому их них по 30 шиллингов в месяц в дополнение к жалованью и питанию, которые они получали от британского правительства. От утренней работы в садах был освобожден только повар, который готовил императору завтрак: он подавался в десять часов утра в одном из двух небольших садов в тени маленькой апельсиновой рощи. За завтраком императору компанию регулярно составлял граф де Монтолон. Если до этого времени задерживался граф Бертран, то он также приглашался к завтраку. Иногда по очереди к завтраку приглашались священники и доктор, но это бывало редко. Во время завтрака подавался суп, овощи, мясное блюдо, затем кофе, которое император наливал в чашку, в которой уже был сахар. Мясное блюдо состояло из курицы, или из поджаренной бараньей ноги, или из запеченного спинного хребта ягненка.

Император ел с аппетитом, и казалось, что его здоровье находится в удовлетворительном состоянии, хотя он продолжал жаловаться на бок. Император любил беседовать за столом; обычно в это время он предпочитал вспоминать свою юность. Было приятно слушать его рассказы, у него была прекрасная речь, он никогда не старался подбирать слова, которые, казалось,

лились совершенно естественно. За столом императору прислуживали Сен-Дени и Новерраз; это они потом передавали мне его рассказы.

Он вспоминал Египет и рассказал, как, прибыв в Каир, направил своего сына Евгения передать свой сердечный привет супруге Мурад Бея, которая оставалась взаперти в гареме вместе с другими женщинами. Она была тронута любезными манерами молодого француза и проявленной генералом Наполеоном Бонапартом вежливостью по отношению к ней. Она угостила Евгения Богарне шербетом и подарила ему очень ценное кольцо. «Я передал ей, — рассказывал император, — что она свободна оставаться в Каире или покинуть его, чтобы уехать к мужу. Когда Мурад Бею сообщили о моем внимательном отношении к его супруге, он передал мне свою благодарность».

В другой раз он рассказал о том, как, возвращаясь из Сирии, он хотел получить новости из Европы и послал одного из своих офицеров на борт турецкого флагманского корабля, чтобы провести переговоры о французских военнопленных, будучи полностью уверенным в том, что английский адмирал Сидней Смит задержит этого офицера; но этот офицер, вернувшись, сообщил ему о потере Италии. Именно после чтения газет, переданных ему через этого офицера, он отдал приказ адмиралу Гантому подготовить к отплытию фрегат «Мюирон»; фрегату было приказано проследовать к назначенному месту, где император вступил на его борт и на нем вернулся во Францию, оставив соответствующие инструкции Клеберу. Об этом возвращении во Францию было выдвинуто столько различных версий, что мне доставило удовольствие услышать о нем от самого императора[315].

Однажды император сказал, просматривая «Чудеса Иисуса Христа», что Иисус должен был совершать свои чудеса не в каком-то обособленном от всего месте, в Сирии, и не только в присутствии нескольких человек, в чьей добросовестности можно было бы сомневаться, но в городе, таком, как Рим, на виду у всех его жителей.

Покидая стол после завтрака, император возвращался в сопровождении графа де Монтолона в свою спальную комнату. Если он отпускал графа, то обычно ложился в постель и просил меня читать ему до тех пор, пока не засыпал. Между двумя и тремя часами он принимал ванну и беседовал с одним или с другим из этих господ. Если вызывался доктор, то император беседовал с ним о медицине и об анатомической работе Масканя, чьи гравюры доктор продолжал копировать на острове Святой Елены.

Когда император выходил из ванны, для него уже были готовы две очень горячие простыни. Одну набрасывали на него, и он обычно окутывал ею все тело и из ванной комнаты направлялся в свою спальную комнату, где его поджидал ярко горевший камин; второй простыней он покрывал плечи, после чего становился совершенно сухим. Если император хорошо себя чувствовал, то он обычно сразу же одевался. Он надевал шелковые чулки и туфли с пряжками, затем натягивал на себя брюки из белой материи и оставался оголенным до пояса, чтобы побриться; но на острове Святой Елены он брился только через день. Он очень тщательно готовился к процедуре бритья. Его зубы оставались очень хорошими и блестящими, хотя в течение длительного времени он не прибегал к успокаивающим средствам, а удовлетворялся полосканием рта смесью воды с небольшим количеством бренди. Проведя щеткой по голове и причесав волосы, он затем подставлял нам плечи и тело для массажа щеткой, требуя, чтобы мы с особенной силой массировали его бок в области печени, а также его правое плечо, где он испытывал боль. Помыв лицо в большом серебряном тазу, в котором вода была смешана с одеколоном, он затем наливал в ладонь одеколон и им растирал бок и грудь, после чего слегка смазывал себя одеколоном под мышками. Для своих рук и ногтей он пользовался лимоном. Когда заканчивался весь этот процесс туалета, он полностью одевался точно таким же образом, как я уже это описывал в главе, посвященной «Ста Дням», и отправлялся в гостиную.

Находясь в походных условиях, в своей палатке он так же тщательно занимался своим туалетом, как во дворце Сен-Клу или в Тюильри.

Если император чувствовал себя плохо, то вместо того чтобы одеваться, он обычно ложился в постель, вызывая потоотделение, всегда приносившее ему пользу. На острове Святой Елены император носил только гражданскую одежду с кокардой Почетного Легиона; на голову он надевал треугольную шляпу, так хорошо известную всей Европе. Его Величество одевался в белое каждый день; ему нравилось выглядеть очень аккуратным, но он не принимал особых мер предосторожности, чтобы не запачкаться. Ему нравилось чувствовать себя свободно в своей одежде, и он не хотел, чтобы ему меняли ее. Все белье императора было отмечено буквой «Н», увенчанной императорской короной; корона была даже на его шелковых чулках, на их верхах, украшенных вышивкой.

Однажды, когда утром граф Бертран был у императора, а император, совершая свой туалет, массировал все тело щеткой

точно так, как я описывал это выше, он спросил графа, не массирует ли тот себя подобным образом. «Нет, сир», — ответил гофмаршал.

«Бертран, вы совершаете ошибку, такой массаж предохраняет от многих заболеваний».

«Сир, мне уже почти пятьдесят лет, я обходился без массажа, и мне от этого не стало хуже».

«Видите ли, массаж моей печени идет мне на пользу, вы не верите этому? — спросил император. И поскольку гофмаршал с улыбкой смотрел на него, император продолжал: — Вы не верите, что я болен, вы в этом похожи на вашу супругу, которая тоже не хочет верить этому!»

«Сир, пусть Ваше Величество разрешит мне заявить, что Ваше Величество совсем не выглядит так, словно у него плохое состояние здоровья».

«Бертран, вы еще смеете спорить! — схватив гофмаршала за горло и прижав его к стене, император воскликнул: — Кошелек или жизнь, аристократ!» — сказав это, император отпустил гофмаршала.

«Ваше Величество позволит мне сказать, что, судя по всему, силы не покинули Ваше Величество, ибо, несомненно, Ваше Величество на редкость крепко держало меня».

«Хотя я и не высокого роста, но я всегда был довольно сильным физически, — заявил император. — Я помню, когда был в военной школе, мы, юноши из не очень знатных семей, обычно дрались с сыновьями вельмож, выходцами из самых знатных семей, и я всегда брал верх в этих драках!» Зная о весьма либеральных убеждениях гофмаршала, император дразнил его «аристократом».

Глава двадцать вторая

Месса в Лонгвуде — Хозяйственные дела резиденции — Финансовые расчеты Лонгвуда — Новые садоводческие проекты — Император и дети — Сновидение императора

Пока в садах продолжалась работа, император обычно выходил в тот или иной сад и направлялся к китайским рабочим. Однажды один из них стал копать в непосредственной близости от высокого тисового дерева и сильно повредил несколько крупных корней. Я решил, что это нанесет большой ущерб самому дереву. Я обратил внимание императора на это, на что он мне ответил: «Если позади тебя накрыт обильный стол, а ты голоден и тебе разрешили присесть, то ты, конечно, найдешь возможность

повернуться к столу и утолить твой аппетит. То же самое и с деревом: оно с другой стороны извлечет из оставшихся корней необходимое вещество, которое было отнято у него».

Был куплен небольшой насос, который водрузили на колеса; теперь его можно было легко перевозить по всему саду. Сен-Дени или Новерраз обычно работали с рычагом насоса, а император, взяв в руки шланг, с удовольствием поливал те места, которые, как ему казалось, страдали от засухи. Прохаживаясь с графом де Монтолоном по дорожкам своих садов, император поджидал время обеда. Покидая обеденный стол, он, если позволяла погода, садился в карету, приглашая графа и графиню Бертран составить ему компанию в прогулке. Но гораздо чаще он отправлялся кататься в карете вместе с графом де Монтолоном, а уже на обратном пути заезжал к графине Бертран, которая часто болела, и проводил с ней несколько часов. Работа в садах Лонгвуда вызвала повышенный интерес в городе.

В числе посетителей, пожелавших осмотреть сады, была юная дочь г-на Лоу, отличавшаяся привлекательной внешностью. Ей было любопытно увидеть не только сады, но также хотя бы мельком императора, которого она не знала. Судьба распорядилась таким образом, что когда она оказалась на территории Лонгвуда, то ее встретил граф де Монтолон, которому она поведала о желании, приведшем ее в Лонгвуд. Антипатия императора к губернатору не распространялась на его семью. Граф де Монтолон, не мешкая, протянул ей свою руку и повел по саду, переходя с одной дорожки на другую. Там она буквально лицом к лицу столкнулась с императором, прогуливавшимся вдоль длинной аллеи, обсаженной страстоцветом, чьи листья образовывали над аллеей свод. Она немало смутилась, но ненадолго, так как император быт очень любезен по отношению к ней. Ей были предложены сладости, а император преподнес ей розу в качестве памятного подарка о ее паломничестве в Лонгвуд. Эта молодая девушка родилась от первого брака госпожи Лоу. Ее мать сама была очень привлекательной женщиной, которая более всего хотела быть представленной в Лонгвуде и иметь честь принять императора в своем доме; но поступки ее мужа, направленные на то, чтобы вызывать раздражение императора, всегда становились препятствием для выполнения ее желания.

Священники привезли с собой два дорожных сундука: в одном находились церковные ризы и очень красивая церковная утварь, подаренные кардиналом Фешем; другой содержал газеты и книги, которые представляли бы небольшой интерес, если бы не переписка императора, опубликованная Панкуком, оказавшаяся

среди этих книг. Когда дорожные сундуки были открыты, император заявил: «Первый сундук является владением Святого Петра, отправьте его Буонавите. Что же касается второго, то он принадлежит мне». В этом сундуке его особенное внимание привлекли восемь томов его переписки, последовательно испещренных заметками, сделанными его собственной рукой; другие книги его мало интересовали. По этому поводу император сказал мне: «Кардинал мог бы раскошелиться на несколько тысяч франков и выслать мне несколько действительно хороших книг». Однако, после того как я выбрал одну за другой все книги и добрался до дна сундука, я обнаружил там красивый портфель из кожи зеленого цвета, который хранил портреты Римского короля и сына принца Евгения, присланные принцем. При виде портрета своего сына на лице императора появилась добрая улыбка. Глаза императора увлажнились: «Бедный ребенок, — заявил он, — какая судьба!» Затем, вручая мне портрет, он сказал: «Вот, возьми и поставь его на мой стол, чтобы я мог видеть его каждый день». С собой я привез из Елисейского дворца в исполнении Исабея портрет Римского короля, когда он был ребенком, и в этот день император передал мне его[316].

Со времени приезда священников мессу служили в гостиной. Император решил, что столовую комнату, которая больше не использовалась, следовало переделать в часовню, а его гостиную сделать столовой комнатой. С этого момента стол в столовой стал служить только для церковной службы. Мы все дружно принялись за работу, и преобразование бывшей столовой было завершено. Новерраз, которому помогал китайский плотник, соорудил алтарь с двумя ступеньками, которые легко убирались после службы. Г-н Пьеррон, отменный мастер на все руки, сделал очень красивую золотую с белым дарохранительницу для дароносицы и святого причастия. Был закуплен красный атлас, который натянули поперек задней стены в шесть футов в обхвате. На боковой стене повесили шторы, которые поддерживались с помощью двух позолоченных крючков для занавесок, чтобы не свешивались с потолка. Ступеньки алтаря были покрыты зеленым бархатом, который далее простирался в виде ковра под ножки молитвенной скамьи императора; буква «Н», увенчанная короной размером в один фут, украшала середину ковра, а в каждом углу ковра разместили такие же буквы, но гораздо меньшего размера. У нас не хватило тесьмы, чтобы, как нам хотелось, к буквам добавить корону. Если британское правительство изо дня в день забывало о величии императора, то с нами дело обстояло по-другому: для всех нас императорский престиж оставался точно таким же, как если бы император по-прежнему восседал на троне. В разговоре с

графом де Монтолоном я упомянул о коронах, и граф тут же вспомнил о существовании мундира, который он носил, когда служил помощником принца Невшательского; на этом поношенном мундире мы обнаружили не только тесьму, которой нам не хватало для корон, но и материал для того, чтобы добавить большой крест к основанию алтаря. С обеих сторон дарохранительницы, увенчанной черным крестом с серебряным, превосходной работы, Христом, были установлены два подсвечника с шестью подставками для свечей. На помосте, возвышавшемся над алтарем, на одной линии с подсвечниками стояли две китайские вазы, которые по воскресеньям украшались цветами. Вся эта работа по устройству часовни была закончена в период между понедельником и субботой без какой-либо посторонней помощи. Сильные руки и готовность поработать всегда присутствовали у нас, когда вопрос касался необходимости услужить императору и продемонстрировать ему наше рвение и преданность. В следующее воскресенье мы смогли получить громадное удовольствие от изумленного вида императора, поскольку Его Величество ничего не знал о той подготовительной работе, которую мы провели, чтобы должным образом украсить комнату, предназначенную им в качестве часовни. Все было готово к двенадцати часам дня. Единственная дверь, пропускавшая дневной свет в эту комнату, была закрыта, и комната освещалась свечами в подсвечниках и двумя лампами с круглыми матовыми стеклянными абажурами, поставленными на столах по обе стороны алтаря.

Отец Буонавита, служивший мессу, пришел облаченный в свои самые красивые одеяния. Ему помогал отец Виньяли, а старшему сыну графа Бертрана было поручено обслуживать мессу. На мессу пришли граф и графиня Бертран с остальными детьми и слугами. Я отправился сообщить императору, который был в своих апартаментах с графом де Монтолоном, что священник находится у алтаря. Через несколько минут дверь, ведущая из его спальной комнаты в часовню, открылась и появился император, который занял свое место между креслом и молитвенной скамьей, поставленной для него впереди всех. Позади него были гофмаршал, графиня Бертран, ее дети и граф де Монтолон, а уже после них — обслуживающий персонал Лонгвуда. Так как в часовню не проникал дневной свет, то это придало всей религиозной церемонии таинственный вид.

Обратившись с приветствиями к императору, священники начали мессу, которая была благоговейно выслушана. Когда месса закончилась, император вышел в гостиную и затем в сад, сопровождаемый своей свитой. Через полчаса все было убрано из

столовой комнаты и спрятано до следующего воскресенья.

До тех пор, пока здоровье императора позволяло, вся религиозная процедура проводилась именно таким образом. Но когда здоровье императора ухудшилось, он мог слушать мессу, только оставаясь в постели, но с открытой дверью между его спальной комнатой и часовней. Он разрешил гофмаршалу использовать отца Виньяли для мессы в его доме, а также, если губернатор не стал бы возражать, приглашать к себе ирландских офицеров и солдат из английского военного лагеря, которые были лишены католической службы, чтобы они присутствовали на мессе. Однако этого так никогда не случилось.

Император добавил к уже красиво украшенной часовне стихарь, отделанный шелком, и этой же материей был покрыт алтарь. У отца Буонавита стихари были из грубой материи, и ему хотелось иметь более красивые. Он сказал мне об этом и спросил, не могу я сказать императору, что его стихари попорчены крысами во время поездки на остров Святой Елены. «Если вы хотите, чтобы на вашей совести была такая ложь, — ответил я ему, — то я сделаю это».

«Нет, этого я не хочу, — заявил он, — но грех не будет уж очень большим». В тот же вечер я упомянул императору о просьбе отца Буонавита. Император от всего сердца смеялся над уловкой доброго отца и распорядился, чтобы ему сделали стихари из красивого материала.

Когда император в первый раз вошел в часовню, он выразил свое удовлетворение тем сюрпризом, который мы приготовили для него. Граф де Монтолон сообщил мне, что император был тронут, когда ему сказали, что все в часовне сделано без посторонней помощи. У императора была религиозная душа, умирая, он сделал заявление о своей вере: «Я умираю, принадлежа к римско-католической и апостольской церкви со дня моего рождения более пятидесяти лет тому назад». Это заявление свидетельствует о его чувствах в этом вопросе.

Как бы то ни было, но я не могу сказать, что эти чувства были лучше высказаны в Париже или на острове Эльба, чем на острове Святой Елены. Когда император входил в часовню, он обычно шел на свое место, крестился и становился на колени на свою молитвенную скамью. Поднимаясь со скамьи, он обычно отдавал поклон без какого-либо проявления чувств. Религиозные чувства императора восходили к дням его детства и были результатом его раннего религиозного воспитания; они были заложены глубоко в его сердце, и позднее его гений использовал их в качестве средства правления. Он говорил, что считает, что те люди, которых привлекает таинство в религии, должны искать его в

разумной морали религии, а не в действиях Ленормана или Калиостро. Его приверженность религиозным обрядам не простиралась далее посещения мессы; он пренебрегал ограничениями и только воздерживался от мясной пищи в Великую Страстную пятницу. Его отношение к религии характеризуют слова, обращенные к графине де Монтескью, когда он вверял ей своего сына: «Мадам, я вверяю вам судьбу Франции: сделайте из моего сына хорошего француза и доброго христианина, отдельно они не могут существовать». Так как некоторые придворные, присутствовавшие при этой сцене, не могли удержаться от улыбки, император заявил им: «Да, господа, религия для меня является основой нравственного поведения и хороших манер».

Легкость, с которой была создана часовня, подтолкнула императора к идее смены обоев в двух его комнатах, поскольку обои из китайки, хлопчатобумажной ткани, стали грязными и испортились из-за влажности. Граф де Монтолон предложил использовать белый муслин. Император предпочитал шелк, но я напомнил ему о той трудности, с которой мы столкнулись, когда старались достать небольшое количество шелка, необходимое для задней стены часовни. Я добавил, что будет практически невозможно найти необходимое количество рулонов шелка, чтобы покрыть им стены его комнаты. И, наоборот, муслин из Индии в полоску или без узора можно будет купить без всяких затруднений. У императора было хорошее настроение, и он сказал мне: «Ладно, я вижу, ты не хочешь шелка. Уточни высоту стен и размеры комнаты, чтобы я смог подсчитать расходы». Я представил ему необходимые размеры. Он произвел примерные расчеты и предоставил мне полную свободу действий для приведения в порядок сначала одной, а затем и второй его комнаты.

Император был твердо настроен против того, чтобы в его дом приходили англичане для чистки мебели и стен, поэтому я сказал ему, что мы сами с помощью китайского слуги справимся с ремонтом его комнат и что никто из посторонних лиц нам не понадобится. Взяв перочинный нож, император проделал им большое отверстие в обоях, чтобы посмотреть под ним на стены, которые оказались весьма грязными и в плохом состоянии. На следующий день каждый из нас продемонстрировал свое служебное рвение: обои из китайки, натянутые на раму, были удалены, а стены спальной комнаты оклеены белой бумагой. Китайский рабочий сделал побелку потолка, в то время как другие рабочие почистили и натерли воском мебель, которую вынесли наружу. После того как были произведены замеры в

комнатах, было закуплено необходимое количество муслина в полоску. Жена Новерраза, которой оказывала помощь женщина из военного лагеря, разрезала материю на длинные куски и прикладывала их друг к другу. Затем она подрубала швы вверху и внизу каждого куска материи, и так как все эти секции муслина вместе были намного шире стены, то теперь их можно было стянуть ниткой по шву и придать им ребристый вид, который был намного изящней, чем если бы полосы муслина просто свисали гладко. Собранная в складки маленькая занавеска из того же муслина, высотой в восемь дюймов, помогла прикрыть верхний шов, в то время как такая же занавеска внизу покоилась на плинтусе. По указанию графа де Монтолона из города привезли ковер, заменивший тот, что пролежал на полу в течение последних четырех лет. Из куска зеленого шелка, купленного в городе, я распорядился сделать два новых полога для императорских маленьких походных кроватей. Латунные столбики кроватной короны мы заменили серебряными эмблемами, оставшимися после разбитого столового серебра: они идеально подошли к внешнему виду кровати и производили потрясающий эффект. Портреты императрицы и Римского короля были поставлены на старое место. Восемь дней оказалось достаточно для того, чтобы достигнуть метаморфозы, которую мы планировали. Гофмаршал захотел внести свой вклад в общее дело и прислал позолоченные латунные часы и небольшой бюст Римского короля, изображавший его еще ребенком, и эти предметы были поставлены на каминную полку в спальной комнате императора. Наши старания потерпели бы крах, если бы все вещи не были поставлены на прежнее место в тот же самый день; нужно было, чтобы император смог вступить во владение отремонтированной комнаты в тот же вечер и спать уже в ней. Граф де Монтолон понимал наше желание, о котором я сообщил ему, и сделал все, чтобы император оставался в гостиной на несколько часов позже обычного. Как мы ни старались в течение дня, но мы закончили работу только в 7 часов вечера. Император был столь любезен, что вернулся в свою комнату только в это время. В горелке для ладана тлели две облатки ароматического вещества «Удиган»; так как в течение длительного времени император довольствовался тем, что в его спальной комнате для благоухания сжигали сахар или уксус, то, вступив в комнату, он был приятно удивлен, когда его тонкое обоняние ощутило новый аромат. Он решил, что это тлела веточка алоэ. Я объяснил ему, что это две облатки из шести коробок, привезенных в город. Пьеррон доставил их в Лонгвуд, зная, что я просил их закупать всякий раз, когда новый корабль прибывает из Европы.

Император не мог удержаться от довольной улыбки при виде так хорошо отремонтированной комнаты, мягко освещенной лампами под абажурами и к тому же так приятно благоухавшей. Он воскликнул: «Ведь это не спальная комната, это — будуар молодой любовницы!» Он еще не видел своей постели; когда он увидел серебряные эмблемы, заменившие латунные шары, он повернулся ко мне, ухватил мое ухо и улыбнулся той счастливой улыбкой, которая так хорошо выразила чувства его души: «Это венец всего, — заявил император, — идея становится тем лучше, когда она хорошо срабатывает; что вы думаете по этому поводу, Монтолон?»

Свежий вид этой комнаты представлял собой такой контраст со второй комнатой императора, что он не мог удержаться, чтобы не сказать мне: «Абсолютно необходимо, чтобы моя вторая комната была приведена в такой же порядок». Через несколько дней подобная трансформация произошла и с другой комнатой, также без посторонней помощи, что в глазах императора повысило ее достоинства. Осуществление всех этих проектов в Лонгвуде началось в октябре 1819 года и завершилось в декабре того же года.

На острове Святой Елены у императора были две небольшие походные кровати; ночью он обычно менял кровати, переходя из первой спальной комнаты во вторую. Император несколько раз говорил мне, что если он заболеет, то эти кровати будут для него слишком узкими. У графа де Монтолона была кровать из позолоченной латуни, которую он купил в городе. Он предложил мне поставить эту кровать во второй спальной комнате императора. Было рискованно проделать эту операцию без одобрения императора, который не любил перемен в повседневной жизни. Это даже было связано с риском лишиться драгоценной награды, которую мы надеялись заслужить от него: выраженного им удовлетворения по поводу нашего усердия. Для этой кровати был закуплен зеленый шелк для полога. В хранившихся мною запасах императорского белья были различного вида кружева, включая и кружево из Алансона; я отделал им пикейное покрывало, так же как и наволочки для подушек. Эта кровать представляла собой величественное зрелище. В этой комнате не было зеркала, и я попросил, чтобы мне купили его в городе, но там его не оказалось. Г-н Дарлинг, который отвечал за меблировку нового дома, узнал об этом и немедленно выслал мне зеркало высотой в четыре фута и в три с половиной фута шириной, предназначенное для нового дома. Мы поставили это зеркало на комод, поскольку в этой спальной комнате не было камина. Чтобы полностью обставить эту

комнату, мне прислали два небольших книжных шкафа. Когда меблировка комнаты завершилась, в нее зашел император и всем своим видом выразил удовлетворение. Однако, когда он стал укладываться на новой кровати, он заявил мне: «Я не хочу лишать Монтолона его кровати, мы должны вернуть ее». Эта кровать была заменена второй походной кроватью, поскольку император, опробовав кровать Монтолона, нашел, что он чувствует себя в ней очень неудобно. «Все эти кружева, — заявил он мне на следующее утро, — хороши только для супруги гофмаршала».

Так как обе спальные комнаты были примерно одного и того же размера, то я заказал третий набор муслинового покрытия стен, что позволило менять его через каждые два месяца в одной из двух комнат. Вся эта работа по смене покрытия стен совершалась безо всякого труда за два часа. Император хотел знать, какая сумма потребовалась на все то, что он назвал «большим количеством прекрасных вещей». Весь труд, пояснил я ему, в основном пришелся на долю жены Новерраза, которая отказалась назначить цену за свою работу. «Я этого не хочу, — заявил император, — но если она не занята постоянной работой, то вмени ей в обязанности надзор за всем бельем в доме, положив ей жалованье в размере 1200 франков в год, и выплати ей деньги за первый месяц».

Когда в конце декабря 1819 года я представил императору финансовый отчет о расходах, произведенных за месяц, включая расходы на оборудование часовни, двух спальных комнат, по работе в садах, что достигло суммы 1200 франков, он заявил мне, смеясь: «Прекрасно! Великий казначей! И сколько же ты заработал для себя из этой суммы? Потому что всегда кое-что прилипает к рукам финансиста». Затем он продолжил разговор о нечестности кассиров. В качестве примера он назвал хорошо известного человека, который пользовался доверием императора и заведовал его наличными деньгами «Из-за какой-то ерунды он потерял мое доверие, — вспоминал император, — растратив 30 или 40 тысяч франков. Он попытался настаивать на том, что я подарил ему эти деньги, но у меня отличная память. Я сказал ему: «Я могу подарить миллион, но я не хочу, чтобы у меня украли хотя бы один грош. Принеси мне твою финансовую отчетность». Затем император добавил: «Я всегда заставлял воров вернуть обратно то, что они стащили. Это случалось каждый раз, когда я ловил их».

Император требовал, чтобы при покупках брались квитанции для подтверждения расходов, записанных в бухгалтерские книги, но он никогда не проверял их. Я получал 12 000 франков в месяц со счетов графа Бертрана в Англии, которые он открыл для

императора. Это был именно г-н Хетсон, правительственный уполномоченный, в обязанность которого входила выдача мне этих денег под мою расписку. Эти деньги распределялись следующим образом:

Расходы — В месяц (В год)

Гофмаршал — 2000 (24 000)
Граф де Монтолон — 2000 (24 000)
(После отъезда его семьи Монтолон получал только 1500 франков)
Дополнительные домашние расходы — 3500 (42 000)
Жалованье для обслуживающего персонала (эта сумма представляла собой аванс из расчета полного жалованья) — 1500 (18 000)
На одежду императора — 1000 (12 000)
Священники и доктор:
Отец Буонавита — 250
Отец Виньяли — 250
Д-р Антоммарки — 250

Эти суммы являлись авансами из расчета их полного жалованья. 500 франков для священников были взяты из жалованья графа де Монтолона после отъезда графини де Монтолон, поэтому он получал только 1500 франков в месяц. 250 франков для доктора брались из фондов, предназначенных для дополнительных хозяйственных расходов Лонгвуда.

Когда в моей денежной шкатулке набиралась значительная сумма, то я менял ее на золото, на испанские золотые монеты или на индийские рупии. Обычно я ставил об этом в известность императора и клал золото в так называемую шкатулку для резервных денег, от которой у меня имелся ключ. В этой шкатулке, хранившейся под императорским столом, было 300 000 франков, когда скончался император. Моих денег там было 25 590 франков.

Однажды император рассказывал, что после потери флота в Александрии он должен был найти путь для умиротворения шейхов и произвести впечатление на фанатически настроенную часть местного населения. «Мне сообщили о присвоении денег, совершенном казначеями великой мечети Джемиль Эль-Азар[317]. Однажды я отправился туда, — продолжал свой рассказ император, — в сопровождении шейхов; я не стал скрывать своего удивления по поводу того, что так плохо содержится храм пророка. Я вызвал казначеев мечети и попросил их принести

финансовые книги. Изучив их, я легко обнаружил финансовые нарушения. Казначеи мечети оказались неспособными что-либо сказать в свою защиту. Я прогнал наиболее крупных мошенников, посчитав, что они недостойны служить в такой мечети, и потребовал от тех, кто остался работать, чтобы они в будущем поддерживали мечеть в лучшем состоянии. Шейхи, присутствовавшие при этой сцене, пали ниц передо мною, выражая восхищение моим поступком и восклицая: «Шала! Шала!»[318]

Такую же проверку я устроил в отношении коптских христиан, в чьи руки уже попала часть финансового администрирования; после прибытия французов в Египет копты позволили себе заняться воровством, полагая, что они в достаточной мере защищены присутствием нашего оружия. Я узнал, что на них поступает много жалоб, и у меня были неопровержимые доказательства их воровства. Некоторых из них я отправил в тюрьму, а других выгнал, оставив только небольшое число тех, чья финансовая отчетность показала, что они были честными людьми. Эта моя строгость в решении административных проблем произвела хорошее впечатление, она заставила несколько остыть фанатиков и вызвала ко мне доверие шейхов, даже шейха Саада, который относился к нам враждебно».

Император рассказал, как однажды, когда он готовился отправиться в Египет, императрица Жозефина попросила его взять с собой карлика, находившегося у нее в услужении, которому, как она заявила, император мог вполне доверять. «Я так и сделал, и этот карлик казался мне достойным ее слов до тех пор, пока я не покинул Египет, чтобы отправиться в Сирию. Я оставил карлика со всеми моими вещами, и вскоре после этого распространились слухи о том, что мы потерпели поражение и убиты. Этот плут, уверенный, что я не вернусь, задумал продать мой винный погреб с большим выбором отличных вин. Он был очень разочарован, когда вновь увидел меня, и еще больше расстроился, когда в его присутствии мой дворецкий сообщил мне, что у меня осталось только несколько бутылок вина. Я спросил карлика, что он сделал с моими винами, и он признался, что, считая меня убитым, продал вино, чтобы заработать деньги. Я настолько рассердился, что хотел повесить его, но ограничился только тем, что вышвырнул его вон».

«Сир, — добавил гофмаршал, который был свидетелем той сцены, — я хорошо помню тот случай. Мы пили прекрасное вино, выставленное из погреба генерала, командующего армией в Каире, в доме одного высокопоставленного офицера. Этот генерал не стал хвастаться тем, каким образом ему досталось это

вино».

В декабре перепланировка садов и посадка новых деревьев закончились. Для того чтобы обеспечить тень около дома, мы, не задумываясь, даже рискуя, что деревья погибнут, перенесли несколько старых деревьев к дому вместе с большим количеством земли на их корнях. Эта операция потребовала усилий двадцати человек. Мы уже успешно проделывали это с лимонными деревьями, которые создали императору такое хорошее убежище в маленьком саду; на этот раз мы решили пересадить дубы, которые на этой широте — или по крайней мере в Лонгвуде — не вырастали высокими, но были с длинными развесистыми ветвями, как у яблонь во Франции. Мы пересадили несколько дубов, которые хорошо принялись на новом месте, а один из дубов был назван «императорским дубом»; он был посажен у тропинки около дома. Если император не завтракал внутри дома, то он просил, чтобы ему подали завтрак под его дубом, который своими развесистыми ветвями обеспечивал тень. Были также пересажены и персиковые деревья. И они росли очень хорошо. Через двадцать лет, когда меня призвали вернуть останки императора с острова Святой Елены, я не обнаружил и следа садов: исчезло буквально все. Стоял только дуб, но он не вырос; на прежнем месте с частью насыпи, поросшей травой, все еще был большой каменный водоем, но теперь уже полностью разрушенный.

Однажды императору захотелось позавтракать вместе с шумной компанией детей графини Бертран. Сен-Дени рассказал мне, что завтрак проходил в хорошей обстановке, но к его завершению дети принялись бросать друг в друга хлебные шарики. Император посадил на свои колени самого младшего из детей и, целуя его, стал поддразнивать тем, что тянул его за уши. Эта сцена, происходившая под апельсиновыми деревьями, напомнила мне о том, как император вел себя со своим сыном. Когда госпожа де Монтескью приносила Римского короля к императору во время его завтрака, император обычно сажал сына на колени и давал ему попробовать подкрашенную вином воду — хотя Римский король еще кормился от груди — или подносил к губам сына немного мясной подливки или соуса, в зависимости от того, что у него было под рукой. Графиня де Монтескью возражала против такого угощения: император обычно разражался смехом, а Римский король вслед за отцом тоже начинал смеяться. Императрица, присутствовавшая при этих сценах, также выглядела веселой, но обычно она не знала, как ей поступать, или из-за присущей ей застенчивости, или из-за опасения обидеть своего сына. Она не демонстрировала по

отношению к сыну непроизвольных порывов нежности, которые проявляют к своим детям матери; она даже чувствовала себя неловко, когда брала сына на руки, и это обстоятельство дало повод для слухов о том, что она не любит своего сына. Моя мать всегда говорила мне об обратном: императрица испытывала большую любовь к Римскому королю. Это правда, что она редко брала его на руки, но если она не проявляла внешних знаков своей большой любви к нему, то это потому, что он всегда был в сопровождении госпожи де Монтескью. Императрица привыкла чувствовать себя не совсем комфортно в присутствии этой дамы, в отношении которой она не всегда была справедлива, в то время как император знал, как следует демонстрировать свое доверие к г-же де Монтескью.

Присущие императрице великодушие и чувствительность делают честь ее сердцу и душе. Во время ее пребывания во Франции она не давала никакого повода, чтобы ее могли в чем-то упрекнуть. Моя мать всегда говорила мне, что первая реакция императрицы в отношении людей всегда была превосходной, но дурное влияние, которое оказывали на нее, портило все. Достойно сожаления, что позднее, будучи внучкой Марии Терезы, она не знала, как оставаться вдовой Гектора.

В течение длительного времени вода в Лонгвуд доставлялась только в бочках, которые китайские слуги тащили на ручных тележках. Губернатор дал указание осуществить большие работы по строительству вместительного водного резервуара у пика Дианы; когда эта работа была завершена, вода по трубопроводам стала поступать не только в Лонгвуд, но также и в английский военный лагерь. Некоторое время струйка воды текла по трубопроводам в сооруженный нами резервуар, возвышавшийся над землей на несколько футов. Из этого резервуара мы могли распределять воду в те места в саду, где орошение было затруднено. У императора зародилась идея соорудить бассейны, вода в которые будет доставляться по трубопроводам; сады раскинулись на слегка наклонной плоскости, и поэтому было легко направлять избыток воды из одного бассейна в другой. Император определил очертания, которые он хотел придать первому бассейну, намеченному на самом высоком месте, а также его широту, его глубину и размеры двух других бассейнов, запланированных ниже первого.

Первый бассейн имел 14 футов в поперечнике и глубину в два с половиной фута. Второй бассейн представлял собой громадную цистерну с 12 футами в диаметре с глубиной в 4 фута, а третий, также в виде цистерны, имел 6 футов в диаметре с глубиной в 4 фута. Только эти две цистерны стоили 1800

франков; первый бассейн с кирпичной кладкой, сооруженный в форме полуокружности и облицованный свинцом, стоил 1000 франков. Сбоку от этого бассейна был построен вольер в китайском стиле. Сам бассейн был соединен с другим бассейном, находившимся между первым и вторым, каналом, специально вырытым на лужайке. Днище канала было выложено деревом с одним футом в ширину и с двумя дюймами в глубину. По этому каналу избыточная вода из первого бассейна переливалась во второй. Этот второй бассейн точно таким же образом соединялся аналогичным каналом с третьим бассейном; и, когда возникала необходимость, из этого третьего бассейна вода по деревянным желобам доставлялась на участок сада, расположенный еще ниже и предназначенный для огорода. Земля, вырытая для сооружения всех трех бассейнов, была сначала свалена в конце сада в одну кучу, принявшую вид холма, по высоте сравнявшегося с верандой. Ему придали цилиндрическую форму, уложив землю в виде террас, образовавших амфитеатр. Каждый ярус этого амфитеатра был засеян травой, чтобы не образовывались земляные оползни. Там же можно было сажать цветы и кусты роз. Все это место выглядело очень красиво, но оно мешало видеть участок сада, предназначенный для выращивания овощей.

Однажды утром император приказал, чтобы мы взяли наши киркомотыги и лопаты, принесли бревна и доски и в этой куче земли прорыли траншею для сооружения в ней небольшого грота. Сначала он заставил нас прорыть между вторым и третьим бассейнами траншею глубиной в 4 фута, длиной в 8 футов и шириной в 4 фута. Тем самым траншея достигла уровня огорода в саду, в который император теперь мог пройти через грот. Самой трудной частью работы оказалось выкапывание траншеи в тех местах, где земля была свалена большими нераздробленными пластами; все же с помощью бревен и досок траншея была прорыта. Как я уже сказал, эта траншея начиналась от второго бассейна, в той его части, где он был открытым, и продолжалась до третьего бассейна, протянувшись сквозь грот. Ступени, находившиеся около большого бассейна, позволяли войти в траншею и продолжить путь до огорода. Деревянная водосточная труба на дне центрального бассейна давала возможность воде литься в большой деревянный желоб, проходивший через грот, и затем из желоба в бочки, установленные у огорода для того, чтобы облегчить его поливку. Я привожу здесь все эти технические подробности потому, что императору очень нравилось вникать в них, а также чтобы показать, что мы все были готовы делать все, что угодно, лишь бы помочь Его Величеству забыть о своих страданиях и о своей неволе.

По своей форме грот был круглым; в него были вставлены маленькие двери с окнами, деревянный интерьер грота был покрашен масляными красками. Император часто заходил в него, чтобы просто посидеть. В бассейны были запущены рыбы, но некоторые из них подохли. Используя свинцовую трубу, ведущую из главного резервуара, мы соорудили маленький фонтан в центральном бассейне. Шанделье, главному повару, было поручено следить за его использованием, и он блестяще справился со своей задачей. Фонтан включался только тогда, когда из дома выходил император. Все эти подробности покажутся пустячными, но они свидетельствуют о желании тех людей, которые разделяли императорскую неволю, каким-то образом облегчить его страдания. Для них единственной наградой, которой они добивались, была улыбка императора, выражавшая чувство удовлетворения.

К дальнейшим нововведениям император, казалось, интереса не проявлял. Дорожки в садах были уже все проложены, цветочные клумбы высажены, а различные небольшие участки земли, остававшиеся пустыми, засеяны семенами травы. Император уже любовался горохом и фасолью, пустившими ростки из земли, когда однажды утром, выйдя из своих апартаментов наружу в халате, он заметил пять или шесть кур, рывшихся в земле на его огородном участке. Он поручил мне передать владельцам кур, чтобы эту домашнюю птицу они держали взаперти, потому что он уже раньше замечал несколько кур, бродивших в его садах. Приказ был незамедлительно приведен в исполнение, но куры, которых разводил повар, чтобы продавать их поставщику Лонгвуда, оказались без его присмотра. Взбешенный ущербом, нанесенным его огороду, император сразу же вернулся в дом, вызвал Сен-Дени и потребовал, чтобы тот принес его дробовики. Взяв себе один из них, император вышел наружу, восклицая: «Это уже наглость!» Сен-Дени и я последовали за императором. Бедные куры продолжали наносить ущерб огороду, роясь в его земле и не подозревая, что свинцу предстоит положить конец их занятию. Все они сгрудились в одну кучу. Император прицелился в них, три курицы были сражены одним выстрелом, другие куры полетели прочь, а четвертая курица была сбита вторым выстрелом, когда она взгромоздилась на ограду.

«Подбери мою добычу, — приказал император Сен-Дени, — отнеси ее кухню и пусть мне из этих кур приготовят прекрасный суп». Затем, повернувшись ко мне, он добавил: «Запрещаю тебе платить за них, независимо от того, кто их владелец!»

Выстрел, прозвучавший так близко от дома, заставил всех выйти наружу; те, кто держал у себя кур, посчитали, что им было

сделано серьезное предупреждение, и с тех пор кур не стало видно.

Эти выстрелы были первыми, которые сделал император в течение длительного срока и которые заставили его пожалеть об отсутствии дичи и невозможности заниматься охотой. На острове было небольшое количество диких голубей, но они перелетали из одной долины в другую, и для того, чтобы преследовать их, необходимо было покрыть большое расстояние. Однажды, когда несколько диких голубей приземлились недалеко от императора, он послал слугу за дробовиком, но, прежде чем ему принесли дробовик, дикие голуби уже исчезли.

Через несколько дней коза и несколько козлят, принадлежавших Аршамбо, паслись на лужайке в пятидесяти или шестидесяти шагах от дома. Коза была на привязи, а козлята прыгали вокруг нее. Они не причиняли никакого вреда, но император хотел доказать свое искусство в стрельбе; он послал Сен-Дени зарядить его дробовик патронами, прицелился в одного из козлят и ранил его в плечо. Коза и второй козленок подняли головы, не понимая, откуда прозвучал выстрел. Император собирался было прицелиться во второго козленка, но вместо этого сказал: «Он еще в сознании, ранение было легким, отнесите раненого козленка на кухню!» Через несколько недель он распорядился, чтобы Аршамбо купил нескольких козлят, в которых император редко промахивался с довольно приличного расстояния. В связи с этим случаем император рассказал графу Монтолону, какой ущерб приносили хозяйству крестьян, и особенно молодым деревьям, множество коз, расплодившихся на Корсике. «Я всегда выступал за то, чтобы уничтожать их, и по этому поводу горячо спорил с моим пожилым дядей, архидьяконом, у которого было много коз. Однажды, когда в нашем споре он пришел в крайнюю ярость, он обвинил меня в том, что я не кто иной, как обыкновенный выскочка».

Как-то раз после полудня, когда граф де Монтолон прогуливался с императором перед обедом, он зашел в дом и взял один из императорских дробовиков, попросив Сен-Дени последовать за ним, захватив с собой другой дробовик. Оружие потребовалось для того, чтобы пристрелить маленького молочного поросенка, отбившегося от стада вместе со своей матерью. Граф находился от поросенка слишком далеко, чтобы предположить, что молодое животное стало бы чего-нибудь бояться. «Монтолон, сын мой, — сказал император, взяв у графа дробовик, — я намерен предложить вам жаркое, достойное Улисса». Император прицелился и одним выстрелом убил поросенка. Поросенок был немедленно зажарен и появился на

обеденном столе; пуля попала точно в голову животного. Жертвой последнего выстрела императора стал бык, принадлежавший Восточно-Индийской компании, который забрел на территорию Лонгвуда, обосновался на огороде и принялся там все пожирать. Ранее уже были случаи, когда эти животные, блуждая по огороду, уничтожали все подряд. По этому поводу дежурному капитану направлялись жалобы. На этот раз император не нашел ничего лучшего, как сделать то, что он сделал с курами: словно нарочно, бык повернулся так, чтобы получить пулю между рогами. Император прицелился, выстрелил, и животное было убито наповал. Этого быка использовали для пахотных работ; после его гибели быки и куры более не появлялись в садах и огороде императора. Артур, самый младший из детей графини Бертран, сопровождал графа Монтолона после того, как тот принес из дома дробовик для императора: Артур был так напуган видом этого громадного животного, свалившегося в результате выстрела, что бросился к императору и спрятал свою голову у него в ногах, отказываясь повернуться и взглянуть на поверженное животное. Император потом часто напоминал ребенку его испуг: «Ну что, Артур, как насчет быка?»

Почва в садах и огороде не всегда отвечала благодарностью на затрачиваемые на нее усилия. К тому же растения подвергались нашествию гусениц, которые обычно в одну ночь наносили непоправимый ущерб. Тем не менее овощи и фрукты росли и зрелыми попадали на стол императора, который всякий раз спрашивал, действительно ли они созревали в его садах и огороде. Честно говоря, они подвергались воздействию сухого климата, засухи и железа в почве, в которой они произрастали. Горох получался твердым, так же как и фасоль, цветная капуста не принимала надлежащую форму, хотя обычная капуста была неплохой. Но все то, что закупалось в городе, не было лучше. Пересаженные персиковые деревья дали плоды в тот же год; император с удовольствием попробовал персики, так же как и клубнику. Клубничные грядки густо покрывались цветами, но приносили очень мало ягод. Император иногда развлекал себя тем, что подсчитывал число стручков фасоли в одном ряду, чтобы потом посмотреть, каков будет урожай.

Нам, наконец, удалось добиться тени для императора от ветвей деревьев вблизи дома. В трехмесячный срок беседка длиной в сорок футов была покрыта листвой страстоцвета и стала непроницаемой для солнечных лучей. Пышной растительности способствовал климат, отличавшийся тем, что чрезмерная жара в течение дня сменялась за ночь обильной росой.

Как только разбивка садов завершилась, мы оставили у себя

только двух китайских слуг из тех четырех, которых наняли в начале работы. Император иногда занимался тем, что наблюдал за их работой, и так как он заметил, что его присутствие способствует большему, чем обычно, проявлению усердия, то однажды он распорядился, чтобы им выдали бутылку вина. Человек, который принес бутылку, вместо того чтобы вручить ее в качестве подарка от императора, бросил бутылку на землю, крикнув при этом: «Эй, китайцы!» Император присутствовал при этой сцене и выразил свое неудовольствие человеку, поступившему подобным образом: «Ценность подарка пропадает, когда его вручают так небрежно, как это сделал ты», — заявил император.

Среди китайцев на острове был один, который по профессии был плотником, но с большим вкусом выполнял скульптурную работу. Император выразил желание, чтобы г-н де Монтолон нанял его, чтобы тот построил китайскую беседку в углу сада, из которой можно было на высоте насыпи видеть океан и там время от времени отдыхать. Когда беседка была построена, то она была внутри украшена белым муслином и обставлена китайским креслом, несколькими стульями и небольшим столом. Из беседки император мог видеть океан и часть панорамы, окружавшей Лонгвуд. Он побывал там несколько раз, но потом ни разу туда не приходил. Когда гофмаршал спросил его, почему он более не пользуется своей беседкой, император ответил: «Мне приходится взбираться наверх, но я больше не в состоянии делать это! Я распорядился построить беседку только для того, чтобы отвлечь Монтолона».

Однажды, когда император, вернувшись в свои апартаменты, собирался лечь в постель и при этом присутствовал граф де Монтолон, император попросил меня рассказать графу историю о том, как одна англичанка очень хотела его видеть в Елисейском дворце и назначила ему свидание в одном месте в Сен-Филипп-дю-Руль. Я рассказал графу об этой истории, о которой я уже поведал в главе о «Ста Днях». «Ну как, Монтолон, что вы думаете по этом поводу?» — спросил император.

«Но, сир, я думаю, что она поступила совершенно неправильно, если это была любовь, не приехав сюда и не став добиваться любви здесь. Несомненно, вы, сир, теперь вдовец. Разрешите, Ваше Величество, сказать вам, что я таковым себя не считаю».

«Ах, сын мой, — ответил император, — когда вам уже за пятьдесят, да еще с моим состоянием здоровья, то игра более не стоит свеч». Когда император смотрел на женщину, то первое, что он делал, это бросал взгляд на ее руки и ноги; если и те и другие

были малопривлекательны, то он обычно говорил: «У нее руки бродяжки». Обсуждая эту тему, он говорил, что императрица Мария Луиза прекрасно сложена и у нее очаровательные руки и ноги: «Когда я поехал встречать ее, то в первую очередь меня поразили ее руки и ноги. Она была свежа, как роза, и в ней не было никакого кокетства; в этом отношении она очень отличалась от Жозефины, в которой кокетства было слишком много».

Узнав об убийстве герцога Беррийского, император выразил удивление, что тот отправился в оперу по столь несерьезному поводу, но «существует судьба, которую никто не может избежать», — заявил он. Когда позднее французские газеты объявили о рождении ребенка герцогини Беррийской, император сказал графу де Монтолону: «Прочитайте эту статью и скажите мне, могли бы вы написать более глупую или более злонамеренную статью, чтобы создать впечатление, что этот ребенок не от герцога? Как могла такая высокопоставленная особа оказаться покинутой до такой степени, что с ней никого не было в тот момент, когда она вот-вот должна была родить ребенка? Когда императрица готовилась рожать, герцогиня Монтебелло девять дней не покидала Тюильри. Когда она почувствовала первые родовые схватки, было 7 часов вечера. Дюбуа спустился к ней из комнаты, которую занимал. Императрица провела всю ночь, мучаясь от боли. Вместе с ней были герцогиня Монтебелло, графиня де Люсей и графиня де Монтескью, которой предстояло стать гувернанткой. Там же были фрейлины императрицы, нянька, Корвисар, Бурдье, а вся моя семья собралась в соседней гостиной. Я постоянно ходил, охваченный нетерпением, между Марией Луизой и мадам Мер, которая также была там. По мере того как проходила ночь, а я не видел признаков того, что она готова родить, я тогда пошел принять ванну в 5 часов утра, оставив с ней Дюбуа вместе со всеми ее дамами и обслуживающим персоналом».

Мы знали, что императрица настолько устала, что заснула, но вскоре новые родовые схватки разбудили ее, все более усиливаясь, не вызывая критического момента, требуемого природой. Дюбуа направил слугу к императору, чтобы известить его, что роды предстоят трудные и опасные. Император вышел из ванны и отправился к Марии Луизе, чтобы приободрить ее своим присутствием. Он сказал Дюбуа, который считал, что не сможет спасти и мать и ребенка, чтобы он думал только о матери и чтобы он обходился с императрицей, как с простой женщиной с улицы Сен-Дени. Император вошел в спальную комнату императрицы, нежно поцеловал ее и призвал ее быть мужественной и терпеливой. В эту минуту пришли Корвисар, Бурдье и Юван и

стали держать Марию Луизу, так как ребенок появлялся на свет ножками вперед. Они были вынуждены использовать хирургические щипцы, чтобы вытащить голову ребенка; эта операция продолжалась 26 минут и была весьма мучительной. Император более не мог выдержать всего этого и отправился в соседнюю комнату. Ему докладывали новости каждую минуту. Ребенок, наконец, родился, но в течение пяти минут не подавал признаков жизни. Император ринулся к Марии Луизе, вновь заключил ее в объятия и приказал, чтобы пришел Кабасерес, архиканцлер Империи, чтобы удостоверить рождение и пол ребенка. Пришел также Бертье. Все внимание императора было обращено на императрицу, он считал, что его ребенок родился мертвым. Затем он услыхал крик, объявивший об обратном. Император бросился обнимать его и поднес его к императрице, которая чувствовала себя слишком слабой, чтобы разделить его счастье. «Представьте себе, — заявил император, — несмотря на то, что так много людей окружало ее, распространился слух о том, что императрица родила дочь, которую подменили мальчиком. Другие говорили, что ребенок был мертворожденным или что она никогда не была беременной, — таковы были чрезвычайно абсурдные слухи. Что они скажут о родах герцогини Беррийской, когда роды Марии Луизы, проходившие в окружении тридцати человек, вызвали подозрение? Роды герцогини Беррийской прошли без присутствия какой-либо важной персоны королевского двора, такой, как герцог Орлеанский или других!»

Среди своих табакерок император имел одну с портретом императрицы Жозефины, в котором он не видел большого сходства с оригиналом. У графини Бертран был ее портрет, украшенный жемчужинами, который ей подарила сама императрица Жозефина: портрет принадлежал кисти художника Сента и имел очень большое сходство с оригиналом. Император попросил у графини Бертран этот портрет и сказал мне, чтобы я сделал его копию. Я решил, что это шутка со стороны императора, и стал протестовать, но, как оказалось, император был настроен серьезно. Если у меня и отсутствовал талант, но зато я демонстрировал большую старательность; я немного научился рисовать фигуры людей, пейзажи, архитектурные постройки; я немного рисовал масляными красками, но не мог гарантировать, что смогу сделать копию портрета кисти самого Сента! Тем не менее я рискнул и принялся за работу. Удача сопутствовала мне сверх всех моих ожиданий: когда я показал императору результат своей работы, он нашел в моей копии очень большое сходство с портретом кисти Сента. Император распорядился, чтобы я вставил мою копию в рамку и повесил ее

сбоку от каминной полки в его спальной. Там она и оставалась до самой кончины императора.

Когда бы графиня Бертран ни приходила, чтобы проследить за ходом моей работы над портретом, император, как только видел ее, тут же выходил с приветствиями, предлагал ей руку и прогуливался с ней по дорожкам сада. Если он замечал розу, достаточно красивую и достойную того, чтобы предложить ей, то он срывал цветок и вручал его графине. Во время одного из таких визитов император распорядился, чтобы я принес ему оставшуюся табакерку с его портретом в окружении очень красивых бриллиантов, похожую на ту, которую он подарил графине де Монтолон перед ее отъездом из Лонгвуда. Император находился в бильярдной комнате, и я преподнес ему табакерку на позолоченном подносе. Император взял ее, раскрыл кожаную коробку, в которой она лежала, и сказал: «Вот, мадам, я дарю ее вам в очень печальное время, но она будет служить знаком моего уважения и моей дружбы». Графиня поблагодарила императора с таким изяществом, которое показало, как сильно она была польщена преподнесенным ей подарком и как высоко она оценила его. Никто не мог быть столь изящной, как эта дама, если она хотела показаться такой. К прекрасным манерам она присовокупляла еще и очаровательную внешность. Она часто, как бы случайно, демонстрировала свою ногу, которая была очень красивой, как и ноги всех ее детей.

В это время у императора было довольно хорошее состояние здоровья. Я рад, что могу привести несколько случаев, которые помогали ему коротать часы его неволи. Однажды утром, когда император завтракал под своим дубовым деревом в компании графа де Монтолона, он развлекался тем, что наблюдал за игравшими невдалеке детьми гофмаршала и затем подозвал их к себе. В этот момент в Лонгвуд на маленьком пони приехал городской житель, и Артур, самый младший из детей гофмаршала, увидев его, попросил императора купить ему пони. Так как мальчик говорил только на английском языке, то император сказал ему на этом языке: «Приходи в полдень». Но в соответствии со своими привычками император вернулся в дом, оставив детей со своими играми, разделся и вскоре заснул. Я на цыпочках выходил из спальной комнаты императора, когда выстрел пушки в форте объявил о часе полудня, и в ванной комнате я обнаружил юного Артура, отталкивавшего Новерраза, чтобы войти в спальную комнату императора. Я опасался, что мой запрет войти заставит заплакать мальчика, и тогда от возникшего шума Его Величество проснется. Поэтому я объяснил мальчику, что император спит, и если мальчик согласится вести себя

хорошо, то я позволю ему войти в спальную комнату императора и ждать, когда Его Величество проснется. «Да», — ответил мальчик; я взял его за руку, он подошел к постели, где отдыхал император, убедился в том, что император спит, и затем уселся на ковер, оставаясь со мной почти час и бесшумно играя сам с собой. Когда император проснулся, то был очень удивлен, увидев мальчика в своей комнате: «Это ты, Артур, чего ты хочешь, мой мальчик?»

«Вы сказали мне, пушка стреляет». Я не знал об обещании, которое император дал мальчику.

«Что он говорит?» — спросил император.

«Он говорит Вашему Величеству, что вы сказали ему, чтобы он пришел, когда выстрелит пушка».

«Отведи его к Монтолону, чтобы узнать, чего он хочет». В эту минуту объявили о прибытии графа де Монтолона в спальную комнату императора; императору напомнили, что во время завтрака он сказал ребенку прийти в полдень за маленьким пони. «Пушка стреляет» означало, что пушка объявила своим выстрелом о наступлении полудня, и мальчик пришел, чтобы потребовать выполнения данного ему обещания. «Вот это да! Какая память! — заявил император. — Пони все еще там?» Граф де Монтолон, обсуждавший с владельцем пони цену животного, заверил императора, что пони остался на прежнем месте. «Но, — спросил император, лаская мальчика и обнимая его, — есть ли у тебя деньги?»

«Да, у меня есть два доллара».

«Этого недостаточно».

«Папа дает вам все!»

«Но у папы Бертрана нет денег».

«У меня много золота».

«Ты будешь хорошим мальчиком?»

«Да».

«Сколько он хочет за этого пони?» — император спросил графа де Монтолона.

«Пятьдесят луидоров (1000 франков), сир».

«Выдай этому мальчугану 1200 франков», — сказал мне император. Я поднялся наверх, чтобы взять деньги, запертые в чемодане. Мальчику было четыре года, увидев меня, входящего в комнату, он протянул мне свой детский фартук, чтобы я положил в него деньги. «Ты не сможешь нести их».

«Да, да», — ответил мальчик. Я осторожно вложил деньги в его фартук, чтобы испытать его прочность. Быстро повернувшись, мальчик, сопровождаемый графом де Монтолоном, отправился покупать пони. Верхом на пони и поддерживаемый графом де

Монтолоном, он почти сразу же появился у дверей императорского дома, чтобы поблагодарить Его Величество. Позднее, упав с пони, он больше не захотел кататься на нем, вернулся к своему ослику, более тихому и послушному. Пони был отдан Наполеону Бертрану, старшему из детей семейства Бертранов, который иногда сопровождал карету Его Величества.

Император очень любил детей и был готов сделать все, чтобы угодить им. Никогда дети графа Бертрана или графа де Монтолона не уходили от императора, не получив каких-либо сувениров. Он дал указание закупить в городе некоторые ювелирные изделия для подарков, и ему доставляло большое удовольствие наблюдать, как они радовались, получая их.

Однажды император попросил графа де Монтолона привести к нему дочь графа, маленькую Наполеоне, ставшую сейчас графиней Лаперуз. Он находился в постели, когда привели ребенка. Император попросил меня принести ему несколько китайских золотых цепочек. Он разложил цепочки перед ней, полагая, что она не определит разницу между самыми красивыми и просто красивыми цепочками; но, к его большому удивлению, она, посмотрев по очереди на каждую из них, выбрала самую красивую!

Император не ограничивал свою щедрость только по отношению к детям: их родители также получали свою долю. В день Нового года император одарил детей двойными золотыми наполеонами, а каждая дама получила блюдо из севрского фарфорового сервиза, изображавшее историческое событие. Графиня Бертран получила блюдо с рисунком, посвященным переправе через реку Дунай с помощью мостов, возведенных под руководством генерала Бертрана. Эта переправа прославила генерала. Господа также не были забыты; они получили от императора различные подарки. Граф де Лас-Каз получил небольшой военный походный рюкзак и пару шпор, которые носил император; графу де Монтолону был вручен походный рюкзак императора, которым он пользовался во время кампании в Египте; генералу Гурго достался крест ордена Почетного Легиона и гофмаршалу — золотые часы. «Эти часы, Бертран, — пояснил император, — пробили 2 часа утра в Риволи, когда я отдал Жуберу приказ об атаке».

Мы привезли из Парижа очень красивый севрский фарфоровый сервиз. Каждая дюжина предметов была вложена в кожаный футляр с подкладками; замечательный набор из двадцати четырех чашек с соответствующими принадлежностями был вложен в такой же футляр. В набор сервиза входили две вазы, также севрского производства. Император использовал этот

сервиз только для вручения подарков. На каждом предмете была изображена общая картина какого-нибудь сражения или вид большого города. Однажды, рассматривая сервиз вместе с графом де Монтолоном, император задержался перед каким-то предметом сервиза, с изображением города Аяччо в тот момент, когда фрегат «Мюирон» бросал якорь в гавани. Генерал Бонапарт находился на борту фрегата, возвращаясь из Египта. «Посмотрите, Монтолон, вот мой дом, — сказал император, — я уверен, что эта гребная шлюпка рядом с фрегатом принадлежит моей промокшей няньке; бедная женщина была одной из первых, приплывших к фрегату, чтобы увидеть меня. Город находился под контролем нескольких бандитских вожаков, которые были очень расстроены тем, что я прибыл в Аяччо; в городе царствовала полнейшая растерянность, муниципалитет обвинял парламент, парламент обвинял магистрат; тем не менее все хотели увидеть знаменитого Наполеона! Все население города высыпало на берег, и гарнизон, самым стихийным образом, встал под ружье и образовал двойной ряд почета вплоть до моего дома. Служба здоровья, которая ввела карантин, собралась под президентством некоего Барбери, одного из моих бывших товарищей, чтобы запретить нашу высадку на берег. Барбери сам прибыл ко мне, чтобы выразить свои сожаления. Он на лодке пересек линию карантинных шлюпок, которые уже окружили наш фрегат, и взошел на борт нашего корабля, чтобы поздравить меня по случаю моих побед и моего возвращения. Те, кто сопровождал его, последовали его примеру, так что контакт с городом был установлен без моего вмешательства. На самом деле мы никакой опасности не представляли, поскольку никто из нас не болел. Так как мне очень хотелось сойти на берег, то я принял предложение сделать это. Мало кто из граждан был встречен с большим энтузиазмом, чем я моими земляками. Я устроил смотр гарнизону; бедняги были ужасно одеты, поскольку они не получали никакого жалованья в течение семи или восьми месяцев. Из личных сбережений моей матери я взял 40 000 франков, чтобы заплатить им жалованье»[319].

Я уже рассказывал, что, когда вы находились с императором, вы могли уйти только тогда, когда он отпускал вас. Если вечером он ложился в постель и ему не спалось, то он отдавал распоряжение о том, чтобы горевшую лампу относили в соседнюю комнату, а сам обычно продолжал беседу в полутьме. Однажды вечером я был в его комнате и он заснул, не сказав мне, чтобы я удалился. Опасаясь того, что я мог потревожить его, я продолжал сидеть в одном из углов комнаты, ожидая, когда он проснется. Я глубоко погрузился в собственные мысли о судьбе, которая

распорядилась таким образом, чтобы я жил рядом с величайшим человеком столетия в то время, когда моя мать была в Вене с его сыном. В этот момент я услыхал несколько коротких фраз, которые не понял. Мне показалось, что императору снился страшный сон, который я прервал, подняв легкий шум. Император позвонил в колокольчик, чтобы вызвать Сен-Дени, который дежурил в эти сутки и спал в соседней комнате. Я немедленно отозвался на вызов императора; он поинтересовался, долго ли он спал, и я ответил ему, что приблизительно час с половиной. «Дай мне лампу с абажуром и мой халат для ванны, а сам иди спать, поскольку уже поздно». Это было в 11 часов вечера.

На следующее утро, зная, что император лег обратно в постель только в 3 часа ночи, я вошел в его спальную комнату лишь в 7 часов утра, чтобы открыть ставни, не раздвигая штор. Он хотел именно этого, потому что полный дневной свет ослеплял его глаза. Я стоял перед его постелью, ожидая указаний. Он смотрел на меня так, словно был весь поглощен мыслями о чем-то ином, а не о том, на что был обращен его взгляд. Неожиданно он сказал мне, что видел во сне императрицу Марию Луизу и своего сына, которого она держала за руку. Я впервые в жизни слышал, чтобы император упоминал о сновидении. «Она выглядела такой же свежей, — сообщил он мне, — как и тогда, когда я видел ее в Компьене; я обнял ее, но как бы крепко я ни старался держать ее, я чувствовал, что она ускользает от меня; и когда я вновь захотел заключить ее в свои объятия, все исчезло, и я проснулся».

«Сир, для вас ваше пробуждение должно было быть мучительным, но я был свидетелем сна Вашего Величества; я даже подумал, увидев ваше возбужденное состояние, что вы больны; и я уже собирался разбудить вас, когда вы вызвали Сен-Дени».

«А, — воскликнул император, вскакивая с постели и хватая меня за горло, — так это ты, жалкий негодяй, был причиной того, что я более не мог оставаться со своей женой и сыном! Чего заслуживает твое преступление? Сознавайся».

«Пусть небеса даруют мне власть вернуть их обоих в объятия Вашего Величества, чтобы я искупил свою ошибку и получил прощение».

«Для меня достаточно и того, чтобы я один нес бремя моего мучения, не призывая их в свидетели», — отпуская меня, ответил император.

Сен-Дени, которого император очень любил, женился на молодой англичанке, бывшей на редкость очаровательной и

такой же милой, как доброй и прелестной[320]. Она была прислана из Лондона, чтобы стать воспитательницей мадемуазель Гортензии Бертран, сейчас г-жи Тейер[321].

Император был против этого брака, который для Сен-Дени был браком по любви, не дававшим ему никакой материальной выгоды, и который должен был лишить графиню Бертран гувернантки ее дочери. Император попросил Сен-Дени подождать шесть месяцев, думая, что само время позволит Сен-Дени пересмотреть свое решение. Но шесть месяцев прошли, а чувства остались прежними. Отец Буонавита благословил брак, но получил строгий выговор от императора за то, что не сообщил ему об этом. Император никогда более не говорил об этом событии.

Сен-Дени нашел в мисс Холл очаровательную жену и добрую и отличную мать для своих детей. В то время, о котором я сейчас говорю, г-жа Сен-Дени родила дочь, обещавшую стать очаровательной, и на самом деле это так и случилось: граф де Монтолон и графиня Бертран держали ее над купелью во время крещения. В этот день император вышел из своих апартаментов и уселся в халате под своим дубовым деревом, чтобы там позавтракать; покончив с едой, он сказал Сен-Дени: «Позови Маршана и принеси мне свою дочь». Погода была спокойной и теплой; Сен-Дени показал ребенка императору, который смотрел на него добрым взглядом, а потом поздравил отца. Сен-Дени, естественно, был счастлив от того, что император проявил интерес к его дочери. «Пойди, — обратился император ко мне, — и принеси самую красивую из моих китайских цепочек». Я поспешил к себе и, вернувшись, передал цепочку императору. Он взял цепочку и повесил ее на ребенка, сказав при этом: «Пусть же ты будешь такой же счастливой, какой ты обещаешь быть прелестной». Император проявлял большую доброту по отношению ко всем нам; он знал, что наша забота о нем не ограничивалась выполнением его желаний, но также и предвосхищала их. Эта цепочка ранее была прикреплена к одним из императорских часов. Он снял ее с часов, чтобы заменить цепочкой, сделанной из косы императрицы Марии Луизы.

Часть VII
Избавление

Глава двадцать третья

Планы отъезда графини Бертран — Страдания императора усиливаются — Жалобы в отношении д-ра Антоммарки — Упадок энергии императора — Отъезд отца Буонавита и Жантилини — Болезнь усиливается — Завещание и дополнительные распоряжения к завещанию

В день Нового, 1820 года генерал Монтолон, гофмаршал, его дети, священники и доктор пришли поздравить императора. Он всех пригласил остаться позавтракать вместе с ним. Первые шесть месяцев этого года прошли сравнительно хорошо. В последующие месяцы все было по-другому, все, о чем можно было писать, касалось явного ухудшения здоровья императора, продолжительной болезни и, наконец, его кончины.

Во время последних месяцев этого года обсуждался вопрос об отъезде графа и графини Бертран в Европу. Здоровье графини ухудшалось от этого отвратительного климата, но она говорила, что прежде всего ее возвращение в Европу диктуется необходимостью дать образование сыновьям и дочерям. Гофмаршал решил переговорить с императором на эту тему и попросить, не для себя, но для своей супруги, разрешения забрать ее детей во Францию или в Англию с тем, чтобы они там могли получить образование. Император, хотя и высказывал возражения по поводу этой просьбы, все же дал свое согласие, когда понял, что графиня Бертран приняла твердое решение. Он только выразил желание, чтобы он сам назначил дату отъезда, а также чтобы гофмаршал сопровождал супругу и детей. В связи с этим гофмаршал по совету императора запросил отпуск на девять месяцев, чтобы сопровождать свою семью в Европу. Гофмаршал планировал устроить семью в Лондоне, привести в порядок свои личные дела и затем вернуться обратно в Лонгвуд, чтобы полностью посвятить себя императору. Для тех, кто знал хорошо гофмаршала, не существовало никаких сомнений в том, что это решение продиктовано его долгом отца и его искренней привязанностью и преданностью императору.

К этому времени граф де Лас-Каз, его сын, генерал Гурго и графиня де Монтолон с детьми вернулись в Европу. Если бы гофмаршал покинул Лонгвуд вместе с супругой, четырьмя детьми

и слугами, то император оказался бы в вакууме. Он бы остался наедине с графом де Монтолоном, чье самопожертвование было таким же образцовым, как и его преданность императору, но который не был застрахован от болезни, приковывавшей его к постели. В этом случае император был бы предоставлен самому себе. Его Величество уклонялся от того, чтобы в беседах поднимать тему отъезда семьи гофмаршала, которая, вне всяких сомнений, огорчала его, но которую все вокруг обсуждали. В последующие месяцы эта проблема привела к некоторой холодности в отношениях, возможно, в меньшей степени с гофмаршалом, чем с графиней. Склонная иногда к капризу, графиня Бертран была изящной и очень привлекательной; ее быстрый и острый ум способствовал тому, что беседа с ней была приятной и занимательной даже в минуты ее плохого настроения, когда ее рот, и это бывало действительно так, произносил слова, которые в ложном свете представляли ее сердце. Несколько часов, проведенных с нею, давали императору возможность скоротать время, которое он не мог более из-за здоровья посвящать работе. Она не верила тому, что император болен до такой степени, что дни его сочтены, а д-р Антоммарки, который разделял эту точку зрения, поддерживал ее в убеждении, что гофмаршал может отвезти ее в Европу и затем вернуться на остров.

Со своей стороны, император готовил себя к грядущей изоляции, стараясь реже видеть графиню. Он видел, что ошибался в том, что, как он думал, добился чувства глубокой привязанности к своей особе со стороны графини; он не жаловался на это, но его сердцу была причинена боль.

Однажды, когда император находился в ванне, он заговорил со мной о предстоящем отъезде графини Бертран. «Именно я, — заявил император, — посоветовал Бертрану сопровождать жену в Европу, чтобы позаботиться и о своих личных делах и организовать расходование средств своей супруги, которая с присущей ей беззаботностью вскоре пустит на ветер все состояние их детей». Я напомнил ему о той пустоте, которая образуется вокруг него в результате отъезда семьи гофмаршала. «А разве я к этому уже не привык? — ответил мне император. — Супруга гофмаршала не балует меня». — «Это верно, сир, но гофмаршал всегда находится в распоряжении Вашего Величества, и этому дому, который так часто посещает гофмаршал и его семья, предстоит превратиться в пустыню. Ваше Величество более не сможет без чувства грусти смотреть в сторону военного лагеря».

«Но что я могу сделать? Я не заставляю ее уезжать; сам Бертран не понимает, что, когда он вернется, он не найдет меня здесь. У меня есть только одно средство держать его вблизи меня:

а именно — делать для госпожи Бертран то, что я делаю для госпожи де Монтолон».

«Сир, — заявил я, — я глубоко разделяю чувство гофмаршала. Я думаю, что он может поехать в Европу и, вернувшись в Лонгвуд, быть снова с Вашим Величеством, но я предвижу то одиночество, которое предстоит испытать Вашему Высочеству в его отсутствие. Ваша привычка вызывать к себе одного или другого из этих господ будет основательно нарушена. Из-за отъезда графа Бертрана вы будете лишены возможности занимать свое время, которое было бы более продуктивным, если бы гофмаршал остался в Лонгвуде и смог уделять все свое время Вашему Величеству, как это делает сейчас граф де Монтолон после отъезда его семьи».

Я только успел высказать эту мысль, как вошел Сен-Дени, объявивший о прибытии гофмаршала, которого я оставил наедине с императором. На столе в спальной комнате императора я увидел написанный карандашом список имен: герцог Виченцский (Коленкур), Ровиго (Савари), Сегр, Монтескью, Дарю, Друо, Тюрен, Арно, Денон. Благодаря этому списку я узнал, кого именно император хотел с удовольствием видеть около себя вместо гофмаршала, если бы последний покинул остров Святой Елены. Судьба решила иначе, и слова, сказанные императором ранее, оказались пророческими: «Имя Бертрана связано с моим, и пока я жив, он будет жить».

Д-р Антоммарки был тем человеком, который с наибольшим трудом приспосабливался к монотонной жизни в Лонгвуде. Он серьезно заболел, но быстро выздоровел. Чтобы как-то его занять, император заставлял его совершать поездки верхом по острову, заходить в английский военный лагерь, посещать там больных и изучать наиболее распространенные там болезни. Эти задания предоставили доктору определенную степень независимости. Император не обращал внимания на его прогулки в город или в другие места, пока сам чувствовал себя хорошо, но они стали предметом строгой критики доктора со стороны императора, когда состояние здоровья Его Величества потребовало постоянной заботы и внимания врача.

Я уже говорил, что император более не работал, его силы убывали, и даже ветер вызывал у него боль. Доктор считал, что необходимо к обеим рукам императора приложить нарывные средства. Император отказался: «Не думаешь ли ты, — заявил император, — что г-н Лоу и без того подвергает меня основательным пыткам, чтобы еще и ты захотел принять в них участие». Доверие Его Величества к доктору пока еще не установилось, и поэтому граф де Монтолон и гофмаршал убедили

императора в том, что предложение д-ра Антоммарки может дать отличный результат. Итак, однажды утром император протянул доктору обе руки, но нерасположение императора к предложенной процедуре было очевидным. Доктор приложил нарывные средства на каждую руку. Однако эти нарывные средства не имели положенной формы, то есть, вместо того чтобы быть круглыми или овальными, они были просто квадратными. Император выразил свое удивление, когда эти средства были уже приложены к его рукам, и пожаловался на то, что волосы не сбрили там, куда их приложили. Император весь день оставался в постели, и все это время его беспокоили эти средства, что повергло его в дурное настроение. Он предложил графу де Монтолону совершить прогулку вокруг военного лагеря, а меня попросил почитать ему. Он испытывал трудности в использовании рук во время обеда, и это еще больше испортило ему настроение. Он несколько раз вызывал доктора, но каждый раз ему докладывали, что тот еще не вернулся из города. Пришел гофмаршал; император пожаловался ему, что его плохо лечат и что его руки настолько скованны, что он не в состоянии даже двигать ими.

Когда доктор вернулся в Лонгвуд, его тут же привели к императору. Он спросил императора, как тот себя чувствует. «Не знаю, — резко ответил император, — оставь меня в покое. Ты приложил к моим рукам бесформенные нарывные средства, даже не побрив те места, куда ты их прикладывал; такую процедуру не назначили бы даже самому бедному пациенту в больнице; мне кажется, ты мог бы оставить одну мою руку свободной, не трогая обе руки! Это не дело, когда до такой степени связывают несчастного человека». Доктор хотел что-то ответить. «Убирайся прочь, — не дав доктору сказать слово, приказал император, — ты — невежда, а я еще больше, поскольку разрешил тебе сделать это». Когда нарывные средства были сняты с рук, оказалось, что они дали некоторый положительный результат и вернули императору аппетит; после нескольких недель перевязок ранки от нарывных средств высохли.

За последние пятнадцать месяцев разбивка садов и приведение их в порядок давали императору возможность ежедневно заниматься практическими делами и физическими упражнениями, необходимыми для его тела и ног; но теперь, с наступлением плохой погоды, состояние его здоровья ухудшилось. Отец Буонавита сильно расстроил доктора известием о том, что император предложил ему вернуться в Европу. Жантилини, основной лодочник на острове Эльба, попросивший разрешения последовать в Париж вместе с обслуживающим

персоналом в качестве слуги, и на острове Святой Елены занимал эту же должность. Но он страдал от заболевания в груди до такой степени, что император решил, что он должен вернуться на Эльбу. И отец Буонавита, и Жантилини отложили свой отъезд, который состоялся только на следующий год.

Дни императора проходили в его комнате, которую он в течение дня в основном держал закрытой. Если он выходил из своих апартаментов, то для того, чтобы прокатиться в карете или немного погулять в саду, посидеть там и провести час в обществе графа де Монтолона или гофмаршала.

Сама графиня Бертран была больна и редко навещала императора, к тому же у ее младшего сына Артура тоже было заболевание печени. Летаргическое состояние императора возрастало с каждым днем: если он выходил на прогулку, то воздух казался ему плохим и сырым. Он возвращался и обычно шел в бильярдную комнату, давая указание, чтобы все окна и двери плотно закрыли. Граф Бертран и граф де Монтолон сменяли друг друга, а во время их отсутствия с императором оставался я. У него пропал аппетит, любая еда казалась ему невкусной. Он ел только жареное мясо, и ему обычно подавали самую мягкую часть; он высасывал из мяса сок, будучи не в состоянии проглатывать само мясо. Бульон ему казался вкусным только тогда, когда он напоминал ему сок, что было вредно для его пищеварения; он принимал врача, не рассказывая ему о своем самочувствии.

Последний не скрывал серьезности состояния здоровья императора; он говорил об этом графу де Монтолону и гофмаршалу, уверяя их в том, что если император будет продолжать подобный образ жизни, то он не проживет более трех месяцев: необходимо было как можно скорее применить прижигающее средство. Эти господа настаивали на применении этой процедуры с такой настойчивостью, что они убедили Его Высочество испытать это средство на его левой руке. Сначала это прижигание, казалось, дало тот эффект, который ожидался доктором; после нескольких дней у него появился аппетит, а частые спазматические вздохи стали менее регулярными.

Однажды он почувствовал, что ему плохо наложили повязку, и днем вызвал доктора, но пришедший к нему Сен-Дени сообщил, что доктор отправился в город. «Он мог бы, по крайней мере, — заявил император, — сообщать нам, когда он отправляется туда, чтобы меня не оставляли одного в моем нынешнем состоянии здоровья». Его Величество подождал доктора еще час, затем, раздраженный болью, которую ощущал, сказал мне, что хочет сам сменить повязку. Я расстегнул ему фланелевую рубашку и, сняв с

него халат и закатав рукав рубашки, добрался до нужного места. Ежедневно наблюдая за процедурой перевязки, я был уверен, что смогу сделать это сам. Приготовив все, что было необходимо для этой процедуры, с помощью графа де Монтолона, который держал руку императора, я удалил бандаж и снял кусочек наклеенного на рану пластыря, который полностью промок. Я промыл рану, подставив под руку маленький серебряный таз, приложил к ране свежий пластырь, затем наложил на него маленький кусок материи, сложенный вчетверо, поверх него бандаж и все это скрепил полоской пластыря. Император почувствовал облегчение. Я заметил, что рана, вместо того чтобы быть красного цвета, приняла фиолетовый оттенок. Императору понравилось, как я справился с процедурой, которую смог провести впервые в жизни и без помощи доктора. «В будущем, — заявил он мне, — ты будешь делать мне перевязку, я более не хочу, чтобы он дотрагивался до меня». И я продолжал делать ему перевязку до последних дней его жизни, пока рана от этого прижигания полностью не подсохла.

К этому времени губернатор сообщил нам, что корабль из Индии, которому предстояло забрать гофмаршала и его семью, находится в гавани острова Святой Елены; но гофмаршал решил не плыть этим кораблем, не желая оставлять императора в его нынешнем состоянии здоровья. Простояв несколько дней в гавани, корабль отплыл в Европу.

Так мы вступили в 1821 год, начало которого император увидел, но, увы, не был свидетелем его конца. Как и в предыдущие годы, он от всех принял новогодние поздравления. Тем утром, когда я вошел в его комнату, он лежал в постели. «Итак, — обратился он ко мне, когда я открыл ставни, — какой подарок ты собираешься преподнести мне?»

«Сир, — ответил я ему, — надежду очень скоро видеть Ваше Величество здоровым и покидающим климат, который плохо действует на вас».

«Это произойдет скоро, сын мой: мой конец близок, я не смогу долго протянуть». Я поспешил сказать ему, что это совсем не то, что я имел в виду, высказывая свое пожелание. «Будет так, — ответил он, с трудом вставая с постели, — как пожелают небеса».

У д-ра Антоммарки отсутствовала та усердная заботливость, к которой император всегда был приучен со стороны тех, кто окружал его. В некоторых случаях он становился предметом острой и вполне заслуженной критики, вызванной гневом императора, который не находил его поблизости, когда он был нужен. Император сказал, что, поскольку он не может полностью

доверять ему, то разрешает доктору выяснить у британских властей на острове Святой Елены, нельзя ли ему отплыть в Европу с тем же кораблем, на котором поплывет отец Буонавита, чтобы во время плавания оказывать помощь этому доброму пожилому человеку. Шанделье, повар, которого мучил ревматизм, ждал приезда другого повара, чтобы также уехать обратно в Европу. Эти отъезды, о которых все говорили, создавали грустную атмосферу среди остальных членов колонии. В то же время в соответствии с указанием императора в Европу были написаны письма, в которых сообщалось, что он бы с удовольствием поручил заботы о своем здоровье г-дам Корвисару, Ларрею, Деженетту или Перси[322]. Как только гнев императора в отношении доктора поостыл, гофмаршал и генерал Монтолон выступили перед императором с ходатайством о докторе. Император простил доктора, и тот вновь приступил к своим обязанностям.

Теперь император, вставая с постели, редко одевался полностью. Он просил графа де Монтолона заставлять его выходить наружу, но, несмотря на часто повторяемые просьбы, генералу не удавалось преодолевать нежелание императора подставлять себя юго-восточному ветру, который, как утверждал император, вредно действовал на него и расшатывал его нервную систему. Его прогулки и поездки в карете стали все более и более редкими. После них он всегда в изнеможении бросался на свою кушетку. У него всегда мерзли ноги, и он мог согреть их только с помощью сильно нагретых полотенец, которые предпочитал бутылкам, наполненным горячей водой, или еще чему-нибудь.

В течение предыдущих шести месяцев состояние его здоровья постоянно ухудшалось, а 17 марта император слег в постель и уже почти никогда не покидал ее. В тот же день отец Буонавита из Лонгвуда уезжал в Джеймстаун, чтобы затем на корабле отплыть в Европу. В утро своего отъезда он пришел попрощаться с императором, которого не видел в течение нескольких недель. Император слушал мессу в своей постели при открытой двери, соединявшей его спальную комнату с часовней. Когда этот добрый человек с трудом подошел к постели императора, он преклонил колени и поцеловал руку императора. Император пригласил его встать и присесть в кресло. Я подошел к священнику и протянул ему руку, чтобы он смог опереться на нее. Император сказал ему то, что он должен был передать его матери и его семье, когда прибудет в Рим. Отец Буонавита был глубоко тронут спокойствием императора и его смирением; он был настолько потрясен разрушительным воздействием болезни на черты его лица, что не смог сдержать слез, когда покидал

комнату. «Мой дорогой друг, — обратился священник ко мне, — император неузнаваемо изменился; я намерен сообщить его семье, что если его не увезут как можно скорее, то он погибнет». После того как я помог ему спуститься по нескольким ступенькам, я обнял его, пожелал благополучного плавания и затем вернулся обратно к императору.

Две недели спустя Жантилини, который не захотел воспользоваться кораблем, отплывшим с отцом Буонавита, один отправился в Европу. Император дал Жантилини рекомендательное письмо, адресованное семье императора, с просьбой о выплате ему пенсии в размере 1200 франков; у него также был чек на сумму 16 000 франков, результат его сбережений и жалованья. Так как он не хотел брать с собой такие деньги, то он передал чек мне, чтобы положить эту сумму на счет императора, который затем попросил кардинала, чтобы тот выплатил эту сумму Жантилини, когда тот прибудет в Рим. Мы очень беспокоились о том, что эти два отъезда скажутся на состоянии здоровья императора.

До всех этих событий император узнал о кончине своей сестры — великой герцогини Тосканской Элизы. Эта весть очень опечалила его, и он сказал бывшему с ним графу де Монтолону: «Ну что ж, сын мой, теперь моя очередь». И так как генерал пытался отвлечь императора от подобных гнетущих мыслей, то Его Величество добавил: «Вы напрасно стараетесь вселить в меня надежду. Я чувствую, что я более не гордый Наполеон; вскоре монархи не будут опасаться моего побега с этой скалы».

Я уже рассказывал, что император настоятельно просил графа де Монтолона заставлять его выходить наружу. Утром 17 марта граф пришел, чтобы, как обычно, попытаться убедить императора сесть в карету; при этом разговоре присутствовал и доктор, который также настаивал на этом. Император лежал в постели, возражая против их предложений: «Я чувствую себя так скверно, когда возвращаюсь домой, — заявил он, — и мне так хорошо в постели! Ладно, Монтолон, если вы настаиваете, то посмотрите, стоит ли там карета». Генерал вернулся и сказал, что карета ждет императора и снаружи почти нет ветра. Император поел немного желе, которое я предложил ему, надел брюки, домашние туфли, шарф, зеленое пальто, круглую шляпу и вышел, опираясь на руку графа де Монтолона. Но когда он подошел к карете, то не смог взобраться в нее. Он вернулся обратно в свою комнату, чувствуя, как все его тело пронизывает ледяной озноб, и тут же направился прямо к постели, чтобы лечь в нее. Я накрыл его вторым одеялом в то время, как Сен-Дени и Новерраз нагревали полотенца, которыми я закутывал его ноги и которые я менял по мере того,

как они остывали. «Ты возвращаешь меня к жизни, — заявил император, — боюсь, что меня ожидает возврат болезни: он или спасет меня, или убьет». Так как он жаловался на живот, то я и на живот положил нагретые полотенца. Император почувствовал себя лучше, и ему удалось немного вспотеть, после чего он отпустил доктора, а графу де Монтолону сказал: «Сын мой, идите и завтракайте, я знаю, что засну». Когда эти господа ушли, император попросил меня почитать ему о кампаниях Дюмурье.

Днем, в обычное для него время, пришел граф Бертран, и император обсудил с ним военные операции генерала Дюмурье. Император потел так сильно, что несколько раз чувствовал необходимость сменить свое нижнее белье. Почувствовав себя лучше, он захотел выйти к своему дубу и посидеть под ним, пока будут проветривать его спальную комнату. Долго оставаться снаружи дома он не смог и вернулся в постель, поддерживаемый с обеих сторон Новерразом и графом де Монтолоном, и в этот момент у него случился новый приступ. Он послал за доктором, который еще не вернулся из города, куда отправился сопровождать отца Буонавита. Когда доктор появился в Лонгвуде, кризис у императора миновал, и он, раздраженный тем, что доктора не было, отказался его видеть. Я провел ночь поблизости от императора, но в соседней комнате; ночь прошла спокойно.

На следующий день, 18 марта, граф Бертран, которому сообщили о новых приступах озноба, охвативших императора, пришел в девять часов утра, чтобы осведомиться о состоянии здоровья Его Величества. Этот час визита для графа был необычен: император был этим удивлен и дал мне указание сказать графу, что он чувствует себя прекрасно. Он съел бисквит и выпил немного малаги, и поскольку был готов выйти в сад, то вызвал графа де Монтолона. Добравшись до своей скамейки, он ощутил сильнейший приступ рвоты, и его вырвало всем, чем он только что подкрепился, но тем не менее он настоял на том, чтобы еще посидеть на скамейке, пока не вынужден был вернуться в свою комнату. Черты лица императора сильно исказились; как и накануне, он был вынужден лечь в постель и смог согреть ноги и тело только при помощи нагретых полотенец. Был немедленно вызван доктор: он стал говорить о приеме лечебных средств; император ничего не хотел принимать. Ему составлял общество граф де Монтолон, пока не пришел граф Бертран. После ухода гофмаршала император попросил меня продолжить чтение описаний кампаний Дюмурье.

19 марта императора вновь потряс приступ лихорадки, «которая подкрадывалась, словно змея», как объяснил свои ощущения император. Он распорядился, чтобы я накрыл его

несколькими шерстяными одеялами, и безуспешно пытался заснуть. Он вызвал графа де Монтолона, который провел с ним часть утра, и послал за доктором, вновь не оказавшимся дома. Когда пришел гофмаршал, император выразил неудовольствие по поводу того, что доктор еще не осмотрел его. А графу де Монтолону император посоветовал выйти прогуляться и подышать свежим воздухом, который был ему так необходим.

20 марта состояние императора не изменилось. Ночь прошла спокойно, и в это утро императору захотелось совершить небольшую прогулку. Он увидел на персиковом дереве плод, который показался ему созревшим, и стал есть его, обильно посыпав сахаром. Но его стало тошнить, и через несколько минут он отбросил персик прочь. Вернувшись в комнату, император произнес: «Как же мне нехорошо!» День прошел в беседах то с графом де Монтолоном, то с гофмаршалом, но вечером лихорадочное состояние императора усилилось. Император попросил поставить в соседней комнате зажженную лампу с абажуром, чтобы отвлечь из своей комнаты комаров, которые беспокоили его. Хотя он распорядился опустить на окнах сетки против комаров, они все равно проникали внутрь. Император встал с постели, чтобы не мешать мне отгонять комаров, а затем вновь улегся и вызвал графа де Монтолона; днем несколько часов с ним провел граф Бертран.

21 марта императору предложили принять рвотное, но он отказывался от любых лечебных средств. Доктор объяснил, каких результатов следует ожидать от рвотного; генерал Бертран и граф де Монтолон поддержали предложение доктора, и император на следующий день решил принять его. Пришла графиня Бертран, чтобы осведомиться о состоянии здоровья императора; он попросил меня выразить ей свою благодарность за визит, а также свое сожаление по поводу того, что не смог принять ее. Она сказала мне, что очень волнуется о здоровье императора, поскольку доктор сообщил ей, что ситуация сложилась весьма серьезная и что очевидны симптомы гастрита.

22 марта император пошел навстречу желаниям этих господ и принял рвотное средство в двух дозах с небольшим интервалом; это средство оказалось сильнодействующим. С императором находились граф де Монтолон и доктор. После повторных попыток рвоты пошла слизь. Днем императора сморил сон. Я опустил вниз сетки от комаров на окнах, и духота заставила императора покинуть постель: он уселся в кресло, в котором в темноте провел часть вечера, распорядившись, чтобы лампу с абажуром поставили в соседнюю комнату.

23 марта после перевязки того места, где ему делали

прижигание, император почувствовал необходимость побриться и почистить зубы. После этого император почувствовал себя посвежевшим. Утром он согласился вновь принять рвотное, но спазмы в животе были настолько сильными, что он более не хотел принимать это средство. Когда ушли граф Бертран и граф де Монтолон, я остался с императором наедине. Он заснул, когда я читал ему. Проснувшись, он съел немного супа и желе — его единственная еда с того времени, как он слег в постель. Ночью он потел и несколько раз менял фланелевое нижнее белье. Он попросил меня принести небольшую бутылку и немного лакрицы. Опустив немножко лакрицы в бутылку, он сказал мне, чтобы я наполнил бутылку водой, добавив при этом, что в будущем он ограничится только этим напитком. Затем он запретил мне подавать ему любую жидкость без его разрешения.

24 марта он показал графу де Монтолону напиток, который собирался принимать: «Если этот напиток не принесет мне пользы, — заявил он, — то, во всяком случае, он не принесет мне вреда». Присутствовавший при этом разговоре доктор улыбнулся, услыхав слова императора, но заявил, что желудок императора нуждается в рвотном, которое он должен предложить Его Величеству. «Почему бы тебе не пойти и не прыгнуть в озеро, — заявил император, — самому принять это рвотное!» В тот же день доктор доложил императору, что Новерраз слег в постель с очень острым приступом заболевания печени и что он, доктор, только что ухаживал за ним. Император высказал опасение, что заболевание Новерраза затянется надолго, и поскольку я сам не восстановился полностью после моей болезни, то у меня может случиться ее рецидив из-за накопившейся за последнее время усталости. Я действительно провел ночи с 18 по 24 марта, ухаживая за императором с помощью Сен-Дени или Новерраза, которые спали в соседней комнате. Граф де Монтолон, к заботе которого в дневное время привык император, предложил свои услуги и в ночное время. Император принял решение, что граф де Монтолон будет находиться с ним с 9 часов вечера до 2 часов ночи с тем, чтобы в этот ночной час я сменил графа. Таким образом, в дополнение к тем часам, которые граф де Монтолон проводил с императором в течение дня, он взял на себя и ночное дежурство. Гофмаршал регулярно приходил в 3 часа дня и уходил в 6 часов вечера. Я использовал его присутствие в спальне императора для того, чтобы пообедать самому. Император сообщил гофмаршалу о новом распорядке дежурств, который он только что установил. Граф Бертран немедленно предложил и свои услуги, но император ответил ему: «Мне достаточно услуг Монтолона, я привык к тому, как он ухаживает за мной; если

этого будет недостаточно, то тогда я приму и ваши услуги». Вновь приходила графиня Бертран, чтобы узнать новости об императоре. Он попросил меня поблагодарить ее за проявленное участие к нему.

25 и 26 марта несколько раз на живот императора накладывались влажные полотенца; доктор поделился со мной своей озабоченностью по поводу состояния здоровья императора и сказал, что его болезнь прогрессирует день ото дня, потому что император отказывается от помощи. «Я вижу только один выход из создавшегося положения, — заявил мне доктор, — а именно, чтобы добавить рвотное средство в бутылку с тем напитком, который он сам назначил себе. В таком виде это средство можно будет предложить ему, не говоря об этой маленькой хитрости». Доктор высказал мне это предложение шепотом в спальне императора, который в это время спал. Я ответил, что ни в коем случае не предложу императору его напиток, смешанный с рвотным средством, поскольку я уже получил от императора строгое указание на этот счет, и императору очень не понравится, если с ним будут обращаться подобным образом. «Посоветуйтесь с Монтолоном и гофмаршалом, — добавил я, — но, что касается меня, я отказываюсь принимать участие в этом деле». Разговор на эту тему закончился, и доктор более никогда к нему не возвращался.

На следующий день, 27 марта, доктор, как обычно, пришел в 8 часов утра. Император рассказал ему, что ночь была неплохой и что граф де Монтолон несколько раз помогал ему менять нижнюю фланелевую рубашку. Воспользовавшись хорошим настроением императора, доктор заявил, что тот должен больше доверять медицине. «Все это прекрасно, — заявил император, — но вы работаете, как слепые, и медицина больше убивает людей, чем спасает их». День прошел как обычно: император то лежал в постели, то садился в кресло в соседней комнате, сначала беседовал с графом де Монтолоном, затем с заменявшим его графом Бертраном. Перед императором стоял стол с несколькими графинами, наполненными холодными напитками, но он в течение всего дня ничего не пил.

Увидев графа Бертрана, император спросил его: «Итак, сэр гофмаршал, как вы себя чувствуете?»

«Идеально, сир. Мне хотелось бы, чтобы то же самое было сказано о Вашем Величестве; как вы находите эти напитки с добавленным к ним рвотным? Они приносят вам пользу?»

Император ничего не знал о сделанном мне предложении, и так как он испытывал боли в животе, то немедленно вызвал меня; я находился в соседней комнате. Внезапно его лицо охватил гнев.

«С каких это пор, сэр, ты позволяешь себе отравлять меня, смешивая напитки на моем столе с рвотным? Разве я не говорил тебе, чтобы ты ничего не давал мне без моего разрешения? Разве я не запрещал тебе этого? Вот так ты оправдываешь мое доверие к тебе! Ты знал об этом! Убирайся вон!»

Я потерял дар речи: никогда император не говорил со мной таким образом, но его гнев был неуместен. «Сир, — заявил я ему, — я могу заверить Ваше Величество, что, насколько мне известно, в этих напитках нет рвотного. Действительно, вчера в спальной комнате Вашего Величества доктор говорил мне о необходимости смешать рвотное с напитками, предназначенными для вас, не поставив вас об этом в известность; но я подумал, что отговорил его, сказав, что он не может позволить себе поступить подобным образом в отношении Вашего Величества. Что касается меня, то я никому не разрешал входить в эту комнату. Если же доктор осуществил свою идею, то мне не сказали об этом, и это могло быть сделано в буфетной».

«Пришлите ко мне Антоммарки».

К счастью для доктора, его не оказалось дома; я выдержал основную тяжесть взрыва императорского гнева, и этим же вечером пришел доктор, чтобы получить свою долю. Он пытался оправдать себя тем, что убеждал императора, что его продолжительный отказ от предлагаемой ему помощи ставит под угрозу его жизнь. «Ну что ж, сэр, разве я нахожусь перед тобой в долгу? Разве ты не веришь, что для меня смерть будет означать благодеяние небес? Я не боюсь смерти, я ничего не буду делать, чтобы ускорить ее, но я не буду хвататься за соломинку, чтобы сохранить жизнь». Император резко приказал доктору удалиться и в течение двух дней не принимал его. Этот инцидент испортил императору настроение до конца дня. Он приказал мне выбросить все графины с напитком, стоявшие на столе, в открытое окно и с раздражением сказал: «Конечно, я надеюсь, что никто не позволил себе что-либо добавить к моей лакрице».

Днем я сделал ему перевязку на руке: кожа на месте прижигания побледнела, и кусочек пластыря не очень промок. Как я уже упоминал, единственной пищей императора с того времени, как он перестал выходить из своих комнат, были суп и желе. Губернатор, обеспокоенный тем, что дежурный офицер более не видел императора, настаивал на том, чтобы его навестил британский доктор.

28 и 29 марта ничем не отличались от предыдущих дней. Ставни держались закрытыми, и император ночью и в течение дня часто переходил со своей постели на кушетку или садился в кресло. Он распорядился, чтобы открыли дверь из его комнаты в

сад и попросил графа Бертрана выйти туда и найти ему цветок. Гофмаршал принес ему анютины глазки, и император поставил этот цветок в стакан с водой на свой стол. Гофмаршал и граф де Монтолон выступили в защиту доктора, рассказав императору о том, как сильно был расстроен доктор, поскольку на его плечах лежала огромная ответственность. Доктор думал только об одном: хоть немного облегчить страдания императора. Доктор был бы доволен, если бы император позволил ему привести другого доктора, который мог бы вызвать у императора доверие, чего не смог добиться д-р Антоммарки. «Прекрасно, скажите ему, что я увижу его завтра». На следующий день император принял д-ра Антоммарки и произнес: «Доктор, я — мертвец».

«Да, если Ваше Величество будет отказываться от всякой помощи!» Доктор подошел к постели, прослушал у императора пульс, положил на его живот руки, нашел его вздувшимся и посоветовал принимать пилюли, которые бы привели живот в нормальное состояние. «Доктор, — сказал ему, смеясь, император, — ты удивительно невежественный человек, мой друг; известно ли тебе, что Гиппократ сказал: «Да», а Гален сказал: «Нет». В этой ситуации самым лучшим лекарством является вот это», — и император показал доктору маленькую бутылку с лакричной водой, которую он предпочитал всем различным напиткам, поставленным на его стол.

Как я уже говорил, гофмаршал и генерал Монтолон передали императору о желании доктора привести к нему другого врача. Ночью граф де Монтолон обсуждал с императором эту возможность. Но император высказался против этого предложения, сказав мне, когда ушли эти господа: «Какая будет польза от того, что ко мне приведут другого доктора; он лучше разберется в моей болезни? Если бы Корвисар или Ларрей были здесь, я бы доверился им, и у меня появилась бы надежда; но эти невежественные люди ничего не смыслят в моей болезни. Хорошая прогулка верхом на коне, вот в чем я нуждаюсь! Возьми книгу и почитай мне немного».

Покидая императора, граф де Монтолон сообщил мне, что ночью он разговаривал с императором о том, чтобы к нему пришли вместе д-р Арнотт и д-р Антоммарки, и что император проявил большую терпимость, чем это было накануне. Если бы император упомянул в разговоре со мной об этом, то я бы поддержал это предложение, поскольку визит д-ра Арнотта был тем более необходим, что дежурный офицер не видел императора уже более двух недель, и губернатор приказал дежурному офицеру найти возможность увидеть «генерала».

Дежурный офицер в самом деле представил письменный

приказ, который он получил от губернатора. Граф де Монтолон объяснил офицеру, что, принимая во внимание состояние здоровья императора, вторжение в его дом равносильно убийственной акции и, более того, дежурный офицер будет встречен Его Величеством с пистолетом в руках. Граф немедленно написал письмо губернатору, в котором предложил подождать до следующего дня с тем, чтобы он, граф, смог переговорить с императором по этому вопросу. Эта отсрочка в принятии губернатором решения продолжалась несколько дней и была использована для того, чтобы подготовить императора к визиту д-ра Арнотта. Некоторое время император рассуждал следующим образом: «Этот калабрийский мошенник из мошенников, этот губернатор, не беспокоит нас. Что бы это означало? Он, вероятно, знает о том, что я болен, благодаря китайцам».

Император не подозревал, что как раз в это время отдавался приказ о вторжении в его дом. Дежурный капитан получил указание войти в апартаменты императора. Дежурный офицер, уверенный в болезни Наполеона, был удручен этим чрезвычайно и заявил, что он скорее подаст рапорт о своей отставке, чем станет выполнять подобные приказы. Через несколько дней его заменил капитан Кроукэт. Граф де Монтолон сумел убедить губернатора в том, что он с гофмаршалом настоятельно советуют императору принять британского доктора вместе с Антоммарки. Граф попросил губернатора подождать до того времени, когда они убедят императора сделать это. Тогда губернатор сможет быть уверенным в том, что император находится гораздо ближе к смерти, чем к побегу, чего последний, судя по всему, более всего опасался.

Глава двадцать четвертая

Д-р Арнотт — Император диктует свои последние завещания — Император ослабевает — Беседы с д-ром Арноттом — Последние просьбы императора

1 апреля, чувствуя, что силы оставляют его день ото дня, император согласился принять д-ра Арнотта. «Ваш британский доктор, — сказал он графу Бертрану, — отправится докладывать о моем состоянии этому палачу. Ему доставит огромное удовольствие весть о моей агонии; но, в конце концов, чего еще он может сделать, если я соглашусь принять этого доктора? Ладно! Этот визит больше удовлетворит окружающих меня, чем меня самого, ибо я ничего не жду от того, что он скажет! Ладно, Бертран, скажите ему, чтобы он пришел в ваш дом; пусть он

проконсультируется с Антоммарки, объясните ему, как прогрессирует моя болезнь, и затем приведите его ко мне».

Гофмаршал немедленно вызвал д-ра Арнотта, который, после того как его информировали о течении болезни императора, ответил, что для того, чтобы определить заболевание, он должен увидеть пациента. В тот же вечер, в 9 часов, его провели в императорскую спальную комнату, которая была лишь едва освещена лампой с абажуром, поставленной в соседней комнате. Я снял сетку от комаров с постели императора, к которой подошел доктор. Определив пульс и прощупав живот, доктор сказал, что узнает больше о течении заболевания, переговорив с д-ром Антоммарки, и попросил разрешения вернуться обратно в 9 часов утра следующего дня.

Император ежедневно запрашивал новости о Новерразе, который в течение нескольких дней был прикован к постели заболеванием, которое истощало его силы. «Как только ему станет лучше, — заявил император, — я хочу, чтобы он вернулся в Европу. Это у него уже второй подобный приступ, и я не хочу, чтобы этот хороший человек умер, став жертвой этого ужасного климата». Граф Бертран знал, что Сен-Дени спал каждую ночь в комнате, соседней с императорской спальней, и вновь предложил свои услуги императору, который поблагодарил его, сказав: «У вас масса забот с вашей супругой и детьми; мне достаточно помощи Монтолона. Я устроил все так, чтобы он и Маршан могли заботиться обо мне, не уставая слишком сильно». Хотя графиня Бертран получала новости об императоре, по крайней мере, раз в день, она по-прежнему приходила сама к апартаментам императора, чтобы осведомиться о его состоянии здоровья. Я всегда докладывал императору о ее визите, но он просил меня благодарить ее и выражать сожаление, что его нынешний вид не позволяет ему принять ее. Я был уверен, что император хотел дать почувствовать графине его неудовольствие в связи с высказанным ею намерением вернуться в Европу. На следующий день, 2 апреля, д-р Арнотт в сопровождении графа Бертрана прибыл к императору; император позволил ему явиться вместе с д-ром Антоммарки. Император, наполовину приподнявшись с постели, любезно принял его, сказав, что согласился видеть его из-за испытываемого им уважения к доктору, а также благодаря его обещанию не докладывать губернатору о состоянии его здоровья. Лицо императора, всегда величественное и красивое, тем не менее не могло скрыть следов продолжительных страданий. Отросшая за несколько дней борода еще более подчеркивала бледность его лица, а выразительные глаза свидетельствовали о спокойствии и полном смирении. После

ответов на вопросы относительно его брюшных органов, приема пищи и ее выхода император сказал: «Я ощущаю острую боль в этом месте, словно режет меня бритва. Не считаете ли вы, что, возможно, затронут привратник желудка? Мой отец умер от этой болезни в возрасте 35 лет; не может ли это быть наследственной болезнью?»

Д-р Арнотт приблизился к нему, вновь прощупал живот и сказал, что у императора воспаление желудка, но, судя по всему, привратник желудка не затронут воспалением. Печень вообще непричастна к заболеванию, боль, которую он ощущает в кишечнике, является результатом попавшего в него воздуха; и если он не будет отказываться от лекарств, то все боли исчезнут. Доктор прописал припарки и некоторые микстуры, которые император должен был принимать каждый час. Гофмаршал перевел слова императора: «Скажите ему, что мой желудок никогда не причинял мне страданий, что иногда у меня бывали колики, но всю жизнь мое пищеварение было отличным». Вновь натянув на себя одеяло, император поговорил с доктором о Египте и об экспедиции Аберкромби[323], в которой участвовал доктор. Отпуская его, император сказал: «Доктор, мы вновь обсудим эту экспедицию: в последующие дни я буду ждать вас вместе с гофмаршалом к четырем часам, — обратившись к графу Бертрану, император добавил, — этот час станет часом моего обеда». Эти визиты доктора стали потом для императора некоторым развлечением, к тому же они отвлекали его от страданий. Он обычно держал у себя и того, и другого доктора от тридцати до сорока пяти минут, затем отпускал их и беседовал с гофмаршалом до шести или до семи часов вечера. Для графа де Монтолона это было время, когда он выходил подышать свежим воздухом и пообедать; он обычно возвращался между девятью и десятью часами и оставался с императором до двух или трех часов ночи, когда уже я менял его. Император сказал о д-ре Арнотте, что тот кажется ему неплохим человеком.

В тот же самый вечер, когда я сменял гофмаршала у постели императора, я сказал императору, что мы сможем увидеть комету. «А, моя смерть, — сказал он мне, — будет отмечена, как и смерть Цезаря». Пораженный словами императора, я поспешил сказать, что комета не угрожает нам такой катастрофой. Курс кометы показывал, что она следует в сторону Франции: «Ах, сын мой! У меня более нет надежды вновь увидеть Париж». Эти слова были сказаны с таким внутренним убеждением, что они просто потрясли меня. Граф де Монтолон подтвердил существование кометы, но запретил д-ру Антоммарки упоминать о ней во время своего вечернего визита.

На следующий день гофмаршал пришел за несколько минут до четырех часов дня. Он сообщил императору о предстоящем приезде двух поваров, которые выехали из Англии, чтобы сменить Шанделье, чье физическое состояние стало еще хуже. Одного звали Перрюссе, а другого — Шанделье, последний был двоюродным братом того человека, которого он ехал менять. В эту минуту прибыли доктора, которых пригласили к императору.

Д-р Арнотт сообщил императору, что строительство нового дома закончено и что императорские апартаменты теперь большие, что обеспечивает приток большой массы воздуха; императору в них будет гораздо лучше, чем в его нынешней спальной комнате, которая слишком мала. «Доктор, — ответил император, — это уже слишком поздно; я довел до сведения вашего губернатора, когда он представил мне план строительства этого дома, что для его завершения потребуется пять лет и к тому времени мне нужна будет могила. Вы сможете увидеть, что, когда они предложат мне ключи от дома, я уже буду конченым человеком!» Д-р Антоммарки сказал, что переезд в новый дом может привести к серьезным осложнениям в состоянии здоровья императора и что, если императору не хватает свежего воздуха в его спальне, то его следует поместить в гостиной. Исследуя рвоту больного, содержавшую черное вещество, д-р Арнотт пришел к выводу, что в желудке императора появилось изъязвление. Доктор информировал об этом гофмаршала и продиктовал графу де Монтолону несколько рецептов, но император продолжал оставаться таким же недоверчивым к рекомендациям этого доктора, как и к предыдущим рекомендациям д-ра Антоммарки.

Последующие дни не принесли какого-либо улучшения здоровья императору. Ночью обильное выделение пота вынудило императора менять его нижнее фланелевое белье пять или шесть раз; в течение дня его состояние беспокойства не было столь значительным благодаря тому, что ему удавалось отвлечься от болезненных ощущений с помощью бесед или чтения. Однажды вечером, после того как ушел граф Бертран, я остался наедине с императором; он стал говорить мне о принцессе Полине и о ее небольшом доме в Сан-Мартино на острове Эльба, о его уединении в «Мадонне» и о той прохладе в тени, которая делала визит туда таким приятным. Затем он попросил меня прочитать ему главу о Сирии, которая была переписана Сен-Дени таким мелким почерком, что было очень трудно прочитать ему написанный текст.

Во время каждого визита доктор всегда предлагал пилюли или другие лекарства; император обычно напрямую не возражал против них, но при этом менял тему разговора и всегда ухитрялся

ничего не принимать. Однажды, когда д-р Арнотт проверял его пульс, он спросил императора, как он себя чувствует. «Не очень хорошо, доктор, я собираюсь возвратить земле остатки жизни, обладать которыми королям кажется очень важным». И, поскольку доктор настаивал на том, чтобы император принял лекарства, он ответил доктору: «Всегда лекарства! Хорошо, доктор, мы немного их примем. Расскажите, с какими болезнями вам приходится сталкиваться в ваших госпиталях». Затем, встав с постели, он надел халат и пошел садиться за стол, на котором ему подавали обед. Он предложил доктору попробовать некоторые блюда и бокал вина «кларе». На столе был небольшой кусок савойского торта: император разрезал его на четыре части и по одной порции раздал гофмаршалу, д-ру Арнотту, д-ру Антоммарки и мне.

Двумя днями раньше императору захотелось побриться: все было подготовлено для этой процедуры, но она была отложена. «Мне следует быть менее ленивым, — признался император, — потому что я чувствую себя гораздо бодрее, когда побреюсь. Это ты виноват, — заявил он, взяв меня за ухо, — если я не бреюсь. В будущем ты должен заставлять меня бриться. Горе мне!» — произнес он, поглядев на себя в зеркало. Через несколько дней он почувствовал себя плохо и стал испытывать сильную жажду; я предложил ему ячменного отвара из графина, стоявшего на столе. «Я, конечно, надеюсь, — заметил он, посматривая на меня, — что никто не посмел добавлять чего-нибудь в мои напитки?»

«Сир, — заверил я его, — урок для всех был слишком строгим, чтобы снова попытаться пойти на это». Император пребывал в явно раздраженном состоянии. За обедом он лишь притронулся к желе; д-р Арнотт предложил ему немного тонизирующего вина, но он ответил, что подумает.

Ночь на 7 апреля оказалась беспокойной. Граф де Монтелон сообщил мне, когда я заступил на дежурство вместо него в 3 часа ночи, что он трижды менял императору фланелевое нижнее белье. Такое обильное отделение пота обессилило его; утром, однако, он почувствовал себя лучше и захотел побриться, но, опасаясь, что силы подведут его, уселся в кресло. Со времени Консулата никто не дотрагивался бритвой до его щек. Поняв, что он испытывает неудобство, когда кто-то бреет его, император взял за правило бриться самому, используя при процедуре бритья обе руки. Посмотрев на себя в зеркало несколько минут, он ласково взглянул на меня и, скорчив гримасу, сказал: «Я явно выгляжу скверно, сын мой: позови Сен-Дени, чтобы он подержал для меня это зеркало». После нескольких попыток ему удалось побриться и помыть лицо. Он облачился в халат и, оставаясь в кресле,

мельком просмотрел несколько газет, затем распорядился открыть окно и попросил вызвать графа де Монтолона, которого послал подышать свежим воздухом. Посланный за графом Сен-Дени вскоре вернулся и сообщил, что графа де Монтолона дома на оказалось. «Погода стоит прекрасная, — обратился ко мне император, — он, должно быть, отправился в военный лагерь, чтобы сообщить мне новости». Через несколько минут генерал прибыл.

В 4 часа дня император поел немного желе с супом. Я уже говорил, что гофмаршал переводил слова императора доктору Арнотту и наоборот. «Ваши сатирики, — заявил он д-ру Арнотту, — полностью перевирают факты: они обвиняют меня в том, что я отравлял солдат, тогда как на самом деле я отдавал своих лошадей, чтобы перевозить их. Фармацевт, который упоминается в ваших сказках, умерший в Египте, так как я не разрешил ему вернуться во Францию, был ничтожным человеком, изгнанным из армии за то, что присваивал наркотики из своих аптечных запасов и продавал их ради собственного обогащения; есть свидетели, которые могут подтвердить это[324].

Несколько больных, которых нельзя было транспортировать, остались в госпитале: я приказал своему адъютанту Лавалетту задержаться в госпитале до их кончины, которая наступила на следующий день».

Д-р Арнотт принес с собой немного тонизированного вина в концентрированном виде, и император распорядился, чтобы я попробовал его. Я нашел вино горьковатым, но приемлемым. Император согласился попробовать его, пообещав, что начнет пить его со следующего дня. Д-р Арнотт сказал, что пульс императора стал лучше прощупываться, что несколько обнадежило нас.

9 и 10 апреля я предложил императору это вино. Несколько раз он в довольно резкой форме отказывался от него, заявив, чтобы я вместо него пил это вино; оно принесет ему такую же пользу, как если бы он сам выпил его. Ставни в обеих комнатах императора оставались закрытыми весь день. У императора болел бок, и ему немного стало легче после того, как к боку были приложены нагретые полотенца. С императором оставался граф де Монтолон, не покидавший его до тех пор, пока не появился гофмаршал вместе с докторами. Император, положив руку на бок, заявил д-ру Арнотту: «Доктор, боль здесь, это — печень!» Д-р Арнотт заверил его, что это не так, но император оставался убежденным в своей правоте. Император спросил д-ра Антоммарки, как обстоят дела у Новерраза. «Опасность еще не миновала, — доложил доктор, — но я думаю, что мне удалось

справиться с болезнью». Вечером император стал жаловаться на тошноту. В 6 часов вечера я сменил гофмаршала; в 9 часов вечера меня сменил граф де Монтолон. Император не заблуждался в отношении состояния собственного здоровья: днем он говорил с графом де Монтолоном о составлении своего завещания и спросил его в моем присутствии, будет ли достаточно двух миллионов для того, чтобы выкупить собственность его семьи в Бургундии. Собирался ли император писать другое завещание? Мне было известно об одном завещании, которое в тот вечер я относил графу Бертрану. Император жаловался на то, что пули минули его только для того, чтобы оставить беспомощным и без той заботы, которая необходима в его состоянии. В ночь на 11 апреля император чувствовал себя более спокойно; доктор приписал это воздействию успокаивающего средства, которое император принял по настоянию графа де Монтолона.

13 апреля Его Величество продолжал диктовать; граф де Монтолон оставался за запертыми дверями вместе с императором, который диктовал ему свои последние завещательные указания до 3 часов дня. Когда впустили докторов, император спросил д-ра Арнотта, можно ли умереть от слабости: «Я так мало ел в последние два дня, и мой желудок ничего не задерживает из того, что получает от меня: моей единственной едой остается немного желе». Дважды у императора были приступы рвоты, которые на несколько минут прерывали его диктовку графу де Монтолону. Вечером император поел немного супа, но сразу же его вырвало.

14 апреля император воспользовался моментом затишья в своей болезни для того, чтобы продолжать диктовать графу де Монтолону, с которым он заперся в своей комнате. В 4 часа дня с докторами появился граф Бертран; несколько пятен от чернил на простынях свидетельствовали о том, что император был очень занят письменной работой. Но сам он об этом ничего не сказал, а сказал о своей слабости. Д-р Арнотт по часам, подаренным мне императором, справился о его пульсе. Доктор настаивал на том, чтобы император на следующий день принял несколько пилюль.

Император прекратил разговор о своем здоровье и стал беседовать с доктором об экспедиции Аберкромби; как обычно, гофмаршал переводил то, что говорил император. «Вы не можете себе представить, — заявил император, — более бездарно задуманную экспедицию, чей исход едва ли мог быть успешным! Владыки моря, вы высадились на берег без лошадей для артиллерии и без кавалерии. Если бы Мену последовал моему плану сражения при Абукире, вы были бы разбиты. И, если бы у Ланна было на 2000 человек больше, он бы полностью разгромил

вас во время флангового марша, совершенного вами перед его войсками. Потеря моего флота в Абукире имела огромные последствия для судьбы Франции: если бы этого не случилось, я бы достиг своей цели сделать ее владычицей всего мира. Мену был добрым человеком и хорошим администратором, но плохим генералом; если бы я поручил командование Ланну, который горел от усердия, ваша экспедиция полностью бы провалилась. Рейнье был отличным генералом, но слишком сдержанным; если бы Клебер был жив, Франция сохранила бы за собой Египет». Отпустив докторов, император оставался наедине с графом Бертраном до 6 часов. Когда я пришел на смену графу де Монтолону в 2 часа ночи, последний сказал мне, что д-р Арнотт считает, что император очень серьезно болен.

Утром 15 апреля император побрился и после легкого умывания почувствовал себя более бодрым. Он лег обратно в постель и вызвал д-ра Антоммарки, который нашел, что у императора хороший пульс, и посоветовал ему принять те же пилюли, что и накануне. Поскольку Его Величество согласился на это с большой неохотой, то я предложил положить эти пилюли между двумя кусочками лапши в супе, который ему только что принесли: я поднес эти пилюли вместе с бульоном в суповой ложке к его рту. «От мысли проглотить их, — заявил император, — у меня все в животе переворачивается. Глотай ты их», — и пилюли немедленно оказались на пути к моему желудку. «Смотри-ка, — заявил император, — они, кажется, не беспокоят тебя». Я тут же положил новые пилюли в столовую ложку с бульоном и кусочками лапши и поднес ложку к его рту; на этот раз он решил проглотить их и, опасаясь, что они вызовут у него приступ рвоты, схватил левой рукой серебряный тазик. Проглотив пилюли, император сказал, что не почувствовал их и что в будущем я должен давать их ему таким же образом. Тем не менее в то же утро у него все же случился приступ рвоты.

В этот же день император дал мне указание составить список столового серебра, севрского фарфора, гардероба и других его вещей. Он продолжал работать с графом де Монтолоном до 3 часов дня; в 4 часа дня к императору были приглашены гофмаршал и доктора. Император встал с постели и, опираясь на руку графа Бертрана, пошел к креслу и немного поел из того, что ему подали. Он поговорил с д-ром Арноттом об английском военном лагере, спросил, есть ли у полка хорошая библиотека, обсудил генералов, которые командовали британскими армиями, и похвалил Мальборо. Император предполагал написать комментарии к военным кампаниям этого генерала, как он писал их в отношении кампаний Цезаря, Тюренна, Фридриха Великого и

Ганнибала. Он спросил д-ра Арнотта, имеется ли в полковой библиотеке книга о кампаниях Мальборо; доктор ответил, что он в этом не уверен. «Хорошо, тогда я хочу преподнести эту книгу в качестве подарка вашему полку». Император распорядился, чтобы я принес эту книгу из его библиотеки: это был прекрасный экземпляр с иллюстрациями и в красивой обложке. «Вот, доктор, — сказал он, забирая у меня книгу, — мне импонируют храбрые люди, независимо от того, какую страну они представляют». В этот момент д-р Антоммарки засмеялся; император бросил в его сторону негодующий взгляд, который дал понять д-ру Антоммарки, насколько неуместен его смех. «Положите книгу на полку в вашей полковой библиотеке. Если я и согласился видеть вас, доктор, то это потому, что хотел доставить удовольствие людям моего окружения, а также потому, что вы — порядочный человек, почитаемый офицерами вашего полка». Гофмаршал, переводивший слова императора на английский язык, выразил благодарность д-ра Арнотта уже на французском. Доктор был явно тронут и понимал ценность слов, сопровождавших подарок. «Тюремщик острова Святой Елены, — продолжал император, — для того, чтобы испортить мои отношения с 66-м полком, не постеснялся оклеветать меня, заявив, что мне не нравятся военные в красных мундирах; вы можете раскрыть им глаза и сказать им, что это все неправда. Я намерен написать принцу-регенту и вашим министрам: они хотели моей смерти, они вот-вот ее получат, убивая меня булавочными уколами. Я желаю, чтобы мой прах был предан французской земле. Ваше правительство будет возражать против этого, но я предсказываю, что памятник, воздвигнутый в мою честь, станет символом позора для вашего правительства и что Джон Буль воспрянет из моего праха, чтобы свергнуть британскую олигархию. Последующие поколения отомстят за меня палачу, назначенному для содержания меня в тюрьме, и ваши министры умрут жестокой смертью». Доктор, который мог видеть, как смерть приближается к императору, был восхищен проявленной императором стойкостью духа, которую невозможно было подавить.

Отпустив докторов, император задержал у себя графа Бертрана. В тот же вечер мы узнали, что губернатор запретил, чтобы книги вывозили с территории Лонгвуда, но офицеры британского полка, информированные о любезности императора, передали ему свою благодарность; и после его кончины потребовали, чтобы губернатор вернул им книги.

Когда я вернулся в Европу, то с изумлением прочитал в книге д-ра Антоммарки на 94-й странице второго тома, посвященного

событиям на острове Святой Елены, что император, похвалив Мальборо и передав д-ру Арнотту книгу о кампаниях этого генерала в качестве подарка для полка д-ра Арнотта, стал подшучивать над Мальборо и спел первый куплет песни, сочиненной об этом генерале.

С тем, что д-р Антоммарки, присутствовавший во время вручения подарка д-ру Арнотту, не смог сдержать смех, вызванный песнью, которой его укачивали, когда он был ребенком, — а именно так заявил д-р Антоммарки, — я не стану спорить. Но он был совершенно неправ, приведя в своей книге выдуманный анекдот, подвергающий насмешке благородные причины, в силу которых 20-й полк получил от императора любезный подарок. Д-ру Антоммарки было бы лучше помолчать, тогда бы я, конечно, не стал обнародовать причину того строгого и негодующего взгляда, который заслужил смех д-ра Антоммарки.

У д-ра Антоммарки был легкомысленный характер, хотя он и был неплохим человеком. Его чувство юмора, склонного к высмеиванию других, привело к тому, что император несколько раз делал ему замечания. Последний ставил под сомнение профессиональные способности доктора. Мне потребовалось всего лишь несколько дней после приезда д-ра Антоммарки, чтобы судить если не о его знаниях, то, по крайней мере, о его характере. Никогда в своей жизни не приближавшийся к обществу знаменитых и могущественных личностей, таких, как император, д-р Антоммарки был далек от той среды, куда он вдруг попал. Когда он приехал, то часто обсуждал со мной состояние здоровья императора, а я пытался предупреждать его поступки, в результате которых император мог составить отрицательное мнение о нем. «Будь более серьезным, когда находишься в обществе императора, — говорил я ему, — и отвечай на вопросы, касающиеся тебя лично; и когда говоришь о графе де Монтолоне и о гофмаршале, воздерживайся от того, чтобы называть их «Бертраном» и «Монтолоном»; это император обращается к ним подобным образом, но ты не должен позволять себе поступать точно так же». Он поблагодарил меня и последовал моему совету; возможно, он даже решил, что сам император просил меня сказать ему об этом, что не соответствовало действительности. Священники, с другой стороны, вели себя очень уважительно и всегда пользовались титулом «граф» или «превосходительство», когда обращались к графу Бертрану и к генералу де Монтолону.

16 апреля ночью ноги императора можно было поддерживать теплыми только с помощью нагретых полотенец. Когда доложили о приходе д-ра Антоммарки, император резким тоном сделал ему выговор за его легкомысленное и неуместное поведение

накануне. Доктор пытался оправдаться тем, что внезапно вспомнил песню, которой его убаюкивали перед сном, когда он был ребенком; отпустив доктора, император вызвал к себе графа де Монтолона. Он оставался с графом до 3 часов дня. В течение этого времени я заходил в комнату только для того, чтобы поддерживать голову императора, когда дважды подряд у него был приступ рвоты, а также для того, чтобы обернуть его ноги нагретыми полотенцами. Император распорядился, чтобы я дал ему вина, оставшегося после отъезда Лас-Каза. Я взял на себя смелость выразить опасение о последствиях, которые может вызвать это вино.

Граф также считал, вино не пойдет ему на пользу. Император все же настоял на том, чтобы ему дали бокал вина, в которое он макал печенье. Он также возобновил свою письменную работу, заявив графу де Монтолону: «Сын мой, настало время, когда я должен завершить это, я это чувствую». Усевшись на постели, император одной рукой держал дощечку, а другой писал на дощечке; граф де Монтолон, стоявший радом с постелью, держал чернильницу.

Когда с докторами пришел гофмаршал, император ничего не сказал им о том, чем он занимался, но почувствовал сильную тошноту и тогда сообщил д-ру Антоммарки, что, для того, чтобы набраться сил, он немного выпил констанского вина с печеньем. Доктор ответил, что это равносильно тому, как если бы плеснуть масло в огонь. Император затем спросил д-ра Антоммарки, какие у него шансы; доктор ответил, что шансы у императора очень хорошие и его положение не безнадежное. «Доктор, ты не говоришь мне правду, — ответил император, — ты поступаешь неправильно, стараясь скрыть от меня мое истинное состояние здоровья, а я знаю, каково оно. Приходилось ли тебе слышать о Корвисаре или о Ларрее? Больше о последнем, чем о первом? Какое внимание Ларрей уделял своим пациентам и в Египте, и во время нашего похода через пустыню, а также в Европе! Его всегда можно было видеть следовавшим то в конец одной колонны, то другой, чтобы предложить свои врачебные услуги; какой это человек! Каким храбрым и благородным человеком был Ларрей! Я проникся к нему уважением, которое никогда не подвергнется сомнению; если бы армии пришлось воздвигнуть памятную колонну, олицетворяющую благодарность, то Ларрей заслуживает того, чтобы служить в качестве ее оригинала».

При других обстоятельствах, когда император выражал свое неудовольствие д-ру Антоммарки, потому что того никогда не было дома, когда мы искали его, Его Величество сказал: «Если бы Ларрей был здесь, он бы не покидал моей комнаты и спал бы у

подножия моей постели, как это делают Монтолон и Маршан».

Император продолжал расспрашивать доктора Арнотта об одежде британской армии; насколько больны были пациенты доктора, которых он лечил в британском военном лагере; несли ли англичане больше потерь после сражения, чем французы. Д-р Арнотт ответил, что французские врачи были весьма знающими профессионалами, но он считает, что потери были большими со стороны французов. Император же считал, что дело как раз обстояло наоборот, и полагал, что проведенная должным образом ампутация спасала людей, которые в противном случае были бы потеряны для страны. «Это мнение, — заявил император, — которого придерживался Ларрей. Ваша пехота хорошо проявила себя в сражении при Ватерлоо и выглядела лучше, чем ваша кавалерия. У вас были бы хорошие солдаты, если бы вы знали, как вдохновить их, но ваше наказание розгами только превращает их в животных. Французскому солдату, способному глубоко понимать и давать оценку людям, нужен кто-то, кто бы затрагивал струны его души. Солдат, только что получивший несколько дюжин розог, не может захотеть отличиться перед товарищами. Мне рассказывали, — продолжал император, — что английский солдат настолько не заинтересован в повышении до чина офицера, что во время испанской войны, когда наблюдались большие потери, ваши солдаты с неприязнью относились к тому, что сержанты становились офицерами, потому что они не были джентльменами».

Графиня Бертран, не появлявшаяся в течение нескольких дней, пришла после того, как удалились доктора, чтобы осведомиться о состоянии здоровья императора. О ее визите я сообщил Его Величеству, который оставался наедине с гофмаршалом; император сказал мне, чтобы я поблагодарил ее. Когда уходил д-р Антоммарки, он выразил надежду на улучшение здоровья императора, которую не разделяли д-р Арнотт, а также д-ра Шортт и Митчелл[325], созванные для консультации днем в доме графа де Монтолона.

17 и 18 апреля император провел наедине с графом де Монтолоном несколько часов. Поскольку императору надоела вода, настоянная на лакрице, он понемногу стал пробовать другие напитки, выставленные на столике рядом с постелью, такие как лимонад, вода, настоянная на малине, и ячменный отвар. Граф Бертран пришел за несколько минут до появления докторов. Когда они вошли, император, сидевший в кресле, сказал мне слабым голосом: «Открой эту дверь в сад, сын мой, чтобы я мог подышать этим божественным воздухом. Бертран, — обратился он к гофмаршалу, — пойдите и сорвите мне розу.

Воздух — это такая прекрасная вещь, — добавил он, обратив взор к небесам. Затем, взяв розу, он сказал, повернувшись в сторону д-ра Арнотта: — Нам мало того, что розы окружают нас, мы хотим наслаждаться ими еще больше и потому подносим их к своему лицу, подобно тому, как легкие, расширяясь, никогда не могут вдоволь надышаться чистым и ароматным воздухом. Нам нравится поближе подносить к себе розу, чтобы лучше насладиться ее ароматом. Что вы думаете по этому поводу, доктор? Мы здесь не очень-то избалованы».

Гофмаршал немедленно перевел высказывание императора, на которое доктор ответил следующим образом: «Воздух на острове Святой Елены не такой уж плохой. Развлечений и физических упражнений — вот чего вам не хватает».

«Вы имеете в виду могилу, доктор, ее не придется дожидаться долго; ваше правительство будет довольно». Император уже настолько ослаб, его физические силы настолько уменьшились, что не было сомнений в том, что он говорит правду. В обед он поел немного супа с желе и утром следующего дня побрился с большим трудом. Днем я передал графу де Монтолону список вещей императора, о котором он просил меня. «Ночь была такой же беспокойной, как и все предыдущие», — констатировал граф де Монтолон, покидая императора.

17 апреля, когда граф де Монтолон пришел намного раньше, чем обычно, император попросил его продолжить чтение книги о кампаниях Ганнибала. Д-ра Арнотт и Антоммарки пришли в 4 часа дня; император встал с постели и, опираясь на графа Бертрана, пошел к своему креслу, чтобы сесть в него. Из того, что ему было предложено на обед, император съел очень мало, и д-р Арнотт настоятельно просил его поесть еще. «Какой в этом смысл, — ответил император, — поскольку мой желудок все равно не держит пищу? Вы точно узнаете о моей болезни только тогда, когда вскроете меня».

В это утро император завел разговор с графом де Монтолоном о нашем возвращении в Европу. Он проверил наличие имеющейся провизии и примерно подсчитал то ее количество, которое, вероятно, потребуется нам во время плавания; даже овцы, содержавшиеся в овчарне, не были забыты. Император говорил об этих вещах со всеми подробностями и со спокойствием, которое свойственно сильному духом человеку, такому, каким он был сам. В тот же вечер, когда ушел гофмаршал, император попросил поставить лампу с абажуром у изголовья его постели так, чтобы свет не беспокоил его, и распорядился, чтобы я продолжил ему чтение книги о кампаниях Ганнибала. В 9 часов вечера появился граф де Монтолон; я

оставил его наедине с императором, а Сен-Дени — спящим в соседней комнате. Поскольку император был прикован к постели, он слушал мессу, не вставая. Ночь 19 апреля была трудной, император был не в состоянии отдохнуть; последовавший день был отмечен беспокойным состоянием, которое во второй половине дня, наконец, прошло[326]. Отпустив графа де Монтолона, император послал меня в библиотеку, чтобы я принес ему книгу Гомера, и попросил графа Бертрана почитать ему: «Гомер так хорошо описывает сцены смотров и совещаний, которые я сам проводил накануне сражений, что я всегда наслаждаюсь, когда слушаю его поэму». В 4 часа дня он положил себе на тарелку немного мясного желе, предварительно попросив д-ра Арнотта попробовать его, д-р Арнотт нашел желе хорошим. В течение дня император не чувствовал тошноты, поскольку, как он сам сделал вывод, он не двигался по комнате.

Улучшение состояния здоровья императора продолжалось часть ночи и все утро. Погода была прекрасной, и император потребовал, чтобы граф де Монтолон вышел погулять и подышать свежим воздухом, а также разузнал о новостях. Когда я остался наедине с императором, он сказал мне, что назначил меня вместе с графами де Монтолоном и Бертраном душеприказчиком его завещания. Мое удивление было столь же большим, как и честь, оказанная мне; запинаясь, я сказал, что всегда буду достойным того доверия и положения, которое он определил для меня. Чувства, охватившие меня, были необычайно сильными. «Я передал гофмаршалу, — заявил император, — завещание в запечатанном конверте, который гофмаршал должен будет вскрыть после моей смерти; скажи ему, чтобы он отдал его тебе, и затем принеси его мне». Когда от имени Его Величества я передал эту просьбу гофмаршалу, тот не скрыл своего удивления; тем не менее он подошел к своему письменному столу, взял оттуда конверт с завещанием и вручил его мне. Император взял конверт, вскрыл его, пробежал глазами по страницам документа и, разорвав его на две части, сказал мне, чтобы я бросил разорванный документ в камин. Это были прекрасные страницы, собственноручно написанные императором, которые следовало хранить. Я держал эти страницы в руке, но император хотел, чтобы они были уничтожены, и я бросил их в огонь камина, где их вскоре поглотило пламя. Я ничего не знал об их содержании. Генерал де Монтолон сказал мне, что в бумагах императора он обнаружил эти страницы, написанные карандашом; согласно сожженным страницам, бриллиантовое ожерелье, которое император отказал мне в одном из дополнений к завещанию, предназначалось поровну в его оценочной стоимости графине

Бертран и ее дочери, а также графине де Монтолон и ее дочерям.

Днем граф Бертран пришел в обычное для него время. После него подошли доктора; император встал с постели и, поддерживаемый гофмаршалом, пошел к своему креслу, чтобы пообедать, но поел очень мало из того, что ему было предложено. Он довел до сведения д-ра Арнотта свое отношение к тому позорному обращению, которое британское правительство позволило себе по отношению к нему. Император попросил гофмаршала перевести доктору его слова: «Я приехал, чтобы сидеть у домашнего очага британского народа, обратившись с просьбой об искреннем гостеприимстве, и вопреки всем порядкам, существующим на земле, мне ответили кандалами. Вне всяких сомнений, я был бы гораздо лучше встречен Александром, императором Францем, даже королем Пруссии; эти монархи повели бы себя более великодушно. Но роль Англии заключалась в том, чтобы вести за собой королей и показать всему миру неслыханный спектакль, в котором четыре великие державы все свое внимание сосредоточили на том, чтобы причинить зло одному-единственному человеку. Именно ваш кабинет министров выбрал эту ужасную скалу, где жизнь европейца обречена на гибель через несколько лет, для того, чтобы покончить с моей жизнью, прибегнув к вероломному убийству. Как обращались со мной за то время, что я находился здесь? Нельзя найти хотя бы одного оскорбления, с помощью которого они в свое удовольствие не глумились бы надо мной! Мне было отказано в самых элементарных связях с моей семьей; они не разрешали мне получать какие-либо новости о моей супруге и о моем сыне; в качестве резиденции мне выделили наименее годное для жилья место, где сильнее всего ощущается убийственный климат тропиков; я вынужден был запереть самого себя, привыкшего ездить верхом на коне по всей Европе, внутри четырех стен в условиях нездорового воздуха. Таково, доктор, гостеприимство, которого я удостоился от вашего правительства. Меня медленно и с величайшей аккуратностью, за которой стоял злой умысел, умерщвляли, а исполнителем этого преступления ваших министров является гнусный Хадсон Лоу. Вы прекратите свое существование, подобно величавой Республике Венеции, а я, умирая на этой ужасной скале, завещаю позор своей смерти правящему дому Англии».

Император был превосходен, когда произносил свою краткую, но пылкую речь, которая, с большой точностью переведенная фраза за фразой графом Бертраном, глубоко тронула доктора Арнотта. Он не стал отвечать на обвинения, которые признавал обоснованными, но его лицо выражало неодобрение поведения

его правительства. После недолгой беседы император отпустил двух докторов и продержал у себя графа Бертрана до 7 часов вечера.

Я пришел в комнату императора; лампа с абажуром стояла в соседней комнате. Я тихо подходил к его постели, когда он сказал мне, чтобы я принес ему бриллиантовое ожерелье, которое ему передала королева Гортензия в тот момент, когда он покидал Мальмезон. Я пошел забрать его из походного рюкзака, в котором ожерелье было тщательно заперто вместе с расписками за полученные суммы, хранившиеся в банке г-на Лаффитта. Я принес ожерелье императору, который сказал мне: «Добрая Гортензия отдала его мне, считая, что оно может мне понадобиться. Я оцениваю стоимость ожерелья в 200 000 франков; надень его на себя, я отдаю его тебе. Я не знаю, в каком состоянии находятся мои дела в Европе, это — единственная ценная вещь, которой я могу располагать. Ожерелье позволит тебе спокойно ждать выполнения условий моего завещания и дополнений к нему; ты будешь удостоен титула[327], и я напишу императрице, чтобы она передала тебе из своих состояний украшения, соответствующие этому титулу. Женись благородно, сделай свой выбор среди семей офицеров или солдат моей старой гвардии. Есть много храбрых солдат, которые не чувствуют себя счастливыми; им была бы уготована лучшая судьба, если бы не перемена в судьбе Франции. Последующие поколения поймут, что я мог бы сделать для них, если бы обстоятельства были иными».

Император устал и некоторое время молчал, затем вновь заговорил: «Когда ты вернешься во Францию, то сразу же поезжай и повидайся с императрицей и моим сыном. Когда ему исполнится пятнадцать лет, передай ему мои вещи, которые я поручаю пока хранить тебе. Помоги ему вернуть себе имя Наполеона». Я заверил императора, что сделаю все, что в моих силах, чтобы выполнить его указания, так как его пожелания священны для меня. Я обещал ему — насколько позволяло мое эмоциональное состояние, так как меня душили слезы, — что состояние и почести, которыми он удостоил меня, будут разделены с девушкой, чей отец пролил кровь за родину и ради славы императора.

Я не мог заставить себя надеть ожерелье, как об этом просил император, и положил ожерелье в походный рюкзак, где оно и хранилось раньше. Я могу даже сказать, что, когда я ухаживал за императором, мысль о таком ценном подарке некоторое время беспокоила меня; моя готовность ухаживать за императором и мое рвение до этого времени не могли вызвать подозрений, и я в какой-то момент стал опасаться, что мое большое рвение может

быть расценено как результат той участи, которую император уготовил для меня. Конечно, я вел себя очень глупо, но я действительно чувствовал некий страх из-за всего этого, который я смог преодолеть, только осознав свою собственную глупость.

Когда я сказал императору, что в течение всего дня у него наблюдается улучшение состояния здоровья, он ответил: «Я выгляжу немного спокойнее, но это не значит, что мне стало лучше; это просто момент отсрочки. Если бы моей болезнью занялись своевременно, то, возможно, меня бы смогли вылечить; мой конец близок. Природа расщедрилась, решив подарить мне хороший день, чтобы я привел в порядок дела. Я сказал Монтолону, чтобы он помог тебе купить поместье недалеко от его собственного в Бургундии; ты будешь там счастлив, местные жители — прекрасные люди, в которых я всегда видел истинных патриотов».

В эту минуту объявили о приходе графа де Монтолона, который пришел дежурить около императора.

Глава двадцать пятая

Религиозные приготовления императора — Завещательные отказы и инструкции — Последние дни ухода за больным императором — Визит графини Бертран — Отец Виньяли с императором — Агония императора и его кончина

21 апреля император чувствовал себя хуже, чем накануне. Он послал графа де Монтолона, который провел с ним несколько часов, подышать свежим воздухом и вызвал доктора, а затем отца Виньяли. Он сообщил доктору, что процедура бритья утомила его и силы покидают его; затем, повернувшись к отцу Виньяли, император сказал:

«Вам известно, что такое похоронная обитель?»

«Да, сир».

«Вам приходилось служить в ней?»

«Никогда, сир».

«Ну что ж, вы будете служить в моей, когда у меня наступит агония. Вам соорудят алтарь в соседней комнате, вы будете совершать святое причастие и читать молитвы умирающему. Я родился в семье, которая исповедовала католическую веру; я хочу выполнить обязательства, которые она предписывает, и получить ее помощь».

Эта сцена была весьма трогательной; император собирался продолжать говорить, но, повернувшись к д-ру Антоммарки, стоявшему у подножия его постели, он заметил на его лице следы

некоторой легкомысленной веселости. Оскорбленный тем, что император называл признаком бессердечности, он заявил доктору: «Сэр, твоя глупость меня утомляет; я могу простить твое легкомыслие и отсутствие у тебя хороших манер, но бессердечность — никогда! Убирайся! — Затем император вновь обратился к священнику: — Когда я умру, меня положат в похоронную часовню! Вы будете служить обедню и не прекратите молиться, пока меня не опустят в могилу». Император замолчал. Священник и я находились под впечатлением только что происшедшей сцены, когда император нарушил тишину в комнате. Он заговорил со священником о Корсике, о Понте-Нуово и о Ростино, сказав ему, что он должен там построить дом. Император с удовольствием описывал счастливую и мирную жизнь, которую там в будущем обретет священник, имея в виду, что он оставит ему средства для того, чтобы реализовать на практике те мечты, о которых он только что говорил. Тронутый ласковой добротой императора, отец Виньяли преклонил колени и схватил руку императора, лежавшую на краю постели. Священник прижал руку императора к своим губам и вновь встал во весь рост с глазами, полными слез. После того как император отпустил священника, он сказал мне: «Сердце этого бедняги Виньяли поражено печалью, когда он видит, в каком положении я сейчас нахожусь; мне нравится его характер, это же характер корсиканского ребенка. Что же касается того дурака, то он едва ли стоит моего внимания. Лечили кого-либо хуже, чем он меня?» Я не ответил императору, но подумал, что его гнев не будет долгим; и присущее ему благородство, которое заставляет его прощать, не изменит ему и в случае с д-ром Антоммарки. Я не ошибся.

Разговор императора с отцом Виньяли, который я слышал, хотя он был первым на подобную тему, не удивил меня. С тем же хладнокровием, с которым он только что уделял внимание своим мирским делам, император, чувствуя, что приближается его последний час, хотел как истинный христианин также привести все в порядок для своей загробной жизни. Я слышал, как император утверждал, что Бог существует, что обладание религиозным чувством является большим благом[328].

22 апреля император согласился принять успокаивающее средство, предложенное д-ром Арноттом, который пришел один, без д-ра Антоммарки. Император сказал, что его лихорадит, и, положив руку на живот, произнес: «Это здесь, доктор, ничего здесь не проходит, поражен привратник желудка, я чувствую это». После скудной еды императора в тот же вечер вырвало. Гофмаршал, оставшись наедине с императором, рассказал ему,

что д-р Антоммарки сильно раскаивается в том, что вызвал у императора по отношению к нему такое чувство осуждения. Гофмаршал считал, что состояние здоровья императора не должно позволять ему волноваться по поводу подобных вещей. «Что же мне делать, — заявил император, — возможно, у него не такая уж плохая душа, но все же он дурак». Несомненно, в течение ночи граф де Монтолон и гофмаршал выступили в защиту доктора, поскольку на следующий день он получил приказ вернуться с визитом к императору вместе с д-ром Арнеттом.

Император подписал все списки, представленные ему, но еще оставалось подготовить список с перечислением табакерок. Он попросил меня принести ящик с табакерками и продиктовал мне список в отсутствие графа де Монтолона. Он отставил в сторону одну табакерку, украшенную очень красивой камеей и предназначенную для леди Холланд; эта табакерка была преподнесена ему Пием VI после подписания договора в Толентино. Он написал на карточке: «От Наполеона леди Холланд как знак уважения и дружеского расположения». Он попросил графа де Монтолона передать ей эту табакерку, выразив при этом его благодарность за ту заботу, которую она и ее супруг оказывали ему. Император также отобрал еще одну табакерку для д-ра Арнотта и сказал графу де Монтолону, чтобы к табакерке были приложены 12 000 франков золотом. Эта табакерка сначала была предназначена для священника, который сопровождал Киприани на пути к могиле: табакерка была украшена сверху гербом. Император сначала сказал мне, чтобы я выгравировал на табакерке букву «Н», но затем сам вырезал на крышке табакерки эту букву кончиком ножниц. «Сир, — заметил я по этому поводу, — когда станет известно происхождение этой буквы, эта табакерка станет более ценной, чем любая другая с гравировкой».

После кончины императора табакерка была вручена д-ру Арнотту графом де Монтолоном.

Когда инвентаризация табакерок закончилась, император спросил меня, какие предметы остались у графа де Тюренна; я пошел к себе в комнату, нашел список этих предметов и передал его императору. Он сделал письменные распоряжения в отношении этих предметов, о чем свидетельствуют списки № 1, № 2 и № 3. Он также сказал мне, что следует сделать с его волосами, которые будут отрезаны после его кончины: «Раздай каждому члену моей семьи по медальону с небольшим количеством моих волос, браслет с волосами вручи императрице, а часовую цепочку с волосами — сыну». Этот день, бесспорно, был одним из самых утомительных для императора и одним из самых

печальных для нас из-за быстро развивающихся симптомов, свидетельствовавших о его неминуемом конце. Утром он был занят тем, что писал свои дополнительные распоряжения к завещанию; хотя император чрезвычайно устал, он распорядился, чтобы я сел рядом с его постелью, чтобы он мог диктовать официальные распоряжения для своих душеприказчиков; эти распоряжения я переписал, и 26 апреля, прочитав их вновь, он их подписал. Во время этой работы императора беспокоили приступы рвоты, заставлявшие его каждый раз прекращать диктовку на несколько минут. «Я в самом деле чувствую себя очень уставшим, — признавался он, — но у меня осталось мало времени, и я должен закончить работу: дай мне немного констанского вина из запасов Лас-Каза». Я взял на себя смелость напомнить ему о том воздействии, которое произвело на него это вино несколько дней назад. «Ба, — воскликнул он, — капля вина не должна принести мне вреда, и, к тому же, у этих докторов полностью отсутствует понимание того, что хорошо и что плохо, впрочем, на этом острове все отсутствует.

Так ради чего ты хочешь, чтобы я чего-то ждал?

Я не хочу что-либо делать, чтобы сократить свои дни, но я также не хочу что-либо делать, чтобы продлить их. Возьми это, — распорядился он, вручая мне небольшой бокал с констанским вином, — оно подобно лезвию бритвы, которое режет меня, когда льется вниз в желудок». После продолжительной диктовки императору захотелось самому упаковать три ящика с табакерками, список которых он мне продиктовал, и еще с некоторыми другими вещами. Он обернул ящики лентами, затем опечатал их своей гербовой печатью и вручил мне ключи от ящиков, назначив меня их доверительным собственником.

Констанское вино не заставило себя долго ждать, чтобы вызвать рвоту, но это не помешало императору продолжить работу до прихода гофмаршала и докторов. Когда они вошли в комнату, их взору предстали опечатанные ящики, обернутые голубыми лентами, а на полу комнаты клочки порванной бумаги. «Я слишком много занимался письменной работой, — объяснил император д-ру Арнотту, — и чувствую себя уставшим, а в животе у меня постоянные спазмы». Он немного поел, минуту спустя отпустил докторов и задержал у себя графа Бертрана. Пришла графиня Бертран, чтобы осведомиться о состоянии здоровья императора. С тех пор как он заболел, она не видела его; передо мной она не скрывала своих душевных страданий, которые испытывала из-за этого. Я рассказал об этом императору, который ответил, что в один из тех дней, когда он побреется, он примет ее.

В тот же день император сообщил графу Бертрану, что он хочет, чтобы его похоронили на берегу Сены; в противном случае на острове у слияния рек Роны и Соны около Лиона или, наконец, на Корсике в кафедральном соборе, где похоронены его предки, потому что там он все же будет во Франции. «Но, — заявил он, — британское правительство предвидело мою смерть. В том случае, если британское правительство дало указание, чтобы мое тело не покидало остров, — в чем я сомневаюсь, — похороните меня в тени ив, где я отдыхал в те времена, когда навещал вас в «Воротах Хатта», около источника, из которого мне каждый день привозят воду».

Природа оставила императору достаточно энергии для того, чтобы он привел в порядок свои дела. 26 апреля он почувствовал себя более спокойным и захотел использовать этот день, чтобы полностью завершить их. Накануне, во время визита в 4 часа дня, д-р Арнотт проверил пульс императора и нашел его очень слабым. После этого император протянул руку д-ру Антоммарки, чего он не делал уже несколько дней, и предложил докторам печенье. Он также налил д-ру Арнотту бокал вина «кларе» и затем отпустил докторов со словами: «Увижу вас завтра».

27 апреля император побрился в постели, и я надеялся, что он вызовет к себе графиню Бертран. Он заявил, что чувствует себя посвежевшим, но думает, что выглядит очень нездоровым. Он был более или менее в хорошем настроении, беседовал с графом де Монтолоном и, казалось, был доволен тем, что ему удалось совершить в предыдущие дни. Он вызвал д-ра Антоммарки и вел себя с ним довольно дружелюбно, что обрадовало меня. Во время предыдущих визитов, заметив на лице доктора чувство раскаяния, император спросил его, будет ли д-р Арнотт удовлетворен суммой в 12 000 франков за лечение, которой тот обеспечил его. «Ты будешь доволен тем, что я делаю для тебя, — минутой позже добавил император. — Я оставлю тебе 100 000 франков и, если ты этого пожелаешь, напишу рекомендательное письмо императрице в отношении тебя». Покидая императора, д-р Антоммарки выразил ему свою глубокую признательность.

В течение дня к ногам императора прикладывали нагретые полотенца. В 4 часа дня император принял докторов и попросил графа де Монтолона вернуться к 8 часам вечера и о том же попросил гофмаршала, который ушел в 6 часов вечера. Император почти ничего не ел и после ухода докторов вернулся в постель. В 8.30 император, встав с постели, пошел к своему креслу, тяжело опираясь на меня и на Сен-Дени. Он распорядился, чтобы со стола убрали графины, и попросил поставить на стол лампу с абажуром, положить письменные

принадлежности и пачку бумаги. Он попросил меня передать ему различные запечатанные пакеты, лежавшие на комоде, и пригласить графа де Монтолона и отца Виньяли. Вскоре пришел и гофмаршал; император, указав ему на пакеты, лежавшие на столе, попросил его подготовить заявление и поставить наши подписи и печати под его собственными на каждом дополнительном распоряжении к завещанию и на самом завещании, так как свои он уже поставил. Заявление было следующим:

Остров Святой Елены, 27 апреля 1821 года

Заявление, устанавливающее существование завещания императора и дополнительных распоряжений к завещанию.

В этот день, 27 апреля 1821 года, в 9 часов вечера, граф Бертран, гофмаршал императора Наполеона, во исполнение его указаний, представил нам различные завещания, дополнительные распоряжения к завещаниям и инструкции, находящиеся на хранении у г-на Маршана. Эти девять отдельных конвертов-пакетов, все имеющие приблизительно одну и ту же форму, но разную толщину, загнуты в одном из четырех углов, три пакета из них связаны вместе красной лентой. Все пакеты несут на себе подпись императора и запечатаны его печатью, а также имеют подписи графа Бертрана, графа де Монтолона, г-на Маршана и отца Виньяли. После того как нам были представлены три ящика из красного дерева, запертые на ключ, обернутые зелеными лентами и опечатанные печатью в виде императорского герба, а также печатями перечисленных выше четырех лиц, а именно, графа Бертрана, графа де Монтолона, г-на Маршана и отца Виньяли, мы прочитали примечания, написанные собственноручно императором Наполеоном, и переписали их следующим образом:

На конверте, не имеющем номера, написано: «Это мое завещание, написанное собственноручно. Подписано: Наполеон».

На конверте №1 написано: «Это дополнительное распоряжение к завещанию, полностью написанное моей рукой. Подписано: Наполеон».

На конверте №2 написано: «Это второе дополнительное распоряжение к завещанию, полностью написанное моей рукой. Подписано: Наполеон».

На конверте, не имеющем номера, написано: «Это третье дополнительное распоряжение к завещанию,

полностью написанное моей рукой, подписанное и опечатанное моей печатью. Конверт должен быть вскрыт немедленно после вскрытия конверта с моим завещанием. Подписано: Наполеон».

На конверте №5 написано: «Это мое дополнительное распоряжение к завещанию и заявление о моих последних просьбах, чье исполнение я вверяю моей любимой супруге императрице Марии Луизе. Подписано: Наполеон».

На конверте №6 написано: «Это мое дополнительное распоряжение к завещанию и заявление о моих последних просьбах, чье исполнение я вверяю моему сыну Евгению Наполеону; оно полностью написано моей рукой. Подписано: Наполеон».

На конверте без номера написано: «Это список инструкций для моих душеприказчиков Монтолона, Бертрана и Маршака. Я написал завещание и семь дополнительных распоряжений к завещанию, доверительным собственником которых является Маршан. Подписано: Наполеон».

В соответствии с указаниями императора Наполеона я, граф Бертран, его гофмаршал, подготовил настоящее заявление, которое служит в качестве списка пакетов и протоколом.

Исполнено в спальной комнате императора в Лонгвуде в день и в дату, указанные выше.

Подписано: граф Бертран.

После того как была закончена подготовка заявления, император через несколько минут отпустил этих господ и оставил у себя только отца Виньяли. Вскоре после этого отец Виньяли вышел из комнаты. Я вошел в спальню императора и увидел его лежащим в постели. Он вручил мне свое завещание, дополнительные распоряжения к завещанию и подготовленное заявление для г-на Лаффитта, дав мне указание вручить все это после его кончины графу де Монтолону в присутствии графа Бертрана и отца Виньяли. Все это я запер в дорожный рюкзак, в котором уже находилось врученное мне императором ожерелье. Я оставался с императором до тех пор, пока не прибыл граф де Монтолон, что произошло в этот день только в 11 часов вечера. Увидев графа, император сказал: «Ну что ж, сын мой, не стыдно умереть после того, как мои дела так хорошо устроены».

«Сир, только Вашему Величеству могла прийти такая мысль», — ответил генерал. Я удалился, чтобы оставить его наедине с императором. В тот же вечер император распорядился,

чтобы я отнес в дом графа де Монтолона императорские рукописи и коробку, в которой содержалось то, что император называл своим резервом, упомянутым им в одном из его дополнительных распоряжений к завещанию, в дом графа Бертрана — оружие и в мою квартиру — дорожный рюкзак, а также три ящика из красного дерева, хранивших его табакерки. После такого напряженного дня ночь обещала стать тревожной, такой она и оказалась. Император пытался заснуть, но безуспешно.

День 28 апреля начался плохо; силы императора буквально таяли на глазах, а ноги были постоянно холодными. Большое количество горячо нагретых полотенец немного восстановило тепло; император спросил Сен-Дени, принесшего полотенца, как чувствует себя его ребенок. «Ты, должно быть, сильно устаешь, просиживая со мной так много времени, мальчик мой; как сегодня дела у Новерраза? У него же было серьезное заболевание». Мы ответили, что Новерраз чувствует себя лучше, уже начинает выздоравливать.

Накануне доктора и граф Бертран настаивали на том, чтобы император поменял комнаты, заявив, что его две спальные комнаты недостаточно проветриваются. Император не любил делать то, что противоречило его привычкам, тем не менее он согласился с предложением докторов и графа Бертрана. Д-р Антоммарки напомнил императору, что тот обещал сделать своей спальной комнатой гостиную. «Я не возражаю, там все готово?» — спросил император, взглянув в мою сторону.

«Да, сир», — ответил я. Между двумя окнами в гостиной была поставлена небольшая походная кровать, складной ширмой прикрыли дверь, а сбоку от постели поместили небольшой стол. Император, который накануне чувствовал себя очень слабым, когда переходил с постели в кресло, казался еще более измученным, еле-еле передвигаясь из спальной комнаты в гостиную. Он встал с постели, набросил на себя халат, надел комнатные туфли и, когда встал во весь рост, произнес: «Горе мне, ноги более не держат меня». Мы предложили перенести его, но он отказался от этого. Поддерживаемый графом де Монтолоном и мною, он с большим трудом добрался до гостиной и забрался в постель. Во время этого перехода из спальной в гостиную он, тяжело опираясь на графа де Монтолона, сказал ему: «Сын мой, у меня более не осталось сил, я полностью физически опустошен». Как только он лег в постель, мы обернули его ноги горячо нагретыми полотенцами. Затем мы поставили вторую походную кровать в углу гостиной около двери, ведущей в бильярдную комнату, на той же стороне, где был камин. Другая

кровать, поставленная между окнами напротив камина, была той самой, на которой император скончался.

В ночь с 28 на 29 апреля император не смог заснуть; он объяснял свое состояние бессонницы тем, что сменил комнаты для сна. Когда я пришел к нему в 3 часа утра, я увидел, что граф де Монтолон пишет под его диктовку, и собирался уже уйти, когда император сказал, чтобы я остался: «Монтолон, сын мой, пойдите и отдохните, вы нуждаетесь в этом, а я продолжу работу с Маршаном». Я занял место г-на де Монтолона, и император сказал мне, чтобы я озаглавил работу, которую он диктовал, как «Вторые раздумья». В течение часа и тридцати минут он подробно диктовал свои мысли на тему об организации национальной гвардии, чтобы защитить территорию Франции, о чьем благополучии и величии он всегда думал. Когда он закончил диктовать, то сказал мне, чтобы я аккуратно все переписал и приложил этот письменный материал к тому, что он уже продиктовал графу де Монтолону, который продолжал стоять у кровати императора. Император сказал мне: «Я чувствовал себя таким слабым вчера, и мне так хорошо сегодня, что я ощущаю силы для того, чтобы поездить верхом на коне».

Когда наступил рассвет, я раскрыл ставни. Поскольку ночью он сменил кровати, а сейчас солнечный свет больно резал его глаза, то он попросил вернуть его обратно в свою прежнюю спальню, что он и сделал с большим трудом, опираясь на Сен-Дени и на меня. Природа наградила его последними силами, продиктованные им две рукописи были его лебединой песнью. К большому сожалению, эти рукописи были потеряны.

Граф де Монтолон вернулся около И часов утра. Император жаловался на небольшую слабость, но все же хотел добавить к своему завещанию восьмое дополнительное распоряжение. После нескольких строчек силы покинули его. «Бедный Наполеон», — произнес император, и поскольку он оказался не в состоянии продолжать сидеть в постели, то склонил голову на подушку. Незаконченное дополнительное распоряжение к завещанию сформулировано следующим образом:

> *С больным телом, но в здравом рассудке, я собственноручно пишу восьмое дополнительное распоряжение к моему завещанию:*
>
> *1. Я назначаю моими душеприказчиками г-д Бертрана, Монтолона и Маршана, а графа Лас-Каза или его сына моим казначеем.*
>
> *2. Я прошу Марию Луизу взять в свое услужение Антоммарки и выплачивать ему пенсию в размере 6000*

франков, которые я завещаю ему.

Император, почувствовав себя лучше, после минутной слабости сказал генералу де Монтолону: «Сын мой, идите и подышите свежим воздухом, вам это надо. Перед тем как уйти, генерал отвел меня в сторону и вручил мне черновики двух писем, написанных им по поручению императора: одно для г-на Лаффитта, а другое для г-на де Ла Бульери. Он попросил меня переписать их, с тем чтобы он мог представить их императору на подпись. Генерал опасался, что, если он не подпишет их сегодня, то, возможно, он не будет в состоянии сделать это завтра. Император заснул, и, оставив с ним Сен-Дени, я отправился в библиотеку, чтобы переписать следующих два письма.

Г-н Лаффитт!

В 1815 году, в то время, когда я покидал Париж, я передал вам сумму, близкую к шести миллионам, за которые вы вручили мне расписку в двух экземплярах. Я уполномочиваю графа де Монтолона представить вам вторую расписку, с тем чтобы вы могли вручить ему указанную сумму после моей смерти с процентной ставкой в размере 5 % начиная с 1 июля 1815 года; после выплаты платежей, совершенных вами в соответствии с полученными от меня указаниями. Я хочу, чтобы ликвидация моего счета была осуществлена в результате обоюдного соглашения между вами и графом де Монтолоном, графом Бертраном и г-ном Маршаном. Как только ликвидация этого счета будет завершена, я настоящим уполномочиваю вас полностью выплатить указанную сумму.

Я также передал вам коробку с моими медалями; и я прошу вас вручить эту коробку с медалями графу де Монтолону.

Я молюсь Богу, чтобы он продолжал хранить вас.

Лонгвуд, остров Святой Елены, 25 апреля 1821 года.

Наполеон.

Барон де Ла Бульери, казначей моего личного имущества, я предписываю, чтобы вы предоставили отчетность о моем личном имуществе и о его размере графу де Монтолону после моей смерти, которого я уполномочиваю быть исполнителем моего завещания.

Я молюсь Богу, барон де Ла Бульери, чтобы он продолжал хранить вас.

Лонгвуд, 25 апреля 1821 года.

Наполеон.

Когда я переписывал эти письма, меня удивило, что в одном из них в отношения меня было использовано обращение «господин», хотя граф де Монтолон хорошо знал о том, что император удостоил меня чести, присвоив мне титул графа в подготовленном им завещании. Граф де Монтолон сам говорил мне об этом до того, как император подписал завещание. В эти решающие минуты, когда смерть была на пороге, чтобы забрать того, кто был велик и добр ко мне, моя душа была далека от тщеславия. Когда граф вернулся, я молча вручил ему оба письма, которые он дал мне переписать. Единственное, что я сделал, это датировал их 25-м апреля, хотя на самом деле это происходило 29 апреля.

Если я рассуждаю об этих двух письмах, то только потому, что граф де Монтолон в своих двух книгах, опубликованных на острове Святой Елены, — где память часто подводит его, — пишет, что эти письма были продиктованы мне самим императором. Это не соответствует истине[329]. Черновики этих писем были подготовлены графом де Монтолоном: слово «господин» не предшествует моему имени ни в завещании императора, ни в его дополнительных распоряжениях к завещанию, и это так же верно, как и то, что в восьмом дополнительном распоряжении к завещанию, написанном после этих двух писем, говорится: «Я назначаю в качестве моих душеприказчиков г-д Бертрана, Монтолона и Маршана, а Лас-Каза или его сына моим казначеем». Когда появилась книга графа де Монтолона, я сделал ему несколько замечаний относительно допущенных в книге ошибок, и в частности именно об этом. Граф де Монтолон ответил, что эти письма были написаны моей рукой, поэтому он решил, что они продиктованы мне императором.

Днем пришли доктора в сопровождении гофмаршала. Император рассказал этим господам о своей бессоннице, которая оказалась для него полезной, поскольку он смог каждому из нас диктовать по два часа. «Я чувствовал себя таким сильным, — заявил он, посмотрев на д-ра Арнотта, — а сейчас уже нет. Я полностью истощен». Доктор, которому эти слова были переведены гофмаршалом, ответил, что истощение императора вызвано напряженностью его работы в течение четырех часов. В тот же вечер император много говорил, и его речь мне казалась несколько затрудненной. Между 8 и 9 часами вечера, несмотря на то, что все утро его было занято распоряжениями к завещанию и нежной заботой о сыне, император попросил у меня немного бумаги, чтобы что-то написать. Я ответил, что у меня есть бумага,

хотя ее у меня не было, считая, что его мысли заняты чем угодно, но только не письменной работой. Однако через некоторое время он вновь спросил, есть ли у меня бумага. Я ответил, что она у меня есть, и взял находившуюся под рукой игральную карту[330] и карандаш. Он продиктовал мне следующие строки, которые я написал на этой игральной карте: «Я завещаю моему сыну дом в Аяччо и прилегающие к нему постройки, два дома с садами около соляных копий, всю мою собственность на территории Аяччо, которая должна приносить ему доход в размере 30 000 фунтов стерлингов».

«Я завещаю моему сыну…» — он остановился на этой фразе и сказал: «Я очень устал, мы продолжим завтра». Вместе с памятью жизнь этого великого человека убывала с каждым днем. Я слышал о собственности императора на Корсике, но она никогда не оценивалась в такую сумму. Бредовое состояние, проявившееся в этот вечер, часто повторялось до 5 мая, когда этот великий гений покинул земной мир.

На следующий день, 30 апреля, доктора стали говорить о фиксации нарывного средства на его живот, поскольку прижигание, рану от которого я перевязывал каждый день с тех пор, как император почти не покидал свою комнату, более не давало никакого эффекта и кожный покров раны принял резко-фиолетовый оттенок. Д-р Антоммарки попросил поставить его кровать в библиотеку, чтобы быть поблизости от знаменитого пациента и оказывать ему постоянную лечебную помощь. Днем император поручил доктору тщательно исследовать его живот, когда наступит время, чтобы спасти сына императора от болезни, которая привела отца императора и его самого в могилу. Граф де Монтолон, остававшийся с императором часть дня, отвлекая его разговорами, удалился, когда граф Бертран пришел с докторами. Император выглядел полностью погруженным в свои мысли, был мало расположен к тому, чтобы разговаривать, и не принимал обычного участия в беседе. Доктора ушли, оставив гофмаршала наедине с императором, глаза которого оставались прикрытыми. Открыв глаза, он заметил графа Бертрана и сказал ему несколько слов, в том числе: «Бертран, вы выглядите грустным, в чем дело?» Гофмаршал ответил на это одним из тех взглядов, которые сильнее слов свидетельствовали о том, насколько потрясено и опечалено его сердце. Я удалился, чтобы не мешать графу сказать императору то, что он хотел сказать ему о графине. До этого времени этой даме так и не удалось повидаться с Его Величеством: она говорила мне об этом, и поэтому я знал, до какой степени это расстраивает ее. Гофмаршал сам сильно страдал от этого; несомненно, он разговаривал с императором на

эту тему, поскольку, когда вышел от императора, с чувством глубокого удовлетворения сказал мне, что император попросил его привести к нему его супругу с детьми. Вечером император узнал, что Пьеррон был в городе. Император вызвал его и спросил, удалось ли ему найти хороших апельсинов и не прислали ли их с мыса Доброй Надежды или из Рио-де-Жанейро. Он также спросил, говорят ли люди в городе о его болезни. Пьеррон ответил, что он сам первым упомянул об этом в магазинах, которые посещал. «Что? — спросил император. — Они в городе не знают, что я болен? Хадсон Лоу и Бакстер скрывают это от жителей острова? — Затем, спустя несколько минут, он сказал ему: — Это прекрасно, ты доставил мне удовольствие, будь счастлив после моей смерти». В течение дня император часто останавливал свой взгляд на портрете Римского короля, выполненном масляными красками. Ночью его мучили приступы икоты.

1 мая в 11 часов утра к императорской постели была приведена графиня Бертран. Пригласив ее присесть и спросив, как она себя чувствует, император сказал ей: «Ну что ж, мадам, вы также были больны. Теперь вы здоровы. Сущность вашей болезни известна, моей же — нет, и я умираю. Как ваши дети? Вам следовало взять с собой ко мне Гортензию».

«Сир, — ответила графиня, — с ними все в порядке. Вы настолько приучили их к вашей доброте, что они очень огорчены, что более не видят вас. Они приходят со мной ежедневно, чтобы осведомиться о здоровье Вашего Величества».

«Я знаю об этом, Маршан докладывал мне. Благодарю вас». Император поговорил с ней еще несколько минут и пригласил вновь навещать его. Графиня Бертран удалилась, чтобы более не утомлять императора. Покинув его, графиня не смогла сдерживать своих эмоций, ее глаза были полны слез. Я проводил ее до сада, где она сказала мне: «Как изменился император с того времени, когда я видела его в последний раз! Мне больно видеть эти изнуренные черты лица, этот заросший длинной бородой подбородок. Император поступал жестоко, отказываясь видеть меня. Я очень рада этому возвращению дружеских чувств. Но я была бы гораздо счастливей, если бы он принял мою заботу о нем».

После этого визита графиня Бертран приходила каждый день, чтобы провести несколько минут у постели императора, и он продолжал оставаться с ней любезным. Речь императора становилась в течение этих последних двух дней все более краткой. Д-ра Арнотт и Антоммарки теперь постоянно спали в библиотеке. Граф де Монтолон и граф Бертран по очереди

дежурили у постели императора.

2 мая оказался более спокойным днем: император часто бросал взгляд на портрет своего сына. Он по очереди принимал заботу своих генералов и часто дремал. Я оставался с ним до полуночи вместе с графом Бертраном, затем нас сменили граф де Монтолон и Сен-Дени. Я, не раздеваясь, прилег на матрас в столовой. Император, который, несмотря на свою слабость, всегда хотел встать при малейшей необходимости, и сейчас желал покинуть постель; тогда к нему подошли граф де Монтолон и Сен-Дени. Император встал на какое-то мгновение во весь рост, но его ноги не выдержали веса его тела, и император упал бы, если бы граф де Монтолон и Сен-Дени не поддерживали его. После возвращения в постель императора охватила такая слабость, что какую-ту минуту граф де Монтолон и Сен-Дени думали, что жизнь готова покинуть его. Сразу же вызвали д-ра Антоммарки, который возвратил его к жизни.

Весь день 3 мая граф и графиня Бертран провели в Лонгвуде и даже обедали там. Император более ничего не хотел, кроме подслащенной воды с небольшим количеством вина; каждый раз, когда я предлагал ему этот напиток, император говорил, удовлетворенно взглянув на меня: «Это хорошо, это очень хорошо». Нарывное средство, которое ему положили на грудь, привело к весьма незначительным результатам, а рана от прижигания стала совершенно сухой и более не требовала перевязки.

В тот же день губернатор высказал пожелание, чтобы была проведена консультация д-ра Антоммарки с д-рами Арноттом, Шорттом и Митчелом. Гофмаршал поговорил об этой консультации с императором, сказав, что это идея д-ра Арнотта, на что император ответил, что он ничего плохого в этом не видит. Эти доктора собрались в соседней комнате и обсуждали состояние здоровья императора в присутствии графа Бертрана и графа де Монтолона. Гофмаршал доложил императору о результатах этой консультации: доктора пришли к выводу, что необходимо массировать бок императора одеколоном, разбавленным простой водой, потому что бок начал воспаляться. Император должен принимать успокаивающие настойки, которые, как предполагалось, принесут ему облегчение. «Это прекрасно, — сказал император гофмаршалу, — посмотрим». Затем, когда граф Бертран вышел из комнаты, император сказал, обращаясь ко мне и скорчив при этом гримасу: «Какие потрясающие результаты мы получили от медицинской науки! Какая консультация! Массировать бок одеколоном с водой! Отлично! Что же касается остального, то мне нет до него никакого дела».

Когда Новерраз узнал о состоянии императора и понял, что император может умереть, так и не повидавшись с ним, он встал с постели, в которой сам находился в течение целого месяца. Бледный, истощенный от болезни, он, шатаясь, поплелся к постели императора. Когда император увидел его, он сказал: «Ты сильно изменился, мальчик мой, тебе сейчас лучше?»

«Да, сир».

«Я очень рад, что ты уже вне опасности: не утомляй себя тем, что стоишь на ногах, иди и отдыхай».

Новерраз чувствовал себя очень слабым; обеспокоенный тем состоянием, в котором он увидел императора, он едва смог добраться до следующей комнаты, где упал в обморок. Когда он пришел в себя, то сказал мне: «Не могу даже выразить тебе то, что я почувствовал, когда смотрел на императора. Но мне казалось, что когда он говорил со мной, то притягивал меня к себе, чтобы я следовал за ним». Обильные слезы облегчили сердце Новерраза, на которого так сильно подействовал вид императора.

В тот же день, около 2-х часов, я был наедине с императором, когда в комнату тихо вошел Сен-Дени и сказал, что со мной хочет поговорить отец Виньяли. Я вышел встретиться с ним. «Император, — сказал мне отец Виньяли, — попросил меня через графа Монтолона подойти к нему, но мне нужно быть наедине с ним». Священник был в гражданской одежде, но под своим плащом он что-то пытался спрятать. Я не стал догадываться, что именно он скрывал, зная, что отец Виньяли пришел совершить религиозный акт. Мое сердце больно сдавило при мысли, что потеряна всякая надежда. Оставив отца Виньяли наедине с императором, я встал у дверей комнаты, чтобы помешать кому-либо войти. Ко мне подошел гофмаршал и спросил, чем занимается император. Я сказал, что отец Виньяли попросил меня провести его к императору, чтобы остаться с ним наедине, и что я полагаю, что отец Виньяли в данный момент совершает религиозный акт, при котором, по желанию императора, не должно быть свидетелей. «Я намерен отправиться к Монтолону, — заявил гофмаршал, — сообщи мне, как только от императора уйдет Виньяли».

Через полчаса из спальной комнаты императора вышел священник и сказал: «Император только что совершил последние обряды, состояние его желудка более не позволяет ему причащаться»[331]. Я вернулся в комнату императора и увидел его лежащим с закрытыми глазами и с рукой, вытянутой вдоль края постели. Я склонился к его боку и приложил губы к его руке. При этом император глаза не открыл. Ранее то же самое сделал Сен-Дени, и император также не открыл глаза. Я оставался один, стоя

у постели императора, стараясь сдержать рыдания, но при этом слезы обильно текли из моих глаз. Появился Сен-Дени, сказавший мне, что пришел д-р Арнотт; я вышел поздороваться с доктором. Понимая мое состояние горя, доктор с чувством пожал мне руку. Приблизившись к постели императора, я тихо объявил о прибытии д-ра Арнотта, стараясь сохранять на лице спокойное выражение, хотя сердце мое буквально разрывалось на части. Я тут же отошел в сторону, чтобы более не сдерживать слезы. Вскоре после этого пришел гофмаршал. Император поговорил с доктором о результатах консультации, которые он нашел незначительными, и попросил меня дать ему чего-нибудь попить.

Я остался с императором наедине после того, как гофмаршал и доктор ушли. Император не стал говорить мне о религиозном акте, который он только что совершил.

В результате проведенной докторами консультации мне было сказано, чтобы я дал императору немного каломели, являющейся желчегонным и противомикробным средством. Я заявил гофмаршалу и графу де Монтолону, которые сказали мне об этом, что император самым решительным образом запретил мне давать ему любой напиток или любую настойку без его личного одобрения и что они должны помнить гнев императора в отношении д-ра Антоммарки в аналогичной ситуации. «Да, несомненно, — согласился со мной в своей обычной манере гофмаршал, — но это последнее средство, к которому мы прибегаем. Жизнь императора кончена, у нас не должно быть оснований для того, чтобы осуждать себя, что мы не пытались сделать все возможное, чтобы спасти его». Ободренный этими последними словами гофмаршала, я растворил порошок в небольшом количестве воды, добавил в стакан немного сахара и, когда император попросил меня дать ему что-нибудь попить, дал ему эту настойку в виде подслащенной воды. Император с трудом проглотил настойку и даже попытался, но безуспешно, выплюнуть все обратно. Затем повернулся ко мне и сказал, словно упрекая, но так ласково, что описать это невозможно: «Ты тоже обманываешь меня?»

Увидев его взгляд, обращенный в мою сторону, в котором выражалась такая боль от того, что его обманули, гофмаршал, присутствовавший при этой сцене, был глубоко тронут и с чувством сказал мне: «В этом упреке так много дружеского чувства!» Это было действительно так, и я был страшно расстроен тем, что нарушил обещание. Конечно, император был очень болен, но я бы чувствовал себя воистину несчастным, если бы эти слова были последними, с которыми он обратился ко мне. Его слова настолько огорчили меня, что я опасался, что он более не

захочет что-либо принимать от меня. Затем через тридцать минут он вновь попросил меня, чтобы я дал ему что-нибудь попить, и доверчиво взял из моих рук стакан с водой, подкрашенной вином и подслащенной сахаром. «Это хорошо, это очень хорошо», — сказал император, выпив напиток. Должен признаться, что только после этого я почувствовал себя лучше в связи с содеянным мною, потому что император более сам не вспоминал о нарушенном мною обещании.

Ноги императора были постоянно закутаны в горячо нагретые полотенца. Граф Бертран и граф де Монтолон всю ночь дежурили около него. Супруга гофмаршала зашла на минуту к императору, чтобы повидаться с ним, и весь день провела в библиотеке, где для обеда был накрыт стол. Несколько французских слуг, которые не имели доступа в спальную комнату императора, с нетерпением ждали новостей от меня или от Сен-Дени, когда мы выходили к ним.

4 мая император отказывался от любой помощи, предлагавшейся ему. Он продолжал пить воду, смешанную с вином и сахаром, или подслащенную воду, ароматизированную цветками апельсинового дерева: это были единственные напитки, которые, казалось, доставляли ему удовольствие. Каждый раз, когда я подавал их ему, он говорил мне: «Это очень хорошо, мальчик мой». Его часто рвало тем, что он принимал, позывы к рвоте стали более постоянными. Он сделал попытку встать с постели. Д-р Антоммарки попытался помешать ему сделать это, но император оттолкнул его, явно недовольный тем, что его хотели удержать в постели, и потребовал, чтобы его оставили одного. Днем начался приступ икоты, который продолжался до позднего вечера. Время от времени граф де Монтолон предлагал ему чего-нибудь выпить. Около 10 часов вечера он, казалось, заснул под сеткой от комаров, которую низко опустили. Я оставался рядом с его постелью, наблюдая за каждым его движением, в то время как оба доктора, граф де Монтолон и гофмаршал тихо разговаривали друг с другом, расположившись у камина. У императора возник позыв к рвоте: я немедленно приподнял сетку от комаров, чтобы предложить ему небольшой серебряный таз, в который его вырвало черной жидкостью, после чего его голова устало упала на подушку. Икота, появлявшаяся с интервалами, стала более частой. У императора начался бред. Император произносил много невнятных слов, из которых можно было разобрать «Франция… мой сын… армия…» Можно с большой уверенностью прийти к выводу, что его последние мысли касались Франции, его сына и армии. Это были его последние слова, которые нам предстояло услышать. Такое его

состояние продолжалось до четырех часов утра, и нарывные средства, приложенные к его ногам, не дали никакого эффекта.

В 4 часа утра возбужденное состояние императора сменилось спокойствием. Это было спокойствие мужества и смирения; взгляд императора оставался устремленным в одну точку, рот — опавшим. Несколько капель подслащенной воды, влитых графом де Монтолоном в его рот, немного усилили его пульс; из благородной груди императора вырвался вздох, в нас пробудилась надежда, но — увы! — это был лишь полет его души, покидавшей свою смертную оболочку и улетавшей в вечность.

В 6 часов утра были открыты ставни. Гофмаршал распорядился, чтобы графиню Бертран информировали о состоянии императора. Она пришла в 7 часов утра. К подножию постели императора было придвинуто кресло, и графиня, усевшись в него, оставалась в нем весь день. Французские слуги, чьи обязанности не допускали их вовнутрь здания, пришли к императору[332]. Они сдерживали боль в себе; тишина комнаты не могла не леденить их души, все они присоединились к нам, окружив постель императора. Новерраз, предельно ослабевший, по-прежнему хотел присутствовать при последнем вздохе императора. Взгляд наших глаз был устремлен на эту величественную голову, над которой склонился только д-р Антоммарки, старавшийся увидеть, осталась ли какая-нибудь жизнь. Все было напрасно, среди нас воцарилась безжалостная смерть. Время от времени, используя губку, немного смоченную подслащенной водой, граф де Монтолон утолял жажду императора, у которого более не осталось сил глотать воду иным путем. Только с помощью губки освежались неподвижные губы императора; та влага, что не попадала в рот императора, собиралась с губ и с подбородка графом де Монтолоном его льняным носовым платком.

В 5.50 после полудня послышался пушечный выстрел, служивший сигналом отбоя. Солнце, блеснув своим последним лучом, скрылось за горизонтом. Это был также тот самый момент, когда великий человек, властвовавший своим гением над всем миром, был готов облачиться в свою бессмертную славу. Тревожное состояние д-ра Антоммарки достигло предела: рука стала ледяной. Д-р Арнотт подсчитывал секунды между вздохами; сначала пятнадцать секунд, потом тридцать, затем прошло шестьдесят секунд.

Императора больше не было!

Его глаза неожиданно раскрылись; д-р Антоммарки, стоявший около головы императора и уловивший последний толчок пульса на шее, сразу же прикрыл их. Губы императора

стали бесцветными, рот слегка сжался; в этом состоянии его лицо выражало спокойствие и безмятежность, стало заметно, как оно разгладилось. К постели подошел гофмаршал, склонил колени и поцеловал руку императора. Граф де Монтолон и все присутствовавшие подошли к императору и с чувством религиозного почтения целовали его руку, которая была так добра к ним и которую только что смерть превратила в лед.

Графиня Бертран вызвала своих детей, с тем чтобы и они смогла поцеловать руку, которая в течение последних шести лет расточала им столько ласки. Их юные сердца не смогли справиться с охватившими их сильными эмоциями при виде представшей перед ними сцены горя; старший из детей упал в обморок, и их всех увели с этого места, где все были убиты горем. Г-жа Сен-Дени также захотела, чтобы ее маленькая дочь, которой едва исполнился год, прикоснулась губами к руке, уже проявившей по отношению к ней доброту. Я взял девочку на руки и, наклонив ее, приподнял руку императора поближе к ее лицу, чтобы ее губы могли дотронуться до руки.

Д-р Арнотт отправился за капитаном Кроукэтом, чтобы сообщить ему о кончине императора. Капитан Кроукэт прибыл вместе с д-ром Арноттом, чтобы удостоверить время смерти императора. Его походка свидетельствовала о смятении, охватившем его душу; он удалился, выражая почтительность и словно извиняясь за то, что обязан выполнять порученное ему задание. Вскоре после этого пришли двое британских докторов, которые с почтительным видом подошли к телу жертвы. Они вернулись, чтобы подтвердить доклад д-ра Арнотта сэру Хадсону Лоу.

Часть VIII
Последние почести

Глава двадцать шестая

Свидетельство о смерти — Приготовления к похоронам и аутопсия — Сооружение погребальной часовни — Аутопсия — Инвентаризационные описи

Д-р Антоммарки приклеил полоску липкого пластыря под подбородком императора, чтобы не раскрывался его рот. Так как мы должны были ждать полуночи, чтобы обмыть тело императора и переложить его на другую постель, мы оставили отца Виньяли, Сен-Дени, Пьеррона и Новерраза охранять тело, а сами по просьбе гофмаршала собрались в бильярдной комнате, чтобы составить свидетельство о смерти. Именно там, в бильярдной комнате, в соответствии с пожеланием императора в присутствии графа де Монтолона и отца Виньяли я вручил графу Бертрану завещание императора, его дополнительные распоряжения к завещанию и расписку г-на Лаффитта.

Мы прочитали два дополнительных распоряжения к завещанию; конверты, в которых они содержались, следовало вскрыть немедленно после кончины императора: одно распоряжение касалось вознаграждений, которые император жаловал из своих личных фондов всем членам его обслуживающего персонала, а также пожертвований, подлежащих распределению между бедными людьми на острове Святой Елены.

15 апреля 1821 года, Лонгвуд

Дополнительное распоряжение к завещанию №1.

1. Я желаю, чтобы мой прах покоился на берегах реки Сены среди французского народа, который я так любил.

2. Я завещаю графам Бертрану, Монтолону и Маршану деньги, драгоценности, столовое серебро, фарфор, мебель, книги, оружие и вообще все, что принадлежит мне на острове Святой Елены.

Это распоряжение написано собственноручно, подписано мною и скреплено моей печатью.

Подписано: Наполеон.

Граф де Монтолон затем сообщил нам, что император дал ему указание, чтобы немедленно после его смерти вскрыть в

нашем присутствии конверт с дополнительным распоряжением к завещанию, датированным 16-м апреля:

16 апреля 1821 года, Лонгвуд

Дополнительное распоряжение к завещанию №2.

Это мое второе дополнительное распоряжение к моему завещанию. Моим первым дополнительным распоряжением, подписанным этой же датой, я завещал все имущество, принадлежавшее мне на острове Святой Елены, графам Бертрану, Монтолону и Маршану; это — формальность, чтобы обойтись без вмешательства англичан. Я желаю, чтобы принадлежащие мне ценности и вещи были распределены следующим образом:

1. Вы найдете 300 000 франков золотом и серебром, из которых 50 000 франков должны быть выделены для выплаты моим слугам. Остальные деньги должны быть распределены следующим образом: 50 000 франков — Бертрану, 50 000 франков — Монтолону, 50 000 франков — Маршану, 15 000 фраков — Сен-Дени, 15 000 — Новерразу, 15 000 — Пьеррону, 15 000 — Виньяли, 10 000 франков — Аршамбо, 10 000 франков — Курсе, 5000 франков — Шанделье. Остаток должен быть роздан в качестве вознаграждения британскому доктору, китайским слугам и в виде милостыни прихожанам.

2. Я завещаю мое бриллиантовое ожерелье Маршану.

3. Я завещаю моему сыну все предметы, которые я использовал лично, в соответствии с прилагаемым списком.

4. Остатки моих личных вещей должны быть разделены между Бертраном, Монтолоном и Маршаном. Я запрещаю, чтобы что-либо, носившееся на моем теле, было продано.

5. Я завещаю мадам, моей самой доброй и самой дорогой матери, бюсты, картины в рамах и небольшие рисунки, находящиеся в моей комнате, и шестнадцать серебряных гербов, чтобы она распределила их среди моих братьев, сестер и племянников. Я даю задание Курсо, чтобы он привез все эти вещи ей в Рим, а также цепочки и колье из Китая, которые Маршан отдаст ему для Полины.

6. Все распоряжения, содержащиеся в этом дополнительном распоряжении к завещанию, являются независимыми от указаний, изложенных в моем завещании.

7. Конверт с моим завещанием следует вскрыть в

Европе в присутствии лиц, подписавших этот конверт.

8. Я назначаю своими душеприказчиками графов Монтолона, Бертрана и Маршана.

Это дополнительное распоряжение к завещанию написано собственноручно, мною подписано и опечатано моей печатью.

Подписано: Наполеон, Монтолон, Бертран, Маршан, Виньяли.

Закончив чтение этого дополнительного распоряжения к завещанию, граф де Монтолон зачитал нам письмо, которое император продиктовал ему 25 апреля, с тем чтобы оно было направлено губернатору после его кончины. Письмо это свидетельствует о безграничном смирении его души на пороге смерти. Вот оно:

Губернатор!

Имею честь информировать вас о том, что император Наполеон скончался _____ после продолжительной и мучительной болезни. Он уполномочил меня, если этого пожелаете, информировать вас о своих последних пожеланиях. Прошу сообщить мне, осуществление каких мероприятий было продиктовано вашим правительством относительно возвращения его тела в Европу, так же как и относительно отправки туда лиц окружения императора.

Остаюсь и т. п…

Подписано: граф де Монтолон.

В ответ на это письмо губернатор сообщил нам на следующий день, 6 мая в 5 часов дня о том, что еще в 1820 году ему было дано указание не разрешать смертным останкам генерала Бонапарта покидать остров Святой Елены, но что он не возражает против того, чтобы они были погребены в любом месте острова. Выбор такого места зависел от нас. Мы избрали местом погребения участок земли около источника Торбетт.

Когда император отправился навестить гофмаршала, живущего в то время в «Воротах Хатта», он не без труда спустился в долину перед домом гофмаршала и дошел до небольшого плато, с которого мог увидеть океан. Источник чистой и холодной воды у подножия трех ив утолил его жажду и дал ему возможность отдохнуть в тени деревьев. Он нашел воду источника очень освежающей и сказал графу Бертрану, когда покидал это место: «Бертран, если мое тело после смерти останется в руках моих врагов, то похороните меня именно

здесь». Вернувшись в Лонгвуд, император попросил, чтобы ему каждый день приносили свежую воду из этого источника. Эта обязанность была возложена на китайца, и император потом пил только эту воду, которую ему приносили в двух больших серебряных фляжках, использовавшихся им на полях сражений. Участок около этого источника был выбран по совету графа Бертрана в качестве места захоронения тела императора. В тот же вечер мы приступили к подготовке свидетельства о смерти императора, так же как и следующих заявлений.

Свидетельство о смерти императора

В отсутствие официального чиновника-регистратора императорской семьи, назначенного указом сената для этой цели, я, граф Бертран, гофмаршал императора Наполеона, являясь гражданским должностным лицом, отвечающим за его обслуживающий персонал, написал настоящий документ для того, чтобы удостоверить, что в этот день, 5 мая 1821 года, в 5.45 дня, император Наполеон скончался в своих апартаментах в Лонгвуде, на острове Святой Елены, после продолжительной и мучительной болезни, при соблюдении обрядов римской апостолической и католической веры, в присутствии нас, нижеподписавшихся, и всех членов обслуживающего персонала Его Величества, состоящего на службе в Лонгвуде. Лонгвуд, остров Святой Елены, 5 мая 1821 года.

Подписано: граф Бертран, граф де Монтолон.

Заявление, удостоверяющее вручение конвертов с завещанием императора и с дополнительными распоряжениями к завещанию графу де Монтолону и вскрытие второго конверта с дополнительными распоряжениями к завещанию в этот день, 5 мая 1821 года, в Лонгвуде, на острове Святой Елены

Мы, нижеподписавшиеся, граф Бертран, граф де Монтолон, отец Виньяли и Луи Маршан, собрались вместе в соответствии с указаниями императора Наполеона немедленно после его кончины.

Г-н Маршан заявил нам, что в его распоряжении находится ряд документов и что ему было поручено вручить графу де Монтолону эти документы, что он и

сделал в нашем присутствии:

1. Девять конвертов или пакетов, опечатанных императорской печатью и нашими собственными печатями, как это описано в протоколе от 27 апреля 1821 года.

2. Один пакет, опечатанный императорской печатью.

3. Две расписки.

4. Два документа, разорванных на несколько частей.

5. Одно бриллиантовое ожерелье.

Г-н Маршан также сообщил нам, что в его распоряжении находятся три ящика из красного дерева, упомянутых в вышеназванном протоколе от 27 апреля 1821 года, а также приблизительно 6000 франков чистым серебром, соответствующих записям в его бухгалтерских книгах.

Граф де Монтолон заявил, что в его распоряжении находятся:

1. Почти 100 000 франков золотом.

2. Две золотых табакерки, одна, украшенная старинной камеей; он также имел в своем распоряжении неподписанный документ, помеченный как 8-е дополнительное распоряжение к завещанию, частично написанный императором и частично написанный под его диктовку после того, как его охватило лихорадочное состояние.

Граф Бертран заявил, что в его распоряжении находится оружие императора.

В соответствии с нашими инструкциями мы немедленно приступили к вскрытию конверта с дополнительными распоряжениями к завещанию №2 и к выполнению изложенных в них инструкций; мы вручили вышеупомянутое бриллиантовое ожерелье г-ну Маршану при том условии, что он вернет его нам, если позднее в дополнительных распоряжениях к завещанию будет оговорено иное указание.

Мы опечатали нашими печатями ключи к ящикам, после чего подготовили и подписали это заявление, помеченное датой, указанной выше.

Подписано: граф Бертран, граф де Монтолон, Виньяли, Маршан.

Уделив внимание всем этим неотложным проблемам, мы стали ждать полуночного часа, назначенного докторами для того, чтобы поднять тело императора с его постели. Новерраз, Сен-

Дени, Пьеррон и я выполнили эту благоговейную обязанность с помощью докторов и в присутствии графа Бертрана, графа де Монтолона и отца Виньяли. После омовения тела одеколоном, смешанным с чистой водой, Новерраз, несмотря на свое слабое состояние, побрил его (часть сбритых волос императора в настоящее время находится в моей гробнице). После того как эта ритуальная обязанность была завершена, мы надели на тело императора рубашку и перенесли его на вторую походную кровать, убранную для этой цели в белое. Эта кровать заменила ту, с которой мы перенесли его, и доктор вновь приклеил под подбородком императора полоску клейкого пластыря, которую мы ранее сняли. В этом положении лицо императора стало таким, каким оно было, когда он стал консулом; слегка опущенный рот придавал лицу выражение удовлетворения, и императору на вид было не больше тридцати лет. Спокойствие его лица, казалось, говорило, что он спит, а не умер. Если бы мы сняли маску в этот момент, то она была бы гораздо лучше, чем та, что мы сняли через два дня: характерные особенности его лица тогда уже приняли постаревший вид из-за сморщившейся кожи, которая сразу после его кончины была упругой. К его постели мы приставили два небольших стола, на которые поставили взятые из часовни подсвечники с зажженными свечами. На грудь императора отец Виньяли положил серебряное распятие. Убрав из комнаты все ненужные вещи, мы удалились. Тело императора было оставлено на попечение священника, который не отходил от него все время, пока его не опустили в могилу. Пьеррону и д-ру Арнотту[333] предстояло подготовить к следующему дню[334] похоронную часовню.

Мне едва удалось отдохнуть около часа, когда граф де Монтолон передал мне, что губернатор, его штаб и французский уполномоченный представитель должны приехать а Лонгвуд в 6 часов утра. Хадсон Лоу появился в 7 часов утра: с ним приехали члены его штаба, контр-адмирал Ламберт, генерал Коффин[335], маркиз де Моншеню со своим адъютантом г-ном Кором, несколько морских офицеров, а также часть местных докторов и хирургов. Цель этого визита заключалась в том, чтобы губернатор и французский уполномоченный представитель удостоверились в действительной смерти императора. Все было готово к этому визиту: прибывшие господа вошли в здание через приемную комнату и были проведены в гостиную, которая теперь стала императорской спальной комнатой и где теперь царила гробовая тишина. Около постели с телом императора молился отец Виньяли, а в каждом углу комнаты стояли Пьеррон, Сен-Дени, Новерраз и я. Поздоровавшись с губернатором, граф де Монтолон

и граф Бертран пригласили его приблизиться к постели, где лежали мертвые останки императора. Губернатор, за которым следовали маркиз де Моншеню и сопровождавшие Хадсона Лоу лица, медленно приблизился к ложу с телом императора и спросил маркиза: «Вы опознаете его?» Маркиз сначала кивнул, затем сказал: «Да, я опознаю его». Предавшись немногим минутам религиозного размышления, прибывшие во главе с губернатором удалились. Я обратил внимание на то, что губернатор, говоря об императоре, воздержался от звания «генерал». Я должен сказать, что, когда они покидали комнату с телом императора, все они поклонились с чувством глубокого уважения. Мне сказали, что губернатор, покидая здание Лонгвуда, заявил графу де Монтолону, что его правительство изменило свою позицию, а кабинет министров информировал его, что недалеко то время, когда император сможет обрести свободу, и, наконец, завершил свое заявление следующими словами: «Он умер, все кончено, завтра мы окажем ему последние почести». Губернатор предложил д-ру Антоммарки услуги доктора, сведущего в приготовлении гипсовых слепков, чтобы помочь д-ру Антоммарки сделать гипсовую маску императора; д-р Антоммарки ответил, что ему потребуется только сам гипс, а не помощь в процессе подготовки гипсовой маски.

В два часа дня мы приступили к операции аутопсии. В бильярдной комнате был подготовлен стол, покрытый простыней. Доктора приподняли тело с постели и переложили его на стол в присутствии душеприказчиков императора и г-д Сен-Дени и Пьеррона, которых вызвал граф де Монтолон. Началась тягостная процедура, проводимая д-ром Антоммарки с помощью д-ров Томаса Шортта, Арнотта, Митчела, Мэтью Ливингстоуна и нескольких других. При аутопсии также присутствовал сэр Томас Рид, сопровождаемый несколькими штабными офицерами губернатора.

Когда было завершено анатомическое исследование, которое предложил сам император — чтобы защитить своего сына от болезни, от которой, по его мнению, он сам умирал, — д-р Антоммарки захотел исследовать мозг императора, заявив, что именно этот орган представляет наибольший интерес. Граф де Монтолон и гофмаршал воспротивились этому, заявив, что тело императора находится здесь для того, чтобы обогатить науку тем образом, каким это назначил сам император, но что доктора не должны более увечить его тело. Интересы науки должны были отступить перед твердо выраженным желанием. Затем из тела было изъято сердце, которое поместили в серебряный сосуд, наполненный спиртом, в соответствии с пожеланием императора,

чтобы направить этот сосуд императрице Марии Луизе. Губернатор возразил против этого, заявив, что желудок императора должен быть выслан в Англию сам по себе; в результате этого заявления губернатора последовали жаркие дебаты. Граф де Монтолон и граф Бертран выразили протест против этого осквернения тела императора. Как и сердце, желудок был помещен в серебряную вазу, наполненную спиртом, и обе запечатанные вазы должны были быть вложены в гроб императора. Внутренность тела была протерта и вымыта ароматической жидкостью. Так как сэр Хадсон Лоу заявил, что его правительство выступает против любого вида бальзамирования, то д-р Антоммарки наложил швы по всему телу, придав ему первоначальный виц.

Перед тем как одеть тело императора, д-р Антоммарки, оставшись наедине со мной, попросил меня помочь ему обмерить тело императора и записать для него полученные данные. Ниже приводятся результаты его измерений:

> «1. Император значительно похудел, и его нынешний вес на одну четверть меньше того, какой у него был ко времени моего приезда.
>
> 2. Лицо и тело обрели белый цвет и не подвержены искажению, свойственному трупу. Лицо имеет благородный вид и с закрытыми глазами кажется более спящим, чем мертвым. Губы слегка сжаты, словно он насмешливо улыбается.
>
> 3. На теле видны следы раны от прижиганий на левой руке, шрама на голове, небольшого шрама на левом безымянном пальце и глубокого шрама на левом бедре.
>
> 4. Его полный рост от верха головы до пяток равен 5 футам 2 дюймам 4 линиям[336].
>
> 5. Длина его вытянутых рук между кончиками его средних пальцев равна 5 футам 2 дюймам.
>
> 6. Расстояние от лонного сращения до верха головы равняется 2 футам 7 дюймам 4 линиям (2 футам $7^{1}/_{3}$ дюйма).
>
> 7. От лонной кости до пяточной кости — 2 фута 7 дюймов.
>
> 8. От верха головы до подбородка — 7 дюймов 6 линий ($7^{1}/_{2}$ дюйма).
>
> 9. Голова в окружности равна 30 дюймам 6 линиям (21,85 дюйма в измерениях США), волосы — редкие, светло-каштанового цвета.

10. Шея — короткая, но нормальная, грудь — широкая и хорошей формы.

11. Руки и ноги — маленького размера, но красивые и хорошей формы[337]».

Сен-Дени и я приступили к одеванию тела императора в полную форму конных стрелков императорской гвардии: белая рубашка, белый муслиновый галстук с черным шелковым воротником поверх него, скрепленный сзади пряжкой, белые шелковые чулки, белые брюки, жилетка из того же материала, зеленый мундир с красной отделкой гвардейских стрелков, знаки отличия — Почетный Легион, Железный Крест, Примирение, звезда и орденская лента Почетного Легиона, сапоги и шляпа с трехцветной кокардой.

Облаченное таким образом, тело императора в *4* часа дня было перенесено в его бывшую спальную комнату, которая была задрапирована во все черное и стала похоронной часовней. Была подготовлена походная постель, в которой он скончался. На постели мы разложили синий плащ, который император носил во время сражения при Маренго, и на плащ положили его тело. У изголовья постели был установлен в соответствии с инструкциями, данными отцу Виньяли, алтарь, у которого молился священник. Были розданы куски простыни, которой был покрыт стол во время аутопсии[338].

Когда доктора удалились после аутопсии, они встретили в гостиной графиню Бертран. Она спросила одного из докторов, нельзя ли найти немного гипса, который можно было бы использовать для маски императора, которую хочет сохранить для своей семьи и для последующих поколений. Д-р Бертон сообщил, что на острове можно найти гипс, подходящий для этой цели; он собирался в город и обещал привести ей этот гипс.

В течение утра 6 мая мы были заняты тем, что приобретали всю имевшуюся в наличии черную материю в магазине Восточно-Индийской компании и у торговцев, чтобы ею драпировать всю комнату; нам также удалось найти достаточное количество пурпурного вельвета для траурной одежды. Сам факт такой значительной покупки не прошел незамеченным в городе и раскрыл тайну болезни императора и его кончины, о чем жители города не знали. Интерес к императору, который они скрывали из-за страха перед губернатором, был очевиден в том религиозном уважении, которое они проявляли, когда наносили визит в Лонгвуд, чтобы отдать последние почести и осенить крестным знамением тело императора. Некоторые посетители Лонгвуда не могли сдержать своих рыданий по поводу его

чрезмерных невзгод. Офицеры и солдаты различных подразделений 20-го и 66-го полков попросили оказать им честь пройти строем мимо останков императора; в этой связи, будучи готовыми для любых проявлений чувств уважения к императору, мы держали двери дома открытыми.

Как я уже говорил, император в полной форме конных стрелков императорской гвардии, со шляпой, увенчивавшей его голову, лежал на одной из своих походных кроватей, свидетельнице его былой славы и глубоких дум, в то время как похоронным покровом служил ему плащ, который он носил в сражении при Маренго. На его лбу можно было прочитать имена королей, побежденных и прощенных им. На его грудь было положено распятие. Над кроватью серебряный герб поддерживал белый полог, оттянутый назад в каждый угол четырьмя гербами. Рядом с кроватью на маленьком столе стояли серебряные вазы с сердцем и желудком императора, которые должны были лечь в гроб вместе с телом императора. У изголовья кровати у алтаря молился священник в стихаре. У каждого из четырех углов кровати в глубоком трауре стояли Сен-Дени, Новерраз, Пьеррон и я. Граф де Монтолон и гофмаршал находились между алтарем и кроватью, слуг расставили между дверью и окном, чтобы дать место людям, приходившим попрощаться с императором. Д-ру Арнотту было поручено не покидать тела императора до его захоронения и следить за двумя вазами с сердцем и желудком императора, охраняя их от подмены.

Капитан Кроукэт, дежурный офицер в Лонгвуде, взял на себя руководство организацией процессии для того, чтобы избежать неразберихи в комнате и поторапливать тех, кто хотел задержаться подольше перед телом императора. Первыми пришли представители высшего офицерского состава, затем среднего офицерского состава и сержанты, а потом солдаты. За ними явились представители многих подразделений морской эскадры. Все лица выражали чувство глубокой взволнованности; некоторые сержанты привели с собой детей, и один из сержантов, остановившись у тела императора, сказал своему сыну: «Вглядись внимательнее в Наполеона, он — величайший человек во всем мире». Эти порывы великодушия и искреннего расположения были вполне естественными; они были результатом глубокого восхищения, которое переполняло души людей, не испытывавших более страха перед губернатором. Люди, участвовавшие в процессии, шли, соблюдая порядок, в атмосфере религиозной тишины. В эти минуты создавшаяся ситуация явно не благоприятствовала Хадсону Лоу. Все эти люди своим присутствием, казалось, стремились отречься от той роли,

которую они играли, доводя до конца такую прекрасную жизнь, державшуюся на этой ужасной скале лишь благодаря удивительному по своей силе смирению.

В тот же вечер капитан Кроукэт отбыл на борту корабля «Ачерон» в Англию, чтобы доставить туда новость о кончине императора и протоколы о его аутопсии.

Утром следующего дня, 7 мая, офицеры и солдаты, не имевшие пока чести отдать последние почести императору, были приняты в Лонгвуде, так же, как и многие знатные граждане острова, мужчины и женщины. Мисс Мейсон, взволнованная видом прекрасной руки императора, лежавшей на постели, дотронулась до нее и удалилась вся в слезах. Пришло много людей, желавших увидеть человека, о котором они много слышали, но их останавливали у первых лонгвудских ворот.

Император просил, чтобы его волосы были розданы членам его семьи. Перед тем как снять посмертную гипсовую маску, императора побрили. Граф де Монтолон опечатал коробку с волосами императора и передал ее мне на хранение.

Д-р Бертон доставил гипс, необходимый для маски. Д-р Антоммарки с помощью д-ра Бертона и Аршамбо, который держал голову императора, вылепил маску в нашем присутствии. Она получилась неплохой. Она сохранила выражение лица в самый момент снятия маски, а не то, которое было у императора через шесть часов после кончины; свежевыбритое — это было лицо консула. Доктора, присутствовавшие при аутопсии, предъявили непостижимые требования: чтобы они составили протокол по записям д-ра Антоммарки во время аутопсии и чтобы он подписал составленный ими протокол. Он совершенно справедливо отказался сделать это, заявив, что, поскольку именно он проводил аутопсию, он же должен составить протокол и подписать его. Он готов предоставить им экземпляр протокола, если они этого желают, но они отказались. Ниже следуют тексты подготовленного нами в тот же день протокола и отчета, переданного нам д-ром Антоммарки о проведенной им аутопсии императора.

Протокол аутопсии тела императора:

В этот день, 6 мая 1821 года, в Лонгвуде, остров Святой Елены, в 7 часов утра, общий состав гарнизона имел честь прошествовать вдоль походной кровати, на которую было возложено тело императора Наполеона.

В 2 часа дня в соответствии с нашими инструкциями д-р Антоммарки, постоянный врач императора, при содействии нескольких медицинских офицеров, вскрыл тело императора в нашем присутствии. Было признано, как это следует из прилагаемого отчета, что смерть наступила в результате злокачественной опухоли в желудке. В соответствии с указаниями императора сердце было положено в серебряную вазу для ее последующего вручения императрице Марии Луизе. Так как желудок императора был отставлен в сторону медицинским персоналом для того, чтобы подтвердить причину болезни, он по нашему приказу был помещен в серебряную вазу, чтобы позднее положить его в гроб вместе с телом императора.

В 4 часа дня тело императора, облаченное в форму конных стрелков его гвардии, было положено на походную кровать и выставлено в погребальной часовне. Офицеры корпуса и знатные жители острова удостоились чести пройти вдоль тела императора.

В 6 часов того же вечера губернатор острова известил нас, что он получил приказ о том, чтобы император Наполеон был захоронен на острове Святой Елены, независимо от тех пожеланий, которые он выразил сам, и что его сердце следует положить в гроб.

Выразив самый решительный, на который мы были способны, протест против этих решений, мы определили участок земли около источника Торбетт как наиболее удобное место на острове для захоронения императора.

Выполнив все это, мы подписали настоящий протокол, поставив дату, указанную выше.

Подписано: граф де Монтолон, граф Бертран, Маршан.

Отчет, подготовленный д-ром Антоммарки, ответственным за вскрытие тела императора.

Я, нижеподписавшийся, Франсуа Антоммарки, постоянный врач императора Наполеона, выполняя указания, данные мне графом Бертраном и графом де Монтолоном, приступил к вскрытию тела императора Наполеона.

После вскрытия грудной и брюшной полостей, в

результате тщательного обследования я пришел к следующим выводам:

1. Внешняя часть легкого частично спаяна с межреберной плеврой.

2. В левой плевральной полости примерно 3 унции лимфатической жидкости.

3. В правой плевральной полости находилось примерно 8 унций такой же лимфатической жидкости.

4. В состоянии легочной ткани изменений не выявлено.

5. Сердце в хорошем состоянии, окружено околосердечной сумкой и покрыто небольшим количеством жировых отложений.

6. Желудок, кишечник, печень, селезенка и большой сальник расположены обычно.

7. Левая доля печени спаяна с поверхностью диафрагмы.

8. Нижняя часть левой доли печени близко прилежит к малой кривизне желудка и к малому сальнику.

9. После аккуратного разделения спаек рукой и скальпелем я обнаружил отверстие диаметром примерно в 6,4 миллиметра в области передней части желудка в месте фиксации к печени.

10. После вскрытия желудка вдоль его большой кривизны я обнаружил, что он частично наполнен жидкостью черного цвета с неприятным запахом.

11. После удаления вышеупомянутой жидкости я обнаружил больших размеров злокачественную язву, расположенную в верхней части внутренней поверхности желудка, идущей от пищеводного отверстия на расстоянии примерно 2,54 сантиметра до привратника желудка.

12. По краю язвы, в сторону привратника желудка, я обнаружил отверстие, описанное выше (пункт 9), вызванное язвенной коррозией стен желудка.

13. Части желудка, пораженные язвой, в значительной степени утолщены и уплотнены.

14. Между язвой и привратником желудка я обнаружил опухоль и злокачественную твердую массу шириной в несколько миллиметров, окружавшую правый выход желудка.

15. Печень увеличена с размером большим, чем нормальная.

16. Весь кишечник в хорошем состоянии, отмечено

много газов.

Подписано: Франсуа Антоммарки.

6 мая доставили гроб, в который должны были положить тело императора. Сердце, которое по приказу императора д-р Антоммарки должен был передать императрице, было уложено в гроб вместе с желудком императора. Эти две серебряные вазы, наполненные спиртом, были герметически закупорены и запаяны британским паяльщиком, после чего вручены на хранение д-ру Арнотту. Он считал, что выполнил свое задание только тогда, когда обе вазы с сердцем и желудком императора положили в гроб.

Тело императора положили в оловянный гроб с подкладкой из белого стеганого атласа. Ввиду недостатка места в гробу мы не смогли надеть на голову императора его шляпу. Голова должна была покоиться на подушке из той же ткани, а шляпу положили на его ноги. В гроб также положили различные золотые монеты с изображением императора, а также несколько серебряных монет, перечисленных в протоколах, о которых речь пойдет ниже. Тот же человек, который запаял вазы, аккуратно запаял и этот первый гроб. Он был вложен внутрь другого гроба из красного дерева, который в свою очередь был положен в третий гроб со свинцовой оболочкой. Этот третий гроб был также запаян. Наконец, и этот третий гроб был помешен внутри четвертого гроба из красного дерева, который был скреплен железными шурупами с серебряными головками. Этот гроб поставили обратно на походную кровать, покрытую пурпурным вельветом, на котором мы разложили императорский плащ времен сражения при Маренго. Около гроба на алтаре все время горели свечи. На гроб было положено распятие. Рядом с распятием стояли освященная вода и кропильница. Д-р Арнотт продолжал свое дежурство, а отец Виньяли не переставал молиться в то время, как двое слуг постоянно оставались у гроба; один у его подножия, а другой в его изголовье. Двери в комнату были открыты для всех, кто приходил с острова, чтобы окропить освященной водой гроб императора.

В этот вечер мы составили следующий протокол:

Похоронный протокол

В этот день, 7 мая 1821 года, в Лонгвуде, на острове Святой Елены, тело императора Наполеона, одетого в

форму конного стрелка его гвардии, было нами, нижеподписавшимися, положено внутрь оловянного гроба с подкладкой из белого атласа и с подушкой из той же ткани. Мы также положили в гроб сердце, вложенное в серебряную вазу, увенчанную императорским гербом, и коробку, содержавшую желудок. В дополнение к этому мы положили в гроб серебряную вазу с императорской печатью, серебряную оправу, серебряное блюдо, шесть двойных французских золотых наполеонов, четыре золотых наполеона, один двойной серебряный наполеон, один серебряный наполеон, наполеон стоимостью в половину франка и два двойных итальянских золотых наполеона. Этот оловянный гроб, после того как его запаяли в нашем присутствии, был вложен в свинцовый гроб, который, после того как его также запаяли, был положен в третий гроб из красного дерева[339].

Гроб был поставлен на походную кровать в погребальной часовне и покрыт пурпуровым вельветовым покрывалом, на котором мы разложили плащ императора времен сражения при Маренго.

Свершив все это, мы составили и подписали настоящий протокол, отметив его датой, упомянутой выше.

Подписано: граф де Монтолон, граф Бертран, Маршан.

Император находился в гробу, но мы не могли приступить к захоронению. Работа по оборудованию могилы началась только утром 7 мая, и, как бы рабочие ни спешили, она не могла быть завершена до утра 9 мая. Необходимо было вырыть яму глубиной одиннадцать футов и шириной десять футов, а затем на дне могилы уложить плотные кирпичи толщиной два фута, окружив ее стенами толщиной 18 дюймов, чтобы удерживать почву; на дне могилы предстояло соорудить гробницу, в которой должен был находиться гроб. Дно могилы, ее стены и верх были обложены плитами толщиной пять дюймов, длиной шесть футов и шириной три фута. Еще две плиты были поставлены у подножия и у изголовья гроба. Все было рассчитано таким образом, чтобы даже по прошествии веков влага не смогла добраться до гроба из красного дерева, который сам покоился на двух деревянных досках. Вся эта работа была идеально спланирована и завершена в кратчайший срок; плиты были доставлены со строительства нового дома, где им предстояло стать полом для кухни.

Граф Бертран и граф де Монтолон пришли к общему мнению,

что было бы целесообразнее посвятить день 8 мая[340] составлению протоколов, подготовке описей ценностей, находившихся в ящиках, и выплате денежных вознаграждений, указанных ниже, в соответствии со вторыми дополнительными распоряжениями к завещанию императора[341].

Они также попросили меня подготовить общий список вещей, принадлежавших императору на острове Святой Елены. Этот список можно будет увидеть на следующих страницах. Под списком мы поставили наши подписи.

Перепись имущества, принадлежавшего Его Величеству императору Наполеону в доме Лонгвуда, на острове Святой Елены, в день кончины Его Величества, 5 мая 1821 года

Оружие императора

Небольшая шпага, которую он носил в Аустерлице
Сабля, которую он носил в Абукире
Кинжал
Коробка с пистолетами из Версаля
Охотничий нож Три дробовика.

Знаки отличия Его Величества

Два маленьких креста Почетного Легиона
Два креста Примирения
Два маленьких креста ордена Железного Креста
Один большой крест Почетного Легиона.

Печати и шкатулки Его Величества

Две печати с императорским гербом
Табакерка, украшенная средневековыми пятью медалями
Золотая шкатулка: камея, портрет мадам Мер
Золотая шкатулка с духами: портрет Неаполитанской королевы

Золотая шкатулка: портреты Жозефины, Луи, Гортензии и Евгения

Табакерка: Павел I

Табакерка: карта Вены

Табакерка: два портрета дочерей короля Жозефа

Табакерка: пейзаж, выполненный мозаикой

Табакерка: Шарлемань.

Табакерка: сражение при Маренго

Золотая табакерка: портрет короля Жозефа

Персидская шкатулка, украшенная бриллиантами

Шкатулка: Фридрих Великий в Потсдаме

Табакерка: голова Александра, золотая медаль

Шкатулка из массы лавы с медалями

Римский король, молящий Бога об отце

Табакерка: императрица Мария Луиза.

Религиозные чаши

Один позолоченный потир

Две позолоченные потирные чаши

Одно небольшое распятие на кресте из слоновой кости.

Шкатулки Его Величества

Коробка №1

Мудрость Сципиона

Римский король ребенком

Императрица Жозефина с украшениями из красивых жемчужин

Овальная табакерка с четырьмя серебряными медалями: Регула, Суллы, Помпея и Ю. Цезаря

Овальная золотая шкатулка: король и королева Вестфалии

Коробочка для зубочисток из слоновой кости: портрет мадам Мер

Шкатулка с изображением охоты в Фонтенбло

Одна золотая шкатулка с изображением пейзажа, выполненного слоновой костью

Табакерка: три старинные медали

Коробка для конфет: портрет мадам Мер

Табакерка, украшенная сверху агатами

Золотая табакерка: античная камея, голова Александра

Золотая табакерка: Август и Ливий

Табакерка из венского камня: камея императора

Табакерка: портрет Тюренна

Коробка № 2

Двенадцать золотых шкатулок с императорским гербом

Одна маленькая подзорная труба

Табакерка: Миланская Федерация

Одна машинной выработки шкатулка с портретом

Одна шкатулка из слоновой кости

Коробка № 3

Табакерка, украшенная четырьмя серебряными медалями

Табакерка, украшенная двумя серебряными медалями

Табакерка, украшенная тремя серебряными медалями

Две ленты ордена Почетного Легиона

Одна пара золотых пряжек для туфель

Одна золотая пряжка для воротника

Одна маленькая пара золотых пряжек для подтяжек

Одна конфетная шкатулка из панциря черепахи

Одни большие серебряные часы (будильник Фридриха Великого)

Две шкатулки из красной кожи, в одной — очаровательная золотая коробочка, в другой — коробочка со старинной камеей.

Столовое серебро Его Величества

96 плоских блюд с живописным орнаментом в виде стилизованных пальмовых листьев

17 суповых тарелок

96 плоских тарелок

23 суповые тарелки

6 блюд для обслуживания

20 блюд для десерта
2 блюда для обслуживания
3 овальных шара для украшения
2 супницы с крышками
2 соусницы без блюд
18 подносов для бутылок
8 солонок
3 горчичницы
2 графинчика для масла
1 ваза для фруктов с крышкой
34 ножа
93 ложки
82 вилки
47 кофейных ложек
8 ложек для расклада еды
2 суповых половника
12 сосудов для сливок с крышками и подставками
15 чашек
1 кастрюля для подогрева пищи на столе
2 винных ковша
1 поднос
3 фляжки для коньяка
4 кофейника
1 кувшин для молока
2 сахарницы
2 шоколадницы
I щипцы для сахара
1 поднос для рыбы
2 серебряные бутылки
4 столовых подсвечника.

Позолоченная посуда Его Величества

28 вилок
6 овальных блюд
29 ножей
32 кофейные ложки
6 ложек для десерта
2 ложки для сахара
1 половник для пунша
8 ложек для соли
1 ложка для горчицы
2 кофейника

1 шоколадница
2 кувшина.

Фарфор Его Величества

54 севрских фарфоровых блюда для десерта
8 сосудов для компота
4 набора для украшения стола
12 суповых тарелок
2 сосуда для мороженого
21 кофейная чашка
20 блюдец
На всей этой фарфоровой посуде изображены виды городов и сцены сражений.

Географические карты Его Величества

Карты Франции, исполненные Капитэном
Швабия; маленькая карта
Швейцария; маленькая карта
Россия; почтовая карта
Австрийская империя
Шотландия; 2 части
Соединенные Штаты, маленькая карта в исполнении Лапи
Оттоманская империя
Италия, генеральная карта
Феррара
Шоссар
Богемия
Тироль
Моравия
Сербия и Босния
Шотландия, 4 части
Франция, военный склад
Саксония
Молдавия
Сильвия
Соединенные Штаты, в исполнении Лапи
Санто-Доминго
Море
Пруссия

Адриатическое море
Швейцария, большая карта
Испания
Франция, незаконченная карта, в исполнении Капитэна
Бавария
Голландия
Россия, в исполнении Лапи
Королевство Италии
Испания и Португалия
Сербия и Босния
Шотландия
Французская империя
Британские острова
Сирия
Соединенные Штаты
Нью-Йорк
Пенсильвания
Ямайка
Вирджиния
Бостон
Италия, Альбино
Ирландия
Северная Америка
Атлантический океан
Южная Америка.

Разные вещи, принадлежавшие Его Величеству

1 набор шахмат с доской
1 маленький лорнет
1 маленькая подзорная туба
1 маленькие позолоченные часы
3 больших подзорных трубы, 2 из них медные
2 маленьких китайских столика
2 термометра
3 седла с трензельным поводом
3 муслиновые шторы
1 кровать из латуни
2 железные походные кровати
2 садовых кресла
2 портрета
2 гобелена

1 изображение Христа для часовни
5 маленьких портретов в рамках
1 портрет императрицы Жозефины
2 небольших мраморных бюста
2 золотых костюма из Константинополя.

Гардероб Его Величества

47 голландских льняных рубашек
63 носовых платка 15 полотенец
21 фланелевое нижнее белье
4 черных воротничка
14 пар льняных простынь
9 наборов спальной одежды
10 пар носков
19 мадрасских шарфов
37 пар шелковых чулок
4 гражданских костюма
2 формы гвардейского гренадера
1 форма конного стрелка императорской гвардии
1 форма национальной гвардии
2 серые шинели и 1 — зеленая
1 плащ с вышивкой из Маренго
1 соболиная шуба
3-е шаровар (голубые, желтые и красные)
2 пары брюк из синей ткани
3 пары брюк и 2 кителя из нанкина
11 позолоченных жилеток и 11 пар брюк из нанкина
19 пар белых брюк и 10 кителей
15 пар перчаток
3 форменные шляпы, 1 круглая шляпа и 1 соломенная шляпа
1 пара шпор и 1 пара подвязок с пряжками
1 пара золотых пряжек для туфель
1 пряжка для воротничка
4 пары сапог, 4 пары туфель и домашних туфель
2 пары подтяжек, 10 нижних рубашек.

Туалетные принадлежности

Туалетный набор со всеми принадлежностями
2 пары золотых часов с цепочкой, сделанной из волос

императрицы

1 коробка с бритвенными принадлежностями, 1 позолоченная горелка для воскурения ладана

1 таз для умывания с кувшином, серебряные

8 купальных халатов

2 ночных столика с их серебряными принадлежностями

2 биде, одно серебряное, другое — посеребренное

2 щетки для массажа тела.

Книги Его Величества

Книги, привезенные из Франции — 558 томов

Книги и брошюры, присланные из Англии — 1226 томов

Всего — 1814 томов

Наличные деньги

В несессере, хранящемся первым камердинером Его Величества, находятся в соответствии с бухгалтерской книгой 22 086 шиллингов, равных 26 503 франкам по обменному курсу острова. На хранении графа де Монтолона находится 301 330 франков.

Вещи Его Величества, оставленные у графа де Тюренна. Опись предметов составлена г-ном Маршаком

Сабля Собецкого
Ожерелье Почетного Легиона
Позолоченная шпага
Консульский кинжал
Ожерелье ордена Золотого Руна
Головной убор и шапка Генри IV
Небольшой стальной походный несессер
Серебряный фонарик
Позолоченный подсвечник
Кружево Его Величества, небольшой медальон
Плащ с вышивкой, 2 небольших турецких ковра, 1 старинный эфес
Набор золотых инструментов, оставшийся у дантиста.
Мы настоящим удостоверяем вышеприведенную опись, составив и подписав ее, чтобы она служила описью имущества императора Наполеона.
Исполнено в доме Лонгвуда, на острове Святой Елены, 8 мая 1821 года. Граф Бертран, граф де Монтолон, Маршан.

Глава двадцать седьмая

Похороны императора — Скорбь в Лонгвуде — Новая инвентаризация — Отъезд с острова Святой Елены — Возвращение в Европу

9 мая в 10 часов утра отец Виньяли отслужил обедню и

заупокойную службу, на которых мы все присутствовали. Губернатор сообщил нам, что с рассветом гарнизон в знак траура встанет под ружье и похоронная процессия начнется в 11 часов утра. В назначенное время губернатор приехал вместе с контр-адмиралом в сопровождении всех гражданских, военных и военно-морских официальных лиц.

В 11 часов утра прибывшие двенадцать гренадеров подняли гроб с постели в часовне, не без труда возложили его на плечи и понесли к главной садовой дорожке, где их уже поджидал катафалк. Гренадеры водрузили гроб на похоронные дроги, гофмаршал положил шпагу на плащ, покрывавший гроб (это была шпага графа Бертрана), и похоронная процессия тронулась в путь в следующем порядке.

Во главе похоронной процессии в религиозном облачении шел отец Виньяли, за ним — юный Генри Бертран, державший серебряный сосуд со священной водой и кропило; за ними следовали д-ра Арнотт и Антоммарки.

Катафалк везли четыре лошади, которых вели четыре кучера в траурной одежде. С одной и с другой стороны катафалка шествовали без оружия двенадцать гренадеров, которые, когда мы подошли к долине, вынуждены были нести гроб на руках, так как дорога оказалась непроходимой для карет. Граф де Монтолон, граф Бертран, юный Наполеон Бертран и я придерживали углы покрова гроба. За катафалком Аршамбо вел императорского коня, а далее шел императорский обслуживающий персонал в траурной одежде. Графиня Бертран с дочерью мадемуазель Гортензией и с сыном Артуром следовали в карете, запряженной двумя лошадьми, которых за уздечку вели слуги графини. Затем на коне ехал маркиз де Моншеню, губернатор и контр-адмирал, сопровождаемые большим числом представителей всех служб, шли пешком или верхом на коне; наконец, похоронную процессию замыкали знатные жители города. Мы покинули Лонгвуд в таком порядке: охрана стояла под ружьем, а войска гарнизона в составе примерно 2000 человек выстроились в одну линию на холме с левой стороны дороги. Эта человеческая изгородь протянулась до самых «Ворот Хатта», где расположилась артиллерия и пушкари были готовы к стрельбе. В течение всего времени следования похоронной процессии корабли на рейде и артиллерия фортов салютовали каждую минуту своими залпами, а военные оркестры от каждого воинского подразделения сразу же начинали играть, как только мимо них проходила похоронная процессия; грустные мелодии оркестров только усиливали печаль.

Войска, стекаясь с холма, подключались к процессии,

заполняя дорогу и даже гребень холма, возвышавшегося над долиной. Протестантский священник острова следовал за процессией в качестве частного лица. Когда мы подошли к «Воротам Хатта», сбоку от дороги стояла леди Лоу со своей дочерью и в сопровождении слуг; все они были в траурной одежде, и, когда с ними поравнялся гроб, они пошли вслед за ним. Когда мы достигли того места, у склона горы, где была построена новая дорога, все спешились. Гренадеры возложили гроб на плечи и понесли его к месту могилы. Гроб осторожно опустили на две балки, положенные поперек открытой могилы, которая была вся прикрыта черной материей; для того чтобы опустить гроб, заранее подготовили эстакаду и канаты. Это было именно то место, где даже после кончины императора его останкам предстояло оставаться в неволе. Наши скорбь и волнение достигли предела. Вперед вышел отец Виньяли, гроб был открыт, священник вслух произнес традиционные молитвы и благословил могилу. После этого губернатор спросил, не хочет ли гофмаршал сказать что-нибудь, после отрицательного ответа гроб с телом императора опустили в могилу, ногами к востоку и головой к западу. Прозвучали три артиллерийских залпа, каждый из 15 орудий; в своей скорби и печали сцена была впечатляющей.

Когда завершилась религиозная церемония, громадная каменная глыба, которой предстояло накрыть могилу, была приподнята с помощью вделанного в нее кольца. Там, в могиле, предстояло лежать праху императора, запертому на века. Каменную глыбу подняли и медленно опустили на могилу, скрыв от наших взглядов гроб. Кольцо из камня изъяли, и вся поверхность камня покрылась слоем римского цемента. Эта каменная кладка, чьи камни должны были быть соединены кусками железных прутьев, находилась на высоте одного фута. После этого ее засыпали грунтом до уровня земли. Когда я вернулся на это место на следующий день, три плиты, положенные на анкерные камни, закрывали могилу.

Как только процесс захоронения завершился, толпы людей устремились к растущим поблизости ивам, чтобы срывать с них ветки, ставшие теперь символом почитания. Губернатор немедленно распорядился сдерживать эти толпы людей, чтобы сохранить ивы, которые иначе были бы сразу оборваны. Вокруг могилы была возведена временная баррикада, охраняемая двумя часовыми, а рядом с ней учрежден постоянный пост охраны в количестве двенадцати человек под командованием офицера. Перед нашим возвращением в Лонгвуд губернатор разрешил нам сорвать ветку с куста ив, которые отныне должны были обеспечивать тень для тела императора.

Мы вернулись в Лонгвуд, наши сердца были переполнены скорбью, и именно дома мы особенно остро почувствовали нашу потерю. Дом превратился в пустыню; мы бродили, не находя себе места, по комнатам, наполненным пустотой. Души, которая обычно оживляла их, предмета нашего всеобщего обожания, более не было в них; все наше существование полностью изменилось. Несколько раз в течение того короткого времени, пока мы оставались в Лонгвуде после кончины императора, ночью или днем, я внезапно просыпался, думая, что меня зовет император. Или, уходя из дома, я вдруг возвращался, думая, что могу потребоваться императору. По-прежнему его присутствие чувствовалось среди нас; это проявлялось в самые неожиданные моменты. Звук его голоса звучал в наших ушах, со страшной болью пронзая наши сердца. И когда мы приходили в себя, словно от нахлынувшего на нас сновидения, мы обычно говорили: «Но его же более нет с нами!»

Вернувшись в Лонгвуд после похорон, граф де Монтолон подготовил следующий документ:

Письменное показание о похоронах:

В этот день, 9 мая 1821 года, в Лонгвуде, на острове Святой Елены, были отданы последние почести императору Наполеону.

В 10 часов утра отец Виньяли отслужил мессу и похоронную службу.

В 11 часов утра гарнизон, встав под ружье, выстроился в одну линию вдоль дороги. Похоронная процессия покинула Лонгвуд. Граф Бертран, граф де Монтолон, Наполеон Бертран и Маршан поддерживали углы покрова гроба. Графиня Бертран и весь обслуживающий персонал императора окружали катафалк. За ними следовали, соблюдая очередь, штаб губернатора и весь гарнизон.

В полдень священник императора благословил могилу, сооруженную у источника Торбетт, и зачитал соответствующие молитвы. После этого в могилу был опущен гроб под грохот артиллерийских салютов пушек фортов и военно-морской эскадры. Склеп был плотно закрыт каменной кладкой в нашем присутствии; у могилы был выставлен почетный караул.

После этого мы подготовили и подписали это

письменное показание, отмеченное датой, указанной выше.

Подписано: граф де Монтолон, граф Бертран, Маршан.

11 мая губернатор прислал своих людей в Лонгвуд, чтобы сделать опись мебели, принадлежащей английскому правительству. Некоторые предметы этой мебели использовались императором, и мы бы взяли их с собой, но приказы, полученные людьми губернатора о составлении описи английской мебели и ее изъятии, отличались педантичностью, и мы не настаивали на том, чтобы мебель оставили нам. Вечером 11 мая граф де Монтолон сообщил мне, что на следующий день приедет губернатор, чтобы проверить опись личных вещей императора. Граф решил, что было бы правильным аккуратно разложить все эти вещи в гостиной, чтобы губернатор смог сам проверить их наличие или поручить это другим людям. Для нас личные вещи императора являлись священными реликвиями; было важно, чтобы во время показа иностранцам, сопровождавшим губернатора, эти вещи вызывали бы у них глубокое уважение, а не впечатление распродажи подержанной одежды. Гостиная была погружена в полумрак, и Сен-Дени вместе со мною перенес в нее все императорские вещи. Мы разложили их таким образом, чтобы у каждого входящего в гостиную сам их вид вызывал бы чувство глубокого уважения.

Сэр Хадсон Лоу приехал утром в сопровождении своего штаба, маркиза де Моншеню, его адъютанта г-на Кора и еще нескольких человек. Губернатор по очереди осмотрел каждый предмет, прочитал дополнительно распоряжения № 1 к завещанию, а также приложенные описи, и попросил вскрыть печати, которыми были опечатаны три ящика из красного дерева. Когда печати были вскрыты, я открыл ящики. Губернатор внимательно рассмотрел все табакерки; его комментарии свидетельствовали о том, что он знаком с рисунками, камеями и медалями. Уделив осмотру вещей примерно около часа, губернатор заявил, что мы можем приступить к предварительному выполнению завещания покойного, поскольку он не может разрешить его окончательного выполнения без согласования этого вопроса со своим правительством. Эти следы былой славы были всеми присутствовавшими осмотрены с большим сочувствием и с нескрываемым восхищением. После отъезда губернатора я вновь опечатал ящики, двери гостиной были заперты, а граф де Монтолон написал следующее заявление:

Заявление относительно осмотра вещей императора губернатором и вскрытия в его присутствии

дополнительных распоряжений № 1 к завещанию В этот день, 12 мая 1821 года, в Лонгвуде, на острове Святой Елены, губернатор острова приехал в Лонгвуд, чтобы приступить к осмотру одежды императора Наполеона и другой его собственности на острове Святой Елены. Мы, нижеподписавшиеся, в соответствии с полученными инструкциями вскрыли в его присутствии дополнительные распоряжения № 1 к завещанию, также приложенные описи вещей императора.

Ознакомившись с вышеупомянутыми документами, губернатор в нашем присутствии сломал печати на трех ящиках из красного дерева, упомянутых в протоколе от 27 апреля и содержавших предметы, перечисленные в приложенных описях под номерами 1, 2 и 3.

Губернатор объявил нам, что не может разрешить окончательного выполнения условий дополнительных распоряжений к завещанию, представленных ему, так как он обязан согласовать этот вопрос со своим правительством, но что мы можем приступить к предварительному выполнению этих распоряжений.

После этого мы составили и подписали настоящее заявление, отмеченное вышеупомянутой датой.

Подписано: граф де Монтолон, граф Бертран, Маршан.

Заявление относительно распределения личных вещей императора

В этот день, 14 мая 1821 года, в Лонгвуде, на острове Святой Елены, в соответствии с инструкциями, содержащимися в дополнительных распоряжениях № 2 к завещанию, мы приступили к распределению личных вещей императора Наполеона и его книг, а также упаковали два ящика с предметами, которые он оставил принцам и принцессам своей семьи.

После этого мы составили и подписали настоящее заявление, отмеченное вышеупомянутой датой.

Подписано: Монтолон, Бертран, Маршан.

Для того чтобы распределить оставшиеся от императора вещи между всеми нами, мы поделили примерно на равные доли книги и другие вещи, а затем, прибегнув к жребию, разыграли их. Каждый взял свою долю вещей и в упаковке организовал их отправку в Европу. Нам предстояло отплыть во Францию 7 мая. Во время этого пропорционального распределения вещей мы

столкнулись с проблемой, связанной с полной формой гренадера гвардии, включавшей орден Почетного Легиона, полковничьи эполеты императора, форменную шляпу и сапоги: эти вещи нельзя было распределить по отдельности. Гофмаршал и граф де Монтолон с присущей им щепетильностью заявили, что судьба полной формы гренадера гвардии должна быть решена волей жребия, и в результате я стал обладателем этой формы. Рукописи императора находились на хранении у графа де Монтолона, и, когда мы прибыли в Европу, они были опубликованы двумя изданиями: одно — общее издание, а другое, большое, специальное издание, посвященное Римскому королю. В своем завещании император поручил выполнение этой задачи своим душеприказчикам. Генерал граф Бертран взял на себя публикацию работы о Египте, которую император продиктовал ему; графу де Монтолону досталась Италия, и когда он приехал во Францию, то передал генералу Гурго рукописи о Консулате. Мне не пришла в голову мысль претендовать на что-либо из рукописей императора; но позднее, уже во Франции, я обратился к графу де Монтолону с просьбой передать мне ту часть работы, которую император диктовал мне, а именно — «Краткую историю кампаний Цезаря». Граф де Монтолон ответил, что этой работы у него нет; тогда я обратился к графу Бертрану, который и отдал ее мне.

В Лонгвуде осталось только произвести выплату вознаграждений и жалованья за апрель и май 1821 года людям из состава императорского обслуживающего персонала, а также осуществить некоторые расходы. Проведенная работа нашла свое отражение в следующем заявлении:

> *Заявление о выдаче вознаграждений и жалованья людям из состава императорского обслуживающего персонала в Лонгвуде за апрель и май 1821 года, а также о произведенных различных других расходах.*[342]
>
> *В этот день, 16 мая 1821 года, в Лонгвуде, на острове Святой Елены, нижеподписавшиеся, душеприказчики завещания императора Наполеона произвели выплату жалованья от имени поместья Лонгвуд из средств, находившихся в личной казне Его Величества, в сумме 25 590 франков следующим образом:*
>
> *1. Вознаграждения и жалованье за апрель 1821 года — 7333*
>
> *Граф Бертран — 2000*
>
> *Граф де Монтолон — 2000*
>
> *Отец Виньяли — 500*

Антоммарки, доктор — 750
Г-да Маршан — 666
Сен-Дени — 333
Новерраз — 333
Пьеррон — 400
Аршамбо — 150
Курсо — 200
Шанделье — 200
Жозефина (жена Новерраза) — 50
Г-н Ришар — 150
Всего: — 14 666

2. Задолженность д-ру Антоммарки с 1 октября 1819 года по 1 января 1821 года, или за 15 месяцев, по 500 франков в месяц, должна была выплачиваться его семье в Риме в соответствии с письмом, написанным в 1819 году графом Бертраном кардиналу Фешу. С того времени подтверждения о получении задолженности не было. — 7500

3. Другие расходы — 3423
Общая сумма — 25 590
Исполнено и подписано вышеупомянутой датой:
граф де Монтолон, граф Бертран, Маршан.

Губернатор информировал графа де Монтолона и гофмаршала о том, что для нашего возвращения в Европу заказаны места на борту транспортного корабля «Кэмел», но он может отплыть только в конце месяца. Каждый день мы совершали паломничество к могиле императора, к которой нам разрешили доступ. Затем, вернувшись домой, мы занимались упаковкой наших вещей.

Перед самым отъездом с острова гофмаршал и губернатор вступили в переписку друг с другом в самых резких выражениях и вызвали друг друга на дуэль. Адмирал Ламберт предложил свои услуги для урегулирования ссоры. Его посредничество было принято и разногласие улажено к удовлетворению обеих сторон.

26 мая губернатор сообщил нам, что мы отправимся в плавание в полдень следующего дня. Весь день мы потратили на то, чтобы на повозках перевезти наш багаж на борт корабля. Эта активная деятельность была омрачена глубокой печалью: мы оставляли императора одного, и горечь от этой грустной мысли мешала нам радоваться предстоящему воссоединению с нашими семьями и с нашей родиной.

В день отплытия я пришел на могилу императора. Преклонив

колени, я затем встал, дав полную волю слезам. В последний раз я поцеловал холодный камень, который скрывал от меня все, что было для меня таким великим и тем не менее таким жестоко несчастным. Я сорвал один цветок анютиных глазок и положил его в свой бумажник. Я бросил последний взгляд, вскочил на коня и поехал в город. Я узнал, что гофмаршал, его семья и граф де Монтолон отправились в «Колониальный дом» по приглашению губернатора. В городе мы ждали часа погрузки на борт корабля, которая была назначена на 4 часа дня.

Корабль был неудобен для перевозки пассажиров и находился в чрезвычайном беспорядке: он использовался для перевозки товаров, был построен грубо, без намека на элегантность. Мне была предоставлена маленькая каюта, в которой мне удалось кое-как устроиться, и я не мог жаловаться на мою судьбу, поскольку другие были в гораздо худшем положении. Стоял прекрасный день, и вечером 27 мая мы подняли якорь. Я встал с койки, на которой лежал с головной болью, чтобы в последний раз попрощаться с островом Святой Елены. Я хотел заверить моего благодетеля, что хотя я и оставляю остров, но мои мысли будут с ним каждый день. Всю ночь на корабле стоял адский шум, так как укреплялись упаковочные клети, которыми были завалены палуба и складские помещения. Корабль взял на борт двести солдат, некоторые из них были с женами и детьми. В первую ночь все устраивались как попало, но затем смогли обрести свой угол, и палуба была очищена от пассажиров, чтобы можно было маневрировать парусами и освободить место для прогулок.

Когда мы проплыли мимо острова Асеньсон и пересекли экватор, то почувствовали легкий, ободряющий бриз; до этого воздух был очень душным и таким же плотным, как и обстановка, в которой мы находились на корабле. Время от времени корабль обрызгивали уксусом, так как несколько человек заболели дизентерией, но были приняты меры для лечения больных, и в пути мы потеряли только одну мать и ее ребенка. Эта женщина взошла на борт корабля буквально накануне родов; через несколько дней после нашего отплытия из Джеймстауна у нее начались родовые схватки и она родила мальчика. У нее уже был один ребенок, и вы можете представить себе положение бедной женщины, поскольку у нее были очень тяжелые родовые схватки. Графиня Бертран, столь же добрая, сколь и отзывчивая, заявила этой женщине, что будет отдавать ей молоко, которое графиня получала ежедневно для своего кофе. Графиня также посылала ей белье, в котором та так нуждалась. Через три недели ребенок умер, и вскоре мать также последовала за ним: море должно было приютить их вместе. Перед смертью женщина попросила

положить ее в гроб, а не в мешок, как это принято в море. В день похоронной процедуры прозвучал колокол, как это обычно делается в деревне. Все вышли на палубу, где стоял гроб, прикрытый флагом. Капитан начал читать молитвы, и все люди, присутствовавшие при церемонии, сняли шляпы, после чего гроб был спущен в море. Он погрузился на глубину, но вскоре неожиданно вплыл, причем открытый! Для того чтобы затопить его, было решено сбросить пушечное ядро, но никто не думал, что, брошенное с высоты леера в море, пушечное ядро своей тяжестью пробьет насквозь дно гроба.

Через несколько дней на нашем корабле произошел другой несчастный случай: полковой сапожник, опираясь на перила, заснул и свалился за борт корабля. Поскольку ветер дул сильно, то мы вскоре оказались вдалеке от упавшего за борт человека. Корабль немедленно повернул обратно, и на воду была спущена шлюпка. К счастью, этот человек очень хорошо плавал, и его удалось спасти; капитан распорядился выдать ему горячего вина. Во время плавания мы выловили несколько дельфинов различных размеров, заменивших нам мясо, которого стало недоставать. В те дни не было консервированной пищи на бортах кораблей. Питьевая вода на корабле была чрезвычайно плохой; графиня Бертран захватила с собой большое количество пресной воды и была столь добра ко мне, что делилась со мной водой, а также и портером. Графиня серьезно заболела перед тем, как нас настиг сильнейший шторм в Бискайском заливе. Небо покрылось черными тучами, ветер подул со страшной силой, и море стало таким бурным, что единственным горизонтом для нас была огромная волна, которая приподнимала корабль, а затем бросала его в пучину. Шторм застал нас врасплох; упаковочные клети, которые не были закреплены, летали во всех направлениях, и так продолжалось всю ночь. Я лишился константского вина, которое вез обратно с острова, но более всего меня огорчило то, что фужер, которым пользовался император во время болезни, разбился в моем дорожном сундуке, а ветки, срезанные с ивы, погибли, пропитавшись морской водой.

Африка уже осталась позади. 25 июля в соответствии с пожеланиями императора граф де Монтолон собрал нас вместе в своей каюте и приступил в нашем присутствии к вскрытию завещаний императора, его дополнительных распоряжений к завещанию и инструкций. Было подготовлено следующее заявление:

В этот день, 25 июля 1821 года, в европейских водах, на широте Парижа и в 160 лье от французского берега,

мы, нижеподписавшиеся, душеприказчики императора Наполеона, в соответствии с полученными нами инструкциями и в присутствии отца Виньяли вскрыли конверты с завещаниями, с дополнительными распоряжениями к завещанию и с другими инструкциями, относящимися к протоколу от 27 апреля этого года. В море, подписано вышеупомянутой датой:

граф де Монтолон, граф Бертран, Виньяли, Маршан.

ЗАВЕЩАНИЕ ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА

Наполеон

В этот день, 15 апреля 1821 года, в Лонгвуде, на острове Святой Елены.

Это мое завещание или документ о моих последних пожеланиях:

I.

1. Я умираю приверженцем римской и апостолической религии, которая была моей религией, когда я родился более пятидесяти лет тому назад.

2. Я желаю, чтобы мой прах покоился на берегу реки Сены, среди французского народа, которого я так любил.

3. У меня нет никаких иных чувств, кроме восхваления моей дорогой супруги Марии Луизы; до самой последней минуты я сохраняю к ней самые нежные чувства и прошу ее защищать моего сына от опасностей, которые все еще угрожают его детству.

4. Я настоятельно требую, чтобы мой сын никогда не забывал, что он родился французским принцем, и чтобы он никогда не позволял себе стать орудием в руках триумвирата, угнетающего народы Европы. Он никогда не должен сражаться против Франции. Он должен взять на вооружение мой девиз: «Все для народа Франции».

5. Я умираю преждевременно, вероломно убиваемый британской олигархией и ее палачом; настанет время, когда британский народ отомстит за меня.

6. Два печальных для нас последствия вторжений вражеских сил во Францию, когда она еще обладала такими огромными ресурсами, явились результатом

измен Мармона, Ожеро, Талейрана и Лафайетта. Я прощаю их: пусть и последующие французские поколения простят их, как простил их я.

7. Я благодарю мою добрую и исключительно прекрасную мать, кардинала, моих родных братьев и сестер Жозефа, Люсьена, Жерома, Полину, Каролину, Гортензию, Катерину, Евгения за их заботу по отношению ко мне. Я прощаю Луи за его клеветническую публикацию 1820 года: она полна лживых утверждений и основывается на фальсифицированных документах.

8. Я дезавуирую рукопись с острова Святой Елены, а также другие издания, озаглавленные сентенциями, заявлениями и т. п., которые люди постарались опубликовать в течение последних шести лет; они не отражают те правила, которыми я руководствовался в моей жизни. Я приказал арестовать герцога Энгиенского и приговорить его к смертной казни, потому что это было необходимо для безопасности, интересов и чести французского народа, когда граф д'Артуа, согласно его собственному признанию, нанял шестьдесят убийц в Париже. В подобных обстоятельствах я бы действовал точно таким же образом.

II.

1. Я оставляю моему сыну шкатулки, знаки отличия и другие предметы, а именно: столовое серебро, походную кровать, оружие, седла, шпоры, вазы для часовни, книги, мое личное белье в соответствии с описью, приведенной в Приложении (А). Я хочу, чтобы этот скромный завещательный отказ был для него дорог, напоминая об отце, о котором ему будет говорить весь мир.

2. Я оставляю леди Холланд античную камею, которую Папа Римский Пий VI передал мне в Толентино.

3. Я оставляю графу де Монтолону два миллиона франков в качестве доказательства моего удовлетворения той сыновней заботой, которой он окружил меня в течение последних шести лет, и в качестве компенсации за те потери, которые он понес в результате своего пребывания на острове Святой Елены.

4. Я оставляю графу Бертрану 500 000 франков.

5. Я оставляю Маршану, моему главному камердинеру, 400 000 франков. Услуги, которые он

оказывал мне, были услугами друга. Я желаю ему жениться на вдове, сестре или дочери офицера или солдата моей старой гвардии.

6. Я оставляю Сен-Дени 100 000 франков.

7. Я оставляю Новаре (Новерразу) 100 000 франков.

8. Я оставляю Пьеррону 100 000 франков.

9. Я оставляю Аршамбо 50 000 франков.

10. Я оставляю Курсе 25 000 франков.

11. Я оставляю Шанделье 25 000 франков.

12. Я оставляю отцу Виньяли 100 000 франков. Я хочу, чтобы он построил свой дом около Понте Нуово ди Ростино.

13. Я оставляю графу Лас-Казу 100 000 франков.

14. Я оставляю графу Лавалетту 100 000 франков.

15. Я оставляю главному хирургу, Ларрею, 100 000 франков. Он является самым добродетельным человеком из тех, кого-либо я знал.

16. Я оставляю генералу Брайеру 100 000 франков.

17. Я оставляю генералу Лефебру-Денуетту[343] 100 000 франков.

18. Я оставляю генералу Друо 100 000 франков.

19. Я оставляю генералу Камбронну 100 000 франков.

20. Я оставляю детям генерала Мутон-Дюверне[344] 100 000 франков.

21. Я оставляю детям славного Лабедуайера 100 000 франков.

22. Я оставляю детям генерала Жирара[345], убитого при Линьи, 100 000 франков.

23. Я оставляю детям генерала Шартрана[346] 100 000 франков.

24. Я оставляю детям добродетельного генерала Траво[347] 100 000 франков.

25. Я оставляю генералу Лаллеману, старшему из братьев,[348] 100 000 франков.

26. Я оставляю графу Реалю 100 000 франков.

27. Я оставляю Костальде Бастелика,[349] на Корсике, 100 000 франков.

28. Я оставляю генералу Клозелю[350] 100 000 франков

29. Я оставляю барону де Меневалю 100 000 франков.

30. Я оставляю Арно[351], автору «Мариуса», 100 000 франков.

31. Я оставляю полковнику Марбо[352] 100 000 франков. Я настоятельно прошу его продолжать писать в

защиту славы французской армии, разоблачая клеветников и ренегатов.

32. Я оставляю барону Биньону[353] 100 000 франков. Я настоятельно прошу его писать историю французской дипломатии с 1792 года по 1815 год.

33. Я оставляю Поджи де Талаво[354] 100 000 франков.

34. Я оставляю хирургу Эмери[355] 100 000 франков.

35. Все эти суммы должны будут взяты из тех 6 миллионов франков, которые я вложил в банк, покидая Париж в 1815 году, и с 5 % дохода с этого капитала начиная с июля 1815 года. Расчеты должны будут урегулированы с банкиром графами де Монтолоном, Бертраном и Маршаном.

36. Все те деньги, которые останутся после выдачи в виде завещательных отказов на сумму в 5,6 миллиона франков, указанных выше, а также полученные в результате процентного накопления, должны будут распределены в виде вознаграждений между раненными при Ватерлоо и офицерами и солдатами Эльбанского батальона на основе списка, составленного Монтолоном, Бертраном, Друо, Камбронном и доктором Ларреем.

37. Завещательные отказы, в случае смерти их получателей, должны быть выданы вдовам и детям умерших, а если таковых не окажется, то должны быть возвращены в общую сумму.

III.

I. Так как мне принадлежит моя частная собственность и, насколько мне известно, ни один французский закон не лишал меня ее, то я обращаюсь с просьбой к барону де Ла Бульери, являющемуся моим казначеем, сделать о ней отчет. Ее сумма должна превышать 200 миллионов франков, а именно:

1. Портфель, содержащий сбережения, которые я делал в течение более 14 лет, в соответствии с моим цивильным листом, которые составляли более 12 миллионов в год, если мне не изменяет память.

2. Процентный доход с суммы, находящейся в этом портфеле.

3. Мебель в моих дворцах в Риме, Флоренции и Турине. Вся эта мебель была закуплена благодаря доходу с моего

цивильного листа.

4. Ликвидация моего имущества в королевстве Италии, включая денежные средства, столовое серебро, драгоценности, мебель, конюшни; отчет об этом будет обеспечен принцем Евгением и королевским управляющим Кампаньони.

Наполеон.

II. Вторая страница.

Я завещаю мое личное имущество: его половину оставшимся офицерам и солдатам французской армии, которые сражались с 1792 года по 1815 год за славу и независимость нации. Распределение средств будет производиться пропорционально, в соответствии с действующими жалованьями; другая половина будет отказана городам и сельским местностям Эльзаса, Лотарингии, Франш-Конте, Бургундии, Иль-де-Франс, Шампани, Форе, Дофине, которые пострадали от первого или второго нашествия. Из этой суммы один миллион должен быть удержан для города Бриенн, а еще одни миллион для города Мери[356].

Я назначаю графов де Монтолона, Бертрана и Маршака моими душеприказчиками. Это завещание написано полностью мною собственноручно, подписано мною и опечатано моею печатью.

(печать)

Наполеон.

Опись (А), приложенная к моему завещанию

I.

Лонгвуд, остров Святой Елены, 15 апреля 1821 года

1. Церковные вазы, которые использовались в моей часовне в Лонгвуде.

2. Я прошу отца Виньяли хранить эти вазы и передать их моему сыну, когда ему исполнится 16 лет.

II.

1. Мое оружие, а именно: шпага, которую я носил в сражении при Аустерлице, сабля Собецкого, кинжал, маленький меч, охотничий нож, две пары версальских пистолетов.

2. Золотой походный сундучок, которым я пользовался по утрам в Ульме, Аустерлице, Иене, Эйлау, Фридланде, на острове Лобау, в Москве и Монмирайле; по этой причине я хочу, чтобы эта вещь была дорога моему сыну (с 1814 года сундучок находился у графа Бертрана).

3. Я прошу графа Бертрана хранить эти вещи и передать их моему сыну, когда ему исполнится 16 лет.

III.

1. Три небольших ящика из красного дерева, содержащих во-первых: 33 табакерки или коробочки для конфет; во-вторых: 12 шкатулок с императорским гербом, две небольшие подзорные трубы и четыре шкатулки, обнаруженные на столе Людовика XVIII в Тюильри 20 марта 1815 года; в-третьих: три табакерки, украшенные серебряными медалями, которыми пользовался император, и различные туалетные принадлежности, перечисленные в описях I, II, и в III.

2. Две походные кровати, которыми я пользовался во время всех своих кампаний.

3. Подзорная труба, которой я пользовался во время сражений.

4. Туалетный набор, две полные формы стрелка императорской гвардии, дюжина рубашек и один полный набор всей моей одежды и все то, чем я обычно пользовался, когда умывался и одевался.

5. Таз для умывания.

6. Небольшие часы, находившиеся в моей спальной комнате в Лонгвуде.

7. Двое часов и цепочка, сделанная из волос императрицы.

8. Я прошу Маршана, моего главного камердинера, хранить все эти вещи и передать их моему сыну, когда ему исполнится 16 лет.

IV.

1. Ящик с медалями.

2. Столовое серебро и севрский фарфор, которыми я пользовался на острове Святой Елены (Описи B и C).

3. Я прошу графа де Монтолона хранить эти предметы и передать их моему сыну, когда ему исполнится 16 лет.

V.

1. Три седла и уздечки, а также шпоры, которыми я пользовался на острове Святой Елены.

2. Пять дробовиков.

3. Я прошу моего гонца Новерраза хранить эти вещи и передать их моему сыну, когда ему исполнится 16 лет.

VI.

1400 томов книг, которыми я пользовался чаще всего.

2. Я прошу Сен-Дени хранить их и передать моему сыну, когда ему исполнится 16 лет.

Наполеон.

Опись (A)

1. Вещи, которыми я лично не пользовался, должны быть проданы; выручку разделить между душеприказчиками и моими братьями.

2. Маршан должен сохранить мои волосы и из них сделать небольшие браслеты с золотым замочком, чтобы затем доставить их императрице Марии Луизе, моей матери и всем моим братьям, сестрам, племянникам, племянницам и кардиналу, а самый большой браслет — моему сыну.

3. Маршан направит пару моих золотых пряжек для туфель принцу Жозефу.

4. Пару маленьких золотых пряжек для подтяжек принцу Люсьену.

5. Золотую пряжку для воротника принцу Жерому.

Опись (A)

Список предметов и вещей, которые Маршан должен хранить для передачи моему сыну:

1. Серебряный туалетный комплект со всеми принадлежностями, бритвами и т. п.

2. Будильник, принадлежавший Фридриху II, который я взял в Потсдаме (в ящике №3).

3. 2 пары часов, одни с цепочкой, сделанной из волос императрицы. Другие часы пусть будут с цепочкой из моих волос. Маршан закажет ее в Париже.

4. Две печати (одна — Франции, в ящике №3).

5. Маленькие золотые часы, находящиеся в настоящее время в моей спальной комнате.

6. Таз для умывания, кувшин и подставка.

7. Ночные столики, которыми я пользовался во Франции, и мое позолоченное биде.

8. Две железные кровати, матрасы и одеяла, если они могут быть сохранены.

9. Три серебряные фляжки для коньяка, которыми я пользовался во время моих кампаний.

10. Французская подзорная труба.

11. Шпоры, 2 пары.

12. Три ящика из красного дерева №№ 1, 2 и 3, хранящие мои табакерки и другие предметы.

13. Одна позолоченная горелка для ладана.

Домашнее и личное белье, личные вещи:

6 рубашек
6 носовых платков
6 галстуков
6 полотенец
6 пар шелковых чулок
4 черных воротничка
6 пар носков
2 пары льняных простынь
2 пары наволочек для подушек
2 халата для ванны
2 комплекта ночного белья
1 пара подтяжек
4 пары брюк и жакетов из белой ткани
6 шарфов
6 фланелевых нижних рубашек
4 нижних трусов

6 пар гетр
I маленькая коробка с табаком
I золотая пряжка для воротника
I пара золотых пряжек для подвязок
1 пара золотых пряжек для туфель
(три последних предмета хранятся в ящике № 3)

Одежда:

1 форма стрелка гвардии
1 форма гренадера гвардии
1 форма национального гвардейца
2 шляпы
1 серый плащ
1 зеленый плащ
1 синий плащ (который я носил в Маренго)
1 соболиная шуба
2 пары туфель
2 пары сапог
1 пара домашних туфель
6 поясов
Наполеон.

Опись (Б)

Опись вещей, которые я оставил у графа де Тюренна:

Сабля Собецкого (она ошибочно приведена в описи А. Эта самая сабля, которую император носил в Абукире. Сейчас она хранится графом Бертраном).
Большой воротник Почетного Легиона
1 позолоченная шпага
1 кинжал консула
1 стальная шпага
1 вельветовый пояс
Ожерелье ордена Золотого Руна
1 небольшой стальной походный комплект
1 серебряный ночной подсвечник
1 античный сабельный эфес
1 шляпа Генри IV
Кружево императора
1 маленькая шкатулка для медалей

2 турецких ковра

2 вельветовых плаща малинового цвета с вышивкой с жилетами и брюками.

1. Я оставляю моему сыну саблю Собецкого.

Я оставляю моему сыну ожерелье Почетного Легиона.

Я оставляю моему сыну позолоченную шпагу.

Я оставляю моему сыну кинжал консула.

Я оставляю моему сыну стальную шпагу.

Я оставляю моему сыну ожерелье ордена «Золотого Руна».

Я оставляю моему сыну шапку и фуражку Генри IV.

Я оставляю моему сыну золотой зубоврачебный комплект, который хранится у дантиста.

2. Я оставляю:

Императрице Марии Луизе — мое кружево.

Мадам Мер — серебряный ночной подсвечник.

Кардиналу — маленький стальной дорожный комплект.

Принцу Евгению — позолоченный подсвечник.

Принцессе Полине — маленькую шкатулку с медалями.

Королеве Неаполитанской — небольшой турецкий ковер.

Королеве Гортензии — небольшой турецкий ковер.

Принцу Жерому — плащ с вышивкой и с жилетом и брюками.

Принцу Люсьену — плащ с вышивкой и с жилетом и брюками.

Наполеон.

Лонгвуд, 24 апреля 1821 года

Это мои дополнительные распоряжения к завещанию или заявление о моих последних пожеланиях.

Из тех денежных фондов золота, которые я переслал императрице Марии Луизе, моей дорогой и любимой супруге, в Орлеан в 1814 году, два миллиона остаются моими. Этими деньгами в соответствии с настоящими дополнительными распоряжениями к завещанию я награждаю моих верных слуг, которых я рекомендую моей любимой Марии Луизе взять под свою защиту:

1. Я прошу императрицу восстановить право графа Бертрана на доход в 30 000 франков, который ему положен от владения герцогством Пармы и горой Наполеон в Милане, а также погасить его задолженности.

2. Я прошу то же самое сделать для герцога Истрии (Бессьера), дочери Дюрока и других моих слуг, которые всегда оставались верными мне и дорогими для меня; императрица знает их.

3. Из упомянутых выше 2 миллионов я завещаю 300 000 франков графу Бертрану, из которых он должен положить 100 000 франков на счет казначея для того, чтобы эти деньги использовались, в соответствии с моими инструкциями, на завещательные отказы по совести.

4. Я завещаю 200 000 франков графу де Монтолону, из которых он должен положить 100 000 франков на счет казначея для той же цели, что указана выше.

5. Я завещаю 200 000 франков графу де Лас-Казу, из которых он должен положить 100 000 франков на счет казначея для той же цели, что указана выше.

6. Я завещаю 100 000 франков Маршану, из которых он должен положить 50 000 франков на счет казначея для той же цели, что указана выше.

7. Мэру Аяччо в начале революции, Жану Жерому Леви или его вдове, детям или внукам —100 000 франков.

8. Дочери Дюрока — 100 000 франков.

9. Сыну Бессьера, герцогу Истрии, — 100 000 франков.

10. Генералу Друо — 100 000 франков.

11. Графу де Лавалетту — 100 000 франков.

12. Я завещаю 100 000 франков:

Пьеррону, моему дворецкому, — 25 000 франков.

Новерразу, моему гонцу, — 25 000 франков.

Сен-Дени, хранителю моих книг, — 25 000 франков.

Сантини, моему бывшему слуге, — 25 000 франков.

13. Я завещаю 100 000 франков:

40 000 франков — Плана[357]*, моему адъютанту.*

20 000 франков — Эберу, бывшему консьержу в Рамбуйе, входившему в состав моего обслуживающего персонала в Египте.

20 000 франков — Лавиню, бывшему консьержу одной из моих конюшен, ставшему моим конюхом в Египте.

20 000 франков — Жанне Дервье, конюху в моих конюшнях, служившему мне в Египте.

14. 20 000 франков должны быть розданы в виде пожертвований жителям Бриенн-ле-Шато, которые пострадали более всех.

15. Оставшиеся 300 000 франков следует распределить между офицерами и солдатами моего гвардейского батальона на Эльбе или между их вдовами и детьми. Распределение средств следует проводить пропорционально, в зависимости от их жалованья и в соответствии со списком, составленным моими душеприказчиками; те, у кого ампутированы ноги или руки, а также серьезно раненные, должны получить двойное вознаграждение; этот список должен быть составлен Ларреем или Эмери. Эти дополнительные распоряжения к завещанию полностью написаны мною собственноручно, подписаны мною и опечатаны моей печатью.

Наполеон.

Лонгвуд, 24 апреля 1821 года

Это — мои дополнительные распоряжения к завещанию или заявление о моих последних пожеланиях.

В результате ликвидации моего цивильного листа в Италии, включавшего деньги, драгоценности, столовое серебро, мебель, конюшни, после чего хранителем всего этого является вице-король, а собственником являюсь я, в моем распоряжении находится 2 миллиона франков, которые я завещаю моим самым верным слугам. Я надеюсь, что мой сын Евгений Наполеон, без каких-либо затруднений или каких-либо других причин, честно выполнит эти мои дополнительные распоряжения к завещанию; он не сможет забыть те 4 миллиона, которые я дал ему в Италии и при распределении имущества его матери.

1. Из этих 2 миллионов я оставляю графу Бертрану 300 000 франков, из которых он должен положить 100 000 франков на счет казначея для того, чтобы эти деньги использовались, в соответствии с моими инструкциями, на завещательные отказы по совести.

2. Графу де Монтолону — 200 000 франков, из которых он должен положить 100 000 франков на счет казначея для той же цели, что указана выше.

3. Графу де Лас-Казу — 200 000 франков, из которых он должен положить 100 000 франков на счет казначея

для той же цели, что указана выше.

4. Маршану —100 000 франков, из которых он должен положить 50 000 франков на счет казначея для той же цели, что указана выше.

5. Графу де Лавалетту — 100 000 франков.

6. Генералу Хогендорпу[358], голландцу, моему адъютанту, эмигранту в Бразилию, — 100 000 франков.

7. Моему адъютанту Корбине[359] — 50 000 франков.

8. Моему адъютанту Каффарелли[360] — 50 000 франков.

9. Моему адъютанту Дежану — 50 000 франков.

10. Перси, главному хирургу в сражении при Ватерлоо, — 50 000 франков.

11. 50 000 франков распределяются следующим образом:

10 000 франков — Пьеррону, моему камердинеру.

10 000 франков — Сен-Дени, моему главному гонцу.

10 000 франков — Новерразу.

10 000 франков — Курсо, шефу моей кладовой.

10 000 франков — Аршамбо, моему конюху.

12. Барону Меневалю — 50 000 франков.

13. Герцогу Истрии, сыну Бессьера — 50 000 франков.

14. Дочери Дюрока — 50 000 франков.

15. Детям Лабедуайера — 50 000 франков.

16. Детям Мутон-Дюверне — 50 000 франков.

17. Детям храброго и добродетельного Траво — 50 000 франков.

18. Детям Шартрана — 50 000 франков.

19. Генералу Шамбронну — 50 000 франков.

20. Генералу Лефебру-Денуетту — 50 000 франков.

21. 100 000 франков следует распределить среди изгнанников, блуждающих по чужеземным странам, французам, итальянцам, голландцам, испанцам и жителям рейнских департаментов в соответствии с указаниями моих душеприказчиков.

22. 200 000 франков следует распределить среди тех, у кого ампутированы ноги или руки, а также среди тех, кто был серьезно ранен при Линьи, Ватерлоо, если они еще живы, на основе списка, подготовленного моими душеприказчиками вместе с Камбронном, Ларреем, Перси и Эмери; двойное вознаграждение полагается гвардейцам, четверное — гвардейцам Эльбы.

Эти дополнительные распоряжения к завещанию полностью написаны собственноручно, подписаны мною и

опечатаны моей печатью.

Наполеон.

Лонгвуд, 24 апреля 1821 года

Это — третьи дополнительные распоряжения к моему завещанию.

1. Среди драгоценных камней императорской короны, отданных в 1814 году, были некоторые камни, стоимостью в 500 000 или в 600 000 франков, которые не украшали корону и принадлежали мне лично; они должны быть включены в мой денежный фонд для выдачи завещательных отказов.

2. У банкира Торлониа в Риме у меня имелись векселя на сумму от 200 000 до 300 000 франков, выручка от моих доходов с острова Эльба, начиная с 1815 года. Г-н де Ла Пейрюс, хотя он более не являлся моим казначеем и не имел на то полномочий, взял эти деньги; его следует заставить вернуть их[361].

3. Я оставляю герцогу Истрии 300 000 франков, из которых только 100 000 следует вручить его вдове, если герцог ко времени распределения денежных средств будет мертв. Я желаю, чтобы герцог женился на дочери Дюрока, если этот брак не вызовет неудобств.

4. Я оставляю герцогине Фриуль, дочери Дюрока, 200 000 франков. В том случае, если она скончается до распределения средств, то ее матери ничего не будет возвращено.

5. Я оставляю генералу Риго[362]*, который был изгнан, 100 000 франков.*

6. Я оставляю Буано[363]*, уполномоченному по снабжению, 100 000 франков.*

7. Я оставляю детям генерала Летора[364]*, убитого во время кампании 1815 года, 100 000 франков.*

8. Эти 800 000 франков завещательного отказа будут добавлены после пункта 36-го моего завещания, что составит в целом сумму в 6,4 миллиона франков, которые я отказываю моим завещанием, исключая акты распоряжения, упомянутые в моих вторых дополнительных распоряжениях к завещанию.

Все это написано мною собственноручно и опечатано моей печатью.

Наполеон.

(печать) (На оборотной стороне страницы.)

Это — третьи дополнительные распоряжения к моему завещанию, написанные собственноручно, подписано мною и опечатано моей печатью. Этот конверт должен быть вскрыт сразу же после вскрытия моего завещания.

Наполеон.

Лонгвуд, 24 апреля 1821 года

Это четвертые дополнительные распоряжения к моему завещанию.

Отдав предыдущие распоряжения, я не выполнил всех обязательств, которые побудили меня написать эти четвертые дополнительные распоряжения к завещанию:

1. Я оставляю сыну или внуку барона Дютейля, генерал-лейтенанта артиллерии, бывшего владельца Сен-Андре, командовавшего Оксоннской школой до начала революции, сумму в размере 100 000 франков как знак признания нашей благодарности этому добропорядочному генералу за оказанную по отношению к нам заботу, когда мы находились под его командованием в звании лейтенанта и капитана.

2. Я оставляю сыну или внуку генерала Дюгоммьера, командовавшего армией Тулона, сумму в размере 100 000 франков. Под его руководством мы вели осаду города и командовали артиллерией. Эта сумма оставляется в память о тех знаках уважения, любви и дружбы, которые нам оказывал этот храбрый и отважный генерал.

3. Я оставляю 100 000 франков сыну или внуку Гаспарэна, депутата конвента, представлявшего солдат армии Тулона, за то, что он взял под свою защиту и одобрил своей властью наш план, который привел к взятию этого города и который противоречил плану, присланному Комитетом общественного спасения. Гаспарэн защитил нас от гонений, вызванных невежеством генерального штаба, командовавшего армией, до прибытия моего друга Дюгоммьера.

4. Я оставляю 100 000 франков вдове, сыну или внуку нашего адъютанта Мюирона, убитого рядом с мной в сражении при Арколи, когда он прикрыл меня своим телом.

5. Я оставляю 10 000 франков сержанту Кантильону[365]*, которого судили за план убийства лорда*

Веллингтона, но признали невиновным. Кантильон имел такое же право убить этого олигарха, как и этот олигарх имел право выслать меня погибать на скале Святой Елены. Веллингтон, предложивший мое убийство, оправдывал его тем, что оно отвечает интересам Великобритании. Если бы Кантильон в самом деле совершил убийство лорда, то он был бы взят под защиту и оправдан в силу того, что оно отвечало бы интересам Франции, поскольку избавило бы нас от генерала, который нарушил условия капитуляции Парижа и несет ответственность за пролитую кровь таких мучеников, как Ней, Лабедуайер, и многих других, а также за преступление, которое выразилось в ограблении музеев, вопреки условиям договора.

6. Эти 400 000[366] *франков должны быть добавлены к тем 6,4 миллиона, которые уже распределены, и таким образом наши завещательные отказы составят 6,8 миллиона франков; эти 410 000 франков должны рассматриваться как часть нашего завещания, статья 35-я, и во всех отношениях ими следует распорядиться так же, как и всеми другими завещательными распоряжениями.*

7. Я выделил 900 000 фунтов стерлингов графу и графине де Монтолон. Если они уже получили эти деньги, то их следует вычесть из завещанной им суммы; если же нет, то это примечание теряет силу.

8. Принимая во внимание завещательный отказ графу де Монтолону, пенсия в размере 20 000 франков его супруге подлежит ликвидации; граф де Монтолон должен сам выплачивать ей эту пенсию.

9. Так как обращение со всем этим имуществом до его окончательного распределения повлечет за собой служебные расходы, выполнение заданий и поручений, консультации и выступления в суде, то я предполагаю, что мои душеприказчики удержат 3 % от всех завещательных отказов в размере 6,8 миллиона франков, то есть от суммы, указанной в дополнительных распоряжениях к завещанию, или от общей суммы в 200 миллионов франков личного имущества.

10. Если указанная удержанная сумма окажется недостаточной для покрытия перечисленных расходов, то они должны быть покрыты за счет трех душеприказчиков и казначея: каждый из них внесет суммы, пропорционально их завещательным отказам и дополнительным

распоряжениям к завещанию.

11. Если удержанная сумма превысит понесенные расходы, то остаток должно поделить между тремя душеприказчиками и казначеем, пропорционально их завещательным отказам.

12. Я назначаю моим казначеем графа де Лас-Каза, а если это окажется невозможным, то его сына, а если и это окажется невозможным, то генерала Друо.

Эти дополнительные распоряжения к завещанию написаны собственноручно, подписаны мною и опечатаны моей печатью.

Наполеон.

Первое письмо: г-ну Лаффитту

Г-н Лаффитт, во время моего отъезда из Парижа в 1815 году я вручил вам сумму, равную почти 6 миллионам, за которые вы отдали мне две одинаковые расписки. Одну из них я аннулировал, а другую попросил графа де Монтолона представить вам с тем, чтобы после моей смерти вы могли передать ему указанную сумму с процентной ставкой в размере 5 % начиная с 1 июля 1815 года и с вычетом тех выплат, которые вы осуществили, в соответствии с полученными от меня инструкциями.

Я хочу, чтобы урегулирование вашего счета было совершено в полном согласии между вами, графом де Монтолоном, графом Бертраном и г-ном Маршаном. Как только это будет сделано, я настоящим уполномочиваю вас выдать без остатка указанную сумму. Я также вручил вам шкатулку с моими медалями, которую теперь прошу передать графу де Монтолону.

Так как это письмо не имеет иных целей, кроме упомянутых, то я молю Бога, г-н Лаффитт, чтобы он хранил вас.

Лонгвуд, остров Святой Елены, 25 апреля 1821 года

Наполеон.

Второе письмо: барону де Ла Бульери

Барон де Ла Бульери, казначей моего личного имущества, я прошу, чтобы вы передали счета и соответствующие суммы после моей смерти графу де Монтолону, которого я назначил душеприказчиком моего

завещания.

Так как это письмо не имеет иных целей, кроме упомянутого, то я молю Бога, барон де Ла Бульери, чтобы он хранил вас.

Лонгвуд, остров Святой Елены, 25 апреля 1821 года

Наполеон.

Помимо всех этих указаний, одно распоряжение, касавшееся генерала Гурго, инструктировало принца Евгения собрать необходимую сумму, чтобы выплатить этому генералу 10 000 франков пенсии, которую император оставил матери генерала, когда тот покинул Париж. Это указание было сделано императором в знак благодарности генералу Гурго за его преданность и за все те услуги, которые генерал оказывал императору те десять лет, когда он был первым адъютантом императора на полях сражения в Германии, России, Испании и Франции, а также на острове Святой Елены.

Граф де Монтолон сообщил нам, что император оставил незаконченными дополнительные распоряжения к завещанию: они были датированы 27-м апреля 1821 года и начинались следующим образом:

С больной плотью, но в здравом уме я собственноручно написал восьмые дополнительные распоряжения к моему завещанию:

1. Я назначаю моими душеприказчиками Монтолона, Бертрана и Маршана, а также моим казначеем Лас-Каза или его сына.

2. Я прошу мою любимую Марию Луизу взять к себе на службу моего доктора Антоммарки, которому я завещаю пожизненную пенсию в размере 6000 франков и которую она должна выплачивать ему…

На этом император прекратил писать. Последующие распоряжения должны были касаться графини Бертран и графини де Монтолон.

Глава двадцать восьмая

Моя признательность императору — Приезд в Англию — Расчеты и протоколы — Возвращение во Францию — Визиты и соблюдение официальных обязанностей — Моя свадьба

Прочитав все эти документы, мы расстались, переполненные

самыми различными чувствами. Меня переполняли чувства признательности и восхищения. С собой мы везли бессмертные творения, продиктованные императором, который воздвиг памятник своей литературной славе. Но мы только что осознали, что этот памятник не менее велик, чем его сердце.

Мы знали величайшего лидера и величайшего человека столетия, теперь мы увидели императора как самого лучшего сына, отца, супруга, друга, никогда не забывающего об оказанных ему услугах. Какими трогательными были эти знаки памяти! Самым подробным образом он перечисляет в своих завещательных отказах и барона Дютейля, и генерала Дюгоммьера, и Гаспарэна, и Мюирона, и тех, кто обладал небольшим рангом: д'Юбера, де Лавиня, де Дервье, трех слуг в Египте! Именно в то время, когда император сам страдал от острой боли и тошноты, которые вынуждали его прерываться, когда он писал с такой ясностью, точностью, последовательностью и с таким расчетом. Большинство дополнительных распоряжений к завещанию, так же как и само завещание, были написаны его собственной рукой; хотя он почти всегда диктовал и не привык писать сам.

Из всех распоряжений императора мне были известны только те, которые он мне диктовал, включая его указания и описи его личных вещей. Все условия завещания, о которых мы только что узнали, были составлены в обществе графа де Монтолона и мне не были известны. Император действительно говорил мне, чтобы я выбрал себе в супруги дочь офицера или солдата его старой гвардии[367], но я не знал, до какой степени простирается его щедрость по отношению ко мне. Превыше всего я ставил заявление императора, высказанное им в завещании: «Услуги, которые он оказывал мне, были услугами друга». Эти слова были для меня дороже всего остального. Я чувствовал себя так, словно он возвысил меня до своего величия, и я пообещал себе, что никогда в жизни не совершу того, что может опустить меня с того высокого положения, на которое доброта императора поставила меня и перед обществом, и перед потомством.

Мы продолжали наш путь, сопровождаемые сильным ветром, и наше плавание было продолжительным, но благополучным. До пересечения тропиков океан был спокойным, но через несколько дней в Бискайском заливе мы столкнулись с сильным штормом, продолжавшимся двадцать четыре часа, после которого мы вскоре увидели очертания берегов Англии. Первой землей, которую мы увидели издалека, был остров Уайт. Затем мы приплыли в Портсмут и в Спитхедскую гавань, где бросили якорь 31 августа, после 63 дней трудного плавания.

Мы также увидели берег Франции. При виде этого берега я не почувствовал, что мое сердце стало биться сильнее: мысль о том, что мы вернулись на родину одни, без императора, чье тело осталось в руках его врагов, свела на нет то чувство счастья, которое я мог бы ощутить. Офицер, имевший при себе донесения губернатора острова Святой Елены, сошел на берег и сразу же отправился в Лондон. Что же касается нас, то мы должны были оставаться на борту нашего корабля; наше прибытие совпало с морской прогулкой короля Англии, который вступал на борт яхты столь великолепной, что, казалось, она вся сияет золотом. Со всех сторон форты и корабли приветствовали короля артиллерийскими салютами; наш скромный корабль «Кэмел» также принял в этом участие. Королевская яхта подплыла к нам, и затем вся эскадра прошла мимо нас в непосредственной близости. Мы увидели, как с яхты в шлюпку спустились три человека, которые взошли на борт нашего корабля, чтобы от имени короля разузнать о состоянии здоровья графини Бертран. Они минут тридцать беседовали с графом Бертраном и графом де Монтолоном, а затем удалились, несомненно удовлетворенные теми подробностями, которые они узнали о кончине императора, чтобы доложить о них своему монарху.

На третий день после нашего прибытия мы спустились на берег в Портсмуте; местные жители с любопытством смотрели на людей, до конца преданных человеку, познавшему немыслимые невзгоды. Множество людей, собравшихся у причала, где мы высаживались, проявляли к нам явный интерес; мы были тронуты чувствами населения Портсмута, которые осуждали преступление, совершенное их правительством против императора Наполеона. Графиня Бертран, окруженная ее четырьмя очаровательными детьми, была главным объектом благожелательного внимания. На следующий день граф де Монтолон и гофмаршал со своей семьей отправились в Лондон. Меня оставили в Портсмуте, чтобы я возглавил выгрузку с корабля всего того, что мы привезли обратно с острова Святой Елены, и затем направил все это в Лондон, где нам предстояло ждать инструкций от французского правительства.

Все дорожные сундуки были опечатаны. Куда бы я ни направился, при малейшем напоминании о том, что я прибыл с острова Святой Елены, люди без промедления выполняли мои просьбы и с необычайным интересом расспрашивали о всякого рода подробностях неволи императора. Такой же огромный интерес ко всему, что касалось императора, был очевиден и в Лондоне, куда я приехал 8 августа. Гофмаршал и граф де Монтолон разместились на Лестер-сквер, и я пошел повидаться с

ними на следующий день после приезда в Лондон. Они сообщили мне, что посетили посольство Франции, чтобы выяснить возможность получения наших паспортов. Им сказали, что наши паспорта будут выданы 16 августа. Затем я попросил этих господ, чтобы они проверили мою бухгалтерскую отчетность, после чего мы составили следующий протокол:

«В этот день, 18 августа 1821 года, мы, нижеподписавшиеся, душеприказчики императора Наполеона, проверили и приняли настоящий протокол о расходах, понесенных за счет имущества императора в период с 5 мая этого года по сегодняшний день. Эти расходы в соответствии с прилагаемыми подтверждающими документами составили сумму в размере 40 184 франков, а именно:

1. Расходы на похороны императора — 3932

20 золотых наполеонов, положенных в гроб — 432

Серебряные монеты с профилем императора — 3

Вельветовая ткань для гроба — 113

70 отрезов черной ткани для драпировки похоронной часовни — 3024

Оплата трудов рабочих — 144

Одежда для кучеров, управлявших катафалком — 216

Итого: — 3932

2. Две выплаты задолженности по счетам, покрывавшим расходы на похороны Киприани, дворецкого — 1392

3. Выплата жалованья британским слугам — 600

Выплата жалованья конюхам — 500

Выплата жалованья китайским рабочим — 563

Итого: — 1663

4. Дорожные расходы д-ра Антоммарки по его возвращению во Флоренцию — 3000

5. Возмещение расходов по задолженности генералу Гурго по счетам Его Величества — 2400

6. Оплата провизии, поставленной на борт корабля на период плавания с острова Святой Елены в Англию, транспортировка багажа при его доставке в Лондон — 2206

Расходы Лонгвуда с 5 мая по 16 мая по счетам — 25 590

Расходы Лонгвуда с 16 мая и по переезду в Англию до 18 августа — 14 594

Общие расходы колонии с 5 мая по 18 августа — 40 184

Вышеуказанная сумма была оплачена из следующих фондов:

1. Наличность, имевшаяся к 5 мая, по описи — 26 503

2. Наличные деньги, выданные графом Бертраном — 2400

3. Наличные деньги, выданные графом де Монтолоном — 4231

4. Наличные деньги, выданные Маршаном — 7030

Итого: — 13 681

Всего — 40 184

Мы, нижеподписавшиеся, проверили точность вышеупомянутых расходов, понесенных за счет имущества императора с 5 мая, даты кончины Его Величества, по настоящий день, 18 августа 1821 года. Эти расходы составляют всего 40 184 франка по обменному курсу острова Святой Елены.

Бертран, Монтолон, Маршан.

До этого времени протоколы удостоверяли расходы или выплату денежных средств в соответствии с указаниями императора. В этот же день граф де Монтолон составил следующий протокол, в котором суммировались и предыдущие расходы[368]:

Протокол уплаты расходов поместья императора Наполеона с 5 мая по 18 августа 1821 года.

В этот день, 18 августа 1821 года, в Лондоне мы, нижеподписавшиеся, душеприказчики императора Наполеона, составили и приняли настоящий список расходов, понесенных поместьем императора с 5 мая по настоящий день. Сводный список оплаты расходов в соответствии с приложенными подтверждающими документами составляет общую сумму, равную 341 478

франкам, а именно:

17 мая 1821 года:
Оплата услуг д-ра Арнотта — 13 960
Монеты с профилем императора, положенные в гроб — 433
Вельветовая ткань для гроба — 133
70 отрезов черной ткани для драпировки похоронной часовни — 3168
Траурная одежда для британских слуг — 216
Освещение похоронной часовни — 602
Памятные записки дворецкого — расходы с 1 по 5 мая — 1027
Задолженности — расходы из личного фонда императора — 3010
Предварительный итог: — 22 531

Суммы, удержанные из жалованья слуг, в соответствии с указанием императора:
Маршан — 25 232
Сен-Дени — 7800
Пьеррон — 9053
Курсо — 150
Шанделье — 50
Предварительный итог: — 45 785

Регулярные жалованья за апрель — 7705
Регулярные жалованья за май — 7705
Оплата работы британских слуг — 1663
Счет д-ра Антоммарки — 1663
Задолженность, связанная с похоронами Киприани, дворецкого — 1392
Возмещение расходов генерала Гурго — 2400

Выплата средств, проведенная в соответствии с дополнительными распоряжением № 2 к завещанию от 16 апреля 1821 года
Граф Бертран — 48 000
Граф де Монтолон — 48 000
Г-н Маршан — 48 000
Сен-Дени — 14 550
Новерраз — 14 550
Пьеррон — 14 550
Виньяли — 14 550

Аршамбо — 9700
Курсо — 9700
Шанделье — 4850
Предварительный итог — 82 450
Британским солдатам, переносившим гроб — 2000
Запасы провизии, поставленной на борт «Кэмела» для плавания — 2286
Итого: — 341 478
Вышеупомянутая сумма расходов была покрыта средствами из следующих фондов:
Из императорского ящика с наличными деньгами:
Наличность, находившаяся у г-на Маршана — 26 503
Наличность, находившаяся у графа де Монтолона — 301 330
Всего 327 833

Наличные деньги, предоставленные душеприказчиками:
графом Бертраном — 2400
графом де Монтолоном — 4195
Маршалом — 7050
Итого: — 13 644
Всего выплачено: — 341 478
Мы, нижеподписавшиеся, проверили точность вышеупомянутых расходов и средств, которые оказались сбалансированными, и подписали этот протокол 18 августа 1821 года в доме графа Бертрана на Лестер-сквер, в Лондоне.

Подписано: граф Бертран, граф де Монтолон, Маршан».

Во время тех десяти дней, которые я провел в Лондоне, я посетил наиболее интересные и знаменательные места. Моя национальная гордость была ущемлена тем, что я увидел в городских магазинах роскошь, которую дома видел только в Пале-Рояль; но прогресс, достигнутый во Франции за шесть лет моего отсутствия, — как я заметил, когда приехал в Францию, — не отставал по своему уровню от уровня наших соседей: витрины наших магазинов также утопали в роскоши. Мне нечего было делать в Лондоне, где граф Бертран и граф де Монтолон были задержаны вследствие их политического положения. Утром 19 августа, в день моего отъезда из Лондона, я пошел повидаться с ними, чтобы узнать о тех возможных для меня заданиях, которые они, а также графиня Бертран могли поручить мне. Они направили со мной некоторые устные сообщения для небольшого

числа их близких друзей, а также письма для г-на Лаффитта и для графа де Тюренна.

После этого я выехал из Лондона в Дувр и на следующий день был в Кале. Мои дорожные сундуки и упаковки были доставлены в таможню для досмотра. У меня были опасения в отношении подобного досмотра, но не потому, что я нарушал какие-либо законы, а из-за боязни, что личные вещи императора, которые были для меня священными реликвиями, не станут предметами того уважения, которое я испытывал к ним. Было известно, что я прибываю с острова Святой Елены, и несколько сотрудников таможни с нетерпением ожидали прихода их начальника, который должен был руководить досмотром моего багажа. Наконец, он пришел и сказал мне, чтобы я вскрыл дорожный сундук, на который он указал; это был как раз сундук с одеждой императора. Вокруг нас сгрудилась большая толпа людей, и все они смогли увидеть в раскрытом дорожном сундуке шляпу императора с трехцветной кокардой, лежащей на форменном мундире конного стрелка императорской гвардии со знаком отличия ордена Почетного Легиона. Два сотрудника таможни приготовились было приступить к досмотру вещей в дорожном сундуке, когда их начальник заявил: «Не трогайте ни одной вещи, закройте сундук, — и затем, обращаясь ко мне, сказал. — Это те самые вещи, которые не следует беспокоить. Сир, в ваших упаковках есть что-либо, подлежащее таможенному налогу? И в упаковках этих господ?» — добавил он, адресуясь к Сен-Дени, Пьеррону и Новерразу. Мы ответили, что ничего такого у нас нет, и на этом весь досмотр нашего багажа был завершен. Я избежал неудобств, связанных с распаковкой моего багажа, и был весьма тронут тем чувством большого уважения, которое у присутствовавших людей вызвал вид личных вещей императора. В тот же вечер я отправился в дальнейший путь и вечером 22 августа был в Париже.

На следующий день после моего приезда в Париж я выполнил порученные мне задания. Я отправился к г-ну Лаффитту, чтобы сообщить ему о предстоящем приезде графа де Монтолона и графа Бертрана и передать письмо императора, написанное лично ему. Г-н Лаффитт задал мне много дотошных вопросов относительно условий неволи императора и его кончины, на которые, к его удовлетворению, я обстоятельно ответил. Он предложил мне гостеприимство в своем доме, пригласил на его вечерние приемы и попросил отобедать с ним на следующий день. Я поблагодарил его за проявленную доброту и оказанный мне сердечный прием, сказав, что мои отец и мать находятся в своем сельском доме около Осера и я собираюсь присоединиться

к ним.

Сразу же после этого визита я направился к графу де Тюренну, которому сообщил о распоряжениях императора относительно тех вещей, которые он оставил у него в 1815 году. Граф был глубоко тронут всем тем, что я рассказал ему об условиях неволи императора и о его кончине, преисполненной смирения. Когда я покидал его, он сказал: «Ходят слухи, что император пожаловал вам титул графа. Из достоверных источников я знаю, что король (это был Людовик XVIII) готов наградить вас этим титулом, если вы попросите его об этом».

«Граф, — ответил я ему, — я не думаю, что могу просить для себя титул, пожалованный мне императором, у монарха, который на острове Святой Елены держал своего уполномоченного представителя для того, чтобы обеспечить содержание под арестом Его Величества. Мне была оказана честь в достаточной мере тем, что император написал в своем завещании, что мои услуги были услугами его друга». Я покинул графа де Тюренна, чтобы встретиться с генералом Гурго. 25 августа я был на пути в Бургундию, и 26 августа меня встретили объятия моих родителей. Много слез было пролито со времени нашей разлуки, начавшейся в Рамбуйе в 1815 году; тогда они лились от чрезмерной скорби, но обильные слезы, покрывавшие лица моих родителей после семи лет разлуки, были слезами радости от того, что я вновь оказался в их объятиях.

Почти месяц я наслаждался радостями семейной жизни — всегда думая о нашем дорогом императоре, частом предмете наших бесед, — когда получил письмо от графа де Монтолона, сообщавшего мне о своем приезде в Париж и приглашавшего меня встретиться с ним там, так как вопросы, связанные с имуществом императора, требовали моего присутствия. Граф информировал меня о том, что д-р Бертон претендует на право владеть гипсовой маской императора, отлитой на острове Святой Елены; эта проблема была передана на решение суда. Граф Бертран и граф де Монтолон вмешались в это дело и заявили, что эта гипсовая маска не принадлежала д-ру Антоммарки, а предназначалась мадам Мер, и маска не должна быть объектом спекуляции. Этим заявлением требование д-ра Бертона было признано недейственным. Было отдано распоряжение отправить маску из Англии, чтобы она была доставлена по назначению. Я также узнал, что в соответствии с нашими инструкциями британскому правительству направлена просьба разрешить вернуть прах императора во Францию и захоронить его на берегах реки Сены, среди французского народа, который он так любил. В случае отказа мы готовы обратиться с просьбой предоставить

место для могилы императора в Аяччо, около могил его предков; в результате последовала следующая переписка:

Лорду Ливерпулю, президенту британского совета

Милорд, в качестве душеприказчиков последних пожеланий императора Наполеона, мы просим вас представить королю наш запрос, который мы имеем честь адресовать вам.

Мы остаемся и т. п.…

Подписано: граф де Монтолон, граф Бертран

Лондон, 21 сентября 1821 года.

Королю Англии

Сир, мы выполняем религиозный долг, завещанный нам последними пожеланиями императора Наполеона: мы просим его прах. Ваши министры, сир, знают о его желании обрести мир среди французского народа, который он так сильно любил. Условия его завещания были переданы губернатору острова Святой Елены, но этот офицер — пренебрегая нашей просьбой — распорядился похоронить его в земле его ссылки. Его мать, прислушиваясь только к своей скорби, просит вас, сир, вернуть ее сына, ради слабого утешения проливать свои слезы на его могиле. Если на троне он решал судьбы всего мира, а на скале по-прежнему наводил ужас на своих врагов, то теперь осталась лишь его слава.

Мы остаемся и т. п…

Подписано: граф де Монтолон, граф Бертран

Лондон, 21 сентября 1821 года.

Британский посол графу де Монтолону

Британский посол имеет честь информировать графа де Монтолона о том, что, получив от своего правительства указание передать сообщение ему и генералу Бертрану, мы будем ожидать его завтра, в пятницу, в 12.30, если у него будет желание навестить нас и если это время для него удобно.

Британский посол передает графу де Монтолону свои самые сердечные приветствия.

Париж, 2 декабря 1821 года.

Это сообщение явилось устным заявлением того, что британское правительство не считает себя хранителем останков императора и вернет их Франции, как только французское правительство выразит желание принять их. В результате этого

заявления немедленно были начаты формальные процедуры, которые оказались бесполезными. Только в 1822 году герцог Монморанси, тогдашний премьер-министр, разрешил представить на рассмотрение короля Людовика XVIII следующее письмо.

> *Сир, перед нашим возвращением на родину нам предписали просить разрешения короля Англии вернуть на берега Сены прах императора Наполеона, в настоящее время покоящегося в земле его ссылки.*
>
> *Выполнение этого пожелания зависит от Вашего Величества: британское правительство сообщило нам об этом. Просим вас, сир, разрешить, по крайней мере, чтобы одна и та же мраморная плита покрывала сына и его отца в земле, свято чтимой верой, в которой он родился и умер*[369].
>
> *Сир, мы хотим, чтобы Вы услышали наши голоса. Мы будем ожидать вашего королевского решения в полном молчании, но считаем, что никакое соображение не может освободить нас от обязательств, освященных религией могилы.*
>
> *Мы имеем честь передать королю благоговение нашего глубочайшего уважения.*
>
> *Подписано: граф де Монтолон, граф Бертран, Маршан.*
>
> *Париж, 4 мая 1822 года.*

Эта просьба оказалась безуспешной. Она нашла понимание у монарха, пришедшего к власти после революции 1830 года, который, ради удовлетворения общественного мнения, направил своего сына принца Жуанвилльского на остров Святой Елены, чтобы изъять останки императора и привезти их обратно с триумфом через моря под славную тень флага Аустерлица.

Я едва вернулся в Париж, как стал получать визиты от многих друзей императора, которые приходили ко мне, чтобы выразить свое расположение и пригласить навестить их: герцоги Виченцский (Коленкур), Бассано (Муре), Падуа (Арричи); графини Реноде Сен-Жан д'Анжели, де Камбасерес, де Рамбуто, де Монтескью, Тюренн. Все они проявили по отношению ко мне большое чувство дружбы, которое только укреплялось и за которое я всегда останусь им благодарным.

Император попросил меня из его волос сделать браслет для императрицы и цепочку для часов для его сына. Эта работа оказалась трудной, так как волосы были короткими. Я проделал эту работу дома, чтобы быть уверенным, что волосы не будут подменены. Я также заказал золотые медальоны, в которые

вложил волосы императора. Эти медальоны я направил всем членам императорской семьи: мадам Мер, его братьям, сестрам, шуринам, племянникам и племянницам, а также кардиналу Фешу. Все это было сделано в соответствии с высказанным мне пожеланием императора. В ответ я получил самые лестные письма.

Урегулирование всех дел, связанных с имуществом императора, продвигалось мучительно долго, несмотря на все усилия графа де Монтолона обойти препятствия, мешавшие довести эти дела до конца. Мне осталось выполнить последнее, священное для меня желание императора, а именно: жениться на вдове, сестре или дочери офицера или солдата императорской гвардии. Граф и графиня де Монтолон, всегда проявлявшие свою доброту по отношению ко мне, сказали, что нашли для меня очаровательное молодое создание, которое полностью соответствует пожеланию императора и которое «также будет выбором вашего собственного сердца. Выросшая в трудных условиях, она имела отношение к известной немецкой семье по материнской линии; благодаря своему отцу она соединит вас с одним из самых почетных имен в армии: а именно, с именем генерала Брайера; он возглавляет список генералов, упомянутых в завещании императора. Это устраивает вас?» — спросила меня графиня де Монтолон. «Мадам, — ответил я ей, — женщины находятся в лучшем положении, чем мужчины, когда надо судить о том, что может лучше устроить нас. Вы были столь любезны, что проявили интерес к моему браку, и вы почти уверены в том, что, обеспечивая счастье мадемуазель де Брайер, вы также обеспечите и мое счастье. У меня сейчас есть только одно опасение; а смогу ли я понравиться ей. Ее семья, вы говорите, знает меня и она знает мою семью; мне оказывается слишком большая честь этим брачным союзом, чтобы отказываться от него. Со всей сердечностью заверяю графиню де Брайер, что моя жизнь будет полностью посвящена тому, чтобы сделать ее дочь счастливой».

Это предложение мне было сделано 15 июля 1823 года. Через четыре месяца, 15 ноября, брачная церемония была проведена в церкви Нотр-Дам-де-Лоретт, в пригороде Монмартр. Церковь была заполнена людьми, в том числе и многими известными: они хотели быть свидетелями свадьбы, совершавшейся под покровительством императора и являвшейся результатом его желания. Среди присутствовавших на брачной церемонии генералов и высокопоставленных офицеров были: герцог Тревизский (Мортье) генералы Монтолон, Гурго, Орнано, Мерлен, Менье, Сен-Клер, все они были официальными свидетелями. Орган перестал играть, и грациозная и прелестная молодая

девушка, 17 лет, преклонила колени на молитвенную скамейку перед главным алтарем, с ног до головы облаченная в кружевную фату, богатый подарок от императрицы Марии Луизы. Она молча ждала прибытия почтенного приходского священника, которому предстояло благословить ее брачный союз. Когда появился священник, она встала во весь рост, чтобы выслушать речь священника, такую же простую, как и трогательную, о ее новых обязанностях, налагаемых брачным союзом. Эта молодая девушка, моя дорогая Мальвина, была Матильдой: она стала твоей матерью, а эта брачная церемония была моей. Я пылко обещал Богу у подножия его алтаря принести счастье этому ангелу доброты и добродетели, чья судьба была вверена мне.

Много раз я стремился удовлетворить твое желание больше узнать об императоре, отвечая на твои вопросы об этом великом человеке. Именно для того, чтобы ты и — позднее — твои дети поняли, что он значил для меня, я и оставляю тебе эти воспоминания. Именно так лучше всего представить тебе человека, который был вершителем судеб королей, великим и в период невзгод, и в то время, когда он, восседая на троне, командовал Европой; рассказывая о его смирении, когда он умирал на скале Святой Елены — удерживаемый там ненавистью королей, — мечтая о прекрасной Франции, от чьей судьбы он отрекся, отдавая свой последний вздох за нее, за своего сына, за свою армию.

Луи-Жозеф Маршан
18 октября 1842

Приложения

1

В силу некоторых причин ни Маршан, ни его редакторы не включили в данную рукопись отчет британского доктора об аутопсии. Мы включаем этот документ в настоящую работу.

Отчет сэра Томаса Рида

Остров Святой Елены,
6 мая 1821 года
Сэр!

Согласно вашей просьбе, этим утром я последовал в Лонгвуд, чтобы присутствовать при вскрытии тела генерала Бонапарта. По прибытии в Лонгвуд, во время беседы с графом Монтолоном я сослался на то, что в соответствии именно с вашим пожеланием я должен присутствовать во время этой процедуры и при этом меня должны сопровождать бригадир-майор Гаррисон и дежурный офицер. Никаких возражений против этого граф Монтолон не высказал, но, напротив, заявил, что он считает это крайне целесообразным и правильным, чтобы кто-то из офицеров, представлявших губернатора, присутствовал во время этой процедуры. Поэтому я вместе с бригадир-майором Гаррисоном и дежурным офицером проследовал в комнату, где лежало тело генерала Бонапарта. По случаю предстоящей процедуры там уже присутствовали граф Бертран, граф Монтолон, синьор Виньяли, Маршан, Пьеррон и Али (Сен-Дени), д-р Шорттт, д-р Митчелл, д-р Арнотт из 20-го полка, д-р Бертон из 66-го полка, г-н Генри, ассистент хирурга 66-го полка, г-н Ратлидж, ассистент хирурга 20-го полка, и (какое-то время) г-н Ливингстоун, хирург администрации Восточно-Индийской компании. Вскрытие тела генерала Бонапарта осуществлял профессор Антоммарки.

Во время первой части проводимой операции ничто, казалось, не привлекло особого внимания представителей медицины, за исключением необычайно большого количества жира, который покрывал почти всю

внутренность тела, под грудью и, особенно, около сердца, которое буквально было окутано жиром.

При вскрытии нижней части тела, в том месте, где находится печень, выяснилось, что желудок спаян с левой стороной печени, в результате чего желудок оказался сильно пораженным заболеванием. Представители медицины немедленно и единодушно пришли к заключению, что «болезненное состояние желудка является единственной причиной смерти генерала Бонапарта». Желудок был изъят из тела и показан мне. Две трети желудка были в ужасном состоянии, покрытые злокачественными веществами, и на небольшом расстоянии от привратника желудка находилось отверстие, достаточное для того, чтобы вставить в него мизинец.

Затем была обследована печень. В ту минуту, когда профессор Антоммарки извлек ее из тела, д-р Шорттт сразу же заявил, что «она увеличена». Все другие представители медицины разошлись с ним в этом мнении, особенно д-р Бертон, который оспаривал мнение д-ра Шорттта самым решительным образом. Д-р Генри равным образом разделял точку зрения д-ра Бертона. Д-р Арнотт заявил, что ничего необычного он не находит во внешнем виде печени, что она большая, но не больше по своим размерам печени любого другого человека возраста генерала Бонапарта. Д-р Митчелл заявил, что ничего необычного нет в размерах печени. Г-н Ратлидж сказал, что печень, конечно же, не увеличена. Вопреки всем этим мнениям, д-р Шорттт продолжал настаивать на том, что «печень увеличена». Разногласия представителей медицины подействовали на меня столь сильно, что я выступил вперед и сказал, что мне кажется весьма важным, чтобы все они пришли к окончательному и единодушному мнению относительно истинного состояния печени, и я рекомендовал им вновь очень внимательно обследовать ее. Д-р Шорттт более не высказывал своих замечаний, но все другие представители медицины повторили мне свою точку зрения. В эту минуту печень находилась в руках профессора Антоммарки. Убедившись в том, что я, по-видимому, желаю рассмотреть печень в непосредственной близости, он немедленно взял свой операционный нож и вскрыл печень, заметив мне при этом, «печень находится в хорошем состоянии, вполне здорова и в ней нет ничего необычного». В то же самое время он заметил, что это

большая печень. Это мнение, однако, не было высказано, судя по всему, в том контексте, который имел в виду д-р Шорттт, а именно, «что печень увеличена». Есть большая разница между «большой печенью» и «увеличенной печенью». Я сделал замечание по этому поводу д-ру Бертону и д-ру Арнотту, которые согласились со мной.

После этого я выразил пожелание д-ру Шорттту, чтобы тело зашили, и попросил сделать это до того, как я покину комнату. Д-р Шорттт предложил профессору Антоммарки приступить к этой операции. Профессор повернулся в сторону графа Монтолона и что-то сказал ему, чего я не расслышал. Однако граф подошел ко мне и отвел меня в сторону. Он сообщил мне, что генерал Бонапарт высказал особое пожелание, чтобы его сердце было сохранено и отправлено его супруге Марии Луизе. Я информировал графа Монтолона, что не получал каких-либо особых указаний на этот счет и, соответственно, полагаю, что было бы правильным сердце положить обратно в тело. Однако он придал своей просьбе чрезвычайно серьезное значение и, обращаясь ко мне, проявил такую настойчивость, что я согласился оставить сердце отдельно от тела до тех пор, пока эта проблема не будет доложена на ваше рассмотрение. В связи с этим сердце было помещено в небольшой серебряный сосуд и отдано на попечение ассистента хирурга 20-го полка Ратлиджа, которому я дал самые четкие указания о том, чтобы он не спускал глаз с сосуда с сердцем до получения ваших распоряжений о его дальнейшей судьбе.

Графы Бертран и Монтолон в отношении печени не сделали каких-либо замечаний. Мы описали состояние желудка, и затем и сам желудок был им показан. Они выразили полное удовлетворение выводом представителей медицины о том, «что пораженная заболеванием часть желудка — единственная причина кончины генерала Бонапарта».

Имею честь и т. п.

Т. Рид

Его превосходительству

Генерал-лейтенанту сэру Хадсону Лоу

* * *

Лонгвуд, остров Святой Елены,
6 мая 1821 года
Отчет о вскрытии тела Наполеона Бонапарта.

При беглом взгляде на вскрытое тело оно выглядело очень ожиревшим — это подтверждает первое же рассечение тела вниз от центра, где жир скапливался вверху толщиной в один дюйм над грудиной и толщиной в один дюйм с половиной над брюшной полостью. При взрезе хрящей грудной клетки была обнаружена незначительная спайка левой плевры с ребрами плевры. В левой каверне содержалось около трех унций красноватой жидкости и почти восемь унций — в правой.

В состоянии легких изменений не выявлено.

Околосердечная сумка была нормальной и содержала около одной унции жидкости.

Сердце было нормальных размеров, но обильно покрыто жиром. Предсердия и желудочки сердца ничего экстраординарного не представляли, за исключением того, что мышечные части казались более бледными, чем обычно.

При вскрытии брюшной полости сальник оказался чрезвычайно ожиревшим и при вскрытии желудка этот внутренний орган оказался местом обширного распространения заболевания; сильные спайки связывали всю поверхность желудка, особенно около конечности привратника желудка, со впадиной на поверхности левой доли печени. Между спайками, в одном дюйме от привратника желудка была обнаружена язва, проникшая через покров желудка и вполне позволявшая вставить внутрь ее мизинец.

Почти вся внутренняя поверхность желудка поражена очагами злокачественного заболевания или доброкачественными опухолями, переставшими в раковое заболевание; это особенно заметно около привратника желудка. Сердечные окончания в небольшом пространстве около границы пищевода были единственными, которые выглядели здоровыми; желудок почти полностью заполнен большим количеством жидкости, напоминавшей кофейную гущу.

Выпуклая поверхность левой доли печени спаяна с диафрагмой, а сама печень, возможно, немного больше обычной. За исключением спаек, образовавшихся в

результате болезни в желудке, в печени нет никаких болезненных признаков. Остаток брюшных внутренностей находился в здоровом состоянии. Было отмечено небольшое отклонение в формации левой почки.

Томас Шортт, доктор медицины, врач и главный медицинский офицер

Арч Арнотт, доктор медицины, хирург 20-го полка

Чарльз Митчелл, доктор медицины, хирург корабля Его Величества «Виго»

Фрэнсиз Бертон, доктор медицины, хирург 66-го полка.

* * *

Антоммарки, «Последние минуты Наполеона, 1825»:

Селезенка и печень уплотнены, увеличены и наполнены кровью. Строение ткани печени, которая была коричнево-красного цвета, однако, не подвергнуто каким-либо значительным изменениям. Желчный пузырь заполнен плотной и сгустившейся желчью. Печень, пораженная хроническим гепатитом, плотно спаяна своей выпуклой поверхностью с диафрагмой, спайки заняли весь этот орган и были твердыми, пористыми, запущенными…

Вогнутая поверхность левой доли печени плотно спаяна с соответствующей частью желудка; в каждом месте контакта доля печени ощутима, утолщена и уплотнена.

2

Эта удивительная книга стала «бомбой замедленного действия», разоблачив почти идеально совершенное преступление.

Все историки придерживаются единого мнения о том, что Маршан был благородным и честным человеком.

Научные опыты, проведенные Харуэллской научно-исследовательской лабораторией в области ядерной энергии в Англии и ФБР в Америке доказали, не оставив сомнений, что те симптомы, о которых сообщает Маршан, это действительно

симптомы отравления мышьяком.

В письме от ФБР, подписанном Роджером М. Мартцем, начальником подразделения ФБР, занимающегося вопросами химии и токсикологии, который проводил опыты с волосами Наполеона при помощи ядерной энергии, сообщается: «Количество мышьяка, присутствовавшее в представленных волосах, совместимо с отравлением мышьяком».

Хорошо известно, что раковое заболевание является изнурительной болезнью, и если вы обратите внимание на медицинский отчет, сделанный сэром Томасом Ридом, то он в нем подтверждает, что Наполеон умер ожиревшим. Более того, маркиз Анри де Монтеню, назначенный Людовиком XVIII представлять Францию на острове Святой Елены на время ссылки туда Наполеона, также подтверждает это обстоятельство. На следующий день после кончины Наполеона Монтеню сообщил о том, что «из пяти докторов, присутствовавших при аутопсии, ни один не знает причину смерти».

Игнорировать то, что написал Маршан, — значит игнорировать историю.

Бен Вайдер, председатель Международного Наполеоновского общества

notes

Примечания

1

См. изданную в «Захарове» книгу «Наполеон. Годы величия».

2

Прим. переводчика: карнуты — жители поселений древних галлов времен Цезаря в районе нынешнего г. Шартра.

3

Жозефина де Форже, дочь графа де Лавалетта (1769–1830), директора почтовой службы и государственного советника в период Империи, который был отправлен в тюрьму за преданность Наполеону. Его знаменитому побегу из тюрьмы способствовала его супруга, «героиня брачной любви», как ее называли. В девичестве она была Эмилией де Богарне, племянницей первого супруга императрицы Жозефины. Именно Бонапарт решил, что она должна выйти замуж за Лавалетта, его адъютанта в 1799 году.

4

Ам — место, где Наполеон был помещен в тюрьму после Булонского дела.

5

Родители графини Маршан.

6

Граф Пьер де Монтескью (1764–1834) был избран депутатом имперского законодательного собрания и сменил Фонтана на посту председателя этого государственного органа. В 1810 году он сменил Талейрана в качестве обер-камергера императорского двора. В том же году его супруга была назначена гувернанткой Детей Франции. «Мама Кью», как ее называл Римский король, сопровождала сына Наполеона в Вену в 1814 году.

7

Римский король родился в Париже 20 марта 1811 года.

8

После вступления Луи на престол короля Голландии отношения его с Наполеоном становились все более и более напряженными. Переписка императора с братом изобилует критикой в адрес короля Голландии в связи с его политикой и отношением к Франции. Голландский монарх оказался на распутье между королевскими моральными обязательствами и положением французского принца. Растущая напряженность в отношениях между двумя братьями привела к изданию декрета, подписанного 9 июля 1810 года в Рамбуйе, первая статья которого гласила: «Голландия включается в состав империи». За несколько дней до подписания декрета Луи, для того чтобы избежать подобного решения проблемы, пытался отречься от престола в пользу сына «в интересах своего народа, о страданиях которого он хорошо знал». Но Наполеон воспротивился этому. В результате всего этого в Голландии, Германии и даже во многих других странах в качестве проявления оппозиции к императору его брат приобрел образ несчастного монарха, преисполненного лояльностью, справедливостью и добротой. Он стал «добрым королем Луи».

Во всяком случае, можно понять Наполеона, считавшего необходимым осуществить, после присоединения королевства Голландии к Франции, поездку в Голландию, которая продолжалась с 19 сентября вплоть до 11 ноября 1811 года. Для молодого Маршана, которому в то время было всего лишь 20 лет, это была первая поездка в составе сопровождавшего императора обслуживающего персонала. Годом ранее аналогичные заботы уже заставляли Наполеона посетить те же самые регионы. С апреля по июнь 1810 года он объехал всю северную Францию, провинцию Брабант и даже продлил свое путешествие вплоть до Зеландских островов. В поездке его сопровождала Мария Луиза, с которой он только что обвенчался (1 апреля).

9

Замок Лаекен, находящийся в предместье Брюсселя, является современной летней резиденцией бельгийской королевской семьи. Построенный в 1784 г., он был куплен Первым консулом, который заплатил за замок 518 853 франка. Бонапарт немедленно осуществил капитальный ремонт замка, расширил земельный участок, заложил сады и на следующий год закупил мебель, фарфор и книги на общую сумму в миллион франков. В период Империи замок Лаекен стал императорской резиденцией, которой управлял генерал Суше. В 1810 и в 1811 годах императрица Мария Луиза дважды на короткое время останавливалась в замке.

На следующий год Наполеон специальным декретом именно замок Лаекен предложил бывшей императрице Жозефине в обмен на Елисейский дворец, который император отдал ей во время бракоразводного процесса (16 октября 1809 года). Жозефина согласилась, но никогда не приезжала в замок Лаекен, даже для того, чтобы вступить во владение им.

Замок был разрушен пожаром в 1890 году, и в огне погибла большая часть художественных сокровищ, мебели, гобеленов, а также библиотеки, основанной Наполеоном. Замок после пожара был восстановлен.

10

Император покинул Компьень один в три часа ночи 19 сентября. В свою очередь Мария Луиза выехала из Компьеня в Брюссель рано утром 22 сентября и прибыла туда ночью 23 сентября. Во время посещения театра в Брюсселе она завоевала сердца зрителей. Когда лепестки тюльпанов из ее букета посыпались на пол театра, зрители буквально сражались за обладание каждым лепестком. Марии Луизе нравилось посещать магазины. К тому же она тем самым выполняла рекомендации императора. В течение всей недельной разлуки император ежедневно писал Марии Луизе письма. 25 сентября, когда он находился на борту корабля «Шарлемань», он сообщил императрице, что направляет указание Эстеву, императорскому казначею, о том, чтобы ей были высланы для личных расходов 30 000 франков. Император добавил в письме: «Вы можете заказать или закупить кружева в Брюсселе на сумму в 100 000 франков». Мария Луиза выполнила пожелание императора. В действительности она закупила кружева на сумму в 144 035 франков. Эти кружева она распределила большими долями между дамами собственной свиты. Госпожа де Монтебелло получила платье из кружев стоимостью в 5000 франков, а также другие кружевные изделия, стоившие почти 4000 франков.

11

В течение всех этих недель рабочее расписание императора, хотя и весьма насыщенное, не выходило за рамки намеченных мероприятий: он инспектировал фортификационные сооружения, морские верфи, оборонительные сооружения вдоль побережья, устраивал смотры войскам, принимал официальных лиц и т. п. Посетив Монтре-сюр-Мер, он для ночного отдыха выбрал Булонь. 23 сентября он прибыл в Остенде, проехав через Кале, Дюнкерк и Фюрн.

В этот день он, сопровождаемый Коленкуром и генералом Мутоном, отправился на небольшом судне по бывшей части Северного моря, впоследствии осушенной, вдоль береговой линии провинции Фландрия. На ночлег он остановился в Брескенсе, маленьком порту в дельте Западной Шельды. Затем он посетил форты на острове Кадзанд (сейчас этот остров стал частью континента), остановился в Хюлсте и в час дня устроил смотр кораблям флота, стоявшим на якоре на рейде Флиссингена. Наполеон взошел на борт корабля «Шарлемань» и вынужден был из-за разбушевавшегося моря оставаться на его борту до 27 сентября, когда, наконец, он высадился на берег во Флиссингене. 28 сентября он посетил остров Валхерен, захваченный, а затем оставленный англичанами в 1809 году. Он остановился в Мидделбурге, нынешней столице провинции Зеландия, посетив местную ратушу. Он также посетил Веере, бывший в 1811 году важным портом. 29 сентября Наполеон покинул Флиссинген. На борту яхты он поплыл вверх вдоль дельты Западной Шельды с остановками в Тернезене и затем в Бате. Рано утром 30 сентября он высадился в Антверпене и провел там утро, давая аудиенции и осуществляя инспекционные мероприятия. В четыре часа дня из Брюсселя прибыла Мария Луиза.

12

Они находились в Антверпене с 30 сентября по 4 октября. Монархи остановились в резиденции мэра города г-на Корнелиссена. В течение трех дней супружеская пара не расставалась; они посетили верфи, где осматривали строившиеся корабли, и совершили прогулку на судне по реке Шельда. Они присутствовали на благодарственном молебне в церкви Нотр-Дам.

13

4 октября — новая разлука: утром император отправился в инспекционную поездку на морское побережье. По очереди он посетил Росендал и Виллемстад, где тщательно осмотрел фортификационные сооружения, сопровождаемый Бертье, Коленкуром и Декре, морским министром. На яхте он отправился на остров Горее, ночь провел на яхте, а затем вверх по реке Масс на борту яхты доплыл до Дордрехта. В Горкюм он прибыл 5 октября.

Тем временем Мария Луиза выехала из Антверпена, ночь провела в Бреде и присоединилась к Наполеону в Горкюме к обеду. Теперь этот город называется Горенхемом, каналами он связан с рекой Лек и с Амстердамом. Во времена Наполеона это был важный город-крепость, считавшийся «ключом к Голландии».

14

Шарль Франсуа Лебрен (1739–1824), член совета старейшин, после 18 Брюмера стал Третьим консулом, ответственным за организацию финансового положения в стране. Во время Империи он стал архиказначеем, герцогом Плезанса. После отречения Луи от престола в 1810 году Лебрен был направлен в Голландию с титулом «наместника Наполеона». Благодаря активной и напряженной работе он сумел за 15 месяцев привести в порядок все отрасли общественной службы. Наполеон держал его в Нидерландах в качестве генерального губернатора. Он занимал это положение, когда император приехал в Голландию в октябре 1811 года. Миссия Лебрена оказалась весьма успешной. Он проявил большой интерес к народу Голландии, который с благодарностью относился к Лебрену, называя его добрым губернатором.

15

Судя по всему, Маршан был в плену собственного заблуждения относительно этого города. Воркюм находится намного севернее Амстердама и не был на маршруте, по которому следовал Наполеон, направляясь из Горкюма в Амстердам.

Нам известен его точный маршрут. Прибыв в Горкюм 5 октября, Наполеон и Мария Луиза покинули город в воскресенье, 6 октября, после мессы в церкви. Но еще до 6 часов утра император успел проинспектировать два подразделения из армейского корпуса Под командованием Удино. Но только в Утрехте, о котором Маршан не упоминает, императору предстояло встретиться с Удино и проинспектировать его армейский корпус. Их Императорские Величества проследовали в карете через Леердам в Вреесви, откуда они на яхте прибыли 6 октября в 3 часа дня в Утрехт. Остальную часть дня они провели, посетив сначала лагерь в Зейсте, а затем в Амерсфорте. Вернувшись в Утрехт, они оставались там до 9 октября.

В Голландии Утрехт является важным городом благодаря своему стратегическому и географическому положению, в нем разместилась штаб-квартира маршала Удино.

Николас Шарль Удино (1767–1847), герцог Реджио, маршал Франции с 1809 года, которого Наполеон называл «Отчаянной Головой Армии», начиная с 1810 года командовал армией Севера, затем армией Брабанта и, наконец, корпусом наблюдения в Голландии. Он оставался во главе Утрехтского лагеря с июля по октябрь 1811 года. Преуспев в улаживании конфликтных ситуаций, возникавших из-за строгих приказов, которые он получал из-за повышенного внимания к поведению голландцев, он заслужил благодарность последних, преподнесших ему почетную шпагу.

8 и 9 октября Наполеон провел в армейском корпусе Удино. Вместе с императрицей он присутствовал на важных маневрах с участием всей пехоты, артиллерии и четырех кирасирских полков, входивших в состав Утрехтского лагеря. После этих маневров оба монарха посетили в Зейсте место компактного проживания членов религиозной секты «Моравские братья», эмигрировавших из Чехии.

16

Наполеон и Мария Луиза выехали из Утрехта 9 октября, прибыв в Амстердам в 3 часа дня. Кортеж, о котором упоминает Маршан, проследовал по Калверстраат, главной торговой улице города. Монархи остановились в королевском дворце, который служил городской ратушей до 1808 года, когда Луи Бонапарт сделал ее своей королевской резиденцией.

17

Голландский остров Тексел, самый южный остров Западно-Фризских островов, находится в двух милях к северу от континентального города Хелдера.

18

Деревня Броек находится в шести милях от Амстердама. Улицы деревни выложены поставленными на ребро цветными кирпичами, составляющими самые разнообразные узоры. Вид этих узоров и дал Маршану основание сказать, что улицы деревни покрыты мозаикой.

19

Саардам (Зандам) — небольшой город в северо-западном предместье Амстердама, известный как один из центров кораблестроения Голландии.

Петр Великий действительно жил там в 1696 году под именем плотника Михайлова, изучая кораблестроение. Его хижину можно увидеть и в наши дни.

20

Наполеон без императрицы выехал в крепость Цволле, в провинции Овер-Иссел, чтобы проинспектировать войска в Гронингенском лагере.

21

Летняя резиденция голландской королевской семьи в провинции Гелдерланд, в 15 милях от Арнема.

22

Наполеон и Мария Луиза покинули Кельн 8 ноября. Остановившись в Льеже, они направились в Живе через Намюр. 9 ноября их задержало наводнение реки Маас. Судя по всему, Маршан определяет как место той задержки город Динан, но она произошла в Живе. Детали, описанные Маршаном, представляются столь точными, что они цитируются в Живе по местной традиции до настоящего времени.

Из Живе, через Мезьер и Реймс, император и императрица вернулись в Компьень 11 ноября. В тот же день они выехали в Сен-Клу.

23

Герцогство Ольденбургское занимало территорию северной равнинной части Германии, протянувшуюся от дельты реки Везер к западу от Бремена вдоль побережья Северного моря. В состав герцогства входил остров Вангервог.

В 1777 году Екатериной II, императрицей России, первоначальное графство Ольденбургское было сделано герцогством. Во время войны с Россией в 1806–1807 гг. французы оккупировали герцогство, но после Тильзитского договора они покинули его.

Политика континентальной блокады вынудила Наполеона усилить власть и ввести войска в те страны, которые, по всей вероятности, наиболее благосклонно относились к осуществлению британской контрабанды, особенно в Голландию и в страны, находившиеся на территории северного побережья Германии. В результате различных указов сената Наполеон присоединил к Франции ряд зарубежных территорий. В июле 1810 года это была Голландия, в декабре 1810 года — побережье Германии, включая герцогство Ольденбургское. Наполеон предложил герцогу Гольштейн-Этона, опекуну царствовавшего великого герцога Ольденбургского и дяде царя, обмен его территории на территорию Эрфурта, но тот отказался от обмена. Позднее, в соответствии с январским декретом 1811 года, Наполеон отдал приказ о захвате Ольденбурга.

Маршал Даву, князь Экмюльский, в январе 1810 года был назначен главнокомандующим армией в Германии, в декабре 1810 года — командующим войсками на Ганзейских островах и в апреле 1811 года — главнокомандующим наблюдательного корпуса на Эльбе. Тем самым ему было поручено оккупировать герцогство. Вопреки тому, что имеет в виду Маршан, маршал Даву не превышал императорских инструкций. Его можно было только осудить за отсутствие в его действиях политического умения. Во всяком случае, решение об оккупации герцогства Ольденбургского было воспринято Россией очень болезненно. Во-первых, Наполеон становился доминирующим фактором на Балтике, над которой Петр Великий хотел обеспечить для России полный контроль. Во-вторых, лишенный своего герцогства герцог Ольденбургский, женатый на Екатерине Павловне Романовой, был шурином русского царя. Таким образом, император, отправляя назад своему союзнику Александру его сестру, лишал ее будущей короны. Царь прилагал немалые усилия, чтобы попытаться провести переговоры, но Наполеон затягивал их,

предлагая всего лишь какие-то неясные компенсации. Тогда Александр направил царствующим дворам независимых стран Европы копию своего официального протеста. Наполеон сделал вид, что рассматривает эту акцию русского императора как новую провокацию. Именно об этом русском протесте и упоминает Маршан, ссылаясь на него как на «угрожающую ноту».

24

Это был генерал от кавалерии Арман-Шарль-Луи Ле Лиевр, граф де Лагранж (1783–1864). Адъютант маршала Бертье, он сопровождал маршала в Вену, когда тот представлял императора на церемонии бракосочетания Марии Луизы. В 1812 году стал бригадным генералом. Возглавлял императорскую штаб-квартиру во время отступления из России и проявил себя с наилучшей стороны во время кампании на территории Франции. Его имя высечено на Триумфальной арке.

Обращает на себя внимание то, что здесь Маршан, судя по всему, словно эхо, повторяет проблемы, ставшие для императора предметами первостепенной озабоченности. Сильнейший экономический кризис, усиливавшийся с 1810 года, начался в торговле и промышленности. Экспорт Франции в значительной степени сократился. Официальные доклады упоминают об «ужасающем состоянии французской торговли». Урожай 1810 года не превысил среднего уровня, а урожай 1811 года был просто плохим. 1812-й, с точки зрения урожая, ожидался, как с опасением писала Мария Луиза в одном из своих писем, «стерильным годом». И действительно, он был назван «годом дорогого хлеба».

Наполеон старался принять меры, чтобы справиться с кризисом. Он дал согласие на предоставление крупнейших денежных займов промышленникам и банкирам, а также учредил советы по продовольствию для обеспечения Парижа продуктами питания. Для того чтобы приостановить угрожающий рост цен на пшеницу, были изданы декреты, лимитировавшие перегонку зерна на спиртное, регулирующие и продажу пшеницы, устанавливающие цену на пшеницу максимум в 35 франков за гектолитр, в 1809 году цена была 15 франков за гектолитр пшеницы. Таким образом, цена пшеницы с 1809 по 1812 год увеличилась более чем вдвое. В результате цена хлеба в 1812 году поднялась с 10 сантимов за фунт до 60 сантимов во многих регионах страны. Принимая крайние меры, Наполеон повторял действия Конвента. Последствия этого были, естественно, такими же, как и в 1793 году: опустевшие рынки, подпольная торговля.

26

Наполеон выехал из Сен-Клу 9 мая 1812 года. Он остановился в Майнце в 9 часов вечера 11 мая. На следующее утро он выехал из Майнца и через четыре дня, 16 мая, прибыл в Дрезден.

27

Луи V, ландграф земель Гессен-Дармштадтских с 1790 года, правил ими с 1790 года по 1830-й. Когда он присоединился к Рейнской Конфедерации в 1806 году, он взял титул великого герцога и назвал себя Луи I. Маршан правильно приводит его титул великого герцога. Следует напомнить, что Наполеон осыпал наградами Луи I, но тот был из числа первых, кто ниспроверг Наполеона после ухода русских войск. Его сын, Луи II, которому предстояло стать преемником отца в 1830 году, женился на принцессе Баденской. Луи II оставался преданным Наполеону, который сделал его великим герцогом. На престоле великого герцогства его сменил внук Карл-Луи-Фредерик, женившийся на принцессе Стефании де Богарне 7 апреля 1806 года в Тюильри.

28

Маршан имеет в виду Карла Теодора фон Дальберга, члена знатной семьи в немецко-рейнском регионе. Он являлся одной из важнейших политических фигур в Германии в период революции и империи во Франции Он стал священнослужителем, получив юридическое и теологическое образование, и был одним из самых просвещенных людей своего времени. В 1802 году он стал архиепископом Майнца и был последним курфюрстом этого города. Когда Священная империя прекратила свое существование, он присоединился к Рейнской Конфедерации, имея титул князя-примаса, а Франкфурт-на-Майне стал его столицей. Наполеон в 1810 году назначил его великим герцогом Франкфурта.

29

Фредерик Август (1750–1827), по милости Наполеона король Саксонии с 1806 года. Великий герцог Варшавский в 1807 году. Он заплатил дорогую цену в результате Венских мирных договоров за свою верность Наполеону.

30

Граф Альбрехт Адам фон Нейперг принадлежал к старинной швабской семье. Родился в Зальцбурге в 1775 году, скончался в Парме в 1829 году. Он продолжительное время служил в австрийской армии, сражавшейся против Франции. Прикомандированный к обслуживающему персоналу Марии Луизы в 1812 году, он стал ее любовником, затем мужем — после падения империи Наполеона. Свидетельство Маршана представляет большой интерес: он не только приводит условия, при которых Нейперг стал приближенным императрицы, но и точно характеризует человека, прикомандированного к ней в качестве почетного эскорта. Некоторые историки считали, что это мог быть его брат, Карл Винсент Жером. Свидетельство Маршана является настолько же достоверным, насколько и правильным. В его повествование вкралась только одна небольшая ошибка: будущий второй муж Марии Луизы потерял глаз не во время итальянских кампаний, а в Делине на реке Рейн в 1794 году.

31

В пятницу 29 мая около пяти часов утра Наполеон, поцеловав Марию Луизу, покинул Дрезден. Напоследок его тепло проводил с почестями король Саксонии. Императрица задержалась в Дрездене еще на пять дней. 4 июня в 5 часов утра она покинула саксонскую столицу и отправилась в Прагу, в которой она, участвуя в бесконечных приемах и балах, оставалась до 1 июля. Маршан не последовал за императором, который, минуя Глогув и Познань, отправился в направлении Польши и русской кампании. Маршан остался с императрицей. Именно поэтому он оказался в служебном помещении, беседуя с графом фон Нейпергом.

32

Мария-Жак-Томас Сонжи де Панж был назначен камергером императора в 1809 году и позднее направлен на службу непосредственно у императрицы. В 1810 году он получил титул графа империи и поместье в Лоррейне. Именно в этом поместье, в нескольких километрах от Меца, он принимал императрицу Марию Луизу.

33

О графе Луи де Нарбоне (1755–1813) говорили, и, очевидно, справедливо, что он внебрачный сын Людовика XV. Бывший студент в Жуаньи, затем слушатель артиллерийской школы, он занялся дипломатией, став студентом в Верженне. Вернувшись из ссылки, он поступил на государственную службу, а когда Франция стала империей, обратил на себя внимание Наполеона. Став адъютантом императора в 1811 году, он принял активное участие в русской кампании.

18 мая 1812 года Наполеон послал де Нарбона в Вильну, чтобы передать с ним личное письмо императору Александру; это была последняя и бесплодная попытка сохранить мир. Граф де Нарбон не покидал императора в течение всей русской кампании. Он вернулся в Париж в январе 1813 года и был направлен Наполеоном послом в Вену, затем, после Пражского конгресса, — в Торгау, в Саксонии, где он скончался в 1813 году.

34

Необычное дело Мале, затеянное малоизвестным офицером, не имевшим ни связей, ни средств, — но которое почти увенчалось успехом, — повлекло за собой значительные последствия. Империя была потрясена общим смятением в стране, вызванным заговором Мале. Наполеон, так же, как и его противники, критически подошел к оценке проявившейся слабости всей имперской политической системы. Именно в результате этого странного дела император, после Березины, решил вернуться в Париж и взять бразды правления в свои руки.

Клод-Франсуа де Мале, родившийся в Доле в 1754 году, служил королевским мушкетером, затем в революционных армиях, в которых во время Директории он стал генералом. Во времена Консулата и Империи он занимал различные посты. Выведенный из состава действующей армии, он перешел на службу неаполитанской армии в 1805 году и был губернатором Рима до генерала Миолли. Освобожденный вице-королем Италии от всех обязанностей в 1807 году, он был отправлен обратно во Францию в связи с проводимой им республиканской пропагандой. Затем он был заключен в тюрьму в Ла-Форсе (июль 1807 года), освобожден без суда в мае 1808-го, после чего ушёл в отставку. В связи с болезнью его, в виде одолжения, поместили в клинику доктора Дюбюиссона по адресу: улица дю Фобур-Сен-Антуан, дом 333. В октябре 1812 года он сбежал из клиники. Объединившись со своим сообщником Фр. Кааманьо, он проследовал в попинкурский гарнизон на улице Сен-Амбруаз и сумел возглавить 10-й национальный отряд охраны под командованием майора Судье, объявив о смерти императора и об учреждении временного правительства. Освободив из тюрьмы Ла-Форс генерала Гюдаля, замешанного в недавнем заговоре Миди, и генерала Лагери, бывшего начальника штаба генерала Моро, он проник в дом генерала Гулэна, губернатора Парижа, и ранил его в голову выстрелом из пистолета. Но затем Мале был арестован бароном Пьером Дусе, начальником штаба губернатора, и помощником барона, гарнизонным адъютантом Лабордом. Представший перед судом военного трибунала Мале 28 октября был приговорен к смертной казни вместе с 14 сообщниками. На следующий день Мале был расстрелян на площади Гренелль.

35

Здесь Маршан допускает небольшую ошибку: активные действия заговорщиков начались 23 октября.

36

Заговорщики взяли под стражу, не встретив сопротивления, Савари, герцога Ровиго, министра полиции, префекта полиции барона Пакьера и префекта Сены графа Фрошо.

37

Когда Наполеон вернулся, граф Фрошо был без шума уволен с постов государственного советника и префекта Сены в соответствии с декретом от 23 декабря 1812 года «за игнорирование наследственности и неприкосновенности императорской короны». Здесь Маршан повествует о лозунге, призывающем к сплочению, о котором Наполеон сам напомнил сенаторам, прибывшим к нему, чтобы приветствовать императора по случаю его возвращения в Париж: «Наши отцы, — заявил он сенаторам, — для сплочения страны прибегали к лозунгу: «Король умер, да здравствует король!» В этих словах содержатся все преимущества монархии». Фрошо, родившийся в Дижоне, бывший адвокат парламента Бургундии, член конституционной ассамблеи, судебный исполнитель Мирабо, который во время Большого Террора был заключен в тюрьму, государственный советник после 18 Брюмера, был назначен префектом Сены в 1800 году, после чего реорганизовал всю администрацию города Парижа.

38

В результате пистолетного выстрела Мале у генерала Гулэна была сломана челюсть.

Генерал Пьер-Огюст Гулэн родился в Париже в 1758 году. 14 июля 1789 года он повел за собой граждан Парижа и французскую гвардию на штурм Бастилии. Именно он установил напротив ворот крепости две пушки, заставившие ее сдаться. Один из командиров национальной гвардии Парижа, затем генерал-адъютант в армии Бонапарта в Италии, он принял участие в перевороте 18 брюмера и был назначен главой пеших гренадеров консульской охраны. В 1804 году он был председателем военного трибунала, который приговорил к смертной казни герцога Энгиенского. Он стал генерал-майором, офицером ордена Почетного Легиона и графом империи. В 1812 году возглавлял Первую армейскую дивизию и был губернатором Парижа.

В апреле 1814 года ему пришлось служить Людовику XVIII, но он потерял свою командную должность. В 1815 году, по возвращении Наполеона, получил прежнюю должность. В июле 1815 года, в соответствии с королевским указом, он был отрешен от должности, после чего эмигрировал из Франции. В декабре 1819 года ему было разрешено вернуться во Францию и уйти в отставку. Он умер в 1841 году.

39

О русской катастрофе было объявлено империи в 29-м бюллетене великой армии, отправленном из императорской штаб-квартиры в Молодечно 3 декабря 1812 года. Анатолю де Монтескье было поручено доставить бюллетень в Париж. Он прибыл туда буквально накануне приезда императора. Последствия этой ужасной новости были тем более негативными, что ранее о французских потерях ничего не было известно.

40

Прибыв в Париж 18 декабря 1812 года, император немедленно осуществил реорганизацию армии. Вся артиллерия, переправленная через Неман при вторжении на русскую территорию, была потеряна. Наполеон хотел создать новую, но более внушительную. 27 декабря ему был доложен реестр всей материально-технической базы и личного состава артиллерии французской армии, а уже на следующий день он продиктовал генералу Гассенди, командующему армейской артиллерией, и полковнику Эвену, помощнику генерала, план воссоздания артиллерии Франции, который был немедленно приведен в действие. Детали этого плана должны были быть модернизированы в январе и феврале 1813 года. Но Везель и Майнц оставались пунктами сбора для всех артиллерийских частей, разместившихся на левом берегу Рейна, в то время как Магдебург был местом размещения выдвинутого вперед арсенала.

41

Лабом, адъютант принца Евгения, действительно написал книгу «Подробное изложение русской кампании в 1812 году» (Париж: Панкук, 1815). Маршану, когда он был на острове Св. Елены с императором, были известны комментарии Наполеона, сделанные на страницах этой книги.

42

Мюрат стал командующим французской армией после отъезда Наполеона 3 декабря 1812 года. Вынужденный поочередно эвакуировать Вильно и Ковно, Мюрат 18 января 1813 года передал командование армией принцу Евгению. Бертье оставался с ними в чине генерал-майора.

43

Эта охота проводилась 19 января. К замку Гросбуа, находящемуся в дюжине миль к востоку от Парижа, примыкает прекрасный лесопарк. Он был частью поместья, которое Наполеон пожаловал Бертье. Замок поочередно принадлежал графу Провансальскому, Баррасу, генералу Моро и Бертье, князю Ваграмскому.

44

Охота в Гросбуа была только предлогом; однако необходимость поездки в Фонтенбло является несомненной. Но Наполеон не хотел ставить кого-либо об этом в известность. Целью поездки была встреча с Папой Римским, которого он обманом увез из Рима и затем сделал своим пленником в Фонтенбло с 20 июня 1812 года.

Император прибыл в Фонтенбло 19 января в шесть тридцать вечера, не обращая внимания ни на холод, ни на то, что он не обедал. Он немедленно направил посыльного к Его Святейшеству, чтобы спросить, не мог бы Его Святейшество принять императора. Получив утвердительный ответ, император сразу же проследовал в апартаменты папы Пия VII и, подойдя прямо к Папе Римскому, обнял его, тем самым демонстрируя свое расположение к нему. Пий VII тотчас нанес ответный визит императору в его апартаментах. Маршан присутствовал при этом и повествует о событиях, свидетелем которых являлся. Именно поэтому он горячо протестует против некоторых писак и писателей-клеветников, которые обвиняли Наполеона в том, что тот в общении с Папой Римским допускал резкие порывы вспыльчивости и даже применял физическое насилие против него; если, в самом деле, и были примеры вспыльчивости со стороны Наполеона, то они ограничивались только словесными выпадами. Пий VII сам уверял графа Пауля фон дер Брекена 27 сентября 1814 года в том, что Наполеон никогда не прибегал к физическому насилию в отношении его в Фонтенбло. «Это все неправда, — сказал Папа Римский, — и я призываю вас заявлять от моего имени всем тем, кто говорит вам об этом, что он никогда не совершал насильственных актов против меня. Но однажды, в самый разгар спора о самоотречении от римских государств, он схватил меня за пуговицу моей сутаны, что было его известной всем привычкой, и стал трясти меня так сильно, что задрожало все мое тело. Возможно, именно об этом и говорят люди…»

45

После заключения мира в Тильзите замыслы императора в отношении Рима не знали пределов. Идея аннексии папской столицы все более и более не давала покоя его воображению. Как только первые военные успехи во время кампании 1808 года, казалось, подтвердили, что ему сопутствует удача, он решил в Шенбрунне присоединить папские государства к французской империи. Пий VII тогда декларировал папскую буллу о предании анафеме всех тех, кто окажется виновным в осуществлении насилия по отношению к Ватикану. Наполеон, который был непосредственной целью папской буллы, ответил тем, что похитил Папу Римского, которого сначала привезли в Савону, вблизи Генуи. Но Наполеон хотел иметь Папу Римского рядом. В 1812 году, когда император готовился начать русскую кампанию, из Дрездена он приказал привезти Папу Римского в Фонтенбло. После тяжелейшей поездки, которой командовал майор Лагере, Папа Римский прибыл в императорский дворец 19 июня 1812 года, находясь в состоянии, близком к смерти. В этом Маршан упрекает генерала Миоллиса.

Миоллис начал свою карьеру в американской военной экспедиции, проявив себя в сражении при Йорктауне. Затем он служил в революционных армиях Франции и был повышен в звании, став в 1793 году бригадным генералом. После блестящей карьеры он в 1808 году был назначен командиром 30-й дивизии, дислоцированной в Риме, и в этом качестве арестовал Папу Римского в июле 1809 года, забрав его в Савону. Действуя в соответствии с приказами императора, он выполнил порученную ему миссию с большой выдержкой и спокойствием, заслужив за это благодарность Пия VII.

Здесь Маршан выражает идеи, зародившиеся в воображении императора. В связи с этим сошлемся на разговор Наполеона с графом де Нарбоном, когда император сказал последнему: «Если я попридержу Рим для моего сына, то отдам Нотр-Дам Папе Римскому. Тогда Париж столь высоко возвысится в обожании человечества, что его собор станет центром обожания католического мира…» К тому же в мемуарах, которые он позднее будет диктовать, находясь в ссылке на острове Св. Елены, Наполеон пытается объяснить свои планы на 1812 год. Он ясно констатирует, что хотел воссоздать итальянское отечество и объединить различные народы Италии в одну независимую нацию. Именно это суммирует Маршан, когда заявляет, что «император стал бы работать над тем, чтобы добиться объединения Италии».

47

Французским прелатом, являвшимся Нантским епископом, был барон Жан-Батист Дювуазен (1744–1813). Он стал великим викарием и каноником Лаона во времена революции. Высланный из страны как непокорный священник, он вернулся во Францию только в 1801 году. Назначенный епископом Нанта, он настолько расположил к себе Наполеона, что последний выбрал именно его для совместного проживания с Папой Римским Пием VII в Савоне и в Фонтенбло. Император высоко ценил его ум и жизненный опыт и, вернувшись из России, поручил ему вести переговоры с Папой Римским и с папским представителем кардиналом Дориа. Именно на базе этих переговоров Наполеон решил поехать в Фонтенбло, чтобы с глазу на глаз урегулировать те спорные моменты, по поводу которых у него так долго существовали разногласия с Папой Римским. Достойно внимания то, что продиктовал в виде завещания епископ Нанта, которому суждено было скончаться через несколько месяцев: «…и прошу императора восстановить свободу Его Святейшества; его неволя беспокоит меня даже в последние минуты моей жизни. Я имел честь говорить императору несколько раз о том, как эта неволя Его Святейшества угнетает весь христианский мир, а также о том, насколько невыгодно ее продолжать. Я считаю, что ради счастья Его Величества необходимо, чтобы Его Святейшество вернулся в Рим».

Мы знаем, что Папа Римский покинул Фонтенбло 21 января 1814 года и прибыл в Рим 24 мая.

48

Маршан является единственным мемуаристом, упомянувшим о присутствии Марии Луизы при подписании Конкордата в Фонтенбло 25 января 1813 года. Конкордат содержал десять статей, преисполненных духом умиротворения со стороны Наполеона.

Наполеон попросил Марию Луизу написать ее отцу Францу II вечером 25 января (в тот самый день, когда был подписан Конкордат): «Император урегулировал дела с христианским миром и с Папой Римским. Последний выглядит очень довольным. Он очень веселый и находится в хорошем настроении с самого раннего утра. 15 минут назад он подписал договор. Я только что покинула его. Он находится в очень хорошем состоянии здоровья… Я уверена, что вы узнаете об этом примирении с таким же чувством удовлетворения, как и я».

Через два дня, 27 января, Наполеон вернулся в Тюильри.

49

Лютцен, маленький саксонский город к юго-востоку от Лейпцига, был местом двух великих исторических сражений. Первое произошло в 1632 году и ознаменовано последней победой нал Валленштейном, одержанной королем Швеции Густавом, который был там убит.

Он также был местом сражения 2 мая 1813 года, которое немцы называют сражением при Гросс-Гертхен, небольшой деревне, расположенной вблизи Лютцена. Это сражение, в котором Наполеон одержал победу, стало началом кампании 1813 года. Русские и пруссаки вынуждены были отступить к Дрездену, где император продолжал преследовать их, переправившись через реку Эльбу. Влияние победы в этом кровопролитном сражении на боевой дух армии было значительным.

Баутцен, саксонский город на реке Шпрее, знаменит главным образом из-за сражения, которое там выиграл Наполеон 20 и 21 мая 1813 года, разгромив русские и прусские войска, которые после своего поражения при Лютцене укрепились вдоль Шпрее. Император атаковал их меньшими по численности силами и занял Баутцен 20 мая. На следующий день войска союзников вынуждены были отступить, чтобы не попасть в окружение. Нехватка кавалерии помешала Наполеону довершить их поражение.

Вюрхен, саксонский город в десяти километрах к востоку от Баутцена, был местом второго дня Баутценского сражения 21 мая 1813 года, закончившегося победой Наполеона.

50

Меттерних не хотел немедленно объявить войну Наполеону: он стремился дождаться своего часа. «Переход от нейтралитета к войне, — писал он, — будет возможен только в случае применения вооруженного посредничества». Он считал, что время для такого посредничества пришло после Лютцена и Баутцена. Он предложил императору согласиться на военное перемирие, которое будет использовано для подготовки крупнейшей мирной европейской конференции с целью подписания всеобщего мира. Наполеон подписал декларацию о военном перемирии в Плейшвице (деревня в Нижней Силезии в Германии) 4 июня 1813 года. Это перемирие продолжалось до 28 июля, продлено затем было до 10 августа и оказалось выгодным для союзников.

Именно во время Пражской конференции, когда истек срок Плейшвицкого Перемирия, Австрии предстояло выступить в роли посредника. Но в действительности конференция потерпела неудачу до того, как фактически началась. В полночь 10 августа, когда наступило точное время прекращения военного перемирия, Меттерних объявил о роспуске конференции и одновременно о вступлении Австрии в войну против Франции.

52

Военная кампания, прерванная перемирием, началась по-новому. Шварценберг с частями австрийской армии направился в Дрезден. Но 26 августа 1813 года кирасиры Латур-Мобура и солдаты старой гвардии под командованием Мортье разбили австрийцев и заставили их отступить из города. Наполеон завершил разгром австрийских войск, и Шварценберг вынужден был вернуться в Богемию.

Наполеон оказался не в состоянии пожать плоды победы. Прикованный болезнью к постели почти в течение шести недель в Дрездене, он приказал своим помощникам продолжать преследование разбитой австрийской армии, но не смог помешать их соперничеству между собой и исправить их ошибки. Вандам, который вступил на территорию Богемии и был близок к тому, чтобы перекрыть путь к отступлению австрийских войск под командованием Шварценберга, не сумел выполнить этот маневр из-за отсутствия надлежащей связи с Мортье и Гувон-Сен-Сиром. Вместо того чтобы отрезать отступление австрийцев, он сам со своим корпусом оказался в окружении и вынужден был капитулировать в Кульме (29–30 августа 1813 года). Маршан упоминает именно эту капитуляцию, которая, на самом деле, перечеркнула дрезденскую победу. Военная карьера Вандама, графа Унсебургского (1770–1830), началась со службы в революционных армиях. Он был произведен в генерал-майоры 5 февраля 1799 года. Во время битвы при Аустерлице (2 декабря 1805 года) он овладел высотами Платцена и за это получил пенсию в размере 20 000 франков. 1 июля 1813 года он стал командиром Первого корпуса великой армии Саксонии.

53

Армии союзников сумели огнем и мечом сомкнуть кольцо вокруг французских войск и загнать Наполеона на равнины Лейпцига, где решились судьбы империи и Франции. Эта грандиозная схватка продолжалась четыре дня и была по праву названа Битвой народов. Из-за предательства саксонцев Наполеон, несмотря на чудеса, которые творили гвардейцы, был отброшен к стенам Лейпцига и вынужден начать любой ценой отступление. После Лейпцига у Наполеона не осталось союзников. Всю Германию охватили восстания. Французские войска отступали через Веймар и Эрфурт. В Эрфурте Наполеон узнал, что австрийские и баварские войска под командованием Вреде захватили позиции на реке Майн, чтобы отрезать отступление французской армии. Наполеон вынужден был прорываться через позиции баварцев. Последняя схватка произошла в окрестностях Ханау, города княжества Гессен-Кассель, в 15 километрах от Франкфурта-на-Майне. Друо подтянул к позициям врага примерно 50 пушек и открыл огонь только тогда, когда до них осталось не более 40 шагов. Тем самым он обеспечил проход в позициях баварской армии. Наполеон с презрением отозвался о баварском генерале Вреде: «Я смог сделать его графом, но не смог сделать из него генерала». Именно об этой победе 30 октября 1813 года Маршан упоминает в своем кратком, но очень точном изложении событий.

Маршан не мог не упомянуть о смерти «ренегата Моро». Генерал Моро (1763–1813) отличился во время службы в революционных армиях. Он сменил Пишегрю в качестве командующего северными армиями. В конце периода Консулата он был настроен враждебно по отношению к Бонапарту и проникся идеей его свержения, отказавшись в то же время служить Бурбонам. Приговоренный к двум годам заключения в тюрьме и вычеркнутый из списков армии в 1804 году, он получил разрешение эмигрировать в Соединенные Штаты. Он был призван царем Александром в 1813 году, прибыл в Прагу 17 августа и принял участие в наступлении союзников на Дрезден. Но во время этого сражения, 27 августа 1813 года, в него попало пушечное ядро, которое раздробило его правое колено и оторвало икру левой ноги.

В Лане, куда его привезли, ему ампутировали обе ноги. Однако через несколько дней, 1 сентября, он скончался. Саксонский священник, бывший свидетелем его последних минут, рассказывал, что Моро ругал самого себя: «Только подумать, что

я, Моро, умираю, находясь среди врагов Франции, сраженный французским пушечным ядром!»

Хотя роялистов было немного, но они развернули бурную деятельность. Уже в конце 1813 года во всех французских городах появились плакаты, призывавшие к возвращению Бурбонов, и даже воззвания, подписанные Людовиком XVIII и принцем Конде. Их количество возросло в начале 1814 года. 1 января Людовик XVIII обратился из Хартвелла, его резиденции в 60 километрах от Лондона, к французскому населению с новым воззванием, обещавшим «гарантировать сохранение занимаемых позиций и должностей тем, кто занимал их», и утвердить «свод законов, запятнанный именем Наполеона». Этот эдикт расклеивался и распространялся повсюду. За этим воззванием последовали другие, выдержанные в том же духе и подписанные графом Артуаским и герцогом Ангулемским. Не следует также забывать, что Шатобриан начал писать свой знаменитый памфлет «О Бонапарте и о Бурбонах».

Уже в ноябре 1813 года император приступил к переговорам с королем Испании Фердинандом VII, интернированным в замок Валенсей. Эти переговоры привели к заключению договора от 11 декабря, в котором император обещал освободить Фердинанда VII и признать целостность испанской территории при условии, если Испания вновь станет нейтральной страной и заставит британскую армию покинуть страну. Фердинанд VII был отправлен обратно в Испанию только 19 марта 1814 года.

Маршан прав, когда делает различие в настроениях в начале 1814 года в среде состоятельных классов, то есть бывшей знати и буржуазии, и простого народа. Аристократия и представители среднего класса в одинаковой степени порицали амбиции Наполеона и проявление деспотизма у его правительства. Но политические взгляды, царившие в городах в среде завсегдатаев салонов знати и среде лавочников, не разделялись на фабриках и в сельской местности. Заслуживающие доверия очевидцы поддерживают утверждение Маршана. Повсюду среди простого народа современники отмечают один и тот же настрой. «Вера в гений императора безгранична», — заявляют одни. «Народ стоит на стороне императора», — добавляют другие. И все эти свидетельства подтверждают заявление Мольена: «Народные массы признавали только императора и империю». Маршан прав, когда свидетельствует, что Наполеон ни в коей мере не потерял любовь народа и что он поддерживал свой престиж великого вождя.

57

В начале 1814 года от реки Одер до реки Об, от реки Минчо до Пиренеев — повсюду вражеские армии если не отступали, то, по крайней мере, с трудом удерживали свои позиции. Несмотря на огромное численное превосходство сил противника, Наполеон одержал несколько побед.

Однако он оставался в очень критическом положении. Союзнические монархи вступили на территорию Франции, хотя их армии выглядели частично деморализованными. Обе стороны склонялись к мысли о желательности мирного соглашения, но его достижение не было возможным. Дни блестящих побед, таких, как в сражения при Монмирайле и Вошане, удерживали императора от того, чтобы принять унизительные условия мирного договора. Со своей стороны союзники, несмотря на возникшие у них проблемы, были полны решимости отвергать предложения Наполеона.

Все это объясняет атмосферу, создавшуюся на мирном конгрессе, собравшемся в Шатильоне-на-Сене в феврале — марте 1814 года в период французской кампании. Данная дипломатическая конференция со всей очевидностью была нацелена на то, чтобы достигнуть договоренности между Наполеоном и могущественной коалицией, сформировавшейся против него в 1813 году. В действительности, она ни к чему не привела, кроме затяжных переговоров между двумя сторонами.

Конгресс открылся 4 февраля 1814 года, в то время, когда Наполеон вел в Шампани одно сражение за другим. Ни та, ни другая сторона не явились на конгресс с истинно мирными намерениями. Наполеона на конгрессе представлял Коленкур, герцог Виченцский. Он старался затянуть переговоры, словно для того, чтобы дать возможность императору дождаться удач на полях сражения. Дипломаты невысокого ранга, представлявшие союзников в Шатильоне, также не спешили добиваться прогресса в переговорах. Их намеренная медлительность была заметна. И это было чистейшей правдой, поскольку, решив не идти ни на какие уступки, полномочные представители союзников еще 1 марта подписали в Шомоне договор: этот договор стал смертельным приговором для французской империи и предвестником Священного союза. И действительно, в соответствии с этим договором Австрия, Великобритания и Россия обязались статьями заключенного торжественного пакта не складывать оружие до тех пор, пока Франция не примет все их условия. Переговоры в Шатильоне были прерваны, и союзники

уже без всяких колебаний продемонстрировали свою непреклонность.

Цифры, приведенные Маршаном, близки к тем, которые называл Анри Гуссей применительно к началу французской кампании; когда в конце декабря 1813 года союзнические армии переправились через Рейн, они оттеснили французские корпуса, растянувшиеся вдоль границы Франции. В распоряжении Мармона, Макдональда, Виктора и принца Московского под ружьем было около 46 000 человек. Богемская армия под командованием Шварценберга и армия Силезии под командованием Блюхера насчитывали вместе примерно 250 000 солдат.

К 26 февраля основные армейские позиции были следующими: Наполеон был хозяином Труа, сконцентрировав между Сеной и рекой Об 74 000 солдат и 350 пушек. Противостоявшее ему основное ядро армии союзников насчитывало около 120 000 человек, расположившихся между Шомоном и Лангром. Но к ним следует добавить 48 000 солдат под командованием Блюхера, пытавшегося осуществить рискованный марш-бросок с обходом войск Наполеона на их левом фланге.

59

Французская кампания 1814 года останется одной из самых знаменательных кампаний во французской военной истории. В период с 25 января по 8 февраля армии союзников, наступая, добились угрожающего для Наполеона успеха. Наполеон одержал победу при Бриенне и в течение 12 часов удерживал позиции в сражении при Ла Ротьере, в 20 километрах от Бар-сюр-Об, отбивая атаки превосходящих сил противника; но усилия Наполеона были тщетны, и он был вынужден вернуться в Труа.

9 февраля начался новый блестящий период в кампании. Блюхер и Шварценберг совершили ошибку, отделившись друг от друга, чтобы ускорить наступление на Париж, и неожиданно Наполеон, сделав замечательный ход, вновь продемонстрировал свой изумительный гений. Он напал на колонну войск Блюхера и в течение четырех победоносных атак разгромил каждую колонну в отдельности по очереди: в сражении при Шампобере 10 февраля, где новобранцы «Марии Луизы» блистали подобно ветеранам, при Моннирайле 11 февраля, при Шато-Тьери 12 февраля, при Вошане 14 февраля. Затем он устремился навстречу Шварценбергу, авангард которого приближался к Фонтенбло. Он захватил мост в Монтере (18 февраля) и вынудил основные вражеские силы отступить к Труа и Шомону. Затем, продолжая маневрировать, он вновь повернулся к Блюхеру, который двинулся к реке Урк, чтобы найти помощь у подходившей армии Бернадотта. Но опорный пункт французов в Суасоне, вместо того чтобы помешать двум вражеским армиям объединиться, 4 марта сдался на милость победителя. Начался третий период французской кампании. Наполеон поддерживал равновесие в войне до самого конца февраля, он захватил инициативу в свои руки и был вправе ожидать победу.

Теперь он предпримет замечательные маневры. Его солдаты совершат чудеса. Но ему предстояло испытать предательство всех и вся.

10 марта он был вынужден отступить от Лаона, так как ему противостояли превосходящие силы врага, то же самое произошло и при Арси-сюр-Об (20 марта). От Уазы до Сены армии союзников теперь сформировали непреодолимое сосредоточение воинской силы. Они отбросили войска Мармона и Мортье от Ла Фер-Шампенуаз (25 марта). Наполеон двинулся в сторону Сен-Дизье, в тыл врага, чтобы попытаться отвлечь оккупантов от наступления на Париж. Но 30 марта Париж капитулировал, и Маршан рассказывает нам, при каких обстоятельствах Наполеон

искал пристанища в Фонтенбло.

60

Утром 28 марта 1814 года Наполеон покинул Сен-Дизье. Французская кампания началась в этом городе и там же она заканчивалась. Теперь единственной проблемой оставалось возвращение в Париж. В тот же день, в 5.30 вечера, Наполеон прибыл в Дулеван-ле-Шато. Он выехал оттуда на следующий день рано утром. Проследовав по мосту Доленкур на реке Об, он с охраной двинулся в сторону Вандевр-сюр-Барса. Ночью он прибыл в Труа во главе основного ядра французской кавалерии. Части пехоты остановились биваком в Люсиньи, император — в доме барона де Мегриньи, одного из своих конюших.

Адриан де Мегриньи сопровождал Наполеона в течение всей кампании в Германии 1813 года. Они расстались только в Фонтенбло.

Упоминание об этой «зашифрованной записке» не найдено ни в одном из современных источников. Несомненно, в записке сообщалось, что 27 марта французские войска оставили Мо. Информационные бюллетени следовали с регулярными интервалами, и в Дулеване император получил записку от г-на де Лавалетта, предупреждавшего Наполеона о новых заговорах, о приближающихся к Парижу войсках противника и об опасностях различного рода. Фэн («Рукопись 1814 года») цитирует следующий отрывок из этой зашифрованной записки: «Иностранные фанатики поднимают головы; секретные сделки способствуют активизации их деятельности. Необходимо присутствие Наполеона, если он не хочет, чтобы столица была сдана врагу. Нельзя терять ни минуты».

Наконец, когда Наполеон был на мосту Доленкур, по дороге в Труа, Коленкур заметил, что императора догнали агент министра полиции и сотрудник почтовой службы. Они сообщили Наполеону, что маршал Мортье, герцог Тревизский, и маршал Мармон, герцог Рагузский, отступили к Парижу под натиском войск Блюхера.

62

Наполеон покинул Труа на рассвете 30 марта верхом на коне. Когда он доехал до Вильнев-л'Аршевек на реке Ван, в 23 километрах от Сана, конь оказался полностью истощенным. Тогда Наполеон вместе с маршалом Бертье, принцем Невшательским, воспользовался плетеным кабриолетом, который одолжил Наполеону местный мясник; Бертран, Флао и Коленкур поехали в другом кабриолете. Шуерман и Луи Гарро ошибаются, когда указывают, что Коленкур ехал вместе с Наполеоном в одном кабриолете.

В Сане эта небольшая группа позавтракала в отеле л'Экю де Франс и затем незамедлительно выехала в карете, предоставленной г-ном де Фонтеном. Император хотел наверстать упущенное время во что бы то ни стало, не делая промежуточных остановок в Вильнев-ла-Гюар, Море и Фонтенбло на пути в Париж, надеясь прибыть вовремя, чтобы возглавить войска маршалов Мармона и Мортье.

63

Деревушка, известная как Кур-де-Франс, или Фроманто, находится на главной дороге, ведущей из Парижа в Фонтенбло. Она входит в общину Жювизи около фонтанов, известных всем туристам. Именно там Камиль Фламмарион основал знаменитую обсерваторию Жювизи. Она занимает небольшой замок Кур-де-Франс, реконструированный в 1728 году. В старые времена в этом замке останавливались короли на пути в Фонтенбло. Проданный в 1793 году как национальная собственность, он стал почтовой станцией Фроманто, которой в 1814 году управлял г-н Пети. Сегодняшняя комната ожидания станции является той самой комнатой, где Наполеон, узнав от генерала Бельяра новость о капитуляции Парижа, рухнул на стул и долгое время оставался в неподвижном положении, облокотившись на стол и обхватив голову руками. В наши дни в этой комнате можно увидеть маленькую бронзовую статуэтку Наполеона.

Наполеон прибыл в Кур-де-Франс поздно вечером 30 марта. По данным Фэна, это было в 10 часов вечера, Гурго утверждает, что в 11 часов вечера, а Маршан — в полночь. На следующий день, в четверг, 31 марта, Наполеон продолжил свой путь, направившись в Фонтенбло. Он прибыл туда около 6 часов утра и во дворце сразу пошел в апартаменты, граничащие с галереей Франсуа I.

Дивизия старых гвардейцев под командованием Фриана и дивизия молодых гвардейцев под командованием Анриона прибыли в Фонтенбло 2 апреля. Наполеон устроил им смотр на дворцовом внутреннем дворе «Шеваль Блан». Он заявил гвардейцам: «Через несколько дней я атакую врага в Париже. Я рассчитываю на вас…»

Энтузиазм его войск вселил в его сердце надежду, но предательство Мармона перечеркнуло ее.

65

2 апреля 1814 года Сенат проголосовал за принятие декрета, объявившего о том, что Наполеон Бонапарт и его семья свергнуты с престола.

Президент Сената Ласепед и секретари Сената, то есть только те люди, которые могли созвать Сенат и сделать его заседание законным, отбыли из Парижа вместе с императрицей. Акт о свержении Наполеона с престола предложен Шарлем Жозефом Матье графом Ламбрехтским из Сен-Трона в Бельгии. Оставшиеся в Париже сенаторы, которых было меньшинство, поддержали это предложение, хотя в свое время Наполеон осыпал их благами и почестями.

Помимо герцога Виченцского (Коленкура), в число полномочных представителей, назначенных Наполеоном в Фонтенбло 4 апреля 1814 года, входили маршалы Ней, князь Московский, и Макдональд, герцог Тарентский. Три полномочных представителя прибыли в Эссонн около 4 часов дня. Они предложили Мармону поехать с ними и выехали из Эссонна примерно в 6 часов вечера. Сделав остановку в Пти-Буре, где находился генерал Шварценберг, они достигли Парижа и на следующее утро были приняты императором Александром. Но следующая встреча произошла в полдень 5 апреля. Мармон присутствовал на первой встрече, но не появился на второй, как это отметил Маршан. Коленкур заявил: «Его совесть была настолько отягощена предательством, что он, несомненно, стремился избежать наших взглядов».

67

Карл-Филип, князь Шварценберг, австрийский фельдмаршал и дипломат, родился и умер в Вене (1771–1820). Впервые он проявил себя с лучшей стороны, сражаясь в рядах австрийской армии во время войн революции.

Став генерал-лейтенантом в 1800 году, он сумел избежать капитуляции Ульма в 1805 году. Прослужил австрийским послом в Санкт-Петербурге в 1808 году и был назначен послом Австрии в Париже после кампании 1809 года с целью проведения переговоров о браке Наполеона с Марией Луизой. Именно в связи с этим событием он дал знаменитый бал, который завершился пожаром.

Начиная с 1812 года он возобновил службу в армии и командовал армиями союзников в битве при Лейпциге и во время французской кампании 1814 года.

68

Дневные переговоры с императором Александром начались вполне благоприятно для французской стороны; казалось, что царь был уже почти «сломлен», когда один из его адъютантов сообщил ему, что прибыл офицер из штаба Шварценберга с важной информацией. Император Александр спросил, о чем этот офицер хочет его информировать; адъютант ответил по-русски: «Он хочет информировать вас о том, что корпус герцога Рагузского этим утром перешел на нашу сторону и сейчас находится перед нашими аванпостами». Коленкур, который говорил по-русски, понял весь этот разговор. Полученная новость полностью изменила позицию императора Александра на переговорах. Коленкур сделал последнюю отчаянную попытку, она получила отказ. Наполеон должен был «безоговорочно отречься от престола».

69

Три полномочных представителя вернулись в Фонтенбло в ночь с 5-го на 6 апреля. Они разбудили Наполеона в час утра, чтобы сообщить ему о провале своей миссии.

70

Карьера Жозефа Суама (1760–1837) тесно связана с армиями революции; он стал генерал-майором в 1793 году и, по-видимому, был очень пристрастен к политическим играм. Из-за близких отношений с Пишегрю и Моро у него возникли проблемы, повлекшие за собой временные прекращения службы в армии с последующими восстановлениями в прежнем положении. Наполеон назначил его командующим дивизией в Испании, где он был ранен. Он отличился, находясь на военной службе в Германии, где был ранен в сражениях при Лютцене, а затем при Лейпциге. В 1814 году, когда корпус Мармона стоял перед Парижем, он был первым заместителем маршала. Его роль в измене герцога Рагузского представляется основной. Став на сторону Бурбонов, он был уволен из армии, когда Наполеон вернулся с острова Эльбы. Королевское правительство назначило его губернатором Страсбург. Он ушел в отставку в 1832 году.

(Некоторые авторитетные исследователи полагают, что Наполеон, когда он был Первым консулом, имел любовную связь с женой Суама, результатом которой стало рождение ребенка, дочери. Мать ребенка признавала это. Хотя с тех пор прошло немало времени, Суам мог с радостью участвовать в событии, которое должно было принести боль Наполеону. См.: Андре Гавоти «Секрет Розали Суам», «Ревью Двух Миров». — *Ред.)*

71

Безо всякой связи с предыдущим изложением событий Маршан цитирует текст отречения от престола, подписанный Наполеоном в Фонтенбло, как указывает Маршан, 11 апреля 1814 года. На самом деле текст отречения был написан и подписан Наполеоном 6 апреля. В тот же день он передал текст отречения Коленкуру, который собирался выехать в Париж, чтобы встретиться с русским императором, со словами: «Я вручаю вам этот текст моего отречения под ваше честное слово и вашу лояльность. Дайте мне слово, что вы не станете передавать его до тех пор, пока не будет подписан мирный договор и вы не получите гарантии того, что французское правительство будет соблюдать все его условия».

Император Александр принял Коленкура в ночь с шестого на седьмое апреля. Он уже знал о намерении Наполеона отречься от престола, вследствие неосторожности, проявленной маршалом Неем. Император Александр потребовал текст отречения, и Коленкур вынужден был показать его русскому царю. Но официально Коленкур передал текст отречения только тогда, когда договор, определивший ситуацию с Наполеоном, был подписан участниками переговоров 1 апреля. Именно в этот день, 11 апреля 1814 года, текст отречения публикуется в «Бюллетене законов», и эта дата приводится Маршаном.

Никто не знает, где находится оригинал документа: его факсимиле было обнаружено бароном Фэном и в настоящее время хранится во дворце Фонтенбло. Оригинал, по-видимому, исчез, его нет ни в национальном архиве Франции, ни в национальной библиотеке.

Для посетителей Фонтенбло дата и место церемонии отречения приводятся ошибочно как «5 апреля в кабинете короля». На самом деле она произошла 6 апреля в кабинете Наполеона.

Некоторые историки ставят под сомнение эту попытку отравления. Она, однако, подтверждается Маршаном. Впервые о ней сообщил Норвин. Она также упоминалась Тьером, Констаном, Бурьенном и Фэном. Но самый лучший пересказ эпизода предоставляет нам Коленкур в своих «Мемуарах» (том II, глава IX). Дата этого происшествия подлежит дискутированию. Тьер, Констан и Бурьенн утверждают, что оно произошло в ночь с одиннадцатого на двенадцатое апреля. Этой же даты придерживается и Маршан. Но Фэн и Коленкур говорят о ночи с двенадцатого на тринадцатое апреля, и, кажется, они правы.

73

Более точно — Констан Вери, бельгиец, родившийся 2 декабря 1778 года в Перювельзе, общине, ставшей позднее частью департамента Жемапп. Вначале он находился на службе у Жозефины. Затем, когда Бонапарт отправлялся в Маренго, Констан стал его камердинером. Будучи малообразованным человеком, он оставил после себя свои «Мемуары». Но они были написаны несколькими авторами: Рокфором, Мелью, А. Люше и, главным образом, Вильмаре. К этим мемуарам следует подходить с оговоркой.

Этот неблагодарный человек посмел жаловаться на отсутствие у Наполеона щедрого отношения к нему. Но вот некоторые из благодеяний, которые он получил от Наполеона: в дополнение к своему жалованью в размере 6000 франков и дотации на одежду в размере 2000 франков в его распоряжение была предоставлена квартира из семи комнат, бесплатное питание на его семью из четырех человек, его обслуживал кучер с каретой и лошадьми, и он имел бесплатный доступ в ложи четырех крупнейших театров; помимо денежного пособия во время сопровождения Наполеона на полях сражений и поездок с ним, он получил от императора между 1808 и 1814 годом 1800 ливров чистого дохода, ежегодную пенсию в размере 6000 франков. Общая сумма его доходов составила 260 000 франков. Все это не помешало ему дезертировать из Фонтенбло, захватив с собой, как об этом сказал сам Наполеон, большую сумму денег и драгоценности.

74

Знаменитого мамелюка Рустама Наполеону подарил в Египте шейх Эль Бекри. Забрав его с собой во Францию, Наполеон поручил оружейному мастеру Буте научить Рустама, как заряжать различные виды оружия. Он брал мамелюка с собой повсюду; Рустам присутствовал на всех парадах, облаченный в экстравагантные наряды с украшениями. Его головной убор из голубого или красного вельвета с золотой вышивкой был увенчан плюмажем. Мамелюк галопировал на коне, украшенном восточной сбруей, и при этом бряцал саблей. За свою службу в качестве мамелюка Рустам получал 2400 франков и еще 2400 франков как помощник оруженосца, не считая различных денежных пособий, которые по меньшей мере удваивали его жалованье. В 1806 году он получил пенсию в размере 500 ливров. В Фонтенбло, в 1814 году, Наполеон подарил ему лотерейную контору вместе с 50 000 франков. Подобная щедрость не помешала Рустаму в апреле 1814 года вместе со своим другом Констаном бросить Наполеона.

75

Юван был постоянным хирургом Наполеона. Прикомандированный к Бонапарту еще со времен итальянской кампании, он сопровождал императора во всех его поездках по Европе. Он лечил императора, когда тот был ранен в 1809 году в сражении при Ратисбоне. Его можно увидеть на вывешенной в музее в Версале картине художника Готеро, изображающей этот военный эпизод.

В дополнение к своему ежегодному жалованью в размере 12 000 франков Юван был назначен главным хирургом Госпиталя инвалидов. Наполеон сделал его офицером ордена Почетного Легиона и присвоил ему титул барона с ежегодной ссудой в размере 9000 франков, не считая многочисленных денежных премий, размер которых ежегодно колебался от 25 000 до 30 000 франков.

В Фонтенбло вечером 14 апреля, когда Наполеон только что передал ему 200 000 франков и вручил крест командора ордена Почетного Легиона, Юван, у которого, казалось, помутился разум, отправился в конюшни, вскочил там на коня и помчался галопом в Париж. Наполеон никогда не простил его.

76

Когда он еще был только генерал-майором, гофмаршал Бертран в 1808 году женился на Фанни Диллон, дочери генерала Артура Диллона, депутата от Мартиники в Генеральных штатах Франции, погибшего на гильотине в 1794 году, и Лауры Жирарден де Монжеральд, вдовы г-на де ла Туша, кузена императрицы Жозефины. Семья имела родословные корни в Ирландии.

Когда по пути на остров Эльбу гофмаршал совершал опасное путешествие по Южной Франции вместе с Наполеоном, г-жа Бертран отправилась в Шатору, где в доме своего свекра поджидала соответствующего момента, чтобы присоединиться к мужу. В начале июля она выехала на Эльбу вместе со своими детьми, служанкой и слугой.

77

Мы знаем из «Мемуаров» Коленкура (том III, стр. 250), что Наполеон одобрил действия своего верного посла при союзнических державах, когда тот не стал просить Корсику вместо Эльбы, поскольку Корсика являлась департаментом Франции, которого не следовало отделять от Франции. Император заявил Коленкуру: «Я полностью согласен с вами; у бедной Франции и без того достаточно много отнимут, когда они приступят к выработке мирного договора».

78

Франсуа Рулье де Ла Бульери родился в Ла Флеш 27 апреля 1764 года и скончался там же 7 апреля 1833 года. Он был личным кассиром Первого консула, генеральным казначеем французских экспедиционных войск в Англии, генеральным казначеем специальных территорий. Тем не менее он покинул императора в 1814 году. Когда вернулись Бурбоны, он стал управляющим цивильного листа короля и генеральным секретарем министерства, ведавшего хозяйством королевского двора. Ла Бульери стал депутатом от Сарта в 1816 и 1820 годах, получил титул пэра Франции в 1827 году в ранге государственного министра. Можно легко понять, что император отказался видеть его во время «Ста Дней».

79

Жан-Франсуа Дюдон (1778–1857), ревизор Государственного совета в 1813 году, генеральный управляющий северной армии в Испании в 1809 году, генеральный прокурор совета по государственной печати Франции в 1810 году, государственный советник в 1815 году. Он стал депутатом от Эн и Нижней Луары. Наполеон сделал его бароном империи 22 ноября 1808 года.

80

Барон Гюльом Пейрюс родился в Каркасоне 16 июня 1776 года. Он был первым кассиром казны императорской короны. 24 марта 1809 года был назначен кассиром императорской казны в штаб-квартире императорской армии; в этой должности принимал участие в военных кампаниях в Германии, Москве, Саксонии и Франции. В 1814 году он стал заместителем инспектора императорской гвардии и рыцарем ордена Почетного Легиона. После акта отречения в Фонтенбло становится главным казначеем на Эльбе. Вернулся в Париж вместе с Наполеоном, стал бароном империи, генеральным казначеем императорской короны и офицером ордена Почетного Легиона. При Луи-Филиппе он стал мэром Каркасона и генеральным советником департамента Од. В 1853 году Наполеон III сделал его командором ордена Почетного Легиона. Он скончался в 1860 году.

81

Книга Пейрюса «1809–1815. Мемуары и архивы г-на барона Пейрюса» (опубликована в 1869 году) предоставляет подробную информацию о финансовом положении Наполеона во время его отречения от престола. На 10 апреля в казне Пейрюса оставалось 488 913 франков. На следующий день, 11 апреля, император послал своего казначея в Орлеан. Несмотря на дорожные трудности и то, что между Фонтенбло и Орлеаном уже сновали сотни вражеских отрядов, Пейрюс прибыл в Орлеан 12 апреля. Он узнал, что из почти 40 миллионов франков было спасено только шесть миллионов. Около 34 миллионов были вручены врагу по вине Дюдона. Из оставшихся шести миллионов Пейрюсу удалось забрать с собой 2 933 600 франков, несколько больше, чем указывает Маршан. Прикрыв ящики с оставшимися деньгами удобрениями, Пейрюс приставил к ящикам своего слугу, чтобы он сторожил их. Затем он попытался возвратиться в Фонтенбло. Казаки патрулировали район вокруг Орлеана. Ему удалось послать своего слугу к гофмаршалу Бертрану с сообщением о сложившейся ситуации и с просьбой прислать военную охрану для возвращения в Фонтенбло. Батальон под командованием генерала Камбронна был послан, чтобы встретить Пейрюса, который, получив известие об этом, двинулся в путь. Взятые им деньги были помещены для сохранности в фургон, привезенный солдатами Камбронна. Пейрюс прибыл в Фонтенбло ночью 16 апреля, и 17 апреля он доложил императору о своей миссии и ее результатах.

Когда Наполеон отправился на Эльбу, он взял с собой примерно 3,5 миллиона франков.

82

Знаменитая «прощальная» церемония, судя по всему, произошла немного позднее, чем это указано Маршаном, вероятнее всего, где-то между полуднем и часом дня.

83

Граф Антуан Друо (1774–1847), знаменитый артиллерийский офицер «великой армии». Сделав блестящую карьеру, он настоял на том, чтобы сопровождать императора на Эльбу. Наполеон называл его «умнейшим человеком великой армии» и высказывался о нем следующим образом: «Друо — олицетворение добродетели».

84

Должность куратора императорского гардероба была введена в начале Империи. Фредерик Массон пишет, что на эту должность был назначен Шарве.

85

Когда союзные войска стали угрожать взятием Парижа, императрица Мария Луиза 29 марта выехала из столицы в Блуа. Она сделала остановку в Рамбуйе и прибыла в Блуа только вечером 2 апреля. 8 апреля выехала из Блуа в Орлеан, в котором оставалась до 12 апреля. Она вернулась в Рамбуйе 13-го и оставалась там до возвращения в Вену 23 апреля. 20 апреля, после отъезда императора из Фонтенбло, Маршан отправился в Париж. Узнав, что императрица все еще находится в Рамбуйе, поехал туда 21-го и, таким образом, смог повидаться со своей матерью, нянькой Римского короля.

86

Фрегат, который по просьбе Наполеона британский полномочный представитель сэр Нейл Кэмпбелл вызвал из Марселя, находился под командованием капитана Ашера; император взошел на борт фрегата вечером 28 апреля. На следующее утро, в 11 часов, «Отважный» отплыл на Эльбу. В 8 часов вечера 3 мая фрегат бросил якорь у входа в гавань Портоферрайо.

87

Оргон, Буш-дю-Рона, в Арльском округе, находится в шести километрах от Кавальона. Когда 15 апреля Наполеон проезжал через Оргон, там произошли бурные демонстрации, которые сильно расстроили императора. Демонстрации проходили под руководством крестьянина по имени Дюрель, который возглавлял роялистскую группу.

88

Вечером 27 апреля в Тулон прибыли фрегат «Дриада» и бриг «Непостоянный» вместо корвета, предусмотренного договором в Фонтенбло. Пейт де Монкабрие, командовавший французскими кораблями, явившись к Наполеону, сообщил ему, что он получил приказ эскортировать императора на Эльбу. Но император, сомневавшийся в честности Бурбонов, отказался плыть на французских кораблях. Поскольку ему было отказано в корвете, на который он имел право, то он скорее предпочитал плыть как «равный с равным» под иностранным флагом, а не как «потерпевший поражение и изгнанный в ссылку» под Бурбонским флагом. Император добавил: «Я дал слово англичанам и не возьму его назад».

89

Это был британский фрегат «Кюрасао» под командованием капитана Тауэра, который, когда говорил о Наполеоне, называл его только «великим человеком». Именно на борту этого фрегата Маршан и его попутчики отплыли из Франции 30 мая, прибыв в Портоферрайо 1 июня.

90

Мария Луиза сослалась на якобы плохое состояние своего здоровья, не позволившего ей отправиться на Эльбу. Было ли это истинной причиной или всего лишь предлогом, чтобы не ехать на остров Эльба? Император хотел получить ответ на этот вопрос: с этой целью он запросил доктора Корвисара, которому по-прежнему доверял и в преданности и признательности которого не сомневался, относительно путешествия императрицы на остров Эльба. Требуемая консультация врача была немедленно выполнена в письменной форме в присутствии г-жи де Монтебелло. Рекомендации Корвисара оказались чрезвычайно пессимистичными, они запрещали императору не только приказывать, но и выражать пожелание, чтобы Мария Луиза в данное время отправилась к нему на Эльбу. Доктор добавил, что он сомневается, что императрица и Римский король вообще когда-либо смогут жить там. Во всяком случае она, безусловно, не сможет посетить Эльбу, даже на короткое время, пока не получит продолжительное лечение в Эксе. Корвисар так закончил свое письмо: «Экс — это спасение. Эльба — смерть и для матери и для ребенка».

91

Новерраз был швейцарцем, родом из Во. В 1809 году он был принят на работу в обслуживающий персонал императорского двора и в 1813 году был назначен на должность ливрейного лакея в личной обслуге императора. Он ездил на козлах императорских карет во время кампаний 1813 и 1814 годов. Затем он получил должность курьера и, соответственно, стал носить шляпу с двумя острыми верхами, увенчанными петушиными перьями. Это был слуга, способный рисковать своей жизнью ради хозяина. Он доказал это, как позднее рассказал Маршан, когда при проезде через Орган подвергался большой опасности, не позволив враждебно настроенной толпе приблизиться к карете, которую он оберегал.

92

На самом деле ночью 23 апреля Наполеон продолжал путь в карете, в которой спал. В воскресенье, 24 апреля, он, проехав 20 километров от Вьена, рано позавтракал в Пеаж дю Руссильоне.

93

Шарль Ожеро, герцог Кастильонский, маршал Франции; сын слуги и торговки фруктами в предместье Сен-Марсо; родился на улице Муфетар в Париже 1 октября 1757 года, скончался в 1816 году от «грудной водянки» в своем поместье в Ла Уссай (Сена-и-Марна).

После службы в королевской армии он сражался в кампаниях революционных войск, в 1793 году стал генерал-майором и отличился в итальянских кампаниях Бонапарта в 1796 году. Он выиграл сражение при Кастильоне. Затем он сменил Оша на посту командующего армиями в Самбре-и-Мезе и в Рейне-и-Мозеле (1797) и в том же году возглавил Рейнскую армию. В 1798 году оставил командование этой армией и в 1799 году был избран депутатом от Верхней Гаронны в Совете Пятиста. Он выступал противником 18 Брюмера, но поддержал Консулат.

Командовал баварскими армиями в Германии (1800–1801), затем Байоннским лагерем (1803) и, наконец, Брестским лагерем (1804). Маршал империи, командир 13-го отряда ордена Почетного Легиона, он командовал 7-м корпусом великой армии (1805–1807). Раненный в сражении при Эйлау, в котором его корпус был истреблен, он вернулся во Францию и получил титул герцога Кастильонского в 1808 году. В 1809 году командовал 8-м корпусом армии в Германии, затем 7-м корпусом армии в Испании, сменив Гувиона Сен-Сира. В 1810 году назначен командующим армии Каталонии, но вскоре заменен Макдональдом. В 1812 году командовал 11-м корпусом великой армии в Германии, а на следующий год — в Берлине. Вскоре стал губернатором Франкфурта. Он принял участие в битве при Лейпциге. В 1814 году командовал армией Востока (от Роны до Лиона). Наконец, разбитый союзниками при Сен-Жорже (март 1814), он оставил Лион и отступил в Баланс, бросив Наполеона и оскорбив его в своем воззвании к армии в апреле 1814 года. 26 апреля он встретился с Наполеоном около Баланса. Встав на сторону короля, он получил титул рыцаря Сен-Луи (1 июня 1814 года) и был назначен губернатором Лиона (21 июня). При возвращении императора он был вычеркнут из списка маршалов, хотя и принял участие в церемонии раздачи знамен на Шанде-Май (1 июня 1815 года). Тем не менее он потерял расположение императора. Когда Ожеро предложил свои услуги для службы у Наполеона, император отверг его предложение. После «Ста Дней» Ожеро попытался вернуться обратно на службу к Людовику XVIII, но король также отказался от его услуг.

94

На самом деле император не спал в Монтелимаре 25 апреля, а прибыл туда в воскресенье 24 апреля в 6.30 вечера. Он остановился там на несколько часов в «Отеле де ла Пост». Его приветствовали официальные лица города, украшенные лентами мэрии. Император благосклонно выслушал местные новости. Около 7.30 вечера он сел за стол, чтобы отужинать вместе с Бертраном и Друо. Меню его ужина включало суп, рыбу, отбивную котлету и спаржу; он выпил бокал шамбертена и чашку кофе. В отеле он приветствовал г-на Года де Русильяка и побеседовал с владельцем отеля г-ном Шабо. Он вновь двинулся в путь около 8.30 вечера и ночью спал в своей карете; через Донзер он приехал в 3 часа утра в Оранж. На почтовую станцию Авиньона император прибыл на рассвете 25 апреля. В это же утро он подвергся оскорблениям со стороны жителей городка Орган. Ночь 25 апреля он провел в гостинице «Ла Калад», не доехав восьми километров до Экса.

95

Генерал барон Жан-Батист Далесм родился в Лиможе 20 июня 1763 года, скончался в Париже в Госпитале инвалидов 13 апреля 1832 года. После того как его ранили на Дунае (22 июня 1809 года), он получил пенсию в размере 4000 франков. Он стал командующим войсками в департаменте Омброн (22 мая 1810 года), бароном империи (23 июня 1810 года) и генералом, командующим войсками на острове Эльба (24 октября 1810 года), сменив находившегося на этом посту только шесть месяцев генерала Даземара. Наполеон встретился с Далесмом на Эльбе 6 мая 1814 года. Когда император вернулся во Францию в период «Ста Дней», он присвоил Далесму звание генерал-майора и назначил его губернатором Эльбы. Но во время второй реставрации королевской власти во Франции он был отправлен королевским указом в отставку (15 сентября 1825 года). В 1830 году, после падения Бурбонов, он станет начальником Госпиталя инвалидов и высшим офицером ордена Почетного Легиона.

Бальбиани, являясь субпрефектом Эльбы, приветствовал прибытие Наполеона воззванием к населению острова, выдержанным в самых гиперболических выражениях. Затем он был назначен управляющим острова, возглавив всю судебную систему Эльбы. Под его руководством оказались все небольшие судебные организации острова (апелляционный суд, верховный апелляционный суд и гражданский суд).

Новый флаг был скопирован с флага древней Тосканы, восходящего ко временам Космо де Медичи. На наполеоновском флаге две горизонтальные полосы малинового цвета разделяла белая полоса. В верхнем левом углу флага белое поле с диагональной полосой малинового цвета было украшено тремя золотыми пчелами.

98

Остров Эльба в Тирренском море в настоящее время принадлежит Италии и входит в состав провинции Ливорно (Тоскана). Остров отделен от континента проливом Пьомбино шириной 15 километров. Он занимает площадь 225 кв. километров и его население вдвое больше, чем указывал Маршан. Этот горный остров имеет несколько гаваней: Портоферрайо, Рио-Марино, Портолонгоне, Марчиана. Железная руда добывалась в шахтах острова со времен Древнего мира.

В Средние века, примерно в X веке, на острове обосновались пизанцы, затем генуэзцы. Позднее испанцы передали остров во владение герцогу Савойскому, князю Пьомбино, из семьи Аппиани. В 1736 году остров был присоединен к Неаполитанскому королевству. В 1801 году Бонапарт сделал его частью королевства Этрурии, а через три года — французской империи. Он составлял специальный департамент Франции, а затем был включен в состав департамента Средиземноморья, пока Наполеон не стал его сувереном (с мая 1814 года по 26 февраля 1815 года).

99

Жан-Ноэль Сантини родился на Корсике, в бедной деревне недалеко от Бастии. До 1812 года он был солдатом корсиканской пехоты, затем курьером ее генерального штаба. В 1814 году он добровольно последовал за Наполеоном на Эльбу. Был назначен хранителем императорского портфеля и заодно привратником императорского дворца. Он был преданным слугой императора, сопровождал его потом и на остров Св. Елены. Под его именем был опубликован очень редкий документ — «От Св. Елены до Дома инвалидов, по следам рукописных материалов Сантини», в изложении Жозефа Шотара, сына капитана брига «Непостоянный», который привез императора во Францию обратно с Эльбы (Париж, 1854).

100

Мэр, г-н Традити, вручил императору ключи на серебряном подносе. Наполеон взял ключи, подержал их около минуты, а затем вернул мэру, сказав при этом: «Возьмите их обратно, месье мэр, я вверяю их вам. Я не мог бы сделать лучшего выбора». Впоследствии император назначил г-на Традити одним из своих четырех гофмейстеров.

101

Венсан Форези, поставщик военно-морских сил, стал как бы поставщиком императорского двора. Он часто брал на себя роль добровольного гида во время поездок Наполеона по острову и, в частности, сопровождал его, когда император выбрал место для своей резиденции в Сан-Марино.

Среди авторов, затронувших тему пребывания Наполеона на Эльбе, практически нет тех, кто бы упоминал это воззвание. Только некоторые из них косвенно ссылаются на него. Один Марселин Пелле опубликовал его в своей книге «Наполеон на острове Эльба» (Париж, 1888). Но и его версия воззвания, не изменяя его духа, отличается от текста, предоставленного Маршаном.

103

Тот же самый комментарий, что и предыдущий. Кроме Грюйе («Правление Наполеона на острове Эльба» (Париж, 1906)) и М. Пелле («Наполеон на острове Эльба»), которые вкратце упоминают об этом пастырском послании, ни один автор не удосужился поработать с текстом Маршана. Пастырское послание приводится лишь в качестве приложения в книге Вальдбурга-Трухсесса «Маршрут Наполеона на остров Эльба». Следует отметить, что у Вальдбурга-Трухсесса ничего не было за душой, чтобы рассказать о пребывании Наполеона на Эльбе, так как он остался во Фрежюсе вместе с Шуваловым. Нам известно, что комиссар от Пруссии для заключительной части своей книги использовал заметки австрийского генерала Коллера, который сопровождал Наполеона на Эльбу.

Именно об этом пастырском послании Арричи графиня д'Албани, чья ненависть к Наполеону хорошо известна, писала 20 мая 1814 года Уго Фосколо: «Наш сосед признал самого себя сувереном своего острова, и некий бродяга в сутане священника возблагодарил провидение за это».

104

Андре Пон, прозванный как Пон де л'Ерол, оставил после себя бесценный памятный материал о событиях, которые произошли на Эльбе.

Родившийся в Сете 12 июня 1772 года, сын испанского владельца гостиницы и француженки, он поочередно становился капитаном торгового судна, офицером военно-морского корабля и артиллеристом в чине капитана. Он знавал Бонапарта по дням осады Тулона. В течение двух дней он принимал Бонапарта у себя дома и познакомил его с провансальским рыбным блюдом «бульабейс». Страстный республиканец, сторонник Робеспьера и якобинец, он отказался от своего имени Андре, чтобы продемонстрировать непреклонность своих убеждений, и выбрал в качестве своих крестных отцов двух героев дела свободы, назвав себя Маратом-Лепелетье Поном. После Термидора он оставался страстным якобинцем. Был посажен в тюрьму. Сражался с войсками Директората. Он с презрением отказался от предложений Барраса перейти на его сторону. Во время 18 Брюмера был оскорблен до глубины души тем, что его бывший товарищ по Тулону «поставил силу выше закона». Проникшись отвращением к политике, отказался от государственной службы во времена Консулата и Империи. Женившись, он поклялся своей жене, что никогда не примет предложения поступить на военную службу. В 1809 году принял предложение стать управляющим железорудных шахт на Эльбе, чей доход шел в пользу Почетного Легиона. Эта должность предоставила ему полнейшую свободу. Он взялся за работу с чистой совестью и с ясным пониманием поставленных задач. До него шахты были практически заброшены; он восстановил производство руды, составил правила работы на шахтах, обещал рабочим финансовое обеспечение и соблюдение физической безопасности; он построил для них добротные дома. Своей напряженной работой он показывал пример рабочим. Он делил с ними пищу и проявлял заботу об их семьях. За один только год этот закоренелый республиканец приобрел такую известность, что на всем острове его звали «наш папа». У него имелся городской дом в Портоферрайо, загородный дом в Рио-Марино, вблизи шахт, и он вел спокойный и счастливый образ жизни, когда узнал, что Наполеон, свергнутый с императорского трона, назначен королем Эльбы.

Поскольку он являлся одним из самых важных гражданских служащих на острове, то по прибытии суверена был включен в состав делегации, которая взошла на борт фрегата «Отважный»,

чтобы приветствовать Наполеона. Вечером того дня, когда состоялась торжественная высадка императора на берег Портоферрайо, Наполеон — временно размешенный в здании мэрии — примерно в полночь обратился к Андре Пону с вопросом, не может ли тот поселить его в своем доме в Рио-Марино, если это не доставит неудобств г-же Пон. Пон удовлетворил просьбу императора. Две книги Пона опубликованы Леоном Ж. Пеллисье.

105

1 наполеон равен 20 франкам.

106

Когда Наполеон прибыл на остров, Поджи де Талаво занимал пост судьи по рекомендации Люсьена Бонапарта. Это обстоятельство поначалу стало причиной подозрительности императора, который холодно относился к судье. Но воспитанность, интеллигентность и ум Поджи вскоре завоевали доверие Наполеона, и судья был назначен главой полиции.

Именно от Поджи Маршан узнал о только что описанном инциденте. То же самое событие освещено в «Мемуарах» Пейрюса с меньшими подробностями, но в них приводится имя вора, которым был некий Аллери.

107

Мэр Традити сначала разместил Наполеона в помещении мэрии. Но в этой резиденции были отвратительные, антисанитарные условия. К тому же в помещение мэрии любой человек мог зайти без каких-либо трудностей. Поэтому император немедленно принялся искать для себя резиденцию, в которой ему не причиняли бы неудобства уличные шумы и зловонный запах сточных канав, которые в той или иной степени служили канализационными трубами. Выбор императора пал на небольшой дом, построенный в 1724 году великим герцогом Тосканы Джиан-Гастоне, последним из семейства Медичи. Дом, после того как его расширили, был занят командирами артиллерии и офицерами инженерного корпуса. Это был «дом ветряных мельниц», названный так из-за того, что находился поблизости от ветряных мельниц. Наполеон немедленно реконструировал дом, полностью переделав его во «дворец ветряных мельниц».

108

4 июня император назначил г-на Филидора капитаном порта в Портоферрайо и вменил ему в обязанность заниматься санитарной инспекцией.

109

Паоли, корсиканец, был лейтенантом жандармерии на Эльбе, когда прибыл Наполеон. 29 мая император сделал его капитаном и включил его в состав своей личной службы. Представляется, что Паоли отличался прежде всего своей тупостью и слепым повиновением.

В бюджете, подготовленном Пейрюсом и принятом Наполеоном 24 июня 1814 года, приводятся имена этих четырех камергеров с указанием их ежегодного жалованья в размере 1200 франков.

Вантини был сама учтивость: аристократ, любитель азартных игр, женолюб, он пользовался неважной репутацией. Поговаривали, что он не чуждался жить, прибегая к различным хитроумным приемам и уловкам. Но он был остроумным человеком и притом элегантным, хотя его острый язык приносил ему немало неприятностей. Его основное достоинство заключалось в том, что он постоянно выступал сторонником французского влияния на острове. Д-р Кристиан Лапи, командовавший национальной гвардией Эльбы, принадлежал к одному из самых знатных семейств острова; он был умен и расчетлив, пользуясь на Эльбе определенной репутацией. Его племянница была замужем за французским офицером, майором Камиллом Готье. Помимо своей должности камергера, Лапи был также управляющим всех лесных угодий острова. Четвертый камергер, Гваланди, был самым осторожным человеком из всех камергеров. Он был слепым на один глаз и занимал должность мэра Рио.

111

Маршан упоминает только пять адъютантов, указывая, что шестой пока еще не был назначен. Пейрюс в своих «Архивах» перечисляет шесть адъютантов: Переса, Пона, Вантини, Бинетти, Сенно и Бернотти, все в чине лейтенанта. Этот список, подписанный Бертраном, датирован 15 мая 1814 года. Поэтому, судя по всему, шестым был Фортунато Сенно. На чем же основано утверждение Маршана? Является ли оно следствием его оплошности? Или, возможно, Сенно так и не приступил к выполнению своих обязанностей? Следует отметить, что Фредерик Массон определяет, что было пять офицеров. Декрет, предшествовавший утвержденному списку адъютантов, определяет их жалованье в размере 1000 франков и оговаривает, что их униформа должна включать зеленый мундир с манжетами в гусарском стиле, с красной отделкой и с изображением пчел на лацкане, зеленые жилет и брюки, сапоги, черный воротник, серебряные эполеты и галун на правом плече. Если они надевали туфли, то жилет и брюки должны были быть белыми.

Дешам и Байльон, служившие в качестве префектов дворца в Портоферрайо, были двумя из четырех квартирмейстеров во дворце Тюильри, где начиная с июля 1808 года они служили под командованием старшего адъютанта Августина Ожера, коменданта дворца Тюильри.

Они были офицерами из элиты жандармского корпуса и завоевали расположение императора своей добросовестной службой. Они доказали, что заслуживают его, благодаря своей длительной преданности императору. Он возвел их в рыцарское достоинство, сделал капитанами и наградил их орденом Почетного Легиона. Оба были экспертами в своей профессии, и их честность была безупречна. В соответствии с бюджетом Пейрюса на 1814 год они получали жалованье в размере 6000 франков каждый.

113

Ученик Корвисара д-р Фуро де Борегар, последовавший за императором на Эльбу, служил врачом в императорском лазарете. Он принимал участие в кампании 1814 года, и, в соответствии с премиальным списком Фонтенбло, ему полагалось 30 000 франков. Его имя значится в финансовых отчетах Пейрюса во время французской кампании. 24 марта казначей выплатил Фуро, «врачу полевого госпиталя», 3000 франков на расходы, необходимые для его работы. На Эльбе в бюджете императорского двора, подготовленном Пейрюсом и принятом 24 июня 1814 года, жалованье Фуро определено в размере 13 000 франков.

114

Фармацевт Гатт, жалованье которого в соответствии с бюджетом Пейрюса равнялось 7800 франкам, был незаменимым помощником д-ра Фуро. Он производил впечатление скромного человека, который готовил лекарства с величайшей тщательностью. Он женился, как говорили, на очень красивой женщине Бланчине Ничи. Несмотря на свое добродушие, он иногда резко спорил с д-ром Фуро, и Наполеону приходилось вмешиваться, чтобы прекратить их ссоры.

115

Во времена Империи Юбер и Пелар были постоянными слугами императора. Они последовали за ним из Фонтенбло на Эльбу, но только для того, чтобы временно заменить Маршана до его прибытия в Портоферрайо.

Двое этих слуг значатся в бюджете императорского двора, одобренном императором 3 июля 1814 года (глава V «Путевые расходы»): для их возвращения во Францию им было выдано по 6000 франков каждому.

Вернувшись во Францию, Пелар стал консьержем замка.

Что касается Юбера, то он стремился поскорее вернуться к своей супруге, которая умирала в Париже. В соответствии с мнением графа де Сегюра, образование, ум, таланты и черты характера Юбера самым заметным образом выделяли его из всех слуг императора. Он рисовал «с пониманием дела». Мы обязаны ему за портрет императора, весьма интересную реликвию тех времен.

116

Никола Жилли (иногда Желли) некоторое время был слугой императора.

117

Луи Сен-Дени, сын грума, работавшего в конюшнях Людовика XVI. После своей учебы и кратковременной работы в качестве клерка нотариуса он поступил на службу в императорский двор, став учеником грума в 1806 году. В 1811 году Наполеон хотел иметь второго мамелюка в дополнение к Рустаму. Он попытался использовать для этой цели некоего Али, привезенного из Египта, но Али оказался настолько неспособным для выполнения обязанностей мамелюка, что был низведен до поста мальчика на побегушках на верхнем этаже дворца в Фонтенбло. Вместо него был выбран Сен-Дени, которому дали восточный костюм и которого назвали Али. После этого он выполнял те же самые обязанности, что и Рустам. Во время военных кампаний в России и Саксонии именно он носил подзорную трубу Наполеона и фляжку со спиртным.

На Эльбе Сен-Дени был верным и преданным слугой императора, так же как и позднее на острове Св. Елены. После себя он оставил «Воспоминания», опубликованные в 1926 году.

118

Ашиль Аршамбо служил в императорских конюшнях с 1805 года. Он был исключительно искусным кучером, который знал, как следует править лошадьми на большой скорости, как это любил император. В 1814 году он настоял на том, чтобы отправиться на Эльбу, где служил шефом ливрейных лакеев, сопровождавших императорскую карету. Его также нужно считать первоклассным слугой, на которого мог положиться его хозяин.

На острове Св. Елены, в конце жизни Наполеона, он обычно заботился о белье и одежде императора.

119

Пьеррон начинал службу при императорском дворе в 1807 году в качестве помощника кладовщика, а потом стал дворецким. Он принимал участие в военных кампаниях 1813 и 1814 годов. В Фонтенбло он настоял на своей поездке на Эльбу, чтобы заменить одного из начальников, который дезертировал. Взятый на место кладовщика, он потом никогда не покидал Наполеона.

120

По списку имен, приведенных Маршаном, можно судить о том, что личный состав обслуживающего персонала Наполеона был большим. А ведь Маршан перечисляет только главных слуг. Он не упоминает жительницу Эльбы синьору Скварчи, которая работала в бельевой, и француженку г-жу Петрониль, прачку. Не упоминает он также главного садовника Клода Оллара, работавшего ранее садовником Элизы Бонапарт в Пьомбино, и главу группы музыкантов г-на Гаудиано, которому помогали пианист г-н Сепье и две певицы — мадам Бегино и мадемуазель Гаудиано.

121

Весьма вероятно, что Бонапарты происходили из семьи патрициев во Флоренции. Во всяком случае, одна ветвь семьи обосновалась в Сан-Миниато, а другая — в Сарзане.

Последний наследник сан-миниатской ветви, каноник Филипп, поддерживал связь с корсиканскими Бонапартами. Архидиакон Люсьен, о котором пойдет речь в следующем примечании, принимал его у себя дома. В свою очередь, отец Наполеона Карло также навещал архидиакона Люсьена, когда приезжал в Пизу, чтобы сдавать экзамены по юриспруденции в местном университете. Во время итальянской кампании 29 июня 1796 года генерал Бонапарт спал в доме архидиакона Люсьена на пути из Ливорно в Сан-Миниато. Каноник Филипп дал великолепный обед в честь своего гостя и его штаба. После обеда он отвел Наполеона в сторону и рассказал ему, что Бонавентуре Бонапарт, монах из Болоньи в XVII веке, был давно причислен к лику блаженных, но его не могли канонизировать из-за чрезмерных расходов. Он попросил Бонапарта обратиться с просьбой к Папе Римскому, чтобы канонизировали Бонавентуре Бонапарта.

Наполеон, озадаченный этой неожиданной просьбой, даже и не пытался обратиться к Папе Римскому. Позднее, во время коронации Наполеона, сам Папа Римский заговорил об этом проекте канонизации, но император пропустил это мимо ушей. Останки благословенного Бонавентуре Бонапарта хранятся в Болонье в церкви Санта-Мария делла Вита. Эта удивительная история, рассказанная д-ром Антоммарки, приводится в книге этого автора «Последние минуты жизни Наполеона» (Париж, 1825).

122

Люсьен Бонапарт, архидиакон собора в Аяччо, родившийся на Корсике примерно в 1711 году и скончавшийся в 1791 году, приходился дядей отцу Наполеона и, следовательно, двоюродным дедушкой Наполеона.

Отец Наполеона, Карло-Мария Бонапарт, осиротев в 13 лет, рос под попечительством своего дяди, архидиакона, который считался важным человеком в Аяччо, выделяясь своим твердым характером и просвещенностью. Он строго контролировал племянника, который вскоре оказался мотом. Архидиакон отправил своего подопечного в колледж в Корте, основанный Паоли. Карло проучился там три года, стал юристом и женился на Петиции Рамолино, племяннице одного из каноников собора, друга архидиакона.

Наполеон часто вспоминал своего двоюродного дедушку с чувством благодарности, даже заявляя при этом, что тот был для него вторым отцом.

123

Отец Патрол был преподавателем математики в Бриенне. Оставив Бриенн, он стал мирянином, поступив на службу г-на де Ломени, Сенского епископа, который назначил его заведовать финансовыми делами.

В начале итальянской кампании Патрол отправился к своему бывшему ученику, ставшему генералом Бонапартом. Ему поручили секретарские обязанности, и он был назначен управляющим национальных земельных угодий, на этом посту Патрол вскоре сколотил большое состояние. Он жил на широкую ногу, стал собственником отеля в Париже и загородного дома в Сюрене, но ухитрился потерять все, что приобрел. Узнав об этом, Первый консул не захотел более видеть его. Он всего лишь закупил несколько апельсиновых деревьев, украшавших дом в Сюрене, и распорядился перевезти их в Мальмезон. Позднее он снабдил Патрола денежным пособием, чтобы обеспечить его существование.

Это факт многократно подтверждается всеми современными мемуаристами, в том числе и такими, как Кэмпбелл и Пон де л'Ерол. И действительно, толпы приезжих ежедневно высаживались на Эльбе. Они приезжали со всей Европы: из Италии, Германии, Норвегии. Французские матери привозили с собой детей, чтобы показать им «героя из героев». Возбужденные до предела пожилые дамы, не в силах более вынести ссылку «Славы Франции», покидали свой дом, чтобы приехать на Эльбу и всего лишь приветствовать императора. Но чаще всех приезжали англичане: некоторые в качестве простых туристов; другие, влиятельные политики или аристократы, добивались чести быть принятыми во дворце Мулини. Офицеры британских военных кораблей, плававших в Средиземном море, брали отгул, чтобы посетить Эльбу, причем так часто, что командующий британской эскадрой был вынужден запретить эти бесконечные поездки с кораблей на остров и обратно, которые противоречили уставным положениям.

125

Дворец Мулини. Император действительно приказал снести лачуги, беспорядочно разбросанные на верхнем плато гористого склона, на котором расположился Портоферрайо, и очистить место вокруг двух зданий, занятых артиллерией и инженерами, до того, как соединить эти постройки с главным зданием. Он был настоящим архитектором собственных владений, сам выполнял чертежи. Поднявшийся из каменных развалин дворец, в который император въехал в конце мая, был закончен только в сентябре. Сад, который он заложил в итальянском стиле, выходил в сторону моря.

126

Все дороги острова расходились лучами из Портоферрайо. Одна вела на запад к Марине и Монт-Джове; другая вела на юг и на восток к Порто-Лонгоне, Рио-Марино и к железорудным шахтам. Помимо этих двух дорог, пересекавших остров с одного конца на другой, единственной оставшейся важной дорогой, доступной для карет, была дорога, которая вела к Кампо, последней большой деревне на юге острова, знаменитой своими гранитными карьерами, которые поставляли колонны для церквей и дворцов Пизы. Помимо этих дорог, которые до Наполеона были в плохом состоянии, на острове пользовались тропами для мулов, часто едва различимыми. Наполеон старался основать на острове первую дорожную сеть и для воплощения в жизнь своего плана назначил Леопольда Ломбарди инспектором дорог и мостов.

127

Дворец Мулини не был закончен, когда Наполеону захотелось иметь еще один дом, который бы находился в более спокойной сельской местности. Он построил дом в Сан-Мартино.

К нему можно доехать по дороге в Марину. В четырех километрах от Портоферрайо дорога разветвляется в сторону долины, над которой господствует гора с крутым склоном с виноградниками у подножия и с дубовыми рощами на вершине. Дорога затем ведет вверх и на полпути к вершине горы предлагает изумительно красивую панораму. Наполеон купил этот участок земли, отрядив Форези для переговоров, у офицера 35-го линейного полка по имени Манганаро. На самом деле земельная собственность в Сан-Мартино была куплена и за счет принцессы Полины, продавшей ради этого несколько бриллиантов.

Это был скромный дом: четыре белоснежные стены с пятью окнами на фасаде; первый этаж с узкой дверью и второй этаж, чья тыльная сторона — благодаря горному склону — находилась на одном уровне с садом с дубами, акациями, тутовыми и другими разнообразными деревьями, и со средиземноморским вязом, посаженным самим Наполеоном.

128

В 1807 году Наполеон сформировал соединение польской легкой кавалерии в Варшавском великом княжестве. В 1809 году кавалеристы соединения стали польскими уланами, и к концу 1811 года составляли уже три полка. Уланы, последовавшие за императором на Эльбу, были из этих полков. Их командиром был барон Жермановский, майор, а его помощниками два капитана: Шульц и Балинский. Имена этих трех офицеров приведены в самом конце воззвания императорской гвардии к французской армии во время высадки Наполеона в бухте Жуан.

129

Императрица Жозефина скончалась в Мальмезоне в полдень 29 мая от инфекционного гриппа. Ее последним словом было имя Наполеона. Она скончалась в своей комнате, одетая в красное платье с золотой вышивкой, которое по-прежнему можно увидеть на втором этаже замка, превращенного в музей. Кровать, на которой императрица испустила последний вздох, также по-прежнему находится в замке Мальмезон.

Маршан добавил на полях рукописи своих «Мемуаров» следующее замечание:

«Император с раздражением узнал об обращении императора Александра к Людовику XVIII с просьбой оказать помощь королеве Гортензии, он считал, что для него было бы лучше просто проявить к ней участие в это скорбное для нее время».

Маршан, судя по всему, нерешительно, почти с сожалением добавил в свою рукопись это подстрочное примечание, навязанное ему его же желанием быть предельно точным в изложении событий, поскольку он боготворил первую императрицу и королеву Гортензию. И в самом деле можно понять раздражение Наполеона, если бы постоянно повторяемые ему слухи соответствовали правде. Но Наполеон в то время ничего не знал об обстоятельствах, которые заставили Жозефину пойти на контакт с царем Александром. Именно император Александр по своей воле написал Жозефине письмо с просьбой принять его в Мальмезоне. «Я охвачен, — писал он ей, — желанием встретиться с вами, Мадам: с первого же дня моего пребывания во Франции я слышал, с каким огромным уважением буквально все произносят ваше имя. И в самых бедных хижинах, и в замках я узнал подробности относительно вашей ангельской доброты, и мне доставит удовольствие передать Вашему Величеству благословения, которые я услышал в адрес Вашего Величества».

Разве этот документ не служит решительным ответом на все клеветнические заявления, которые оскорбляют память Жозефины? Некоторые историки забыли о прекрасном письме, написанном отвергнутой императрицей Наполеону, приговоренному к ссылке на остров Эльба. «Если я узнаю, вопреки всему, что я та единственная, кто желает выполнить свой долг, то тогда ничто не удержит меня и я поеду в то единственное место, где могу найти счастье для меня, так как я смогу утешить вас, когда вы изолированы от всего и чувствуете себя таким несчастным. Скажите только одно слово, и я выезжаю». Разве мы

можем не видеть разницы между этим отношением к Наполеону и отношением к нему со стороны Марии Луизы, которая так скоро забудет Наполеона в объятиях некоего Нейперга или некоего Бомбеля?

Поэтому было ошибкой вменять в вину Жозефине ее отношения с теми, кто внес свой вклад в уничтожение империи. Она ничего не просила.

Только царь протянул ей руку в то время, когда она столкнулась с разного рода трудностями, и будущее ее детей и внуков стало причиной ее законной озабоченности.

Бесценное свидетельство Коленкура в его мемуарах все ставит на место. Именно он постоянно занимался решением финансовых проблем Жозефины и королевы Гортензии. «Император России, — пишет он, — был при всех этих возникших обстоятельствах наиболее полезным защитником и сторонником Жозефины. Его вмешательство помогало мне преодолеть все трудности».

Жозефина, покупая любую вещь, никогда не спрашивала цену, и некоторые купцы и торговцы пользовались этим. Мы знаем от мадемуазель де Ремюза, что «император хотел бы, чтобы торговцам был закрыт доступ к императрице, но в этом вопросе он должен был уступить».

Мадемуазель Депо была известна уже во времена Директората. Газета тех дней «Критические недели» называла ее «Микеланджело моды». Ради своего делового предприятия она сохранила девичье имя, хотя уже была замужем за сотрудником военного министерства.

Если можно верить весьма подозрительным «Мемуарам и воспоминаниям знатной дамы», то мадемуазель Депо была ревностной роялисткой, бескорыстно работавшей в пользу всех знаменитых семейств, подвергнутых гонениям во время революции, и якобы выступала в роли посредника, чтобы добиться личной встречи между Жозефиной и одним другом Бурбонов, который прибыл в Париж для зашиты интересов герцога Энгиенского. «Мемуары» мадемуазель Аврильон, первой камеристки императрицы, заслуживают большего доверия. В этих мемуарах можно прочитать подробное описание всей истории с мадемуазель Депо, приведенной здесь Маршаном.

Что касается разницы в денежном содержании, предоставленном двум императрицам, то мадемуазель де Ремюза дает следующее объяснение в своих «Мемуарах»: «Причина заключалась в том, что госпожа Бонапарт должна была много помогать бедным членам своей семьи, которые часто обращались к ней за помощью, и в том, что, имея родственников во Франции, которых не было там у великой герцогини, она должна была тратить денег больше. Госпожа Бонапарт и подарков делала больше; но поскольку она никогда не делала подарков из числа принадлежавших ей вещей, а всегда покупала их, то тем самым она в огромной степени увеличивала свои долги».

132

Принцесса Полина прибыла на Эльбу 1 ноября, чтобы разделить с братом его ссылку.

133

Это был дворец Мулини, реконструкция которого проводилась с большой энергией. Центральное здание сначала состояло только из одного первого этажа, включавшего спальную комнату императора, библиотеку, кабинет и гостиную комнату для адъютантов. Над этим этажом Наполеон надстроил большой салон с высокими окнами, который можно было использовать и в качестве зала для балов и зала для приемов. Справа от центрального здания стояло бывшее здание для инженеров с кладовыми, буфетными и кухнями на первом этаже; на втором этаже было восемь комнат. Слева от центрального здания находилось бывшее помещение для артиллеристов, на первом этаже которого одну комнату разделяла раздвижная перегородка. В одной части комнаты находилась столовая, а в другой — театр; помимо этой комнаты, на первом этаже было еще пять комнат. На втором этаже этого здания находились апартаменты, предназначавшиеся для Марии Луизы и Римского короля. В эти апартаменты въехала принцесса Полина со своей свитой. Наконец, большое здание, о котором упоминает Маршан, это то здание, что под прямым углом соединено с бывшим помещением для артиллеристов галереей. В этой галерее предстояло построить оранжерею, помещения для канцелярии и ванную комнату императора. Она соединялась с бывшим театром, который Наполеон обычно предоставлял Полине для ее театра, в ожидании окончания строительства муниципального. Сегодня «Каса дель Мулини» покрашен в белый цвет, а его ставни — в зеленый. Внешний вид здания изменился мало.

134

Западная дорога ведет к высокой горе, закрывающей горизонт, с двумя соседствующими остроконечными вершинами: Монте-Капанне и Монте-Джиове. Именно эту гору Маршан называет Маунт-Кампана. Дорога сначала ведет в Марчиану, которая, подобно многим среднеземноморским поселениям, состоит из двух деревень: Марчиана-Марина (Марчиана-у-моря) и Марчиана-Альта (Верхняя Марчиана). Как раз над Марчианой-Альта в конце довольно крутого подъема можно обнаружить часовню «Мадонны» среди каштановой рощи. Перед папертью в небольшой каменный резервуар стекает вода из четырех ключей. Фасад часовни украшен фресками. В нескольких ярдах от часовни стоит маленький дом, который одно время служил прибежищем для отшельников и который привлек внимание Наполеона, когда он в первый раз посетил этот уединенный уголок в начале августа. В доме жил хранитель всего этого места Ромити. Император немедленно решил купить дом и сделать из него летнюю резиденцию.

20 августа он вернулся в Марчиану-Альта и жил в маленьком доме около часовни до конца месяца. Именно там он принимал госпожу Валевскую.

Эта скала была названа скалой Аффачьятойо. Наполеон сидел на ней часами, устремив взгляд на остров, где он родился.

136

Остров Пьяноса, в Тирренском море, сейчас принадлежит Италии и входит в состав провинции Ливорно (Тоскана). Он находится в 15 километрах от Эльбы и населен в наши дни несколькими сотнями рыбаков. Это тот знаменитый римский остров Пьяноса, куда был сослан Агриппа, позднее убитый по приказу Тиберия.

Когда Наполеон правил на Эльбе, остров Пьяноса был необитаемым. Его навещали жители Рио, Порто-Лонгоне и Кампо, отправлявшиеся на остров, чтобы собирать сено. В 1803 году Франция во времена Консулата превратила остров в крепость. В 1805 году сестра императора Элиза, принцесса Пьомбино, распорядилась построить там небольшой форт с четырьмя пушками и с гарнизоном в 150 человек, перед которыми была поставлена задача отгонять пиратов. Но в 1809 году англичане разрушили форт и взяли в плен личный состав гарнизона. Несколько колонистов сбежали с острова, и на нем осталось только немного диких коз.

В мае 1814 года император решил осуществить военную оккупацию и колонизацию острова. Он посещал его несколько раз, подобрал место для форта и решил сеять там наиболее выгодную зерновую культуру — пшеницу.

Но если ему не удалось развить там сельское хозяйство, то зато он превратил остров в такую стратегическую крепость, что полковник Кэмпбелл заволновался и дал понять императору, что, насколько он понимает, в договоре Фонтенбло никакого упоминания об острове Пьяноса не было. Император не обратил внимания на его возражения. Когда он вернулся во Францию, то распорядился транспортировать на остров военные материалы, чтобы пополнять вооружение своей флотилии.

137

Монтекристо — крошечный островок в Тосканском архипелаге в Тирренском море площадью в десять квадратных километров. На нем остались руины бенедиктинского монастыря, разрушенного в XVI веке берберами.

138

Меллини родился в Портоферрайо в 1766 году. После службы в войсках короля Сардинии он в 1788 году отправился в Бастию, на Корсику. Стал артиллерийским офицером национальной гвардии, а в 1793 году лейтенантом в 16-й пехотной дивизии, после чего служил в инженерном корпусе. Он был хорошим художником и с готовностью отдавал свои рисунки благожелателям. Став в 1795 году капитаном инженерного корпуса, он вновь служил на Корсике, а затем в итальянской армии. В 1798 году вернулся в Портоферрайо, где адмирал Брюэ поручил ему важную работу по составлению подробной географической карты Эльбы с нанесением на ней всех военных объектов. Работая над картой, он был взят в плен англичанами, которые интернировали его на Эльбе, изъяв у него личное имущество и инструменты. В 1802 году он подал в отставку, получил пенсию по инвалидности, четыре года спустя стал хранителем памятной пирамиды, возведенной в Маренго в 1806 году. В 1814 году он присоединился к императору на Эльбе и стал там командиром военных инженеров.

139

Дом, подобранный для мадам Мер, находился на улице, ведущей вверх к форту Этуаль и ко дворцу Мулини. Это был дом камергера Вантини; со своими вместительными комнатами он считался одной из самых лучших резиденций в Портоферрайо. Аренда дома была определена в 200 франков в месяц.

140

Компаньонками мадам Мер были г-жа Блашье и графиня де Блу де Шаденак.

141

Ансельм Мале. Солдат, тамбурмажор охраны Первого консула, лейтенант, затем капитан пехотного полка, майор «старой гвардии» стрелков, начальник штаба императорской гвардии на Эльбе, он был убит во время сражения при Ватерлоо. Принимал участие в военных кампаниях с 1793 по 1815 год. Был ранен в сражениях при Сен-Жан-д'Акр, при Лоди и при Эслинге. Был офицером ордена Почетного Легиона и типичным ворчуном. Он был майором, а не полковником, и его заместителем в штабе императорской гвардии был капитан Лаборд. Он запомнился своей стычкой в Лионе с несколькими австрийскими офицерами, оскорбившими трехцветную кокарду, после чего он хотел вызвать их на дуэль.

142

Джюзеппина Грассини (1773–1850) стала знаменитой благодаря своему огромному успеху в опере «Ромео и Джульетта», поставленной в Миланском оперном театре «Ла Скала», когда в мае 1796 года французская армия вступила в Милан.

На острове Св. Елены Наполеон обычно говаривал: «Несмотря на то, что красивые итальянские женщины пускали в ход все свои прелести, я был к ним равнодушен». И 23 мая 1796 года он мог писать Жозефине: «Пять или шесть сотен очаровательных и элегантных женщин стремились понравиться мне, но ни одна из них не была похожа на тебя… Я никого не видел и ни о ком не думал, кроме тебя…» Казалось, по крайней мере тогда, очаровательная Грассини не смогла отвоевать сердце Бонапарта у отсутствовавшей креолки. Но четыре года спустя, в 1800 году, Бонапарт, вернувшись из Египта, совершил переход через Сен-Бернар и 2 июня вновь вступил в Милан. В честь Первого консула давались концерты. Грассини пустила в ход свои чудесные таланты, и утром 3 июня Бертье, войдя в спальню Первого консула, обнаружил там очаровательную певицу. Она сумела — до и после Маренго — завоевать внимание героя: он не только не устоял перед ее прелестями, но и отвез ее в Париж.

Следовательно, можно понять, что это случилось не в 1803 году, во время коронации, как это утверждает Маршан, но еще во время второй итальянской военной кампании, когда Грассини завоевала внимание Наполеона. Маршан ошибается по доброте своей.

Но эпизод с Грассини долго не продолжался. Она утешилась с виолончелистом Роде. Наполеона столь мало волновала эта певица, что ее неверность не вызвала у него какого-либо недовольства и он нанял ее в 1808 году для работы в театре императрицы, определив ей жалованье в размере 36 000 франков. Она присутствовала на всех светских мероприятиях в конце Империи. В 1811 году она давала концерты в личных апартаментах Тюильри. Все салоны маршалов соперничали между собой, чтобы заполучить ее к себе. Однако когда Наполеон лишился власти, несмотря на все блага, оказанные ей, она оказалась на грани нужды.

В 1814 году она пела уже в Лондоне и, до и после «Ста Дней», ее часто можно было видеть с Веллингтоном, любовницей которого она стала. Проводя свою жизнь между Парижем и Миланом, она скончалась в 1830 году. Во время события «Возвращения праха» она могла бы слышать под куполом

Инвалидов, как ее племянница Юдит Гризи вела музыкальную программу этой великой церемонии (см. Андре Гавоти «Ла Грассини», Париж, 1950).

143

Джироламо Кресчентини, знаменитый итальянский (кастрат) певец (1769–1846). Он добился большого успеха в итальянских городах, а также в Вене, выступая в опере Зингарелли «Ромео и Джульетта». На Наполеона произвел сильное впечатление талант певца, и, когда император находился в Шенбрунне, он подписал приказ о переводе певца на службу в Париж, где сделал Кресчентини первым певцом императорского двора и своей личной певческой капеллы с жалованьем в размере 30 000 франков. В 1809 году, прослушав его пение, император послал певцу щедрый подарок и знак ордена Железной Короны, который он только что учредил в Италии в качестве эквивалента французского ордена Почетного Легиона.

144

Фердинандо Паер, знаменитый итальянский композитор (1771–1839). В 1791 году в Венеции он написал оперу «Цирцея».

Трудно разделять чувства и уверенность Маршана по этому вопросу. Паер, Грассини и Кресчентини в период «Ста Дней», несомненно, заверяли Маршана в том, что они бы поехали на Эльбу. Кресчентини, возможно, и поехал бы, но Паер был назначен Людовиком XVIII композитором его камерного оркестра еще до того, как он стал учителем пения герцогини Берри. Что касается Грассини, то она пела, и не только пела, услаждая Веллингтона.

Нет необходимости подробно говорить об этих двух хорошо известных людях, мимоходом упомянутых Маршаном. Наполеон осыпал милостями великого трагика Тальма (1763–1826), игравшего по его просьбе в Эрфурте перед «аудиторией, состоявшей из королей». Мадемуазель Жорж отличалась в ролях королев. Она была великой актрисой театра «Комеди Франсез», а также стала предметом самого нежного внимания со стороны Наполеона. Тальма оставался верен императору вплоть до самого своего смертного часа. Сам Тальма вспоминал о событии, достойном того, чтобы вновь рассказать о нем: «Когда император вернулся с Эльбы, то был столь любезен, что заговорил со мной о письме, которое я написал ему в Фонтенбло во время его отречения от престола, когда все покидали его, и люди и судьба. «Мой бедный Тальма, это письмо не удивило меня, — сказал император и затем добавил: — Ты был очень несчастлив, когда писал его мне, но у судьбы есть свои положительные стороны: свой ответ на твое письмо я доставляю тебе сейчас лично, и мы будем вновь встречаться друг с другом».

Во время его фатальной болезни врачи, ухаживавшие за ним, обнаружили на его груди небольшой золотой медальон с портретом императора, под которым были выгравированы следующие слова на латинском языке: «Тиби семпер фиделис» («Ты всегда верен»). Лучшего свидетельства его верности Наполеону привести невозможно.

Что касается мадемуазель Жорж, то, хотя после 1813 года она была отвергнута Наполеоном и более не приходила в залитую солнечными лучами комнату в Тюильри, она была единственной из его любовниц, остававшейся верной его памяти и во времена превратностей судьбы, и когда он был на вершине власти.

147

Антуан Лебедь, родившийся в 1765 году, поступил в 1784 году на военную службу в качестве жандарма, а потом всю жизнь служил в частях кавалерии. В 1813 году он был адъютант-майором. Судя по всему, он добровольно приехал на Эльбу вместе с женой и очаровательной дочерью. Был разговор о его назначении на должность командира в Лонгоне. Его дочь под именем графини Моло была определена Наполеоном на службу к принцессе Полине, но сам Лебедь лишился благосклонности Наполеона. Лебедь был полковником во время сражения при Ватерлоо, и 18 июля 1815 года встал на сторону короля.

Подробные данные о Лебеде приводятся в книге Пон де л'Ерола «Воспоминания и рассказы об Эльбе». Но здесь мы должны отметить дважды допущенную ошибку, возможно, вследствие того факта, что Лебедь с готовностью отзывался на неточные звания. Он не был адъютант-генералом, как утверждает Пон, но был адъютант-майором. Он также не был и генералом, как пишет Маршан. Он стал генералом, только присоединившись к рядам сторонников короля в 1815 году.

148

«Калиф Багдада», одноактная комическая опера (композитор Адриан Бойельдье), впервые исполнена на сцене театра «Фавар» 16 сентября 1800 года.

149

Капитан Жюль Лубер (1785 — скончался после 1840) командовал 4-й ротой императорской гвардии на Эльбе. Происходя из знатной семьи, он был снобом, претендовавшим на роль аристократа, и не пользовался популярностью. Император определил его в качестве официального партнера принцессы Полины во время императорских балов, что было неплохим выбором. Он ушел в отставку в звании подполковника в 1830 году и в 1840 году проживал в Гаскони.

150

Вилла «Ла Жоншер», подаренная супружеской паре Бертран, соседствовала с поместьем Мальмезон. Она находилась на дороге, которая начинается от поместья и ведет к селениям Ла Жоншер и Ла Сель-Сен-Клу. Вилла представляет собой скромное сооружение, которое, с ее главным зданием и флигелями с каждой стороны, окружающими большую центральную террасу, имеет вид маленького замка. Внутренняя отделка, выполненная Персье и Фонтаном, сохранилась в некоторых комнатах, особенно в столовой. Поместье в настоящее время принадлежит г-ну Морису Берару. Бургиньону повезло, что он смог спасти замок и его внутреннюю отделку во время немецкой оккупации во Второй мировой войне.

151

Уезжая из Фонтенбло, гофмаршал Бертран написал 19 апреля письмо Коленкуру с просьбой присмотреть за его супругой: «Как только я приеду на Эльбу, я напишу моей супруге, чтобы она присоединилась ко мне; прошу вас обеспечить ее паспортами для нее, двух служанок и детей. Также обеспечьте, пожалуйста, отдельным паспортом моего брата Луи, который привезет ее и сразу же вернется обратно…»

Коленкур получил требуемые паспорта и воспользовался представившейся возможностью направить императору письмо от 28 мая 1814 года, в которое были вложены копии различных ратификационных грамот союзников, а также еще одно письмо от 2 июня с копией английского акта о приверженности к договору от 11 апреля. Именно эти письма и содержавшиеся в них копии дипломатических документов и были привезены графиней Бертран на Эльбу.

152

Мадам Мер последовала за императором, когда он возвращался в Ла Мадонну 20 августа, и остановилась в Марчиане Альта вместе со своим камергером, управляющим, двумя компаньонками, двумя горничными, поваром и четырьмя слугами. Она заняла дом, который сохранился до сих пор. На фасаде дома установлена мемориальная доска. Из Ла Мадонны Наполеон 23 августа написал гофмаршалу в Портоферрайо: «Я захватил с собой три железных кровати. Я хочу, чтобы одну такую же переправили мадам Мер в Марчиану. Ей там будет удобно в доме заместителя судьи… У нее будет собственная комната и три комнаты для сопровождающих ее лиц. Необходимая основная мебель в доме уже есть. Я распорядился, чтобы ей еще подослали туалетный столик. Думаю, в доме достаточно кухонной утвари, свечей и ламп. Для ее комнаты вышлите три занавеса, карнизы там уже есть. Вышлите нам все необходимое для камина, так как я думаю, что они правильно говорят, что ночью необходимо поддерживать огонь в камине». Император не планировал задерживаться в Ла Мадонне более четырех или пяти дней. Но оставался там почти две недели и выехал оттуда только 4-го или 5 сентября после визита г-жи Валевской.

153

Читателю знакомо имя г-жи Валевской.

«Дитя Ваграма», как называли сына императора и Марии Валевской, стал под именем графа Валевского (1810–1868) в период Второй империи послом и министром иностранных дел.

154

Сестрой г-жи Валевской была Эмилия Лачинская, а братом — полковник Теодор Лачинский.

155

После отъезда Наполеона на остров Св. Елены г-жа Валевская посчитала себя свободной и 7 сентября 1816 года вышла замуж за генерала, графа д'Орнано (1784–1863), дальнего родственника семьи Бонапартов и бывшего полковника гвардейских драгунов, ставшего маршалом во время Второй империи. Г-жа Валевская скончалась 11 декабря 1817 года.

156

Ссылка на визит г-жи Валевской в Фонтенбло в то время, когда император пытался покончить жизнь самоубийством. Она всю ночь прождала в приемной дворца его вызова. Но Наполеон вспомнил о ней только утром, когда несчастная женщина, устав ждать, только что покинула дворец. Император сказал: «Бедная женщина, она подумает, что забыта!» И сам находясь в состоянии полнейшей депрессии из-за политической и военной катастрофы, он нашел время, чтобы утешить ее запиской от 16 апреля: «Мари… чувства, испытываемые Вами, глубоко тронули меня. Они достойны Вашей прекрасной души и доброты Вашего сердца. Когда Вы урегулируете Ваши дела и если Вы захотите поехать на минеральные воды Лукки или Пизы, то я встречусь с Вами с огромным удовольствием, так же как и с Вашим сыном, в отношении которого мои чувства никогда не изменятся. Берегите себя, думайте обо мне с добрыми чувствами и никогда не сомневайтесь во мне!»

В августе 1814 года она была во Флоренции, затем в Неаполе, и именно оттуда отправилась на Эльбу.

157

Небольшая гавань на восточном берегу острова, в районе железных руд. Сегодня город насчитывает 3000 человек. Над гаванью на скалистом гребне горы возвышается цитадель, построенная испанцами в XVII веке. С тех пор итальянцы превратили ее в помещение для тюрьмы.

158

Полковник Жермановский, родившийся в 1779 году, записался добровольцем в 1800 году в польский легион, служивший Франции. После 1806 года он числился в рядах польской легкой кавалерии. Отправился на Эльбу вместе с Наполеоном, был полностью предан ему и с ним же вернулся во Францию. Он командовал уланами императорской гвардии в сражении при Ватерлоо, где был ранен. Был командором ордена Почетного Легиона и бароном империи.

Это был, вероятно, тот француз, который жил в Неаполе и которому принцесса Боргезе часто отдавала свои личные веши.

160

Генерал Луи-Герен де Брюслар (1752–1829) был офицером, служившим старой монархии. Эмигрировав из Франции в 1791 году, он стал адъютантом герцога Бурбонского и в 1814 году готовил прибытие герцога Берри на берег Нормандии. Во время первой Реставрации Людовик XVIII сделал его губернатором Корсики. Он получил официальный приказ «отделаться любой ценой от Бонапарта».

161

Пон де л’Ерол также упоминает эту даму в своих «Воспоминаниях и рассказах об Эльбе». Он пишет, что ее сопровождал совсем молодой мальчик, говоривший, что она была его теткой. Пон де л’Ерол упоминает, что она выглядела чуть старше 25 лет, говорила на правильном французском языке, обладала прелестным личиком и была соотечественницей генерала Друо.

162

Пранжин, округ Во, находится на дороге вдоль побережья озера, на полпути между Женевой и Лозанной. Замок был построен примерно в 1750 году г-ном Гиге, банкиром из Сен-Гадля, который взял себе имя замка. Его внук, генерал Гиге де Пранжин, продал замок королю Жозефу, высланному из Франции после первой Реставрации. Бывший король Испании расширил имение, построив элегантную резиденцию, известную как Ла Бержери, между лесом и берегом озера. Вилла Пранжин, в которой когда-то жил принц Наполеон (Жером), по-прежнему принадлежит главе семейства Наполеонов.

163

Имя Маркаджи ассоциируется с эпизодом времен революционных дней на Корсике, когда возникла внутренняя междоусобица между антифранцузскими партизанами во главе с Паоли, которых поддерживала Англия, и полномочными членами конвенции Корсики, получавшими поддержку в том числе и со стороны семьи Бонапартов; Бастия была местонахождением членов конвенции, а Аяччо целиком был в руках сторонников Паоли. Описываемый эпизод относится к концу апреля или началу мая 1793 года во время пятого по счету пребывания Наполеона на Корсике, куда он приехал в октябре 1792 года и откуда выехал в июне 1793 года вместе со всей своей семьей, «выброшенный с родины, которую он так горячо любил».

Наполеон, которого Паоли называл «мошенником», чувствуя, что далее ему небезопасно находиться в Аяччо, решил покинуть этот город и присоединиться к полномочным членам конвенции в Бастии. Он отправился в путь пешком вместе с одним из своих пастухов. Где-то между Виварио и мостом Веччо ему стало ясно, что если он пойдет дальше, то неизбежно будет арестован. Он решил, что для него будет лучше, если он тайно возвратится в Аяччо и затем морем доберется до Бастии. Но паолистские крестьяне схватили его и заперли в комнате на первом этаже. К счастью, окно комнаты открывалось в сторону дороги. В тот же вечер, в темноте, Наполеон незаметно выпрыгнул из окна и убежал в сопровождении своих сторонников: один был Феликс Тюсоли, другой — Маркаджи, которого он вновь встретил на Эльбе в качестве жандармского сержанта.

164

В дополнительном распоряжении к завещанию Наполеона, датированном 24 апреля 1821 года, упоминается следующий пункт среди других 20 распределений имущества по завещанию: «Я завещаю 100 000 франков Маршану, из которых 30 000 франков он депонирует казначею, чтобы они были использованы для завещательных даров для успокоения совести, в соответствии с моими распоряжениями». Один из этих даров и был предназначен для Маркаджи.

165

Это был бриг «Непостоянный», который Наполеон направил к Полине, чтобы доставить ее в Портоферрайо. Она поднялась на борт брига в Портичи 29 октября. Ее эскорт составляли четыре старших офицера, которых император сам назначил. «Непостоянный» прибыл в гавань Портоферрайо 1 ноября 1814 года. Прибытие принцессы приветствовалось орудийными салютами батарей фортов.

166

Г-жа Коломбани была супругой итальянского армейского майора, которого Наполеон обнаружил на Эльбе и взял на свою службу. Император назначил молодую женщину в качестве компаньонки Полины; она не только была грациозной и обаятельной, но к тому же обладала образцовыми манерами. Император, судя по всему, поручал различные миссии на континенте ее шурину, бывшему военному комиссару Коломбани. Вторая компаньонка Полины, упомянутая Маршаном, испанка, была женой польского майора. Она, видимо, была очаровательной женщиной и прекрасно танцевала андалузский танец фанданго. На следующий год, 29 июня 1815 г., она приедет навестить императора в Рамбуйе, чтобы попросить разрешения последовать вместе с ним на остров Святой Елены. Позднее она отправилась в Южную Америку и основала в Лиме большой школьный интернат для девушек, где нажила состояние.

167

Французское измерение; английское — 5 футов 7 дюймов.

168

Балинский был капитаном польского эскадрона уланов. Войдя в его состав в 1807 году, он провел большую часть своей военной карьеры в этом элитном подразделении, в сражении при Ваграме был ранен. Во время второй Реставрации он отправился служить в русскую армию.

169

Мать Маршана занимала должность няньки юного Римского короля.

170

Декретом от 22 октября 1810 года графиня Монтескью была назначена «гувернанткой детей Франции». Урожденная Ле Теллье де Лувуа де Куртанво и прямой потомок первого министра Людовика XVI, она стала супругой графа де Монтескью, который 29 января 1809 года сменил Талейрана на посту обер-камергера императора. После отречения в Фонтенбло она послушно последовала за Римским королем в Вену, продолжая выполнять обещание, данное императору.

Римский король называл ее «мама Кью» и очень любил. Она никогда не покидала его и была с ним все время, начиная с минуты, когда он вставал с постели и вплоть до часа, когда он ложился спать. Но когда на Венском конгрессе были приняты более жесткие меры против эльбанского монарха, г-жа Монтескью и ее верные сторонники почувствовали возрастающую угрозу. 20 марта 1815 года барон де Вессемберг информировал ее о «ликвидации ее должности и о необходимости покинуть двор Марии Луизы». Мать Маршана, которой мы обязаны трогательными подробностями, описанными здесь, конечно, разделила судьбу г-жи Монтескью.

171

Это знаменитый князь Линь (1775–1814), один из самых блестящих людей своего времени, который отражал международный менталитет XVIII века, автор знаменитой книги «Военная, литературная, сентиментальная смесь» (именно так в оригинале). Являясь фельдмаршалом австрийской армии, связанный родством с императорской семьей, он, тем не менее, не скрывал своего восхищения Наполеоном. Он скончался во время Венского конгресса, в котором принимал участие. Забавный случай, рассказанный Маршаном, произошел в самом конце его жизни.

172

Клод, барон де Меневаль (1778–1850). Сначала служил секретарем Жозефа Бонапарта во время переговоров, предшествовавших заключению Люневильского и Амьенского договоров. Жозеф предложил его кандидатуру на должность секретаря Первого консула с заменой на этом посту Бурьенна. Наполеон всегда высоко ценил службу и преданность Меневаля и назначил его на штатную должность при Марии Луизе, когда она была объявлена регентшей. Меневаль последовал за императрицей в Вену и сумел держать Наполеона в известности относительно того, что происходило на Венском конгрессе. Но, подобно г-же де Монтескью, он был отослан обратно во Францию. Он провел один день в Пранжине, который стал своего рода центром связи между Эльбой, Австрией, Неаполитанским королевством и Францией. В своих мемуарах он приводит рассказ о собственном визите к королю Жозефу. «Я испытывал большое желание вновь повидаться с членами этой благородной семьи, которая с такой добротой отнеслась ко мне в дни моей юности. Я увидел короля Жозефа таким же, каким он и был всегда, — добрым, любезным и скромным, вернувшимся, подобно Цинциннату, к радостям сельской жизни и более интересовавшимся ее подробностями и судьбой императора, чем предававшимся воспоминаниям о блестящей и бурной карьере, которую он делал…»

173

Именно благодаря Меневалю Наполеон узнал о путешествии Марии Луизы по Швейцарии и о ее визите в Пранжин. Визит Марии Луизы к ее шурину Жозефу в июле 1814 года вызвал отрицательную реакцию и протесты французского посланника в Цюрихе, высказанные им двум депутатам кантона Во, г-дам Мюре и Моно. Последний рассказывает: «Посланник заявил нам, что бывший король Жозеф в нашей среде не проявляет достаточной осмотрительности, которую от него обычно ждет Франция. Когда приехала Мария Луиза, он должен был украсить свою грудь наградами, в том числе орденом Золотого Руна; он должен был повсюду сопровождать ее, и то, что он этого не сделал, огорчило народ; везде раздавались возгласы: «Да здравствует император! Да здравствует Наполеон!» Эти возгласы были также слышны и в Лозанне».

174

Маршан упоминает Нейперга в тот период, когда тот приехал в Экс-ле-Бен служить Марии Луизе. Когда Нейперг выезжал из Вены, чтобы занять новую должность, он заявил: «Не пройдет и десяти месяцев, как я стану ее любовником и вскоре после этого — ее мужем». Для этого не потребовалось и шести месяцев.

175

Это первая деревня на главной дороге от Портоферрайо к Порто-Лонгоне и к железорудным шахтам. У деревни был неприглядный вид, и она пользовалась плохой репутацией. Римляне во времена античности и пизанцы в Средние века использовали эту деревню в качестве места для ссылки несостоятельных должников, фальшивомонетчиков, банкротов и тех, кто стремился обойти закон. Место, признанное таковым, в результате стало называться «свободной деревней». В ней для проживания собрался подозрительный народ, злостные деяния которого в течение долгого времени были источником страха на острове.

Наполеон всегда старался навести порядок в своем маленьком государстве. В некоторых местах возникли волнения из-за обязанности платить налоги. В Каполивери никто не хотел их платить. Туда посылались жандармы, но их прогоняли прочь. Тогда император пригрозил направить в деревню мобильный отряд в составе 200 корсиканских стрелков, 20 польских уланов и 15 жандармов под командованием полковника Жермановского. Этот отряд должен был стать на постой в домах жителей деревни до тех пор, пока налоги не будут полностью выплачены. В тот же день их выплатили.

176

Кристофер Саличетти родился в Бастии в 1757 году, в семье из Плезанса, и изучал право в университете Пизы. Вернулся на Корсику и стал адвокатом верховного совета Корсики. Избранный депутатом от третьего сословия Корсики в Генеральные штаты в 1789 году, он в том же году подготовил проект декрета Национального собрания Франции, объявлявшего Корсику неотъемлемой частью Франции. После роспуска Национального собрания Саличетти представлял Корсику в Конвенте. Порвав с Паоли, он на некоторое время был вынужден бежать со своей родины. Нашел прибежище в Провансе, вступил в ряды армии Карто и стал союзником Барраса, Робеспьера и Фрерона в их стремлении разгромить врагов республики на юге Франции. В 1796 году он был назначен правительственным комиссаром армии Италии. На этом посту проявил себя как чиновник, очень преданный Бонапарту. Отличился на службе у Бонапарта, когда было заключено перемирие с Папой Римским. В 1797 году он вернулся на Корсику, где сотрудничал с Люсьеном Бонапартом. Избранный членом Совета Пятисот, он не стал сторонником 18 Брюмера, но Первый консул за это не обиделся на него: он знал администраторские таланты Саличетти, которые высоко оценил в Италии, и хотел и впредь использовать их. Он направил Саличетти в Тоскану, затем в Геную, чтобы в этих местах создать профранцузские группировки. Саличетти привлек внимание Жозефа Бонапарта, который стал в 1806 году королем и назначил его неаполитанским министром полиции. На этом посту Саличетти продемонстрировал незаурядные служебные качества и твердый характер. Во время восстания в Калабрии напуганный Жозеф подумывал о побеге из Неаполя, но остался там после настойчивых просьб своего министра полиции; в результате этого Саличетти добавил к своему посту также должность военного министра. Прибытие Мюрата в Неаполь в корне изменило ситуацию. Новый король знал, что за спиной Саличетти стояла его жена Каролина, влияния которой он опасался. Мюрат снял Саличетти с его поста, и тот вернулся в Париж. Но император направил его обратно в Италию, чтобы тот стал членом Совета, которому предстояло главенствовать в Риме (1809). Он только было устроился в Риме, как англо-сицилианская армия высадилась в Калабрии. Поэтому Саличетти проследовал в Неаполь, которому угрожал враг. Саличетти вновь занялся своими прежними обязанностями и спас положение. Но, несмотря на все это, Мюрат не стал держать его у себя и назначил Магеллу

министром полиции. Саличетти умер совершенно неожиданно (1809), возвращаясь с обеда, который был дан в его честь его преемником. Таков был этот доблестный человек, столь высоко ценимый Наполеоном и которому верно служил Киприани. В глазах Наполеона Киприани смог заслужить самое высокое доверие.

177

Во времена Наполеона Ливорно был вторым — после Генуи — портом западной Италии. Он был свободным и нейтральным городом до создания Итальянского королевства. Когда Наполеон был выслан на Эльбу, его сестра Элиза покинула Тоскану, великой герцогиней которой была с 1807 года, и бывший монарх Фердинанд III вновь вступил во владение государством. В начале своего пребывания в Портоферрайо Наполеон направил Пон де л'Ерола в качестве своего эмиссара к Фердинанду, который встретил его очень приветливо, проявив искренний интерес к императору, которого он всегда называл своим «дорогим племянником». Он сообщил, что у него возникли большие трудности, когда он отговаривал реакционеров, желавших полностью ликвидировать наполеоновский кодекс.

Фоссомброни, министр великого герцога, держался также очень приветливо и с уважением говорил о Наполеоне. Он просил Пона умолять императора «быть очень осторожным», добавив, что «вы должны присматривать за Наполеоном, так как они хотят убить его». Пока Наполеон оставался на Эльбе, Ливорно продолжал быть центром и шпионажа, и контршпионажа.

В результате последних событий Эльба оказалась в центре внимания всей Европы. Особенно правительство Людовика XVIII стремилось не спускать глаз со свергнутого императора. Еще в июле 1814 года оно решило восстановить около острова консульство в Ливорно, ликвидированное в 1808 году после включения Тосканы в состав французской империи. Людовик XVIII назначил туда консулом надежного человека, генерал-адъютанта Мариотти, который получил конфиденциальные инструкции и значительные денежные средства.

Мариотти был корсиканцем из Бастии, служившим бригадным командиром во французской армии в 1799 году. Наполеон сделал его рыцарем, а потом офицером ордена Почетного Легиона. Затем Наполеон потерял к нему интерес. Вероятно, именно из-за того, что Мариотти был настроен после этого враждебно по отношению к Наполеону, а также из-за прекрасного знания итальянского языка и привычек Талейран выбрал его на должность консула в Ливорно. В начале августа 1814 года Мариотти отбыл в Ливорно.

13 сентября Талейран информировал Мариотти о своем отъезде на Венский конгресс, требуя, чтобы тот не спускал глаз с Эльбы и ее владельца.

Мариотти не терял времени и направил своих агентов во все маленькие порты между Ливорно и Сан-Стефано, чтобы они информировали его о мельчайших инцидентах и о всех передвижениях тех, кто направлялся в Портоферрайо или выезжал оттуда. Брюслатэ, командующий войсками на Корсике, поддерживал постоянную переписку с консулом в Ливорно; последний не забывал лично следить за Портоферрайо. О многих гостях, чье любопытство привлекало их на Эльбу, говорилось уже ранее. Мариотти понимал необходимость внедрения в эту космополитическую толпу надежных наблюдателей. Среди них один достоин специального упоминания: он прибыл в Портоферрайо из Ливорно под видом перекупщика растительного масла. Его имя остается загадкой, но он всегда назывался «торговцем растительным маслом». Под предлогом занятия торговлей заводил полезные контакты. Он сумел познакомиться чуть ли не со всеми иностранцами, прибывавшими на остров, с гражданскими служащими острова и с корсиканскими, французскими и итальянскими офицерами. Он записывал в свою записную книжку все, что слышал, и сообщал об этом Мариотти в виде дневника. Его отчеты, написанные на итальянском языке, представляются достаточно интересными.

178

Мари Дени Лараби родился в 1792 году. Когда ему исполнился 21 год, он в звании лейтенанта инженерных войск добровольно отправился на Эльбу. Тогда не оказалось ни одного свободного офицера инженерных войск, готового поехать на этот остров. Ранее Лараби отличился на военной службе в Саксонии и во Франции, а в 1814 году был направлен на службу в генеральный штаб императорской гвардии.

Он высадился на Эльбе в июне 1814 года. Наполеон встретил его с исключительной сердечностью и определил под начало капитана Рауля, командира военных инженеров.

Когда он вернулся во Францию, его произвели в капитаны, после чего Лараби занялся политикой, в которой он проявил себя очень активным деятелем, став в конце концов депутатом Национального собрания Франции. Он всегда оставался верным семье Наполеонов и в соответствии с императорским декретом стал сенатором в 1853 году. После революции 1870 года он вернулся к частной жизни.

179

От других свидетелей, в первую очередь от Пон де л'Ерола, нам известно об инциденте, упомянутом здесь Маршаном. Когда Наполеон решил вооружить остров Пьяносу, он приказал лейтенанту Лараби отправиться на остров и построить там форт на 100 солдат с 8 пушками, передав в его распоряжение четыре восьмидюймовых орудия и четыре четырехдюймовых, отряд гренадеров, отряд артиллеристов и сто солдат из десантного подразделения. Наполеон лично определил для Лараби точное место строительства казарм и форта. Он даже показал на карте скалу, возвышавшуюся над островом, сказав при этом: «Именно здесь ты должен расставить свои пушки. В течение ближайших 24 часов установи их и открывай из них огонь по всем, кто попытается высадиться на остров вопреки твоему приказу».

Но ранее Наполеон назначил командующим островом майора Готтманна, который возражал против строительства казарм, желая построить вместо них дом. Это намерение Готтманна привело к бесконечным и бурным спорам. Когда Наполеон вновь посетил остров, чтобы посмотреть, как идет строительство форта, он поблагодарил Лараби за проявленное рвение и объявил порицание Готтманну. Главный адъютант императора, майор Руль, встал на защиту Готтманна. Между Рулем и Лараби произошел резкий спор на повышенных тонах. Император предотвратил готовую было возникнуть в результате этой ссоры дуэль, заявив Лараби: «Я запрещаю тебе драться на дуэли». Но для того, чтобы показать свое одобрение действиям Лараби, император отстранил майора Готтманна от командования островом.

Майор Руль, обладавший буйным характером, прибыл на Эльбу после Наполеона. Он утверждал, что был артиллерийским майором, не упуская случая демонстрировать свои симпатии по отношению к Наполеону. Руль на Эльбе был тепло принят солдатами императорской гвардии и вскоре получил должность главного адъютанта Наполеона. Однако когда выяснилось, что он был только капитаном, у него стали возникать шумные перебранки с гвардейскими офицерами.

181

Каролина Амелия Элизабет, родившаяся 17 мая 1768 года, была второй дочерью герцога Брюнсвигского (скончался в 1805 году от ран, полученных в сражении при Ауэрштадте) и принцессы Августы Английской, сестры короля Георга III. В 1805 году она вышла замуж за принца Уэльского, который в 1820 году стал королем Георгом IV; этот брак не был счастливым, хотя у них родилась дочь Шарлотта-Августа. Принцесса много и часто путешествовала по странам континента; в книге капитана 3-го ранга М. Х. Веиля «Последствия Венского конгресса» (Париж, 1917) указывается, что в ноябре 1814 года она посетила Милан, а затем, через несколько дней, Неаполь, остановившись во дворце Саличетти. Должно быть, именно тогда она планировала посетить Эльбу. Маршан был единственным мемуаристом, который упомянул об этом факте.

182

Рамолино, родственник императора, занимал должность директора налогового департамента в Аяччо. Он добровольно прибыл на Эльбу, чтобы предложить свои услуги императору.

183

Герцог Кампо Чиаро был неаполитанским государственным деятелем испанского происхождения, семья которого обосновалась в Неаполе в XVIII веке. В 1806 году королем Жозефом он был введен в состав Государственного совета Неаполитанского королевства, затем стал министром королевского двора. Ему было поручено осуществление ряда дипломатических миссий. На Венском конгрессе он представлял короля Мюрата.

184

Князья Репнины принадлежали к очень старинному русскому роду: среди них был князь Николай Васильевич, хорошо известный в годы правления Екатерины II и Павла I. При последнем он стал фельдмаршалом.

Упомянутый здесь Маршаном князь Николай Волконский был внуком фельдмаршала. Во время битвы при Аустерлице — полковник. Позднее, после первых поражений Наполеона, он был губернатором Саксонии (1813–1814 гг.), и именно в этой должности упоминается Маршаном.

185

Графиня де Бриньоль носила титул «дворцовой компаньонки» Марии Луизы. Уроженка Генуи, она там привлекалась Наполеоном для проведения некоторых переговоров. Была близка к Талейрану и, используя его связи, выдала свою дочь замуж за барона Дальберга, племянника архиепископа-курфюрста Майнца. Наполеон осыпал милостями барона Дальберга, что не помешало последнему содействовать возвращению Бурбонов к власти. Его теша, последовавшая за Марией Луизой в Австрию, оставалась в первую очередь преданным другом князя Беневентского. В своих усилиях нанести вред императору Талейран полагался на услуги графини Бриньоль и ее дочери. Именно графиня Бриньоль была той женщиной, в голову которой пришла гнусная идея подослать Констана и Рустама в Рамбуйе, чтобы поколебать супружескую верность Марии Луизы рассказами о любовницах Наполеона. Как утверждал Октав Обри, она была прирожденной сводницей, готовой толкнуть императрицу в объятия Нейперга.

186

Пьер Флери де Шабулон родился в Париже 1 апреля 1779 года. Во многих исторических документах его имя упоминается по-разному (де Флери, Флери Шабулон, Шабулон де Флери, Флери де Шабулон). Свои мемуары он опубликовал под именем Флери де Шабулон, которое здесь и приводится.

Он поступил на общественную службу сравнительно рано, став ревизором Государственного совета и субпрефектом Шато-Салена в 1811 году. В конце 1813 года и в начале 1814 года он продемонстрировал отменные административные качества и проявил бесстрашие во время вторжения иностранных войск, которое дало повод маршалу Нею назвать его «неустрашимым субпрефектом». Во время французской кампании он присоединился к императору в Монтере. Наполеон направил его в Реймс в качестве субпрефекта для организации отрядов сопротивления. В период первой Реставрации он вернулся к частной жизни и осуществил поездку в Италию, откуда нанес визит на Эльбу, о котором и упоминает Маршан. На Эльбе он дважды встречался с императором и 3 марта посетил Лион, чтобы приветствовать вернувшегося с Эльбы императора.

20 марта 1815 года он стал четвертым по значению секретарем Наполеона, а 1 мая был направлен со специальной миссией в Базель. После Ватерлоо он нашел убежище в Англии и опубликовал в 1819 году довольно любопытные «Мемуары для истории о частной жизни Наполеона и его возвращении во Францию и о его правлении в 1815 году».

В этих «Мемуарах» он предстает перед читателем как карьерист, человек, всегда ставивший себя во главу угла. Он готов отдать дань приукрашиванию, лести и, в случае необходимости, клевете. Вся книга характеризуется неумеренной любовью к местоимению «я». Его утверждения и повествования были опровергнуты самим Наполеоном, получившим экземпляр книги «Мемуары» во время пребывания на острове Св. Елены. Как только книга попала в руки Наполеона, он тут же стал лихорадочно покрывать ее страницы заметками и замечаниями, которые свидетельствовали о большом раздражении.

Экземпляр «Мемуаров», содержавший замечания Наполеона, в настоящее время принадлежит городу Сен и был опубликован с пометками императора г-ном Люсьеном Корне, бывшим мэром города Сен (Париж, 1901). Чтобы получить представление о мнении Наполеона об этой книге, ниже приводятся малоприятные и унизительные для автора книги поправки императора,

внесенные в книгу после имени автора мемуаров и присвоенного последним титула «экс-секретаря императора Наполеона и его кабинета».

«Этот ревизор в 1815 году не был известен Наполеону. Он поступил на службу в кабинет императора в качестве второго по значению секретаря в Лионе 13 марта и стал четвертым по значению секретарем, то есть последним из всех четырех, в Париже 20 марта. 1 мая он был отправлен в Базель; он оставался в моем кабинете 40 дней. Только первый по значению секретарь работал в самом кабинете. Этот же молодой человек, хотя и весьма энергичный и достойный, не обладал достаточным опытом и усидчивостью для подобной работы. Он часто выходил в служебные помещения, чтобы поболтать с адъютантами и молодыми людьми из числа дежурных офицеров. Подобным отношением к работе он представлял собой резкий контраст с Меневалем и Фэном, которые вели столь скромный образ жизни, что некоторые камергеры, прослужившие во дворце четыре года, никогда не видели их. Все речи и заявления, приписываемые Наполеону, должны рассматриваться как сущие выдумки. Автор книги заставляет Наполеона говорить и думать в соответствии с тем, что говорит и думает сам автор».

Неточная информация, часто приводимая в отношении Флери де Шабулона, вынудила привести здесь это пространное замечание.

187

Барон Галеаццини был корсиканцем, родившимся примерно в 1760 году и проникшимся революционными принципами. В 1790 году он был в корсиканском департаменте, и именно по его инициативе остров Корсика был объявлен неотъемлемой частью французской территории. В 1794 году он был мэром Бастии и участвовал в героической обороне этого города от англичан. Вынужденный капитулировать из-за нехватки продовольствия, он вместе со своей семьей отплыл во Францию. После победоносной итальянской кампании Бонапарт назначил его суперинтендантом завоеванных провинций Реджио и Модены, а затем направил в Рим. После того как он принял участие в экспедиции, освободившей Корсику от англичан, Галеаццини вновь стал мэром Бастии. Затем — префектом Лиамоне, одного из двух департаментов Корсики. В 1803 году Первый консул назначил его генеральным комиссаром Эльбы и прилегавших островов, наделив неограниченными правами. В результате блестящей службы он удостоился самых высоких похвал и титула барона. Но его окружали завистники и враги. Его обвинили в том, что он способствовал сооружению дороги, которая угрожала безопасности острова. Наполеон вызвал его в Париж для объяснений. Опозоренный, он оставался вне государственной службы до апреля 1814 года, когда Наполеон был выслан на Эльбу. Именно тогда Галеаццини написал Наполеону письмо с просьбой самому убедиться на месте в несправедливости унижения, которому его подвергли. Новый монарх провел расследование в Портоферрайо и дал указание графу Бертрану написать Галеаццини письмо о его реабилитации.

Но его враги не унимались, и один корсиканец, по имени Сандресчи, обвинил его в том, что тот замышляет заговор с целью убийства императора; но судья Поджи легко доказал, что это обвинение не имело под собой никаких оснований. По возвращении во Францию Наполеон принял Галеаццини и назначил его префектом Мен-и-Луары. После Ватерлоо Галеаццини вернулся на Корсику, где и скончался.

188

Лорд Джон Фейн Бергхерш, одиннадцатый граф Вестморлендский. Был направлен в 1813 году в союзническую штаб-квартиру и в штаб Шварценберга в 1814 году. Затем он стал полномочным министром и послом во Флоренции.

189

Даты Маршана не совсем точны. Именно 1 марта срочный курьер от Кэмпбелла подтвердил во Флоренции отъезд Наполеона с Эльбы, место прибытия не было известно. Первые новости о побеге Наполеона, направленные австрийским генеральным консулом в Генуе, были получены в Вене в ночь с 6-го на 7 марта. Эти новости вызвали в Вене всеобщую панику. Распространялись слухи, что Наполеон высадился в Неаполе, и только 9 марта Вена узнала о высадке Наполеона в бухте Жуан.

Декларация действительно была подписана 13 марта полномочными представителями восьми стран. В этом манифесте, или, скорее, в этом указе, объявлявшем Наполеона вне закона, говорится: «Хотя абсолютно ясно, что вся Франция, сплотившись вокруг своего законного монарха, предаст забвению эту последнюю попытку преступного и беспомощного человека, оказавшегося во власти бреда, тем не менее европейские монархи объявляют, что если вопреки всем ожиданиям в результате этого возникнет какая-либо опасность, то они готовы предложить королю Франции и французскому народу помощь, необходимую для восстановления спокойствия… Державы заявляют, что, нарушив соглашение, которое определило его пребывание на острове Эльба, Наполеон Бонапарт уничтожил единственное законное право, гарантирующее его существование, и что, появившись вновь во Франции, он поставил себя вне гражданских и общественных отношений, и что, выступая в роли врага и нарушителя мира во всем мире, он подверг себя судебному преследованию и осуждению».

190

Вулканический остров в Генуэзском заливе, в 40 км от Корсики. До 1507 года принадлежал Корсике, а затем Генуэзской республике. Полковник Кэмпбелл, узнавший об отъезде Наполеона только 27-го числа в Портоферрайо, хотел 1 марта совершить плавание вокруг острова Капрая на своем фрегате «Куропатка»: он думал, что Наполеон, возможно, держит свою флотилию в какой-нибудь небольшой бухте острова, чтобы напасть на Ливорно. Но император в тот день уже бросил якорь в бухте Жуан.

191

Заслуживает упоминания свидетельство Пона де л’Ерола относительно этого человека, который служил у Наполеона на Эльбе в качестве его адъютанта: «Перес, из Лонгоне, неаполитанец по рождению, был очень глупым и невоспитанным человеком, почти слабоумным; император снизошел до такого выбора, поскольку хотел, чтобы кто-то был всегда готов выполнить распоряжение, исполнение которого требовало почти полного отсутствия ума».

192

Декретом от 7 июня 1809 года в Шенбрюнне Наполеон назначил «г-на Оноре Монако» конюшим при императрице. Он был старшим сыном бывшего принца Шарля Монакского, герцога Валентинуа, который правил до 14 февраля 1793 года в качестве Оноре IV и был женат на Луизе д'Омон.

Принц родился в 1778 году и входил в состав военного штаба императора в качестве адъютанта. Затем он стал адъютантом Мюрата. После второй Реставрации, будучи наследником отца, он правил княжеством Монако в качестве Оноре V до своей кончины в 1841 году.

193

Высадившись во Франции, Наполеон в первую очередь позаботился о том, чтобы, направив генерала Камбронна в Канн с 40 стрелками и гренадерами, постараться перехватить всех курьеров и скупить за наличные деньги лошадей и мулов, которых Камбронн смог бы найти. Наполеон сказал ему: «Камбронн, я даю тебе авангард моей прекрасной кампании. Тебе не придется сделать ни единого выстрела. Запомни, что я хочу вернуть мою корону, не пролив при этом ни единой капли крови». (Из показаний Камбронна во время суда над ним.)

194

Маленькая деревня, расположенная на высоте 1373 метров, в 40 км от Грасса. Известна конфигурацией своих скал, напоминавших трубы органа.

195

Город в Нижних Альпах (теперь Морские Альпы), в 18 км от Диня.

196

Генерал барон Луи Демишель (1779–1845) родился в Дине, ушел в отставку во время первой Реставрации. Его военная карьера началась у Бонапарта в Италии, затем продолжалась в Египте. Он служил в составе гвардейских гренадеров Первого консула, затем в рядах императорских гвардейских стрелков, где его полковник, принц Евгений, подружился с ним. В 1805 году он блестяще отличился при Нюренберге, заслужив похвалу от Мюрата и поздравления от императора, который произвел его в капитаны и сделал офицером Почетного Легиона. Он принял участие во всех императорских кампаниях и в чине полковника командовал 31-м стрелковым полком. В 1813 году вернулся в Италию по приказу принца Евгения, который произвел его в бригадные генералы. Но из-за отречения Наполеона он был отправлен в резерв. Вновь вступил в действующую армию, когда вернулся Наполеон, и присоединился к нему в Лионе. Возглавляя 4-й полк стрелков, он отличился при Ватерлоо. Во время второй Реставрации был приговорен к семи годам отставки с выплатой половины пенсии.

197

Город в Нижних Альпах (теперь Приморские Альпы), в 16 км от Гапа, на реке Драк.

198

Кор, в Гренобльском округе, находится на расстоянии одного дневного перехода от Гренобля.

199

Небольшая община в Гренобльском округе, в 24 км от Визиля на плато Ла-Матейзин. Описанный здесь эпизод хорошо известен и датируется 7 марта, до прибытия императора в тот же вечер в Гренобль.

200

«Марсельеза» почти исчезла до 1815 года из официального репертуара военных оркестров. Наполеона обычно приветствовали мелодией «Наш долг спасти империю», а медленный ритм «Победы за нами» сопровождал марши пехоты.

201

Генерал граф Жан Маршан (1765–1851). Адвокат в Гренобле, присоединился к армии во времена революции и стал капитаном в составе изерских добровольцев. Он принял участие в итальянских кампаниях под командованием Бонапарта, рекомендовавшего Директорату присвоить Маршану в 1799 году звание бригадного генерала. Он командовал дивизией в корпусе маршала Нея и отличился в многочисленных сражениях в 1805–1807 гг. После сражения при Фридланде получил титул Великого Орла Почетного Легиона и графа империи. Затем служил в Испании и в 1812 году участвовал в русской кампании, во время которой блестяще проявил себя при взятии батареи Раевского в Бородинской битве. В 1813 году участвовал в сражениях при Лютцене, Баутцене и Лейпциге. В 1814 году был поставлен во главе работы по созданию армии в Изере и возглавил 7-ю дивизию в Гренобле. Он оставался на этом посту во время первой Реставрации, когда Наполеон обнаружил его в Гренобле, возвращаясь во Францию с Эльбы. Но Маршан предпочел сбежать, лишь бы не сражаться под императорским знаменем.

Несмотря на сходство имен, никакого отношения к Маршану, автору настоящих мемуаров, не имел.

202

Жан Дюмулен был богатым владельцем мастерской по производству перчаток в Гренобле и другом доктора Эмери, хирурга императорской гвардии и члена Эльбанского батальона.

203

Шарль-Анжелик де Лабедуайер, родившийся в 1788 году, стал служить в вооруженных силах в 1806-м в рядах жандармерии. Он участвовал в кампаниях в Пруссии и Польше (1806–1807) и был назначен адъютантом маршала Ланна в 1808 году, произведен в капитаны в 1809 году и в том же году стал адъютантом принца Евгения. Уже полковником он командовал 112-м пехотным полком в 1813 году, был ранен в левое бедро в сражении при Гольберге в Силезии. В 1813 году женился на Георгине де Шастелю. Ему было предложено командование 1-й дивизией 2-й бригады в Париже в феврале 1814 года, но он предпочел остаться командиром своего полка; в марте 1814 года он отправился в Фонтенбло и предложил свои услуги Наполеону. В чине полковника, командуя Шамберийским 7-м полком с октября 1814 года, он находился в Гренобле, когда Наполеон подходил к городу. Он и его полк встали на сторону Наполеона, присоединившись к нему между Тавернолем и Брие, в 8 км от Гренобля. Во время «Ста Дней» он был произведен в бригадные генералы, в марте 1815 года стал адъютантом императора, а в июне того же года — пэром Франции и графом империи.

После Ватерлоо Лабедуайеру было лично отказано в амнистии, он был приговорен к смертной казни и расстрелян на Гренельском поле.

204

Жан-Батист Фурье (1768–1830). Выдающийся математик. Благодаря своим разносторонним и глубоким знаниям он был включен в число ученых, сопровождавших Бонапарта в Египте. Став постоянным секретарем Египетского института, он проявил исключительные административные качества, которые позволили ему стать главой департамента юстиции в Египте. Чтобы вознаградить его, Наполеон назначил его префектом Гренобля, членом Почетного Легиона и присвоил ему титул барона. В 1815 году, когда Наполеон подходил к Греноблю, Фурье 5 марта дал указание о публикации прокламации, призывавшей уважать правительство короля. Когда император прибыл в Гренобль, Фурье покинул город. Осуществив умелый политический ход, император назначил Фурье префектом Роны 12 марта, но Фурье сделал так, что 12 мая его сняли с этого поста. При второй Реставрации Фурье стал постоянным секретарем Академии наук.

205

Александр Молин де Сент-Йон родился в Лионе в 1786 году. В 1805 году закончил военную школу в Фонтенбло, получив чин второго лейтенанта, и принимал участие во всех кампаниях в Австрии, Пруссии, Польше и Испании, добиваясь служебного продвижения на полях сражений. Раненный в 1813 году при Сен-Жан-де-Люз, он стал майором и вернулся во Францию с маршалом Сультом.

Когда Наполеон вернулся с Эльбы, он был назначен военным помощником императора и сопровождал его в Ватерлоо. Отправленный в отставку с выплатой половины пенсии во время второй Реставрации, он стал писателем, пишущим на исторические темы. Призванный на действительную военную службу после Июльской революции, он был произведен в полковники и в конце концов в генерал-лейтенанты. Он стал пэром Франции и военным министром (1845–1847), подав в отставку в 1848 году.

206

Генерал М. С. Брайер (1769–1840) поступил на военную службу в 1800 году и блестяще проявил себя во время всех кампаний империи, при Аустерлице, Фридланде, в Испании и в Германии. Он был генералом, командовавшим в Лионе в 1815 году 19-й военной дивизией, защищавшей короля. Но вместе со своими войсками присоединился к императору, когда тот вернулся с Эльбы, и возглавил небольшой императорский армейский авангард. Он был поставлен во главе дивизии молодых гвардейцев, ему были присвоены титулы графа и пэра Франции. Он стал губернатором Версаля и управляющим Трианона. После Ватерлоо он заочно был приговорен к смертной казни, но успел уехать в Америку, где служил в вооруженных силах США, Бразилии и Чили. Получив помилование, он возвратился в 1821 году во Францию и вернулся к военной службе. Его дочь вышла замуж за автора этой книги, Маршана.

207

Коленкур, герцог Виченцский (1773–1827). Великий конюший. В силу своих обязанностей он был в постоянном контакте с императором, который полностью доверял ему, несмотря на некоторые разногласия. Наполеон поручал ему важнейшие дипломатические миссии. Он был послом в Санкт-Петербурге, затем в 1814 году после взятия союзниками Парижа защищал интересы Наполеона в Шатильонском лагере на переговорах с союзниками.

208

Лазарь Карно (1753–1823). Офицер инженерных войск, член комитета общественной безопасности, где он ведал военными делами. Он заслужил репутацию «организатора победы». Наполеон не разделял его либеральных идей и держал его в тени до 1814 года, когда он поручил Карно защиту Антверпена. Воздавая должное его талантам и кристальной честности, Наполеон сделал его министром внутренних дел в период «Ста Дней».

209

Граф Антуан де Лавалетт (1769–1830). Директор императорского почтового ведомства. Приговоренный к смертной казни во время второй Реставрации, он сбежал из тюрьмы Консьержери благодаря изобретательности своей супруги, племянницы императрицы Жозефины.

210

Граф П. Ф. Реаль (1757–1834). Префект полиции в дни Империи.

211

Ж. В. Друе д’Эрлон (1765–1844). Сторонник Империи, был ее прославленным солдатом, покрывшим себя славой в битве при Ватерлоо. Он стал маршалом Франции и генерал-губернатором Алжира.

212

Генерал Лефевр-Денуэтт (1773–1822). Сторонник Империи. Несмотря на блестящее поведение при Ватерлоо, был заочно приговорен к смертной казни, но сумел добраться до Америки. Он погиб во время кораблекрушения.

213

Генерал К. Ф. А. Лаллеман (1774–1839) был бригадным генералом, командовавшим департаментом Эн в марте 1815 года. Вместе со своим братом встал на сторону императора, был произведен в генералы и безуспешно пытался сопровождать императора на о. Св. Елены. Приговоренный заочно, он сумел сбежать в Америку. Июльская монархия восстановила его в чине и сделала пэром Франции.

Фонтен (1762–1853). Знаменитый архитектор.

215

Маргарита Жозефина Веммер, известная как мадемуазель Жорж (1787–1667), актриса «Театра Франсез», с которой у Наполеона была знаменитая любовная связь.

216

Жан Батист Исабей (1767–1855). Мастер художественной миниатюры. Предание гласит, что в начале Империи он и Бонапарт изучали костюмы для коронации, используя маленькие манекены.

217

Леди Деймер (1748–1828). Знаменитая английская женщина-скульптор. После подписания Амьенского мирного договора она обещала Первому консулу бюст Ч. Фокса.

218

Бенжамен Констан де Ребек (1767–1830). Он известен тем, что был любовником госпожи де Сталь, и в результате этого император относился к нему с подозрением. Но Наполеон ценил гибкость и элегантную тонкость его ума. Утверждается, что именно ему было поручено в 1815 году писать «Дополнительный акт к конституции Империи».

219

Г-жа Пеллапра, очаровательная женщина из Лиона. У нее была дочь, которая стала графиней де Шимей.

220

Генерал Беккер, граф Монский (1770–1840), был послан к Наполеону, чтобы представлять временное правительство. Генерал Беккер сопровождал императора в Рошфор.

221

Антуан-Александр Барбьер (1765–1825), весьма эрудированный библиотекарь. Он поочередно был библиотекарем Директории, Государственного совета и, в основном, личным библиотекарем Наполеона. Император, который очень высоко ценил его, назначил его ответственным за создание передвижной портативной библиотеки и исторической библиотеки в 3000 томов. Это были любимые проекты императора.

222

Бертран, граф Клозель (1772–1842), блестяще проявил себя на службе Империи, но в июле 1815 года был лишен своего звания. Заочно приговоренный к смертной казни, он сумел уплыть в Америку. Покорение Алжира после 1830 года вновь дало ему возможность проявить себя. Став маршалом Франции и генерал-губернатором Алжира, он лопал в немилость после катастрофического сражения при Константине (Алжир) в 1836 году.

223

Генерал Максимилиан Ламарк (1770–1832) более известен своей политической деятельностью, чем блестящими военными успехами. Депутат от Ландов, он имел хорошую репутацию благодаря либеральному красноречию.

224

Экю — серебряная монета, стоимостью 5 франков; следовательно, 100 000 экю = 500 0000 франков.

225

Это был устаревший военный корабль с 74 орудиями. Он участвовал в морском сражении при Абукире в 1798 году. В битве при Трафальгаре он сражался против французского корабля «Орел». Во время битвы оба капитана были убиты. Потеряв свои мачты, «Беллерофонт» вынужден был покинуть сражение. Этот устаревший корабль был не в состоянии совершить долгое плавание. Знали ли об этом французские моряки в Рошфоре?

226

Капитан Фредерик Льюис Мэтленд родился в 1777 году, служил в штабе лорда Сен Венсана. Его поведение по отношению к Наполеону было подвергнуто критике в Англии. Британское адмиралтейство сняло его с командования кораблем вплоть до 1818 года. Он скончался в чине контр-адмирала в 1838 году в Бомбейском заливе и был похоронен в соборе города Бомбея.

227

Адмирал Отам (1777–1833) служил в военно-морских силах с 1790 года и принимал участие в сражении при Трафальгаре. С 1810 по 1812 гг., командуя «Нортумберлэндом», он участвовал в блокаде французского берега. Он был назначен на службу в Североамериканском флоте. 4 июня 1814 года он стал контр-адмиралом и в 1815 году поднял свой флаг на «Величественном», корабле с 72 орудиями, построенном в 1798 году.

228

Это был капитан-лейтенант Сарториус, командовавший корветом «Слейни» с четырьмя орудиями и восемью пушками на борту.

229

Джордж Эльвинстоун Кейт (1746–1823) был старым морским волком, который участвовал во всех морских кампаниях с конца XVIII века до 1815 года; он перевозил корпус генерала Аберкромби в Египет в 1801 году. Он не добился известности как великий адмирал, зато сделанные важные приобретения во время удачных плаваний помогли ему стать весьма богатым человеком. Неспособный спокойно спать от одной лишь мысли, что хотя бы единственная французская шлюпка могла еще бороздить океан, вместо того чтобы дрейфовать по нему килем вверх, лорд Кейт, этот неотесанный страж Наполеона, которого он называл «пресмыкающимся», потратил пятьдесят лет своей жизни на то, чтобы преследовать французов. Но в возрасте семидесяти лет он был вынужден терпеть одного из них за своим собственным столом и даже проявлять любезность по отношению к нему: Шарль де Флаго, адъютант императора, самый обольстительный и самый типичный представитель из всех джентльменов той самой расы, которую так ненавидел лорд Кейт, только что стал его зятем!

230

Один из самых старейших товарищей Бонапарта по оружию, Мюирон был артиллерийским офицером во время осады Тулона. Он был адъютантом генерала Бонапарта и был убит в сражении при Арколе, когда закрыл Наполеона своим телом. Фрегат, на котором Бонапарт вернулся во Францию из Египта, был назван «Ла Мюирон».

Дюрок, герцог Фриульский, гофмаршал императорского двора, адъютант императора, был убит, находясь рядом с ним, случайным пушечным ядром в Силезии 23 мая 1813 года.

231

Герцог Сассексский, шестой сын короля Англии Георга III, чье сумасшествие помешало ему находиться на троне с 1810 года, был братом принца-регента. Убежденный либерал, он использовал свой ораторский талант, чтобы служить оппозиции, и вел вдохновенную кампанию в защиту Наполеона в верхней палате.

232

Леди Клаверинг была многолетней и верной подругой г-жи де Лас-Каз, как пишет Монтолон. Имея французское происхождение, добросердечная и готовая всегда оказать помощь, она в Лондоне помогала большому числу семей эмигрантов. «Именно благодаря ей я смог вернуться во Францию», — заявил Лас-Каз императору в 1816 году.

233

Фрегат «Евротас» покинул Торбей 8 августа, имея на своем борту генералов Лаллемана и Савари, а также еще шесть офицеров. Ожидалось, что всех их высадят на берег Франции и расстреляют; но «Евротас» привез их на Мальту, где их содержали под стражей до 1816 года. Лаллеман отправился в Соединенные Штаты; Савари до 1819 года скитался по странам Востока и затем вернулся во Францию, в которой он был приговорен к смертной казни заочно. Оправданный военным трибуналом, он был восстановлен в военном звании в 1830 году и скончался в 1833 году в возрасте пятидесяти девяти лет.

234

Сэр Генри Банбери (1778–1860), генерал и известный историк, государственный секретарь по военным делам в кабинете лорда Ливерпуля.

235

Сэр Джордж Кокбэрн, бывший тогда в возрасте сорока трех лет, проявил себя в период войны в Америке. Во время своего похода на Вашингтон он смог разбить наголову Бладенсбургскую милицию до того, как овладел федеральной столицей. 24 августа 1814 года он отдал приказ сжечь Капитолий, Белый дом, судостроительные верфи и несколько других общественных памятников. Благодаря репутации «энергичного военачальника» он заслужил орден и выполнение миссии по «доставке» императора на остров Святой Елены.

Дивизион адмирала включал корабль «Нортумберлэнд», бывший его флагманом, фрегат «Гавана», корабли «Буцефал», «Цейлон» и «Фуре». На бортах этих кораблей разместился 2-й батальон 53-го пехотного полка. На борту «Нортумберлэнда» была только одна рота.

236

В оригинале текста значится: «Буонапарте». Маршан не признает этого правописания, вероятно, потому, что авторы памфлетов в период Реставрации писали имя императора именно таким образом, чтобы напомнить народу о его итальянском происхождении. В действительности в императорском свидетельстве о крещении значится имя «Бонапарт», но его отец считал подобное правописание имени ошибочным, как об этом император заявил в 1790 году специалисту по генеалогии д'Озье. Последняя подпись Наполеона, выполненная по-итальянски, вероятно, приводится на его брачном свидетельстве от 9 марта 1796 года. Во всяком случае, документ, подписанный уже 14 марта, имеет подпись «Бонапарт».

237

Шарль-Тристан де Монтолон, сын Мэтью и Анжелик Эме де Ростэн. Родился в Париже в 1783 году. 23 июля 1848 года женился на мадемуазель О'Хара. (Первый брак графа с Альбиной Роже не числится в его послужном списке.) Поступил на службу в армию 7 октября 1799 года, участвовал во многих войнах и стал маршалом 23 августа 1814 года. Вместе с императором Наполеоном отправился на остров Святой Елены 17 июля 1815 года, этого же числа был вычеркнут из армейского реестра, во Францию вернулся 18 октября 1821 года и скончался в Париже 20 августа 1853 года.

Список его кампаний включает: 1799 г. — Италия, 1800–1810 гг. — Батавия, 1795 г. — Вандемьер, 1805–1807 гг. — великая армия, 1808 г. — Испания, 1809 г. — Германия, 1814 г. — Франция.

Он стал членом Почетного Легиона 14 марта 1806 года и рыцарем Святого Людовика 8 июля 1814 года.

Он был графом Империи; 15 августа 1809 года он получил пенсию в размере 4000 франков. В 1809 году был камергером императора.

12 июля 1812 года он заключил брак с Альбиной Вассаль, красивой молодой женщиной, которая была замужем за Даниэлем Роже, банкиром из Женевы, но разошлась с ним в 1809 году.

19 декабря 1812 года министр иностранных дел написал ему, что «его величество считает его брак несовместимым с почетными функциями, возложенными на него». Вследствие этого Монтолон лишился должности камергера и поста посла в Вюрцбурге, после чего вернулся на службу в военное министерство.

Данные о Новерразе, Сен-Дени, Пьерроне и Киприани — см. комментарии в книге первой.

Лепаж, повар короля Жозефа, должен был следовать за своим хозяином в Америку. Но в самый последний момент Фердинанд Руссо, главный повар императора на Эльбе и в период «Ста Дней», имел неприятный разговор с гофмаршалом относительно его жалованья. Он отбыл, поставив всех в затруднительное положение. Лепаж согласился ехать на остров Святой Елены, но без особого энтузиазма. Он был посредственным поваром, да к тому же обладал скверным характером и проявлял сомнительную лояльность к императору.

Руссо был его прямой противоположностью. В обслуживающем персонале императора за ним закрепился броский титул лудильщика и мастера по изготовлению свечей, что и определяло его обязанности. На острове Святой Елены ему вменили в обязанность уход за серебром. Позднее, выгнанный с острова Св. Елены сэром Хадсоном Лоу, он поступил на службу к королю Жозефу.

Жантилини был корсиканским матросом 33 лет. На Эльбе он служил рулевым на прогулочной лодке императора, в Париже он был императорским лакеем и в этой же должности служил на острове Св. Елены. Он был женат на Жульетт Коллине, прачке. Когда он покидал Лонгвуд, то от гофмаршала получил следующее свидетельство: «На своей службе проявлял аккуратность, лояльность и преданность. Заразившись инфекцией, поразившей его дыхательные пути, он только по причине своего заболевания покинул остров Святой Елены. Он заслуживает протекции со стороны всех лиц, имеющих отношение к императору, который пожаловал ему пожизненную пенсию в размере 600 франков, начиная с настоящего дня, которая должна выплачиваться мадам Мер или любым другим членом семьи императора.

Лонгвуд, 30 сентября 1820 граф Бертран».

Братья Аршамбо были преданными слугами, искусными конюхами и мастерами смелой езды. Старший из них, Ашиль-Тома, поступив на службу в императорские конюшни в 1805 году, пожертвовал своей карьерой, которую он любил, чтобы последовать за императором на остров Эльба. Бертран назначил его бригадиром лакеев, и в этом качестве он служил в Тюильри, в Елисейском дворце и в Ватерлоо. Утром в день битвы Сен-Дени поручил ему карету императора. Аршамбо не смог спасти карету, но с собой он забрал два портфеля, которые он считал особенно

важными. Его младший брат, Жозеф-Оливье, столь же лояльный и преданный императору, служил лакеем под началом своего старшего брата.

Оба вернулись на службу в конюшню на Святой Елене и, работая кучерами, гнали лошадей, запряженных в карету императора, галопом, еле-еле уклоняясь от того, чтобы не свалиться в ужасные обрывы на острове, к радости Наполеона и к ужасу женщин, сопровождавших императора. Как и все хорошие кучера, братья Аршамбо никогда не отказывались от стакана вина. Депортированный со Святой Елены, младший Аршамбо оставил своего брата с императором. Ашиль заботился о своем заболевшем хозяине. Это он одел его в последний раз, бодрствовал над его усопшим телом и присутствовал при эксгумации до того, как стал пылким приверженцем принца Луи-Наполеона.

239

Супружеская пара Хейманов находилась на службе у гофмаршала. Бернар Хейман был камердинером графа Бертрана, а его супруга Коллег была горничной графини.

Жозефина Брюле, 23 лет, была горничной графини де Монтолон.

240

Дж. Р. Глоувер, секретарь сэра Хадсона Лоу. Он оставил после себя дневник, озаглавленный «Наполеон — последнее путешествие», опубликованный в 1893-м и 1895 гг.

241

На протяжении всего своего повествования Маршан часто употребляет выражение «эти господа»; тем самым он ссылается на четырех главных членов персонала Наполеона, генералов Бертрана, Гурго, де Монтолона и графа де Лас-Каза. Маршан также часто использует выражение «эти дамы»; тем самым он ссылается на двух супруг, которые сопровождали своих мужей, графинь Бертран и де Монтолон.

242

Барри Эдвард О'Мира, 33 лет, был помощником хирурга 62-го пехотного полка, но вынужден был из-за дуэли оставить этот пост и затем поступить на службу в военно-морской флот. Он был врачом на «Беллерофонте», когда император вступил на борт этого корабля. Занимая должность врача в Лонгвуде, он вызывал подозрения со стороны своего руководства, подвергался дурному обращению и со стороны губернатора Святой Елены, Хадсона Лоу, и после выезда с острова 2 августа 1818 года был вычеркнут из списка врачей военно-морского флота.

В 1822 году О'Мира опубликовал две книги: «Наполеон в ссылке» и «Голос с острова Святой Елены». Эти работы, переведенные на несколько языков, разоблачили то жестокое обращение, которому император подвергался со стороны британского губернатора и его подчиненных.

О'Мира ушел в отставку в Лондоне и там же скончался 10 июля 1836 года. В его завещании, зарегистрированном в Сомерсет-Хаус (здание, в котором размещен ряд государственных учреждений Великобритании), можно прочитать: «Пользуюсь этой возможностью, чтобы заявить, что за исключением немногих незначительных и непроизвольных ошибок в «Голосе с острова Святой Елены», эта книга правдиво и верно рассказывает о том обращении, которому подвергался великий человек со стороны губернатора сэра Хадсона Лоу и его подчиненных, и я убрал несколько фактов, которые хотя и являются правдивыми, могли бы рассматриваться как преувеличения до такой степени, что люди не поверили бы им».

На его могиле в церкви Св. Мери в Паддингтон Грин, в Лондоне, можно прочитать: «Барри Эдвард О'Мира, врач Наполеона».

243

Литтлтон, родственник и друг Кокбэрна, получил разрешение быть на борту «Нортумберлэнда» во время плавания из Портсмута в Плимут. «Мемориал» описывает содержание беседы парламентариев с императором: охота на лис, обращение с императором, его политика в отношении Испании и Англии, положение во Франции, торговля рабами и т. д.

244

Капитан Чарльз Бейн Ходжон Росс (1778–1849) был шурином адмирала Кокбэрна и служил под его началом во время войны в Америке.

На Святой Елене он жил в коттедже Росс, расположенном рядом с Лонгвудом. Он покинул остров 19 июня 1816 года.

В письме, адресованном В. Д. Холлу в Кингстон (Ямайка) 26 июля 1815 года, он сообщает сведения о системе наблюдения, организованной военно-морским флотом Англии на Святой Елене: «Ни одному кораблю не разрешается бросить якорь у острова Святой Елены, если он не нуждается в пополнении запасов воды или провизии. В этом случае на борт корабля направляется охранник. Все корабли, бросившие якорь у острова, с заходом солнца отправляются в безопасное место под наблюдением охраны. Никто в городе не должен выходить за его пределы после 9 часов вечера без пропуска. Все мосты и городские ворота закрываются с заходом солнца, за исключением только одних ворот. Береговая охрана всегда находится снаружи города; один корабль постоянно крейсирует в одном направлении, а еще один — в другом. Соответственно, пока эта система действует, у него нет никакой возможности сбежать с острова; система безопасности на острове очень жесткая».

Барбье, бывший священник, был назначен библиотекарем императора в 1807 году.

Мы не знаем состава библиотеки на острове Святой Елены. Император хотел забрать с собой из Парижа 10 000 томов, а также книги об Америке, все те, что, казалось, были связаны с его именем, с его военными кампаниями и т. д., а также географические атласы, словари, его походную библиотеку, пополненную современными книгами…

Он смог взять с собой только 588 томов из своих библиотек в Ле Трианоне и Мальмезоне, а также несколько книг в Рамбуйе, когда заезжал в эту резиденцию. Вслед за рядом личных пересылок книг, а также за счет пересылаемых ежегодно леди Холланд книг, библиотека на Святой Елене в 1821 году насчитывала 1814 томов, 1226 из которых были присланы из Англии. О книгах заботился Сен-Дени.

В соответствии с пожеланиями императора 400 томов, «отобранных среди тех, которые были мне особенно полезны», были отданы Сен-Дени, чтобы затем их отправили Римскому королю. Затем уже сами ссыльные отбирали для себя книги. Остатки библиотеки были проданы лондонскому книготорговцу Боссанжу, который, после нескольких тщательных отборов, организовал 23 июля 1823 года общественную распродажу книг. Каталог распродажи составлял 123 предмета. Несколько томов были переданы членам императорской семьи. После кончины Бертрана тома, принадлежавшие ему, были частично проданы за гроши, за исключением дюжины или около этого книг, спасенных от гибели.

246

Бригадный генерал сэр Джордж Ридаут Бингем (1776–1833). Он отличился во время войны на Пиренейском полуострове и бы направлен на остров Святой Елены командовать всем гарнизоном. На острове он оставался до 24 мая 1820 года. Существуют письма Бингема, адресованные Хадсону Лоу, свидетельствовавшие о том, что отношения между этими двумя людьми не всегда отличались сердечностью.

247

Полковник Марк Уилкс (1760–1831) был управляющим острова Святой Елены от Восточно-Индийской компании. Он прибыл на остров в 1813 году вместе с дочерью мисс Лаурой. Перед самым прибытием императора на остров Уилкс вступил во второй брак с очаровательной местной девушкой мисс Дороти Таубман. Умный и широко образованный, полковник Уилкс, судя по всему, пользовался расположением со стороны императора, который с удовольствием беседовал с ним.

248

Вильям Балкум (1779–1829) был купцом, работавшим на Восточно-Индийскую компанию. Дополнительно он возглавлял главную фирму на Св. Елене, снабжавшую всем необходимым приходящие суда. Балкум и его жена, чем-то напоминавшая императрицу Жозефину, любезно принимали у себя императора, и Маршан подтверждает, что император оставался доволен оказанным ему приемом. Назначенный поставщиком в Лонгвуд, Балкум часто наведывался туда и несколько раз удостаивался чести быть принятым Наполеоном, один или вместе со своей семьей. Он покинул остров в марте 1818 года и подозревался Хадсоном Лоу в том, что взял с собой письма от французов — что является весьма вероятным. Он так и не вернулся на Св. Елену, несмотря на многие просьбы к нему со стороны лорда Батхерста. В архиве Лоу есть письмо от Балкума, в котором он выражает надежду, что губернатор забыл о разногласиях между ними. Младшая дочь четы Балкумов, Бетси, озорная девчонка-сорванец, забавлявшая императора, позднее стала г-жой Абель и опубликовала «Воспоминания об императоре Наполеоне».

249

Супруги Скелтоны были очень приятными людьми. Джон, 52 лет, служил подполковником в Индии, ас 1813 года был вице-губернатором острова. Его супруге было лет 40; она хорошо говорила по-французски, и император с удовольствием принимал ее в своей резиденции. Ее несколько раз приглашали на обед, она также принимала участие в прогулках в карете. Она скончалась в 1866 году в возрасте 99 лет в Челтенхэме и часто в беседах упоминала об императоре.

Хадсон Лоу обвинял Скелтона, как и многих других, в том, что тот, уезжая из Джеймстауна в Англию в мае 1816 года, захватил с собой письма императора.

250

Существование «Колониального дома» берет свое начало с 1601 года. Здание это огромное, с многочисленными помещениями и с двумя боковыми крыльями. Обращенное фасадом к северу, оно защищено от южных ветров рядом холмов, возвышающихся с востока на запад, и прикрыто к тому же посаженными соснами и дубами. Когда вы выходите из большого вестибюля здания и, пройдя под портиком, спускаетесь вниз по лестнице, то попадаете на обширный луг в окружении леса. Луг содержится в хорошем состоянии и регулярно орошается. Благодаря этому он со своей густой растительностью имеет приятный вид. Ворота в полукруглой подпорной стенке выводят вас на дорожку, ведущую к дороге, соединяющей «Сэнди Бей» с Джеймстауном.

Сэр Уолтер Рансиман писал: «Трагический фарс высылки императора на губительное плато Лонгвуда и предоставление Хадсону Лоу «Колониального дома» в качестве его резиденции является тем феноменом, который мало кто из людей, не знавших фактов и обстоятельств, в состоянии понять».

«Розмари Холл», находившийся в девяти километрах от Джеймстауна, был занят австрийскими и русскими полномочными представителями.

Коттедж «Мейсон» принадлежал мисс Мейсон. К ней обращались с предложением отдать коттедж в аренду Хадсону Лоу для того, чтобы он стал пристанищем императора. От предложения выплачивать ей за аренду 100 франков в месяц она отказалась.

251

Томас Грейтли, капитан королевской артиллерии, командовал отрядом артиллеристов на борту «Нортумберлэнда», которым потом предстояло обслуживать орудия, предназначенные для защиты острова.

252

Майор Оливер Джордж Ферцен командовал 2-м батальоном 53-го пехотного полка. Молодой офицер 29 лет, он отличился на службе в армии во время войн на Пиренейском полуострове. На императора он произвел очень хорошее впечатление. Он покинул Святую Елену со своим батальоном в июле 1817 года и скончался от холеры в Индии в 1820 году.

253

Майор Чарльз Роберт Ходсон обладал телосложением гиганта, за что император называл его Геркулесом. Он был майором пехотного полка, судейским адвокатом и исполнял обязанности городского мэра Джеймстауна. Его усадьба, которую император посетил 20 ноября, называлась «Мальдивией». Майор Ходсон присутствовал при похоронах Наполеона и при церемонии эксгумации в 1840 году.

Г-жа Ходсон была дочерью сэра В. Давтона, члена островного совета, который владел поместьем «Маунт Плезант» в Сэнди Бее, примерно в трех милях южнее Лонгвуда. Император навещал сэра Веббера Давтона в январе 1816 года и совершил свою последнюю прогулку за пределы Лонгвуда именно в «Маунт Плезант» 4 октября 1820 года; сопровождаемый генералом Бертраном и Монтолоном, Наполеон завтракал вместе с хозяином в саду поместья.

254

Третальон, настоящее имя которого было Жак Дюпон, в августе 1815 года возглавлял роялистские банды, которые наводили ужас террором в районе Нима. Как говорили, он поклялся разрубать на три части каждого бонапартиста в департаменте, поэтому он и получил кличку Третальона («изрубить на три части»), В октябре 1815 года он был арестован и отпущен, так как не нашлось против него достаточно смелых свидетелей.

255

«Дом тревоги», на дороге из Джеймстауна в Лонгвуд, находился в трех километрах от резиденции императора. В доме вместе со своей супругой жил полковник Виньярд, военный секретарь губернатора.

Поблизости был выставлен пост охраны, там же была установлена пушка, которая своим выстрелом оповещала восход и заход солнца, а также приближение корабля к острову. Сигнальная система с помощью флагов позволяла посту охраны поддерживать связь с губернатором, передавая ему сообщения поэтапно через посты на холме Руперта и на холме Лэддера. Белый флаг, объявлявший о том, что исчез генерал Бонапарт, так никогда и не был поднят.

256

«Ворота Хатта» в 1815 году представляли собой скромный дом, расположенный на дороге в Джеймстаун в одной миле от Лонгвуда. Около этого коттеджа обосновались пять рот 53-го пехотного полка. Затем вместе с приданной им артиллерией они передислоцировались в лагерь Дедвуд.

Пространство, в котором императору разрешалось передвигаться по кругу без сопровождения английского дежурного офицера, ограничивалось полигоном с изломанным периметром, отрезки которого насчитывали от 4-х до 12 миль. Посты сторожевого охранения и часовых, воздвигнутые для пехотных стрелков, отмечали окружность периметра. Система траншей, вырытых на территории полигона, превратила его в настоящий гарнизон. Следы этих траншей сохранились до сегодняшнего дня.

257

В середине столетия Лонгвуд состоял из фермы и сарая. В 1787 году полковник Робсон, губернатор острова, построил за конюшней дополнительное здание из четырех комнат и добавил к нему еще пятую, перпендикулярную к главному зданию. Позади здания были сооружены постройки внутреннего двора, курятник и помещения для слуг. Конюшня находилась в отдельном здании.

Здание находилось на высоте 1700 футов, в пяти милях от Джеймстауна, в четырех милях от «Колониального дома», в половине мили от лагеря в Дедвуде и в 200 ярдах от дома Бертрана и «Нового дома».

Когда император со своими приближенными высадился в Джеймстауне, адмирал убедил французов, что Лонгвуд будет чудесным местом для проживания.

Сразу же по прибытии в Джеймстаун Гурго написал графине Каффарелли: «Они подготовили для нас небольшой загородный дом в пяти милях отсюда; как только дом будет отремонтирован и снабжен мебелью, мы сделаем его своей резиденцией. Говорят, что он расположен в сказочном месте. Так пусть же он будет напоминать мне Мальмезон».

Гурго просит графиню ответить ему и определяет способ, с помощью которого должна быть адресована корреспонденция. «Пишите мне так, как я пишу вам, не заклеивая ваши письма и адресуя их следующим образом: генералу барону Гурго на остров Святой Елены. Вложите это незапечатанное письмо в опечатанный конверт, адресованный адмиралу Джорджу Кокбэрну, командующему морскими сооружениям Его Британского Величества на Святой Елене. Наконец, вложите оба послания еще в один конверт, на котором напишите «Секретно». Далее я считаю, что вы должны отправить франкированное письмо в Англию».

258

Пионтковский был польский офицером, 29 лет, который был с Наполеоном на Эльбе и в битве при Ватерлоо сражался в чине второго лейтенанта гвардейских уланов. Он был в Мальмезоне, когда император прощался со всеми, и сопровождал г-жу Бертран и ее детей в их поездке в Рошфор. Он был на борту корабля «Мирмидон», но ему не разрешили последовать за императором, и он вместе со своей молодой женой все время пребывал в Плимуте, пока не получил разрешения отплыть на Святую Елену. Он прибыл туда один на борту корабля «Корморан» 29 декабря 1815 года. Он получил назначение проходить службу на конюшне под руководством Гурго. В Джеймстауне он всегда стремился узнать новости, а на плато Лонгвуда он добивался разрешения охотиться на проблематичных в этих местах диких голубей. Когда Хадсон Лоу потребовал, чтобы все лица из числа приближенных императора подписали декларацию, подтверждавшую их твердое желание остаться на острове и их согласие подчиняться всем ограничениям, Пионтковский написал едкое письмо, описывавшее отвратительные условия жизни в Лонгвуде и плохое обращение, которому подвергался император, хотя сам Пионтковский согласился подчиняться предписанным ограничениям.

Письмо Пионтковского от 19 апреля 1816 года привело Хадсона Лоу в состояние неописуемой ярости, и он написал лорду Батхерсту: «Когда он появился в Англии, Пионтковский ходатайствовал, как об особой милости, о разрешении направиться на остров; но не успел он прибыть сюда, как принялся заниматься деятельностью политического характера, что он и продемонстрировал в своем заявлении, полном упреков в адрес правительства, давшего ему согласие на его просьбу».

От лорда Батхерста поступил следующий ответ: «Вышлите с острова от генерала Бонапарта по крайней мере четырех человек, и в их число включите капитана Пионтковского».

Пионтковский отправился обратно в Лондон, где он воссоединился со своей молодой супругой, но свои дни закончил в тюрьме.

259

В отношении физической внешности Хадсона Лоу существуют противоречивые мнения. Дошедшие до нас его портреты дают о нем различное представление. Император говорил: «На своем веку я видел пруссаков, татар, казаков и калмыков, но я никогда не встречал человека столь безобразного и омерзительного. На всем его лице лежала печать преступления».

Карандашный набросок, сделанный Уайвиллом, копия которого находится в замке в Джеймстауне, не изображает Хадсона Лоу в таком ужасном виде.

Во всяком случае, г-жа Лоу, сестра генерала сэра Вильяма Хоу де Лэнси, была весьма привлекательной женщиной 34 лет, «очаровательной, любезной и немного с характером актрисы», как говорил о ней сам Наполеон. Сэр Генри Рассел писал о ней как об «очень элегантной, выглядевшей словно модель, но злоупотреблявшей косметикой и сильно отличавшейся от других женщин». Это ее описание объясняет причину того, почему привлекательная Сузан не пользовалась популярностью среди женщин острова. Не из чувства ли ревности она ни разу не нанесла визита своей соотечественнице графине Бертран?

Существует немало биографий сэра Хадсона Лоу, который скончался в условиях бедности, всеми покинутый и парализованный в январе 1844 года в возрасте 74 лет. Он похоронен в Лондоне, в церкви Св. Марка на улице Северный Одлэй.

Его архивы, известные как «Архивы Лоу», составляют 160 томов. Они были распроданы и разошлись по различным местам.

Джэниш, Рид и Горрекер составляли трио тюремщиков, разделявших общую ненависть к Бонапарту и к французам; представитель Австрии на острове, Штюрмер, говорил о Горрекере, в совершенстве владевшем французским языком, что он был «коварным человеком». В июле 1818 года Листер и граф Бертран обменялись резкостями, и англичанин хотел драться на дуэли с гофмаршалом. Пребывание Листера в Лонгвуде продолжалось две недели. Губернатор хотел навязать д-ру Бакстеру должность врача генерала, но именно из-за подобного титула император отказался быть его пациентом.

261

Барон Баклер д’Альбе был географом и очень известным инженером; Наполеон встретился с ним во время осады Тулона и в 1796 году поставил его во главе своей топографической службы. С того времени Баклер д’Альбе никогда не покидал императора. Солдат, офицер, картограф, художник, живописец, гравер, литограф, он скончался в 1824 году в возрасте 64 лет. Значительное место в его жизни занимала работа над географическими картами. Его знаменитая карта Италии была той самой, которой пользовался император на острове Святой Елены. Она была опубликована на сорока двух листах, и ее полная коллекция хранится в «Национальных Архивах». В Версале выставлены три картины Баклера д’Альбе. Портрет Бонапарта, который, вероятно, имеет большое сходство с оригиналом, поскольку Баклер д’Альбе жил в непосредственной близости от императора, находится в коллекции Мальмезона. Другой бюст Бонапарта, нарисованный художником и гравированный Салланчесом, был использован Гро в его картине, изображавшей сражение при Арколе.

262

Корабль Его Величества «Ньюкасл», оснащенный 60-ю орудиями, прибыл на остров Св. Елены 17 июня 1816 года. На борту корабля находились контр-адмирал сэр Пультни Малькольм и леди Малькольм, Джон Ирвинг, секретарь адмирала, представители союзнических держав и их помощники: граф Бальмэн и Генрих Пейль — от России, маркиз де Моншеню и капитан Кор — от Франции. Барон фон Штюрмер и его обслуживающий персонал прибыли на следующий день на борту фрегата «Оронте».

263

Выдающийся моряк, бывший командующим эскадры, действовавшей под началом Веллингтона в 1815 году, Малькольм был порядочным человеком, не обделенным талантами и тактом. Он обычно старался сгладить трудности, отравлявшие атмосферу в Лонгвуде и в «Колониальном доме», но губернатор сразу же проникся к нему подозрением и распорядился наблюдать за ним. Визиты адмирала к императору рассматривались в дурном свете, и Лоу резко критиковал Малькольма в письме лорду Батхерсту от 13 мая 1817 года.

Леди Малькольм была сестрой губернатора Восточно-Индийской компании, который послал Наполеону знаменитый шахматный набор. «Дневник леди Малькольм», опубликованный в 1899 году, был написан частично под диктовку адмирала; дневник пересказывает в основном беседы императора с адмиралом, а не с его супругой, которая мало понимала французский язык. В дневнике часто упоминается жизнерадостность Наполеона, даже его веселье, так же как и его поразительные точки зрения по большому числу проблем: Ватерлоо, Бурбоны, Египет, Корсика, Ней, Сульт, герцог Орлеанский и т. д.

Термин «пистонные ружья» не совсем правилен. Возможно, автор имел в виду ружья с ударным капсюлем, которые британские оружейники уже давно делали.

Моншеню было тогда 58 лет. Он был маршалом и обычно прогуливался по острову в мундире и со шпагой. «Я знаю этого человека, — говорил император, — он — выживший из ума старик, «каретный генерал», никогда во всей своей жизни не слыхавший выстрела». Моншеню горько жаловался на дороговизну жизни на острове и на мизерность своего жалованья. Он отличался прожорливостью, и д-р Генри предрекал печальные последствия этого для его печени и желудка. Его секретарь, капитан Кор, назначенный к нему королевским правительством, обладал острым умом и всегда добавлял к его отчетам собственный постскриптум.

266

Дензил Иббетсон прибыл на остров на борту «Нортумберлэнда» и оставался там до 1823 года. Он сделал отличный набросок императора.

267

Лорд Батхерст, государственный секретарь по делам колоний с 1809 года, вынашивал в душе безграничную ненависть к французам, к Французской революции и к императору. К этим политическим причинам следует, возможно, добавить и личную вендетту: он обвинял Наполеона и его полицию в убийстве одного из его двоюродных братьев, секретного агента, посланного в Вену в начале 1809 года, чтобы убедить австрийского императора в необходимости объявить войну Франции.

Наполеон и его компаньоны обязаны именно ему выбором Хадсона Лоу на пост губернатора острова Святой Елены и всей той мелочностью, придирками, жестокостью и ограничениями, которым они подвергались.

Лорд Батхерст поддерживал связь с Хадсоном Лоу посредством официальных и личных писем. С почтой от 15 апреля 1816 года Хадсон Лоу получил два письма от лорда Батхерста: в первом письме, начинавшемся словами: «Уважаемый сэр», — он предлагает губернатору определить расходы на питание и обслуживание Бонапарта таким образом, чтобы они не превышали 8000 фунтов стерлингов в год. Второе письмо несет на себе отметку «лично». Текст письма приводится ниже: «Даунинг-стрит, 15 апреля 1816 года Мой дорогой генерал, я надеюсь, что вы сможете значительно сократить окружение Бонапарта, поощряя настрой большинства его компаньонов, которые должны ощущать необходимость покинуть остров Святой Елены и вернуться домой. Их пребывание на острове является весьма обременительным. Всегда можно опасаться заговора со стороны жителей Лонгвуда и, возможно, представителей держав, которые бездельничают и могут попытаться затеять что-нибудь подобное. По этой причине вы должны поощрять их в поиске развлечений, отправившись на мыс Доброй Надежды, чтобы сменить обстановку. Вы должны пообещать им, что будете снабжать их подробным отчетом об условиях жизни вашего пленника.

Остаюсь ваш и т. д.

Батхерст».

268

Сантини родился на Корсике в 1790 году. В 1803 году он добровольно вступил в ряды корсиканских стрелков и участвовал в сражениях кампаний 1804–1807 гг. в составе «Великой армии». В 1812 году он стал армейским курьером и позднее управляющим французской почтовой администрацией. Он был женат и имел четверых детей.

Киприани во многих случаях действовал в качестве агента императора. Во время пребывания императора на Эльбе Киприани был направлен в Вену, когда там проходил конгресс. Роль Киприани, а также агентов Мюрата, достойна внимания будущих исследователей.

270

Генри Хафф Притчард не был адъютантом, он заведовал телеграфной службой.

271

Генерал Бертран, командовавший инженерным корпусом французской армии во время австрийской кампании 1809 года, отличился тем, что сумел в сложных условиях построить на реке Дунай, по обе стороны острова Лобау, два моста, каждый длиной в 2500 футов. Несколько раз сносимые запущенными врагом горящими плотами и столько же раз построенные вновь, эти мосты обеспечили победу в сражении при Ваграме 5 и 6 июля 1809 года. «Это прекрасный образец военного строительства со времен Римской империи», — заявил тогда император.

272

Во время кампании 1805 года Монтолон был капитаном генерального штаба «Великой армии», работая под руководством Бертье. Обязанности офицеров этого ранга состояли в основном в том, чтобы размножать копии приказов и доставлять их по назначению. Эта часть их обязанностей была зачастую трудной и иногда опасной. Если приказ касался какой-либо военной операции на поле сражения, то от штабного офицера требовалось, чтобы он присутствовал, по крайней мере, при начале выполнения приказа, который он доставил; иногда он лично участвовал в проведении атаки или рядом с офицером, командовавшим операцией, или сам командовал каким-нибудь подразделением.

Британский офицер, назначенный служить в Лонгвуде, размещался в комнате, соседней с комнатой доктора, и обедал вместе с ним. Офицер должен был оставаться в распоряжении императора, если он хотел покинуть территорию резиденции, препятствовать императору совершать прогулку около берега океана или около фортификационных сооружений, а также должен был видеть императора дважды в течение дня. К дежурному офицеру был приставлен один или несколько сержантов. Офицеру вменялось проявлять к императору почтительное отношение и уважение.

Между 10 декабря 1815 года и 6 мая 1821 года шесть офицеров выполняли обязанности дежурного офицера:

1. Капитан Т. В. Попплтон с декабря 1815 года по июль 1817 года. Попплтон был умным человеком, который знал, как оставаться в хороших отношениях с обитателями Лонгвуда и с губернатором. Он был произведен в чин майора в 1817 году и скончался в 1827 году в возрасте 52 лет. На его могиле в Килланине, в графстве Гэлвэй, можно прочитать: «Удостоенный уважения Наполеона, который находился под его личным присмотром в течение двух лет на острове Святой Елены».

2. Капитан Генри Пирс Блэкни служил с июля 1817 года по сентябрь 1818 года. Капитан и его жена имели сильное пристрастие к крепким напиткам. Однажды капитан появился перед императором, будучи совершенно пьяным. Он умер в 1823 году в возрасте 41 года.

3. Подполковник Томас Листер замешал Блэкни в течение десяти дней в июле 1818 года.

4. Капитан Джордж Николлс служил с сентября 1818 года по февраль 1820 года. В своем дневнике он упоминает о трудностях, с которыми столкнулся в течение 16 месяцев службы, пытаясь увидеть императора, который иногда не показывался на глаза дежурного английского офицера на протяжении 11 дней.

5. Капитан Энгельберт Лютьен служил с февраля 1820 года по апрель 1821 года. В апреле 1821 года умиравший император отдал д-ру Арнотту великолепную книгу для ее передачи в библиотеку 20-го стрелкового полка. На форзацах этого прекрасного издания были отпечатаны императорские гербы. Капитан передал книгу своему непосредственному начальнику майору Эдварду Джэксону, который заявил: «Никак не могу понять, как офицер 20-го полка может передать полку в качестве подарка от генерала Бонапарта книгу, в которой есть слова

«император Наполеон». Лютьен был освобожден от своих обязанностей.

6. Капитан Вильям Кроукэт заменил Лютьена, был свидетелем кончины императора, присутствовал при аутопсии и отплыл на борту корабля «Херон» в Англию, чтобы сообщить там новость о кончине Наполеона. Кроукэт после себя оставил рисунок императора на смертном одре.

Как только Хадсон Лоу прибыл на остров, ему стали ясны скверные условия проживания в Лонгвуде. Он задумался о строительстве другого дома и написал письмо лорду Батхерсту с просьбой о соответствующих инструкциях. Эта проблема широко обсуждалась в Англии; много говорилось о сборном деревянном доме, сходном с теми, которые были сооружены для лагерей военнопленных в самой Англии. О таком доме говорилось также и для острова Святой Елены. Хадсон Лоу предложил гофмаршалу построить вдоль дома длинную галерею (70 фунтов), которая позволила бы генералу совершать прогулки. Поднимался вопрос о покупке «Розмари Холла».

В начале 1818 года прибыли материалы для строительства, но где их предстояло использовать? Так как правительство отказалось разрешить строительство дома в здоровой и озелененной части острова около «Колониального дома», то работа началась в 1818 году в ста ярдах от Лонгвуда. Первый камень был заложен 2 октября. Планы строительства, переданные Монтолону, не интересовали императора, который считал, что этот дом, с большими комнатами и прикрытый от ветров высокой дамбой, не будет закончен до его смерти; он только обратил внимание на тяжелые ворота, поставленные полукругом перед северной террасой для того, чтобы защитить дом от крупного рогатого скота. Небольшой дом, в котором жил гофмаршал, находился неподалеку от нового дома.

Льюис Гоулдсмит «Тайная история кабинета Наполеона Бонапарта и двора Сен-Клу».

Гоулдсмит пребывал в Париже в течение восьми лет, ссорясь с Талейраном и особенно с Фуше. Под предлогом руководства печатного издания «Аргус» он на самом деле занимался шпионской работой. Его журналистская деятельность — в форме сочинения памфлетов — полна выражением ненависти к Франции, к людям, мешавшим его унизительной деятельности, и прежде всего к императору.

Кораблем «Юридисом» командовал капитан Вогхоуп. Он был вместе с сэром Пультни Малькольмом и капитаном Мейнеллом, командиром корабля «Ньюкасл», когда все они были приняты императором 11 января 1817 года. Аудиенции, на которые давал свое согласие Наполеон, были особенно частыми в период с января по сентябрь 1816 года; они уменьшились в 1817 году, за исключением июля, после чего полностью прекратились. Только об одном визите упоминается в 1818 году и об одном в 1819 году.

277

Д-р Вильям Уорден (1777–1849) был врачом на «Нортумберлэнде». Между октябрем 1815 года и июнем 1816 года он несколько раз имел возможность беседовать и обедать с Наполеоном. В своих письмах к невесте он пересказывает комментарии, высказанные «великим человеком» во время его визитов к императору. Когда д-р Уорден отплывал с острова Святой Елены, император подарил ему набор китайских шашек.

Опубликованная в 1816 году брошюра Уордена под названием «Письма с острова Святой Елены», с положительной стороны описывавшая Наполеона, пользовалась у читателей большим успехом, но привела к тому, что ее автор был исключен из реестра морских врачей. Тем не менее позднее он был восстановлен в своей должности и стал их главой.

Император получил «Письма с острова Святой Елены», прочитал эту брошюру и, не придавая ей большого значения, сделал несколько замечаний, которые граф де Лас-Каз использовал в качестве основы при написании «Писем с мыса Доброй Надежды», опубликованных в ответ на брошюру д-ра Уордена.

«Рукопись со Святой Елены, переправленная тайно», представлявшая собой брошюру из 100 страниц, была опубликована в Лондоне на французском языке в начале 1817 года и продавалась по цене 7 шиллингов и 6 пенсов.

Во Франции, где полиция искала брошюру, чтобы конфисковать ее, она пользовалась большим успехом. В Англии несколько ее переводных изданий были вскоре распроданы. Все считали, что Наполеон в ней описывает самого себя, и европейские либералы восприняли ее как свое кредо. Император получил брошюру в свое распоряжение 5 сентября 1817 года, вероятно, из рук адмирала Плэмпина. Он с любопытством прочитал ее, сделав на полях около 40 существенных заметок. Маршан отметил в ней грубейшую ошибку: Тильзит раньше Йены! Брошюра содержит и другие ошибки, например: Рейнская конфедерация после Йены, присутствие Бонапарта в Альпийской армии, на горе Женевр и т. д. Веллингтон считал эти ошибки доказательством подлинности авторства Наполеона. В Европе подошли к этому вопросу более скептически; были предложены другие версии. Так, в качестве автора брошюры предполагались некоторые определенные имена: Фуше, Мармон и т. д., но наиболее просвещенные умы заявляли, что это был Бенжамен Констан. В Лонгвуде же считали, что это была госпожа де Сталь.

Европейские либералы и император были правы. Госпожа де Сталь, представительница приверженцев либеральных идей, противостоящих абсолютизму, оставаясь в тени, вручила свое перо другу из Женевы, маркизу Люллину де Шатовье.

280

В своих «Наблюдениях» граф де Дитрихштейн пишет, что приступил к обязанностям по присмотру за сыном императора 30 июня 1815 года. Ребенку было тогда четыре с половиной года и со времени договора в Фонтенбло 1814 года он носил титул князя Пармского. «Г-жа Маршан, — пишет Дитрихштейн, заслуживает поздравлений во всех отношениях. Она обладает только одним недостатком — вполне извинительным, — а именно тем, что она постоянно говорит о Париже». В марте 1817 года, когда Маршан получил новости от своей матери, по времени совпавшие с днем рождения Римского короля, Дитрихштейн пишет: «После завтрака у императрицы молодой принц, начав бить в барабан, заявил, словно продолжая игру: «Я уеду в другую страну, я очень хорошо знаю, в какую, но не скажу, куда именно, в другую страну, где была война, во Францию, где воевали с австрийцами».

281

Барон Ружьер де Ла Бержери был известен своей продолжительной политической карьерой. Он был префектом бассейна реки Ионн до марта 1813 года, когда его сместили с этой должности. В период «Ста Дней» он вновь был призван на службу и назначен префектом бассейна реки Ниевр. Он подал в отставку с этого поста в мае 1815 года и посвятил себя агрономии и поэзии.

Речь лорда Батхерста, министра колоний Великобритании, была произнесена в палате лордов в ответ на «Предложение, внесенное на заседании британского парламента лордом Холландом, представить документы относительно обращения с Наполеоном на острове Святой Елены». Генри Ричард Фокс, третий лорд Холланд, родился в 1773 году, получил образование в Итоне и Оксфорде, путешествовал по Испании и по Италии, во Флоренции встретил очаровательную женщину, леди Вебстер, которая стала его супругой в июле 1797 года.

В соответствии с традицией и со своими политическими убеждениями племянник заклятого противника Вильяма Пипа был либералом. В 1801 году он был принят в Париже Первым консулом и был враждебно настроен по отношению к мерам, предпринимавшимся правительством лорда Ливерпуля против Наполеона. 18 марта 1817 года лорд Холланд произнес перед лордами речь, полную сдержанности: «Вам всем известно, — заявил он, — о моей оппозиции, которую я занял по отношению к министрам правительства в связи с условиями содержания Наполеона и его ссылкой. Хотя я не меняю своей точки зрения по этой проблеме, в мои намерения не входит обращение к Вашим Светлостям изменить этот политический план; но жалобы, полученные с острова Святой Елены, и записка, попавшая в мои руки, которая, судя по всему, была написана генералом графом де Монтолоном, могут вполне лечь несмываемым пятном на репутацию британской нации».

После этих слов уважаемый лорд предложил провести расследование и попросил министров представить членам палаты лордов документы и переписку между островом Святой Елены и губернатором Его Величества, чтобы пролить свет на условия обращения, навязанные Наполеону. Лорд Батхерст ответил лорду Холланду речью, вызвавшей всеобщее возбуждение. Он оценил жалобы генерала Бонапарта как грубую ложь и заявил, что принятые в отношении него меры соответствуют мерам, предназначенным для военнопленных. Он отклонил предложение лорда Холланда и выразил опасение, что уважаемый лорд, автор предложения, не может беспристрастно обсуждать ограничения, введенные парламентским законом в отношении этого военнопленного, поскольку, как следует из слов лорда Холланда, каким бы ни было ограничение для Наполеона, оно всегда будет для него бесчеловечным и несправедливым.

Сошлемся на замечательное письмо, написанное мадам Мер

лорду Холланду из Рима 1 мая 1817 года.

«Мать Наполеона не может лучше выразить свою благодарность за тот интерес, который вы проявляете к ее сыну, чем в том сообщении вам о своем удивлении, когда она прочитала в ответе лорда Батхерста, что никто из императорской семьи не посылал министру какие-либо письма для острова Святой Елены».

283

Вильям Питт, первый граф Амхерстский, оставил в своем дневнике подробный отсчет о продолжительном визите к императору. Сэр Генри Эллис, секретарь миссии лорда Амхерста в Китай, написал в конце своей книги: «Судьба Бонапарта подверглась значительному изменению, и тем не менее я бы солгал, если бы заявил, что, когда я был готов появиться перед этим человеком, еще недавно наводившим ужас и вызывавшим изумление у всего мира, я сохранял свое обычное хладнокровие. Конечно, прихожая, в которой я ждал приема, едва ли имела что-либо общее с приемным залом дворца Тюильри, но бывший император, по моему мнению, мог обойтись и без дворцового декора; одни его манеры вести себя на людях были достаточны для того, чтобы производить сильное впечатление. Я не считаю, что с потерей его монаршего достоинства значение его личности приуменьшилось, поскольку его прошлая власть, его могущественные армии и его блестящий императорский двор, бывший предметом зависти наследственных монархов, едва ли добавляли что-либо к престижу его гения. Всем своим существом я чувствовал, что мне предстоит находиться в присутствии интеллекта, чьи природа и размах будут намного превосходить мои собственные».

«Итак, как поживает мой друг, шах?» Император беседовал в течение тридцати минут; быстрота его речи, казалось, не уступала скорости высказываемых им свежих идей. «Если Россия поставит под свой контроль Польшу, то она станет непобедимой, — заявил он и затем продолжал на английском языке: «Чего вы добились, воюя против меня? Обладания моей персоной и возможности продемонстрировать всем, что вы лишены благородства! Вы по-прежнему щеголяете вековой показанной храбростью, но вы никогда не станете военной державой». И затем он добавил: «Англия ослабела с тех пор, как впуталась в дела континента». Генри Эллис полагал, что императору были свойственны приятные манеры обхождения с людьми, а его отношение к ним отличалось удивительным сочетанием простоты в обращении и в то же время осознанным превосходством над каждым из них.

В книге О'Мира «Голос с острова Святой Елены», а также в письме попавшего в немилость Хадсона Лоу лорду Амхерсту, датированном августом 1822 года, и в ответе посла от 2 октября 1822 года («Материалы Лоу») упоминается следующий отрывок из беседы императора с лордом Амхерстом:

«Стали бы вы покидать дом чаще, чем я, если бы во время прогулки в сопровождении офицера, вы ничего бы не могли сказать повстречавшимся людям, кроме пожелания доброго утра?» — спросил император.

«Я бы поступил точно так же, как и вы, я бы не стал покидать свою комнату», — ответил лорд Амхерст.

284

Контр-адмирал Роберт Плэмпин (1762–1834), обладавший вульгарным и заурядным умом, был заклятым врагом французов, язык которых он знал, но с которыми сражался еще со времен Тулона (1793); он был полон ненависти к Наполеону. Его приезд вызвал скандал на острове Святой Елены; он в самом деле представил г-же Лоу в качестве своей супруги женщину, которая не была таковой. Его преподобие Бойз с церковной кафедры выразил протест по поводу аморального поведения этого офицера, но Хадсон Лоу решил терпеть его в обмен на обещание проводить политику повышенной строгости в отношении жителей Лонгвуда. Император принял адмирала Плэмпина 3 июля 1817 года вместе с капитаном Дэви, командиром «Завоевателя», и с секретарем Эллиоттом, представленными сэром Пультни Малькольмом. Наполеон и Плэмпин терпеть не могли друг друга. Адмирал награждал императора самыми непочтительными выражениями, а император, в свою очередь, судил его безо всякого снисхождения: «Этот коротышка примерно 60 лет обладает весьма неприятной внешностью. Он напоминает тех вульгарных голландских моряков, которые всегда пьяны и которых я видел в их стране, восседающими за столом с трубкой во рту, с куском сыра и с бутылкой джина перед собой». Адмирал Плэмпин покинул остров в июле 1820 года.

285

Шарлотта Огаста, дочь Джорджа, принца Уэльского. В 1816 году она вышла замуж за Леопольда Сакс-Кобургского, будущего короля Бельгии, и скончалась в 1817 году.

286

Базиль Джэксон (1795–1889), штабной лейтенант, прибыл на остров Святой Елены одновременно с Хадсоном Лоу. В соответствии с приказами майора Эмметта он возглавлял инспектирование зданий Лонгвуда (старого и нового дома), а также виллы Бертрана. Джэксон неплохо рисовал и после себя оставил много рисунков. Он беседовал с императором в июле 1817 года и покинул остров в июле 1819 года.

Что касается смерти Киприани, то гофмаршал 22 марта 1818 года написал кардиналу Фешу следующее письмо:

«Он скончался 27 февраля 1818 года в 4 часа дня и был погребен на протестантском кладбище острова Святой Елены. Священнослужители этой церкви оказали ему такое же внимание, какое было бы оказано одному из их собственных прихожан; в сертификате, удостоверявшем смерть, указано, что он умер прихожанином апостольской и римской церкви. Священник церкви этого острова с готовностью бы обслужил его в момент наступления смерти, но он хотел бы иметь в свои последние минуты около себя католического священника, представлявшего другую религию. Несколько дней тому назад в Лонгвуде скончался ребенок одного из слуг графа де Монтолона. На днях от той же болезни скончалась горничная. Это все результат нездорового климата.

Мы испытываем необходимость в священнике нашей веры. Вы — наш епископ; мы хотели бы, чтобы вы прислали нам французского или итальянского священника. Пожалуйста, подберите нам хорошо образованного человека, лет под 40, с ровным характером и не с головой, наполненной антигалликанскими принципами».

В конце письма гофмаршал пишет кардиналу, что он высылает ему: «Бумажник Киприани, булавку, которую он обычно носил, всю денежную сумму, принадлежавшую ему, а именно 5287 франков, и кредитную карточку на эту сумму, дающую его наследникам право распоряжаться ею. Зная, что вы заботитесь о его сыне, а также то, что его дочь находится с мадам Мер, император хотел бы знать, какое состояние оставляет Киприани, так как, судя по всему, он инвестировал значительные фонды в Генуе, чтобы обеспечить будущее своих двух детей».

288

Джон Стокоу (1775–1852) был хирургом корабля «Завоеватель», прибывшего в Джеймстаун в июне 1817 года. Он был способным врачом-практиком и честным человеком, ставшим другом О'Мира. Выразив горячее желание познакомиться с императором, он был представлен ему 10 декабря 1817 года.

«В одно мгновение, — писал он позднее, — мое мнение о Наполеоне изменилось; он так отличался от того образа, который я заранее составил о нем; после двухминутной беседы мне стало легко с ним». Стокоу получил строгое внушение от Плэмпина и губернатора за то, что беседовал с «генералом» без разрешения. К началу 1819 года О'Мира уехал, и император остался без врача и необходимого лечения. 16 января 1819 года д-ра Стокоу пригласили к постели больного императора: Стокоу внимательно осмотрел его и в своем отчете пришел к выводу, что император страдает от острой формы гепатита и значительно ослабел физически. Он нанес пять визитов к больному Наполеону и предстал перед военным трибуналом за то, что представил «генерала» страдающего от опасной болезни. Исключенный из списков военно-морских врачей, Стокоу отправился в Америку, где нанес визит Жозефу Бонапарту, который уединился в Бордентауне, поблизости от Филадельфии.

289

Д-р О'Мира в своей работе «Наполеон в ссылке» пишет 28 июня 1819 года: «Я отправился в город и попытался купить экземпляр публикации «Комментарий на речь лорда Батхерста», которые в некотором количестве, как мне сообщили, были доставлены на остров. Капитан Банн с корабля «Мэнгл», к которому я обратился с просьбой помочь мне раздобыть эту публикацию, был удивлен моей просьбой, сказав, что немедленно после его прибытия на остров, сэр Хадсон Лоу и сэр Томас Рид взяли с собой пять экземпляров этой брошюры для того, как они сказали, чтобы отправить два или три экземпляра в Лонгвуд. Капитан рассказал, что эти два господина потребовали сообщить точный список книг, которые он привез с собой, и всех современных работ, посвященных обсуждению политических вопросов, а также запросили все экземпляры издания «Эдинбург ревью». Действия Хадсона Лоу и Томаса Рида не помешали императору получить в свое распоряжение это либеральное ревью, которое находилось в сильной оппозиции к правительству лорда Ливерпуля, и прочитать брошюру «Комментарии на речь лорда Батхерста».

Пожелание императора было выполнено только в 1939 году, да и то не полностью. См. «Личные письма монархов императору Наполеону I», опубликованные принцем Наполеоном и Жаном Аното.

В замечательном предисловии авторы выстраивают комплексную историю драгоценных документов, хранившихся в архивах принца Наполеона. Первый том включает письма от монархов Австрии, Бадена и Пруссии. Второй том, касающийся Баварии, Саксонии и Швеции, пока еще не опубликован.

291

Среди сувениров, взятых с собой д-ром О'Мира с острова Святой Елены, был также один из носовых платков императора. Этот платок с меткой в виде буквы «Н» и короны в настоящее время выставлен в музее города Виши.

292

Джеймс Роч Верлинг, доктор медицины (1787–1858), хирург королевской артиллерии на острове Святой Елены, прибывший туда на борту «Нортумберлэнда». Он был знающим врачом, обходительным, остроумным, обладавшим признанным медицинским опытом; он говорил на французском и итальянском. К сожалению, император никогда не вызывал его к себе, поскольку губернатор направил его в Лонгвуд без предварительного предупреждения, пытаясь навязать его императору.

Верлинг мог видеть Наполеона только на расстоянии, заявив после этого, что он поражен его ввалившимися глазами, его пожелтевшим и инертным лицом и другими очевидными признаками хронической болезни.

Встречавшийся с императором несколько раз на борту «Нортумберлэнда» Верлинг заметил громадную перемену в состоянии его здоровья.

293

Д-р Сиско (1742–1830) родился в Бастии, но переехал в Рим, где стал знаменитым хирургом и профессором клинической анатомии и хирургии и, наконец, главным профессором медицины и хирургии Римского университета.

294

Маршан ссылается на книгу Вальтер Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора Франции». В последних главах книги автор выступает с резкими нападками на генерала Гурго, обвиняя его в том, что он делал серьезные заявления сэру Хадсону Лоу и его окружению перед тем, как покинуть остров Святой Елены, а также различным британским официальным лицам, когда он прибыл в Лондон.

295

Жозеф Ронья, родился в 1776 году, выпускник инженерной школы в Меце в 1794 году, сделал блестящую военную карьеру, стал генералом в 1809 году, участвовал в сражении при Ватерлоо. Он был инспектором инженерных войск, пэром Франции, членом Академии наук и автором многих технических и политических книг. Его «Размышления об искусстве войны», опубликованные в 1816 году, полны нападок на Наполеона.

296

Аббат де Прадт обязан своей судьбой Дюроку, родственником которого он был. Он был капелланом императора, епископом Пуатье, архиепископом Малинским и послом в Варшаве. Отозванный в свою епархию за то, что не подчинился приказам императора, де Прадт стал одним из самых его ярых врагов. Он много писал об испанской революции, американской революции, о колониях, и свою позицию он защищает в «Истории посольства в великом княжестве Варшавском в 1812 году».

297

Леди Холланд была очень привлекательной женщиной, обладавшей большим умом и очарованием. Элизабет Вассалл, американского происхождения, она сначала вышла замуж за сэра Годфри Вебстера, а позднее за лорда Холланда. Подобно ее супругу, леди Холланд восхищалась императором; она поддержала лорда Холланда, когда в марте 1817 года он выступил в парламенте с речью, произведшей настоящий фурор, так как обратился с просьбой к правительству изменить политику по отношению к Наполеону. Леди Холланд направляла пленникам угощения и много книг. В 1845 году, в год своей кончины, леди Холланд передала Британскому музею золотую коробку, украшенную старинной камеей, которую Наполеон завещал ей на своем смертном одре со следующей надписью: «От императора Наполеона леди Холланд в качестве знака признательности и уважения».

298

Госпожа Дюран была вдовой генерала Дюрана, старого солдата, скончавшегося в 1807 году. Она была одной из фрейлин императрицы. Она написала «Мемуары о Наполеоне, об императрице Марии Луизе и об императорском дворе Тюильри с критическими заметками, сделанными пленником Святой Елены»… Наполеон действительно держал в руках эту книгу и на полях ее страниц сделал немало пренебрежительных замечаний.

299

Первое издание «Официальной и конфиденциальной неизданной переписки Наполеона Бонапарта», опубликованное в 1819 году Панкуком, состоит из семи томов. Оно было известно императору. Оно включает два тома, посвященные Италии, два — Египту, два — Венеции; в последний том включены различные письма. Экземпляр книги, принадлежавший библиотеке острова Святой Елены, в настоящее время находится в Национальной библиотеке. Книги в мягкой дешевой бумажной обложке, вложенные в кожаный чемодан зеленого цвета, принадлежали Маршану, который передал их французскому премьер-министру Тьеру. На шмуцтитульной странице 2-го тома написано: «Эта “Переписка”, со времени ее появления в Лонгвуде, постоянно находилась на столе императора Наполеона и была убрана со стола только после его кончины. Некоторые замечания, написанные императором карандашом, обведены графом де Монтолоном чернилами. Маршан, Париж, 16 июня 1840 года». Передача экземпляра произошла за двадцать один день до отплытия «Бель-Пуль» на остров Святой Елены. «Министр, который разделяет благородное и великодушное решение короля вернуть останки императора во Францию, имеет право на его наследство», — написал Маршан Тьеру в своем сопроводительном письме.

300

«Критические замечания о работе генерал-лейтенанта Ронья об искусстве войны» полковника Марбо, сентябрь 1820 года Марбо является автором «Мемуаров», опубликованных в 1891 году, в которых резко протестует против нападок генерала Ронья на солдата, который возглавлял революционную и имперскую эпопею.

301

В 1816 году, в то время, когда в Арбуа воздвигался памятник Пишегрю, начались разговоры о том, чтобы поставить статую Моро на одной из площадей Морлэ, где родился Моро. От этого проекта отказались из-за отсутствия к нему интереса со стороны широкой общественности.

302

Мари Ристо (1770–1807) была замужем за банкиром из Бордо, г-ном Коттеном, и в 20 лет осталась вдовой. Свое одиночество она заполнила тем, что стала писать романы, в которых раскрывала свою «чувственную душу». Весь доход от проданных книг раздавался бедным.

303

Г-жа де Суза была одной из самых привлекательных женщин своего времени; она обладала острым умом и характером, склонным к романтике. Во время Бастилии ей было 28 лет, у нее был муж, граф де Флао, и 4-летний сын, отцом которого являлся аббат де Перигор — Талейран.

В 1793 году Флао попал на гильотину, и его супруга отправилась в изгнание. В 1802 году привлекательная вдова вышла замуж за португальского писателя, посланника Португалии в Париже, г-на де Суза-Ботельо. Она обратилась к сочинительству и описывала картину общества ее времени с тактом, элегантностью и искренностью. В 1813 году ее сын Шарль был адъютантом императора и стал отцом сына, рожденного в результате мимолетной прихоти королевы Гортензии; он стал будущим герцогом Морни, которого воспитывала его бабушка. Г-жа Суза скончалась в 1836 году.

Свадьба Новерраза и Жозефины Брюле состоялась в воскресенье 12 июля 1819 года в гостиной графини де Монтолон: по этому поводу был устроен большой праздник. «Невеста, Эстер, подруга Маршала, и мадемуазель Одиль были все трое неразлучны, — писал Монтолон, — было провозглашено много тостов за благополучное будущее новобрачных». И действительно, жизнь для них началась неплохо. Они сумели отложить сбережения на сумму в 20 000 франков. Однако император не одобрял этот брачный союз. Тем не менее он предоставил Жозефине работу в качестве прачки и положил ей то же жалованье, которое она получала от госпожи де Монтолон. Поскольку она была весьма опытной служанкой, Жозефина также работала и у графини Бертран. Император оказался прав: семья Новерраз распалась, и Швейцарский Медведь скончался без потомства в своем маленьком белом доме, названном «Фиалкой», в Лозанне 12 января 1849 года, в тот же самый час, что и его хозяин.

305

Госпожа де Монтолон покинула остров Святой Елены 2 июля 1819 года на борту корабля «Леди Кэмпбелл».

306

Прибыв на остров Святой Елены в октябре 1815 года, Чарльз Гаррисон, капитан 53-го пехотного полка, был назначен бригадир-майором во время отбытия с острова его подразделения и оставался на острове до кончины императора. Он присутствовал при аутопсии императора вместе с тремя другими британскими офицерами: уполномоченным представителем Великобритании Иббетсоном и артиллерийскими лейтенантами Мэтьюсом и Хатчинсом.

307

Доминик Виван, барон Денон (1747–1825), был секретарем посольств в Санкт-Петербурге и Неаполе, а также автором многочисленных произведений гравировального искусства. Наполеон назначил его директором императорских музеев.

308

Арчибальд Арнотт родился 18 апреля 1771 года в Шотландии, изучал медицину в Эдинбурге. Ассистент хирурга 11-го драгунского полка, затем хирург 20-го пехотного полка, служил в Голландии, Египте и Испании. Он прибыл на остров Святой Елены в составе своего полка в начале апреля 1819 года. Попытался, с присущим ему ревностным отношением к службе и уважением к пациенту, облегчить страдания знаменитого пациента. В конце концов между пациентом и его доктором возникла определенная симпатия, которую Хадсон Лоу не преминул поставить в вину Арнетту.

Начиная с 1 мая 1821 года Арнотт обосновался в библиотеке резиденции императора и оставался там вплоть до его кончины, направляя губернатору краткие записки, написанные карандашом:

«Он умирает».

«Ему хуже».

И 5 мая в 5.49 вечера: «Он скончался в эту минуту». Мы обязаны д-ру Арнотту за прекрасный рисунок Наполеона на его смертном одре до начала процедуры аутопсии, на которой доктор присутствовал.

Арнотт скончался 6 июля 1855 года в возрасте 84 лет.

309

Священники, присланные в Лонгвуд кардиналом Фешем, были корсиканцами, в основном малоинтересными людьми, и не могли украсить времяпровождение императора, который тем не менее был знаком с ними.

Отец Антонио Буонавита был капелланом мадам Мер на острове Эльба. Он был праведным человеком, который говорил запинаясь из-за кратковременного паралича, перенесенного в 1810 году. Он говорил на итальянском, испанском, но слабо на французском. Постоянно трясся всем телом. Ему было 67 лет, но беспокойная жизнь, проведенная им в Мексике и в Соединенных Штатах в течение более 40 лет, состарила его раньше времени. В июле 1815 года, после второго отречения Наполеона, мадам Мер послала его в Лондон с указанием ждать там низложенного императора и действовать в качестве его священника во время его пребывания в Англии. Отплытие «Нортумберлэнда» на остров Святой Елены заставило его вернуться в Рим, где принцесса Боргезе радушно приняла его в своей часовне.

Что касается Анжело Виньяли, то ему было 30 лет. Невысокого роста, коренастый, загорелый и немного диковатый на вид, он был неглуп, учился в духовной семинарии Сен-Сюльпис в Париже и по-любительски занимался медициной. Император знал его по временам Эльбы, куда он приехал в 1814 году.

Оба священника носили духовное одеяние только в Лонгвуде, так как британский закон запрещал носить его на территории Его Британского Величества.

310

Франсуа Антоммарки родился на Корсике в 1789 году. О нем было написано немало книг, предоставлявших противоречивые версии, в одной из них даже было высказано предположение, что, возможно, он и не был врачом.

311

Жак Курсе служил мадам Мер до отъезда на остров Святой Елены. На острове он отличался беззаветной преданностью своей работе, был очень скромным человеком, никогда не принимая участия в каких-либо интригах. Он присутствовал при последних минутах жизни императора и во время его аутопсии. В 1821 году, вернувшись во Францию, он затем уехал в Рим. В 1840 году Курсе выехал на остров Святой Елены со своими товарищами, чтобы вернуть прах императора во Францию. Возвратившись в Париж, он скончался там в мае 1856 года.

С острова Святой Елены Курсе привез несколько памятных сувениров, в том числе икону Христа, которую ставили по воскресеньям в столовой комнате Лонгвуда, когда там служили мессу, локон императорских волос, сбритую в последний раз бороду императора и кусочек сухожилия императора, который Антоммарки незаметно украл у англичан после аутопсии.

312

Наполеон расстался со своим поваром Лепажем в мае 1818 года: Лепаж вернулся в Англию. Его заменили Пьерреном, а затем Ларошем — предложенным послом Амхерстом, — но Ларош отправился обратно в Англию, и Пьеррон возобновил свои обязанности на кухне. В сентябре 1819 года прибыл Жак Шанделье. Он работал у принцессы Полины, и когда он приехал в Англию, навестил Лароша, который рассказал ему о плачевном состоянии кухни в Лонгвуде. Шанделье привез с собой полный набор кухонных принадлежностей, мороженицу, олово для лужения сковородок и детали для немецкой печи. На острове Святой Елены он был отличным поваром; недовольный тощей домашней птицей, он стал разводить кур и индюшек. Он обычно подавал на стол рыбу, которая напоминала морского окуня, маленькие пирожные, на десерт бананы, маринованные в роме, и готовил по просьбе императора солдатский суп. К сожалению, он не смог найти применения для мороженицы.

313

Маркиз Дуглас был одним из тех иностранцев с тонким вкусом, кто посещал виллу Боргезе в Риме. Герцог Блака, посол короля Франции, не спускал глаз с этого красивого дома; тем не менее он не мог помешать знаменитому английскому лорду ежедневно наносить визит принцессе Полине. Она позволяла состоятельному лорду присутствовать на ее церемонии одевания, когда он вручал шпильки ее горничной. «Вечером, когда он выступал в роли моей скамеечки для ног, — писала красивая Полина, — мне доставляло особую радость думать, что один из знатнейших лордов Великобритании находится под моей ногой».

314

«Краткое изложение Наполеоном войн Цезаря, написанное г-ном Маршаном на острове Святой Елены под диктовку императора» (Париж, 1836). «Характер моей службы, — пишет Маршан в предисловии, — требовал, чтобы я постоянно находился с императором, который вызывал меня, чтобы я или читал ему, или писал под его диктовку. И таким образом комментарии о кампаниях Цезаря были продиктованы полностью в период долгих часов его бессонницы, во время которой он говорил, что работа приносит облегчение его страданиям и бросает цветы на пути, ведущем к могиле».

315

Буден де Тромелен, офицер из провинции Бретань, который отправился в изгнание, в 1796 году был схвачен вместе с Сиднеем Смитом и под чужим именем заключен в тюрьму Тампль, затем был освобожден. Он последовал за коммодором Смитом в страны Востока, который, после изобретательного побега из тюрьмы, командовал кораблем «Тигр», стоявшим перед Александрией. Именно Тромелен в июле передал Бонапарту газеты, из которых он узнал о положении дел во Франции. В своих мемуарах Тромелен излагает историю того, как главнокомандующий французской армии на Востоке избежал курсировавших англотурецких кораблей.

316

В императорском кабинете в Лонгвуде находился небольшой портрет Римского короля работы Исабея. Ребенок был нарисован одетым в мундир национальной гвардии, преклонившим колени и скрестившим руки; надпись гласила: «Я молю Бога об отце и о Франции». У этой картины была копия, также гравированная Бульоном, но на ней ребенок был одет в обычную одежду.

317

Джемиль Эль-Азар, великая мечеть Каира. В начале своего пребывания в Каире Бонапарт уделял много внимания шейхам и муфтиям, особенно из великой мечети, которую он называл Сорбонной Эль-Азар. Он даже просил их перевести Коран на французский язык. Однако 21 октября 1798 года вспыхнул мятеж; менее чем через 20 минут батареи из цитадели разгромили баррикады, возведенные вокруг мечети, которая была немедленно оккупирована. Шейхи были приговорены к смертной казни.

Инч’Аллах!.. (Божьей милостью.)

319

Пребывание Бонапарта на Корсике по возвращении его из экспедиции в Египет было особенно богато событиями. Его высадка на берег встретила возражение в силу медицинских соображений. Карантин был снят только благодаря вмешательству Жана Бароери, личного друга Бонапарта, прибывшего на борт «Мюирона», чтобы там встретить генерала. Наполеон остановился в доме своего отца, который был восстановлен годом раньше его матерью и Жозефом. Бонапарт устроился в альковной спальной комнате на третьем этаже. Генерал открыл двери городских тюрем, разогнал центральную администрацию и принимал у себя многих друзей, особенно Мадлен и Жана Жерома Леви, которые в 1793 году предложили семье Бонапарта дружеское убежище от преследования паолистов.

320

В июне 1818 года леди Джернингэм прислала из Лондона графине Бертран горничную Мери Холл. Эта привлекательная блондинка вызвала настоящий фурор в Лонгвуде: счастливым победителем оказался Сен-Дени, который женился на ней в октябре 1819 года.

321

Г-жа Амедей Тейер, урожденная Гортензия Бертран, дочь генерала и Фанни Диллон, его супруги. В 1828 году Гортензия вышла замуж за Амедея Тейера, родившегося в Орлеане от американского отца и английской матери. Известный адвокат и музыкант, г-н Тейер был протестантом; католическая невеста обратила адвоката в католика незадолго до его кончины. Г-жа Тейер собрала несколько мемуаров об острове Святой Елены. Г-же Тейер было одиннадцать лет, когда скончался император, она до сих пор хорошо его помнит.

322

Корвисар (1755–1831) был главным врачом императора и обеих императриц. Ларрей (1766–1842) был главным хирургом императорской гвардии. Деженетт (1762–1837) был главным врачом французской армии в Египте в возрасте 36 лет. Барон Перси (1754–1825) считался творцом военной хирургии и был создателем и организатором мобильной скорой помощи.

323

Генерал Ральф Аберкромби (1734–1801) был шотландцем, добившимся мировой славы. В 1801 году он был направлен в Египет, чтобы отвоевать эту страну у французов; 8 марта он высадился в Абукире и был смертельно ранен 21 марта в сражении при Канопусе.

324

Речь, вероятно, идет о Жане Франсуа Ройере, главном фармацевте армии Востока в 1789 году и во время экспедиции французских войск в Сирию.

За профессиональную непригодность и за нарушение дисциплины он был уволен из рядов армии в конце Египетской кампании и остался в Египте, где был убит в 1804 году. Здесь император ссылается на обвинения, выдвинутые против него в связи с жертвами чумы в Яффе.

325

Д-ра Томас Шортт, Чарльз Митчелл, Метью Ливингстоун и Фрэнсис Бертон были приглашены д-ми Антоммарки и Арноттом на консультацию в четверг 3 мая 1821 года. Никто из этих четырех докторов не видел императора, совещание проводилось в комнате французского врача. Они поставили совершенно различные и неубедительные диагнозы. Только Ливингстоун присутствовал при процедуре аутопсии.

Примечание Маршана: «Г-н де Ботерн в своей книге, озаглавленной «Беседы Наполеона на религиозные темы на острове Святой Елены», пишет, что 20 апреля, после мессы, император исповедался и получил причастие и что это событие, рассказанное г-ном Норвином, было подтверждено мною.

Ничего подобного я не говорил г-ну де Ботерну, поскольку, как мне известно, такого события не происходило. Император мог пригласить к себе отца Виньяли в этот день, хотя он редко приглашал его, но если бы его привели к императору ради этого религиозного акта, то я бы не забыл об этом; ничто до настоящего дня не говорит мне о том, что император был намерен выполнить этот религиозный долг, о котором говорит г-н де Ботерн. Ему я также не сообщал о том, как он утверждает, что однажды генерал Бертран, покидая императора, пожимал плечами, шепча слово «капуцин».

Г-н де Ботерн пытается опорочить благородный характер графа Бертрана, представляя его человеком, омрачавшим последние минуты жизни императора, когда, наоборот, этот честный офицер оставался таким же, как и в течение всей своей жизни: полным привязанности, уважения и преданности императору.

Автор книги приписывает императору мысли, не принадлежавшие ему, и манеру говорить, которая не была ему свойственной; он изображает его христианином по своему вкусу, а не таким, каким мы знали его в Париже, на Эльбе и на острове Святой Елены.

Г-н де Ботерн был или введен в заблуждение, или неверно сообщает то, что было сказано ему. Это он сделал, рассказывая о событиях, имеющих отношение ко мне».

327

Примечание Маршана: «Когда я вернулся в Европу, то многие люди, обращаясь ко мне, использовали титул графа, другие — титул барона. Семья императора в письмах ко мне использовала титул графа, которого я был удостоен в соответствии с завещанием императора, заканчивавшимся следующими словами: «Я назначаю графов де Монтолона, Бертрана и Маршана моими душеприказчиками». В 1840 году, когда я собирался покинуть остров Святой Елены, мы должны были подписать сертификат, удостоверявший передачу нам тела императора от губернатора острова. Гофмаршал отвел меня в сторону и сказал: «Маршан, ты можешь принять титул, которого император удостоил тебя в своем завещании». Я тогда сообщил графу Бертрану слова императора, когда он вручал мне ожерелье королевы Гортензии. Но когда я вернулся в Европу, я не поднимал этого вопроса, принимая во внимание точку зрения правительства, которое могло бы отказаться утвердить этот титул своим законом. В некоторых случаях я пользовался титулом душеприказчика императора, и я предложил использовать этот титул при подписании сертификата. «Этот титул, — ответил граф Бертран, — конечно, стоит многих других; делай так, как считаешь нужным». Подписывая сертификат, я использовал титул душеприказчика императора».

Примечание Маршана: «Г-н де Ботерн использовал содержание разговора между императором и отцом Виньяли для того, чтобы на его основе состряпать настоящую небылицу. Описывая мне этот разговор со слов кого-то еще, г-н де Ботерн рассказал мне, что граф Бертран возражал против того, чтобы воздвигать алтарь для обедни, и что в дни, последовавшие после разговора с отцом Виньяли, этот разговор привел к отчуждению в отношениях между графом и императором, вызванному разницей в религиозных взглядах.

Я сказал ему, что ничего не знаю о споре между императором и графом Бертраном. Во время болезни императора граф Бертран регулярно приходил к императору и был у него с 4 до 6 часов вечера, и я не могу привести свидетельства бурной сцены, о которой он мне рассказал. Во всяком случае, через несколько дней, когда воздвигался алтарь, граф Бертран спросил меня, для какой цели это делается. Я сказал ему, что не знаю; он тогда сказал мне, что собирается встретиться с графом де Монтолоном, и алтарь был воздвигнут только после кончины императора.

Я заявил г-ну Бертрану, что, если бы император собирался слушать обедню начиная с 21 апреля, как об этом мне сказал г-н де Ботерн, то я бы знал об этом, так же как и Сен-Дени, и что император был не тем человеком, чтобы уступить гофмаршалу в этом вопросе, как и в любом другом. Император не говорил мне об этом; когда мы сооружали алтарь, то это не входило в его намерения. Что является определенным, так это то, что алтарь, который мы начали сооружать, так и не был закончен и что я не заметил ни малейшего признака отчуждения между императором и графом Бертраном. Никто из них не говорил мне об этом инциденте, и мне самому не приходило в голову спрашивать о незаконченном строительстве, так как это дело казалось слишком незначительным. Г-н де Ботерн не придал значения тому, о чем я рассказал ему, и предпочел говорить за императора в описании сцены, которой никогда не было.

Примечание Маршана: «Это не единственная ошибка в мемуарах графа де Монтолона:

1. Граф де Монтолон ошибочно утверждает, что после продажи императорского столового серебра он был вынужден есть из глиняной посуды. Достаточно взглянуть на описи имущества императора № B и № C, чтобы убедиться в том, что в Лонгвуде оставалось столовое серебро, так же и как севрский фарфор.

2. Никто никогда не видел г-на де Лас-Каза в восточном костюме, который, как утверждает граф де Монтолон, заслужил немалое одобрение со стороны императора. Если бы такой костюм действительно существовал, то он, конечно, привлек бы всеобщее внимание.

3. Память графа де Монтолона также подводит его, когда он утверждает, что я находился в постели все время, когда болел император. Достаточно прочитать примечания Сен-Дени в конце книги, чтобы узнать, что мы вместе ухаживали за больным императором.

4. Сцена, в которой описывается, как император упал с постели и катался по ковру, является полетом воображения, так же как и то, что в этом случае на помощь императору пришел Аршамбо, о чем никогда не было известно ни Сен-Дени, ни мне.

Никто, кроме нас, не ухаживал за больным императором. Аршамбо, как и все слуги, пришел утром 5 мая, чтобы присутствовать при кончине императора. Все они, несомненно, хотели бы ухаживать за императором в эти его последние минуты, но в этом не было никакой необходимости. Император не говорил и не мог говорить: «Я доверяю этому». Степень доверия, которое император испытывал к каждому из своих слуг, демонстрируется в его завещании.

За несколько недель до своей кончины граф де Монтолон говорил со мной о новом издании своей книги, которое он планировал, и попросил меня исправить ошибки, которые закрались в первое издание. Я намеревался выполнить его просьбу, но так неожиданно сразившая его смерть помешала сделать это».

330

Эта игральная карта по-прежнему находится в распоряжении Г-на Тэне в Париже.

331

Примечание Маршана: «Этот религиозный акт, совершенный без свидетелей, был единственным, о котором мне известно. Обслуживающий персонал императора узнал о нем от отца Виньяли».

Примечание Маршана: «Это были г-да Пьеррон, Курсо, Аршамбо, Шанделье, г-жи Сен-Дени и Новерраз, Тьерри, слуга гофмаршала, г-да Сен-Дени и Новерраз».

333

В «Архивах Лоу» губернатор утверждает, что д-р Арнотт дежурил около тела в течение ночи на 5 мая.

Примечание Маршана: «В последующие дни дежурство около тела императора по очереди несли ночью и днем Сен-Дени, Новерраз, Пьеррон, Аршамбо и Шанделье».

335

Контр-адмирал Роберт Ламберт (1772–1836) командовал военно-морской базой на острове Святой Елены с июля 1820 года по сентябрь 1821 года. Он обращался к императору с просьбой о встрече, но не был принят. Он оставил после себя несколько интересных, но неопубликованных писем об острове Святой Елены.

Бригадный генерал Джон Пайн Коффин командовал войсками на острове Святой Елены с августа 1820 года.

5 футов $6^{3}/_{8}$ дюйма в измерениях США Наполеон не был низкого роста по стандартам своего времени, но казался таким, когда стоял среди маршалов и офицеров императорской гвардии, все — очень высокого роста (Мюрат, Мортье, Лани, Ней и другие).

337

Примечание Маршана: «Таковы были данные, полученные д-ром Антоммарки, но я при этом не видел, чтобы он использовал систему измерения черепа, о которой он упоминает на стр. 139 второго тома своих «Мемуаров».

338

Примечание Маршана: «Один из таких фрагментов простыни сейчас находится в моей гробнице».

339

Маршан противоречит самому себе. Так было три или четыре гроба? Протоколы эксгумации подтверждают версию четырех гробов.

Примечание Маршана: «Опись содержимого в ящиках.

В этот день, 8 мая 1821 года, в Лонгвуде, на острове Святой Елены, мы, нижеподписавшиеся, душеприказчики императора Наполеона, составили опись содержимого в ящиках и определили, что именно в них содержалось:

1. На хранении у графа де Монтолона в соответствии с собственноручной записью императора:

В золоте, по обменному курсу острова Святой Елены

1072 четвертных по курсу 96 — 102 720

8818 наполеонов по курсу 21,6 — 190 472

Монеты из Китая и Индии — 6930

В кошельке, различные монеты — 632

В британских банкнотах — 576

Всего — 301 833

2. На хранении у г-на Маршана в соответствии с зарегистрированной отчетностью и также с обменным курсом острова Святой Елены сумма в размере 22 086 шиллингов или в франках: — 26 503

Всего в наличии — 327 833

Исполнено и подписано в указанный выше день.

Граф де Монтолон, граф Бертран, Маршан».

В тот же самый день были составлены соответствующие протоколы: протоколы выдачи вознаграждений составлены в соответствии со вторыми дополнительными распоряжениями к завещанию.

341

«В этот день, 8 мая 1821 года, в Лонгвуде, на острове Святой Елены, мы, нижеподписавшиеся, душеприказчики императора Наполеона, в исполнение условий, содержавшихся во вторых дополнительных распоряжениях к завещанию Его Величества, составленному 16 апреля 1821 года, составили настоящий список выдачи вознаграждений из средств, обнаруженных в резервном фонде Его Величества в размере суммы 301 330 в соответствии с обменным курсом острова Святой Елены, и произвели следующие выплаты:

1. Резервный фонд жалованья, подлежащего выплате с прошлого 1 апреля, во франках. — 47 285

а именно: д-ру Антоммарки (выплата за 1-й квартал) — 1500
Г-дам Маршану — 25 232
Сен-Дени — 7800
Новерразу — 9053
Пьеррону — 3400
Курсо — 150
Шанделье — 150
Итого — 45 785
Всего выплачено — 47 285

2. Премиальные, при условии удержания 3 %, оговоренных в завещании или в дополнительных распоряжениях к завещанию Его Величества, о котором он дал устные указания: 235 000

Суммы, указанные во вторых дополнительных распоряжениях к завещанию (Суммы, выплаченные за вычетом 3%)

Граф Бертран — 50 000 (48 500)
Граф де Монтолон — 50 000 (48 500)
Г-да Маршан — 50 000 (48 500)
Сен-Дени — 18 000 (14 550)
Новерраз — 15 000 (14 550)
Пьерон — 15 000 (14 550)
Виньяли — 15 000 (14 550)
Аршамбо — 10 000 (9700)
Курсо — 10 000 (9700)
Шанделье — 5000 (4850)
Удержано 3 %, врученные казначею — 7050
Всего выплачено — 235 000

3. Премиальные д-ру Арнотту, британскому врачу, вызванному для лечения Его Величества — 13 960

Премиальные д-ру Антоммарки — 6000

Итого — 19 960

Премиальные персоналу китайских слуг — 85

Всего выплачено — 301 330

Нижеподписавшиеся, во исполнение условий вышеупомянутых дополнительных распоряжений к завещанию, передали г-ну Маршану, который настоящим подтверждает получение бриллиантового ожерелья, указанного в описи от 8 мая. Исполнено и подписано в указанный выше день. Граф де Монтолон, граф Бертран, Маршан».

342

Примечание редактора: «В своей арифметике Маршан ошибается».

343

Бывший полковник конных стрелков императорской гвардии, один из самых великих кавалеристов Империи. В качестве награды за его мужество и преданность император женил его на одной из своих племянниц.

344

Генерал императорской гвардии, он присоединился к императору после Эльбы, служил помощником императора и после Ватерлоо предложил назначить без голосования императором Наполеона II. Он был приговорен к смертной казни и расстрелян в Лионе в 1816 году.

Он командовал авангардом «священного батальона» во время бельгийской кампании 1815 года. Смертельно раненный при Линьи в июне 1815 года, он был титулован императором герцогом Линьи, но десять дней спустя скончался.

Он командовал бригадой в дивизии Барруа при Ватерлоо. Уехав в ссылку во время второй Реставрации, он затем вернулся в Париж, участвовал в заговоре против короля, был арестован, приговорен к смертной казни и расстрелян в Лилле в мае 1816 года.

347

Выйдя в отставку во время Реставрации, участвовал в заговоре против короля и был приговорен к смертной казни в январе 1816 года. Смертная казнь была заменена 20 годами заключения в форте Ам, где он сошел с ума. В конце концов он был помилован. Он скончался в 1836 году в возрасте 70 лет.

348

Генерал Лаллеман, старший из двух братьев (оба были генералами в императорской гвардии), сопровождал императора на борту «Беллерофонта», но ему было отказано сопровождать императора на остров Святой Елены. Приговоренный к смертной казни во время Реставрации, он содержался в тюрьме на Мальте, затем уехал в Америку, где основал французскую колонию в Техасе в 1817 году. Пережив тяжелые времена, он был восстановлен в правах в 1830 году и умер в Париже в 1839 году.

349

Знатная корсиканская семья.

350

Генерал Клозель командовал армией на Пиренеях, которая выступила против герцогини Ангулемской в период «Ста Дней». После Ватерлоо он нашел пристанище в Америке, был заочно приговорен к смертной казни, но в 1820 году амнистирован. Он вернулся на военную службу в 1830 году, командовал армией в Африке, заменив Бурмона, и стал маршалом в 1831 году. Он умер в 1842 году.

351

Антуан Арно написал в возрасте 25 лет популярную трагедию «Мариус в Ментюрне».

Автор «Мемуаров».

353

Барон Биньон, министр иностранных дел в период «Ста Дней», написал «Историю Франции с 18 Брюмера по 1812 год», над которой он работал до своей смерти в 1841 году.

354

Корсиканец, ставший шефом разведывательных операций Наполеона.

355

История д-ра Эмери — один из эпизодов периода «Ста Дней», который остается покрытый мраком. Будучи военным хирургом, Эмери участвовал во всех кампаниях Империи. Вступив в состав второго пешего стрелкового полка императорской гвардии в 1811 году, он был хирургом Эльбанского батальона и участвовал в сражении при Ватерлоо вместе со своим бывшим полком.

Когда он вместе с Наполеоном 1 марта 1815 года высадился в бухте Жуан, Эмери было известно еще за пять месяцев, что император двинется маршрутом через горы и пройдет Гренобль, где все будет готово для его встречи (см. книга первая, примечание 193). Уроженец Изера установил контакт между Наполеоном и Дюмуленом, когда последний приехал на Эльбу. Через посредничество генуэзских купцов Эмери получал секретную информацию, спрятанную в пучках перчаток.

После высадки на берег Франции Эмери, опережая императора, «усыпил» префекта Диня, генерального секретаря Гапа, получил лошадей в Лаффрее от генерала Мутона-Дюверне, который поплатился за этот заговор своей жизнью, и прибыл в Гренобль, где сообщил Дюмулену о высадке Наполеона в бухте Жуан.

Позднее Эмери был выслежен, арестован, заключен в тюрьму и, наконец, освобожден в 1816 году. Эмери женился на очаровательной молодой женщине по имени Полин Бланше из семьи книготорговцев в Риве.

Эмери умер в возрасте 35 лет в Гран Ламе, где он родился. На местном кладбище можно видеть его могилу, поросшую мхом.

Преданность Эмери Наполеону объясняет императорский завещательный отказ, равный отказам Ларрею и Перси, взятым вместе. Дочь хирурга получила 55 000 франков в соответствии с распределением, проведенным банкиром Лаффиттом. Во время распределения средств в 1854 году и в 1895 году завещательный отказ потерял свою силу, поскольку г-жа Эмери и ее дочь к этому времени скончались.

356

Мери-сюр-Сен, департамент Об. Во время кампании 1814 года городской мост стал местом жестокого сражения, он был разрушен и несколько раз восстанавливался. Город полностью сгорел.

Плана де ла Фай, адъютант императора, хотел последовать за ним на остров Святой Елены. Наполеону хотелось взять его с собой. Когда Лас-Каз вернулся в Европу, он сообщил Плана о желании императора иметь его рядом с собой. Этот преданный императору офицер Несколько раз писал кардиналу Фешу о готовности поехать на остров Святой Елены, но так и не получил ответа. Наконец, в июле 1820 года Феш сообщил Плана об отказе; в июле 1821-го Феш, в конце концов, согласился, но пытался отговорить Плана от поездки. О чем они думали там в Риме? Наполеон уже был мертв.

358

Граф Хогендорп, голландец, служивший во французской армии, присоединился к императору после его возвращения с Эльбы, сражался при Ватерлоо, просил разрешения последовать за императором на остров Святой Елены. Эмигрировал в Рио-де-Жанейро, где жил в крайней нищете. Он умер вскоре после Наполеона, в октябре 1822 года.

359

Генерал Жан-Батист Корбине, брат генерала Клода Корбине, убитого при Эйлау. Жан-Батист Корбине был с императором накануне сражения при Бриенне в 1814 году.

360

Генерал Каффарелли дю Фальга сопровождал императрицу в Вену в 1814 году, присоединился к императору в период «Ста Дней» и был членом палаты пэров в 1832 году. В 1840 году он был членом комиссии по возвращению праха императора; он умер в 1849 году. Его жена вела активную политическую деятельность против Наполеона, питавшего к ней страсть без взаимности, и тем не менее только она навестила его в Мальмезоне перед тем, как он отправился в Рошфор.

Узнав о кончине Наполеона, графиня Каффарелли написала: «Итак, она завершена, жизнь такого удивительного человека, который заполнил всю вселенную своим гением, своей славой и своими невзгодами. Каким же странным может быть человеческое сердце! Я более не вижу в нем деспота, которым я так часто возмущалась; я вижу в нем человека, который прославил слово «француз» по всей Европе. Я вижу в нем благодетеля, друга, который прощал мне так много нанесенных ему обид, таких обид, за которые добросердечный монарх мог наказать тюрьмой или ссылкой, при этом считая себя по-прежнему снисходительным. Я часто испытывала чувство стыда за то, что во мне видели одну из его фавориток. Сейчас это наполняет меня чувством гордости. Поэтому я заслужила право скорбеть о нем, право замалчивать его ошибки и во весь голос говорить о всем том хорошем, что он сделал».

361

Примечание Маршана: «Здесь император ошибается: гофмаршал заявил, что эти векселя были поставлены под сомнение и признаны не имевшими никакой ценности в результате происшедших политических событий, а счета г-на Пейрюса были в полном порядке только в период «Ста Дней».

362

Генерал Риго был серьезно ранен много раз; он служил в 1814-м и в 1815 годах, издал приказ об аресте герцога Беллюна (Виктора), прятал Лефебра-Денуетта. Приговоренный заочно к смертной казни в 1816 году, он уехал в Соединенные Штаты и скончался в Нью-Йорке в 1820 году.

363

Это был старый друг императора, присоединившийся к нему на острове Эльба (см. «Мемуары» Маршана, посвященные Эльбе). Он был инспектором гвардии во время «Ста Дней», принимал участие в ее демобилизации в период второй Реставрации. Вынужденный выйти в отставку в 1817 году, он вновь включился в активную деятельность в 1830 году и вновь подал в отставку в 1832 году; полученное им наследство от императора составило только 53 000 франков. Буано умер в 1842 году. Он являл собой пример честности и преданности.

364

Генерал Летор был одним из лучших кавалеристов Империи, был много раз ранен и неоднократно награждался знаками отличия. 15 июня 1815 года он был смертельно ранен около Гильи и через два дня умер.

365

В феврале 1818 года Веллингтон возвращался в свой дом в Париже, когда раздавался выстрел; пуля просвистела мимо кучера. Бонапартистская брошюра язвительно заметила: «… Глупец выстрелил слишком высоко: он думал, что целится в великого человека…» Герцога уговаривали покинуть Париж, но он отказался. Полиция вскоре арестовала Кантильона и представила его перед судом, но на следующий год он был оправдан, несмотря на серьезные основания.

366

Цифра должна читаться как 410 000 франков.

Примечание Маршана: «Я не знал, что это пожелание было записано».

368

Примечание редактора: «В арифметических подсчетах Маршана допущена ошибка».

369

Отец Наполеона, Шарль де Буонапарте, скончался в Монпелье в 1785 году. Сначала он был захоронен в этом городе в Кордельерском склепе. Потом его прах перенесли в церковный склеп в Сен-Ле Таверни в 1804 году и, наконец, в имперскую часовню в Аяччо, где была в конце концов похоронена и его супруга.